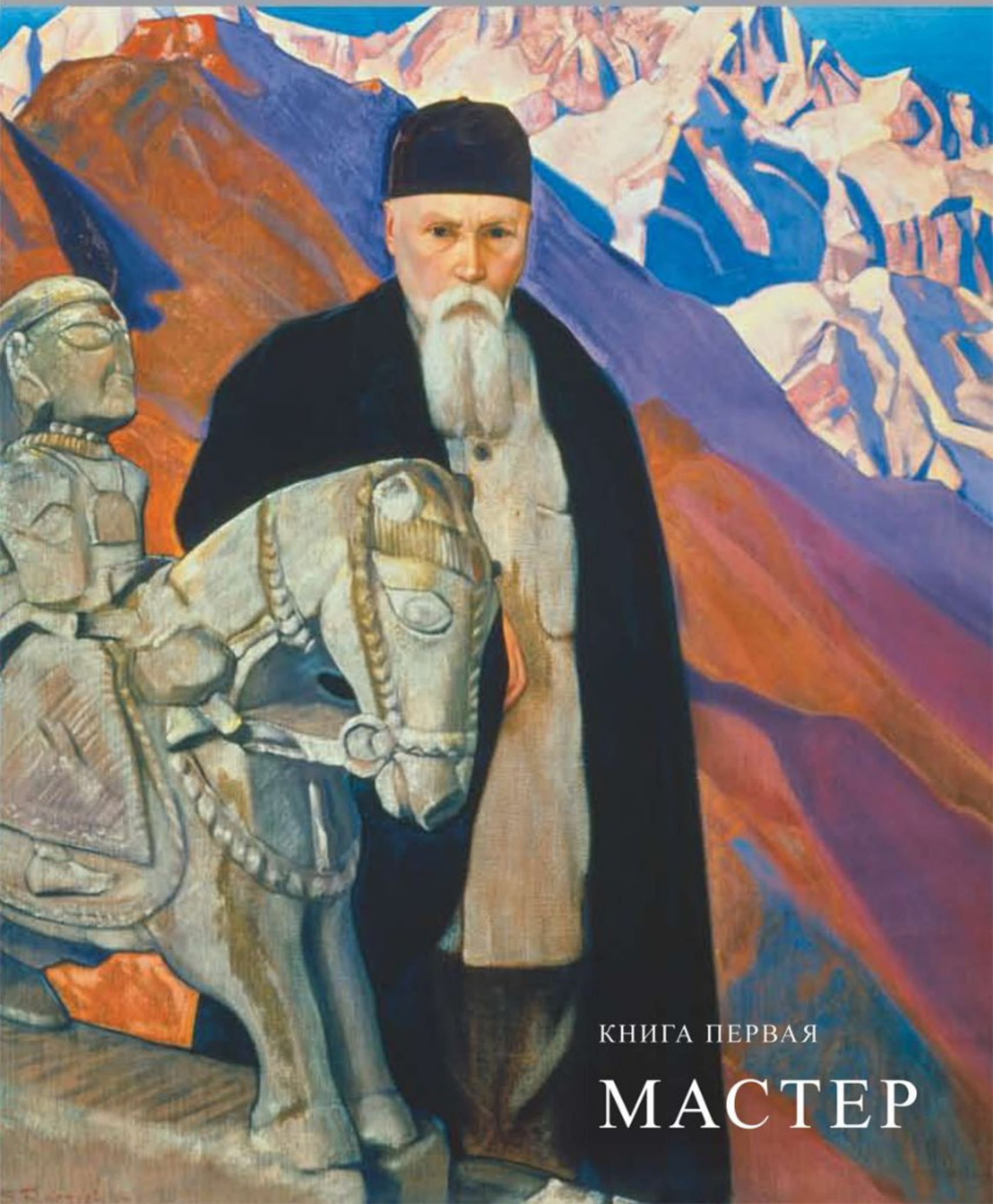

Л. В. ШАПОШНИКОВА
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

МАСТЕР

Л.В.Шапошникова
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ
МАСТЕР

Международный Центр Рерихов
Мастер-Банк
Москва, 2006

УДК 130.2
ББК 85.143(2)—8
III 24

Шапошникова Л.В.

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Книга первая. МАСТЕР. — 2-е изд., исправленное, дополненное. — М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2006. — 624 с., илл.

ISBN 5-86988-164-1

Выдающийся деятель русской и мировой культуры XX столетия Николай Константинович Рерих оставил нам огромное творческое наследие. Содержащиеся в нем гуманистические идеи находят все больший отклик в сердцах наших современников, размышляющих о месте человека в этом мире. Многогранная личность Мастера поражает нас своей мудростью и человечностью.

Книга «Мастер», открывающая трилогию «Великое путешествие», принадлежит перу Л.В.Шапошниковой, возглавляющей Музей им. Н.К.Рериха в Москве. Это увлекательный и подробный рассказ о жизни и творчестве замечательного русского художника, ученого и философа, начиная от становления его как живописца до реализации многочисленных устремлений, направленных на служение человечеству. Широкая культурно-просветительная деятельность, знаменитый Пакт Мира, Центрально-Азиатская экспедиция — эти и многие другие страницы жизненного пути удивительного человека, подарившего своим потомкам мир Красоты, откроются перед читателем.

Издание иллюстрировано репродукциями полотен художника, созданных в разные годы. Для широкого круга читателей.

УДК 130.2
ББК 85.143(2)—8

На обложке: *С.Н.Рерих*. Портрет Н.К.Рериха

ISBN 5-86988-164-1

© Л.В.Шапошникова. Текст, цветные фотографии, составление, 1998, 2006
© Международный Центр Рерихов, 1998, 2006

*Для малых путешествий полезно
изучать великие путешествия:
они помогают не бояться
усталости.*

В.Шкловский

ПРОЛОГ

Я начну этот рассказ,
как волшебную сказку.
Замечательней всего то,
что эта древняя легенда
есть история людей,
живших еще вчера,
наших соседей «по веку»,
которых видели своими глазами
наши современники.

Р.Роллан. Жизнь Рамакришны

В год Огненного зайца

— Вперед! Не останавливаться! Не останавливаться! Осторожно, не оступитесь! Вперед! Вперееед!

Под ногами верблюдов и коней проседала и хрустела тонкая ненадежная корка узкой тропы. В сумеречном, странно мерцающем свете, как призраки, возникали глыбы застывшей древней соли. И когда копыта коней гулко стучали по тропе, было ясно, что где-то рядом темный провал. Провал, наполненный мертвой соленой водой и тиной. Солнце давно уже село там, где тянулись уходящие к горизонту пески, но беспросветной темноты не наступило, а в этой призрачности стало надвигаться тяжело ощутимое молчание, которое таило в себе угрозу неведомого. Молчание великих соляных болот Цайдама. Оно давило на людей, заставляло понижать голоса, а потом и вовсе замолкнуть. Слышались только глухие удары копыт по тропе да тревожное похрапывание лошадей...

Под тонким слоем наносной почвы явственно и неодолимо ощущалась бездна древних болот, и казалось, что тропа — это ненадежный, хрупкий мостик над бездной, уходящий в бесконечную сумеречную даль, туда, где нет ни конца, ни начала и где время, как и эти болота, бездонно и призрачно. Возшел нездешний ущербный месяц, и свет его, похожий на раскаленные угли шаманского костра, то вспыхивал, то снова затухал, погружаясь в туман испарений и плывущих из-за горизонта мерцающих теней. И от этого беспокойного и пляшущего света на черной поверхности болот вспыхивали оранжевые и красные огоньки. Они множились, меняли цвет, двигались и складывались в магический узор, закономерность которого была известна только кому-то неведомому и скрытому. Что-то было неуловимо знакомое в этих све-

тящихся узорах. Они манили, тянули с тропы, туда, где из бездонных древних болот возникал этот чудовищный и непостижимый мираж ушедших в небытие времен.

Путь казался бесконечным, как и эта странная ночь с блуждающими огнями и красным нездешним месяцем. Караван шел не останавливаясь много часов, а ночь все не кончалась.

— Вперед! Не останавливаться! Не останавливаться! Вперед! Вперееед!

Под остановившимися проседала тропа, а черная бездна могла увлечь караван туда, где в холодной глубине лежал в развалинах Город Священного Быка. Легендарный город безвременья и забвения. Предраассветная тьма постепенно сгущалась. Там, где-то впереди, за этим гибельным местом лежали розовые пески, а за ними начинались горы со снежными сверкающими вершинами, самые высокие в мире горы — Гималаи.

Седобородый всадник, покачиваясь в седле, казалось, уже не ощущал ни времени, ни этого страшного заболоченного пространства. Он думал о снежных горах, чьи пики в вечной торжественности устремлены в бездонность синего неба. Он не видел их, но чувствовал их неизбежное приближение тем тайным подсознательным чутьем, которое время от времени так сильно им овладевало. «Лучшие ушли в горы и исчезли в пещере», — вспомнил он. Где же это было? На границе царства? Граница царства... Не ее ли он изобразил на той картине в далеком 1916 году? Бесконечные снежные хребты, идущие до самого горизонта. Он написал их так, как будто сам стоял на том высоком месте. Тайный и необъяснимый поток, который он часто ощущал в себе, вынес откуда-то из глубины этот образ чужих и еще незнакомых гор. И он их нарисовал так, как они возникли в этом образе-видении. Картина осталась там, в далеком северном Городе, где он родился и стал Художником. И, пробиваясь сквозь соляные болота Цайдама, он еще не знал, что через несколько дней, поднявшись на тибетское плато Чантанг, увидит хребты и пики своей «Границы царства».

Монгол-проводник в остроконечной желтой шапке осторожно поравнял с ним свою лошадь.

— Скоро будет светать, — сказал он. — Потом мы выйдем к священной границе.

Проводник как будто угадал то, о чем думал человек.

— Границу священной страны нельзя перейти, — зашептал монгол. — Каждый, кто приближается к ней, чувствует во всем теле

дрожание. Та пещера с каменной дверью недалеко от нее. Дверь ведет в священную страну, тайную страну.

Слушавший улыбнулся в темноте. Ему рассказывали такие легенды не раз. Они кочевали по всей Азии. Но почему-то здесь, на этих древних болотах, хранивших мираж Города Быка, в преддверии таинственной границы горного Царства легенда обретала какую-то убедительность.

— А ты сам был около священной границы? — спросил он проводника.

— Нет. Я еще не бывал в тех местах, — и проводник пустил лошадь вперед.

Звук копыт становился все глуше. Под ногами чувствовалась теперь надежная почва. Бездонные черные провалы у тропы почти исчезли. Последняя ночь перехода через Цайдамские болота подходила к концу. Впереди была граница Тибета. Люди и лошади устали. Позади осталось сто двадцать миль безостановочного, невероятного перехода.

За несколько дней до выхода их предупредили о новой опасности, поджидающей после Цайдамских болот. Всадник появился из пустыни, из розовых песков. На нем был невиданный в этих местах шитый золотом кафтан и мягкие сапоги с загнутыми носами. Пройдя легкой и стремительной походкой к первой попавшейся ему палатке, он уверенно откинул полог и шагнул внутрь.

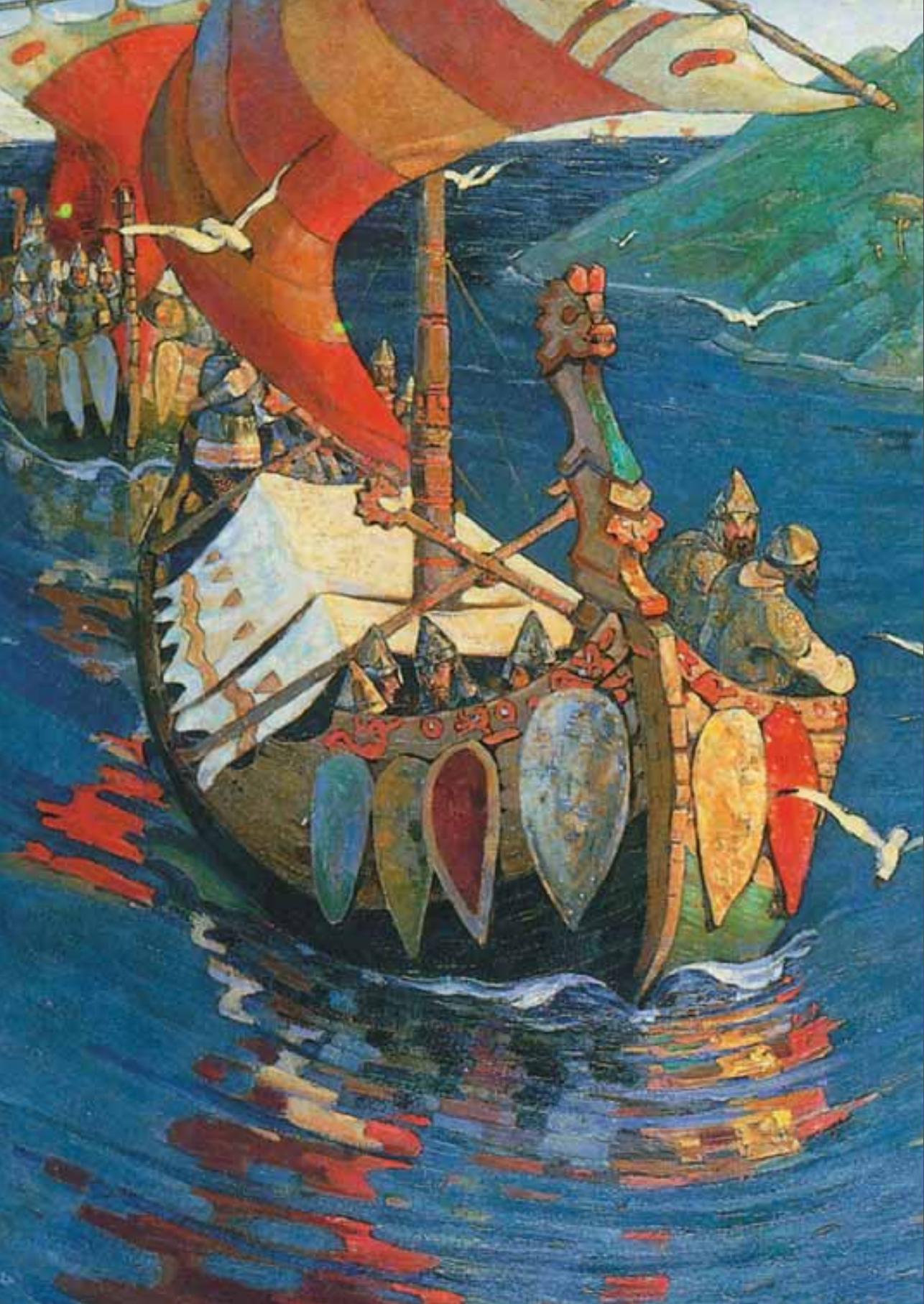
— На тибетской границе на вас нападут.

— Кто вы? — спросили его.

— Друг, — улыбнулся незнакомец. И, молча поклонившись, вышел из шатра, вскочил в седло и растворился в нагретом мареве розовых песков. Как будто не человек, а мираж. Откуда скачут эти вестники через пустыни и горы, чтобы принести доброе предупреждение? Кто их посылает?

Мало-помалу темнота стала редеть, и уже были видны силуэты всадников, растянувшихся цепочкой по тропе, и шагающие за ними верблюды. На востоке полоска неба постепенно стала наливаться алым пламенем, как будто там разгорался пожар. Предутренний туман, насыщенный кристаллами соли, стоявший над болотами, стал медленно розоветь. И его красно-розовые полосы, обретая подвижность, плыли, меняли очертания соляных скал, и казалось, что в этом странном нездешнем мире нет ничего устойчивого и постоянного. Потом розовый цвет начал затухать, появились синие тона, и сам туман уходил

туда, назад, и за ним в мираже безвременья возникали неподвижные зеркала ушедших когда-то в землю призрачных озер. А затем по всему обозримому пространству разлилось расплавленное золото, которое как-то неожиданно вспыхнуло лучами солнца. Первые лошади уже выходили на тропу, петляющую среди песков, за которыми стеной встала синяя в утреннем солнце гряда гор. Там был Тибет. У выхода из ущелья, по которому пролегал путь к заповедной границе, покачивались длинные пики и всхрапывали тревожно лошади. Караван ждала засада. Был год Огненного зайца по тибетскому календарю и 1927-й — по григорианскому...

Часть первая ВЕХИ

*В мировом концерте
все века, прошлые и настоящие,
составляют оркестр
и играют в одно и то же время.*

Р.Роллан

Н.К.Рерих в Изваре. 1890-е гг.

Глава первая

ГОРОД

И снова начертанья
Передо мной вступали в сочетанья,
Кружились, строились, чередовались,
Из их переплетений излучались
Все новые эмблемы, знаки, числа —
Вместилища неслыханного смысла.

Г.Гессе

Промерзший рассвет вползал в окно, прочерченное бумажным крестом. Робкий, почти призрачный свет не в состоянии был пробить толстый слой инея на стекле. И поэтому комната тонула в темноте. Нежилая стылость оседала в углах. На деревянном непокрытом столе стояла плошка с давно пересохшим фитилем. Рядом лежал кусочек хлеба, похожий на замазку. Тут же странно и мертвенно поблескивала в зимнем рассеянном свете пластинка столярного клея. На пластинке отпечатались следы зубов. Невероятно — ее кто-то ел. Все казалось похожим на сон. Но все было подлинным. И эта промерзшая темная комната, и хлеб, напоминавший замазку, и написанные детской слабеющей рукой слова: «Все умерли. Осталась одна Таня», и черный репродуктор на обындевевшей стене, из которого периодически доносится торопящийся, тревожный голос диктора: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» А затем вой сирены, возникающий из того времени. Страшный звук, который был больше похож на безысходный, на одной ноте, плач. Он странно и необратимо смещал слои времени и плакал по

Санкт-Петербург. Исаакиевский собор

тем, кто уже давно погиб или умер, но в этот момент еще доживал свои последние мгновения и в этой комнате, и за ее стенами. И казалось, что плакала не сирена, вырывающаяся из черной тарелки репродуктора, а плакало само Время. Все умерли. Осталась одна Таня.

Время принадлежало самой тяжелой и трагической странице истории Города — Блокаде. В Городе было много музеев. Но этот, с темной промерзшей комнатой, с недоеденным столярным клеем и плачем сирены — самый невероятный и самый важный Музей из когда-либо созданных. Его страшный и высокий смысл выходил далеко за рамки своего века и своей эпохи.

В ту апокалиптическую зиму 1941—1942 годов Город умирал. Умирили его дворцы и ажурные мосты над Рекой, умирали колонны и портики, умирали кариатиды и всадники на бронзовых конях, умирали его Крепость и даже его Река, скованная толстым панцирем льда. Смерть, овладевшая Городом, делала их призрачными и нереальными. Они принимали эту смерть и эту гибель безропотно, будучи не в состоянии больше сопротивляться разрушительной силе раскаленного железа, которое тоннами обрушивалось на Город.

Когда же рев и грохот железа прекращались, на короткое время наступала нездешняя тишина и был слышен шелест снегов, под которыми лежал Город. На занесенных улицах стояли мертвые, примерзшие к рельсам трамваи, заиндевелвшие уличные часы под мягкими шапками снега показывали Время небытия. Порванные провода обессиленно свисали со столбов, и ветер раскачивал умершие фонари. В Городе не было ни света, ни тепла, ни еды, а был только снег, бесконечный мороз, мертвые здания, тьма. И Люди. Они были привязаны к Городу, к его камням, колоннам, к его Всаднику, к его музеям, к его Реке.

Враги, которые окружили Город, считали, что он умрет от голода очень скоро. Они установили срок — три месяца. Срок был научно выверен. Пытаясь сократить и его, они регулярно обстреливали и бомбили Город. Но пошел четвертый месяц, затем пятый. Силы осажденных, казалось, были на исходе. 125 граммов хлеба, похожего на замазку, съеденные кошки и собаки, сваренные кожаные ремни и обьеденные обои, наконец, столярный клей. Та самая недоеденная пластинка — чудовищный музейный экспонат...

Люди в Городе уже не походили на людей. Среди мертвой снежной тишины они возникали и пропадали, как тени. Эти тени ползли, тяжело переставляя опухшие ноги, опираясь на стены промерзших умерших домов. Многие не доходили. Одни опускались в снег, чтобы больше никогда не подняться. Другие умирали дома, и тогда оставшиеся в живых из последних сил везли их окоченевшие тела туда, где можно было их зарыть. Немецкие физиологи были правы. Когда нет питания или оно недостаточно, человек умирает.

Но это в том случае, если бы Человек полностью соответствовал представлениям немецких физиологов о нем. Они не учитывали нали-

Ж.М.Натье. Царь Петр I. 1717

чия в Человеке того, что называлось Духом и не поддавалось ни обсчету, ни обмеру, но являлось тем единственным, что могло противостоять смерти и разрушению. Дух похож на пламя, которое продолжает гореть, когда в светильнике уже истощилось масло. Победа Города над Блокадой, самая трагическая в Войне, является и самой значительной в ней. Это была победа безоружного человеческого Духа над вооруженным врагом. В губительной тьме блокадных ночей, в нечеловеческих страданиях голода, под разрывами снарядов замерзающие и умирающие Люди доказали, что нет на планете ничего сильнее Духа и Культуры. В голодном полусне-полузабытьи Город почти бессознательно грезил о будущей Культурной Планете без оружия.

...Город появился на болотистой равнине, в устье Реки, впадающей в Залив. Залив соединялся с Морем и сулил Городу и стране выход в это Море. Город рос, как вызов этой равнине, как мираж, питаемый болотистыми испарениями. Самодержавная воля русского царя Петра принудила сотни тысяч крепостных вступить в смертельную борьбу с болотами, неподдающейся почвой и Временем. Пробитое силой оружия «окно в Европу» нуждалось в Городе.

По утрам над болотами и Рекой плыли туманы, и продрогшие люди грелись у костров. Они пели печальные протяжные песни, когда укладывали камни или гнали барки по широкой Реке. Туманы душили их, и людям снились странные сны. Царю они тоже снились. Он видел в них свой Город, прекраснее которого не было на свете. И царь не жалел на него ни денег, ни людей, ни трудов. Город, который медленно вырастал из болотных туманов, не был похож ни на один из городов России. Царь-мечтатель собрал в нем все, что когда-либо поразило его воображение.

Царь был подвижен, стремителен и не любил сидеть на месте. Он много путешествовал и много видел. В его памяти навсегда запечатлелись колонны заморских дворцов, богатая их скульптура, лепные украшения, узорчатый блистающий паркет... В России ничего подобного не было. Царские палаты Кремля с узкими переходами и потайными лестницами, с маленькими окнами, скупно пропускающими свет, были тесны и темны. Он не любил боярские терема с цветным каменным орнаментом по фасаду, витиеватые купола церквей, деревянные дома посадов. В них жила своя неповторимая сказка, но царь не замечал ее.

Им завладели заморские дивные дворцы, и он пожелал создать в своем Городе новую, невиданную сказку. И поэтому на берегах Реки возникал Город, самый странный из всех городов мира. Город-сказка, Город-музей. Греческие колонны, итальянские портики, голландские окна, витиеватость французского барокко, готические шпили. Чужая культура, чужое искусство вошли через «окно» в Россию. Казалось, у Города не было своего лица. В его зданиях, мостах, дворцах, скульптуре смешались заморские стили и эпохи, которых никогда не знала Россия.

Картины на стенах дворянских особняков повествовали о событиях, никогда не случавшихся в ней. На постаментах стояли мраморные бюсты тех, кто никогда не видел этой земли. Но царские мечты и сказочные сны, несмотря на всю их фантастичность и наивность, несли в себе то, что позже назовут пронизательностью и исторической необходимостью. Суть того и другого сводилась к приобщению России к мировой культуре, к мировой науке и мысли. Город стал посредником в этом приобщении. В его недрах, в токах его Времени, среди сооружений, похожих на экспонаты музея, происходил удивительный, скрытый для глаза процесс.

Город начал осваивать чужую культуру, перерабатывать ее. Таинственный процесс, происходивший в его недрах, был связан с землей, которой теперь Город принадлежал и чьим духом был сотворен. У этой земли были свои сны и сказки. Ее древняя культура была пропитана терпким ароматом Востока. И этот Восток порой широкоскуло и раскосо глядел со славянских лиц, отражался в продолговатых глазах святых на иконах, чертил неповторимый абрис церковных

Граф Сен-Жермен. Гравюра. XVIII в.

куполов. Волею своей исторической судьбы Город стал грандиозным котлом, в котором, сойдясь вместе, закипели в крепком славянском настое культуры Востока и Запада.

Кипение это было бурным и продолжительным. Суть его сводилась к Синтезу, явлению крайне плодотворному, порождавшему мощный творческой поток. Поток этот, зародившийся в Городе, постепенно напитает всю страну. И Город станет на долгие годы сердцем России, таким же удивительным и своеобразным, как и сама страна, создавшая его. В Городе сложатся блестящие и противоречивые страницы ее истории с теми тайными и не всегда объяснимыми закономерностями, которыми будут управлять Время и Предназначение. Он станет свидетелем неожиданных событий, удивительных историй и тайн, которые так и не раскроются до конца.

Странные и необычные люди появлялись в Городе. Каковы были их цели и чего они хотели — никто толком никогда не знал. Город был широко распахнут в большой мир, откуда на кораблях плыли различные иноземные гости. Их охотно принимали в царском дворце, их щедро и обильно потчевали в княжеских и графских особняках. Но человек, прибывший в Город в 1762 году, не был похож на остальных заезжих гостей. Среднего роста, прекрасно сложенный, в расшитом золотом камзоле, он был учтив, галантен и знал, как вести себя на придворных балах. И только глаза, которые пронизательно и всезнающе заглядывали в душу собеседника, выдавали в нем человека незаурядного.

Граф Сен-Жермен, так звали приехавшего, удивлял своих собеседников еще и тем, что в числе многих языков, которые он знал, был и русский. Иностранцы обычно не утруждали себя изучением этого языка. Граф говорил по-русски свободно, хотя и с легким акцентом. Определить, что это за акцент, так никому и не удалось. Также никто не мог понять, откуда он приехал, знатен ли его род, богат он или нет. Незнание порождало слухи. Говорили, что Сен-Жермен владеет философским камнем, с помощью которого легко может превратить любой металл в золото. В светских салонах шептали о каком-то эликсире жизни, изобретенном графом. Молва о нем росла, но никто не мог сказать, зачем граф приехал в Город и что он собирается здесь делать. Многие, досадуя на свою неосведомленность, пытались доказать, что он либо шарлатан, либо шпион. Странное сочетание двух разных понятий, возникающее именно тогда, когда ограниченное мышление обывателя натывается на непреодолимую преграду. То же самое будет сказано много лет спустя, но о другом человеке, который родится в Городе.

Граф свободно ориентировался в европейской политике, прекрасно знал историю, а также такие подробности из жизни известных личностей, живших в далеком прошлом, которые обычно бывают известны лишь очевидцам. Графа подозревали в связях с тайной масонской ложей, с обществом розенкрейцеров. Но подтвердить эти подозрения никто не мог. Не отказывая никому в общении, Сен-Жермен тем не

*Д.Г.Левицкий. Екатерина II — законодательница
в храме богини Правосудия. 1783*

Слева: Зимняя канавка

Ростральная колонна

менее отдавал предпочтение лишь нескольким людям. Среди них был Григорий Орлов, гвардейский офицер, приближенный Екатерины, жены царствующего Петра III. Известный необузданностью своего характера и высокомерием гвардеец на удивление почтительно обращался с графом.

Петр III совсем не походил на своего великого предка, основавшего Город. Невежественный и недалекий, он поклонялся прусскому императору Фридриху II. Город же не принимал Пруссию. Он не принимал бессмысленную прусскую муштру, прусские безжалостные порядки, прусскую расчетливость. Прусские военные марши визгом флейты и грохотом барабанов резали слух жителей Города.

Много позже Композитор Города воспроизведет эти металлические звуки в своей знаменитой Симфонии. Ее исполнят истощенные

от голода музыканты в замороженном концертном зале. Симфония сможет точно и мужественно выразить всю глубину трагедии страшных дней и ночей Блокады. Но тогда, в Городе пышных увеселений, дворцовых приемов, напудренных париков, расшитых камзолов и изящных карет, об этом еще не знали.

Можно предположить, что граф принял участие в заговоре, возведшем на престол Екатерину II. С нею начался один из блестящих и противоречивейших периодов истории Города и царской России. Сен-Жермен покинул Город так же незаметно, как и появился. Ведь учтивый граф в напудренном парике и расшитом камзоле имел дела не только в России... В те годы о нем говорила вся Европа. Так же как и в России, он был подозреваем там в шпионаже, в причастности к местным крамольным обществам. Графу не раз приходилось бежать переодетым в чужое платье, менять паспорта, скрываться от погони и тюрьмы.

Раз уж судьба графа Сен-Жермена пересеклась с судьбой Города, то стоит сказать о графе несколько больше, чем позволяют границы этой главы. Сведения о его жизни были самыми противоречивыми, неожиданными и подчас удивительными. Один из блестящих и образованнейших людей Европы XVIII века, галантный и красивый, полный жизни и энергии, принятый при многих королевских дворах, граф вел... замкнутый и уединенный образ жизни. Он не участвовал в попойках и не прикасался к вину.

На высоких приемах, где столы ломились от многочисленных яств, он был крайне умерен и отодвигал от себя самые деликатесные мясные блюда. Иногда месяцами не покидал своего жилища. Женщин в него не приводил. Взаимоотношения с ними ограничивались учтивой беседой, шуткой или маленьким подарком. Ни одна из самых прекрасных и знатных женщин Европы так и не смогла украсить свой интимный дневник пикантным рассказом о волнующих похождениях с графом.

Ко всему этому надо добавить, что в деньгах он не нуждался. Но никто точно не мог сказать, как велики были его доходы и каков был их источник. Несколько слуг, которых он держал, были молчаливы и преданы хозяину. Никакой информации от них не исходило. Молва утверждала, что граф был столь искусен в науках, что мог создавать драгоценные камни. У графа действительно не раз видели чистой воды крупные бриллианты и рубины. Но сам граф эту способность отрицал и говорил, что он может только «лечить» камни, уничтожая появившиеся на них трещины и пятна. Он «вылечил» бриллиант, который принадлежал французскому королю Людовику XVI.

Что же касается наук, и особенно химии, граф действительно был в них искусен. Он долгие часы проводил в своей лаборатории. Там он создал чрезвычайно стойкий краситель для ткани, а затем особые люминесцирующие краски, которыми писал свои картины. Картины эти свидетельствовали о большой художественной одаренности графа.

Эта одаренность проявилась не только в живописи. Он сочинял прекрасные стихи и был первоклассным музыкантом. Его музыкальные композиции до сих пор хранятся в Британском музее. А одна из них оказалась в коллекции великого русского композитора Чайковского. Иногда граф действовал на окружающих самым странным образом. Когда он хотел, чтобы его не замечали, его и не замечали.

Графиня д'Адемар, одна из приближенных дам французской королевы Марии-Антуанетты, в мемуарах описывает такой эпизод. Сен-Жермен зашел к ней по очень важному делу и не хотел, чтобы кто-то знал о его визите. Но случилось так, что граф, покидая гостиную д'Адемар, в дверях буквально столкнулся с входящим Лароше. Последний прошел мимо графа не поклонившись. Между д'Адемар и Лароше состоялся следующий разговор:

- Граф вышел сейчас и прошел рядом с вами.
- Я, видимо, был взволнован и не заметил его.
- Это невозможно, Лароше, вы шутите. Он прошел через эти двери.
- Я не могу отрицать этого, но он не попался мне на глаза.

Этот эпизод связан с пребыванием Сен-Жермена при дворе Людовика XVI задолго до Великой французской революции. Говорят, он пытался предупредить Людовика и Антуанетту об уготованной им судьбе и просил их изменить свою жесткую политику. Но король не внял предупреждениям графа и обрушил на его голову свой королевский гнев. Сен-Жермену угрожала Бастилия, и ему пришлось бежать из Франции. Известно, что случилось потом с королевской четой. Сбылись и другие его предвидения.

Он был хорошо известен многим крупным политическим деятелям Европы XVIII века и нередко брал на себя труднейшие дипломатические миссии. Граф стоял за кулисами многих политических событий. Казалось иногда, что он невидимо дирижировал этими событиями, направляя их в какое-то известное только ему русло, преследуя какие-то одному ему известные цели. Роль графа в политической жизни Европы на важнейшем ее переломном этапе до сих пор еще не исследована. Для этого пока недостаточно материалов. Но возможно, таковые и появятся в будущем.

Будучи причастным к дворцовому перевороту в Городе, граф продолжал поддерживать тесные отношения с влиятельными екатерининскими вельможами: Орловыми, Воронцовыми. Один из Воронцовых, по сохранившимся свидетельствам, сопровождал его в очередной поездке в Индию. Говорили, они были внешне похожи. Возможно, это сходство было в чем-то полезным графу в его беспокойной, трудной и не всегда понятной жизни.

В разговорах с самыми разными людьми граф не раз упоминал Индию. Он говорил о Гималаях, где ему хотелось бы отдохнуть. Он рассказывал о целебных травах, растущих там, и умел лечить этими травами, достигая нередко поразительных результатов. В Индии его

называли Махатма — Великая Душа. В Европе не знали ни этого слова, ни того, что за ним стоит. Оно много лет спустя прозвучит в письме, которое привезут из Индии в Россию...

Причудлив поток Времени, не сразу постижимы его извивы, буруны и водовороты, но точны знаки, которые оно расставляет.

Это же Время формировало и Культуру Города. Качество Культуры было высоким. В ней бился дух свободолюбия. Он же вывел 25 декабря 1825 года на Сенатскую площадь Города восставшие против царя гвардейские полки. Белый снег площади окрасился кровью, а над Городом черным горестным знаком поднялись пять виселиц. Мятые титулованные и нетитулованные дворяне, гремя цепями, пошли по бесконечному Сибирскому тракту в рудники. Но там, на Сенатской площади, в то несчастливое декабрьское утро возникло то, что навсегда останется с Городом, отшлифует грани его Духа и потом зазвучит выстрелами около царских дворцов и взорвется бомбами под царскими каретами.

Огромный, меняющийся океан России будет биться у Города и станет осаждать на его окраинах деревянные, скверно сооруженные лачуги для бедноты, унылые доходные дома и дымные фабрики.

*В соседнем доме окна желты, —
напишет Поэт Города. —
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.
И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.
Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.*

Среди знаков, которые Время оставляло в Городе, было немало странных, казалось бы, не имеющих отношения к тому, что происходило в самом Городе.

На набережной, напротив Академии художеств, стояли сфинксы. Их высокомерно застывшие головы были украшены коронами фараонов Древнего Египта. Потемневшие от тысячелетий надписи на их пьедесталах свидетельствовали об иной культуре и иных временах. Неподалеку от Крепости, готовые к прыжку, поднимали львиные тела ши-цзы, таинственные и магические хранители храмов и императорских дворцов далекого Китая. Иногда казалось, что ветер с Реки раскачивает невидимые колокольчики, и они тонко и неулови-

мо звучат о чем-то ушедшем, о каких-то исчезнувших в далекой земле путях и веках.

На Васильевском острове призрачно возникали минареты мечети. Ее голубой купол напоминал о сухих терракотовых холмах Самарканда, о сверкающей лазури его медресе и мавзолеев. Казалось, в камнях этой северной мечети еще звучали ушедшие в небытие легенды о войне-строителе Тимуре. Двугорбый азиатский верблюд мудро и отрешенно смотрел бронзовыми глазами на сквер у Адмиралтейства. Верблюд был неотъемлемой частью пьедестала, на котором стоял бюст великого путешественника Пржевальского. А в Зимнем Дворце, над узорчатым его паркетом, висели картины итальянцев Леонардо да Винчи и Тициана. Призрачный свет белых ночей мягко ложился на пророчески печальные лица их мадонн. В глазах мадонн таились те страдание и боль, которые потом сделают матерей Блокадного Города похожими на этих мадонн.

И как ни странно и удивительно, эти знаки прямо или косвенно были соединены какими-то таинственными нитями, шедшими через Пространство и Время, с жизнью человека, который появился в Городе в конце XIX века. Это был Мастер. Он родился в доме, который стоял на набережной Реки, против моста. Мост сначала назывался Николаевским, а потом ему присвоили имя лейтенанта Шмидта. Здесь

Набережная со сфинксами у здания Академии художеств

Памятник Н.М.Пржевальскому

широкие и тихие улицы Васильевского острова продуваются морскими ветрами, а там, где стоит дом, пахнет Рекой, терпко и тревожно.

Дом небольшой, четырехэтажный. На второй этаж, где родился Мастер, ведет широкая чугунная лестница с узорчатыми перилами. На площадках второго и третьего этажей сохранились лепные украшения. Из окон дома видна ширь Реки, позолоченный купол Исаакиевского собора за ней, тонкий светящийся шпиль Адмиралтейства. Если идти вдоль набережной туда, где возникают из Ростральных колонн каменные носы кораблей, то можно увидеть сфинксов, Академию художеств и университет. Темная комната, где тревожно воеет блокадная сирена и лежит недоеденная пластинка столярного клея, — на той стороне Реки, напротив дома.

Мастер мог появиться только в таком Городе. Человек и Город как бы обуславливали друг друга и были связаны друг с другом теми неразрывными узлами, которые исключали всякую случайность. Ибо если Город всегда нес в себе Мастера, то и Мастер через всю жизнь пронес в себе этот Город. И поэтому среди закономерностей, явных и неявных, в переплетениях противоречивых событий, среди видимых и невидимых потоков Времени, отлагающих свои знаки, этот дом на набережной крайне убедителен в своей неизбежности. Он стоит там, куда по зеленым прямым улицам течет запах моря и у самой Реки задумчиво и гордо взирают на дом и Город египетские древние сфинксы...

*Васильевский остров. Университетская набережная, 25.
Дом, где родился Н.К.Рерих*

Глава вторая

НАЧАЛО

Готово мое одеянье. Сейчас
я маску надену.

Н.Рерих

...Ибо он учился лишь тому,
что уже было заложено в нем самом.

Г.Гессе

Жизнь каждого из нас всегда сопровождают документы. Как ни странно, но именно они свидетельствуют о том, что мы существуем. Документы говорят об определенных этапах в жизни человека. Они фиксируют их и подтверждают. Отсутствие соответствующих документов может неблагоприятным образом сказаться на судьбе любого из нас. Нам просто не поверят, что мы родились, что мы учились, что мы то-то сделали и, наконец, умерли. Человек без документа — абстрактен. Ни Время, ни Война не смогли полностью поглотить архивы, где хранились сведения о Мастере. Документы, найденные там, делают начало Мастера убедительным и конкретным.

Документ № 1

Свидетельство. Сим свидетельствуем, что города С.Петербурга Андреевского собора в 1-ой части метрической книги о родившихся за сей 1874 год под № 202-м значится: у Нотариуса Округа С.Петербургского Окружного Суда Константина Федорова Рерих, лютеранского исповедания и законной жены его Марии Васильевой, православной и обоих первобрачных родился сын Николай сего тысяча восемьсот семьдесят четвертого года сентября двадцать седьмого, а крещен октября шестнадцатого числа.

При крещении восприемниками были: воспитанник 6 класса Ларинской Гимназии Александр Павлов Коркунов и дочь означенного Нотариуса Лидия Константинова Рерих. Октября 23 дня 1874 года.

Андреевского собора: протоиерей А. Камчатов, протоиерей Павел Налимов, священник Петр Гиацинтов, диакон Виктор Благовещенский, псаломщик Иван Добросердов, псаломщик Андрей Беляев, псаломщик Василий Батиевский. Копия засвидетельствована у Нотариуса Успенского 1893, 2 июня по реестру № 2137¹.

Документ № 2

Аттестат зрелости. Дан сей сыну Нотариуса Николаю Константиновичу Рериху. Вероисповедания православного. Родившемуся 27 сентября 1874 года, обучавшемуся 9 лет в С.Петербургской Гимназии К.Мая и пробывшему один год в 8 классе, в том, что, во-первых, на основании наблюдений за все время обучения его в Гимназии К.Мая поведение его вообще было отличным, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ образцовые, прилежание примерное и любознательность по всем вообще предметам весьма живая, и, во-вторых, что он обнаружил нижеследующие познания:

Закон Божий — пять, русский язык и словесность — четыре, логика — пять, латинский язык — четыре, греческой язык — четыре, математика — три, физика — четыре, история — пять, география — четыре, немецкий язык — четыре.

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, представляющий ему все права, обозначенные в пар. 130—132 Высочайше утвержденного 30 июля 1887 г. устава Гимназий и прогимназий.

По отбывании воинской повинности пользуется правами, указанными в Высочайшем Повелении 10 февраля 1886.

С.Петербург, июня 1-го дня, 1893 года. Подписи².

Документ № 3

Его превосходительству Господину Ректору Императорского С.Петербургского Университета.

Прошение

от сына С.Петербургского Нотариуса Н.К.Рериха.

Желяя поступить в число студентов Императорского С.Петербургского Университета по юридическому факультету и представляя при сем:

1. метрическое свидетельство
2. свидетельство о приписке к призывному участку
3. аттестат зрелости, выданный из классической гимназии
4. формулярный список о службе отца моего
5. копии с вышеуказанных документов и три фотокарточки,

имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять меня в число студентов Императорского С.Петербургского Университета по юридическому факультету.

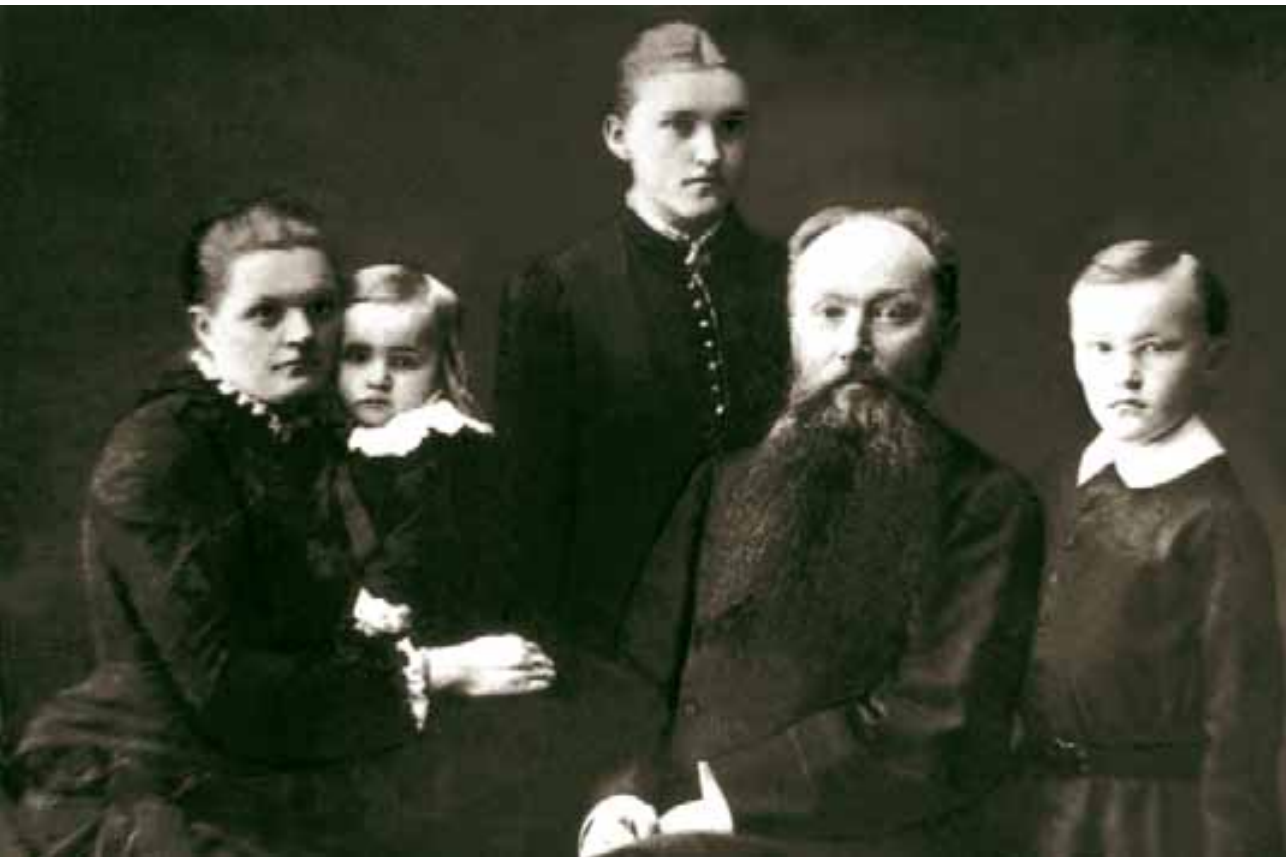
С.Петербург, 1893 июля <...> дня. Н.Рерих.

Жительство имею: 1-го участка Университетская набережная, д. 25³.

¹ ОР МЦР. Ф. 1, оп. 1, д. (вр. №) 434. Л. 1.

² ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, № 29988.

³ Там же.

*Мария Васильевна (ур. Калашикова), Владимир, Лидия,
Константин Федорович и Николай Рерихи. [1884]*

Документ № 4

В Императорскую Академию Художеств.

Сына С.Петербургского Нотариуса

Николая Константиновича Рериха

Прошение

Желая поступить вольнослушателем Императорской Академии Художеств по отделу живописи, имею честь покорнейше просить принять меня вольнослушателем по отделу живописи. При сем прилагаю копии:

1) с метрического свидетельства моего за № 376;

2) с свидетельства о приписке к призывному участку, выданного 20 января 1893 за № 5;

3) с аттестата зрелости об окончании мною курса наук в гимназии, выданного 1 июня 1893 г. за № 56 и

4) с формулярного списка о службе отца моего, засвидетельствованную 12 февраля 1885 за № 652.

С.Петербург, 1893 июня <...> дня. Н.Рерих.

Жительство имею: Васильевской ч., 1-го участка, по Университетской набережной № 25¹.

¹ ОР ГТГ. Ф. 44, № 5.

Н.К.Перух [1886]

Гимназия К.И.Мая

Из этих документов мы узнаем, что Мастера звали Николай Константинович Рерих. Бумаги дают нам представление о том, когда он родился, в каком соборе был крещен, кто были его отец и мать и в каких учебных заведениях он учился, но не дают никакого представления о том, каким человеком был Николай Константинович Рерих, к чему стремился и каково было его предназначение. Все это стоит далеко за документами и засвидетельствовано живыми людьми, а не мертвой бумагой.

Говорят, что люди делятся на две части. Одни появляются на свет просто для жизни, другие — для призвания. Николай Константинович Рерих принадлежал к последней. Объяснить, что такое призвание,

непросто. Явление это очень сложное, связанное с таинственными процессами внутренней жизни человека. Можно, например, сказать, что призвание — это реализация того, что заложено в человеке. В Рерихе было заложено очень много. Он пришел в этот мир с огромным богатством, которое сумел приумножить и принести в дар людям.

Составные этого богатства, как ни странно и удивительно, обрели свою четкость и определенность еще в туманных и расплывчатых сновидениях и мечтаниях раннего детства. Именно тогда его, мальчика, неудержимо потянуло ко всему тому, что потом и составило Путь зрелого и прославленного человека.

...Древние курганы были разбросаны среди полей и лесов, окружавших имение нотариуса Рериха под Петербургом. Первые свои раскопки Рерих-младший провел в девятилетнем возрасте. Прикосновение к реликвиям дальних веков было непередаваемым и неожиданным. Мальчику казалось, что ток ушедших времен пронизывает его пальцы и вызывает какие-то смутные картины, возникающие из небытия, из тумана прошлого. В них он ощущал какую-то незнакомую жизнь, от которой остались в руках только браслеты, кольца, обожженные черепки и каменные скребки.

Эта далекая и в то же время близкая жизнь несла в себе отголоски яростных сражений, в ней гудели сильные ветры, на ней лежал отсвет неправдоподобных закатов и восходов и шумел горячий ток крови тех, кого уже давно не было. Все это заставляло трепетать и напрягаться тело мальчика. Он уставал от этого, казалось, безобидного занятия. Он тогда еще не знал, что богатство, заключенное в нем, дарило ему сопричастность ко всему, что происходило, происходит и будет происходить на Земле, на которой он жил.

Эта способность проникнуться Временем и понять его суть была радостным и трудным даром. Много позже он напишет об этом сам: «Щемяще-приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины. <...>

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти — бесконечная жизнь!»¹

Десятки лет спустя крупный археолог академик А.П.Окладников назовет удивительно точно и пронизательно все, что ощущал Рерих, — археологическими грезами. Но в этих грезах были потом свои прозрения и свои предвидения... Археология пройдет через всю жизнь Рериха. Раскопки на севере России, раскопки в Новгороде, раскопки в Тибете и в индийских Гималаях. Он станет профессиональным археологом. Его археологические работы будут исследовать ученые и делать

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1. С. 14—24.

о них доклады на научных конференциях. Они не сразу согласятся с его предвидениями, но пройдет время, и все чаще о них станут говорить и размышлять о том, что за ними стоит.

Все начиналось с тех древних курганов, которые возвышались неподалеку от имения петербургского нотариуса. Само имение называлось Извара. На первый взгляд оно, пожалуй, ничем не отличалось от других небольших имений, которых было немало в окрестностях большого города. Но это только на первый взгляд. Время и здесь расставило свои странные и неожиданные знаки. Уловить закономерность их появления крайне трудно. Но она существовала и оказалась каким-то непостижимым образом связанной с судьбой мальчика, который увлеченно раскапывал соседние курганы.

Дом в Изваре был одноэтажным и добротным. Фасад и углы украшали готические башенки. Нездешний знак, который можно видеть в розе витражей готических соборов средневековой Европы, дважды повторялся на стенах дома. Знак этот иногда означает пророка. Кто поставил его на доме — сказать трудно. Дом был старинный и принадлежал не одному владельцу. Нотариус купил его у поручика лейб-гвардии Преображенского полка Веймарна. К готическим знакам дома поручик не имел никакого отношения. Ничего не знал он также и о картине, которая висела в одной из комнат дома.

На картине была изображена огромная снежная гора, скорее не гора, а целый хребет. Картина неотвратимо притягивала мальчика. Он подолгу рассматривал причудливые изломы склонов и неприступные снежные пики. Глаза иногда, казалось, ломило от нестерпимого сияния снегов. Временами у него возникало ощущение далекого, еле слышного голоса, который, возможно, звучал в нем самом. Картина напоминала ему что-то знакомое, и мальчик напрягал память, стараясь исторгнуть из туманных ее глубин какой-то образ, который поможет сразу все понять. Но образ был неуловим, изменчив.

Менялась и сама картина. Ее линии впитывали в себя свет, проникавший в окно. Розовые отсветы северных закатов ложились на нее, и синяя глубина осаждалась в изломах склонов, когда день был солнечным и безмятежным. Потом мальчик узнает длинное и звонкое, похожее на трель серебряного колокольчика имя гималайского восьмитысячника — Канченджанга. Она встанет на его Пути без рамы, без осевшей на ней пыли, во всем богатстве удивительных красок. Восходы и закаты будут окрашивать ее сверкающие белые снега в те сказочные, неправдоподобные тона, в которые не поверят не видевшие ее художники.

Рерих будет писать ее много и упоенно. С разных точек, в разное время года, в разные часы дня. Он будет жить у ее подножия и видеть ее из окна своего дома. Этот дом будет в далекой Индии. Но тогда, когда он смотрел на старую картину в имении под Петербургом, он об этом еще ничего не знал. Так же как ничего не знал и о самой Индии. Но она

*В.В.Стасов и Н.К.Рерих в кабинете Стасова
в Петербургской публичной библиотеке. 1890-е гг.*

уже звучала в названии имени: Извара. Слово на древнем, уже мертвом языке этой страны. «Исвара», «Ишвара» — бог, владыка. Об этом ему спустя годы скажет великий и мудрый поэт той страны — Рабиндранат Тагор. Но Индия жила не только в имени Извара.

Дом был построен в екатерининское время и принадлежал графу Воронцову. Тому самому Воронцову, который побывал в Индии, как повествует молва, вместе с графом Сен-Жерменом. Но самым странным и еще менее объяснимым было то, что по соседству с имением жил индийский раджа. Никто не знал ни имени этого далекого гостя, ни причины, побудившей его приехать в далекий северный край и прожить в нем часть своей жизни. До сих пор неизвестно, был ли он связан с Воронцовым, или у него были иные цели, иные задачи... Время плело свой сложный узор и связало имение в окрестностях Петербурга со страной за снежными Гималаями. Может быть, для того, чтобы мальчик, бегавший по саду имения и бродивший по окрестным лесам, услышал имя этой страны как можно раньше? Индия встанет основной вехой на Пути Николая Константиновича и придаст цельность и непреклонную устремленность этому Пути.

Гимназия Мая стояла на Васильевском острове, совсем недалеко от дома нотариуса Рериха. Гимназия была старая и респектабельная. Ее четырехэтажное, просторное здание как-то очень гармонично вписывалось в пейзаж зеленой и тихой улицы. До гимназии можно было не торопясь дойти пешком, вдыхая свежий морской ветер, прилетав-

ший с залива, и поразмышлять о многом, что занимало и интересовало гимназиста Рериха. Там, в гимназии, он чертил и раскрашивал карты азиатского материка. В незнакомых странных названиях звучала музыка. Гималаи, Гоби, Кунь-Лунь, Алтай... Коричневый цвет ложился на горы, желтый — на пустыни. Горы и пустыни неодолимо тянули его к себе. Коричневые горы с белыми шапками снегов и желтые пустыни. Камень и песок. Сколько неизвестных тайн они скрывают!

Он внимательно слушал рассказы востоковедов, бывавших в доме нотариуса. Имена Пржевальского, Козлова, Потанина обладали для него удивительной притягательностью. Он читал их книги, всматривался в их портреты. Ему хотелось быть похожим на них, но он понимал, что сделать это очень трудно. Они вели караваны сквозь пески и верхом на низкорослых лошадях преодолевали горные перевалы. Случится ли такое когда-нибудь в его жизни? Иногда возникала уверенность, что — да, случится. Какая-то странная убежденность поднималась изнутри, оттуда, где еще в раннем детстве возник приглушенный, неясный голос.

Теперь голос звучал сильнее, в нем появлялись какие-то призывные интонации. Необъятные просторы Азии, стиснутые школьной картой, возникали перед его глазами, манили и звали. Но этот призыв не заглушал в нем однажды возникшей тяги к раскопкам и прошлому. Наоборот, одно усиливало другое и не существовало отдельно.

Когда он начал рисовать? Может быть, когда увидел первый старинный браслет, вынутый из мягкой земли кургана? Или когда его поразила игра вечно движущихся облаков, рождавших фантастические фигуры? Или, может быть, лицо случайного прохожего, напомнившее ему святого со старой иконы, заставило потянуться к карандашу? Сейчас ответить на этот вопрос трудно. Мы знаем только то, что рисовать он начал очень рано. Мир, живший в нем, рождал образы, и они требовали своего выражения. Формы выражения были разными, но он выбрал для этого кисть.

Живопись соответствовала тому, что в нем жило. Он еще в раннем детстве открыл для себя магическое сочетание света и тени. От их движения зависели формы, краски и та музыка, которая начинала звучать на полотне. Все это, вместе взятое, рождало красоту, похожую или не похожую на красоту действительно существовавшего мира. Как бы там ни было, но кисть обладала способностью проникать в суть красоты явлений и форм и проявлять ее.

Археология, Восток, путешествия, живопись — он к этому не только тянулся интуитивно, но и размышлял об этом неодолимом влечении, пытаясь найти в нем какие-то закономерности. Много лет спустя он, уже пожилой и зрелый человек, напишет: «Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти “случайности” часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал

именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!»¹

Николай Константинович употребил очень точное выражение — «человек зазвучал». Так и он в свое время «завучал» на то, что потом стало делом его жизни, и, в отличие от многих, очень рано. Возможно, в этом раннем открытии себя и сказалась необычная его одаренность, его удивительная талантливость.

Ощущали ли тогда современники и те, кто его окружал, какую-то необычную одаренность и исключительность его природы? Вряд ли. Он жил среди них и был одним из них. Конечно, он выделялся своим талантом, трудолюбием и устремленностью. Но некоторые из его одноклассников выделялись тем же.

Внешне его жизнь в то время не отличалась от других. Обычная жизнь молодого человека, сначала гимназиста, а потом студента из зажиточной семьи. Со всеми ее радостями, трудностями, разочарованиями, надеждами. Богатейший мир, который он нес в себе, тогда, в самом начале, еще не проявлялся в полную силу. Живущее в нем давало о себе знать предчувствием будущего, ощущением каких-то странных связей, сплетавших в единый узор несопоставимые события и знаки, и, наконец, неодолимым зовом какой-то еще неясной, но неизбежно надвигающейся сказки, которая, казалось, жила в нем самом, в каком-то изначальном безвременье.

Имение Извара

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1975. С. 96.

Глава третья ПРОШЛОЕ

Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.

Н.Рерих

Все на этой картине сделано
на редкость хорошо и точно.

Г.Мелвилл

Еще один документ:

Сведения о художественной деятельности лиц, предложенных в 1909 г. к удостоению почетным званием Академика.

Рерих Николай Константинович.

Родился в С.Петербурге в 1874 году, по окончании гимназии К.Мая в 1893 году поступил на юридический факультет Императорского С.Петербургского Университета и в Императорскую Академию Художеств, окончив оба учебных заведения в 1897 году. В Академии занимался в мастерской под руководством профессора А.И.Куинджи, а в 1900 году в Париже под руководством Ф.Кормона.

В 1898—1900 гг. читал курс лекций в Императорском С.Пб. Археологическом институте. В 1898 году был приглашен помощником секретаря в Императорское Общество Поощрения Художеств, где с 1901 года был секретарем и с 1906 года директором рисовальной школы. В 1894 году произвел ряд археологических исследований по поручениям Императорского Русского Археологического Общества в Императорской Археологической комиссии.

В 1897 году с конкурсной выставки П.М.Третьяков приобрел картину «Восстал род на род. Гонец» для своей Московской галереи.

В 1899 году на выставке в Императорской Академии Художеств была картина «Сходятся старцы» и в 1900 году там же картина «Поход» (Старая Русь), удостоенная премии по исторической живописи от Императорского Общества Поощрения Художеств.

После заграничной поездки, в 1902 году в Императорской Академии Художеств были выставлены картины «Заморские гости», «Зловещие», «Княжья охота», «Идолы», «Волки», «Поход Владимира на Корсунь», из которых «Заморские гости» составляют собственность Е.И.В. Государя Императора, «Зловещие» — собственность Русского музея Императора Александра III, «Княжья охота» — собственность Е.В. Принца Петра Алексеевича Ольденбургского, «Идолы» — собственность княгини М.К.Тенишевой и «Поход Владимира на Корсунь» — собственность Московской городской галереи бр. Третьяковых.

Из картин, выставленных в 1902—1904 гг. в «Мире Искусства» и в «Союзе Русских Художников», поступили: «Город строят» — в Московскую городскую галерею бр. Третьяковых, «Древняя жизнь» — в собрание князя С.А.Щербатова, «Заповедные места» — в собрание М.Якунчиковой, «Север» — в собрание П.Н.Перцова.

В 1903 году совершил поездку по старым русским городам, причем результаты поездки (73 этюда) были выставлены в помещении Императорского Общества Поощрения Художеств и удостоились посещения Е.И.В. Государя Императора и Государынь Императриц; впоследствии все этюды были отосланы в Америку в составе выставки г. Гринвальда. В том же 1903 году в помещении «Современного искусства» была устроена князем Щербатовым и В.В. фон Мекком отдельная выставка произведений, на которой было собрано около 270 номеров.

С 1904 по 1908 год были устроены отдельные и частичные выставки в следующих городах: Праге, Вене, Берлине, Дюссельдорфе, Милане, Венеции, Париже, Лондоне, причем Миланская Международная выставка удостоила почетным дипломом (вторая награда), а в Париже избран членом Осеннего салона, членом Национальной Академии в Реймсе и членом Доисторического общества, а Французское правительство приобрело картину «Человек со скребком» (Каменный век). Избран в члены правления Общества Архитекторов-художников, избран товарищем председателя Общества Изящных Искусств при Лиге образования. С 1906—1909 гг. принимал участие в декорации храмов (мозаичные эскизы) на Пороховых заводах под Шлиссельбургом, в Почаевской Лавре, в женском монастыре в Перми и в церкви имени В.В.Голубева.

Им выполнены следующие театральные постановки:

1. В 1908 году по предложению французской дирекции сделаны эскизы для «Снегурочки».

2. В 1908 году сделана постановка для мистерии «Три волхва» (Старинный театр).

3. В 1909 году выполнены декорации и костюмы для «Князя Игоря» (в Париже).

В 1909 году имел счастье представить картины и этюды Е.И.В. Государю Императору и Государыне Императрице. Из картин поступили: «Бой» — в Московскую городскую галерею братьев Третьяковых, «Пещное действо» (XVII в.) — в Русский музей Императора Александра III. Из прочих выставленных произведений находятся: «Дочь змеи», «Эскиз стенописи», и «Псковский мотив» — в собрании княгини М.К.Тенишевой, «Соглядатаи» — в Нижегородском музее, Новгородские этюды — в собрании Е.И.В. Принцессы Евгении Михайловны Ольденбургской, 6 рисунков — в собрании С.С.Воткина. По вопросам искусства и археологии сделан ряд рефератов и публичных лекций в Петербурге и Москве.

Документ этот несколько особый, не похожий на приведенные ранее. Его составили для присвоения Николаю Константиновичу звания

94 18 98
ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

№ 932

Определены Императорской Академіи Художествъ *Уч. № 1007* г.
соотопиниелъ, бывшій ученикъ Высшаго Художественнаго Училища при Академіи
Михаилъ Рерихъ за отличнаго познанія въ *рисованіи* научнахъ
предметахъ, доказавшиа нѣхъ во время пребыванія въ отдѣленіи живописи и скульптуры
училища, удостоенъ званія художника, съ приобщеніемъ итому званію, на основаніи § 52
Височайше утвержденнаго 15 Октября 1882 года временнаго устава Императорской
Академіи Художествъ, права на чинъ X класса при поступленіи на государственную
службу и съ правами преподаванія рисованія въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ утѣреніе
чю данъ *Рериху* — соей дипломъ, за надлежннхъ подписаніемъ
и съ приложеніемъ Академической печати.

С. Петербургъ, 11 Октября 1888 г.

Президиумъ *Борисъ*

и членъ *Тетяна*
и членъ *Александръ*

Диплом Императорской Академии художеств, выданный Н.К.Рериху в 1898 году

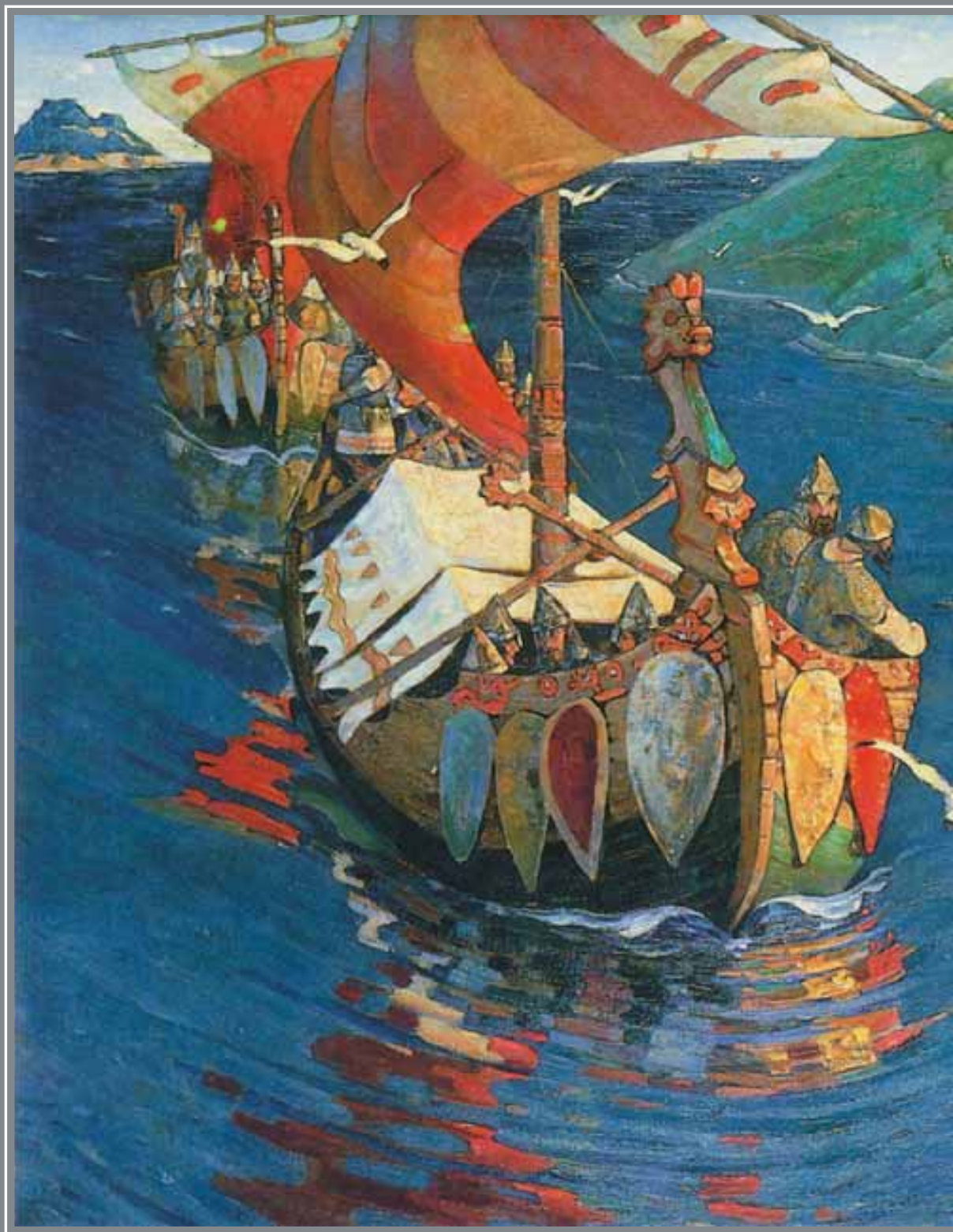
*Н.К.Рерих. Гонец. «Восста род на род». 1897
Справа: Н.К.Рерих. Гонец. Фрагмент*

академика Российской Академии художеств. Звание было дано в том же году, датой которого помечен документ. В нем скупно, но точно зафиксирован творческий путь Николая Константиновича. Сам документ в комментариях, естественно, не нуждается. Нуждается в этом только то, что стояло за ним.

Картины, перечисленные в документе, обладали ярко выраженным единством. В них было изображено прошлое. В русском искусстве традиции исторической живописи глубоки и сильны. Достаточно вспомнить Репина, Сурикова, Васнецова. Были и другие, но они только подражали великим. К перечисленным картинам Рериха слово «подражание» не подходило. Они выпадали из общей традиции, стояли как-то особняком. О картинах и их создателе сразу заговорили. И разговоры эти не всегда были мирными.

Возникали споры и столкновения. Одни принимали картины, другие — нет. Одни говорили о самобытном, неповторимом таланте, другие — о надуманности и творческой беспомощности. Полотна Рериха никого не оставляли равнодушными. И, несмотря на эту разноголосицу во мнениях, несмотря на конфликтные ситуации в выставочных залах, около картин всегда толпился народ. Картины притягивали, манили. Они что-то пробуждали в зрителе, заставляли внутренне откликаться на

*Н.К.Рерих
Заморские гости
1901*

них, уводили в прошлое. И это прошлое было похоже и не похоже на то, которое большинство любителей искусства уже знало и видело раньше.

Таланта крупного художника достаточно, чтобы воспроизвести черты этого прошлого, выразить настроение персонажей, завязать их в единый сюжет. Но это еще не все. Вдохнуть настоящую жизнь в прошлое дано только настоящему Мастеру. Рерих сумел ухватить и передать то, что мы называем духом Времени.

...Река несла челн гонца, на холмах стояли древние идолы, волны моря вскипали и бились в борта кораблей с квадратными красными парусами, угрюмо надвигались сосны на каменистые берега. Но все это: и река, и холмы, и море, и камни, и сосны — было не похоже на наше. Они являлись неотъемлемой принадлежностью прошлого и несли на себе его приметы.

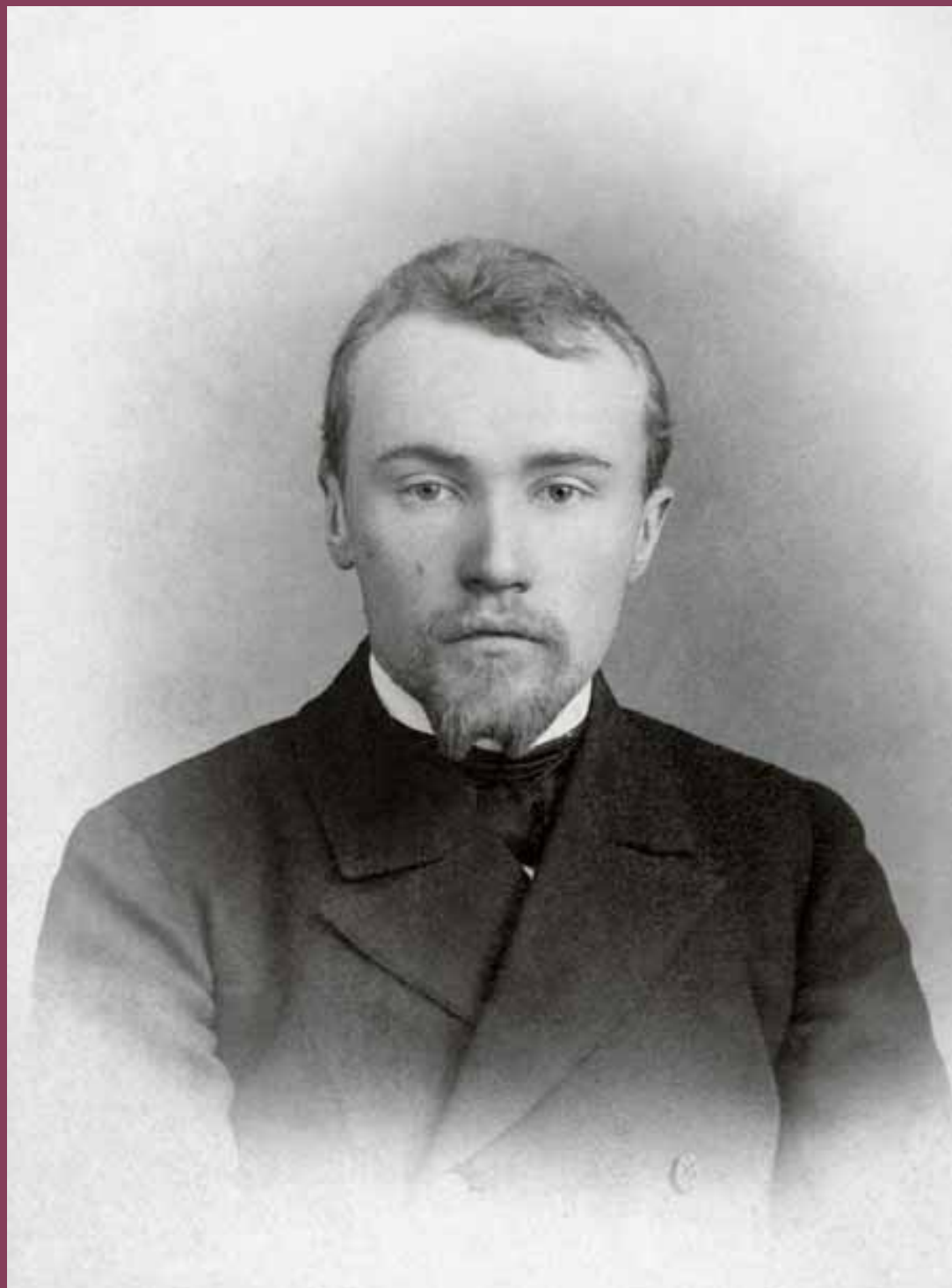
Казалось, художник рисовал их в том далеком времени и сам был оттуда. И поэтому прошлое жило и дышало на его полотнах. Шлемы воинов, кольчуги, расписные борта ладей, древняя патина бревенчатых домов, накладные серебряные бляхи на сбруях лошадей — все это было написано точно, но в то же время и свободно. И поэтому эти исторические аксессуары и детали несли в себе ту удивительную легкость и выразительность, которые свидетельствовали более об интуиции или озарении, нежели об утомительном сборе информации.

Он много писал, но никогда подолгу не сидел над книгами, не изучал чужих иллюстраций, не пытался постигнуть эпоху, утопая в пыли громоздких фолиантов. Эта эпоха как бы возникала в нем самом, звучала отжившими голосами, наполнялась красками и формами. Он видел ее, ощущал ее и переносил на полотно. Это был редкий, поразительный дар, несший в себе, кроме таланта, и многое другое, что составляло внутреннюю суть этого человека. Он ощущал ток Времени, протекавший через него, отбирал в этом потоке нужное ему.

Это походило на чудо. Но он называл это иначе — историческое настроение. В какую глубину уходили корни этого настроения — определить невозможно. Но несомненным остается то, что настроение такое существовало и выливалось на полотно красками, формами, духом самого прошлого. Он всегда спешил записать то, что видел, когда это историческое настроение им овладевало. Он писал, как и рисовал, — крупными, сочными мазками.

«Заморским гостям» предшествовала такая запись: «Плывут лунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синею ясною, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями — всполошило их мирную жизнь что-то малознакомое, невиданное. <...>

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены

Н.К.Перух. 1890-е гг.

вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно — все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор. <...>

Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен — чаще он полосатый: полосы на нем или вдоль, или поперек, как придется. <...>

У рулевого весла стоят кто посановитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикрепленный к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от соленой воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, — мореный дуб обвит серебряной пластинкой; на боку большой загнувшийся рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперек щеки прошел давний шрам»¹.

Запись походила на репортаж из прошлого, сделанный очевидцем события. Историческое настроение превращалось в историческое видение, точное и яркое. Многие объясняли эту точность тем, что Рерих был еще и археологом и был знаком с предметами прошлого. Но сами эти предметы не могут породить в человеке ни такого настроения, ни такого видения. Они могут только содействовать этому, способствовать тому таинственному творческому процессу, который живет и развивается в человеке там, где-то внутри него, на той неуловимой, будто светящаяся нить, границе, где смыкается сознательная культура с глубинным потоком Времени, который несет в себе художник.

Это взаимодействие Времени и Культуры придавало полотнам Рериха одно уникальное качество. На них знание и искусство сливались так, что граница их была неразличима и часто одно переходило в другое. С годами это качество будет оттачиваться и развиваться. И позже возникнет вопрос: что такое творчество Рериха, искусство или наука? И придет один-единственный ответ: наука, ставшая искусством, и искусство, перешедшее в науку.

Люди в белых посконных рубахах, укладывающие в основание башни золотистые, пахнущие смолой бревна. Сшибаются ладьи под красными парусами в морском бою. По каменистым увалистым берегам волокут «из варяг в греки» тяжелые, с резными носами ладьи...

Истово и самозабвенно пляшут люди, одетые в звериные шкуры. Они пляшут так, как плясали только в каменном веке. Александр Невский на белом коне, закованный в кольчугу, врзается в ряды врагов и поражает Ярла Биргера. Князь Владимир, княжич Глеб... Но среди конкретных, узнаваемых картин прошлого появляются полотна

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 41—43.

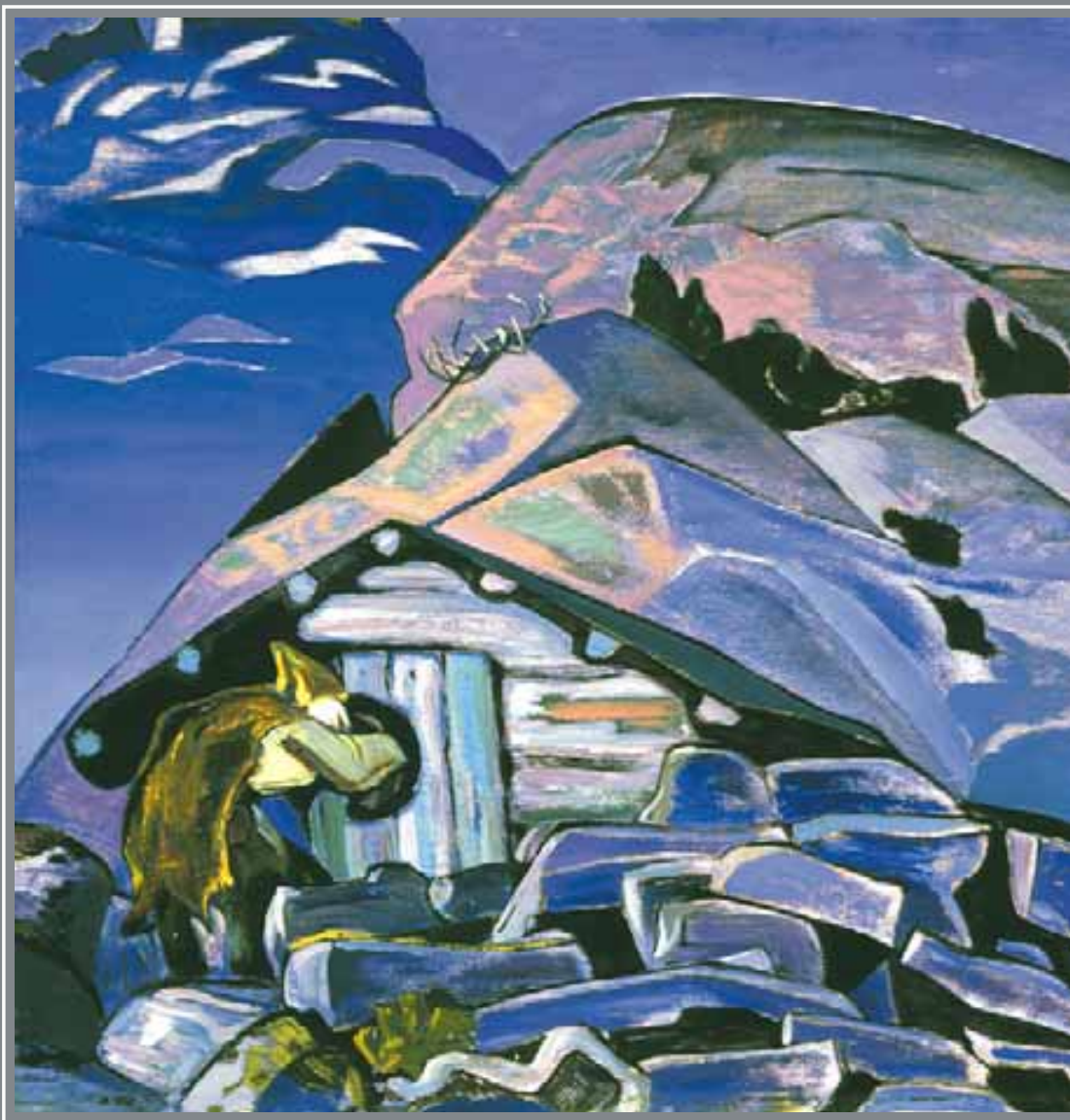

Н.К.Рерих. Баян. 1910

Н.К.Рерих. Заклинатель. 1943

необычные и странные. Сначала их немного, потом их становится больше. На них то же прошлое. С теми же конкретными деталями, с тем же историческим настроением. Но они как бы выпадают из знакомых нам эпох. В них меньше условности, у них загадочные названия. В них как будто живет не история, а легенды о ней. На полотнах все реально, но что-то стало необычным, призрачным, как в неясном воспоминании.

Над тайными травами гнутся причудливо одетые ведуньи. Пронзительно и мудро смотрят глаза колдунов, в которых светятся без-

Н.К.Перих. Колдун. [1921]

время и тайное знание. Фантастические лики и знаки древних заклятий возникают в неверном свете месяца. Заклинают землю, заклинают огонь, заклинают воду. В тайной, скрытой молитве изломанно и стремительно скидываются обнаженные руки. В темные подземелья уходят люди в остроконечных шапках. На их лицах лежит печальный прощальный отсвет. Возникают и исчезают невесты откуда взявшиеся старики и старицы. Их темные, неясные лица покрывает патина веков.

Н.К.Рерих. Отшельник. 1941 (вариант картины «У Дивьего камня неведомый старик поселился». 1910)

Надписи на полотнах, сделанные самим Рерихом, не вносили ясности. «У Дивьего камня неведомый старик поселился», «На мосту стояла старица»... Кто они? Зачем пришли? Безнадёжно и отрешенно стыли на нездешних холмах глыбы окаменевших великанов. Ковры-самолеты реяли над куполами и башнями древних умерших городов. Поблескивая чешуей, угрожающе поднимались змеи. И неслись по небу всадники в сверкающих латах. А небо то затухало, то разгоралось, то вновь наливалось синевою. По ночам на нем вспыхивали звездные руны — в бесконечных сочетаниях возникающих и гибнущих светил.

На поверхность всплывали какие-то смутные, отрывочные воспоминания. Из каких времен эта «Пленница»? Женская фигура, сидящая на холодном каменном полу подземелья. Рука, прикованная цепью к тяжелой, низкой колонне. Высокие ступени, ведущие из подземелья куда-то вверх. Призрачный свет, не то предрассветный, не то лунный, проникающий в круглое окно под потолком, прорезанное в толстой стене. Голова пленницы чуть склонена в раздумье, но чувствуется, что она не покорена и не сломлена. Кто она?

У каменного валуна, на берегу озера — человек. Руки, упершиеся в колени, опущенная крупная голова. Во всей его фигуре проступает что-то пронзительно одинокое и горько безнадежное. Он с чем-то смирился, что-то окончательно принял. На высоком холме, чуть поодаль от него, высоко к небу вздымаются языки пламени. Смутные, неясные фигуры стоят или движутся около огня. Идет какой-то древний

Н.К.Рерих. Пленница. 1909

ритуал, но человеку, сидящему около валуна, в нем не нашлось места. Кто он? За что изгнан и кем? Чья древняя, похожая на мираж жизнь волхвует у магического огня? Картина называлась «Изгнанник».

Кто он, другой неизвестный, в зимнее ненастье борющийся с ветром на изогнутом каменном мосту? Морозный ветер рвет полы его плаща. Человек упрямо нагнул голову, стремясь вперед, где высятся покрытые снегом мощные каменные стены и башни незнакомого города. Уже близки ворота города, и человек в черном плаще через какие-то мгновения окажется у них. Что несет он в город? Бедствие или добро? Что движет человеком в черном плаще?

Монументальные, темнеющие в ночи стены Изборска. Холодный и сверкающий, похожий на лезвие кривого ножа месяц. Бесшумно к низкому проему в стене ползут люди. На них остроконечные шапки или шлемы. Кто они? Воины или монахи? Что они задумали? Почему ночью тайно проникают в крепость? «Тайник» — реальная картина прошлого. Часть этого прошлого. Но что за ним стоит? Почему возникла она в воображении художника? Открытое, сосредоточенно задумчивое лицо безымянного «Князя». Неправильный нос, соболиные брови, тяжеловатый подбородок. Это уже не сцена, а портрет. Портрет конкретный. И эта конкретность придает ему характер достоверности, убедительности. Рерих редко рисовал портреты. «Князь» — один

Н.К.Рерих. Иноземные гости. Нач. 1901

Н.К.Рерих у картины «Поход». 1939

из них. Кто он? Когда и где жил? Закутанная в черное фигура, устало и покорно бредущая к монастырю, над которым тяжело поднимается фасад собора. Медленно и задумчиво падают крупные белые снежинки. Снег белым саваном покрывает лестницу, лежит на толстых стенах и крыше собора. «Покаяние». Что и кем было совершено? За что пришлось принять покаяние? Неизвестно...

Рерих любил театр, рисовал для него декорации и делал эскизы костюмов. Он не брался за любую постановку. В его театральных работах присутствовал строгий отбор, принцип которого был скрыт в той же его внутренней глубине, где возникали странные, неясные картины. Но и здесь он оставался верен себе. Эти постановки, которые были оживлены его кистью, рассказывали о прошлом или несли сказки и легенды из того же прошлого. «Князь Игорь», «Весна священная», «Снегурочка», «Псковитянка», «Принцесса Мален», «Тристан и Изольда», «Пер Гюнт», «Три волхва».

У этих постановок окажется странная судьба. Годы спустя он увидит «Весну священную» в далеком Кашмире. Это будет не спектакль, а народный праздник. В королевском замке, в горах Малого Тибета, возникнут Берендеевы палаты, а в гималайском княжестве Сикким в новогодний праздник придут люди в костюмах из «Снегурочки».

Н.К.Рерих. Снегурочка

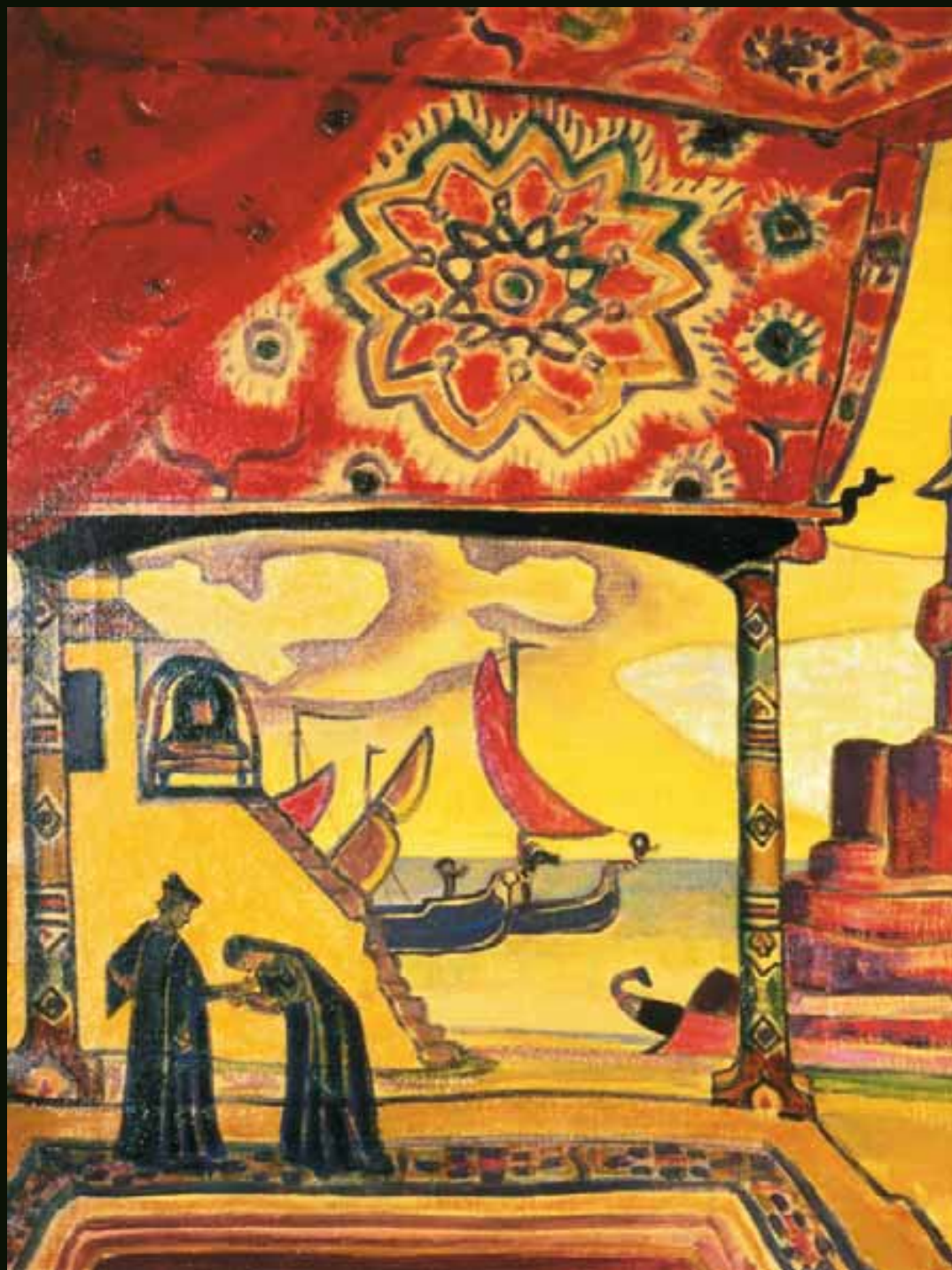
Эскиз костюма к весенней сказке А.Н.Островского «Снегурочка». 1912

*Н.К.Рерих. Звездочет
Фрагмент эскиза к балету И.Ф.Стравинского «Весна священная». 1944
На следующем развороте: Н.К.Рерих. Воины с луком
Эскиз к балету И.Ф.Стравинского «Весна священная». 1944*

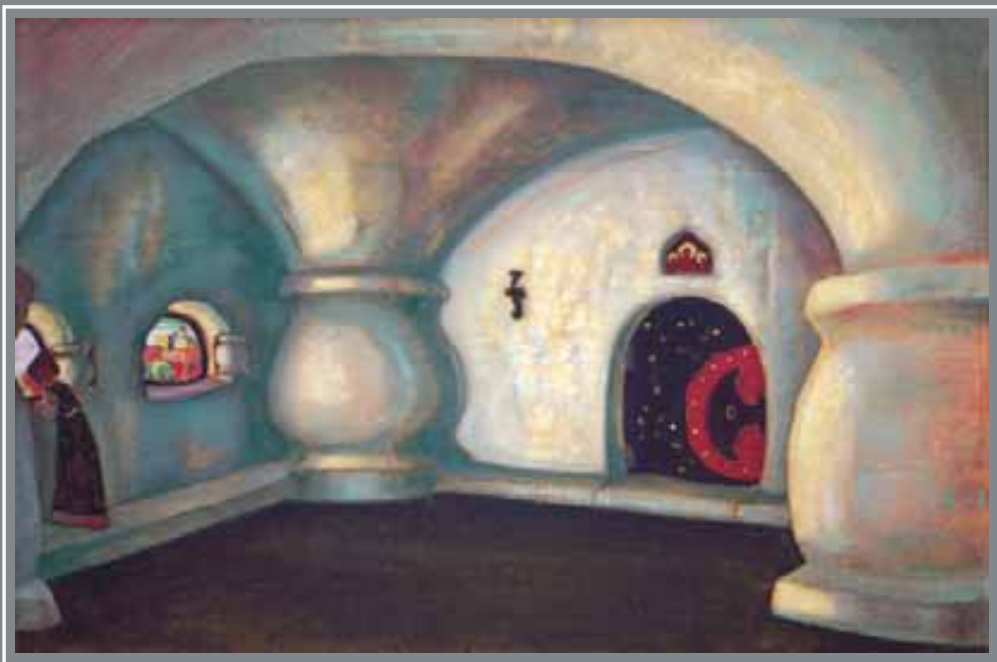

*Н.К.Рерих. Леденец
Эскиз декорации к опере Н.А.Римского-Корсакова
«Сказка о царе Салтане». 1919*

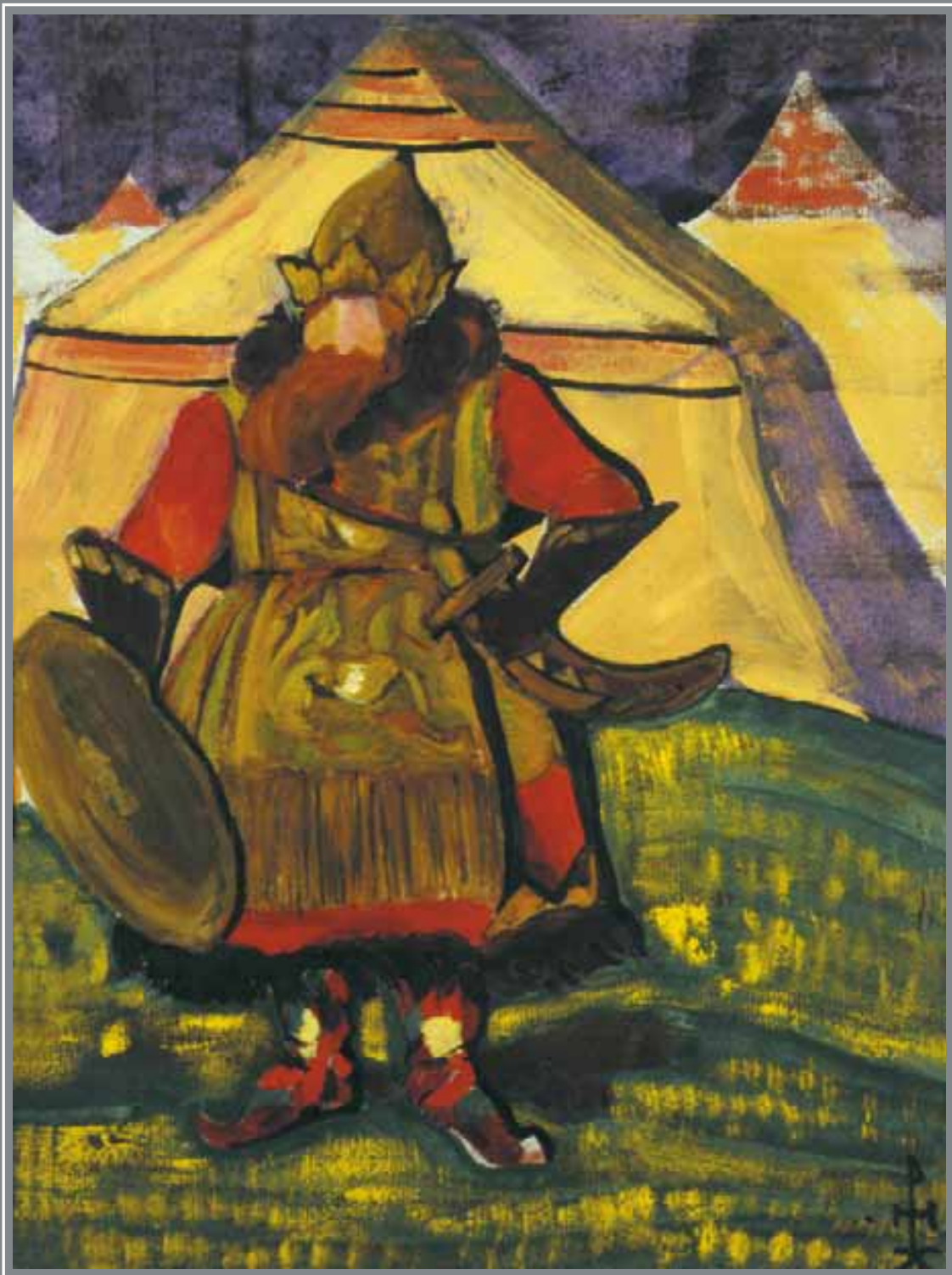

*Н.К.Рерих. Комната Садко
Эскиз декорации к опере Н.А.Римского-Корсакова «Садко». 1920*

*Н.К.Рерих. В монастыре
Эскиз декорации к пьесе М.Метерлинка «Сестра Беатриса». 1914*

*Н.К.Рерих. Воин
Эскиз костюма к опере Н.А.Римского-Корсакова
«Сказка о царе Салтане». 1919*

*Н.К.Рерих. Половецкие воины с луком. Эскиз к опере А.П.Бородина «Князь Игорь». 1943. Фрагмент
Справа сверху: Н.К.Рерих. Половецкий воин с саблей. Эскиз к опере А.П.Бородина «Князь Игорь». 1943
Справа внизу: Н.К.Рерих. Кончак и девушки. Эскиз к опере А.П.Бородина «Князь Игорь». 1943*

И опять прошлое и будущее соединятся в той сверкающей точке настоящего, из которого возникало и росло его творчество.

Он делал росписи и мозаики в Пскове, в Пархомовке под Киевом, в Талашкине около Смоленска, в Почаевской лавре, в церкви на Пороховых заводах около Шлиссельбурга и, наконец, в Ницце.

Н.К.Рерих с сыновьями в Талашкине. 1912

Время и войны потом уничтожат часть из них.

Он занимался церковными росписями, как и многие другие большие художники, которые превращали церкви в произведения искусства и увековечивали их как памятники культуры. Но их роспись была в большинстве случаев традиционна и следовала церковным канонам.

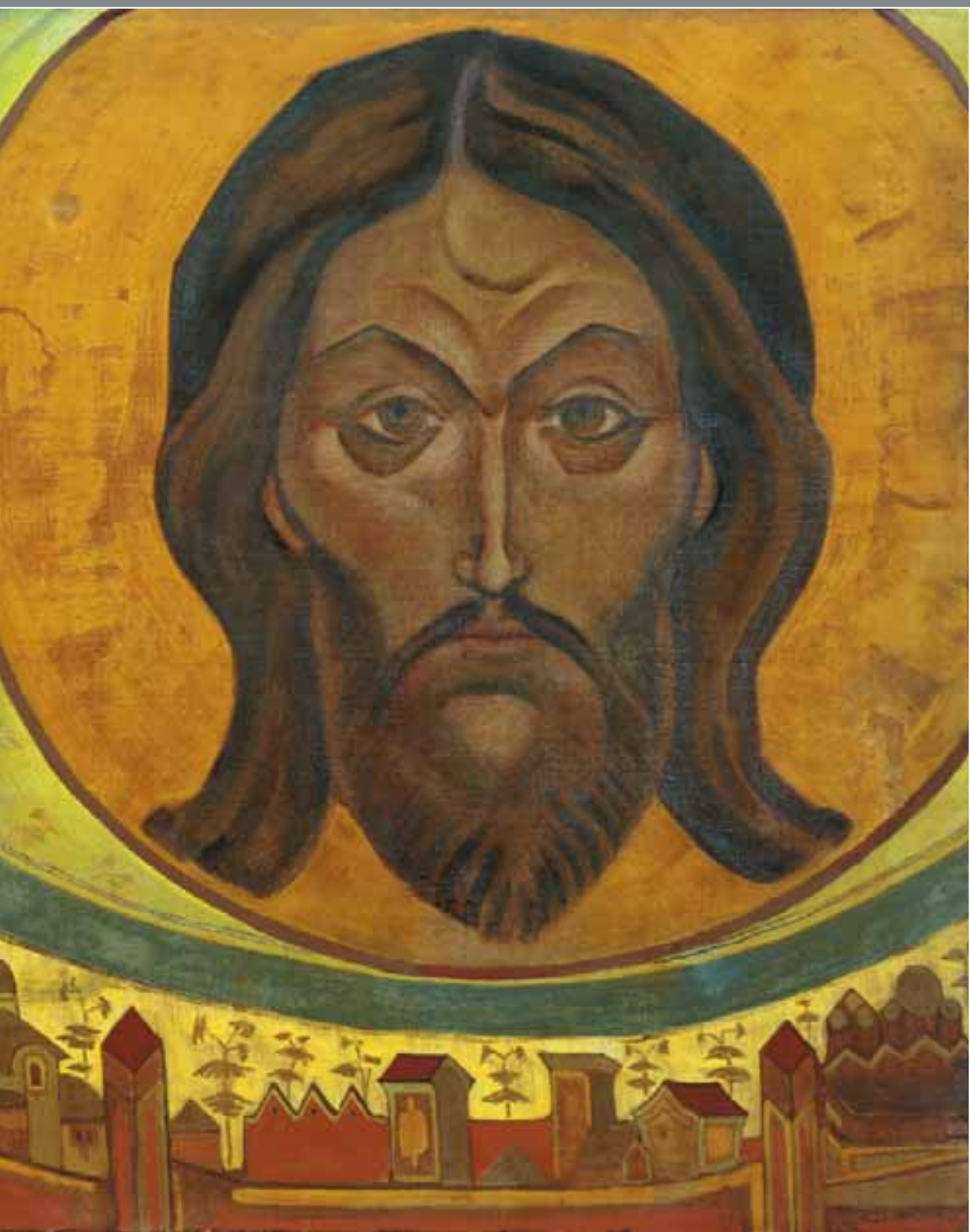
Однако у Рериха была своя концепция, и он не хотел от нее отступать. Церковные власти проявляли недовольство. А церковная каноническая традиция не интересовала и не увлекала его. Он искал истоки

*Н.К.Рерих. Царица Небесная
Эскиз росписи храма Святого Духа в Талашкине. [1910]*

*Н.К.Рерих
И мы видим. 1922*

того духовного движения, которое стояло за этой традицией. Святые на его росписях превращались в воинов и мудрецов с глазами, полными огня, далекими от смирения и отречения. Их одежды были отмечены странными, не употреблявшимися в церковной живописи знаками. Глаза Спаса Нерукотворного не были отрешенными и по-церковному строгими, а смотрели со стен с глубоким состраданием и печалью.

Среди изображений апостолов и канонизированных святых, сделанных его рукой, были странные, неизвестные персонажи. О них можно было узнать из апокрифов, которые не признавались официальной церковью. Он охотно брался за церковные росписи, но создавал мир совсем другой истории, иной духовной насыщенности и иных идей.

Мир прошлого на его полотнах тесно соприкасался с реальным миром русской истории, ощутимые следы которого еще хранила земля: Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Кострома, Углич, Звенигород, Юрьев-Польской, Ростов Великий. Именно здесь жила и дышала сама история. История драматическая, нередко кровавая, но заложившая прочный фундамент в основание будущей Российской империи. Его всегда интересовали наиболее динамичные ее моменты, которые имели долговременное влияние на последующие века. Он называл эти моменты строительными. Строилось Московское княжество, собирая воедино разрозненные феодальные уделы. Строилась Россия, присоединяя новые неосвоенные земли. Строились ее независимость и самобытность, когда объединившиеся русские князья изгоняли опустылевших, ненавистных татар.

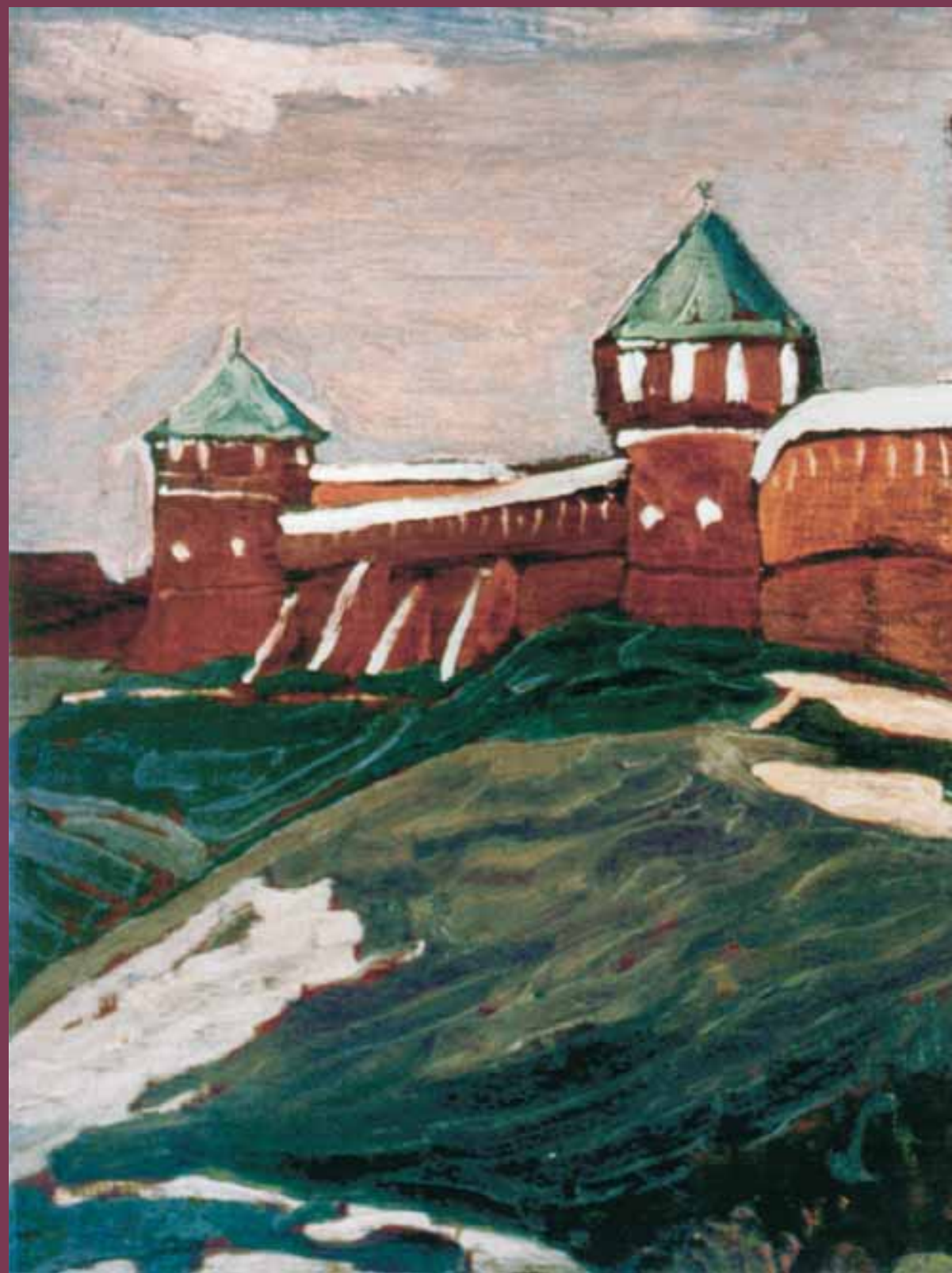
Города, в которых он побывал в 1903 и 1904 годах, также имели отношение к строительным моментам. Он остро ощущал это, когда смотрел на стены и башни крепостей, когда прикасался к кованым воротам монастырей и любовался совершенными пропорциями ранних церквей. За иконописными ликами святых со старинных фресок вставала подлинная история его народа. Его страдания и надежды, его мужество и самоотречение, его радости и беды. Он чувствовал ток тысячелетий, который несла в себе земля.

Века текли над ее лесами, холмами, реками. Века рождали одних и уносили других, а непрерывность цепи скреплялась и цементировалась творчеством и трудом тех, кто проходил через эти века, оставляя после себя стены крепостей, каменные кружева церквей, строгие темные иконы, веселую роспись крестьянских домов, многоцветную изощренность вышивок. Они оставляли после себя строительство. То, что он видел, уложится потом в три емких слова: Русь — чаша неотпитая.

Он рисовал церкви Владимира и Боголюбова, монастыри Костромы и Суздаля, башни и стены Нижегородского кремля, палаты и терема Ростова Великого и Углича. Как историк, он мыслил широко и масштабно. Его занимала борьба русских с татарами. Все тот же узловый, строительный момент. Он просматривал документы и летописи и записывал особо ему понравившееся: «Ревет ветер в стягах князя Дмитрия.

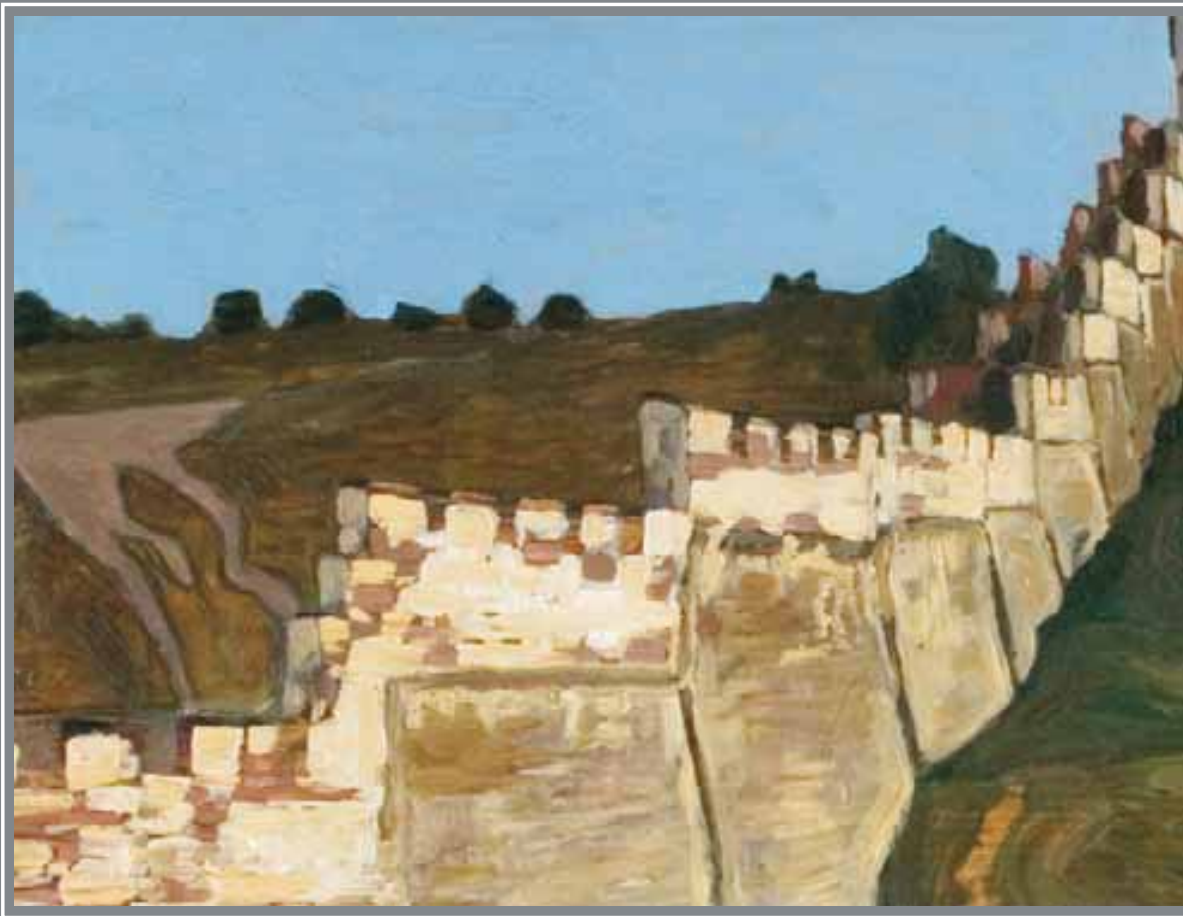

*Н.К.Рерих. Ростов Великий.
Церковь Спаса на Сенях. 1903*

*Н.К.Рерих
Суздаль. Стены Спасо-
Евфимиева монастыря. 1903*

Н.К.Рерих. Нижний Новгород. Кремлевская стена. 1903

В день субботний на Рождество Богородицы посекали христиане полки татарские. Столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать, в крови по колено бродят. Трава никла от жалости, а деревья к земле преклонились».

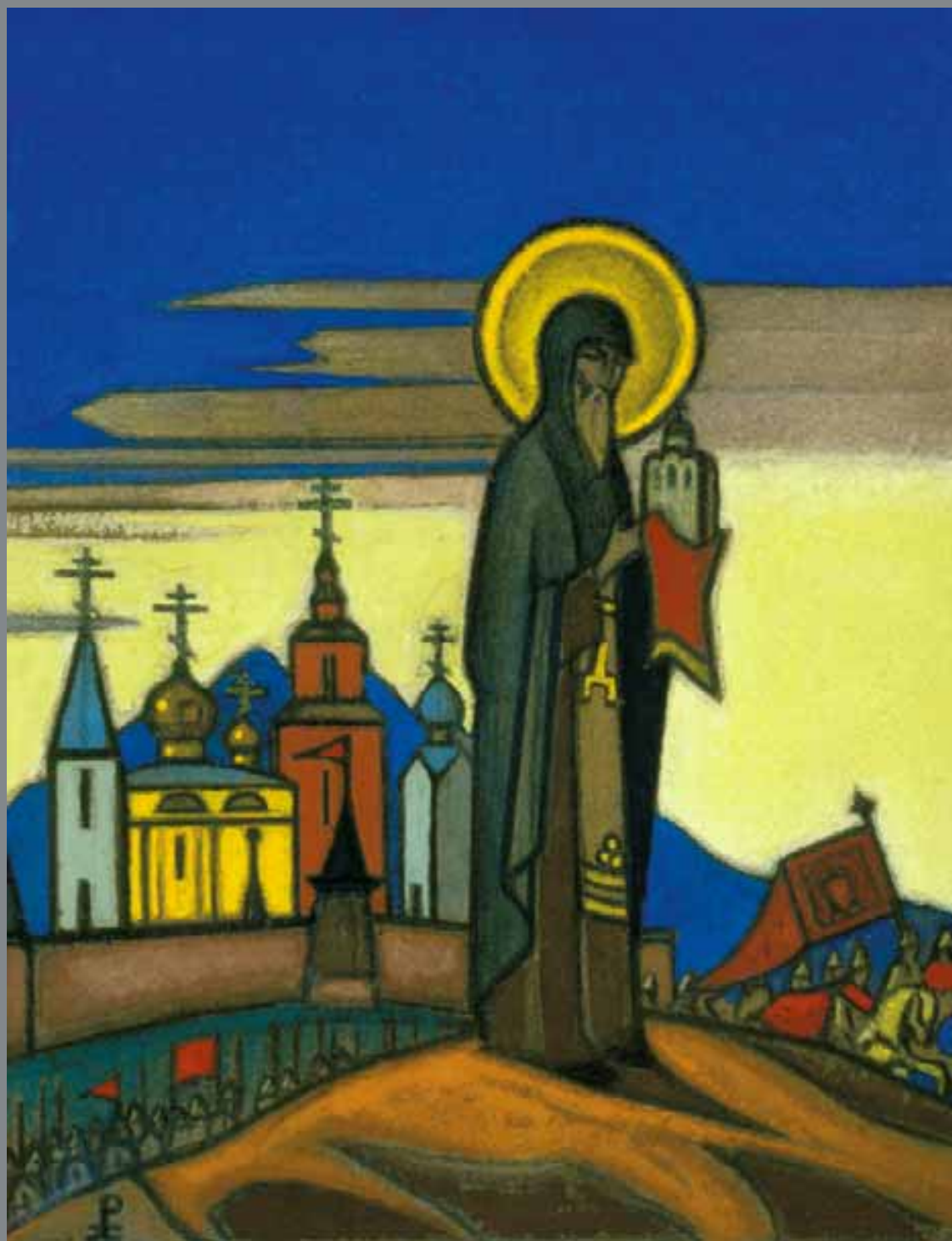
И что-то личное иногда проскальзывало в этом его интересе к тем временам и к эпической фигуре Сергия Радонежского. Строительные моменты были связаны всегда со строителями. Сергей Радонежский был одним из них. Существовала некая странная, не всегда поддающаяся определению связь между ними. Некая, я бы сказала, похожесть. Та похожесть, которая нередко объединяет учителя и ученика. Неканоническая церковная роспись Рериха несла в себе отголоски тех взглядов, которые были у инок Сергия.

Временами казалось, что Рерих как бы продолжает идеи Сергия, развивает их, вскрывает их жизненность. Его, как и Сергия Радонеж-

ского, отличала широта исторического мышления. Оба они, инок и художник, считали, что культурное строительство является главным в любом строительстве, что первое — основа всему. Тот настрой, который был присущ Сергию, нередко одухотворял рериховские полотна. И тогда в них возникал чудесный сплав мужества, красоты и глубокого проникновения в суть Времен. Казалось, Сергей и его жизнь предопределили и выбор маршрута путешествия по старинным русским городам.

На полотнах Рериха, тогда и позже, появлялись странные, не сразу объяснимые сюжеты, через которые как бы шла таинственная серебряная нить, связывающая художника со святым. На плате, который Сергей держит в руках на одной из картин, — три круга. Знак, который потом ало вспыхнет на рериховском Знамени Мира. Другое полотно, о котором пойдет речь, было создано Рерихом годом раньше и, казалось, не имело непосредственного отношения к Сергию Радонежскому.

Н.К.Рерих. Святой Сергий Радонежский. Эскиз. Без даты

На ступеньках лестницы, высеченной в скале, стоит высокий человек. Горы, среди которых он изображен, находятся в далекой Индии и называются Гималаями. Чужим словом «гуру», что значит «учитель», назван и стоящий на каменной лестнице. Все на этом полотне незнакомо, знакомо только лицо стоящего. Красивая, четкая линия носа, высокие скулы, продолговатые глаза. На грудь спускается седая борода. Человек держит чашу с зажженным светильником. И еще картина. Характерный русский купол небольшой церквушки. Она стоит в горах. Картина называется «Часовня Святого Сергия в Гималаях».

Откуда эта связь с Гималаями у русского инокa? Где сдвинулось Время в таинственной цепи бесконечных жизней? Сдвинулось, на миг вспыхнуло светом и тотчас же снова стало на свое место, опустив непроницаемую завесу. Кто знает, может быть, Рерих успел поймать этот свет-озарение и смог постигнуть этот неведомый миг...

Оба они были людьми необычной судьбы. Жизнь преподобного Сергия прошла устремленно, плодотворно, и путь ее был удивительно прям и походил на несущуюся во Времени стрелу, пущенную чьей-то невидимой, но мудрой рукой. Прямой путь — не значит путь легкий. На этом пути было столько предвиденных и непредвиденных трудностей и тяжелого труда, что хватило бы на целую братию не одного монастыря. Влияние этого человека на многие стороны русской жизни было длительным и прочным.

Культурная, духовная и политическая его деятельность отличалась качествами устойчивости и составила целую неповторимую эпоху в истории России. Позже он был канонизирован церковью как святой. Монастырь, им основанный, играл на протяжении ряда веков крупную историческую роль. Дмитрий Донской перед Куликовской битвой получил в нем наставления и благословение самого Преподобного. Позже монастырь встал на пути поляков к Москве. А потом его стены спасли жизнь русского царя-строителя Петра I, царя, заложившего Город, который сначала изменил судьбу России, а несколько веков спустя преградил дорогу нашествию нацистской тьмы.

Трудясь на благо России, Сергей Радонежский прозревал будущее. Поэтому то, что он строил и создавал, не только имело долговременный характер, но и влияло на ход событий последующей истории. В 1919 году выдающийся русский философ П.А.Флоренский писал: «Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому перво-узлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному»¹.

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сб.: Троице-Сергиева Лавра. М., 1919. С. 9.

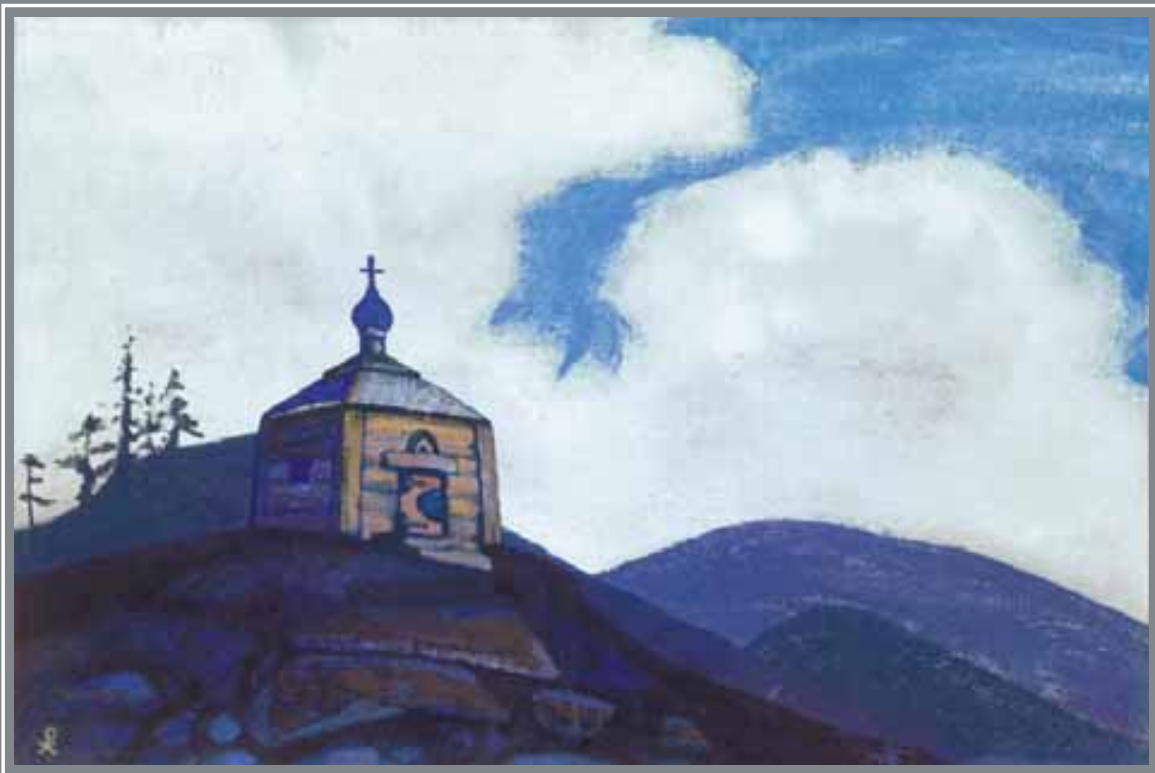
...Ростов Великий горел, не выдержав натиска татар. На узких улицах, среди пылающих домов, плавали в лужах крови тела порубленных защитников. Воины на низкорослых вертких лошадях, пронзительно крича, вместе с огнем ворвались в город. Их изогнутые мечи, не знающие устали, как смертоносные молнии, разили все живое вокруг.

Кричали женщины, которых спешившиеся уже тащили за волосы, надрывно и безутешно плакали брошенные дети. Мелко и судорожно крестились старики, выбегая из горящих домов. Их тоже не щадили. Они падали, разметав седые бороды, на окровавленные тела погибших воинов. Черный густой дым заволакивал безмятежно-лазоревое небо. Вековые деревья трещали и корежились в пламени. Были обезумевшие собаки, надрывно мычали в горящих хлевах коровы. Бестолково и отчаянно металась кудахчущие куры, бессильно взмахивая обожженными крыльями. К концу дня все было кончено, и вместо города, затейливо разбросанного по берегу синего озера Неро, осталась груда дымящихся и тлеющих развалин.

Глухими заповедными лесами уходил боярин Кирилл с семьей от страшного пепелища в Радонеж на новое поселение. Почти все имущество боярина погибло в огне или было разграблено татарскими всадниками.

У Кирилла было три сына. Средний, Варфоломей, резко отличался от братьев. Не по годам сильный и сообразительный, он тем не менее с трудом усваивал грамоту. Был склонен к одиночеству и к глубокой, недетской задумчивости. Но был добросердечен и услужлив. И еще его отличало какое-то зрелое внимание к людям. Он зорко всматривался в них и, казалось, многое в них замечал и понимал. Однажды в поле он увидел сидящего под дубом старца-схимника. У старца была седая борода, ниспадающая на грудь, светлые глаза смотрели строго и пронизательно. Что-то неудержимо потянуло Варфоломея к этому неизвестному человеку. Он привел его в дом, и старец долго разговаривал с боярином и боярыней. Речи его были не всегда ясны, а порой загадочны. Как будто старец о чем-то их предупреждал или пророчествовал. И тогда же он предрек Варфоломею жизнь необычную и плодотворную. Старец исчез, как и появился, будто пришел ниоткуда и ушел в никуда. Потом, много лет спустя, когда о жизни Варфоломея будут складываться легенды, одна из них поведаст еще об одном обстоятельстве, связанном со старцем. Будто передал старец Варфоломею чудесный камень и велел зарыть его в определенном месте.

Старец оказался прав, предрекая Варфоломею жизнь необычную. С годами Варфоломея все более влекло уйти в «пустынь» и посвятить себя суровой монашеской жизни. Он как будто был создан для нее. На мирскую жизнь взирал без осуждения, но и ничего заманчивого для себя в ней не находил. Он ушел из дому, когда умерли его родители, так и не оправившиеся после страшного татарского погрома и бегства в чужие края. Варфоломей был молод и полон сил. Эта полнота сил физических и духовных сохранялась у него всю жизнь.

Н.К.Рерих. Свято-Сергиева часовня на путях в Гималаи. 1931

Неподалеку от Москвы, в глухом лесу, покрывающем гору Маковец, он срубил себе келью. Выбор «пустыни» был с первого взгляда странным и ничем не мотивированным. И только спустя годы, когда на этом месте вырастут крепостные стены монастыря, прикрывающие Москву от вражеских нашествий, многое станет понятным в действиях Варфоломея. Долгое время он жил один в своей лесной келье. К этому времени он был уже пострижен в иноки и принял новое имя — Сергей. В одиночестве прошли целые годы. Редкий человек забредал сюда, в глухой лес. Здесь Сергей приручил медведя и добывал пропитание собственными руками. Только очень обносился одеждой и был похож на нищего в ветхом рубище. Всегда находил себе работу, которую охотно и с интересом выполнял. Кто знает, может быть, именно тогда он стал резать те деревянные забавные игрушки, полные юмора и теплоты, которые века спустя прославят на весь мир московский кустарный промысел. Физически трудился много и тяжело. Как и каждый монах, много молился и размышлял о Вышнем.

Однако не был похож на обычных монахов. Не занимался истязанием своей плоти, стараясь заглушить ее живой голос. Не бил лоб в исступленных поклонах перед иконами, прося защиты от плоти. Не изнурял свое тело веригами и преднамеренным голодом. Не иссушал свое нутро напряженной суровостью и холодной строгостью.

И позже он никогда не станет обречь на это своих послушников. Все в нем складывалось естественно, без надрыва, хотя и на это требовались и время, и немалый труд.

С годами в нем росла и укреплялась та высокая нравственная сила, которая отличала Сергия от многих его современников и которую он пытался привить монастырской братии. Несмотря на глухое место, где стояла его келья, слух о нем все-таки достиг людских ушей и к нему стали стекаться те, кто искал в это смутное и тревожное время умиротворения и сопричастности к духовному. Сергей принимал всех. Он не требовал от приходящих денег или иных подношений. Это придет в монастырскую жизнь позже, когда Преподобного Сергия уже не станет, а нравственные основы монашества, с таким трудом им установленные, порушатся.

В монастырях начнут «мягко спать и сладко есть». И это будет так не похоже на то, за что ратовал и боролся Сергей. Один из будущих настоятелей монастыря, Иосиф, писал: «Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствие любостяжания, что в обители св. Сергия и самые книги писали не на пергаменте, а на берестах; сам же св. Сергей носил такое бедное платье, что приходящие часто не узнавали его и думали, что это один из просителей»¹.

Приходящим к нему людям Сергей говорил прямо и открыто: «Хотите ли и можете ли терпеть труды места сего, голод и жажду и прочие недостатки? Знайте, что вам предстоит здесь, будьте готовы терпеть скорби, беды, печали, всякую тугу и нужду, приготовьтесь не к покою и беспечалию, но к трудам, посту, всяким искушениям и подвигам духовным»². Одни к этому не были готовы и уходили, другие оставались. То, о чем говорил Сергей, в значительной степени относилось к нему самому. Скорби, беды, печали и труды сам он терпел больше всех остальных.

В лесу стояли бедные кельи, огороженные тыном. Некоторые из них срубил Сергей для вновь пришедших. «Он сам носил дрова из лесу и колол их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на всю братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем, как раб купленный»³. В этом подвижническом служении была заложена одна высокая идея — научить людей бескорыстно служить другим, научить их жить сообща. И до Сергия, и в первые годы Сергиевой обители монахи селились вместе, но сообща не жили. Каждый из них имел свое хозяйство, каждый сам заботился о пропитании. У одного это пропитание было, у другого нет. Сергей был первым, кто выдвинул идею общежития, общины. И реализовал ее в своей обители. Имущество было объединено, пропитание стало общим и одинаковым для всех. Были введены общинные должности повара, казначея и т.д.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. III. М., 1960. С. 195.

² Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 276.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 597.

Труд стал мерилom в отношениях между людьми. Стараниями Сергия монашеская община его обители сохраняла ту изначальную чистоту, которая была заложена им в самой идее.

Эта удивительная община стала как бы прообразом будущего лучшего устройства мира, где равных людей объединяет труд и где духовные культурные ценности занимают одно из важнейших мест. В этом отношении Сергей намного опередил свое время. Община была небольшая, ограниченная рамками социальных и исторических условий. В то время, в тех обстоятельствах она была обречена. Но тем не менее в ней какое-то время жила и билась прекрасная и высокая мысль ее создателя. Мысль о всеобщем благе. Устав иноческого общежития был введен в 1355 году и в других монастырях. Но надо ли писать о том, чем все это кончилось...

Росла обитель, и росла ее слава. «Преподобный Сергей, — писал крупнейший русский историк Ключевский, — был великим устройтеlem монастырей, своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитать в своей братии дух самоотвержения и энергии подвижничества»¹.

Еще в первых лесных кельях Сергиевой обители монахи по его настоянию занялись перепиской книг на бересте и на досках. Потом, когда обитель окрепла и появилась возможность приобрести краски, книги стали расцвечивать узорами и заставками. Алая киноварь и золото составляли их основу. Потом стали писать иконы. И самый великий из иконописцев, Андрей Рублев, был причастен к этой же обители. Именно он сумел в искусстве иконописи воплотить идеи Сергия. Рублев возвысил земного человека до подвижника, святого. В своей всемирно известной «Троице» выразил взгляды Сергия о мире и согласии.

Троица, ее смысл человеческий и небесный занимали очень важное место во взглядах самого Сергия. Византийская церковь, откуда пошло русское христианство, не знала ни храмов Троицы, ни праздника Троицы, ни икон Троицы. Именно Сергей воплотил эту идею в русском православии. И поэтому монастырь, им основанный, называется Троице-Сергиева лавра. Лавра стала и средоточием культуры Московской Руси и ее распространителем.

В конце XIV—начале XV века в русской культуре наступила эпоха подлинного расцвета. И Сергей был ее вдохновителем. «Русская иконопись, — писал П.А. Флоренский, — нить своего предания ведет в иконописной Лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический Музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение, основное

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. С. 249.

свое питание получали всегда от просветительской деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры»¹.

Удивительно много работал этот необычный человек. С его легкой руки началась монастырская колонизация глухих уголков Московского княжества, освоение огромных земель. Монастыри и обители, оторвавшись от городских стен, смело шагнули в дремучие леса, ненаселенные пространства, к неведомым еще рекам и озерам. В глухих, заповедных лесах стучал топор и крестьянская соха поднимала девственные пласты земли. Под стены этих обителей и монастырей, к Сергиевым ученикам и продолжателям, стекались беглые крестьяне, уходившие из мест, разоренных беспощадным татарским мечом и истощенных произволом бояр.

Из междуречья Оки и Волги монастыри наступали на глухие, далекие земли, захватывая огромную территорию между реками Костромой и Вычегдой, с одной стороны, и Шексной и Белоозером — с другой. Монастыри, связанные с Троице-Сергиевой лаврой, как бы цементировали слабые места княжества и подпирали уже устоявшиеся.

В монастырях не только писали книги на бересте и пергаменте, не только расписывали иконы. В них вершилась политика. И политика эта при Сергии была направлена на одно: собрать воедино земли русские, сплотить ссорящихся меж собой князей и, наконец, освободить эти земли от постылого чужеземного татарского ига. Эта цель для Сергия была самой важной. Ради нее он направлял братию на суровое подвижничество в трудные земли — создавать новые обители. Ради нее выполнял тяжелые поручения — замирить удельных князей. Ласково уговаривал капризного Олега Рязанского, повышал голос на строптивного князя Нижегородского. Вел келейные разговоры с великим князем Дмитрием, настраивая его на решительность. Осознанно и целенаправленно готовился к чему-то самому главному в своей жизни. Готовился сам и готовил других. И наступил год 1380-й, когда должно было свершиться это главное. Инок, он провидел его ярче и точнее, чем кто-либо из правящих князей. И это его ясное провидение будущей победы было тем, что подвигнуло князя Дмитрия вкупе с другими русскими князьями выступить в поход против Мамаевых полчищ.

Поход зачинался у стен Троице-Сергиевой лавры, где Сергей благословил коленопреклоненного князя на ратный подвиг. С этого подвига открывалась уже иная страница истории Русской земли... Там, за туманным рассветом на Непрядве, у донских степей решалась ее судьба. В день субботний на Куликовом поле «посекли христиане полки татарские». Сам Сергей на том поле не был, но послал туда двух своих иноков, Ослябю и Пересвета, чьи имена навсегда вошли в историю этой победной, но и трагической битвы. Удивительно вовремя подоспели и его посланцы с грамотой, указующей идти вперед, в один из критических моментов похода...

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия. С. 24.

Русские войска подошли к Дону и заколебались — переходить его или нет? Радио и телефона в то время не было. И Сергей мог и не знать, и не предвидеть этого колебания. Но он знал и предвидел. Как и многое другое в тот «день субботний на Рождество Богородицы». Еще до возвращения Дмитрия с войском он отслужил поименный зауспокойный молебен по убитым. До появления гонцов объявил о победе русских воинов.

В последние годы жизни он был бессменным игуменом своей обители. Пост этот он принял неохотно, с большими раздумьями. «Желание игуменства, — сказал он, — есть начало и корень властолюбия». Он уступил только настояниям митрополита Афанасия. Но это ничего не изменило ни в его обращении с братией, ни в положении его самого. По-прежнему ветха была его одежда, по-прежнему он рубил дрова и таскал воду, по-прежнему приветлив и ровен был с иноками и послушниками. Велика была нравственная сила этого человека, выдержавшего самое страшное — искушение властью.

Шли годы, лоб его покрывался глубокими морщинами, слабели некогда сильные руки. Печалью и болью наливались глаза. Ибо они прозревали многое. Он видел тщету своих усилий повернуть людей к добру, не верил хитрым и жадным боярам, занимавшимся поборами и стяжательством. Он ничем не мог помочь крестьянину, нищему и убогому, гнущему спину на поле от зари до зари. Замечал, как изворачивается и ловчит монастырская братия, и понимал, к чему это приведет. И как будто знал, что суровые трудовые обители превратятся в богатых землевладельцев и станут обирать народ, как и бояре.

Он предвидел, что созданные его тяжкими трудами оплоты духовной культуры и нравственности утратят свой изначальный смысл. И это тяжкое знание заставляло его страдать остро и глубоко. За полгода до смерти он предсказал ее приход с точностью до одного дня. Это, пожалуй, было последнее, что услышали от него. Потом он замолчал. Принял обет молчания. Так он и ушел из жизни, не проронив ни одного слова больше. Это случилось в 1392 году.

Его похоронили здесь же, в монастыре, а над могилой воздвигли Троицкий собор. Потом могила превратилась в раку, богато украшенную накладным серебром. За всю его жизнь у него не было столько серебра, сколько на ней. Не было его и в обители, которую он срубил вместе с братией в глухом лесу на горе Маковец, где самым большим богатством считался человеческий труд и высокий дух.

Многие годы спустя появятся его изображения на иконах. Церковные иконописцы осторожно и расчетливо будут писать его с неземной, святой отрешенностью в глазах. Однако история донесет до нас другого Сергея Радонежского. Философа и мыслителя, воина и политика. Человека — строителя русской культуры и русской государственности. Земного неутомимого подвижника и труженика. Резкие черты, глаза провидца и сильные руки, привыкшие к тяжелому физическому труду. Таким мы видим Сергея на полотнах Николая Константиновича Рериха.

Н.К.Рерих. Сергиева пустынь. 1933

Русская культура — зрелище грандиозное и многообразное. Ее ощутил со всей остротой Рерих во время поездок по старинным городам. Она влекла его неудержимо, заставляла много думать и вникать в ее суть. Он искал ее первооснову, определял ее связи с мировой культурой и те узловые моменты в ней, которые меняли, продвигали или задерживали ее развитие. Как истый археолог, поднимал в этой культуре слой за слоем. Но не разъединял эти слои, а исследовал их как одно цельное, неделимое явление.

Он различал почерк скифов на каменной резьбе Суздаля, Владимира, Юрьева-Польского и видел тот особый «звериный стиль», который позже обнаружит на пряжках и пластинах Алтая и Тибета. В русской крестьянской одежде, в затейливых куполах православных церквей улавливал элементы тех времен, когда Русь стонала под игом пришельцев с Востока. До татар Восток проникал в русскую культуру через Византию. Этот след поведет его дальше, в глубь веков, и он обнаружит какие-то более ранние связи России с Востоком. Заподозрит, что, может быть, это не только связи, а какие-то общие истоки.

В своих размышлениях и сопоставлениях он обратится к Северу, к местам, не тронутым татарским игом. От них потянется ниточка к Финляндии, а затем и ко всей Скандинавии. И когда в дымке прошлого исчезнут и растворятся варяжские ладьи, плывущие «из варяг в греки», он станет размышлять о чем-то раннем, ином, что опять повернет его к неведомым истокам. И в этой цепи размышлений и сравнений возникнут дальние несопоставимые страны: Скандинавия и Индия. А среднерусская равнина и южнорусские привольные степи окажутся странным связующим звеном в этой несопоставимости.

Какие народы здесь проходили? Что мы о них знаем? Время вело его все дальше, в такую глубину прошлого, о котором почти ничего не было известно. Время выносило только знаки этого прошлого, как выносит иногда бурный поток что-то скрытое в его бездонных глубинах. Знаки оседали фантастическими зверьками на стенах русских церквей, поднимались неизвестными забытыми курганами, возникали каменными загадочными кругами русского Севера и Финляндии. Отзывались в русском языке древним санскритом. Оттуда, из Финляндии, шло эхо каких-то исчезнувших народов, туда вел след к чему-то очень древнему, давно ушедшему и забытому.

Возникли кое-какие предположения, похожие на прозрения. Но он был осторожен в окончательных выводах. Осторожен как ученый, но свободен и раскован как художник. Истина должна возникнуть где-то на сопряжении этих двух граней. Несколько лет спустя после путешествия он напишет об этом волнующем, свершающемся в нем самом:

«В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы; каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. <...> Перед глазами еще сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

3. ПРОШЛОЕ

Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!»¹

Во всем этом многообразии форм древней жизни, в бесчисленности прошедших через Время народов он интуитивно провидел какое-то культурное единство, сводящееся к общему истоку. Потом в самых разных местах планеты он будет искать факты, подтверждающие это единство и эту общность. Но тогда, в дни его Начала, перед ним со всей очевидностью возникла проблема. Если единство существовало в прошлом, значит, это возможно и в будущем? В чем же состояла основа прошлого единства? И какой она может стать для будущего? Сможет ли то прошлое единство, преодолев разъединенность настоящего, вылиться в более высокое единство будущего? Для этого ему нужно было окунуться в прошлое. Изучение этого прошлого было необходимым и насущным. «...Человеку, — однажды написал он, — не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем»². В этих словах заключалось то, что потом станет его исторической концепцией.

*Здание Общества Поощрения Художеств на Мойке.
Квартира Рерихов на третьем этаже*

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 132.

² Там же.

Глава четвертая

СНЫ

...Сновидения правды я тебе отдаю.

Н.Рерих

— Надо ли обращать внимание на сны? — спросил Иозеф. — Можно ли их толковать?

— На все надо обращать внимание, ибо все можно толковать, — кратко ответил Магистр, посмотрев ему в глаза.

Г.Гессе

В юности и даже иногда в зрелом возрасте он писал сказки. У этих сказок была одна странная особенность. Годы спустя они сбывались. Происходило необъяснимое соединение сказки с жизнью. «Детскую сказку» он написал в 1893 году, в год окончания гимназии. Сказка начиналась так: «В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец». В сказке он рассказывал о царевне, которая предпочла простого певца знатным и богатым женихам. Но, сделав такой выбор, царевна понимала, что на одних песнях не проживешь. И она спросила певца, что он может еще ей дать. Певец пообещал царевне веру в себя и дальний путь. Царевне дары понравились.

«— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царевна.

И дивились все.

¹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 26—28.

Запись о бракосочетании Е.И.Шапошниковой и Н.К.Рериха. 1901

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи — он верил в себя»¹.

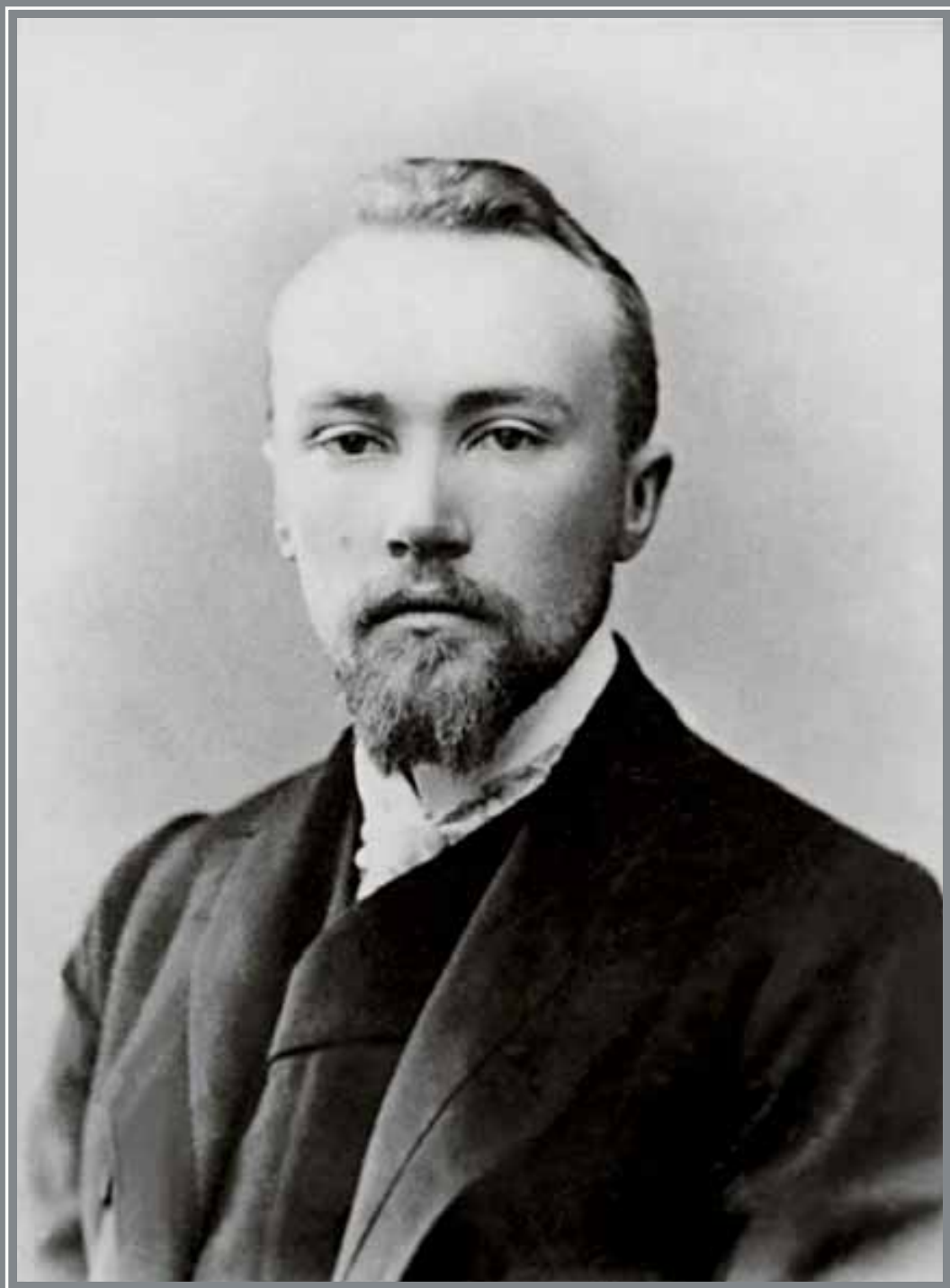
Когда сказочник писал эти слова, он, возможно, и не подозревал, что действительно в «известном и большом» Городе живет Царевна. Своей сказкой он ее сначала предсказал.

В 1899 году она возникла перед ним. Казалось бы, совершенно случайно и в самых несказочных обстоятельствах. Эти обстоятельства выглядели так: начинающий художник и археолог Николай Константинович Рерих, заехав по делам к князю Путятину в Бологое, увидел там Елену Ивановну Шапошникову, дочь вдовы архитектора, урожденной Голенищевой-Кутузовой. В этой внешней обыденности таилось немало моментов значительных. Елена Ивановна была уже на выданье, и к ней, как и в сказке, сватались. Многие из женихов были знатны и богаты. Но Царевна мечтала о Певце.

Елена Ивановна почему-то решила, что выйдет замуж только за художника. За художника Рериха она вышла в 1901 году. И Рерих выполнил сказочные обещания Певца. Далекий путь был самым прекрасным среди них. Великое путешествие, которое они совершили вместе. Каждый из них внес в него свое особенное. Если бы не было одного из них, это путешествие никогда бы не стало Великим. Много лет спустя уже стареющий всемирно известный художник напишет:

Е.И.Рерих. 1900-е гг.

Н.К.Перух. 1900-е гг.

*Елена Шапошникова
[1884]*

«Сорок лет не малый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои: “Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице”. Каждое из этих понятий было испытано в огнях жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и по всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени — женское и мужское»¹.

¹ *Рерих Николай*. Листы дневника. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 448—449.

Елена Шапошникова с сестрой Анной. 1887

Елена Шапошникова. 1894

Е.И.Перих. 1914—1916

И вот в этом «творили вместе» заключен огромный смысл. С момента женитьбы за каждым творческим действием Николая Константиновича, за его стихами и сказками, за его картинами и поездками будет всегда стоять Елена Ивановна. И не просто как жена, а как нечто большее — «другиня» и «вдохновительница».

Елена Ивановна была человеком необычным. Будучи натурой ярко одаренной и тонко организованной, она уже в ранние годы обнаружила явную склонность к музыке, искусству, философии. И круг ее интересов носил тот же характер предопределенности, которым от-

Н.К.Рерих и Е.И.Рерих. 1903

личались склонности и интересы самого Рериха. Она легко усваивала и понимала индийскую философию, зачитываясь «Бхагавад-Гитой» и книгами великих философов Индии Рамакришны и Вивекананды. Их идеи легко входили в нее, как будто она не постигала эту философию заново, а еще раз изучала нечто уже прежде ей знакомое.

Казалось, что в ней, в каких-то таинственных ее глубинах, уже жило это знание и теперь оно просыпалось и осознавалось. В ней была та философская одаренность, которая присутствует в человеке, подобно одаренности художественной или математической. В них обоих, Елене Ивановне и Николае Константиновиче, как ни странно это может показаться, было заложено что-то общее, единое, но в своих индивидуальных формах. И это единое, существовавшее до времени раздельно, должно было воссоединиться и создать одно целое. То удивительное целое, которое и было их совместной жизнью, совместным творчеством и совместным деянием.

Их встреча была неизбежной. И каждый из них нес в себе предчувствие этой неизбежности. Способности Елены Ивановны чувствовать мир, видеть и познавать его были поразительны. Их можно было сравнивать только со способностями тех, о ком повествовали легенды и сказания, начиная от самых древних времен. Но сколь ни красочны и затейливы были легенды, за ними всегда стояла Реальность. Елена Ивановна несла в себе эту мудрую и сложную Реальность, которая нередко возникала на полотнах Николая Константиновича в неожиданных образах, поющих красках и загадочных знаках.

Большинство видевших и знавших ее писали о ее уме и доброте, тонченности и той духовной силе, которая исходила от нее. Каждый из соприкоснувшихся с Еленой Ивановной понимал, что перед ним человек необычный. Она была хороша той редкой красотой, в которой внешняя привлекательность сочеталась с внутренней тонкостью и чуткостью. «Рядом с ним, — вспоминает З.Г.Фосдик о своей первой встрече с Рерихами, — стояла его жена, Е.И.Рерих — настолько красивая, что захватывало дух»¹.

Необычная одухотворенность, ей присущая, порождала и тот высокий нравственный потенциал, который питал все ее человеческие качества. Елена Ивановна была человеком удивительной скромности. Войдя в жизнь знаменитого художника, она всегда держалась в тени. Ее труды были анонимны. Ее мало волновала собственная известность, она стремилась ее избегать. Главным для нее было иное — исполнение того сужденного ей предназначения, которое она предчувствовала и провидела с ранних лет своей жизни. И поэтому ее глубоко осознанная анонимность напоминала анонимность мудрецов Востока, анонимность тех, кто написал первую букву, бросил первое зерно в землю, высек на камне первый рисунок, сформулировал первую мысль о мироздании. Ее мысли, ее видение, ее тончайшие ощущения составляли внутреннюю суть того гармоничного содружества двух людей — женщины и мужчины, — где сам Рерих, тесно связанный с этой внутренней сутью, — представлял в основном внешнюю сторону. И эта внешняя сторона, такая же необходимая, как и внутренняя, воплощалась в его картины, стихи, сказки.

Потом это содружество будет расширено. Появятся два сына: Юрий и Святослав. И в каждом из них, при всей их собственной индивидуальности, воплотится то, что входило в круг интересов родителей: Юрий станет ученым-востоковедом, а Святослав — художником.

Сказки продолжались. Одни возникали на бумаге, другие — на полотне.

Исчезнувшие города, поглощенные землей, скрытые в волнах, погребенные в песках пустынь. Николай Константинович знал сложные о них легенды, но в нем возникали и свои. Он написал леген-

¹ Фосдик З.Г. День моей встречи с Учителем // Держава Рериха. М., 1994. С. 320.

Юрий (справа) и Святослав Рерихи. [1907]

ду об Атлантиде: «Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи в золототканых одеждах сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые»¹.

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 312.

Святослав Рерих. 1908—1909

Е.И.Перух. [1915—1916]

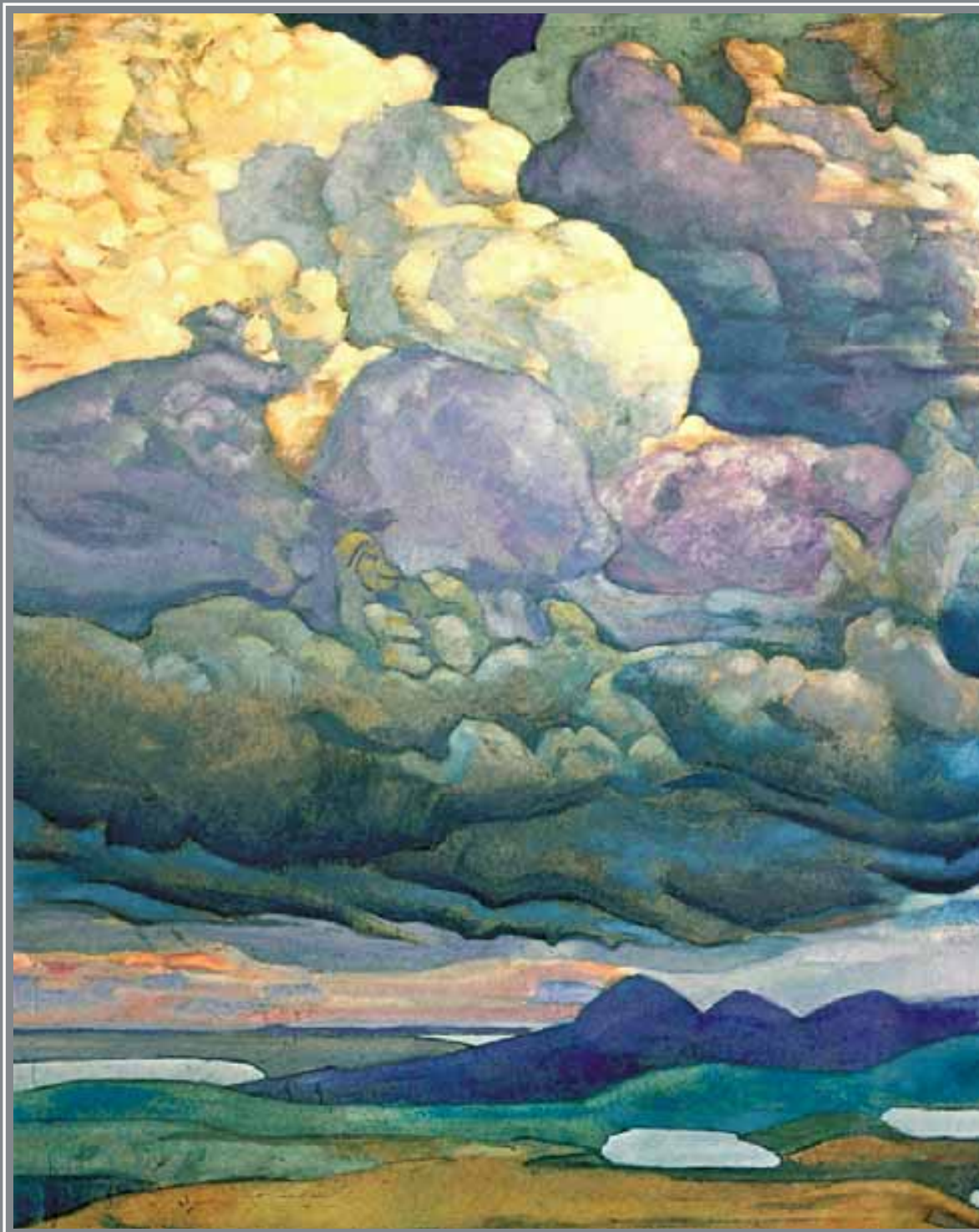
Он писал так, как будто видел перед собой реальность... Сказки, предчувствия и, наконец, сны. Вещие сны, которые сбывались. Сны, которые несли в себе предвидение, предсказание. Они возникали у него в преддверии каких-то очень важных событий. Такие сны он записывал. «Перед войною сны были: едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: едем серой равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим: не холм, а змей серый клубом завился»¹. Такие сны, поднимаясь откуда-то из глубин его подсознания, несли вместе со странными образами ощущение безвременья и чувство тревоги. Он переносил их на полотно вместе с тем настроением, которое они рождали. Полотна вызывали недоумение широкой публики. Она не могла принять это смешение реального и нереального, это пугающее безвременье. Когда разразится Первая мировая война, картины, написанные между 1912 и 1914 годами, назовут пророческой серией.

*Н.К.Рерих
с сыновьями
Юрием (в центре)
и Свято-
славом. 1916*

¹ Рерих Николай. Шамбала. М.: МЦР, 2000. С. 101.

*Н.К.Рерих
Небесный бой
1912*

На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозовые тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, и тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов. Временами возникает ощущение, что картина наполнена звуками. Звонком мечей и треском разбивающихся щитов, воем ветра и стонами умирающих. Лиловые и черные зловещие отсветы ложатся на мирный пейзаж с невысокими холмами и уютными озерами. Беззащитно и обреченно выглядят непрочные человеческие жилища на сваях.

В багровых отсветах и дыме пожарниц во все небо неумолимо и неотвратимо встал «Ангел Последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и осуждающ. Еще картина — и опять ангел. Он неслышно подходит к тяжелым воротам города. Город возвышается над стеной причудливым нагромождением башен, зданий, переходов. В руках пришедшего «Меч мужества». Он почему-то принес его в этот мирно дремлющий город, где даже стража у ворот спит крепко и беззаботно.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Там, за этой стеной, чувствуется размеренная жизнь и надежно защищенный покой. Но корабль, который приближается к стене, необычен. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное. И только один человек в городе ощущает эту тревогу. Он поднялся на зубчатую стену и пристально вглядывается в странный корабль. На желтеющее закатное небо надвигаются лилово-черные тучи. Их пока немного, но они скоро закроют небо. И кажется, что печальный корабль, вестник несчастья, привел эти тучи за собой оттуда, где уже бушует буря и тонут корабли. Картина называется «Вестник».

Зарево пожара охватило все небо. Пламя трепещет в окнах замка, вставшего темной громадой. Повержен геральдический лев. Безнадежность и отрешенность чувствуются в стоящей фигуре воина с опущенным мечом и щитом. Картина «Зарево».

«Дела человеческие». Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. И только в верхнем правом его углу столб дыма, подсвеченный угасающим пожаром. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен. Так он виден только с большой высоты. На холме стоит группа. Девять человек. Они одеты в старинные платья. В них самих и в их одеждах проступает что-то библейское, не современное. Да и сами фигуры изображены условно. Они плоские, как будто вырезаны из бумаги. На лицах людей — горе и глубокое потрясение.

Несколько десятилетий спустя Рерих вновь напишет серию подобных картин.

Картина, созданная им в 1914 году и вызвавшая больше всего недоумений, называлась «Короны». Три короля, возникшие из облаков.

Н.К.Рерих. Вестник. 1914

Н.К.Рерих. Град обреченный. 1914

Н.К.Рерих. Ангел Последний. 1912

Н.К.Рерих. Зарево. 1914

Н.К.Рерих. Книга Голубиная. 1911

Таковыми же легкими и облачными кажутся и их короны, которые, будто сдутые ветром с королевских голов, уплывают куда-то вверх. Смысл картины станет ясным несколько лет спустя, когда революция сметет три монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов. Но тогда, в четырнадцатом, никто об этом еще не знал.

Тогда же как бы эскизно-неопределенно наметились три странных и таинственных сюжета — Мудрецы, Книга, Камень. Придя из тех же снов, предчувствий и сказок, рождавшихся в неведомых глубинах движений духа, они, возможно, и остались бы незамеченными, если бы позже не оказались главными в творчестве художника.

Веками по Руси ходило сказание. Однажды, гласило оно, из тучи выпала Книга, и была она очень большой. Сорок царей, сорок князей, сорок попов, сорок дьяконов и еще много народа православного пытались открыть ее, но не смогли. Открылась чудесная Книга только перед царем Давидом Евсеевичем. И все, что было написано в этой Книге, объявилось ему. И любознательный князь Владимир подошел к Давиду Евсеевичу и попросил:

*Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божии;
Про наше житие про свято-русское.
Про наше житие свету вольного!
Отчего у нас начался белый, вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад-светел месяц?
Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренни?
Отчего у нас ветры буйные?
Отчего у нас дроблен дождик?
Отчего у нас ум-разум?
Отчего наши помыслы?
Отчего у нас мир-народ?
Отчего кости крепкие?
Отчего телеса наши?
Отчего кровь-руда наша?¹*

Но, видимо, Книга зря открылась перед царем Давидом, ибо он не смог в ней прочесть ни строчки. На все вопросы князя Владимира, которые свидетельствовали об остром уме князя и глубочайшей его любознательности, ответил, что «все от Бога». Этим он крайне разочаровал Владимира, который надеялся узнать о происхождении земли, о природе Солнца и Луны, о происхождении и природе человека. Книга называлась «Глубинная», но потом стала «Голубиной». Так она и называется на картине Рериха, написанной им в 1911 году.

¹ Перезвоны. Рига, 1926. № 13 (5). С. 362.

Н.К.Рерих
Голубиная книга
1922

Вторую с этим же сюжетом он написал в 1922 году. На первой все было условно, как в церковной росписи. Фигуры людей поднимались выше белых стен города. Огромная развернутая книга занимала центральное пространство между стенами. Четыре короля с лицами мудрецов склонились над книгой. На королях были расшитые неизвестными знаками одежды, а с плеч ниспадали плащи. Над книгой был изображен голубь. Или, скорее, его символ. На заднем плане, за диковинным городом, стояли горы, а на горах — вытянутые вверх башни. Короны двух королей касались облаков.

Вторая картина была более реалистичной, хотя элементы условности и какой-то еще неясной символики в ней присутствовали. Городскую площадь окружали соборы, башни, каменные дома. И хотя город был похож на сказочный, но приметы реального места в нем прочитывались легко. Перед собором, повторявшим смоленский, лежала огромная развернутая книга. Около нее стоял седобородый король и, судя по позе и жестам, читал, а может быть, и объяснял прочитанное. Вокруг книги толпились люди, тот самый «православный народ», о котором говорилось в старинном сказании.

Другая картина Николая Константиновича, вызвавшая ожесточенные споры в выставочных залах, называлась «Сокровище Ангелов» (1905). Смотрели на нее и оценивали ее очень по-разному. Одни считали ее просто церковной фреской, где Рерих вновь отступил от христианских канонов, другие усматривали в ней мрачный мистицизм живописцев Средневековья, третьи, разглядывая полотно, говорили, что Рерих как художник «исписался», отошел от реализма и вряд ли сможет теперь создать что-нибудь значительное. И никто тогда, возможно, не подозревал, что необычный стиль картины, странные ее образы, возникшие где-то на стыке легенды и религии, были формой передачи знания о чем-то важном и нужном. И это был Камень.

«Громадный камень, — писал С.Маковский, — черно-синий с изумрудно-сапфирными блестками; одна грань смутно светится изображением распятия. Около, на страже, — ангел с опущенными темными крыльями. Правой рукой он держит копье, левой — длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них — вещи сирины. Сзади, все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»¹.

В этом же году Рерих написал и другую картину. Она называлась «Вещий Камень». Годы спустя этот мифический Камень вновь возникнет на картинах его гималайского цикла. У Камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, Артуровы рыцари

¹ Золотое руно. 1907. № 4. С. 5.

Н.К.Рерих. Сокровище Ангелов. Эскиз стенописи. 1905

*Н.К.Рерих. Архангел
Эскиз к картине
«Сокровище ангелов». 1904*

Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из современников вспоминал: «...мне пришлось видеть его (Рериха. — Л.Ш.) с группой друзей на “Парсифале”, и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»¹.

В 1911 году Рерих написал стихотворение. Оно называлось «Заклятие» и было похоже на древнюю ворожбу. Ворожба вызывала странные образы. Мятущаяся по неровному закопченному потолку тайной пещеры тень колдуна. Длинные космы волос, рассыпавшиеся по его обнаженным плечам. Красноватые отблески священного огня и исступленное бормотание. Слова вырываются, как в горячечном бреду, откуда-то из темных глубин самого существа заклинателя. Слова отрывистые, часто несоединимые:

*Яд змия да сойдет на лихих!
Агламид — повелитель змия!
Артан, Арион, слышите вы!
Тигр, орел, лев пустынного
поля! От лихих берегите!²*

Заклинание кончалось словами:

*Камень знай. Камень храни.
Огонь сокрой. Огнем зажгися.
Красным смелым.
Синим спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильным.
Отдайте верным.
Иенно Гуйо Дья, — прямо иди!³*

Годы спустя появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна, но, как всегда, под псевдонимом.

В 1907 году Рерих написал странное, как будто выпавшее из Времени, полотно. Оно называлось «Владыки нездешние». Своды высокого собора чем-то похожи и в то же время непохожи на известные нам. Так бывает иногда во сне. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорчатом полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. В пронизательности глаз и в их достойном спокойствии проглядывает «нездешность», наполненная мудростью

¹ Бурлюк Д. Рерих: Черты его жизни и творчества (1918—1930). Нью-Йорк, [1930]. С. 24.

² Рерих Николай. Цветы Мории. Берлин, 1921. С. 9.

³ Там же. С. 11.

Н.К.Рерих. Владыки нездешние. Эскиз. 1907

В.А.Серов. Портрет Е.И.Перух. 1909

письмен таинственных свитков, которые Владыки держат в руках. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал к нему эскиз. У каменной стены стоят двое. На них те же свободные темные одежды. Но прорисованы они более четко, более определенно. Их лица не ушли в сумрак «нездешнего» собора, а приближены к нам, даны крупным планом. В руках одного из них посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их на какое-то время у двери. Второй поднял руку в предостерегающем жесте. На лицах раздумье, чуть смешанное с печалью. В остановившихся на какое-то мгновение фигурах ожидание. Они как будто слушают Время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая кованая дверь захлопнется за Мудрецами. И нездешнее станет здешним.

Потом Рерих напишет: «Эти образы смутно являются во сне, — вехи этих путей наяву трудно открыть»¹.

Н.К.Рерих. Пречистый град — врагам озлобление. 1912

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 289.

Глава пятая ЗОВУЩИЙ

Башня видна, но вдали.
Иногда кажется, будто звучит
Царское слово.

Н.Рерих

Этот мир не только существовал где-то вдали, в прошлом или будущем, нет, он был рядом и действовал, излучал свет, посылал своих вестников, апостолов, посланцев, таких, как этот старый Магистр...

Г.Гессе

Агван Дорджиев, узкоглазый, вежливый, склонился в глубоком поклоне и протянул на вытянутых ладонях завернутый в желтый шелк сверток.

— Это вам от его святейшества Далай-ламы, — сказал он с легким акцентом.

Николай Константинович принял из рук Дорджиева сверток, шелк приятно охлаждал ладони.

С Дорджиевым, который появился в Петербурге некоторое время назад, он уже был знаком. Это был тот самый бурят Дорджиев, который сопровождал Далай-ламу XIII в его бегстве в Монголию. Лето 1904 года оказалось тревожным для Тибета. Английское соединение под командованием генерала Макдональда вошло в священную Лхасу. Далай-лама бежал в Монголию, не дожидаясь, когда английские солдаты появятся на узких улицах города. Дорджиев был в его свите. Далай-лама понимал, что соединение Макдональда — это только начало. А потом Тибет постигнет судьба Индии. И он сопротивлялся этому как мог. Его

бегство смешало карты англичан. В самой Лхасе они чувствовали себя неуютно. Их основные силы находились в Индии, за высокими снежными горами. Лхаса затаилась во враждебном молчании.

По Тибету ползли слухи об оскорблении святынь нежелательными пришельцами. Было ясно, что долго продержаться в Лхасе не удастся. Доходили сведения, что Далай-лама намерен связаться с правительством России. Россия была главным соперником Англии в восточных делах и отнеслась крайне неодобрительно к захвату Лхасы. Надо было торопиться. В сентябре с тибетским правительством был заключен поспешный договор.

Англичанам удалось вырвать уступки, облегчавшие им дальнейшее проникновение в страну. Первая «разведка боем» кончилась, и в этом же месяце соединение Макдональда покинуло Лхасу. Однако Далай-лама не спешил возвращаться из Монголии. Его посланец Дорджиев в Петербурге выяснял позицию царского правительства и искал помощи далекого русского царя. Но тибетский вопрос оказался сложным, вокруг него был завязан тугой политический узел. Царское же правительство отличалось нерешительностью и медлительностью. Умный и проницательный Дорджиев знал, как трудна его миссия, и поэтому пытался заручиться поддержкой самых разных людей. Вот тогда и состоялись его первые встречи с Николаем Константиновичем Рерихом, который понимал, как необходимы России живые связи с Востоком. Он свел Дорджиева с нужными людьми, помогшими ему ориентироваться в извилистых и темных коридорах царской политики. Оказала ли миссия Дорджиева влияние на последующие события, сказать трудно. Но так или иначе, в 1907 году Англия заверила Россию в том, что не пойдет на аннексию Тибета. Далай-лама вернулся в Лхасу.

И вот теперь этот подарок, завернутый в желтый шелк, который держал на вытянутых руках Агван Дорджиев. Знак благодарности за содействие интересам Тибета и Далай-ламы. В нем как будто было заключено обещание. Еще неясное и неопределенное, но обещание далекого и чудесного мира. Мира таинственной древней культуры, в недрах которой, возможно, сохранились следы первоистоков.

Но Тибет был лишь периферией другого мира, чей властный и неотвратимый зов звучал все громче и настойчивее.

«К черным озерам ночью сходятся индийские женщины, — писал Рерих в 1913 году. — Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепашек. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь»¹.

С каждым годом он ощущал Зов этого Пути все яснее. Он ступит на этот Путь только через двадцать лет, и многое, что ему грезилось и снилось, оживет, станет реальным и ощутимым.

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 60.

Подчиняясь Зову, он читал и перечитывал индийские сказания, легенды и мифы. Многие из них звучали мотивами русских преданий. Те же города, ушедшие под воду, те же таинственные племена, исчезнувшие под землей. Его привлекла индийская легенда о всемирном потоке и прародителе людей Ману. В ней рассказывалось о том, что, когда земля ушла под воду и остались видны только самые высокие вершины гор, человек по имени Ману был спасен огромной фантастической рыбой. Тогда же Рерих написал картину, которая называлась «Мудрость Ману». Чудовищная рыба, похожая на кита, плыла к человеку, сидящему на небольшом островке суши. Вода уже заливала эту сушу и город, видневшийся у подножия горы.

Интуитивное ощущение каких-то общих моментов в древних культурах Индии и России, а возможно, и единого их источника заставляло его подолгу сидеть в библиотеках и просматривать самую разнообразную литературу. Он посещал музеи и внимательно изучал их экспонаты. Стасов, видный критик и искусствовед, порадовал его своей работой. Но в ней тоже было много неясного. Работа называлась «Происхождение русской былины», и в ней Стасов, отметив общность в сюжетах индийского эпоса и русских былин, утверждал, что индийские сюжеты были первичными. Но Стасов оставлял без ответа, в какое время и какие народы владели нитью, связующей индийский эпос и русскую былинку? Куда эта таинственная нить уходила? К каким первоистокам? Может быть, в туман того легендарного прошлого, когда из разъяренных вод мирового океана выплыла фантастическая рыба и спасла прародителя Ману? Были догадки, были ощущения, но фактов не было.

Весной 1913 года Рерих оказался в Париже со своей выставкой. Именно там произошла встреча, которая решила многое в его дальнейшей судьбе. Правда, встреча эта ничего кардинальным образом не изменила в том, что уже задумывалось и намечалось. Но она многое поставила на практическую основу, и, вполне вероятно, именно тогда и было впервые произнесено слово «экспедиция», которое заменило неопределенное «поездка» или «посещение».

...Рерих ждал его в фойе музея Чернуски. Он появился почти вовремя, подтянутый, щегольски одетый, с красивым породистым лицом. Темные глаза его смотрели серьезно и какое-то время неотрывно на художника.

Потом он протянул руку и сказал, что очень рад видеть Рериха опять в Париже. Они поднялись по лестнице в зал, где была размещена коллекция, о которой так много в эти дни говорили в городе. Коллекция была привезена из Индии и принадлежала этому спокойному и уверенному человеку. Его звали Виктор Викторович Голубев. Он был крупным русским востоковедом и археологом, но предпочитал жить и работать в Париже. Из Франции легче было попасть в те страны Востока, которыми он занимался. Многие из этих стран находились на положении колоний Франции, Англии, Голландии.

К востоковедам, прибывшим прямо из России, колониальные власти относились с подозрением и недоверием. Они всячески препятствовали им в передвижении по стране, а чаще просто не пускали в нее. Индия не составляла исключения. Французский паспорт спасал Голубева от ряда осложнений и неприятностей. Может быть, именно пример Голубева и подсказал Рериху тот единственный путь, который приведет его потом в Индию. Путь через другую страну, которая послужит ему своеобразной «стартовой площадкой». Но на нем Рерих столкнется с трудностями, о существовании которых Голубев даже не подозревал. Ибо потом Россия станет Советской, и все окажется много сложнее...

В тот весенний день оба они, Рерих и Голубев, рассматривали лекцию Виктора Викторовича. Вернее, Рерих рассматривал и спрашивал, а Голубев отвечал и объяснял. Сначала они надолго задержались у снимков фресок пещерных храмов Аджанты, сделанных Голубевым. Их было около трехсот. Затем перешли к другим экспонатам. Рерих осторожно и бережно касался их, пристально разглядывал, подолгу стоял около каждого из них и о чем-то размышлял. Потом перестал задавать вопросы и уже невнимательно слушал объяснения Голубева.

Движения его стали стремительны, во всем облике художника чувствовалась взволнованность, как будто какая-то неотступная мысль завладевала всем его существом. Голубев с удивлением поглядывал на Рериха, которого он знал как человека спокойного и выдержанного. Потом все объяснилось. Рерих увидел в начинании Голубева очень интересные перспективы — «от русской жизни пройти по новому направлению к истокам индийского искусства и жизни»¹. Оба они, обсудив эти перспективы, загорелись новой идеей.

Но только Рерих продолжал гореть ею всю жизнь. У Голубева же она вспыхнула и погасла. Остаток жизни он посвятит археологии Индокитая, а Индия для него отойдет на второй план. Но тогда в Париже оба серьезно обсуждали планы будущей экспедиции в Индию. Рерих торопил Голубева. Он опасался, что французы поймут, что сделал Голубев, и сами займутся поиском общих истоков славянской и индийской культур. Но французы не поняли. Не до конца понял это и Голубев.

С момента той парижской встречи будущая экспедиция для Рериха стала столь же неизбежной, как и многое другое, что звучало в Зове.

Какое-то время спустя Николай Константинович написал: «Обычай, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи — все это было так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал»².

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 318.

² Там же. С. 318—319.

Н.К.Рерих. Мехески — лунный народ. 1915

Н.К.Рерих в мастерской у картины «Мехески — лунный народ». 1915

Он был уверен, что исследования принесут нужные результаты. И он спешил, потому что знал, что многое в Индии разрушается и может окончательно погибнуть под напором западной цивилизации. Тогда же он и написал эти удивительные слова: «К черным озерам ночью сходятся индийские женщины...» Теперь всем его грезам, мечтам и снам было придано качество устремления, которое станет неодолимым и через все трудности и препятствия приведет его в Индию. И многое из того, что он только предполагал, подтвердится. В 1946 году он напишет секретарю Льва Толстого В.Булгакову: «Впрочем, Индия — не чужбина, а родная сестра России»¹.

Сама душа этой «родной сестры России» была ему очень близка, он ей внимал, и она ему отзывалась. Он ощущал ее древнюю мысль, чувствовал ее настрой и своеобразие построения. Он принимал ее без видимых усилий. В нем самым естественным образом как бы сочеталось два мира. Мир Востока и мир Запада. Его творчество сосредоточивалось в той, казалось, неуловимой точке, где соединялось несоединимое, где два противоположных мира существовали неразделенными. И тогда языком Запада говорил Восток, но язык этот не был ни упрощенным, ни обедненным. Он передавал все богатство и неповторимость мысли Востока и показывал всю глубину ее мудрости. Николай Константинович, так же как и Елена Ивановна, хорошо знал работы крупных индийских философов, внимательно изучал Упанишады и «Бхагавад-Гиту». В них заключалась древняя мудрость Индии. Эта мудрость пронизывала неповторимые стихи Рабиндраната Тагора. В них звучали забытая музыка и все та же непреходящая Истина. Эти книги неудержимо влекли его к себе, притягивали, и ему было подчас трудно отрываться от них, от их своеобразной речи, от того недосказанного, что содержалось в них. Он знал, что тысячелетняя мудрость индийской мысли не ограничена только этими книгами. Она продолжала жить в самом народе. Ее берегли Гуру — Учителя, хранители древних Знаний. В книги попало не все. Много больше могли сказать сами Учителя. Храня древнюю мудрость, они мыслили и творили в самой гуще жизни, пристально всматривались в нее. Зная прошлое, правильно оценивали настоящее и прозревали будущее. Они по-своему ориентировались в обстоятельствах и событиях, часто их выводы и предвидения удивляли окружающих.

И Время нередко подтверждало их правоту. Время могло быть близким и далеким. Тот, кто слушал Учителей, должен был запастись спокойствием и терпением. Тем спокойствием и терпением, которые на Западе считали признаком застойности и инертности, на Востоке же — проявлением мудрости. Потом Рерих скажет: «Нужно вчитываться в окружающие обстоятельства, как в глубокую прекрасную книгу, данную для повседневного приложения»². Он научился читать эту книгу жизни, потому что принял практическую философию Учителей Индии.

¹ Булгаков В. Встречи с художниками. Л., 1969. С. 283.

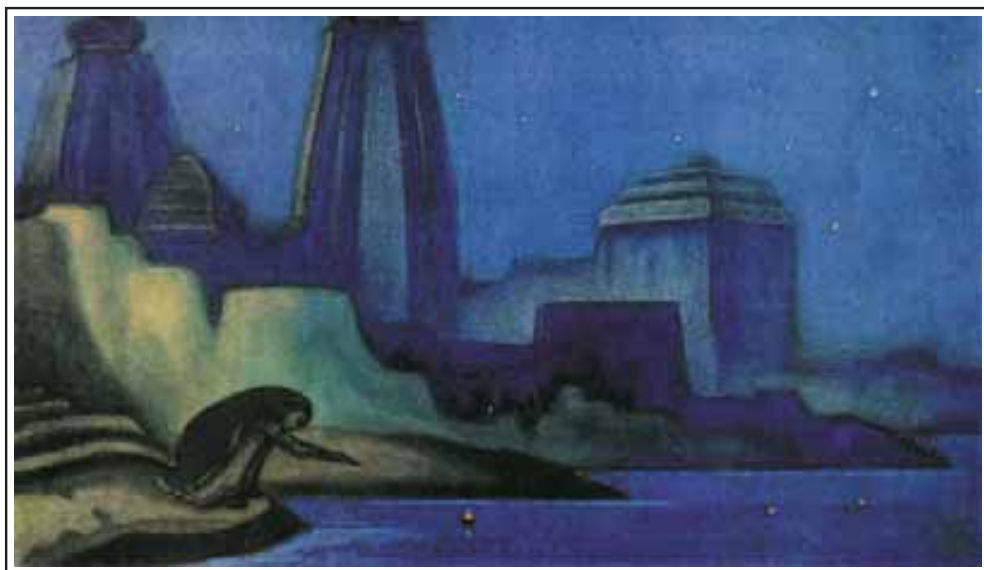
² Рерих Н.К. Обитель Света. М.: МЦР, 1992. С. 35.

Зов Индии был властен и неотвратим. Об этом Рерих скажет так: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество, и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное чело-векоубийством и грабежом последних лет»¹.

Индия дала ему силу перенести то страшное и разрушительное, что принесла с собой Первая мировая война. Она же дала ему уверенность в том, что в «ближайшей жизни» произойдут очень важные перемены. Война еще продолжалась, а на картинах Рериха уже звучала новая призывная мелодия. Она как будто исходила из рога «Зовущего». Зовущего окружали высокие снежные горы. Потом художник узнает, что еще в 1916 году он написал гималайский перевал Ротанг. Перевал господствовал над горной долиной в Западных Гималаях, где он проведет свои последние двадцать лет жизни и где останется надгробный камень с его именем.

Путь был определен. Зовущий трубил, и осталось только написать еще одну сказку, но самую главную. Сказку жизни, «которая чудеснее всех сказок»².

Но на этом пути, казалось бы, неожиданно и непредвиденно, возник Остров.

Н.К.Рерих. Огни на Ганге. 1947

¹ Беликов П.Ф. Николай Рерих и Индия // Страны и народы Востока. Вып. XIV. М., 1972. С. 215.

² Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 82.

Глава шестая

ОСТРОВ

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохранятся достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего — такое хранилище было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Н.Рерих

Документ:

Завещание

Все, чем владею, все, что имею получить, завещаю жене моей Елене Ивановне Рерих. Тогда, когда она найдет нужным, она оставит в равноценных частях нашим сыновьям Юрию и Святославу. Пусть живут дружно и согласно и трудятся на пользу Родины. Прошу Русский народ и Всероссийское Общество Поощрения Художеств помочь семье моей; помочь, помня, что я отдал лучшие годы и мысли на служение русскому художественному просвещению. Предоставляю Музею Русского искусства при Школе, мною учрежденному, выбрать для Музея одно из моих произведений, как мой посмертный дар. Прошу друзей моих помянуть меня добрым словом, ибо для них я был другом добрым.

1 мая 1917; Петроград. Художник Николай Константинович Рерих¹.

¹ ОР ГТГ. Ф 44, № 472.

Из писем:

Н.К.Рерих — А.Н.Венуа, 7 октября 1917 года.

«...Мои легкие опять загнали меня в Сердоболь. Когда выпустят меня отсюда — не знаю. Может быть, буду рентгенизироваться, чтобы установить, что за нелепая форма ползучего процесса. Верно, где-нибудь имеется очаг, который при первой возможности осложняется. Настроение плохое»¹.

Н.К.Рерих — А.П.Иванову, 10 октября 1917 года.

«Живу в Сердоболе, больной — опять ползучее воспаление. Когда пройдет — Бог знает. Дождь бьет в окна»².

Н.К.Рерих — А.Н.Венуа, 5 декабря 1917 года.

«Здоровье мое все еще не ладно. Все скачки температуры. Не поймешь, что это — туберкулез или особая нервная форма»³.

Из документов:

Заявление в Совет рабочих и солдатских депутатов.

«Комиссия по делам искусства, занятая разработкой вопросов, связанных с развитием искусства в свободной России, единогласно постановила предложить свои силы в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов для разработки вопросов об охране памятников старины, проектирования новых памятников, составления проекта положения об органе, ведающем делами изящных искусств, устройства народных празднеств, театров, разработки гимна свободы и т.п.»⁴.

6 марта 1917. Среди подписей: М.Горький и Н.Рерих.

Обращение к правительственным и общественным учреждениям.

«При старом государственном строе, в тех ненормальных условиях, при которых развивалась наша художественная жизнь, во многих городах задуманы, а частью даже и осуществляются разного рода памятники. Исходя из того, что значительная часть их не удовлетворяет требованиям художественного вкуса, Особое совещание по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством двора и уделов и Комиссия по делам искусств, утвержденная при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, постановили обратиться ко всем правительственным и общественным учреждениям, в ведении которых находится сооружение этих памятников, в особенности предназначенных к увековечению памяти династии Романовых, с настоятельной просьбой приостановить все работы по созданию этих памятников, а о проектах и начатых работах довести до сведения Особого совещания по делам искусств (Зимний дворец)»⁵.

Март 1917, Петроград.

¹ Север. 1981. № 4. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 111.

⁴ Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 129.

⁵ Там же. С. 130.

Из официального письма Н.К.Рериха в Петроград от 12 ноября 1917 года:

«Я прослужил искусству 25 лет, по мере сил защищал русское народное достояние и подготовлял путь для молодых, буду счастлив, если мой опыт послужит на пользу будущим деятелям искусства»¹.

Из черновых набросков Н.К.Рериха:

«Лишь подвигом движима русская жизнь. И подвиг самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовластия, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания»². Ноябрь 1917 г.

«Товарищи! Нам нужно рассмотреть вопросы большого значения. Надо особенно хозяйственно, особенно вдумчиво пережить время, пока денежная жизнь страны укрепитя. <...> Мы верим в великое значение искусства для жизни народа. Товарищи! Какие бы трудности нас ни ожидали, будем твердо помнить, что идея народного просвещения всегда должна быть в человечестве самой нерушимой, самой любимой, самой близкой понятию подвига»³. 1918 г.

Из письма Н.К.Рериха А.П.Иванову от 10 октября 1917 года:

«“Героика” — из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни. 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада. Четвертая и шестая части без людей. Конечно, по этим вещам (я считаю их эскизами больших) здесь писать негде, а когда будет можно?»⁴

Из пьесы «Милосердие»:

«Старейшина: Кое-что мы успели записать. И сохранить. Наши тайники никому не известны. Подземные ходы стали сказкою. Уже давно не живут построившие их.

Второй Старейшина: Но о ходах все еще говорят.

Старейшина: Говорят, но ничего не знают. Остались молва, сказки. Но найти их еще нельзя. Сквозь эти скалы ни глаз, ни рука, ни сердце еще не проникнут. Еще нужны тайны.

<...> Укрепим тайники наши и утвердим сокрытые ходы. Они еще нужны. Еще долго нужны.

Третий Старейшина: ...На каменных плитах надо запечатлеть знание и раскидать по вершинам. Или сложить в тайниках храма...»⁵

¹ Беликов П., Князева В. Рерих. С. 131.

² Беликов П.Ф. Рерих и Горький // Труды по русской и славянской филологии. Вып. XIII. Тарту, 1968. С. 260.

³ Беликов П., Князева В. Рерих. С. 133.

⁴ Север. 1981. № 4. С. 110.

⁵ Рерих Николай. Милосердие / О Вечном... М., 1991. С. 428—429.

Из повести «Пламя»:

«Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана — их кажется бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жильё. А может быть, это — просто скала. Налево и сзади — сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озёрки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитой цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, незаметно как возникшие. Незаметно исчезающие...

<...> Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев. <...>

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедем с тобою или в... или на берега... в... Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма»¹.

Сентябрь 1918 г.

Из «Письмен»:

«Я приготовился выйти в дорогу.

Все, что было моим, я оставил.

Вы это возьмете, друзья.

Сейчас в последний раз обойду дом мой.

Еще один раз вещи я осмотрю.

На изображенья друзей я взгляну еще один раз.

В последний раз.

Я уже знаю, что здесь ничто мое не осталось.

Вещи и все, что стесняло меня, я отдаю добровольно.

Без них мне будет свободней.

К тому, кто меня призывает освобожденным, я обращусь.

Теперь еще раз я по дому пройду.

Осмотрю еще раз все то, от чего освобожден я.

Свободен и волен и помышлением тверд.

Изображенья друзей и вид моих бывших вещей меня не смущают.

Иду.

Я спешу.

Но один раз, еще один раз последний я обойду все, что оставил»².

Документы, письма, картины, повести, стихи, в которых запечатлены вехи жизни Рериха на Острове. Вехи внешние и внутренние. На первый взгляд может показаться, что это разрозненные эпизоды

¹ Рерих Николай. Пути Благословения. Нью-Йорк, 1924. С. 33—34, 55.

² Рерих Николай. Письмена. М., 1974. С. 77.

жизни каких-то разных людей. Или осколки причудливой мозаики, рисунок которой исчез, стерся, а остались только его не скрепленные друг с другом цветные осколки. На самом же деле все между собой связано, скреплено внешними и внутренними нитями и образует целый неповторимый и важный этап в жизни Рериха.

Остров, так неожиданно возникший, соотносился с печальными обстоятельствами, которые казались Рериху роковыми. Поэтому он и написал завещание. У него тогда не оставалось никакой надежды. Завещание завершало собой круг его жизни и как бы подводило черту под ней. Но, как выяснилось потом, первый круг перешел во второй, и Остров оказался и концом и началом, — концом первого круга и началом второго. Круги были связаны друг с другом, как витки одной спирали, идущей вверх. Подъем на следующий виток был нелегок, сопряжен с физическими страданиями, духовными исканиями и, наконец, с принятием ряда решений, имевших судьбоносное значение.

Рерих выздоровел и остался жив. Но опасность, которая ему угрожала, продолжала существовать. Она дала себя знать в конце 1916 года. Перенесенное тяжелое воспаление легких повлекло за собой бронхиты и ползучие пневмонии. Возникла легочная недостаточность. Она могла окончиться туберкулезом. Туберкулез тогда не лечили, и заболевшие им были обречены. Рерих не исключал возможность такого исхода и поэтому написал завещание. Нездоровый, сырой климат Петербурга мог все ускорить. Надо было менять климат, и срочно. Но он не хотел уезжать далеко от Города. Он предчувствовал, что назревают какие-то важные события и возможны коренные перемены. Бессмысленная и разрушительная война истощала силы народа. Вместе с силами истощалось терпение. Старое и обветшалое должно было рухнуть и дать дорогу новому.

Финский город Сердоболь с его благоприятным климатом оказался наиболее подходящим местом. Они приехали туда всей семьей в декабре 1916 года. Раньше он не раз бывал в Финляндии и успел ее полюбить. Он любил ее озера, горы и леса. Любил ее древние сказания и загадочные легенды.

Небольшой городишко Сердоболь стоял на берегу синего Ладожского озера, по которому когда-то проходил легендарный путь «из варяг в греки». Окрестности и острова озера напоминали о дальних походах, о древних святилищах, о скандинавских рыцарях. Но сам Сердоболь был тих, провинциален и набожен. В нем были две православные церкви, учительская семинария, кирха, несколько мелких мастерских и торговые склады у пристани. К этой пристани причаливали небольшие, жирно дымящие пароходики, идущие из Петербурга, Шлиссельбурга, с Валаама.

Пристань являлась деловым центром города. Здесь слышались пароходные гудки, крики грузчиков, грохот извозчичьих колясок по камням булыжной мостовой. У пристани выгружали товары, и лавочники, переругиваясь с грузчиками, следили за тем, чтобы все было

На острове Карле-саару

доставлено в целости и сохранности. Остальные же улицы городка были сонными и тихими. Многие из них начинались у озера и упирались в сосновые леса, окружавшие Сердоболь.

Вечерами по тротуарам, вымощенным каменными плитами, прогуливались чинные обыватели: лавочники, мастеровые, священники, студенты учительской семинарии. Совершив необходимый моцион, они расходились по домам. В окнах рано гас свет, и городок погружался в дремотную тишину, чтобы проснуться на следующий день и заняться своими небольшими делами. Дела делались медленно, старательно. И было ощущение, что люди так и не проснулись окончательно после ночи. Вялые и полусонные, они вновь отбывали на ночной покой. Воздух в городке был тоже каким-то сонным, и даже ветры с Ладожского озера не могли разогнать запаха затхлости и гнили, угнездившегося в нем.

Жизнь городка напоминала сумеречное болото, на поверхности которого плотно сошлась ядовито-зеленая ряска. Иногда казалось, что время здесь остановилось, лишив себя прошлого и будущего и растянув настоящее до немислимых пределов. Городок и его атмосфера тяготили Рериха. Выздоровление затягивалось, как и все в этом странном и сонном городишке. И он писал письма. Иногда от них веяло безнадежностью. Ему казалось, что болезнь не кончится и он никогда не сможет вырваться из удушливой атмосферы Сердоболя. Он не скрывал своей неприязни к нему.

То, что он там наблюдал, он назвал среднекультурой, «где нет ни низкого, ни большого»¹. Он вспоминал Кнута Гамсуна и писал: «Передо мной страницы К.Гамсуна с его маленькой культурой»². Он рвался из этого затхлого болота мелкой политики и бездуховности туда, где веяли свежие ветры Великих перемен. Туда, в большой Город. Несмотря на болезнь, он все-таки несколько раз в него съездил.

Ветры Великих перемен все усиливались, потом неудержимо разбушевались и, наконец, перешли в ураган революции. Город, который теперь назывался Петроград, стал ее эпицентром. В феврале 1917 года рухнуло самодержавие, в октябре был совершен переворот, определивший иную судьбу России. Для Рериха ни одна из этих перемен не была неожиданной. Он вникал в политические моменты, связанные с революцией. Они были сложны, преходящи и нередко запутаны. Великие слова революции — «Свобода», «Равенство» и «Братство» он мерил Культурой. Без нее они превращались в пустую демагогию.

Культурой он мерил и человеческие отношения на всех уровнях. Новый нарождающийся мир должен быть культурным. Культура, в самом высоком понятии, должна была пронизать все клеточки нового зарождающегося организма. В этом он видел одно из главных отличий старого от нового. Он хорошо понимал, какие объективные возможности были заложены в русской революции для такой Куль-

¹ Север. 1981. № 4. С. 109.

² Там же. С. 110.

туры. Он сразу указал на них, и деятельность его в эти месяцы носила характер конструктивный и творческий.

Революция, рушившая старый мир, была полна противоречий, сложностей и трудностей. Только Культура могла восстановить равновесие. И поэтому он говорил о Culture и писал о Culture и ее значении в деле переустройства. Он понимал, что только Culture, культурный человек могут противостоять злу в этом мире. В самые острые, поворотные моменты истории лучшие люди думали о Culture и защищали ее. Ибо будущее было в Culture. Вне ее оно не существовало.

И, как бы подтверждая эту мысль, много лет спустя, в скованном холодом блокадном Городе голодный, теряющий силы человек при свете коптилки напишет в своем дневнике: «Будущее человечества — это культурное будущее, расцвет культуры. Человечество достигнет этой степени своего развития и поистине станет культурным человечеством»¹. Советский историк Г.А.Князев непреложно верил в то, о чем писал в страшные февральские дни 1942 года. В это же верил и Рерих. Он понимал, что фундаментом Culture может стать просвещение всего народа. Он призывал к этому и трудился для этого. Подтверждение содержится в документах, приведенных выше.

В 1918 году Финляндия отделилась от России и некоторое время спустя закрыла границу. В Петроград художник уже не вернулся. И не потому, что не сумел вернуться. В жизни он преодолел границы и посложнее. Дело было совсем в другом. В те дни он оказался перед суровым и в какой-то мере трагическим выбором. Зов Индии был силен, необходимость экспедиции стала непреложной. Он отчетливо понимал, что из Советской России в Индию не попасть, и сделал выбор в пользу последней. Так выглядело внешне. Внутренне же перед ним этого выбора не существовало. Обе страны, Индия и Россия, жили в нем в том гармоничном единстве, которое может сложиться в сознании самого человека, на трудных высотах его внутреннего мира.

Сделав свой выбор, он не пожертвовал Россией, а пожертвовал собой ради России. Ради нее он трудился в далекой Индии, достигнув того, чего не удавалось никому до него. Потом, когда многое изменится, его имя назовут среди тех, кто был пионером советско-индийского культурного сотрудничества. Однако его деяние в этой далекой стране было много глубже и значительнее того, что мы называем культурным сотрудничеством. Деяние носило планетарный характер.

Из письма:

С.Н.Рерих — П.Ф.Беликову, 21 августа 1974 г.

«Так, в Сердоболе, мы жили на Юхинлахти (на юг от Сердоболя), имение Реландера — ректора университета. В самом Сердоболе в доме Генеца — Генеци Тало, улицы не помню, но это было около университета, на южн[ом] берегу Сердобольск[ого] залива. Из Юхинлахти часто ездили по шхерам, особенно пра-

¹ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга // Новый мир. 1981. № 11. С. 172.

На острове Карне-саари

вился Ник[олаю] Конст[антиновичу]. Карне-саари, и он там писал несколько этюдов и воспользовался скалами для картины “Столпник”. Вы правы, на Тулола дом стоял на возвышении на северо-западной стороне острова, недалеко от пристани. Принадлежал он русскому купцу, имя не помню. На северн[ой] стороне острова были известные каменоломни и оттуда везли гранит для памятников Петербурга. На север от острова были причудливые заливы Карьява Лахти, куда мы ездили на катерах. Остров был полон дичи. Тетерева, вальдшнепы, трудно представить себе изобилие всякой птицы. Сам дом был большой, с мезонином, деревянный, с большими комнатами, меня особенно поражали доски полов — совсем невиданной ширины. Ездили на Валаам, посещали скиты на островах. Особенно меня поразили схимники. Раз в год они собирались в подземном храме у раки Преп[одобного] Сергия и Германа для службы. На юг от Сердоболя, по дороге в Юхинлахти, было Валаамск[ое] подворье [около ореха, поскольку помню], звали Хьюмпола. Ник[олай] Конст[антинович] писал много этюдов»¹.

¹ Рерих. С.Н. Письма. М.: МЦР, 2005. Т. II. С. 335.

Ему наконец удалось вырваться из Сердоболя к Ладожскому озеру, к его шхерам и островам. Письмо Святослава Николаевича Рериха, приведенное выше, было написано много лет спустя. Но оно дает полное и отчетливое представление о всех тех местах, где Рерихи жили и которые они посетили.

Ладога раскрылась перед ними во всей своей удивительной и неповторимой красоте. В ней были мягкость и суровость, от нее веяло глубокой древностью и той чистотой, которую дает извечное сочетание воды, скал и сосновых лесов. Над огромным, похожим на море озером вставали пурпурно-оранжевые восходы и полыхали алые закаты. Вода вбирала щедрую голубизну неба и насыщалась ею. Ветер гнал по небу облака, причудливо менял их формы, и казалось, что это не облака, а призрачные видения, проплывающие над озером и землей. Видения, в которых заключено что-то особое, как будто они несли весть откуда-то издалека и пытались ее передать в неожиданных символах и фигурах. Ветер разрисовывал небо этими облаками-видениями, и солнце отдавало им свои вспыхивающие и потухающие краски.

Из красок и облаков возникали всадники. Они напоминали ему рыцарей. Он их так и называл: «Рыцарь утра», «Рыцарь дня», «Рыцарь

Залив Юхин-Лахти

вечера», «Рыцарь ночи». Всадники мчались по небу, они спешили, они тоже несли вести. И эти вести надо было понять, пока несущие их не исчезнут в голубизне неба, увлекаемые синим озерным ветром.

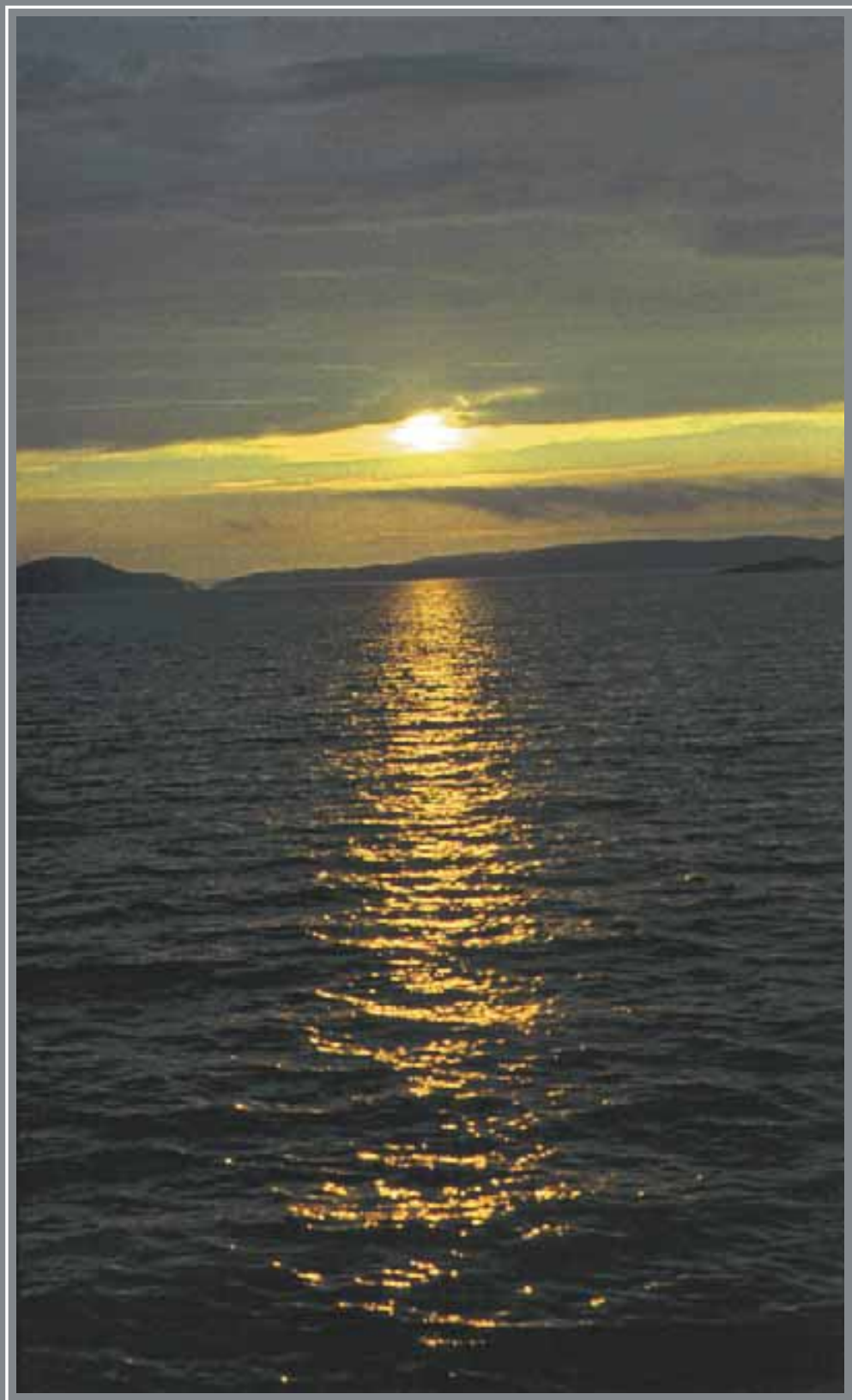
Над озером вставали туманы, скрывали близлежащие острова, затевали причудливую игру, путали расстояния и время. Побезденные солнцем и ветром, они прижимались к воде, как будто хотели с нею слиться и уйти куда-то на глубину. Но вода не принимала их, отталкивала. Туманы уходили туда, к узкой кромке горизонта, где призрачно и нестойко возникали странные и фантастические миражи. Миражи наплывали на озеро и повисали над его древними островами. Он различал угрюмые сторожевые башни, замки, неведомые колонны, как будто нарисованные тонкой кистью небытия.

*Остров
Предтеченский*

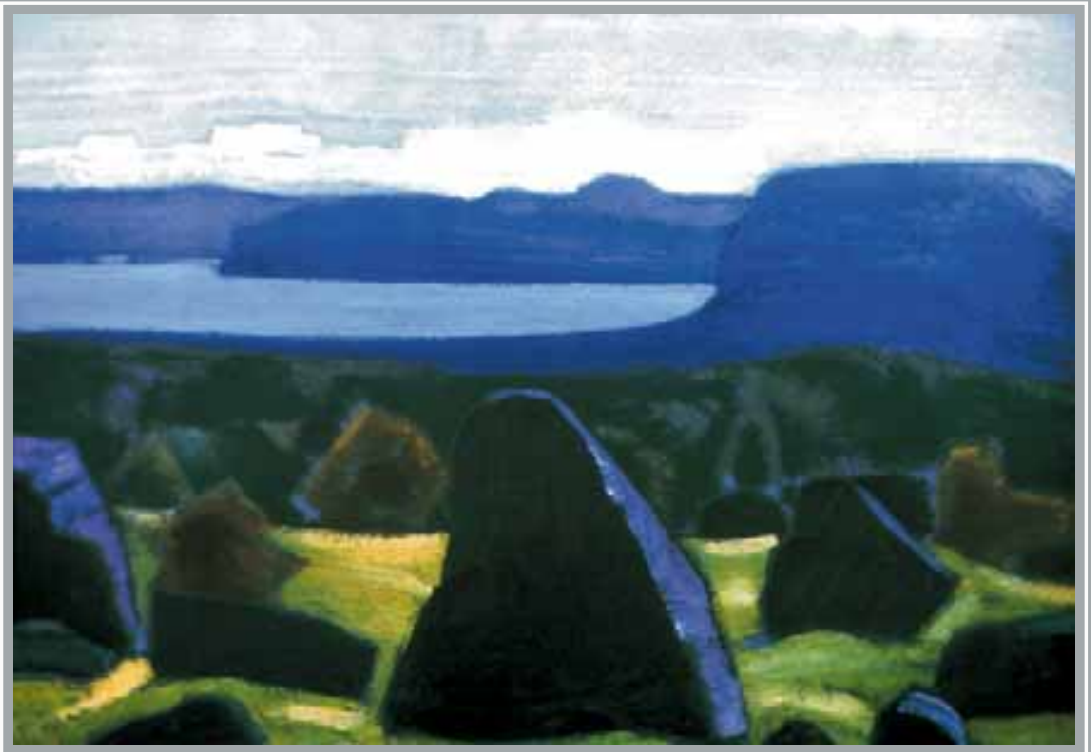

Н.К.Рерих. Пылающее сердце. 1917—1918

Закат на Ладожском озере

Иногда ему казалось, что мираж возникал не из Пространства, а из Времени. В этих миражах было что-то от его снов. Те и другие рождали образы, которые несли в себе отзвук какой-то другой жизни, похожей и не похожей на его собственную. Он переносил их на полотна. Две картины он назвал «Пылающее сердце». Обе они были помечены 1917 годом. В 1943 году к ним присоединится третья. Все три были объединены одним и тем же передним планом, на котором была изображена галерея с широкими проемами между поддерживающими ее колоннами. На каждой из этих галерей находилась фигура. На двух первых картинах — мужская, на третьей — женская. Фигуры были одеты в старинные одежды и всматривались вдаль, как будто чего-то ждали. Но каждый из смотрящих вглядывался в свое. На первой картине это — замок, лестница, ведущая вверх, у которой стояла женская фигура в длинных одеждах, высокие дома под остроконечными крышами. На второй картине галерея отделена от холмистого берега узкой полоской озера или моря. Прямо из воды поднимаются квадратные глухие башни без окон и бойниц. Создается впечатление, что галерея и мужчина в плаще, стоящий на ней, находятся на острове. По воде, вдалеке от галереи, скользит лодка. В ней едва намечены две фигуры. На третьей — звездное ночное небо, на фоне которого мерцают снега двух горных пиков. Где-то вдали светится желтый огонек.

Остров Валаам. Озеро

Все три картины составляли своеобразный триптих, две части которого были написаны на Острове, а последняя в — Гималаях. Триптих как бы протянул таинственную, еще не разгаданную нить от Острова к Гималаям, утвердив таким образом некую целостность, странно объединявшую одно с другим.

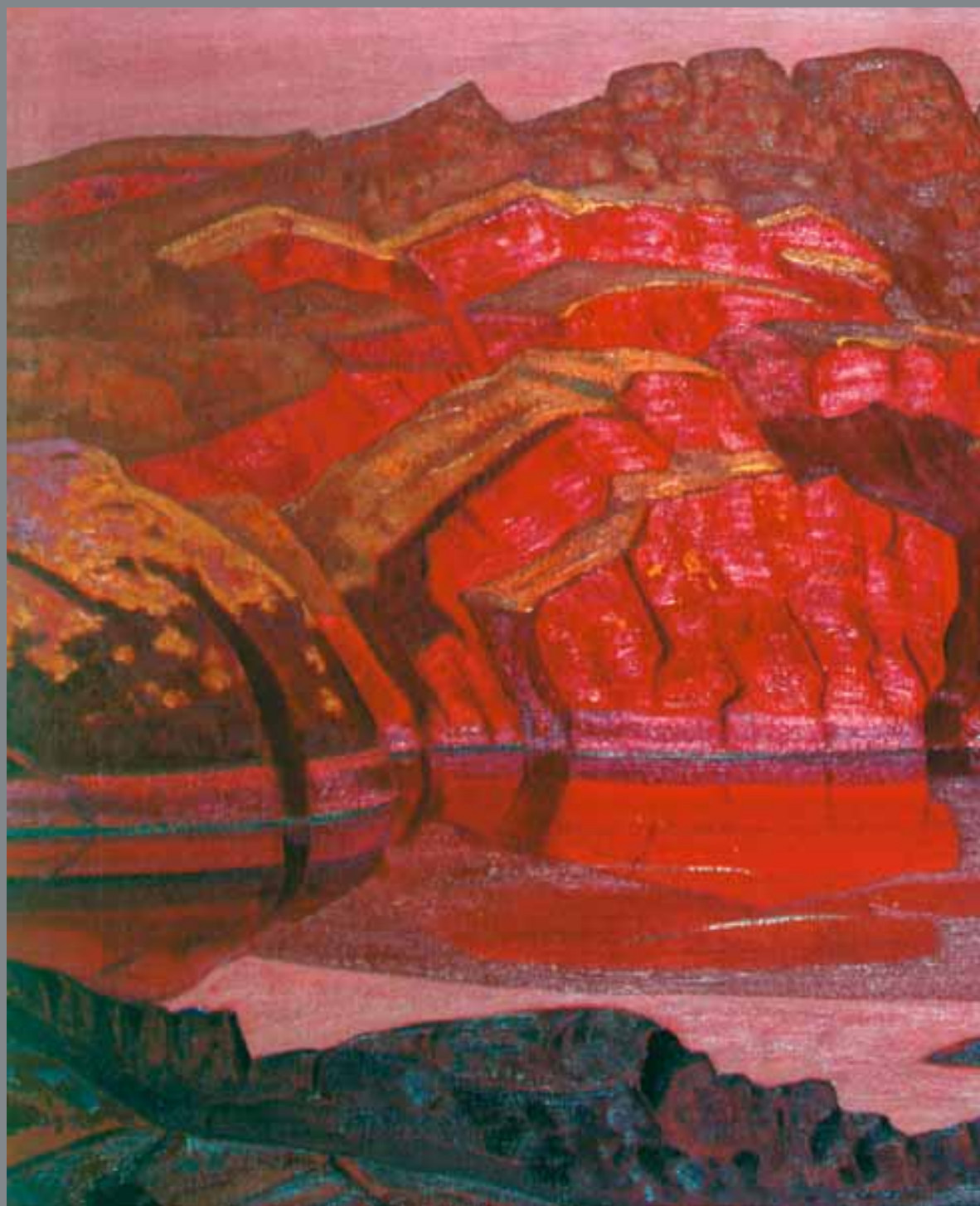
От ладожских островов веяло глубокой древностью, и казалось, что какой-то катаклизм, потрясший землю миллионы лет назад, вырвал их из озерных глубин и вознес к этому небу и солнцу. Лава начертала на их скалах и валунах причудливые изначальные письмены на земной истории. Время покрыло базальты и граниты мягкими мхами, как будто пыталось смягчить память о жестокости сил, создавших их. Мхи цвели всеми оттенками зеленого цвета, принимали в себя, как в мягкий ковер, уставшую ногу. В них рдели ягоды брусники, отливала голубизной голубика и сверкала черными бусами черника.

Над синей водой на прибрежных валунах поднимались заросли розово-сиреневого вереска. Ветер раскачивал его узорчатые стебли, и они напоминали собой сказочные, еще не окаменевшие кораллы. Среди серых и голубых валунов, свидетелей древнего ледника, поднимались стройные сосны и ели, с ветвей которых, как водоросли, свешивались светло-зеленые и серые мхи. На Валааме, среди нетронутых лесов, пронизанных солнцем и туманом, стояли монашеские скиты. Красный скит, Желтый скит... От нагретых сосновых стволов и ветвей шел пряный, крепкий дух хвои и смолы. Преображенский собор державно и властно возвышался над Монастырской бухтой, куда пароходы и лодки привозили паломников.

Паломники дивились небывало красивой северной природе, трудолюбию монахов и синеве валаамских вод. В монастырских садах росли невиданные в этих местах яблоки, вишни, сливы. А на мягкой наносной земле среди узорчатых листьев бахчи зрели арбузы и дыни. Валаамский монастырь вел хозяйство расчетливо и умно. На островах вокруг Валаама тоже располагались скиты, упрятанные в еловых и сосновых лесах. Там же были и каменные узкие пещеры для отшельников, истязавших свою плоть. Остров Святой, остров Предтеченский... Свидетели трудной борьбы русского монашества за северные «чистые» места.

Покоренные упорством валаамской братии, острова в чем-то оставались верны тем далеким древним временам, когда к их каменным крутым берегам причаливали иные корабли и иные люди творили таинства, так не похожие на теперешние. Острова прятали в своих скалах и лесах языческие алтари и святилища, неизвестные погребения и диковинные знаки. Монастырю подчинился только Валаамский архипелаг, остальные же острова жили своей древней уединенной жизнью. Рерих бывал на тех и других.

Он увлеченно писал Святой остров и Карне-саари, обрывистые берега Валаама и шхеры малых безымянных островков. Он всегда был точен в натуре, но здесь, на озерных островах, в его набросках и карти-

Н.К.Рерих. Скрытое сокровище. 1917

нах появилась какая-то странная особенность. Острова на них выглядели по-иному, нежели на самом деле. Они были массивней и выше. Иногда в них возникали незнакомые очертания. Расстояния между ними уменьшались, не соответствовали настоящим. Казалось, на этих полотнах как-то странно сдвинулось Время, и поэтому острова еще не успели выветриться, еще гордо несли высоту своих скал и не осели в воде. Все в них было мощнее, значительнее, выше.

Это было иное, более древнее озеро, на котором и смогла возникнуть вновь из небытия забытая легенда. Она вылилась в серию, которую он назвал «Героика» или «Героическая». В ней он расставил символические вехи Пути, начало которого уходило в необозримую даль веков. Он предоставил другим осмысливать им созданное. Много лет спустя авторы книги «Рерих» так напишут о «Героике»: «Захороненный клад — это скрытая правда жизни. Злая колдунья закрыла все подступы к ней. Но звучит приказ готовиться к битве. Священные огни (“Священные знаки” — в поэзии этих лет) укажут, куда идти в поиск за кладом. Люди ждут знака. Получив его, выступают в путь и встречают великанов (в скандинавской мифологии — демоны). Великаны повержены, и победители клада торжествуют»¹.

Возможно, такая трактовка несколько прямолинейна, упрощена, но в ней тем не менее присутствует какой-то внутренний, философский смысл этой серии. Двум картинам этой серии, первой и последней, Рерих придавал какое-то особое значение. «Клад захороненный» и «Победители клада» — они, как и «Пылающее сердце», странным образом свяжут Гималаи и Карелию. В конце своей жизни он перепишет их там, в далеких горах. Но краски картин, утратив северную мягкость и приглушенность, станут яркими и сверкающими. Скалы карельских шхер обретут горную мощь и массивность. Пещера в «Победителях клада» будет другой, более величественной. Она осветится оранжево-лиловым неправдоподобным светом. И четверо, сгибаясь под тяжестью добытых сокровищ, будут подниматься куда-то вверх, туда, где есть узкий и неудобный выход. Они вновь его забросают камнями, сокроют его от праздного и любопытного взгляда. И тайный вход будет ждать новых победителей. Сколько времени? Может быть, годы, десятки лет, а возможно, века. Будет ждать, пока не придут предсказанные сроки...

На Острове тоже были свои сроки. Они затягивались, но многое не зависело от Рериха. Он ждал, когда эти сроки наступят. Он писал картины, и ему казалось, что они кладут конец мучительному ожиданию.

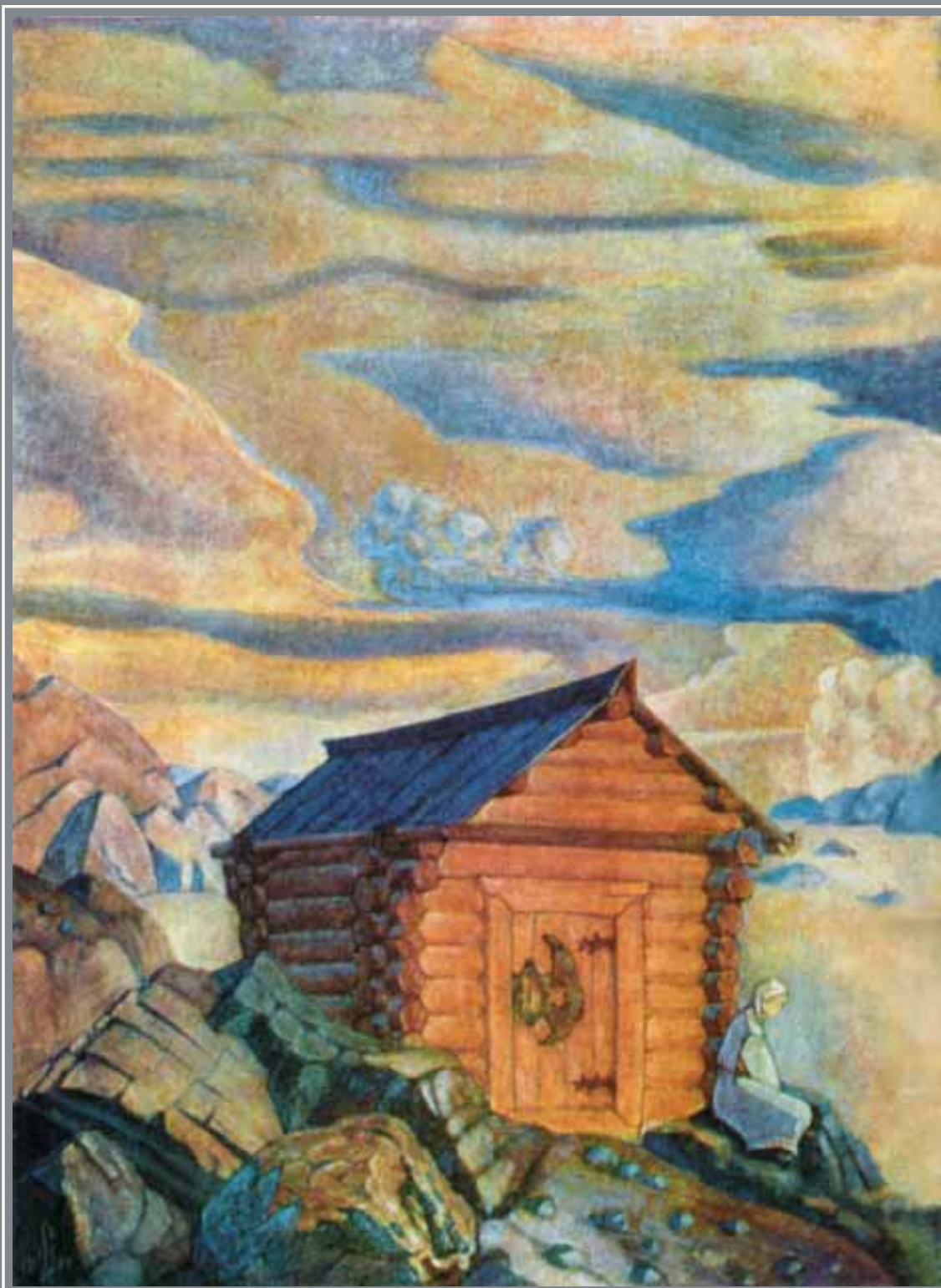
«Ждущая», «Ждут», «Еще не ушли», «Вечное ожидание», «Ожидают на причале».

Ожидание было тем непереносимее, чем ближе и определеннее становился Зов. Он звучал где-то совсем близко, казалось, можно различить слова. И поэтому человек, стоящий на скалах ладожских

¹ Беликов П., Князева В. Рерих. С. 140.

Н.К.Рерих. Властитель ночи. 1918

Н.К.Рерих. Вечное ожидание. 1917

шхер, напряженно замер, вслушиваясь в эти звуки и слова. Он оперся на длинный боевой лук, ветер развеивает полы его плаща. Услышит ли он слова? Увидит ли знак, поданный ему? Мир полон голосов, как выделить тот, единственный? Мир полон чудес, как увидеть среди них нужный знак?

*Когда капля дождя стучится в окно —
это Мой знак!
Когда птица трепещет —
это Мой знак!
Когда листья несутся вихрем —
это Мой знак!
Когда лед растопляет солнце —
это Мой знак!
Когда волны смывают душевную скорбь —
это Мой знак!
Когда крыло озарения коснется смятенной души —
это Мой знак!¹*

Там, на Острове, он писал стихи. В них были свой особый ритм, своя особая музыка. В них слышались напевы далекой Индии. Эти напевы и существовавшее в его собственных глубинах созвучие с Востоком создавали тот неповторимый лад стиха, который иным казался странным, надуманным. Годы спустя исследователи сравнят эти стихи со стихами великого поэта Индии Тагора и будут искать в них подражание Тагору. Они забудут о том, что каждый из поэтов выразил себя по-своему, общим для них был только источник вдохновения, продиктовавший форму и ритм стиха.

В этих стихах Рерих присутствовал сам, со своими переживаниями, сомнениями, со всем богатством своего духовного мира. В них появлялся Учитель, к которому он обращался и который обращался к нему. Стихи, нелегкие в понимании, подводили чему-то итог и являли вехи для будущего, которое должно было неминуемо наступить, ибо в этих вехах уже была predeterminedность. Они разбивались на три цикла: «Знаки», «Вестник», «Мальчику». Стихи по большей части были иносказательными, в них слышались отзвуки каких-то легенд, каких-то древних сказок.

Но в этих легендах и сказках угадывался ладожский пейзаж и те реальные приметы, которые были связаны с жизнью Рерихов на Острове. С литературоведческой точки зрения стихи были исследованы уже в наше время и были признаны образцом высокой и своеобразной поэзии. Поэзия Рериха была неотъемлемой частью его картин, его мыслей и всего того, что с ним происходило на Острове.

Ожидание подходило к концу, и он ясно это ощущал. Приближались заповеданные сроки. В нем все было обострено до крайности. Он

¹ Листы Сада Мории. Кн. II. Озарение. Ч. I, IX, 2.

Валаам. Высокий берег

На следующей странице: Остров Валаам. Озеро

понимал вполне отчетливо, что, совершив шаг, которого он так долго ждал и желал, он уже не вернется в Петроград. Он оставлял Родину, с которой у него так много было связано. Он уходил от нее ради нее. Сознание этого не делало расставание легче. Ему хотелось задержать, растянуть последний миг.

*Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все, что
оставил¹.*

«Но один раз, еще один раз» — звучало как мольба.
Родина провожала его стихами Николая Асеева:

*Тому, кто шел на безымянный берег,
В могилу клали меч, копье и лук.
Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих,
Последний, может, рюриковский внук?
Вели коня в седле за павшим князем,
И посреди вонзенных в землю стрел
Гроб на костер слагали, а не наземь,
Чтоб он при всех в живом огне сгорел.*

¹ Рерих Николай. Цветы Мории. С. 49—50.

*А ты, плененный древней русской сказкой,
Влюбленный в память сумрачных времен, —
Твой конь увяз среди трясины вязкой
Во тьме, в лесу до шелковых стремян...
 Но верим мы: пройдут года, и ты, чей
 Упорный взор испепелял века,
 Восставишь старый пламенный обычай —
 Ладью времен вернет твоя рука.
Не нашим поколением, быть может,
Грядущими — исполнен будет он:
Зажгут костер, тебя на щит возложат
И понесут весной на горный склон.
 Промчатся снова кругом лета, зимы...
 О юноши, взгляните же назад:
 Князь на костре горит неугасимо,
 И пламя, пламя плещется в глаза!¹*

Стихи эти оказались пророческими...

Н.К.Рерих. Скалы и утесы. 1918. Фрагмент

¹ Цит. по: Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994. С. 149—150.

Глава седьмая

ВЕСТЬ

Встань, друг,
Получена весть.
Окончен твой отдых. <...>
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам пора.

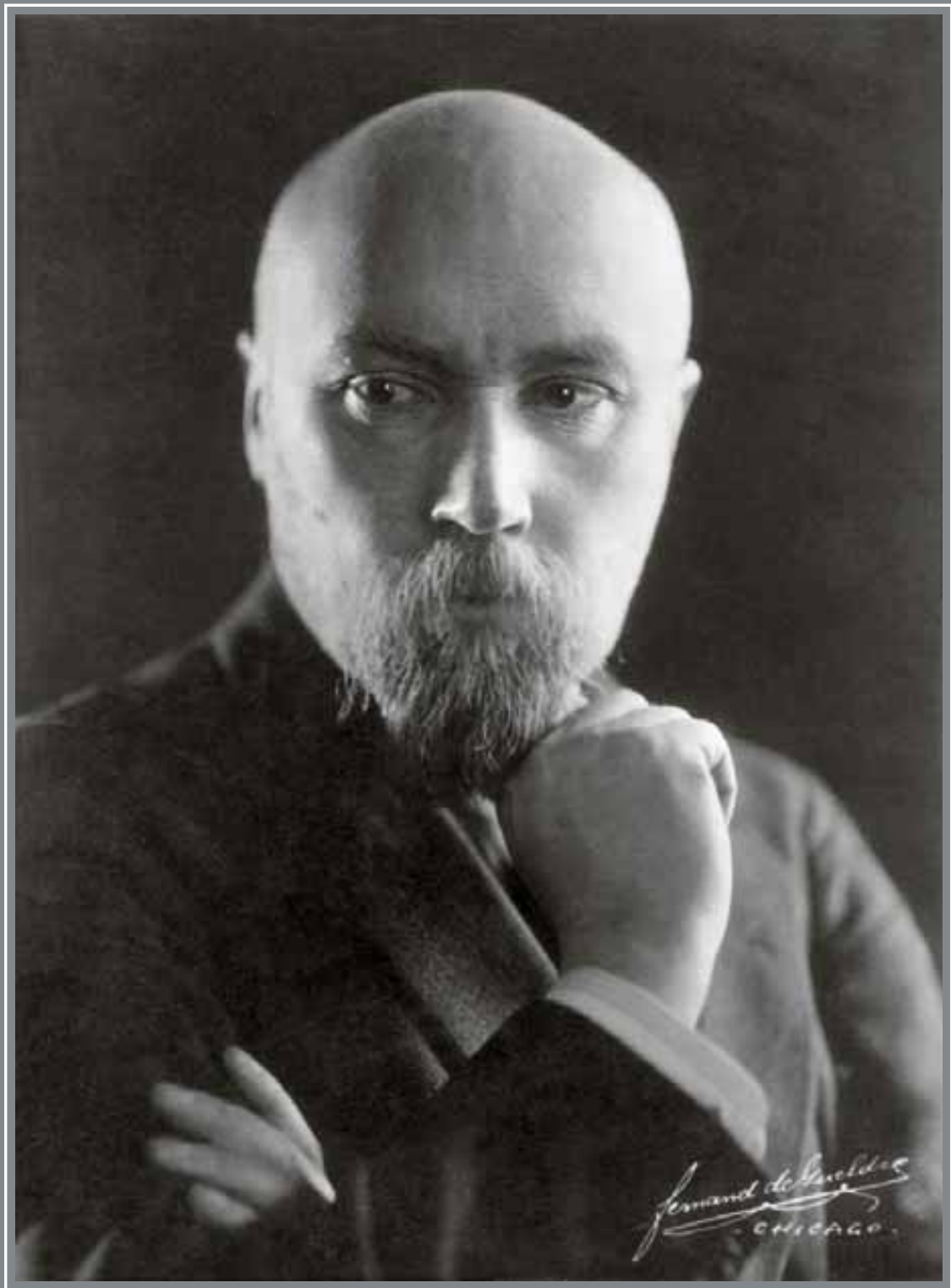
Н.Рерих

В пути его занимали
размышления
о том, по какой причине
он так спешно и
решительно скачет
на коне
в такую даль, какая сила
заставила
его поступать именно так,
а не иначе.

Г.Гессе

Они уехали из Финляндии в 1919 году. Перед этим в Швеции, в Стокгольме, состоялась выставка картин Рериха. Потом были Лондон, Нью-Йорк, Париж и другие города. Время между 1919 и 1923 годами было сжато до предела. Оно обрело какое-то иное качество и вместило в себя огромный труд. Каждый день был насыщен этим трудом. Ожидание кончилось. Спираль времени сжалась, чтобы потом стремительно развернуться и перейти на новый виток. Этим новым витком становился Восток. Николай Константинович покинул Остров в бурное и грозное время и для России, и для остального мира.

Русская революция многое изменила в этом мире, обострила его противоречия, вынесла на поверхность то, что долгие годы дремало,

Н.К.Рерих. Чикаго. 1921

По уполномочію Временнаго Россійскаго
Правительства.

№ 624

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ
вѣдать надлежитъ, что показатель----- сего Россійскій
гражданинъ Николай Константиновичъ РЕРИКЪ, родившійся 27-го
Сентября 1874 года въ г. Петербургѣ, имѣющій место житель-
ства въ Кіевѣ. Себѣ паспортъ изданный также для проѣзда
~~отправляется въ~~ Кіевъ изъ Крени въ границу и для возвращенія въ
Кіевъ.-----

Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ
себѣ паспортъ отъ Россійскаго Генеральнаго Консульства въ
Стокгольмѣ----- Нолбра 22, Декабря 6 дня 1918 года.

Генеральный Консуль:

А. Рериц

П р и к л а д и:
Ростомъ.....средній.
Возрастомъ.....сорокъ пять лѣтъ.
Голосомъ.....среднимъ.
Судомъ.....нормальнымъ.
Образованіемъ.....
Состояніемъ.....

По уполномочію Временнаго Россійскаго
Правительства.

Объявляется чрез сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ
вѣдать надлежитъ, что показателъница сего Россійская
гражданка *Сіена Ивановна Рерихъ,*
родившаяся 31 Января 1879 года в Петербургѣ,

625

отправляется ~~из~~ изъ за границы в Швецію.
Этотъ паспортъ действителенъ также и для
проживания в Швеціи.

Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ
сей паспортъ отъ Россійскаго Генеральнаго Консульства въ
Стокгольмѣ *Новобра 23 / Декабря 6* дня 1918 года.

Генеральный Консулъ:

Горюхи

Примечаніе:

Ростъ: средній.
Вѣсъ: тѣлесъ слабъ.
Сила: хороша.
Душо: оживленна.
С. признакъ:
Чест. признакъ: Петербургъ.

Паспорта Н.К. и Е.И. Рерихов, выданные
Временнымъ правительствомъ в 1918 году

ожидаю своего часа, в недрах старого мира. Она меняла соотношение сил, перечеркивала многое из того, что считалось вечным и незыблемым. Старый мир проходил испытание на прочность и не всегда выдерживал это испытание. В неустойчивых, слабых местах происходили необратимые изменения. Резкий, пронзительный ветер несся из России в Европу и достигал Америки. Это был ветер перемен. В Петрограде поэт Блок писал:

*Ветер, ветер
На всем белом свете.*

Струи этого ветра вынесли в мир и поток русской эмиграции. Поток был сложным и многообразным. Он захватил и часть русских художников, писателей, музыкантов. В нем были свои течения. Поверхностные и глубинные. Некоторые из них несли грязь, кровь и ненависть. Отъезд Рериха в Европу совпал с этим потоком, и это крайне усложнило его положение, создало почву для разного рода слухов, кривотолков, а зачастую и прямой клеветы. Возникали легенды, которые потом стойко держались, переживая порой своих создателей.

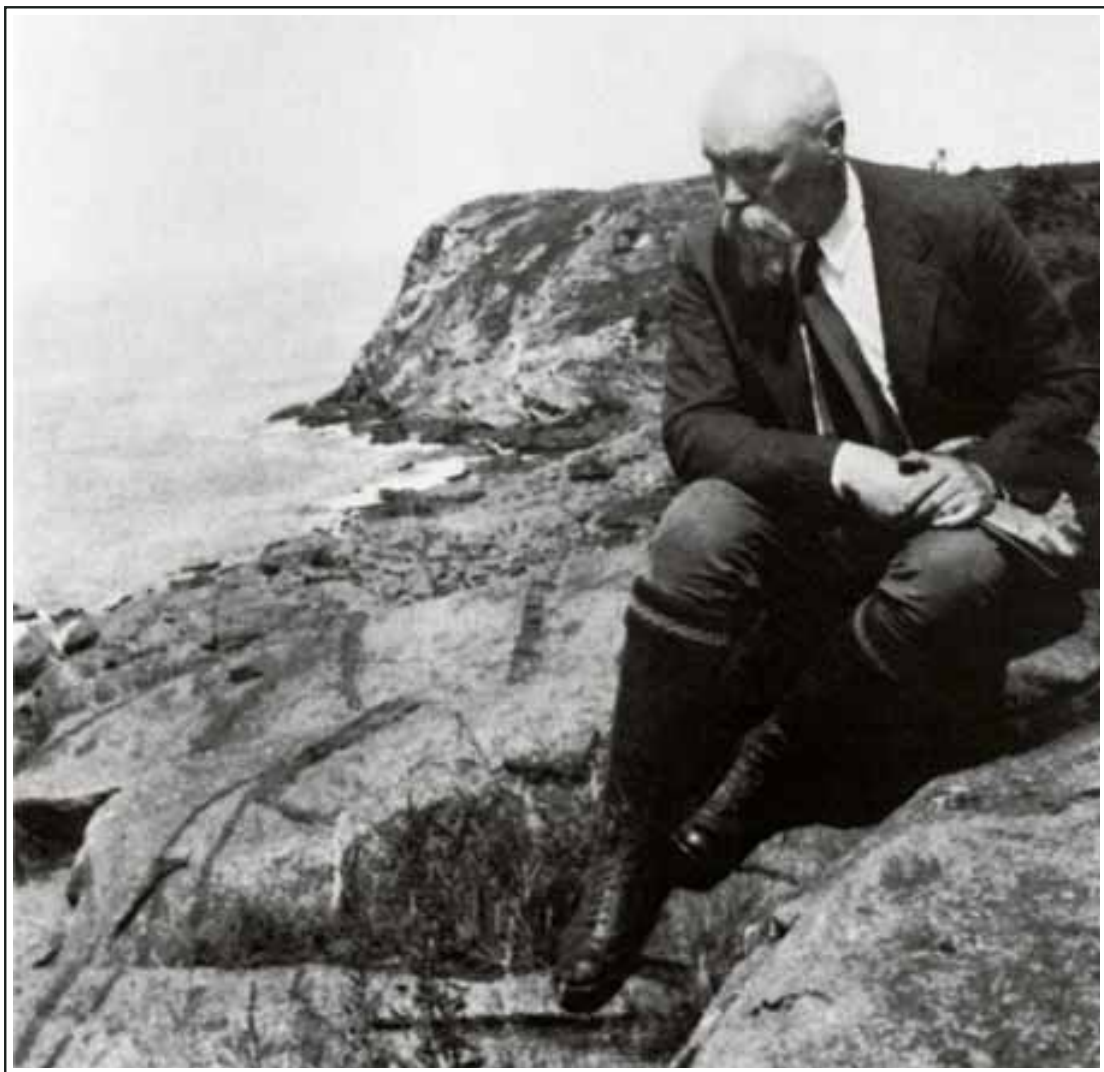
Его имя было известным, и за Рерихом охотились. Ему угрожали и заманивали. Призраки, как он их точно называл, шли за ним по пятам. Они были для него символом старого, уходящего в прошлое мира. Но мир этот еще был силен, а призраки не столь бесплотны и безобидны. Они возникали перед ним в самых неожиданных местах. Они не называли своих имен, старались говорить негромко и появлялись отовсюду. Из эмигрантских притонов Харбина, из иезуитских нор Италии и Мальты, из пивных подвальчиков Германии, где уже собирались те, кто попытается уничтожить Культуру.

Сулили, вымогали, грозили и потом мстили. Но Рерих остался твердым и непреклонным. Потом он образно об этом напишет: «Склон горы ярко залит заходящим солнцем. Вереница путников спешит к ночлегу. Самих людей не видно за светом, но впереди каждого бежит черная тень. Видна лишь тень — черная-пречерная — точно бы какие-то темные сущности бегут по горной тропе. Бывают в жизни такие темные мелькания. Призраки!»¹

Темные мелькания. Их было много на его пути. Гораздо больше, чем мы об этом знаем. Но он продолжал делать то дело, которое в то время не мог сделать никто другой, кроме него.

Своей «стартовой площадкой» для поездки в Индию Рерих избрал Англию. Это было логично. Индия являлась английской колонией. Он считал, что лондонский путь самый кратчайший. Он тогда еще не знал, сколь опасен и попросту бесперспективен этот путь. Но тогда в Лондоне он стал торопить события. Слишком долго ждал. Желанная

¹ Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 2002. Т. III. С. 93.

Н.К.Рерих на острове Монхеган. США. 1922

страна, казалось, была совсем близко, стоило только сесть на корабль Лондон — Бомбей. Мы пока не знаем подробностей того, как удалось Рериху получить визу в Индию. Но летом 1920 года билеты на всю семью на пароход до Бомбея лежали у него в кармане. Однако произошел ряд событий, которые не позволили ему сесть на этот пароход.

Все средства, которыми Рерих располагал для поездки в Индию, неожиданно и быстро исчезли. Причины этого исчезновения были вполне реальными. Антрепренер Рериха, который организовал его выставки, обанкротился. Деньги, на которые Рерих надеялся, не поступили к ожидаемому сроку. Картины, которые обещали купить, остались непроданными. За всем этим стояли какие-то таинственные движения или чья-то неведомая воля. Как будто время от времени

ROERICH
EXHIBITION
Russian Paintings
Kingore Galleries
668 FIFTH AVE. AT 53RD ST.
ON FREE VIEW

Афиша выставки Н.К.Рериха в Нью-Йорке. 1920—1921

вновь звучал все тот же Призывный Рог. С билетами пришлось расстаться и принять предложение директора Чикагского института искусств Р.Харше устроить выставки в крупных городах Америки.

В Лондоне произошли первые соприкосновения с Индией и Востоком. И они были значительны.

...Он вошел в мастерскую и мягко прикрыл за собой дверь. Смуглые красивые руки с тонкими длинными пальцами сложил у груди в приветственном «пранаме» и улыбнулся. Улыбка как-то сразу осветила его лицо. Продолговатые миндалевидные глаза смотрели внимательно и приветливо. На плечи спускались длинные волосы. Борода была почти седой и отливала чистым серебром. Он как будто возник из чудесного сна или старинной сказки, здесь, почти в центре шумного и прокопченного Лондона. Какое-то время он оглядывал мастерскую, мольберт, стоявший в центре, и хозяина, который от мольберта уже направлялся к нему.

Это была их вторая встреча. Рабиндраната Тагор и Рериха. Первая оказалась мимолетной и краткой.

Тагор, мягко произнося английские слова, сказал, что хотел бы посмотреть его русские картины. От него исходила какая-то удивительная духовная сила. Она светилась в его глазах и звучала в его стихах. Великий индеец пришел посмотреть на русские картины, а увидел Индию. Русский художник писал в это время серию картин об Индии. Она называлась «Сны Востока», а позже — «Мечты мудрости».

В этот день как-то все гармонично совпало. Как будто два больших человека, русский и индеец, в лондонской мастерской начали возводить тот духовный мост, который соединит потом два народа. Один из них позже уедет в Индию, а другой — в Россию и напишет свои знаменитые «Письма о России». И всю оставшуюся жизнь они будут идти навстречу друг другу, потому что в этот день их свяжет нечто такое, что бессильны разрушить время и люди. Они долго говорили об Индии и России, каждый из них глубоко знал и понимал свою страну. Но каждый из них сумеет потом понять страну другого и рассказать об этом. Один — словом, другой — кистью.

Тогда в разговоре прозвучало слово «махатма». Махатма — Великая Душа. Так народ называл Ганди, который поднял его на борьбу против чужеземного ига. Но махатмой был не только Ганди. Великие Души существовали в Индии давно, века, а может быть, и тысячелетия. Мудрецы и философы, постигшие тайны бытия и умевшие управлять этими тайнами. Они бережно хранили свои знания, добытые бесчисленными поколениями. О махатмах и риши рассказывали священные книги Индии, о них слагали легенды в народе, о них пели теплыми вечерами певцы в храмах и на улицах.

Слово «махатма» Рериху было уже знакомо. Оно как бы летело в звуке Зовущего Рога, звучало в его стихах, сочиненных на Острове, возникало на картинах.

*Оттуда, где сны создаются,
Где возносятся жертвы,
Где Свет Незримый труд освещает, —
Оттуда привет.
В шепоте листьев,
В плеске волны,
В дуновении ветра
Я — с вами¹.*

Он писал эти сны в России, в Финляндии, а теперь в Лондоне. Сны похожи на песни. На мудрые древние песни. «Песнь водопада», «Песнь месяца», «Песнь утра». Так назывались те картины, над которыми он работал тогда, когда на пороге его мастерской появился поэт с тонким смуглым лицом и глазами древнего риши. За «Мечтами мудрости» последовал «Неведомый певец». В чем-то эта картина перекликалась с «Зовом» и «Зовущим». Там звали, здесь уже звучала песнь. У пиков незнакомых гор плыли розовые туманы. И там, как мираж, возникала ладья под треугольным парусом. Лицо человека, сидевшего в ладье, было размытым, неясным, как будто туман лег на его черты. Казалось, что ладья, как по воде, двигалась по этому туману. После Центрально-Азиатской экспедиции он вновь напишет этот горный пейзаж, но сюжет картины будет иной. И снова туман и облака сокроют это место, заволокут его реальные приметы.

Будто из тумана, появлялись звонкие, непривычные имена: Аллал Минг Ишвара, Джул Кул, Кут Хуми. Казалось, оживали легенды о мудрецах и риши. И становились действительностью сны и сказки, которые когда-то возникали в нем. «Жизнь превращается в сказку», — писал Рерих своему секретарю Шибаеву. Зазвучали стихи, новые, непохожие на предыдущие. Они, как и эти звонкие древние имена, казались, выплывали из тумана, скрывавшего снежные вершины. Стихи «Ловцу, входящему в лес» завершали их цикл.

*В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим. Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился. <...>
Спеш! Не медли! Вступивший!
<...> И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И, настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?*

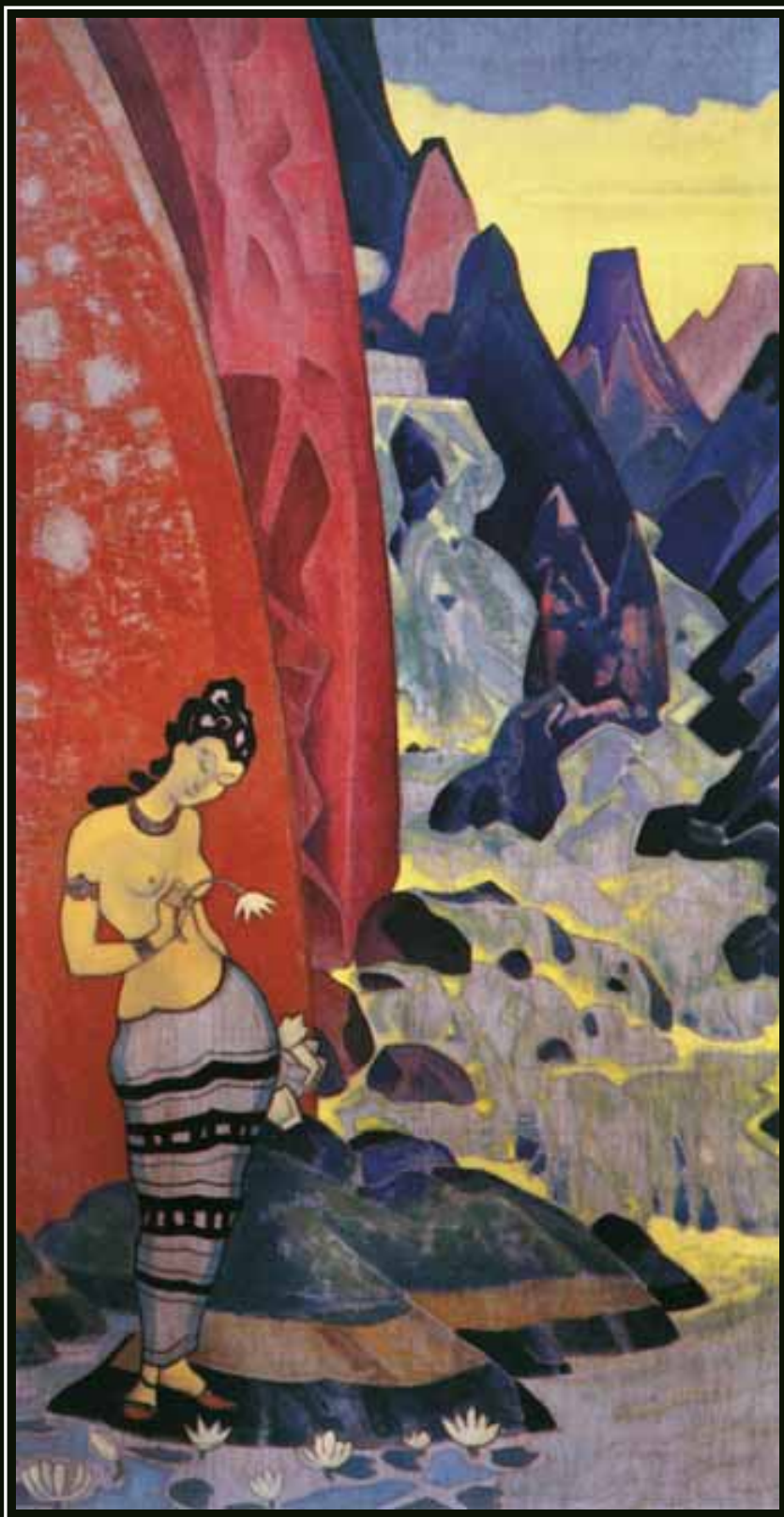
*И еще последнее, о ловец
мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу. Не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.
Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется
легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец,
Трижды позванный².*

¹ Листы Сада Мории. Кн. I. Зов, 13 апр. 1922.

² Рерих Николай. Письмена. С. 139—148.

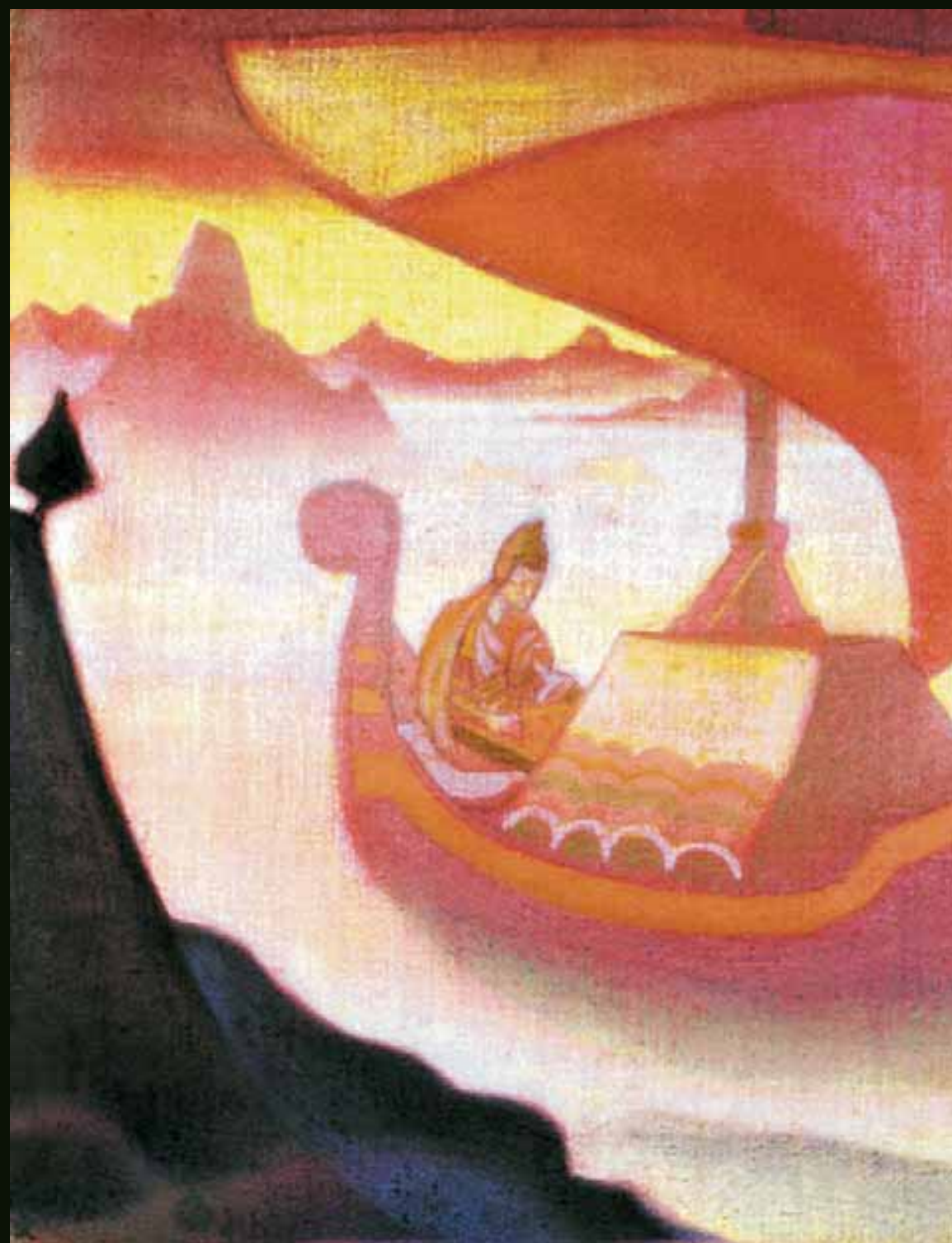
Рабиндранат Тагор. 1920-е гг.

Н.К.Рерих. Песнь водопада. 1920

Н.К.Рерих. Песнь утра. 1920

Н.К.Рерих. Неведомый певец, 1920

Н.К.Рерих. Язык птиц, 1920

Возникало ощущение, будто история чьей-то жизни была изложена в этих стихах мудрым сказочником, забывшим о Времени. Но Время существовало и имело свои сроки. И когда эти сроки подошли, на пороге возник Вестник. Он пришел на заре, и прохладный предрассветный ветер достиг дома. Он трижды постучал в дверь, и ему открыла женщина. Розовое покрывало женщины как будто вобрало лучи зари. На Вестнике были светлые свободные одежды, мягкая обувь, и конец белого тюрбана лежал на левом плече. За спиной Вестника простирался широкий и прекрасный мир гор, на который расплавленным золотом проливалась рассветная заря.

«Светлеет восток. Нам пора»¹.

17 ноября 1923 года от пристани марсельского порта отчалил пароход «Македония». Все четверо Рерихов находились на его борту. «Македония» дала прощальный гудок и взяла курс на Бомбей...

*Н.К.Рерих
Вестник. 1946*

¹ Рерих Николай. Письмена. С. 68.

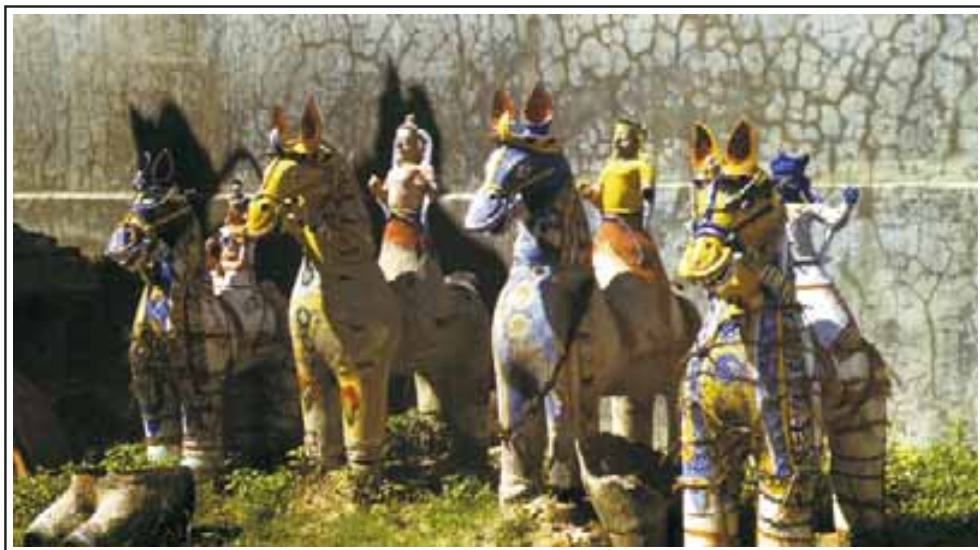

Часть вторая
МЕЧ МУЖЕСТВА

*Дориносимо,
с дерзостью возьмите
в руки ваш щит.*
Озарение. Ч. I, VI, 11

С.Н.Рерих. Портрет Н.К.Рериха. 1933

Глава первая

ЭПИЧЕСКИЕ УЗОРЫ

Если есть на земле страна, где нашли место все мечты людей с того дня, как первый человек начал сновидение жизни, — это Индия.

Р.Роллан

Первый раз он видел этот город поздним вечером. Арка ворот из темно-розового песчаника уходила куда-то в небо, которое висело над сухой каменистой долиной черным звездным пологом. Звезды цеплялись за зубчатые стены и ровно мерцали в теплом нагретом воздухе. И возникало ощущение, что розовая арка ворот поднялась среди звезд, а земля была где-то там, далеко внизу. От ворот начинался мощный двор, где стоял мавзолей Салима Чишти. Там, у его стен, светились огоньки. Их пламя почти не колебалось в теплом вечернем воздухе, и, только когда кто-то тихо проходил рядом, огоньки вздрагивали и чуть-чуть отклонялись в сторону от проходившего.

Фигуры, завернутые в белые одежды, скользили по каменным плитам двора, шаркали подошвы сандалий, похожих на те, которые носили древние греки. И это легкое шарканье было единственным, что нарушало тишину места, где покоился святой, знавший Великого императора. Мощный двор с розовой аркой был частью города, который построил император. Но теперь в этом городе никто не жил, и мощный двор с мавзолеем был, пожалуй, единственным местом, где появлялись люди, чтобы в вечерней тишине посидеть у стен священного мавзолея.

Сам же город, звавшийся Городом Победы — Фатехпур Сикри, — лежал мертвый и безмолвный. Зубчатая розовая стена окружала его и надежно защищала от нападения. Но на город теперь никто не собирался нападать. И никто не собирался его защищать. Город был мертв уже несколько веков. Но все в нем осталось так, как при императоре. Мощенные каменными плитами улицы, дворцы, увенчанные куполами и украшенные легкими изящными павильончиками, просторный зал, где император вел беседы с мудрецами.

Утром Рерих снова пришел сюда. Яркое солнце освещало город, который оставался по-прежнему тихим и пустынным, как будто его жители забыли проснуться... Он постоял около резных розовых стен дворца раджпутской принцессы, любимой жены императора, затем прошел под колоннадой дурбара и двинулся туда, где плиты площади были превращены в шахматную доску. На доске когда-то стояли живые люди в полном одеянии воинов, слуг, королей. Император играл ими в шахматы со своими женами.

Николай Константинович миновал эти плиты и двинулся вдоль городской стены. За стеной дышала жаркая каменистая равнина.

Где-то внизу среди деревьев протяжно и печально свистнула какая-то птица. Раз. Другой. Свист тревожной болью отозвался в нем. Он вспомнил мудрую заповедь: «Никогда не возвращайся в те места...» Он вышел из города, а потом еще раз оглянулся. Розовая зубчатая стена высилась гордо и неприступно. Неведомая птица печально и надрывно продолжала свистеть, как будто хотела что-то вернуть и не могла. Он пришел в гостиницу и записал в своем дневнике: «Все остатки строительства Акбара имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятные современникам. В Фатехпур Сикри он беседовал со своим мудрым Бирбалом и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей и предчувствовал, что не сохранится созданное им благополучие государства. И Агра, и Фатехпур Сикри — все это полно безграничную грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик...»¹

Эта запись была так не похожа на то, что знали его современники о Великом индийском императоре Акбаре из династии Великих Моголов.

Рерихи уже месяц путешествовали по Индии. Они осмотрели древние пещерные храмы Элефанты и Аджанты, посетили юг Индии. Чем-то эти поездки напоминали хождение по городам Руси. Было нечто общее в этих двух маршрутах — русском и индийском. Каждый из них был связан с выдающейся личностью страны. Русский — с Серги-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 16—17.

ем Радонежским, индийский — с императором Акбаром. Дели, Агра, Фатехпур Сикри, Джайпур. Казалось, что еще до приезда в Индию Рерих уже многое знал об императоре. Официальная история Индии, писанная англичанами, перечисляла завоевания Акбара, исследовала его реформы, несколько иронично повествовала о странных его попытках объединить различные религии, считая последнее вовсе не императорским делом.

Годы спустя первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру напишет: «Смелый и отважный, талантливый полководец и в то же время великодушный и милосердный, идеалист и мечтатель, он был одновременно человеком действия и вождем, снискавшим беззаветную преданность своих последователей. Как воин он покорил обширные территории Индии, но мечтал он о другом, более прочном завоевании, о завоевании умов и сердец людей. <...> Акбар возродил древнюю мечту о единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ»¹.

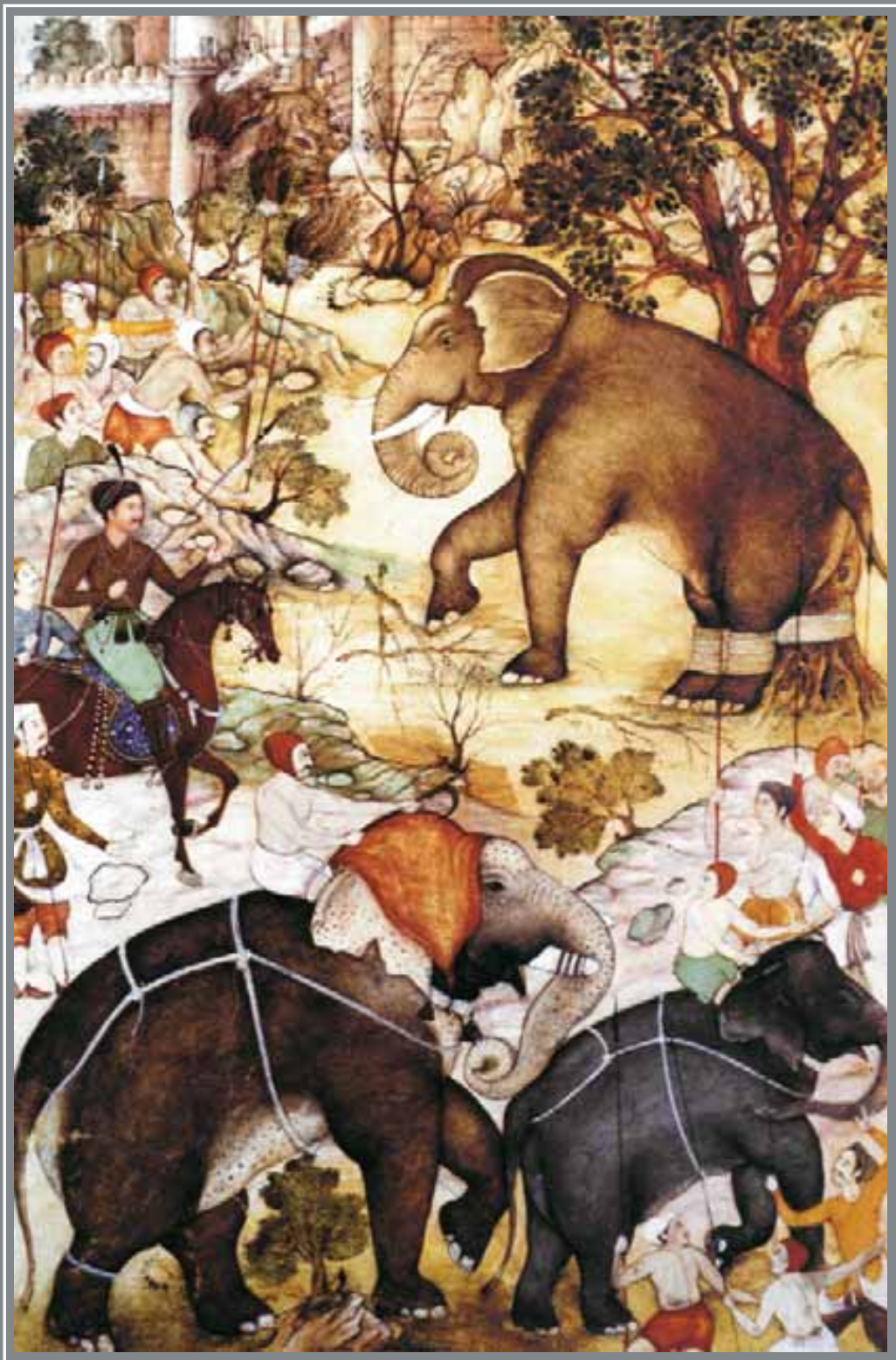
В этих двух оценках Акбара, данных русским и индийцем, было много общего. Пожалуй, оба сходились в том, что мысли и идеи императора, жившего в XVI веке, опережали свое время.

Дела же его оставили по себе добрую и богатую память в народе. Своей фольклорной популярностью он может сравняться лишь с королем Артуром и его рыцарями Круглого Стола. Дела императора были обычными и необычными. К обычным относились, например, завоевательные походы. Благодаря этим походам он расширил свою империю, часть которой была утрачена его предшественниками.

Он сам принимал участие в них, был бесстрашен, вынослив, силен, прекрасно владел мечом и мог пешком пройти большие расстояния. Он обладал огромным организаторским талантом и сумел создать дисциплинированную армию.

Акбар вступил на престол в 1556 году, четырнадцать лет от роду, получив в наследство небольшую часть Пенджаба. Остальная страна давно вышла из подчинения и была разорена междоусобными войнами. По дорогам Индии бродили толпы бездомных обнищавших людей. Ни у кого не было уверенности в завтрашнем дне. Крестьянин боялся засеять поле, а купец скрывал свое состояние и старался не вести торговых операций. Всевластие и произвол мусульманских князей и индусских раджей поставили страну на грань катастрофы. Эпидемии чумы и холеры свирепствовали и в городах, и в деревнях. Северная Индия в это время напоминала Русь под татарским игмом. Но для того, чтобы все это превратилось в обширную процветающую империю, занимающую две трети Индии, мальчику, вступившему на престол, потребовалось всего 50 лет. Он сумел так много сделать, что его незадачливым наследникам понадобилось более двух веков, чтобы все это разрушить.

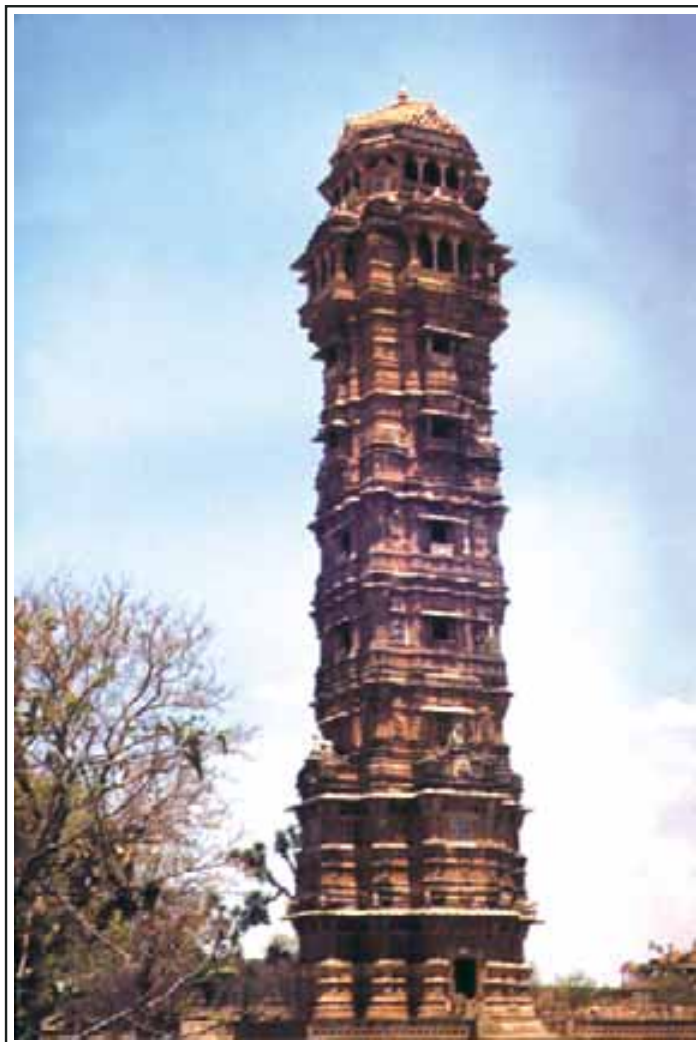
¹ Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 272.

Император Акбар на ловле слонов. Старинная миниатюра

Чатуранг. Храм

*Читракут
Башня победы*

Акбара знали самые разные люди: придворные, ученые, поэты, историки, европейские путешественники, христианские миссионеры. Все они по-разному относились к императору, но сходились в одном: император имел необыкновенную внешность. «По действиям и движениям, — отмечал его наследник Джехангир, — он не был похож на людей этого мира, и величие Бога проявлялось в нем»¹.

Иезуит Монсеррате записал:

«В его лице и осанке так чувствовалось достоинство царя, что любой даже при первом взгляде легко узнавал в нем этого царя. Его плечи были широки и ноги слегка изогнуты и приспособлены для верховой езды. Цвет тела был светлый, но с легким смугловатым оттенком. Он

¹ *Srivastava A.L. The Moghul Empire. Agra, 1957. P. 248.*

нес свою голову слегка наклоненной в одну сторону, к правому плечу; у него были широкие брови, и его глаза искрились, как море, освещенное солнцем. У него были тяжелые веки, как у сарматов, китайцев, японцев и почти всех азиатов более северных регионов. <...> Когда он бывал спокойным и задумчивым, то обладал благородством и великим достоинством. В гневе он был величествен»¹.

Будучи высоко одаренным, он тем не менее не смог овладеть арабским алфавитом и поэтому так и не научился писать и читать. Он обладал феноменальной памятью и легко запоминал то, что читали ему каждый день другие, а иногда даже ночью. Но информация, почерпнутая из книг, не являлась для него главной. Казалось, что он обладал запасом какого-то внутреннего знания, через таинственную призму которого он и воспринимал книжную информацию. Его ближайший друг и историк Абул Фазл, написавший книгу о деяниях Акбара, по своему объясняет эту удивительную особенность императора.

«Его святое сердце и священная душа, — писал Абул Фазл, — никогда не поворачивались в сторону внешнего обучения, и его владение наиболее прекрасными знаниями вместе с его нежеланием учить буквы было методом показать человечеству... что высшее понимание заключалось не в обучении или овладении (знаниями. — *Л.Ш.*), но было даром Бога, в котором человеческие усилия не играют роли»².

Абул Фазл считал эту необычную одаренность Акбара «даром Бога». Мы же, очевидно, можем найти этому иное объяснение. Он многое знал и многое умел. Ему была известна духовная практика и мусульманских суфиев, и индуских мудрецов. Один из его современников, Бадауни, отмечал: «Много дней подряд по утрам можно было видеть, как он, погруженный в молитву или грустное раздумье... сидел возле дворца (в Фатехпур Сикри) в безлюдном месте, склонив голову на грудь и вбирая в себя благодать утренних часов»³.

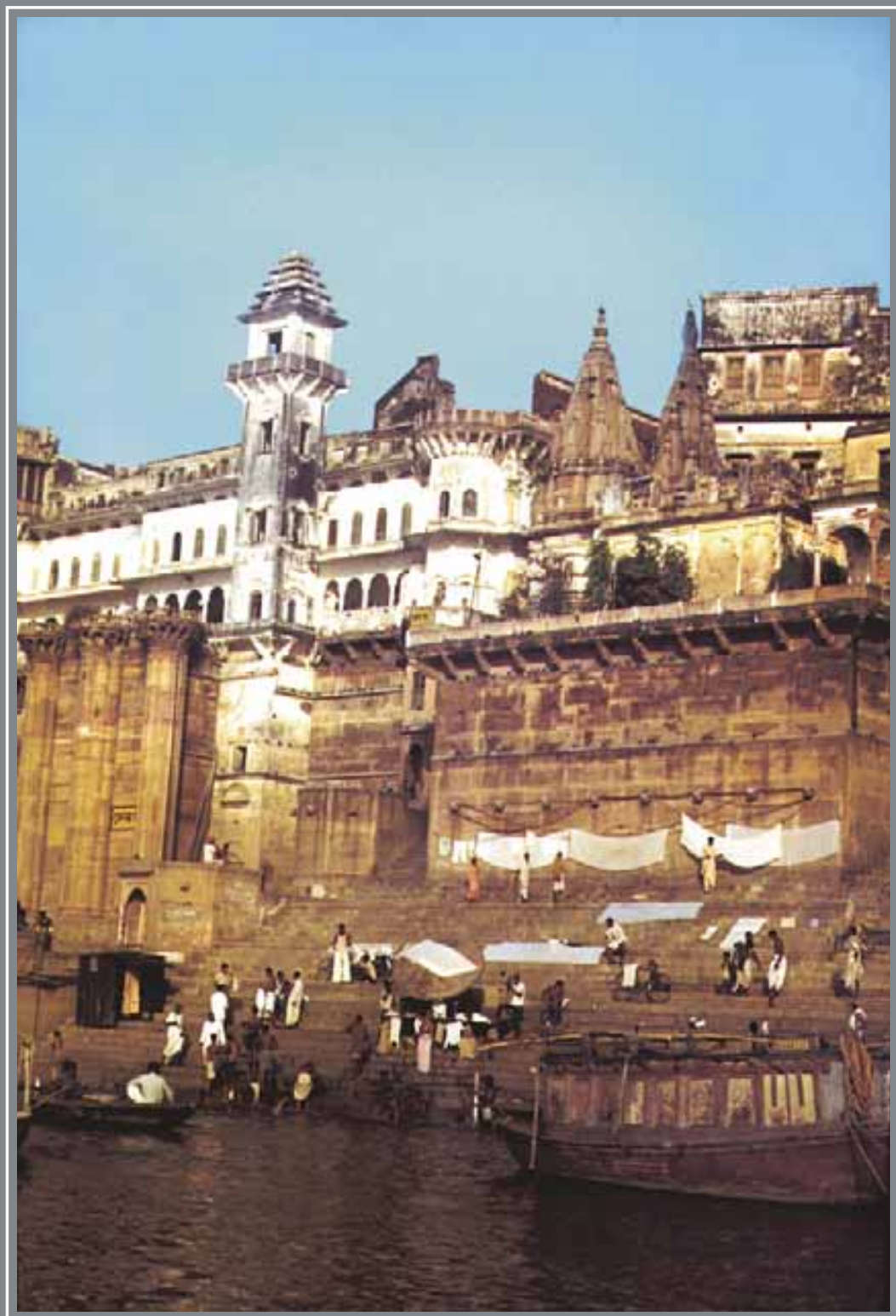
Такие состояния часто отвлекали его от непосредственных обязанностей правителя. Но он умел сочетать в себе мысль и действие, трудоемкую духовную практику отшельника с повседневными делами своей империи. В XVI веке император Индии был великим тружеником.

Ежедневно во дворце происходило три приема. Первый был общим. На втором обсуждались текущие дела государства. Вечером, на третьем, вырабатывались важнейшие линии государственной политики. Раз в неделю происходило судебное разбирательство. Акбар был центром каждого из этих заседаний. Помимо этого он вел беседы с учеными по сложным проблемам философии, теологии, литературы, истории, поэзии. Ученые и мудрецы, мусульманские суфии и индуские святые, парсийские богословы и джайнские философы жили подолгу при дворе Акбара.

¹ *Srivastava A.L. The Moghul Empire. P. 248.*

² *Ibid. P. 250.*

³ *Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954. С. 234.*

Бенарес. Берег Ганга

Бродячий садху

Медитируючий жрец

«Акбар был крайне любознателен, — писал Д.Неру, — он всегда стремился проникнуть в природу явлений как религиозных, так и мирских. Он интересовался техническими изобретениями и военным делом»¹.

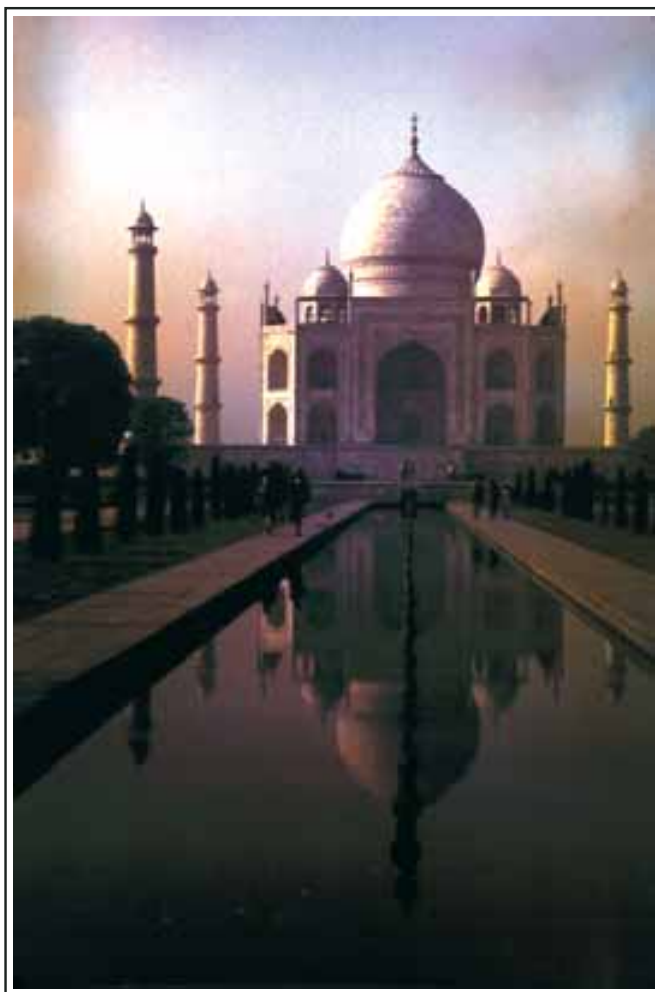
Император и воин, он оказал огромное влияние на культуру своей страны. Он хорошо понимал, какое значение культура имеет для развития народа и как она содействует его объединению. Другие правители вопросами культуры не занимались. У них были иные дела. Монархи вели войны, с удовольствием участвовали в дворцовых интригах, заботились о благосостоянии своих дворов, выжимая из своих подданных все, что могли, используя при этом всю силу своей монаршей власти, и занимались еще многим другим, что к культуре отношения не имело. Культура стояла вне государственной политики.

Акбар же, как ни удивительно, считал культуру и образование частью этой политики. В деревнях и городах возникали школы. Увеличивалось число учебных заведений, которые давали высшее образование индусам и мусульманам. Акбар ввел в них предметы, которые считал необходимыми: науку о морали и поведении в обществе, арифметику, геометрию, экономику домашнего хозяйства, медицину, историю. Он лично основал учебные заведения в Фатехпур Сикри, Агре, Дели и других местах. При храмах были учреждены школы, где учили читать, писать, считать. Культурные традиции Индии, нарушенные в период феодальных усобиц и нестабильности, вновь стали восстанавливаться. Двор Акбара играл большую роль в этом возрождении.

Культура Индии при Акбаре переживала своеобразную эпоху Ренессанса. Восстанавливалась древняя индусская традиционная культура. Формировалась новая мусульманская. Происходил своеобразный синтез двух культур: коренной и пришлой. И этот синтез захватил многие области искусства и творческой деятельности: архитектуру, литературу, музыку, живопись, танцы, обряды, праздники и даже нормы поведения. Акбар оказался вдохновителем этого процесса. Ибо он как никто другой понимал, что политическое единство может быть временным, культурное — долгим.

XVI век был сложным и противоречивым. В его недрах происходили процессы, оказавшие потом влияние на многие области человеческой истории и культуры. Ко всему прочему это был век религиозной нетерпимости, которая разделяла страны и народы, разрушала культуру и превращала людей в ограниченных обезумевших фанатиков. Лишь немногие выдающиеся умы находили в себе смелость и духовные силы противостоять этой разъедающей и разъединяющей человечество болезни. Среди них Акбар принадлежал к самым значительным. Политику религиозной терпимости, которая противоречила всему духу этого страшного и неоднозначного времени, он реализовал

¹ Неру Д. Открытие Индии. С. 273.

*Мавзолей
Тадж-Махал*

на огромных территориях своей империи. Он хорошо понимал, что религиозная терпимость является одним из факторов культурно-исторического единства страны.

Несколько веков спустя, уже в середине XX века, когда Индия будет ввергнута чужеземными правителями в огонь и кровь межрелигиозной войны, имя Акбара вспыхнет на знамени тех, кто свяжет воедино свободу и единство страны. Однако политика только религиозной терпимости не удовлетворяла императора. В стране, где существовало минимум пять религий, он хотел создать единую религию, объединив в ней лучшие, с его точки зрения, элементы всех верований. Задача была тяжелейшей, а в то время попросту невыполнимой. Но это не остановило Акбара. Часами продолжались его дневные и ночные беседы. Он внимательно выслушивал индусских жрецов и святых, зорас-

*Статуя нимфы. VIII—IX вв.
Слева: Аджанта. Стенопись. V—VI вв.*

трийских священников и христианских миссионеров, мусульманских мулл и буддийских лам. Он искал. Искал то общее, что присутствовало во всех системах, искал скрытую в них истину. В этом своем поиске он был рационален в той степени, в которой ему позволяло время. Можно даже утверждать, что Акбар был не чужд научного подхода, когда осмысливал различные религиозные системы.

«День и ночь, — пишет Бадауни, — люди ничем не занимались кроме того, что выясняли и исследовали глубокие тайны науки, тонкости откровения, любопытные эпизоды истории и чудеса природы... Его величество вникал в различные фазы религиозной практики и в сектантские поверья и собрал все, что можно было найти в книгах, с талантом систематизатора и духом исследователя...»¹

Критический поиск в области религиозных систем, предпринятый императором, постепенно менял и его собственные взгляды. Рожденный мусульманином, он стал отходить от ислама и отвел ему скромное место среди других подобных учений, лишив его проповедуемой муллами исключительности. Случилось непостижимое. Император пошел против собственной религии, отказав ей в праве превосходства над другими. XVI век не знает подобных примеров, так же как не знает их и век XX. Мусульманские богословы зловеще шептались по углам дворца. Муллы в мечетях распространяли об императоре сомнительные слухи. Среди мусульманской знати зрело враждебное недовольство и возникали заговоры. Но он не обращал на это внимания.

В 1580 году ко двору Акбара прибыли первые христианские миссионеры. Он позволил «отцам» построить церкви в Агре и Лахоре и разрешил им обращаться в христианство индусов и мусульман, если те согласятся. Миссионеры были из Португалии и со свойственным католикам рвением принялись за самого Акбара. Они надеялись обратить и его в христианство. Он внимательно слушал то, что миссионеры читали и рассказывали ему о Христе. Ему казалось, что истина где-то совсем близко. Но церковная трактовка Христа его коробила. Она казалась ограниченной и не отвечающей тому, что он думал и знал о Христе. Проблески истины гибли под церковными догматами. Миссионеры не вызывали симпатии у императора. В черных сутанах, похожие на воронов, они шныряли по дворцу, вынюхивали и выглядывали. Они недовольно поджимали губы, когда узнавали, что Акбар беседует не только с ними. Они видели во дворце зороастрийцев, индусов и джайнов. Время от времени писали в Лиссабон донесения. В них отцы-иезуиты обвиняли императора в распущенности, склонности к колдовству и приверженности к греховным идеям. По счастью, костры инквизиции пылали на значительном расстоянии от розового города Фатехпур Сикри.

В течение многих лет Акбар выработал целую систему мировоззрения, которая являлась скорее философско-этической, нежели ре-

¹ *Srivastava A.L. The Moghul Empire. P. 169.*

лигиозной. Он создал при дворе своеобразный орден, куда вошли лишь немногие его единомышленники. Новая система, названная дини-плахи, заняла место официальной государственной идеологии.

Орден, собравший духовных приверженцев Акбара, назывался Братством. Это Братство стремилось объединить различные религиозные общины в единую человеческую общность. Цель эта в те времена не была и не могла быть достигнута. Но чем безнадежнее условия и время, тем прекраснее и мужественнее благородная попытка духовного объединения людей. Из тьмы и невежества Средневековья в будущие века пошла удивительная посылка, значение которой, может быть, до сих пор не осмыслено до конца...

Так уж повелось, что каждая великая личность в истории человечества окружена легендами. Акбар не был исключением. Легенды эти носят самый разный характер. Они рассказывают о находчивости и смелости Акбара, о тех чудесах, которые приключались с ним. Одна из них повествует о волшебном камне, которым владел император.

«Однажды в лесу у границы двух царств повстречались иранский шах и падишах Акбар. После вежливых приветствий шах спросил у Акбара:

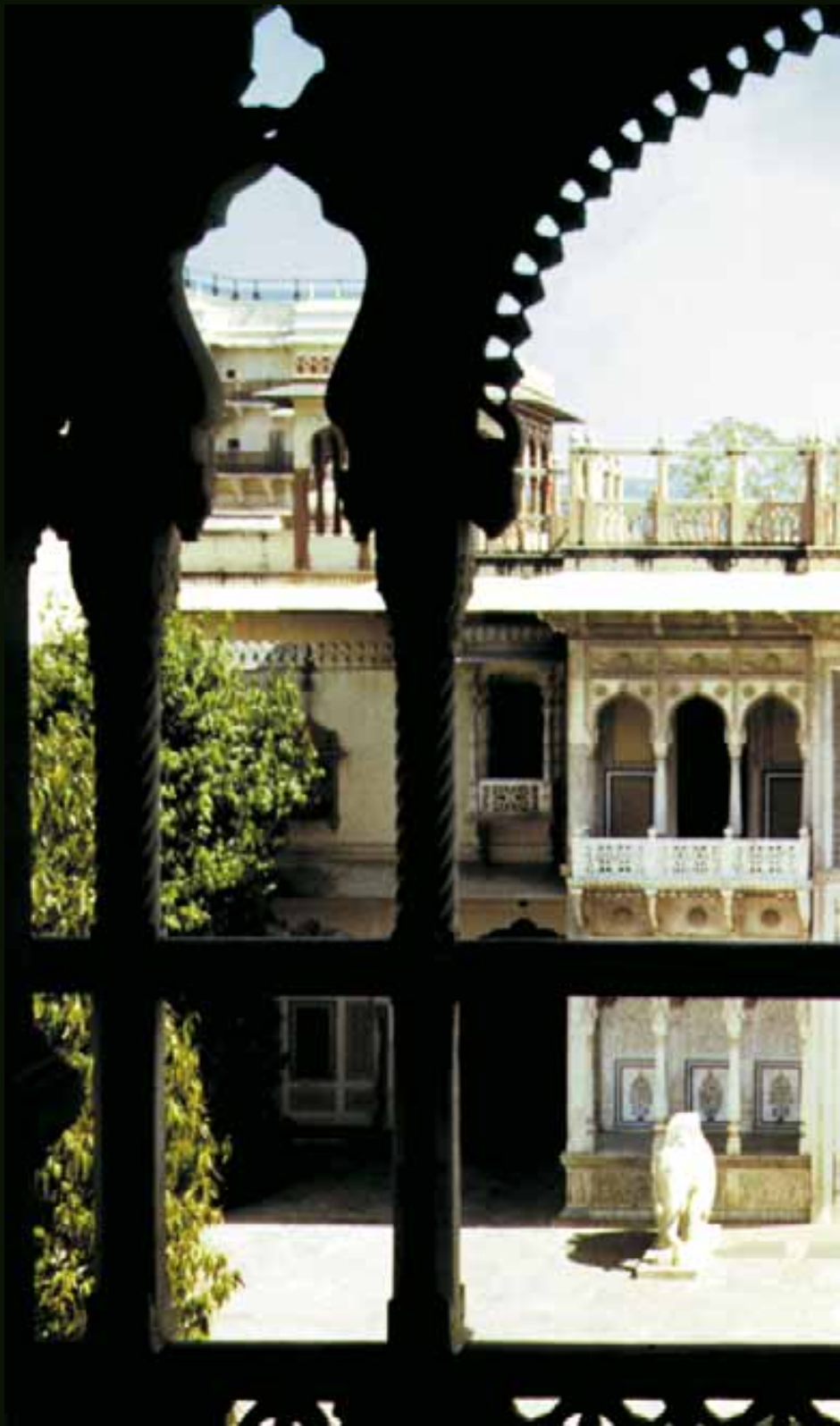
— Нет ли у вас волшебного камня?»¹

Падишах Акбар ответил на это уклончиво. Вернее, просто отшутился.

Два таких, казалось бы, далеких человека, как русский инок Сергей и индийский император Акбар, имели, как ни странно, некоторые черты сходства. Как будто оба они принадлежали к одной и той же породе людей, к одному и тому же их типу. Их разделяло более двух веков во времени и высочайшие горы Гималаи — в пространстве. Но тем не менее... Даже внешне они были чем-то похожи друг на друга. Чуть косо поставленные глаза, высокие скулы. Оба отличались большой физической силой и выносливостью. Оба родились в беспокойное для их родины время. Их детство было омрачено войнами и кровавыми усобицами. Оба рано почувствовали то призвание, которое было заложено в них. Один был рожден духовным пастырем, а другой — воином и царем. Но различие в призвании скорее объединяло их, нежели разъединяло. Духовный пастырь был в душе воином, связанным с ратными делами русского народа. Воин же Акбар был духовным наставником своего народа.

Два этих качества — мужество воина и духовная утонченность — сочетались в них в разных проявлениях. Оба умело достигали намеченной цели, сопрягая мысль и действие. Оба были великими тружениками, отличались внутренней мягкостью, великодушием и обладали редким качеством сострадания. Тот и другой были по-своему популярны в своем народе и оставили о себе добрую память.

¹ Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала. М., 1968. С. 112.

*Джайпур
Дворец махараджи*

Во многом совпадали и их взгляды. С Акбаром и Сергием связаны целые культурные эпохи Индии и России. Оба боролись за единство своих стран, выступали, каждый по-своему, против феодальных усобиц. Тот и другой считали, что для действительного объединения народа только политического единства недостаточно. Они пытались заложить основы духовного единства. Один выдвинул идею монастырской общины, другой создал Братство единомышленников.

Современники отмечали в каждом из них высокую духовность, которая покоряла самых разных людей и сделала одного Святым, а другого — Учителем. Они были столь похожи и во многом остальном, что иногда кажется, что в разное время и в разных странах жил и действовал один и тот же человек...

Возможно, это странное сходство двух людей, разделенных временем и пространством, заставило Рериха поместить часовню Сергия в Гималаях, а Учителя, стоящего на гималайском уступе, наделить чертами русского монаха и индийского императора. Может быть, это таинственное обстоятельство привело и самого Рериха к розовому городу Фатехпур Сикри. К мертвому, уже замолкшему городу, где в сиреневых сумерках возникает замирающий звук шагов Великого императора, где сдвигается Время и становится неясным, то ли это шаги императора по розовым плитам индийского дворца, то ли это шаги инока по ноздреватым камням русского монастыря.

Путешествие по Индии продолжалось. Один город сменял другой. И каждый из них имел свое неповторимое лицо. Звучали древние полузабытые названия. Шумели яркие базары. Катили тонги и рикши. Стройные смуглые женщины, завернутые в древние одежды, несли на головах кувшины с водой. Длинноволосые садху в набедренных повязках бормотали молитвы и заклинания. Солнце всходило на плоской равнине Ганга и освещало тонкие, протянутые к свету руки паломников. В прохладном сумраке храмов удлинненные глаза многоруких и многоглавых богов равнодушно взирали на простертых перед ними людей. Полуобнаженные жрецы со шнурами дважды рожденных совершали таинственные ритуалы в алтарях и алчным движением тянули руки за приношением. На храмовых лестницах сидели нищие и прокаженные, стуча чашами, сделанными из кокосового ореха. На узких улицах звучали флейты и барабаны, и пестрая толпа, украшенная гирляндами цветов, устремлялась куда-то в праздничной беззаботности.

Земля была древняя, опаленная солнцем и временем. Но Земля была желанной, той, куда он стремился так долго и неодолимо. Она предстала перед ним во всей своей красоте и во всем своем безобразии. Красота исходила от старинных резных камней, от смелых и грациозных линий скульптурных изображений, от гармоничных и неожиданных сочетаний цветов в одежде. Она звучала в языке и в зовущих мелодиях утренних и вечерних раг, светилась в утонченных лицах людей и дарила незабываемые минуты общения с ними.

Однако мир наживы и угнетения уже наложил на все безвкусные и безобразные мазки. Ростки утонченной культуры, лелеемой тысячами, умирали под напором чего-то чуждого и неприемлемого. Он искал эти ростки, вдыхал их забытый аромат и пристально вглядывался в причудливые узоры, сложенные вечностью. Тонким чутьем ощутил суть противоречий этой страны. Сумел увидеть все в целом, как оно есть, но смог отличить вечное от преходящего, красоту от безобразия, будущее от настоящего. И он поверил в это будущее. И не изменял этой вере до конца своей жизни.

Его характеристики были глубоки и кратки. В них он отразил самое существенное из того, что увидел и что почувствовал. В своем дневнике он писал:

«В эпических узорах Индии все укладывается. Окажется в толпе вашим ближайшим соседом остов человека, побелевший от проказы, — вы не пугаетесь. Прислонится к вам садху, выкрашенный синими разводами, с прической из коровьего помета — вы не удивляетесь. Обманет вас факир с беззубыми кобрами — вы улыбаетесь. Давит толпу колесница Джагарната — вы не поражаетесь. Двигается шествие страшных нагов Раджпутаны с кривыми жалами клинков — вы спокойны. А где же те, ради которых вы приехали в Индию? Те не сидят на базарах и не ходят в шествиях. И в жилища их вы не попадете без их желания. Да правда ли они есть? Не пишут ли о них досужие писатели только для необыкновенности? Есть, есть и они. И есть их знание и умение. И в этом изощрении человеческих качеств возносится вся человеческая сущность, и никакая проказа не отвратит вас от Индии...»¹

Индия становилась его судьбой. Личной судьбой. Он видел язвы на ее теле и указывал на губительные последствия британского господства. К ним он отнес сохранение кастовой системы, разложение и коррупцию жречества, самодурство и деспотизм индийских князей, являющихся одной из главных опор колонизаторов, нищету и развращенность, которые несли в индийские города капиталистические отношения. Он с болью и горечью писал о кварталах публичных домов в Бомбее, о невежестве жрецов-браминов, об унижении женщины, о неравенстве, царящем в стране, о княжеских забавах.

«Рычат тигры в Джайпуре. Махараджа запрещает стрелять их. Пусть лучше пожирают его подданных, но его светлость должна иметь безопасную забаву — стрельбу тигров из павильона на спине слона»².

Эти язвы не помешали ему увидеть то лучшее, что в стране было. В ее людях был заложен огромный творческий потенциал, созданный накоплениями многовековой культуры, которая сформировала великих писателей, ученых, философов. Такие личности, как Рабиндранат Тагор, Джагдиш Бос, Ауробиндо Гхош, притягивали его к себе.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 27.

² Там же. С. 16.

Они становились его друзьями, и он поддерживал с ними постоянные связи. Но он общался не только с ними.

В первый же месяц путешествия по Индии он понял, как утончен, восприимчив и творчески одарен обычный индиец, как развита в нем духовная сторона его натуры. Индийцы воспринимали человека сердцем и душой. И в этом восприятии было много того интуитивного, внутреннего знания, которое не могли заменить ни широкая информация, ни образование. Ему было легко с индийцами, взаимоотношения с ними складывались просто и естественно. Эта особенность народа, среди которого пройдет вся его оставшаяся жизнь, облегчит ему эту жизнь, поможет перенести долгую разлуку с Родиной. «И сердце Индии, — напишет он, — отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердце определит сущность»¹.

«Приговор сердца» Индии был однозначен. Оно приняло его. Как примет потом многих русских, которые пойдут его путями. И в этомприятии переплетутся объяснимые и необъяснимые моменты и возникнет то состояние отношений, которое не удастся определить лишь одними словами. «Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думаем, но о чем-то глубочайшем и многозначительном»². Это «глубочайшее и многозначительное» он объясняет фразой «сердце сердцу весть подает»³. За этим будет стоять многое. И в настоящем, и в будущем. Но тогда это многое только начинало в нем формироваться и складываться.

Он удивлялся и радовался тому, как подчас правильно и тонко разбирается в искусстве обычный индиец. Как доступен его внутреннему пониманию мир гармонии и красоты. Он общался и беседовал с разными людьми. Знатными и простыми, образованными и необразованными. И вновь удивлялся тому, как порой бывает утонченна и точна их мысль, как доступны их пониманию сложности человеческого духа. Он назвал эти качества знаками. Знаками богатой и тонкой культуры, которую так и не смогли окончательно погубить ни иноземное господство, ни мутный поток современной цивилизации. Эти знаки он искал, погружаясь в прошлое Индии. Он искал их в фресках Аджанты, ступах Сарната, изваяниях Элефанты. «В усвоении песенного лада, в характере зова, в движениях вы видите старую мощную культуру <...> — записывал он в своем дневнике. — И никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия. И последние раскопки начинают поддерживать этот несомненный вывод»⁴.

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. Рига, 1936. С. 155.

² Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 268.

³ Там же. С. 269.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 26.

Первое беглое знакомство со страной обогатило его, разбудило в нем жажду действия и напитало чем-то новым и бесценным тот творческий поток, который никогда в нем не иссякал. Казалось, что сама атмосфера Индии насыщена чем-то живительным и утонченным, без чего он теперь не представлял свою жизнь.

«Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия.

Но мы знаем благоволения твои. Но мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу»¹.

Индия действительно оказалась первым цветком в том удивительном и своеобразном венке древних стран, которые ему еще предстояло пройти. Он поспешил в Гималаи, на прохладных высотах которых легче дышалось и думалось. Там он начал подготовку к экспедиции, ставшей главным деянием его жизни.

Рерихи во время путешествия по Индии. 1923

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 31.

Глава вторая

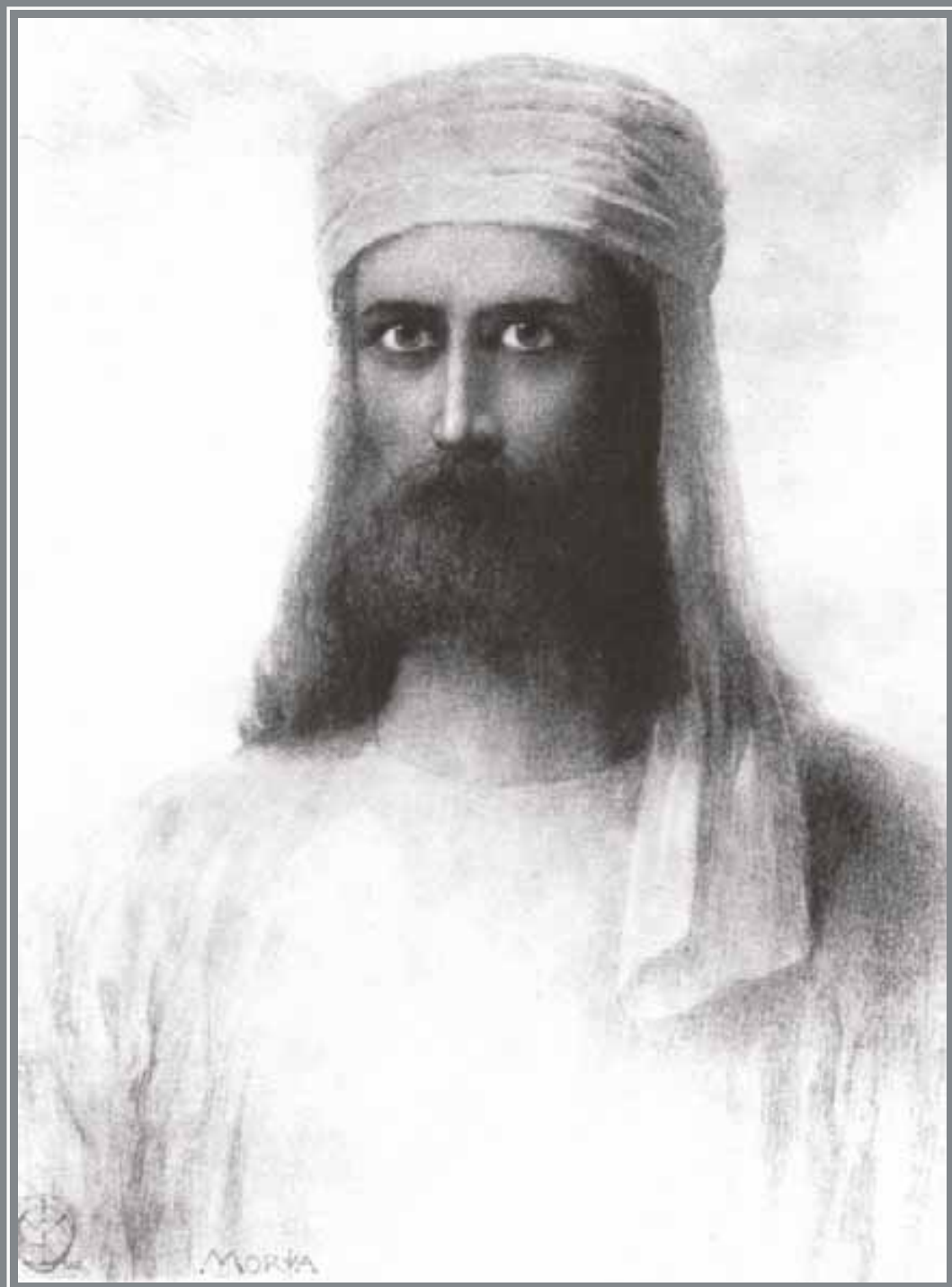
СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

Называли Сикким страной молний. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней». Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроникаемая страна скал и цветов.

Н.К.Перих

...Они уже миновали монастырь Гум, и автомобиль повернул на узкую дорогу, ведущую к Дарджилингу, когда шофер неожиданно притормозил. Они даже не сразу поняли, в чем дело. Но когда посмотрели на дорогу, увидели необычное зрелище. Оно возникло как в сказке и совсем не вязалось с тем, что их окружало. Как будто пришло из другого мира. Четверо слуг, одетых в серые одежды, несли портшез. В портшезе сидел нездешний король. Иначе его нельзя было назвать. На короле было красно-желтое одеяние. Из-под короны на плечи падали густые черные волосы. Черная бородка была аккуратно подстрижена и отливала синевой. Когда портшез поравнялся с автомобилем, король улыбнулся и склонил голову в поклоне. Затем кивнул им еще несколько раз, как старый знакомый. Потом они встретились с ним в небольшом придорожном храме... После Лондона это была вторая встреча с Великим Учителем и Великой Душой, Зов которого они слышали еще в далекой Карелии.

Они приехали в Дарджилинг в конце 1923 года, почти накануне нового, 1924 года. Сам город не произвел на Николая Константиновича

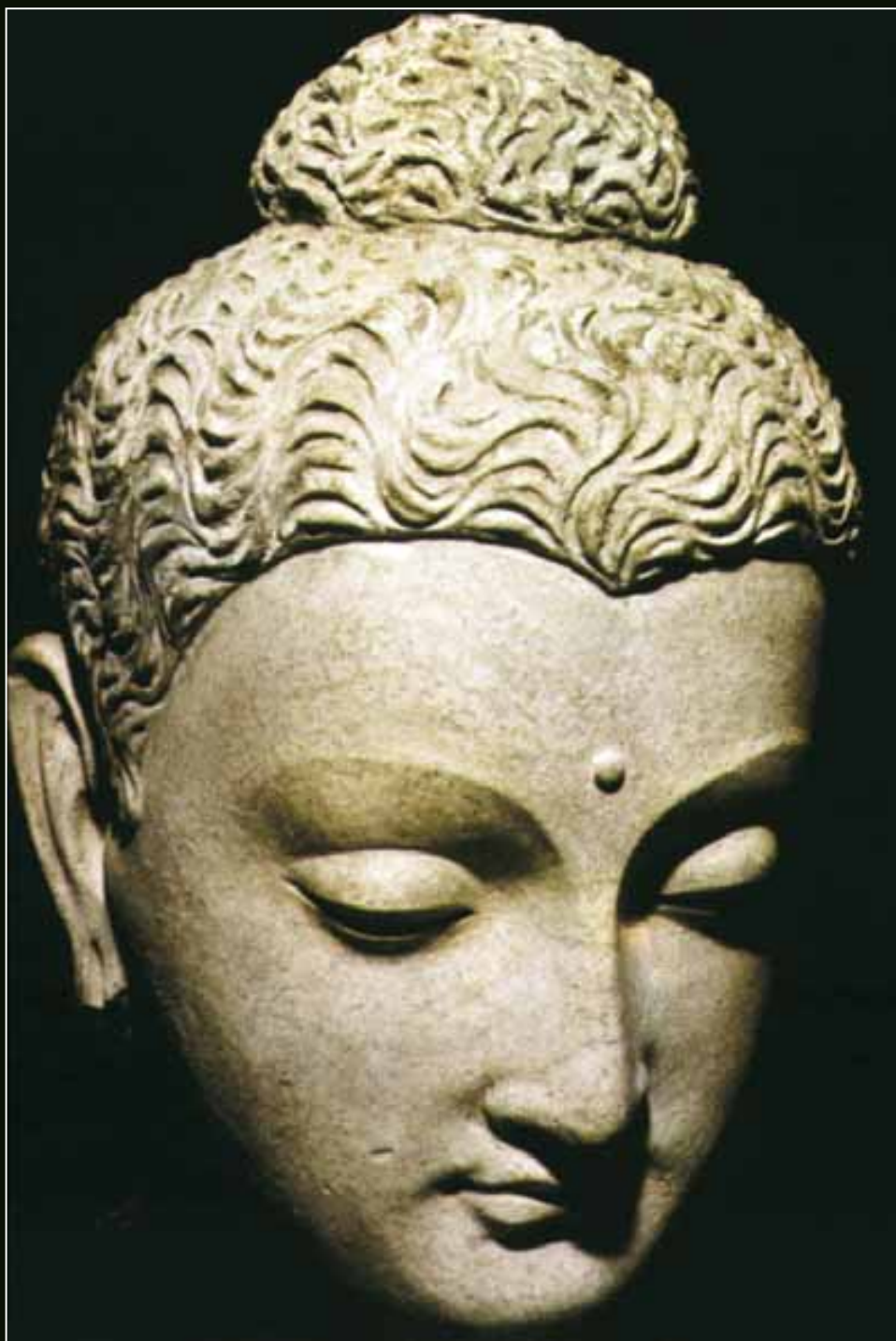
Учитель Мория

особого впечатления. Ближние горы были закрыты плотным туманом. Ни просвета, ни щелки. Узкие улочки города, разбросанного по пологим склонам, то карабкались вверх, то спускались вниз. Многие из них упирались в глухие заборы. Солдатские унылые бараки, деревянные, кое-как сколоченные дома. Массивные плантаторские бунгало. Хозяевам этих бунгало принадлежали чайные плантации, покрывавшие окрестные склоны. Неудобные, сомнительной чистоты гостиницы, наспех построенные и не привлекающие взгляда. Шумный грязный базар, где набирали оборванных кули для переноски тяжестей. Унылый колокольный звон по воскресеньям и традиционный духовой военный оркестр по вечерам на тесной площади города. Дома смотрели друг другу в окна, их обитатели громко перекликались между собой. Было шумно, беспокойно. Все это не соответствовало тому, к чему он так нетерпеливо стремился. Поиски жилища ничего утешительного не принесли. Их водили по грязным улочкам, предлагали неудобные, наполненные шумными постояльцами гостиницы. Гуляя по городу, они случайно наткнулись на гору, которая называлась Березовой.

На горе стоял буддийский храм. Звонили колокольчики, ветер играл разноцветными молитвенными флагами.

Вдоль склона тянулась дорога. Она уходила куда-то вдаль от серых деревянных домов, от грязного базара и городского шума. На обочине дороги росли сосны. Пахло хвоей и смолой. Они двинулись по ней. Через некоторое время среди сосен показался шпиль церкви. Это была церковь святого Андрея. Он вспомнил, что его крестили в Петербурге в Андреевском соборе. Случайное совпадение или знак? Они миновали губернаторский дом, помпезный и тяжелый, и к северу от него на склоне увидели еще один дом. Он стоял на отшибе, среди сосен. Сюда с невидимых гор стекал прозрачный, пронизанный солнцем воздух. Пели птицы. И их пение было единственным, что нарушало тишину.

Дом был старинный и большой. От склона, на котором стоял дом, начиналось пространство, заполненное туманом до самого горизонта. Они остановились у края. Туман закружился и вдруг стал рассеиваться. И неожиданно сквозь его рваные, причудливые космы встало в полнеба видение. Возник хребет священной Канченджанги. Ее пики, покрытые снегом, засверкали ослепительно и бело. Все четверо долго стояли молча, изумленные и потрясенные открывшимся. Порывы ветра гнали прочь остатки тумана, обнажались изломы гигантской стены. Синие тени делали эти изломы графически четкими. И в памяти Николая Константиновича возникли деревянный дом с индийским именем «Извара», стоявший на лесистой равнине под Петербургом, и картина, висевшая там. Те же очертания пиков, те же синие тени в изломах горных нагромождений. На какое-то мгновение исчезло время, отделявшее его, стоявшего здесь, от него, смотревшего на ту картину там. Ему показалось, что рама размылась и исчезла, закружились

Голова Будды. VI—V вв.

туманом деревянные стены и то, что было на картине, стало увеличиваться, расти и заняло полнеба. Теперь сомнений больше не было. На картине в Изваре была изображена Канченджанга.

От дома к ним уже спешил маленький, в темно-красном одеянии лама и приглашающим жестом показывал на двери. Дом оказался не занятым, и им разрешили в нем поселиться. Он назывался по-тибетски Талай-Пхо-Бранг. Потом выяснилось, что в нем провел три года Далай-лама XIII, бежавший в 1910 году из оккупированной китайцами Лхасы. Здесь второй раз пути Рериха пересеклись с судьбой главы Тибета. Третьего было не миновать.

Там, за каменной стеной Канченджанги, лежала таинственная, малодоступная страна, и в ней сейчас происходили события, значение которых было еще неясным. Из Тибета в Китай бежал Панчен-лама. В связи с этим наблюдалось большое оживление на дорогах Сиккима. Буддийский мир был встревожен. Из уст в уста передавались различные слухи. Говорили, что в старинных пророчествах было предсказано бегство Панчен-ламы, что последний Панчен-лама велел нарисовать на стенах своих покоев маршрут будущего своего исхода.

«Сейчас волна внимания к Тибету, — писал Рерих за своим рабочим столом в Талай-Пхо-Бранге. — За стеною гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез Таши-лама? Какие военные действия на границе Китая? Что делается на монгольской границе? Год событий»¹.

Восток стал подвижен. Русская революция сдвинула в нем дремавшие до сих пор пласты. Эти движения имели свою внешнюю форму и внутреннюю суть, сплетавшуюся в сложном, живом и меняющемся рисунке. Рерих стремился постигнуть эту внутреннюю суть там, где были расставлены самые важные знаки. Он шел по ним, как по вехам. Они вспыхивали жемчужинами в хитросплетении событий. Он подбирал эти жемчужины и осторожно нанизывал их на нить Времени. Жемчуг исканий. Эта нить напоминала ожерелье синих огоньков, вспыхнувших на гигантской стене Канченджанги в одно прекрасное утро. Опять знаки? Знаки гор, знаки событий, знаки людей. «Все полно знаками»², — записывал он.

Талай-Пхо-Бранг, где он жил, был местом паломничества. Пестрый, таинственный мир Востока вращался вокруг дома, притянутый к нему, как магнитом. Паломники на лужайке пели молитвы и били в маленькие барабаны. Приходили художники. Появлялись ламы. Были тибетцы, непальцы, бутанцы, монголы. Яркие краски одежд, яркие краски картин. Все это билось, как прибой волшебного моря, о порог дома, вынося на поверхность свои легенды, сказания, тайны. Станным, непостижимым путем доставлялась информация.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 54.

² Рерих Николай. Пути Благословения. Нью-Йорк — Париж — Рига — Харбин, 1924. С. 99.

*Вход в храм, в котором состоялась в 1923 году
встреча Н.К. и Е.И. Рерихов с Учителем*

Ламы рассказывали о снах, о видениях, о пророчествах. Откуда они приходили и куда уходили — никто не знал. Один из них описал весь маршрут предстоящего Рериху путешествия. Ламы рассказывали о Махатмах, Великих Душах. Когда-то в Сиккиме находилась их обитель, или ашрам.

Рерих знал о Великих Душах больше рассказчиков. Он с ними уже встречался, и для него они были не легендарными азарами, а реальными людьми, мудрыми и совсем не похожими на остальных.

«В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, — писал он, — когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, нежданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они появлялись. Если нужно, Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах. <...> Не оторванное от жизни, не уводящее, но созидающее — таково учение Махатм. Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями»¹.

...Храм был небольшой, странный, не похожий на другие. Он стоял чуть в стороне от дороги, ведущей от монастыря Гум к Дарджилингу. В храме, казалось, сошлись все религии. Его покрывал купол мусульманской мечети, готические химеры смотрели с фронтона, напротив изображения Будды стоял божественный пастух индусов Кришна, небольшое святилище было сооружено над протекавшим рядом источником. Такие святилища у источников ставят до сих пор в горах те, кто поклоняется древним нагам.

Елена Ивановна и Николай Константинович вошли в храм. Там их уже ждали. В храме не было двери, и в него мог войти любой прохожий. Но пока они беседовали, никто не вошел. Дорога у храма была пуста, и их никто не заметил. Говорили о предстоящей Центрально-Азиатской экспедиции. Россия по плану Махатм была важнейшим этапом в маршруте экспедиции. Рерихи должны были доставить в Россию их письмо.

В Сиккиме Рерихи прожили около девяти месяцев. Мир гор полностью захватил их. «Все семнадцать вершин Гималаев, — записывал Николай Константинович, — сияют над Сиккимом. <...> Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине, неисчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая»².

Они откликнулись на этот зов и остались в горах и снегах Сиккима. Их маршруты были трудными и разнообразными. Они уходили на

¹ Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 317—318.

² Рерих Николай. Сердце Азии. Southbury: Alatas, 1929. С. 15.

*Бог
Канченджанга*

север от Дарджилинга, туда, к границе Непала, где от Сандакпу и Фалюта открываются громады Эвереста и близкой Канченджанги. Они шли по руслу Рангита, пробивающего себе путь в камнях и скалах. На темных скалах цвели ярко-красные рододендроны и бело-желтые, пронизанные солнцем орхидеи. С отвесных уступов срывались серебряные водопады, а стволы деревьев были переплетены лианами. Они направлялись в сердце Сиккима, туда, где на горах стояли старинные буддийские храмы и монастыри, где еще помнили основателя красношапочной секты Падму Самбхаву. Низкорослые аборигены-лепча несли по горным крутым тропам грузы от монастыря к монастырю, от поселка к поселку. Страна была труднопроходимая. Гигантские горы, увенчанные снеговыми вершинами, круто и отвесно вздымались от жаркой земли, как будто вселенский катаклизм исторг их из самого ее чрева и неведомой силой вознес к лазури чистого неба.

Тропинки петляли между густыми зарослями вечнозеленых деревьев. Мелькали крупные бабочки сказочных расцветок. От запаха орхидей кружилась голова. Но через несколько часов крутого подъема душные субтропики вместе с облаками и туманами оставались внизу, и все пространство от горизонта до горизонта наполнялось сверканием снежных вершин. Потом снова тропа уходила вниз, в туман, к пряным запахам субтропических лесов, к пьянящим ароматам орхидей. И вновь почти сразу начинала ползти вверх.

Они пересекали горные реки и потоки, над которыми опасно и ненадежно раскачивались бамбуковые мостики. Вверх — вниз, вверх — вниз. Из одного мира в другой. Из мира сочной земной красоты, пересеченного лесистыми холмами и глубокими сырыми оврагами, к строгому суровому миру неба и снегов. Облака и туманы разделяли оба мира, но не могли оторвать их друг от друга, и они существовали рядом, один внизу, другой вверху, на небольшом клочке гористой земли. «Два мира выражено в Гималаях»¹, — записал Николай Константинович. — Мир земли и мир неба.

И снова вверх — вниз, вверх — вниз. Болят натруженные ноги. Хочется пить. Но до привала далеко. И так день за днем «человеческими ногами и человеческими руками». И вдруг: «Как в сказке. Как на блюдечке за серебряным яблочком, открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима. Наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконге. Большой субурган и монастырь в Ринченпонге. На следующей горе белеет Пемайанцзе. Еще выше — Санга Челлинг. Ташидинг мало виден. По другую сторону долины — Далинг. Против него — Роблинг. Ближе — Намцзе. За сорок миль видны монастыри. Забываем, что здесь видится необычно далеко»².

Здесь дули бодрящие прохладные ветры. Хрусталь воздуха наливался синевою неба и высоких снегов. И снова хребет Канченджанги возносился над долиной. Среди залитых солнцем зарослей стояли старинные буддийские храмы, похожие на игрушечные терема под разноцветными крышами. Окна и двери горели яркими красками. По резным наличникам вились сказочные цветы, сквозь затейливые легкие решетки глядели голубые стекла. Зеленые и золотые драконы взлетали над дверными проемами, узорчатые колонны светились пурпуром и киноварью. В полутьме храмов мерцали светильники перед статуями Будды, Падмы Самбхавы, Майтрейи. Их удлиненные глаза загадочно и отрешенно смотрели с золотых лиц. На свежем ветру празднично шумели разноцветные молитвенные флаги.

В Ташидинг они попали в Новый год. Был февраль, и к монастырю стекались толпы людей. Длинные кафтаны, загнутые носки сапог, цветные шапки, отороченные мехом. Перед Рерихом наяву возникали костюмы из «Снегурочки», нарисованные им когда-то. Люди много пели и танцевали. И он узнавал то стремительные половецкие пляски из «Князя Игоря», то плавные русские хороводы. Оживало знакомое, когда-то сделанное и воплощенное. Как будто подмостки сцены слились с тем, что происходило здесь, на зеленых горах Сиккима. Настоятель монастыря, степенный седобородый лама, встречал их у входа.

«После заката по зигзагу тропинки засверкали огни и загудели трубы. И вот пришло, привалило. Пестрое, шумное, трубное, барабан-

¹ Рерих Николай. Пути Благословения. С. 95.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 54.

ное. И с драконом, и с самодельными конями, и с бумажными яками. И с хлопучками, и с разноцветными огнями. И само действие, и пестрая толпа, уходящая в лиловую эмаль ночи, и взрывы пламенных искр»¹.

И снова поднималось солнце над горами, и снова ревели медные длинные трубы, раскачивались шитые золотом высокие шапки лам, звенели храмовые бронзовые тарелки, гремели расписные барабаны. И хранители веры, стражи заповедных снегов, совершали извечный танец, исполненный таинства древнего, неутраченного Знания. Их устрашающие и предупреждающие маски-лики плыли над толпой. Красные, желтые, черные, синие, зеленые. Они повествовали в грозных и резких движениях о завещанной победе светлого над темным, доброго над злым. Они напоминали об этом, не позволяли забывать. Звучали заклинания, возникали протяжные песенные молитвы. А над всем этим парили, распластав свободные крылья, орлы. В Новый год вскрывали в Ташидинге вещь чашу, которую вновь наполняли каждый год. За год уровень воды менялся. По нему предсказывали хорошее и плохое. Воды стало меньше — предстоит счастливый год, больше — надо ждать беды. В тот год воды было меньше.

Мир необычный, мир сказочный и таинственный открывался их взору. Но они в нем находили знакомые приметы, знакомые формы. Николай Константинович слушал песни и улавливал в них близкий ему русский лад. Его мысль неустанно работала. Он не мог все сразу объяснить и доказать, но он все запоминал и ставил вехи.

Здесь, в далеких Гималаях, непостижимым образом существовало то, что напоминало ему Россию. Каким образом переплелись пути таких далеких друг от друга стран? Он долго ходил по монастырю Пемаянцзе. «И резьба наличников сказочна, — записывал он. — И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России»².

Он останавливался перед входом в Долинг. Внимательно всматривался в росписи и орнаменты. И как восклицание вырывались у него слова: «Вот они, мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она, прекрасная фресковая живопись. Вот они, цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей»³.

Бродил по сказочным лесам царя Берендея. Перед ним возникали в сверкании ярких красок берендеевы слободы. Все переплеталось, все спутывалось. Декорации на сцене Петербургского драматического театра и поселок лам в Пемаянцзе, ярославские церкви и монастырь Долинг, русские деревенские хороводы и новогодние танцы в сиккимском монастыре Ташидинг. За этим всем стояло какое-то еще не полностью осмысленное единство. Возможно, таинственное, частично еще не проявленное единство времени и пространства. Театральные декорации, предвосхитившие встречи в Гималаях, славянские узоры

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 32.

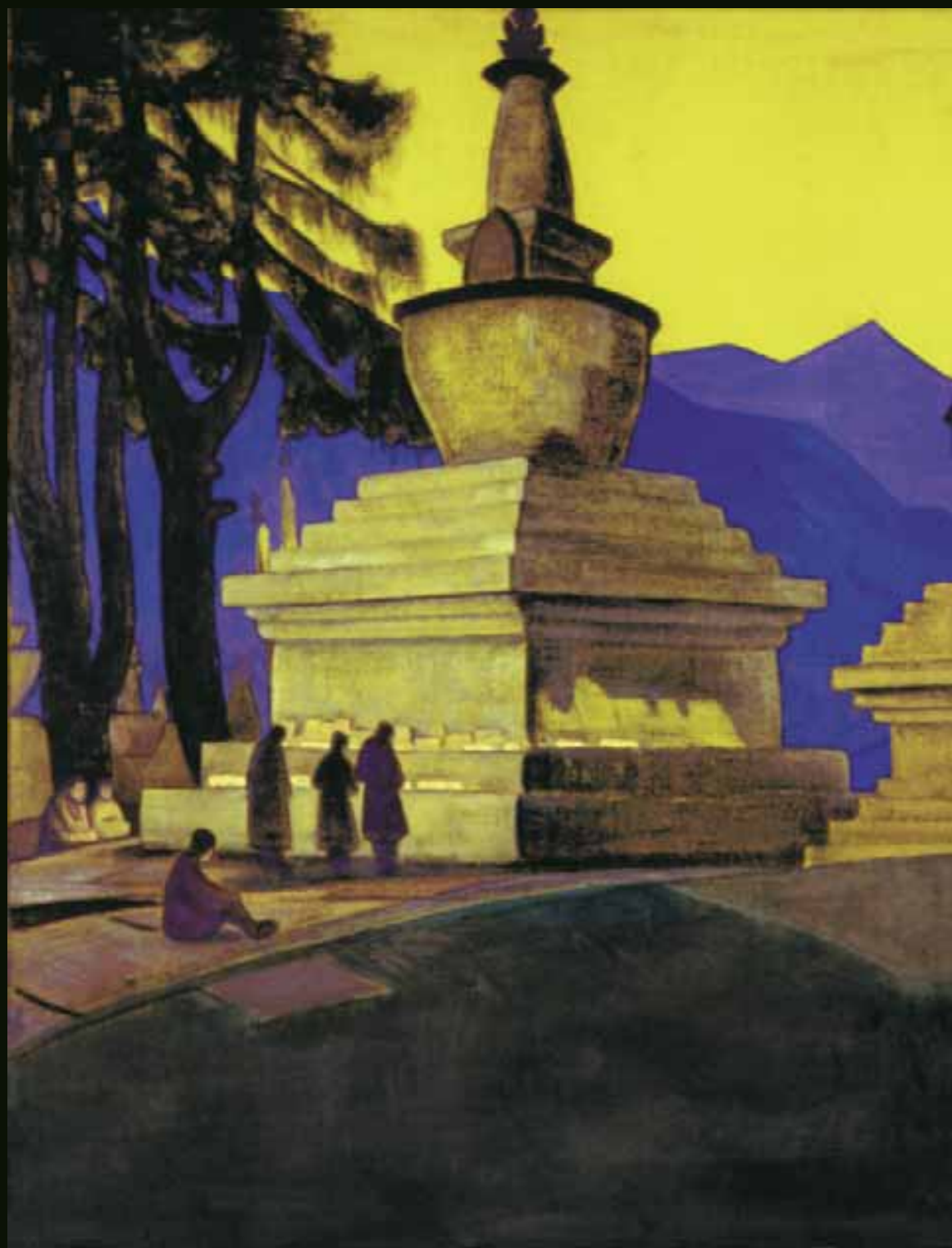
² Там же. С. 48.

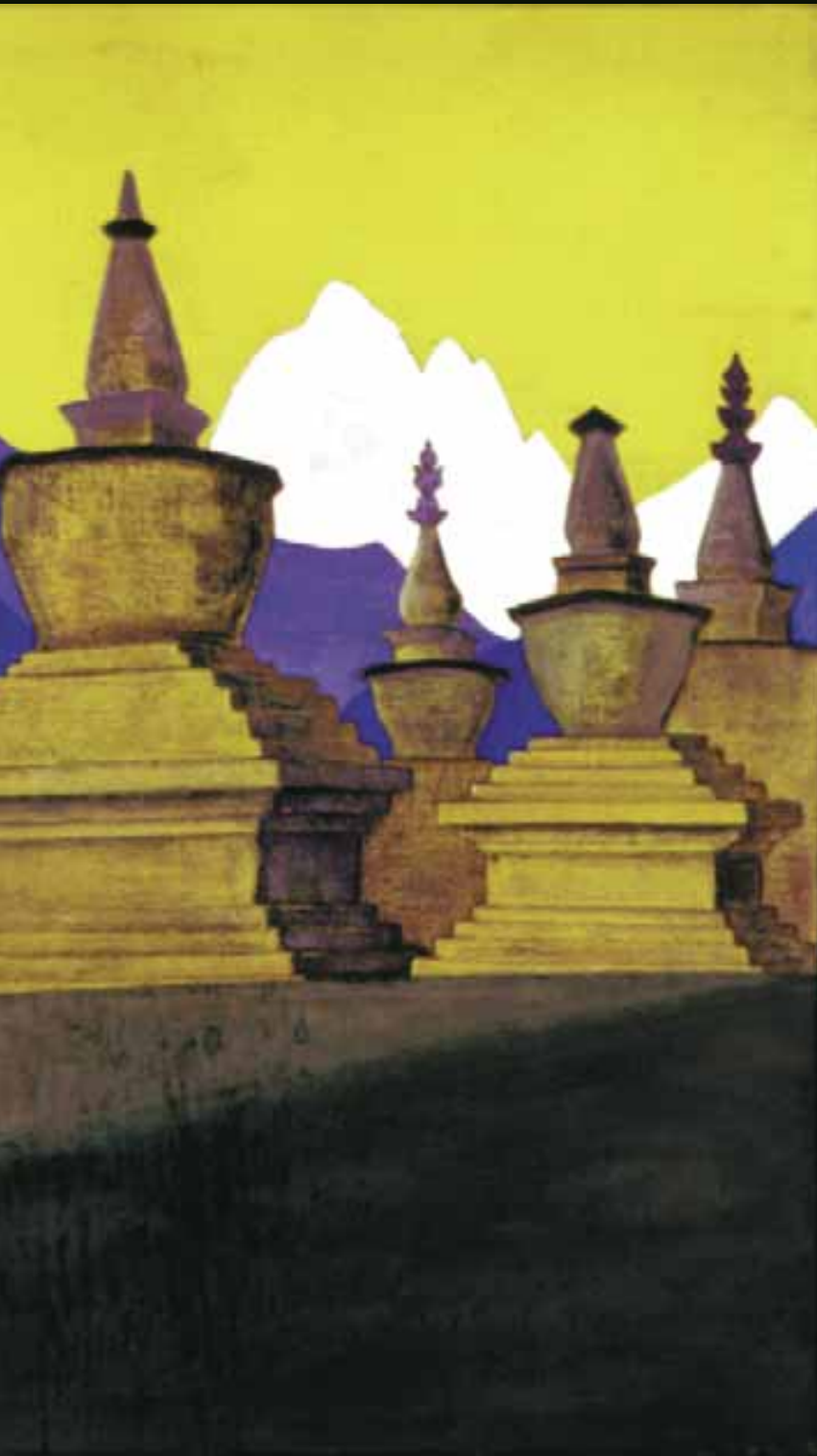
³ Рерих Николай. Пути Благословения. С. 123.

*Н.К.Рерих
Жемчуг исканий
1924*

*Н.К.Рерих
Ступы в Ташидинге. [1924]*

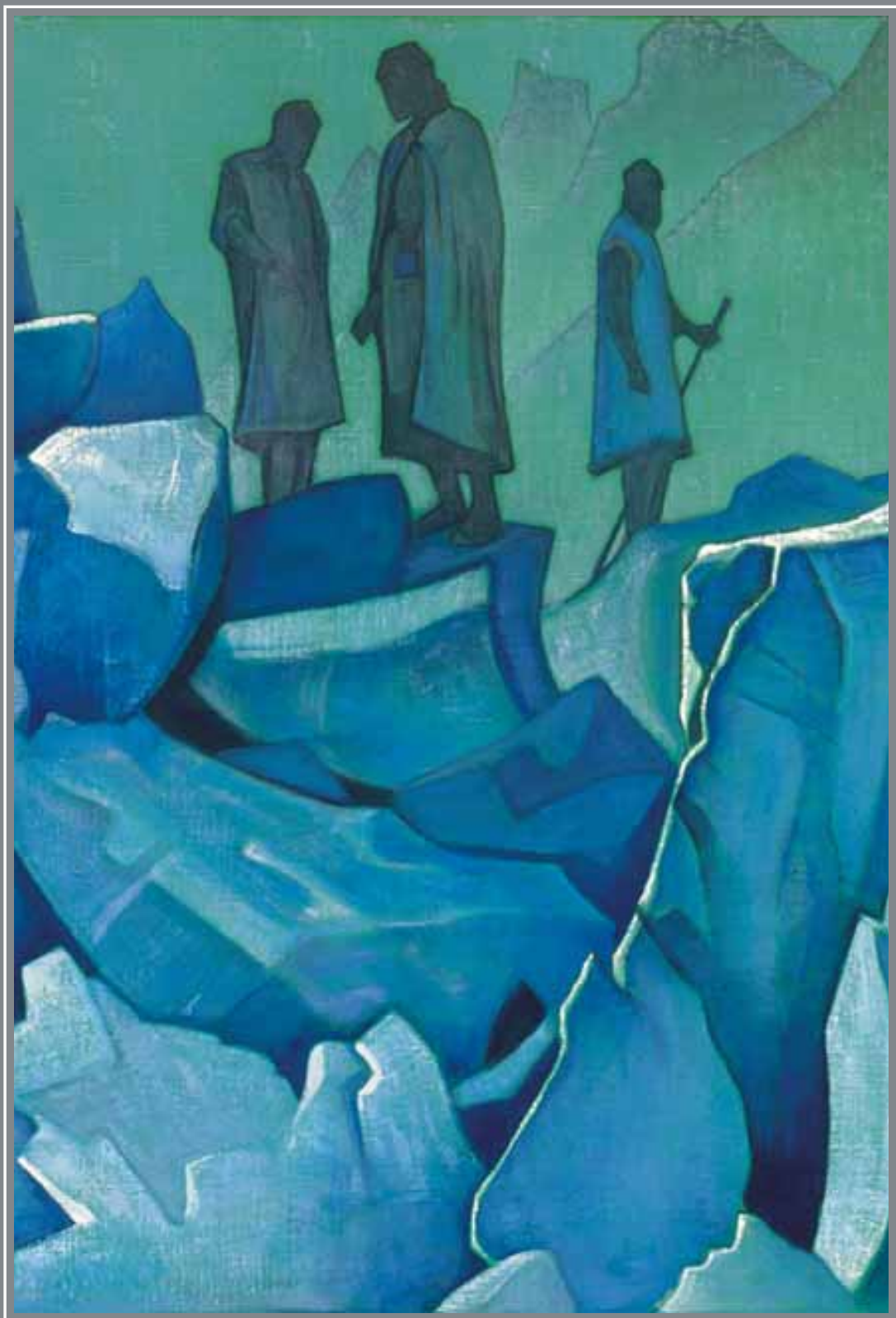

Н.К.Перих. Дозор Гималаев. 1925

и хороводы, мелькнувшие сном снежных вершин. В этом удивительном пестром мире, над которым господствовал снежный гигант Канченджанги, казалось, сочеталось все.

Ему рассказывали о чудесных явлениях, которые не могли объяснить, но в существовании которых не сомневались. О «нам-иг» — письмах и священных книгах, падающих с неба, которые находят те, кому они предназначались. О волшебных кольцах с бирюзой, которая меняет свой цвет, предрекая те или иные события. О каменных бусинах «зи», которые обладают особой целительной силой. О загадочных предметах, так же неожиданно появляющихся, как и исчезающих. Ламы доверительно сообщали о странных местах, где слышно жужжание невидимых пчел, а временами слышится музыка или пение. Повествовали о силе великого Падмы Самбхавы, который был причастен ко всем этим чудесам и который тоже появляется сам среди людей, когда приходит нужное время. Звучало имя Майтрейи, будущего Будды, с приходом которого на земле установится царство справедливости. Шептали о спрятанных до поры до времени сокровищах и святынях. Указывали на Ташидинг, поднимали тонкие руки к Канченджанге.

Старинные рукописи хранились в тайниках монастырей, где рассказывалось о заповедной и священной стране Шамбале, границы которой охраняли неприступные горы и снежные люди. Рукописи повествовали о людях, живущих в заповедной стране, которые знают

Н.К.Рерих. Дозор Гималаев. Фрагмент

прошлое, знают будущее. Они посылают пророчества в мир, и эти пророчества исполняются. В Европу сведения о Шамбале почти не проникали. Книга одного из Панчен-лам «Красный путь в Шамбалу», переведенная Грюнведем, прошла незамеченной. Рерих видел на кладбище в Дарджилинге могилу Чома де Кереша, пришедшего в эти края из далекой Венгрии. В грамматике тибетского языка, которую он написал, де Кереш упомянул о Шамбале и даже назвал градусы широты, на которой она расположена. «В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддой иерархию, — писал Николай Константинович о де Кереше. — Пришел этот ученый из Венгрии — характерно. Загадочна его деятельность...»¹

Грюнведель, Чома де Кереш — слабые голоса, потонувшие в шуме и суеде больших городов. Здесь же многие знали легенды о Шамбале, о подземных ходах, ведущих в нее, о пещерах, хранящих сокровища, о каменных дверях, которые никому не удавалось открыть. В пещерах сидели отшельники и аскеты. Легенды, сказания, сказки, длинные вечерние разговоры. Николай Константинович умел из них выделять самое главное. Он понимал, что за всем этим всегда стоит Реальность. Реальность необычная, сложная, не сразу поддающаяся исследованию или объяснению.

С этой Реальностью были связаны Махатмы, те, которые передавали Знания. Отзвуки ее иногда попадали даже на страницы газет. Индийская «Стейтсмен» опубликовала рассказ британского майора.

«Во времена странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но, к его еще большему удивлению, его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему: “Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну”»².

Он тщательно записывал все, что слышал о Заповедной Стране.

«На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балю и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Канченджанги и сказал: “Там находится вход в священную страну Шамбалу. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 43.

² Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 159—160.

собраны там”. Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях. Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхасе, старый ученый лама, лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения»¹.

Он заметил еще одну особенность. Все рассказы и сказания о Заповедной Стране, об азарах, о пещерах и сокровищах, о снежных людях, как стрелка компаса на север, поворачивались к Канченджанге — к священным снежным вершинам. Канченджанга — «гора Пяти Сокровищ». Ей поклонялись. Существовал издревле ее особый, не похожий на другие культ. За ним стояла культурно-историческая реальность. Раз в год в Сиккиме устраивали танцы в честь бога гор Канченджанги. И снова стекалась в монастыри праздничная пестрая толпа, разноголо- сая и разноязычная. Казалось, люди вышли из своих потайных древних убежищ, оттуда, из прошлого, чтобы в очередной раз поклониться священной горе, хранящей с незапамятных времен Заповедную Страну.

Древний красочный Восток шумел в храмах и монастырях Сиккима. Розовеющие снега Канченджанги возникали гигантским призраком над холмами и горами узких долин. И было что-то в этих розовых снегах нереальное, фантастическое. Внизу, под снегами, красновато светились окна и входы храмов и монастырей. Поднималось солнце, и тревожно-призывные звуки храмовых труб эхом отзывались в близких горах. Пурпуром горели мантии лам, в такт трубам и барабанам покачивались красные, шитые золотом тиары. И со снежных вершин нисходил сам бог Канченджанга. Темно-красная грозная маска скрывала его лик. Он держал в руке короткое копье и начинал вершить круги магического танца. Такие же круги делал и защитник Сиккима, грозный Махакала. Его темный лик венчала зловещая корона из черепов. Вслед за ним появлялись еще пятеро защитников Пяти Сокровищ Канченджанги. «Они готовы защищать священную гору, потому что в ее пещерах сокровища, которые охраняются веками»².

И только Хранитель тайн знает путь к этим сокровищам. И снова в этом древнем действе, в этой мистерии возникала связь с таинственной Заповедной Страной. Рерих понимал, что этот своеобразный культ уходит своими корнями в далекое прошлое. В такое далекое, что, возможно, о том таинственном времени ничего не известно. Ему было ясно, что культ возник задолго до появления буддизма в этих краях. Его древность была несомненной. Он задавал себе вопрос, «не является ли этот культ, этот праздник занавесью перед великой тайной Канченджанги?»³

Культ-занавес «перед великой тайной». Занавес, на котором проступают неясные очертания того, что спрятано за ним. И это сокрытое

¹ Рерих Н.К. Избранное. С. 159.

² Roerich N. Himalayas. Abode of Light. Bombay, 1947. P. 20.

³ Ibid. P. 21.

трудно увидеть среди красок и узоров, украшающих занавес. Но нечеткие очертания тайны все же можно разглядеть и понять. Так иногда смутно и неопределенно проступает реальность на пестрых занавесах легенд, сказок, сказаний.

Рерих различил элементы солнечного культа в празднике в честь Канченджанги. Менгиры за Канченджангой подтверждали его догадку. Много лет спустя эти связи обнаружат другие ученые, но на него не сошлются. Склад его мышления, в котором образность переплеталась с научной логикой, интуиция — с четкостью представлений, будет им чужд. Древние менгиры, танцы в честь Канченджанги, солнечный культ и тут же рядом мысли о пещерах священной горы, из которых идут таинственные подземные ходы в чудесную заповедную долину. И слова о том, что все это «реальная страница поэтического фольклора»¹.

В связи с этой «реальной страницей» он упомянул о древних загадочных нагах, над головами которых поднимались змеиные капюшоны. Он видел их на буддийских танках. Откуда наги пришли? Кто они?

Именно здесь, в Сиккиме, он возвращается к легендам о затонувших городах и народах, ушедших под землю. И пишет картину «Атлант» и помечает ее — Сикким. «Среднеазиатское предание говорит о таинственном священном подземном народе агарти, — записывал он в своем сиккимском дневнике. — Приближаясь ко входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. Вспомним русское предание о таинственной чуди, ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном граде Китеже ведет в тот же тайник.

Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду. И русский и нормандский крестьянин знают это одинаково твердо. Так же как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков пустынь и снова — до времени — уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много»².

Туман покрыл горы. В двух шагах ничего не видно. Но туман усиливает звуки. Ему кажется, что слышен цокот подков. Цокот приближается, и он теперь уверен, что это конь. Кто едет на нем? Он вглядывается в молочную белизну тумана. Оттуда, как неясный призрак, возникает силуэт коня. Но всадника на нем нет. Он замирает в ожидании и всматривается в седло коня. Не блеснет ли на нем то чудесное, сверкающее, имя которому Чинтамани, Норбу Римпоче, Сокровище Мира? Таинственный, загадочный камень, дарующий его владельцу силу прозрения. Но на коне нет даже седла. Конь приходит из тумана и уходит снова в туман. Рерих провожает его глазами и долго еще при-

¹ Roerich N. Himalayas. Abode of Light. P. 28.

² Рерих Николай. Пути Благословения. С. 102.

Н.К.Рерих. Атлант. 1921

*Н.К.Рерих
Чинтамани
1935—1936*

слушивается к удаляющемуся цокоту его подков. Это тоже легенда. Легенда, пришедшая из жизни. Ее рассказывали в Сиккиме. О чудесном коне, несущем на спине Сокровище Мира, черный камень.

Реальный мир гор, который предстал на сиккимских картинах Рериха, был необычным, прекрасным и одухотворенным. В этих горах происходили события, похожие на легенды. В них действовали реальные, но в то же время и сказочные люди, очищенные от всех случайных земных наслоений. Люди мудрые, похожие на героев древности. Краски рериховских полотен стали чище и ярче, как будто с них сошла патина времени, приглушавшая их. В Сиккиме он написал три серии картин. Первая из них называлась «Его Страна».

Над Страной господствовала священная гора Пяти Сокровищ. Розовели ее снега на восходе, сверкали голубизной днем, тонули в сиреневых сумерках вечером. Лама в красном одеянии перебирал нить, на которой был нанизан «Жемчуг исканий». Другой лама склонялся у подножия древнего субургана над «Книгой мудрости». «Ведущая» шла по крутым скалам, указывая человеку в остроконечной шапке путь сквозь плывущие клубы тумана вверх, к сверкающим вершинам Канченджанги.

Пригнувшись к гриве коня, скакал через скалы всадник. Выходило солнце, и всадник спешил. Спешил с чем-то очень важным и неотложным. Он нес откуда-то весть и должен был передать ее вовремя. Другой всадник в тибетском костюме приготовился к отъезду. Ему предстояла длинная и трудная дорога. Он бросал последний взгляд на свое жилище. Он не знал, когда он вернется назад и вернется ли вообще. Путь, может быть, длиною в целую жизнь лежал на север, туда, снова к вершинам священной горы. «Помни!» Помни свой дом и дорогу к нему. Помни свой путь и то, что надо сделать на этом пути. Помни! И ничего не забывай. Забвение не для тех, кто идет и скачет пред снегами Канченджанги. С темных отвесных скал, оскальзываясь копытами на каменистой тропе, спускается белый конь, бережно кем-то укрытый попоной. Он идет откуда-то сверху, осторожно ступая по предательским камням, и несет что-то на своем седле. Это шкатулка, из которой исходит сияющий огонь. В ней заветный камень Чинтамани, «Сокровище Мира».

По небу среди облаков летит таинственный лама, как будто на ковче-самолете. Он поднял руки, похожие на крылья, и направляет свой полет куда-то туда, где, скрывая снежный хребет, клубится синий туман, смешанный с белыми облаками. Картина называлась «Выше, чем вершины». Куда летел сказочный лама? Может быть, туда, где на пороге пещеры, освещенной загадочным светом, стоял человек? Куда ведет каменный ход пещеры? К подножию священного хребта или, может быть, к Эвересту, в то его потаенное ущелье, где в синеве ночи поднимаются причудливо отвесные скалы? Из скал выходят люди в белых одеждах. Первый держит в руках шкатулку. В звездном небе стоит Орион. «Иду пустыней. Несу чашу, щитом покрытую. Сокровище в ней — дар Ориона». Это «Легенда о камне». Картина называлась «Сожжение тьмы». На ней Рерих изобразил Эверест, но с той стороны, ко-

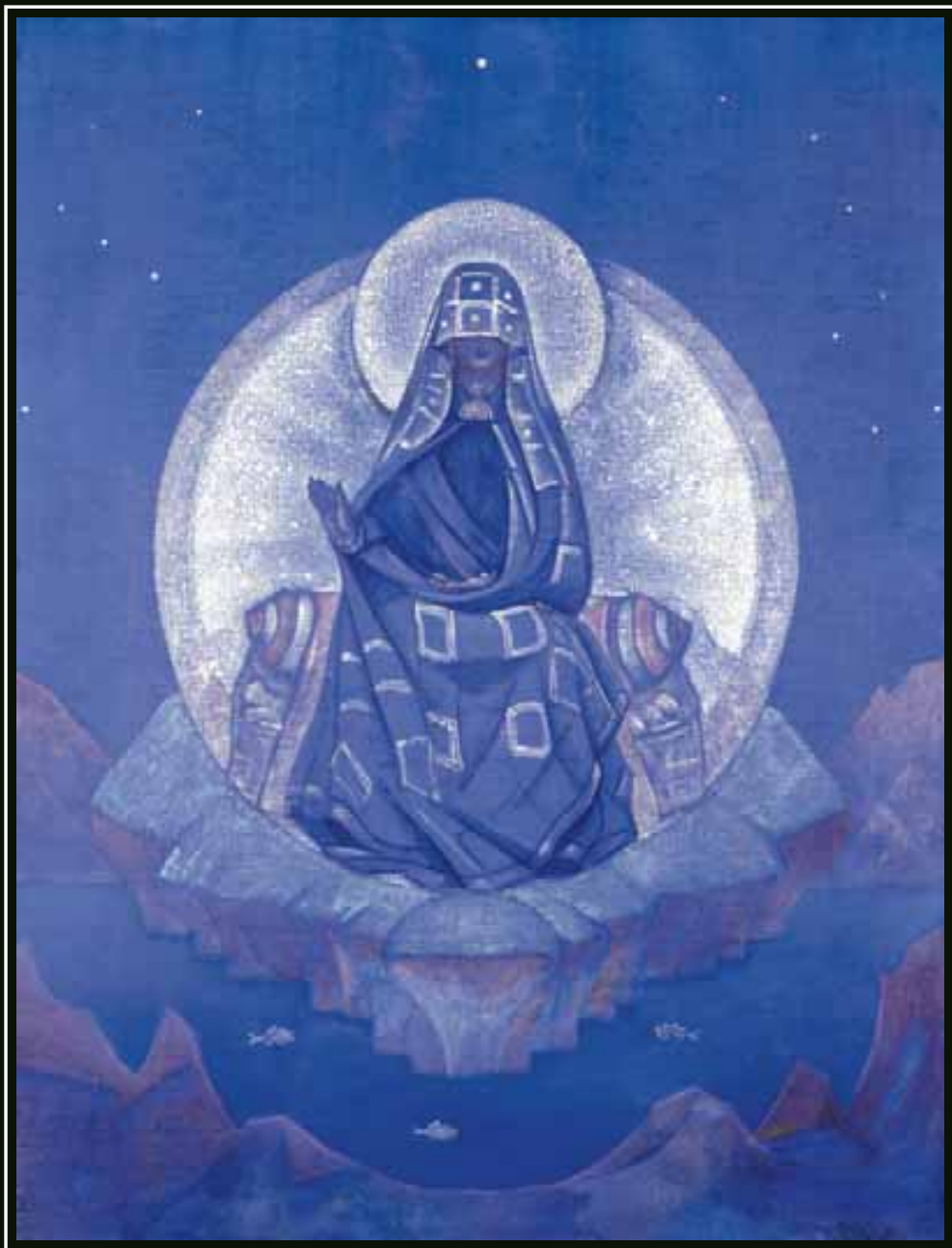

Н.К.Перих. Священный дар. 1924

торую никогда сам не видел. Альпинисты посмотрели картину и удивились: таким точным было это изображение. Он рисовал Канченджангу и Эверест по многу раз. Канченджангу от Дарджилинга, Пемаянцзе, Сандакпу, Фалюта. Эверест со стороны непальской границы. Его сиккимские альбомы были полны зарисовками и набросками этих двух гигантов Гималаев. В них для него сосредоточилось слишком многое...

В Сиккиме он написал большую серию картин «Знамена Востока». На полотнах запечатлел основателей учений и религий, философов и подвижников, реформаторов и мыслителей. В его выборе великих личностей Востока была своя закономерность. Как будто он писал не картины, а историю самого Востока, его культуры и мысли. Будда, Христос, Лао-Цзы, Конфуций, Моисей, Цзон-Капа, Падма Самбхава, Миларепа, Нагарджуна... Он писал их необычно, нетрадиционно. Казалось, он знал о них много больше, нежели можно было почерпнуть из официальных, узаконенных источников.

Что-то неуловимо общее было между двумя этими сериями — «Его Страна» и «Знамена Востока». «Знамена Востока» были чем-то глубинным связаны с «Его Страной». С ее пещерами, снежными вершинами священной горы, с ее легендами. Нагромождение суровых скал где-то в сердце гор. На скалах, как на пьедесталах, стоят несколько человек. На них длинные одежды и плащи. Лиц не видно. Их высокие, статные фигуры резко выделяются на фоне горы. Как они сюда попали? Где их убежище?

Н.К.Рерих. Матерь Мира. 1924

2. СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

Сиккимские серии он написал на едином дыхании. Картин было много. В них заговорили Знание, легенды и стоящая за ними реальность необычного, еще мало знакомого Европе мира. Мир этот дышал, жил, существовал и действовал. Его предчувствие жило в картинах Рериха, которые он писал еще в России. Теперь он слышал, как бьется живое его сердце. Время торопило Николая Константиновича, и пространство звало. Основание, заложенное в Сиккиме, нуждалось в дальнейшем расширении и углублении. «В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную, — писал он в Сиккиме. — Зубчатый бесконечный хребет священного ящера. Трудно догадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джелан-ла и Нату-ла по дороге на Шигацзе и Лхасу. Туман особенно часто закрывает этот путь»¹.

Он стремился в Тибет, в эту загадочную страну древней культуры. Но путь туда шел через другие страны.

Подготовка к дальнейшему маршруту была закончена. Наступила весна 1925 года. Густые клубящиеся туманы пошли над горами и плотно закрыли снежные вершины. В ветреные ночи, когда клочья облаков и тумана уходили за гору Пяти Сокровищ, на небе ярко и призывно сверкало созвездие Ориона...

Н.К.Рерих. Спешащий. 1924

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 33.

Глава третья

БОЛЬШИЕ РЕШЕНИЯ

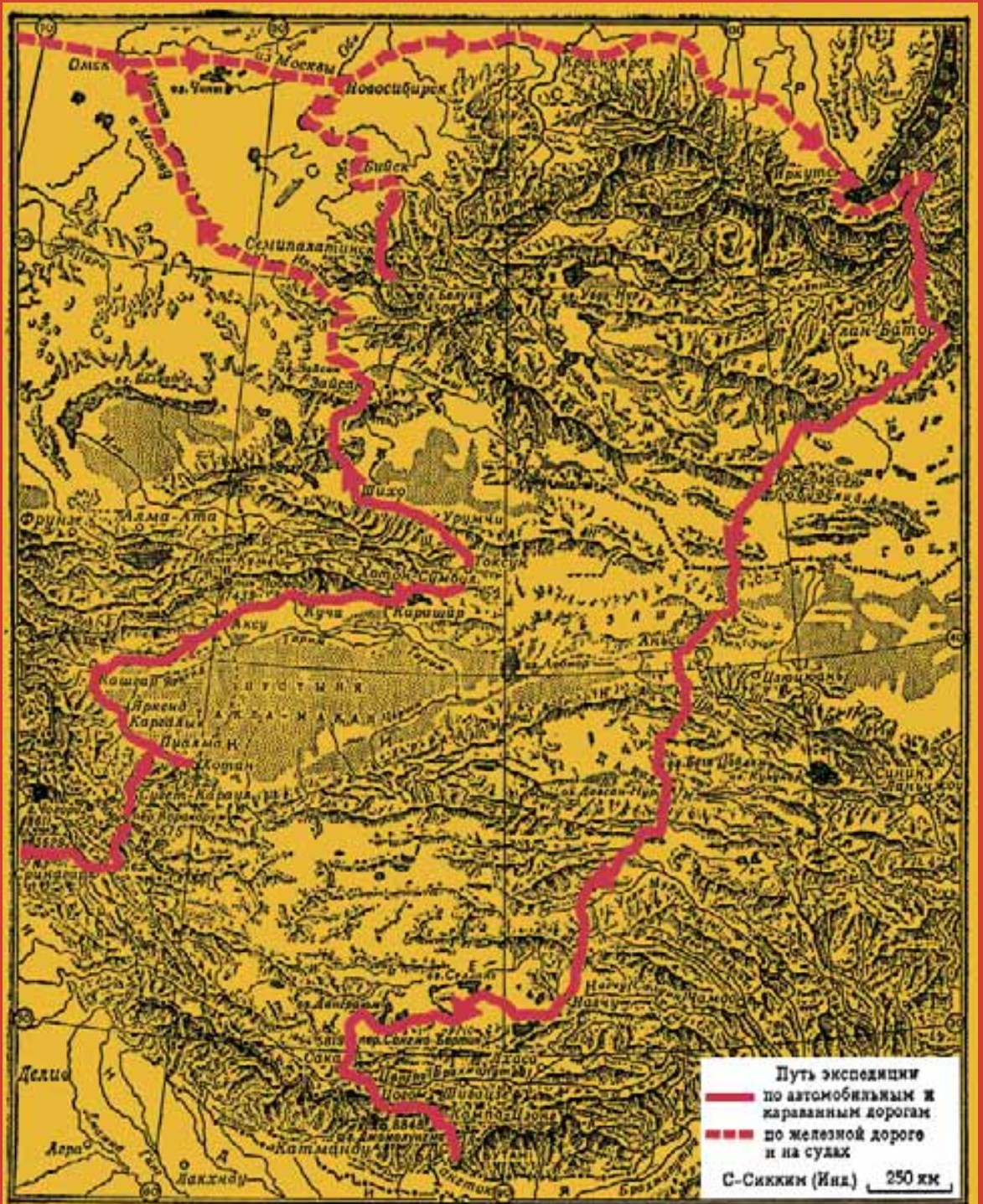
Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брамапутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии — всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такла-Макан, омертвив срединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Обглоданными скелетами распростерлись изгрызенные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культуры. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце?

Н.К.Перух

Огромную, не имеющую стока область Внутренней Азии окаймляют с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу лежит Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного внутреннего бассейна простираются бесконечные пустыни и степи, включающие в себя великую монгольскую Гоби и степи русского Туркестана.

Ю.Н.Перух

В марте 1925 года они приехали в Кашмир. Их было трое. Николай Константинович, Елена Ивановна и их сын Юрий Николаевич. Дорога от Пенджаба к столице Кашмира Сринагару шла среди хвойных лесов гималайских предгорий. Была весна, и мусульмане Кашмира отмеча-

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции

ли свой традиционный праздник Бакр-ид. Рерихи остановились в небольшом местечке Гари, прилепившемся к подножию невысоких гор. Когда наступила ночь и в небе появились яркие звезды, по горам зажглись вереницы огней. Процессии с факелами шли по горным тропам из одного селения в другое. Люди перекликались и пели, и горное эхо вторило им. Николай Константинович долго следил за мелькающими огоньками. Потом вышел на небольшую площадь в Гари и увидел, как в темноте двигаются и танцуют темные силуэты и факелы описывают огненные круги. Кашмир встречал весну. Он вспомнил «Весну священную» Стравинского, для которой когда-то делал декорации. Сходство было не только в этих огнях и танцах, но и еще в общем настрое торжественности и радости, пропитанных отголосками какого-то древнего, уже забытого ритуала. Того ритуала, который был знаком и славянам.

До Сринагара оставалось совсем немного, и они преодолели этот путь без труда. Город лежал в сердце долины, окруженной снежными горами, и не был похож на остальные города Индии. Чем-то он напоминал Венецию. Синяя озерная вода плескалась у обветшавших фундаментов домов, по каналам скользили похожие на гондолы лодки, которые здесь назывались шикарами. Лодки везли цветы и фрукты. Лодочники, сильные и загорелые, пели гортанные песни.

Город был шумный, торговый. На приезжих набрасывались толпой и предлагали свой товар: кашмирские шали, резные шкатулки, яркие раскрашенные вазы. Торговцы были напористы и бесцеремонны. Они взмахивали рукавами черных переносов и напоминали ворон, шумных и нахальных. Рерихи остановились в старом английском отеле «Недоу».

Дел предстояло немало. Надо было приготовить экспедиционное снаряжение, найти лошадей, нанять проводников и носильщиков. Впереди лежал длинный путь по горным тропам Гималаев, по пустыням Центральной Азии. Сринагар оказался последним пунктом, где можно было все это достать. Они заказали искусным кашмирским ремесленникам зимнее обмундирование, крепкую обувь, походные палатки, лагерное снаряжение. Купили прекрасных, выносливых лошадей яркендской и бадахшанской породы.

Долина Кашмира лежала на древних азиатских путях. Через нее шли дороги на Тибет, в Китай, Персию, Памир, Среднюю Азию. «Все прошло по Кашмиру, — записывал Николай Константинович. — Здесь старые пути Азии. И каждый караван мелькает, как звенья сочетаний великого тела Востока.

И песчаные пустыни на пути к Пешавару. И синие вершины Сонамарга. И белые склоны Соджи-ла. И в полете орлов — тот же неутомимый дух. И в резвых конях — то же непреклонное движение. И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков»¹.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 56.

Они ездили по долине, чтобы увидеть древние храмы и святилища, которые даже в руинах сохраняли свою непреходящую красоту. Позднее мусульмане сокрушили храм Солнца, повергли в развалины алтари древнего бога Шивы. Земля была богата, и Время оставило на ней многочисленные наслоения.

В Кашмире Николай Константинович рисовал мало. Во много раз меньше, чем в Сиккиме. Что-то ему мешало. Его утомлял город и утомляла долина. И хотя она была прекрасна, в ее красоте присутствовало что-то неустойчивое, мерцающее. Они отправились на запад, туда, где над долиной вставала снежная гряда Пир-Панджала. На пути остановились у большого древнего озера Вулар.

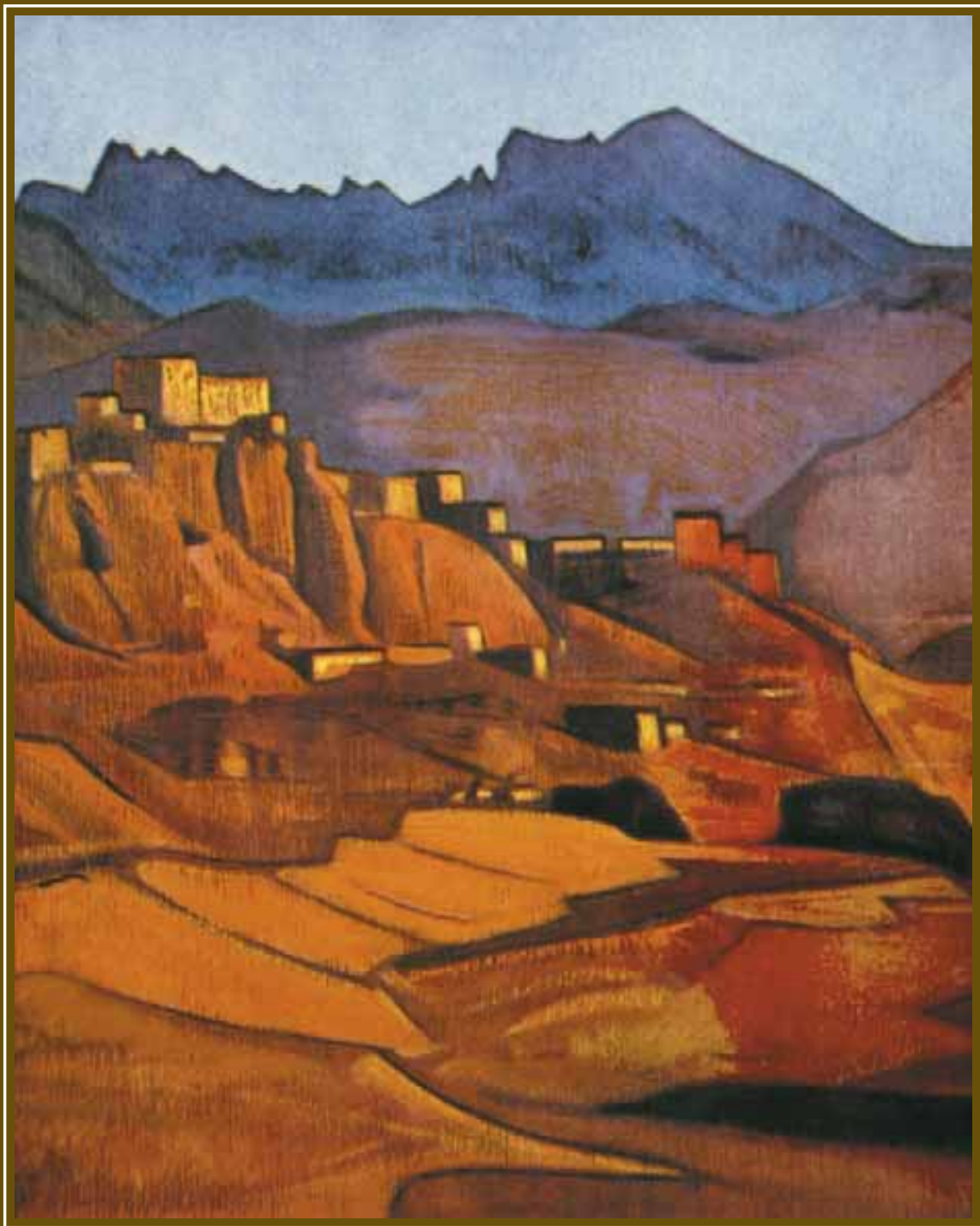
Озеро было беспокойным, по нему ходили крупные волны, и лодку, в которой они устроились, било о глинистую отмель. Деревянный каркас угрожающе трещал, и лодочник горестно покачивал головой, давая понять, что их убежище ненадежно. Но Николаю Константиновичу озеро понравилось. «На этом озере все привлекательно. Весь сияющий снегами Пир-Панджал — на западе. Густые горы — на север и восток. Даль Сринагара — на юг. Перед закатом строится изумительная Вальхалла над Пир-Панджалом, а утром — кристально синие горы востока. На отмелях — стада, и каждый конь виден на далекой мели — так воздух небывало прозрачен. На восточной отмели виден островок. На нем — развалины храма...»¹

Они побывали в Барамуле — небольшом живописном городке, стоящем на реке Джелам. Там осмотрели остатки древнего буддийского монастыря. Но большую часть своего времени провели в Гулмарге, на взгорьях Пир-Панджала.

Небольшой горный поселок стоял окруженный снежными вершинами. На север от него возвышалась громада Нанга-Парбат. В горах еще лежал снег, но весна уже давала о себе знать. Бушевали грозы. Синие в полнеба молнии прорезали пространство. По ночам гремело и полыхало в окнах. Временами шел град. Огромные градины величиной с голубиное яйцо стучали по крыше дома. Когда ночная гроза утихала, над горами восходили похожие на свечи звезды, и их призрачный свет лился на снежные изломы вершин и пиков.

В Гулмарге они завершили приготовления. Здесь же формировался и караван. Оборванные грязные люди осаждали Юрия Николаевича. Они заламывали отчаянно высокие цены, клянчили, а иногда и угрожали. Надежных людей среди них явно не было. В сомнительных, неясных разговорах проводников сквозила двусмысленность. Атмосфера вокруг экспедиции сгущалась, и Николай Константинович ясно ощущал ее напряжение. Английский резидент и поверенный махараджи Кашмира отвечали на все вопросы уклончиво, чего-то недоговаривали. Снова приходилось писать письма. Снова настаивать

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 60.

Н.К.Рерих. Монастырь Ламаюра. 1925

Н.К.Рерих. Ладак (Монастырь Ламаяюра)

на своей просьбе — идти на Ладакх. Николай Константинович писал Шибаеву, своему секретарю: «Боремся за разрешение идти в Ладак. Масса препятствий. Сражаемся». И снова: «Пробиваемся на Лех, но пока без результатов»¹.

Выдача разрешения затягивалась. Между тем кончилась весна, проходило лето, приближалась осень — суровое время для Гималаев.

Экспедиция шла под американским флагом. Официально она числилась экспедицией Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Напряжение чувствовалось и в отношениях с властями, которым было известно, что Рерихи русские. Этого было достаточно, чтобы их подозревать и всячески им мешать. Наконец было выдано разрешение. Атмосфера двусмысленности и подозрительности, окружавшая экспедицию, вылилась в открытое столкновение. Мотивы столкновения были сложны и большей частью сокрыты. В Тангмарге, неподалеку от Гульмарга, на караван напала банда. Среди них были и те, кто клянчил и угрожал. Это случилось перед самым выходом каравана. Бандиты были вооружены железными палками, которыми они избивали тех, кто был взят в караван. Семь человек было ранено. Николай Константинович и Юрий Николаевич провели всю ночь на ногах, держа револьверы наготове.

¹ *Беликов П.Ф.* Николай Рерих и Индия // Непрерывное восхождение. М.; МЦР, 2001. Т. 1. С. 322.

В конце августа экспедиция двинулась из Кашмира в Ладакх. Небольшое горное княжество лежало за Великим Гималайским хребтом. Оттуда открывалась дорога на Китай и Тибет. Покидая Кашмир, все испытали чувство облегчения. «Наконец, — записал Николай Константинович в экспедиционном дневнике, — можно окончательно оставить всю кашмирскую ложь и грязь»¹.

Тогда им казалось, что худшее уже осталось позади. «Опять караван. Опять легко забываются дни и числа. Качество дня становится значительнее его числа или названия»². Из Кашмира в Ле, главный город Ладакха, вела древняя караванная дорога через перевал Соджи-ла. Вдоль дороги тянулись старинные горные поселения: Гандербал, Канган, Гунд, Сонамарг, Балтал, Матаян, Драс, Кхарбу, Каргил, Мульбек, Ламаюру, Кхальзе, Саспол, Базго, Ниму... За Соджи-ла начинался собственно Ладакх. Но до перевала еще надо было пройти. Караван получился солидный. Восемьдесят две навьюченные лошади растянулись по дороге. В Гандербале сделали первую остановку. Лошадей поставили на отдых. Караванчики зажгли костры. Вокруг стояла тишина, и был слышен только говор уставших людей. На следующий день двинулись дальше. Дорога шла среди поросших лесами склонов. Они встретили караван из Ладакха, идущий в Сринагар. Караванчики были приветливы и общительны. Они рассказывали о том, как опасно теперь путешествовать. На караваны нападают. Тибетский караван был захвачен сининским амбанем. В Монголии тоже неспокойно. Там основал свое разбойничье гнездо грозный Джелама. Он грабит караваны и убивает людей.

У Сонамарга начался проливной дождь. Над горами висели черные набухшие тучи, и казалось, не будет конца этому дождю. Они дошли до Балтала у перевала Соджи-ла. Бунгало для путешественников было занято, и им пришлось разбить лагерь под открытым небом. Лагерное снаряжение мокло под дождем. Укрыться было негде. Палатки промокли, все было залито водой. Здесь, в Балтале, Кашмир нанес экспедиции последний удар. Вечером пришел полицейский и принес бумагу. В бумаге было сказано, что люди из экспедиционного каравана напали на санитарный пост и оскорбили врача. Полицейский хотел задержать караван и произвести расследование. Выручил сторож почтовой станции. Он не подтвердил этой версии. Караван смог двинуться дальше. Дождь кончился, но дорога на перевале была размытой и скользкой. Грузенные лошади спотыкались и не хотели идти дальше. Над перевалом стояли снежные горы, и языки ледников сползали со склонов. Тающие массы снегов скопились в опасной близости от Соджи-ла и грозили рухнуть вниз в любой момент.

За Соджи-ла все изменилось. Начался Малый Тибет. Караван спустился в высокогорную долину, покрытую крупными валунами. С обеих

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 88.

² Там же. С. 66.

сторон дороги тянулись горные хребты. Кашмир остался позади. Впереди лежала совсем другая, еще незнакомая страна. По отрогам гор стояли субурганы. Реяли на ветру молитвенные флаги. Где-то там, за хребтами, находились старинные буддийские монастыри. Ладакх, как и Тибет, был буддийским. Воздух стал суше, хотя над горами еще плыли набухшие дождем тучи. Николай Константинович записал в дневнике:

«Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, пришли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром — крепкие заморозки. В полдень — ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки. Все готово принести дары. Здесь возможны большие решения»¹.

За каждым пройденным хребтом появлялись новые картины. Возникали каменные, похожие на крепости дома. Узкие окошки-бойницы настороженно смотрели на дорогу. Монастыри, прилепившиеся к каменистым склонам, напоминали старинные средневековые города. На отвесных, недоступных скалах возвышались сторожевые башни и тяжелые квадратные стены крепостей. Они останавливались у монастырей. Рассматривали тонкую резьбу Алчи, любовались древними фресками Ламаюру. Ходили среди рушащихся крепостей и башен Базго. Все было удивительным, необычным. Здания были многоэтажными. Их строили люди, привыкшие к тяжелому труду. Но сами эти люди, одетые в длинные тибетские одежды, отличались чуткостью, восприимчивостью и приветливостью. Их предки оставили на огромных валунах древние, выбитые в камне рисунки, воздвигли у Драса придорожные стелы, в скале у Мульбека высекли огромную фигуру грядущего Будды — Майтрейи. «Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земле. Знают — Майтрейя идет»².

В Мульбеке их пригласили в дом. В домашнем алтаре курились благовония перед изображением Будды. На женщинах были тяжелые головные уборы из бирюзы. Их чуть раскосые, удлинненные глаза смотрели дружелюбно и открыто. Они не прятались, как это делали женщины в мусульманском Кашмире, не закрывали лиц.

Хотя был конец августа, в Ладакхе уже наступила осень, которая давала о себе знать ночными и утренними заморозками. Страна была расположена высоко. Селения поднимались на уровень трех-четырёх тысяч метров. Монастырские ламы кутались по утрам в теплые, тяжелые одежды. Женщины надевали плащи, сделанные из шкур яков.

Экспедиция прошла Каргил с его шумным и красочным базаром, на котором собирались караваны из разных концов этой обширной горной страны. Приходили из Гилгита, Хунзы, Яркенда, Кашмира.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 74.

² Там же.

Н.К.Репих. Замок Ладова. 1933

Н.К.Перих. Ладак

Среди толпы мелькали черные тюрбаны дардов, выкрашенные хной бороды кашмирцев-мусульман, цветные халаты красивых и сильных яркендцев, домотканые одежды ладакхцев.

Здесь жили своей отдельной жизнью, которая как будто не имела отношения к тому, что происходило в большом мире за горами. Прошлое в старинных одеждах со своими древними обычаями и занятиями властвовало в этих местах, и этот своеобразный мир захватил Рерихов. Он манил и звал. В нем жили легенды, сказания о героях, по нему шли караваны и мелодично позванивали колокольчики Времени.

Инд, по которому они двигались, постепенно расширял свое каменное ложе, стиснутое скалами, и тек все более свободно и раздольно. Потом сине-белым видением поднялась изломанная линия Каракорума, закрывшая весь горизонт. Постепенно хребет ушел куда-то вдаль и его заслонили ближние горы. И как-то сразу на каменных скалах возник сказочный город с восьмизэтажной крепостью-дворцом, монастырями, субурганями, разбросанными по склонам, с массивными квадратными домами, очень похожими на те, которые Николай Константинович написал когда-то на картине «Мехески — лунный народ». Позади осталось около пятисот километров пути через хребты и перевалы Западных Гималаев.

Н.К.Рерих. Скалы Ладака. [1933]

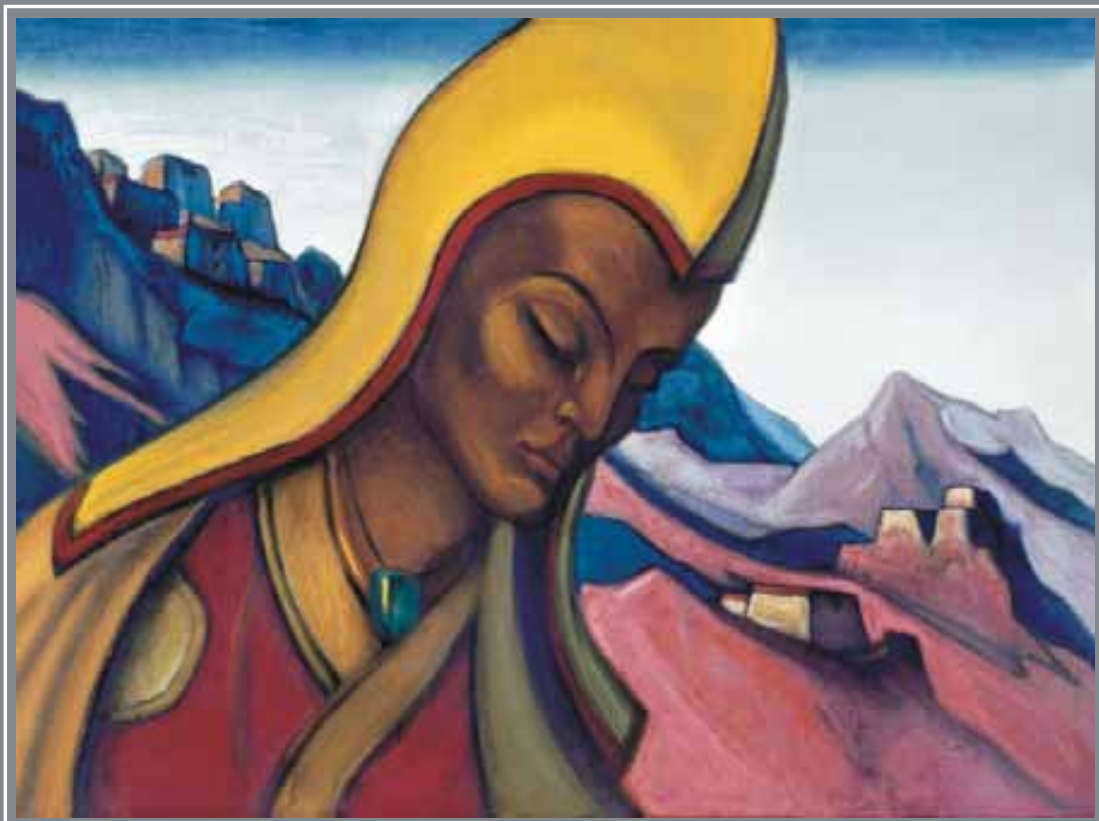
Осень входила в свои права. Вдоль русел рек стояли желто-красные деревья. К городу подступали поля, и на них работали крестьяне. «Теперь они жнут золотой ячмень, — писал Рерих. — Вереницы людей с венками цветов на головах несут за спиною связки золотых колосьев и поют звонко и радостно, поют золотыми полноголосными гирляндами»¹.

Вокруг Ле поднимались горы. Они были безлесные. На их склонах лежал застывший вековой песок. «Те же сверкающие звезды и волны песков, как застывшее море. И оглушающий, отрывающий от земли ветер...»²

Узкие улочки ступенями карабкались кверху, туда, где стояла громада королевского дворца и монастырь. На улицах города, на его базаре шумела пестрая толпа. Ле находился на пересечении древних караванных путей, и сюда стекалась странствующая, кочевавшая и торговавшая Азия. Стекалась, как много веков назад. Караваны везли товары из Индии, Китая, Тибета, Туркестана. Туркестанский войлок и сапоги, китайские шелка, меха, шерсть. Гнали яркендских лошадей.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 86.

² Там же. С. 85.

Н.К.Рерих. Молодой лама. 1945

Сюда приходили ламы в красных одеяниях. Они торговали тибетскими реликвиями и талисманами. Мелькали черные и голубые тюрбаны балтов, степенно прогуливались длиннородые аксакалы из Синьцзяна. Появлялись странно и причудливо одетые монахи, хранители древних знаний.

«Я — Ладакский король», — пришел худощавый, стройный человек в тибетском костюме. Это бывший король Ладака, завоеванного кашмирцами. Тонкое интеллигентное лицо. Сейчас имеет очень ограниченные средства»¹.

Рерихи приняли приглашение короля пожить в его замке. Снаружи замок выглядел грозно и внушительно. Но внутри многое уже обветшало. Лестница грозила рухнуть, на некоторых окнах не было рам, запущенные комнаты зияли дверными проемами. Но сохранялись еще резные цветные колонки, тонкие фрески на стенах, орнамент на массивных дверях. Из замка открывался прекрасный вид на Ле, на снежные, идущие вдоль долины Инда хребты. «Когда заходит солнце, вся

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 81.

Н.К.Рерих. Ладак. Ле. Королевский дворец. Без даты

песчаная равнина и песчаные скалы, окаймляющие ее со всех сторон, пронизаны интенсивным светом. Лежащий внизу город погружается в глубокую фиолетовую дымку, и на равнине, подобно драгоценным камням, сверкают ряды белых ступ. В этот час ладакцы, мужчины и женщины, читают вечерние молитвы, и дым воскурений медленно поднимается над каждым домом на равнине. Именно в этот час мира и молитвы странник, пришедший в столицу маленького королевства, начинает ощущать своеобразную красоту Ладака и ту неотразимую притягательную силу, которой он действует на своих жителей»¹.

Здесь все располагало к работе. Николай Константинович рисовал много и увлеченно. Он посещал отдаленные монастыри и крепости. Хемис, Ше, Спитуг. Рисовал древние горы и снежные хребты, закаты и рассветы. На его полотнах возникал мир суровый и прекрасный. Он нес этот мир тем, кто его не знал и не видел.

Но надо было спешить. Впереди был трудный путь через снежные хребты, через один из высочайших в мире перевалов — Каракорум.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 29.

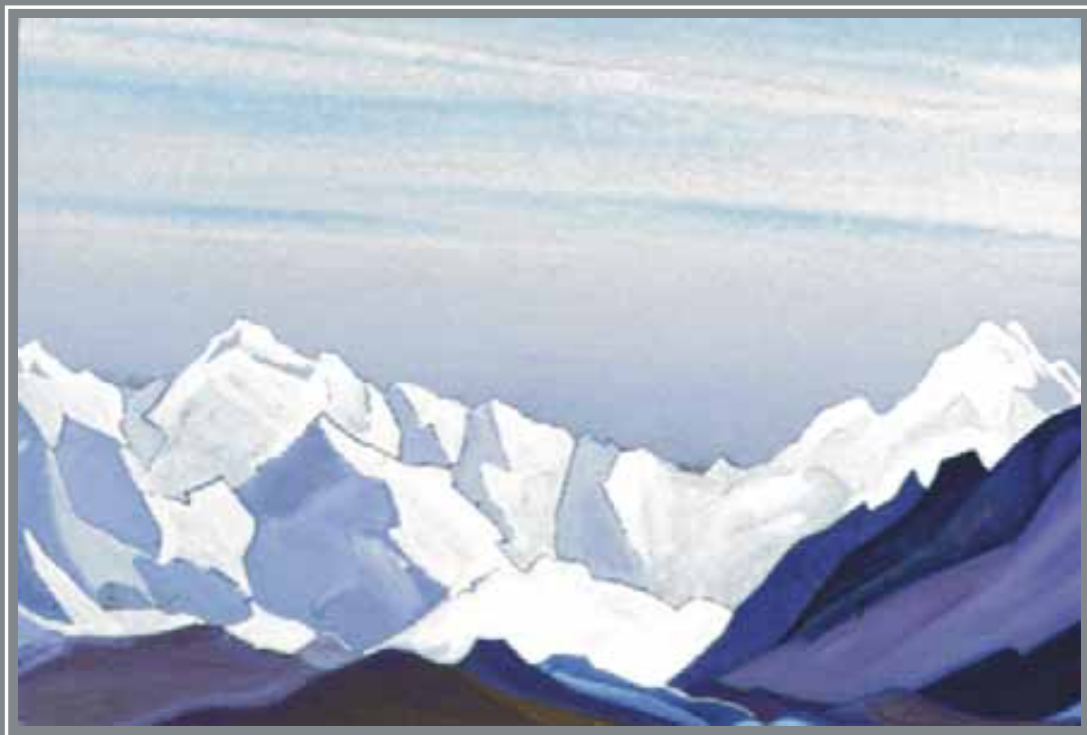

Н.К.Рерих. Будда и его ученики

Кашмирцев, пришедших с экспедиционным караваном в Ле, пришлось отпустить домой. Они оказались не приспособленными к трудным горным переходам. В Ле на их место набрали опытных, знавших пути в горах людей. Двое из них участвовали в экспедиции Свена Гедина. У афганского торговца купили лошадей, которыми заменили вышедших из строя. Наняли яков, которые были необходимы при переходе через высокие перевалы.

19 сентября 1925 года караван прошел у подножия королевского замка и вышел за город. На окраине их ждала группа женщин и девушек. Бирюзовые пераки ярко горели на солнце. Женщины подошли к каравану, держа в руках чаши с ячьим молоком. Они окропили им лбы людей, а потом животных. Ладакх желал экспедиции счастливого пути. Что ждало их впереди? Ладакх подействовал ободряюще, и хотелось надеяться на лучшее.

Звенели караванные колокольчики, покачивались всадники в седлах. Проводник, ехавший впереди, затянул гортанную песню. Песню гор и пустынь. Они спешили, потому что надо было пройти Каракорум до осеннего северо-восточного ветра. Впереди их ждало еще четыре перевала: Кхардонг, Караул-Даван, Сассер, Дабзонг и две трудных горных долины: Шаек и Нурба. Путешествие к Каракоруму длилось

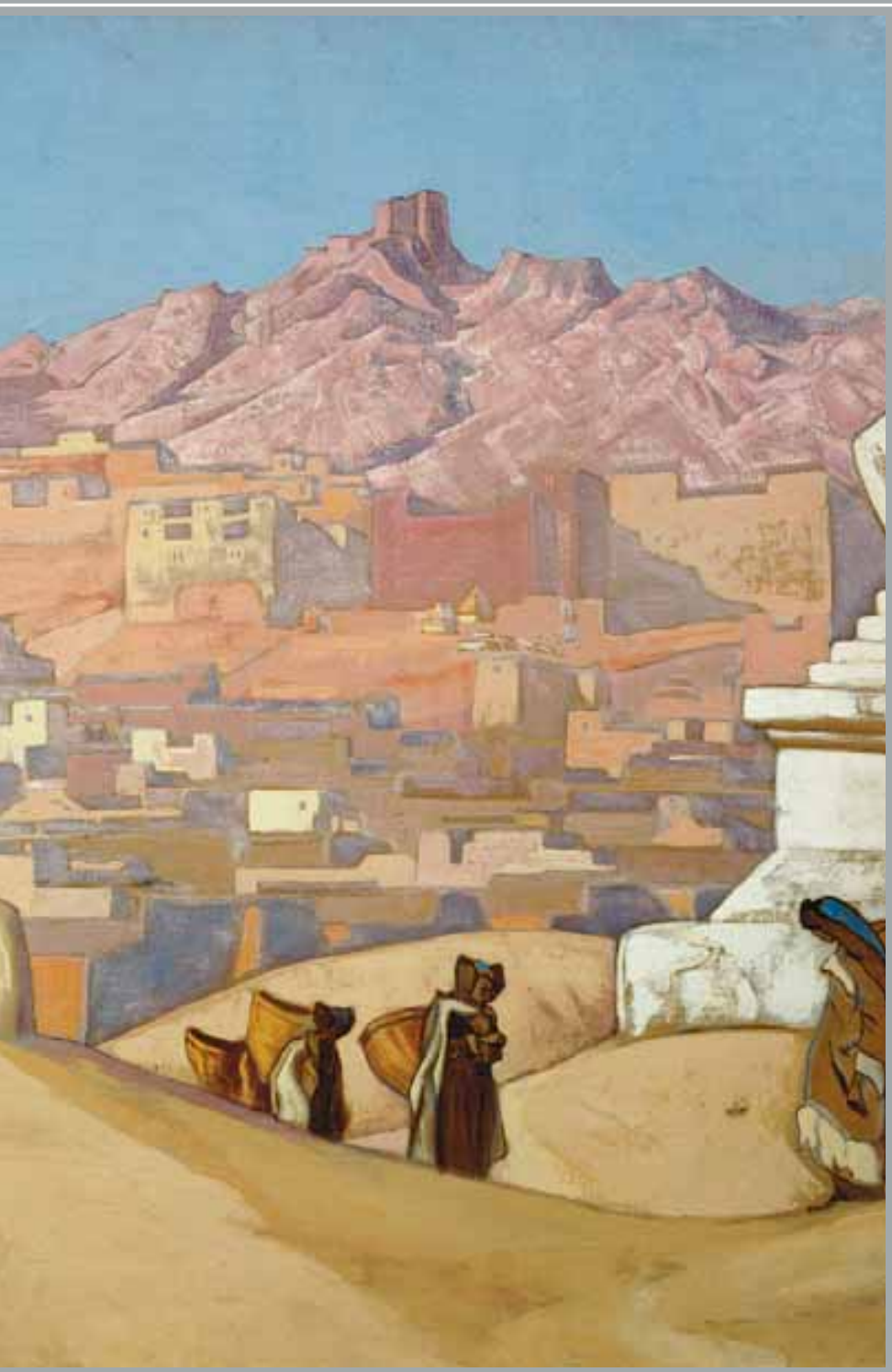
Н.К.Рерих. Гималаи

двенадцать дней. На этом пути было все. Обледеневшие отвесные скалы, метели на перевалах, горная болезнь, мороз, при котором стыли руки и нельзя было ни рисовать, ни писать; дороги, усеянные костями погибших караванов; снегопады и пронизывающие ветры, сердечная недостаточность и лошади, срывающиеся в ледяные расщелины. Когда им встречались проходящие караваны, люди старались помочь друг другу на этих суровых и неприветливых высотах. «Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров поднимаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразные люди: ладакцы, кашмирцы, афганистанцы, тибетцы, асторцы, балтистанцы, дардистанцы, монголы, сарты, китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни»¹.

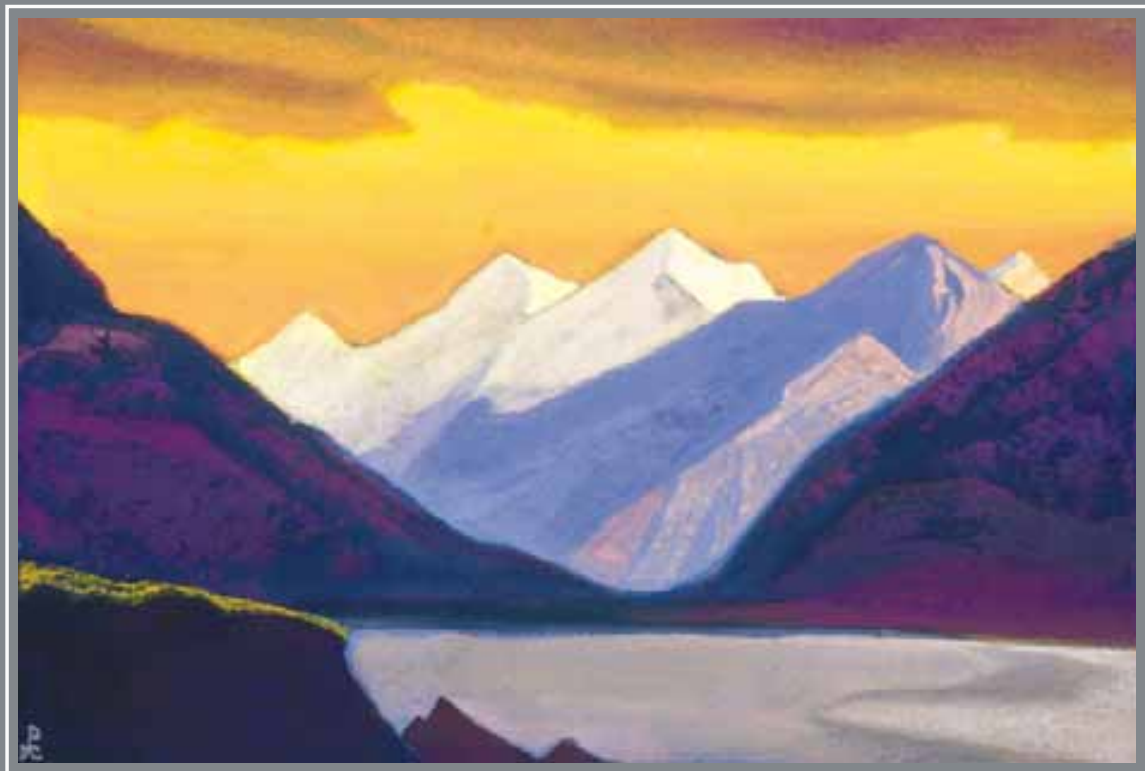
Веками шли караваны по этим путям, преодолевая снега и ветры, перевалы и хребты. Напряженный ток человеческого общения тек по каменным жилам Великих Гималаев. Рерих ощущал этот ток, идущий сквозь Время и Пространство. Путь был тяжел и труден, но суровый

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 30.

*Н.К.Рерих
Конь счастья
1925—1926*

Н.К.Рерих. Гималаи (Творчество света). 1942

мир гор, простиравшийся вокруг, был наполнен торжественной красотой. Замерзшие руки не слушались, и поэтому он не мог рисовать. Но писать мог. И то, что он писал в те дни, напоминало живопись. Так точны и выразительны были его фразы, а слова несли в себе оттенки всех цветов, которые он видел, но не мог перенести на полотно, потому что краски замерзали.

«Рассказать красоту этого многодневного снежного царства, — записывал он, — невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы»¹.

И еще несколько зарисовок, сделанных в различных точках этого необычного маршрута. Около перевала Сассер: «Позади — белые великаны, и странно понимать, что мы спустились именно с них. Налево — многие остроконечные снеговые пики и желтые взгорья. Прямо перед нами — светло-серое русло Шайока с какими-то красными и бронзово-зеленоватыми островками. За ними — фиолетовые и бархатно-коричневые скалы. Направо уходит река и крутятся облака снежной пыли»².

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 29.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 96.

Н.К.Рерих. Гималаи (Монастырь на горной вершине). 1940

«Как на фресках Гоццоли, стоят группы граненых лиловых гор, рассеченных тепло-коричневыми буграми. Светло-желтая болотная травка покрывает котловину. Необычно резко стоят черные кони на светло-желтом фоне»¹.

Перед нагорьем Дапсанг: «Все крепко замерзло. Весь день построен в красивых желтых и красных тонах. Сперва шли по крутым осыпям красного ущелья. Миновали старый каменный вал <...> Внизу переливались желтые, зеленые и ультрамариновые ручейки. Потом перешли на широкое старое русло — нагорье Деспанг. Шесть часов мимо всяких торжественных песчаниковых формаций. Точно пирамиды великанов. Точно города с зубчатыми стенами. Точно одинокие дозорные башни. Точно ворота в какие-то заповедные страны. Точно памятники замолкших боев. В полном разнообразии, никогда не повторенные и расцвеченные с бесконечным чутьем»².

«Перевалили Деспанг. Вышли на крышу мира. Иначе и назвать нельзя. Все острия исчезли. Перед нами — точно покрытие каких-то мощных, внутренних сводов. Глядя на эти песчаные своды, невозмож-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 96—97.

² Там же. С. 97.

но представить себя на высоте 18 000 футов. Бесконечные дали. Наллево, далеко — белый пик Годвина [Чогори]. Направо, на горизонте — громады Куньлуня. Все так многообразно, и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, бестравные купола-своды отливают золотом, а далекие пики режутся ярко-белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира»¹.

Перевал Каракорум перешли во время вьюги и двинулись к китайской границе. Потом встал еще один перевал — Сугет. С него спускались по глубокому снегу. Лошади спотыкались. Обессиленные люди держались за их хвосты, стараясь не попасть под копыта. За перевалом Санджу в розовой мгле возникла великая пустыня Такла-Макан. На китайском пограничном пункте проверили паспорта. Ползли слухи о произволе, чинимом хотанским амбанем. Теперь они шли по Великому шелковому пути на Хотан.

Некогда оживленная дорога была засыпана песком, перерезана барханами. Пустыня дышала жаром. Иногда возникали войлочные юрты киргизов, глинобитные домики, мазары, грязные и пыльные поселки. Николай Константинович расспрашивал о древних городах, о буддийских храмах, некогда стоявших здесь. Но никто ничего о них не знал. Седобородые аксакалы качали головами и вздыхали. Старинные буддийские пещеры, попадавшиеся по дороге, были разрушены временем и мусульманскими завоевателями.

Среди песков тек желтый Каракаш, в котором когда-то добывали зеленый нефрит. Но об этом времени тоже никто не помнил. Все свидетельствовало о запустении и разрушении. Следы древней, иной жизни были заметены песками, а на поверхности остались грубо слепленные из глины могилы мусульманских святых, жалкие мечети, пыль и грязь. Вокруг до самого горизонта стояли застывшие волны песков. Дули горячие ветры, бураны несли песок и заметали следы караванов. «Ветер несет жемчужную пыль. И она на ваших глазах ткет новое кружево по лицу земли. Стоят старинные верстовые башни. Большая часть их полуразрушена»².

По дороге им сказали, что в Хотан идти не следует. Говорили сами китайские чиновники. Но Рерихи надеялись найти там следы великих миграций, остатки древностей и собрать легенды о жизни, ушедшей в прошлое. Они не могли миновать Хотан. Таков был их путь. Подошли к Хотану в середине октября. К городу вела аллея пропыленных тополей. В конце аллеи стояли ворота китайской части Хотана. Они вошли в них. Их окружила шумная толпа торговцев и китайских солдат. Караван с трудом пробирался вперед.

Пыльный, шумный Хотан производил удручающее впечатление. Древний же город лежал в десяти милях от него под холмами утрам-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 98.

² Там же. С. 109.

бованного песка. Холмы были застроены, и о раскопах не могло быть и речи. Найти ничего подходящего для стоянки не удалось. Расположились в саду, в самом центре города. Листья тощих деревьев были покрыты густым слоем пыли. Любопытные толпы бездельников, одетых в живописные лохмотья, осаждали прибывших, шумели, кричали, мешали отдыхать, не давали работать. По узким улицам почти невозможно было ходить. Они были запружены караванами и толпами людей.

По вечерам на пыльных базарах горели масляные светильники и цветные бумажные фонари. Открыто и бесцеремонно торговали людьми, и в первую очередь молодыми девушками. Рерихи нанесли визит даотаю, хотанскому губернатору. Во время визита за их спинами стояли вооруженные саблями и маузерами охранники. Ма, разыгрывая гостеприимного хозяина, вежливо улыбался и щурил узкие глаза. И было что-то двусмысленное и скользкое в этом губернаторском прищуре. Любезные, вежливые речи и церемониальное чаепитие затягивались. Во время взаимных визитов ни одна из экспедиционных проблем властями решена не была. За этими оттяжками и бесконечными откладываниями стояло что-то сомнительное, нехорошее. Обстановка в какой-то мере напоминала кашмирскую. Затем власти не признали китайского паспорта Рерихов и потребовали паспорт... царской России. У них отобрали оружие, запретили вести научную работу и рисовать. Солдаты пришли с обыском. Экспедиция была арестована.

Потянулись томительные дни ожидания и бесполозных переговоров. Телеграммы, которые посылал Николай Константинович, сообщая о бедственном положении экспедиции, не пропускались и возвращались обратно. Наступила зима. Снег покрывал унылые окрестности Хотана. «Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать»¹, — написал Николай Константинович в своем дневнике.

«Надо суметь уехать». Они наняли верблюдов, нашли проводников. Приготовили красно-желтое знамя с черной надписью: «Ло, американский художественный офицер». Но вырваться не удалось. Они оказались узниками тупого даота и невежественного, жестокого амбана. И только одна мысль сверлила уставший мозг Рериха: «Надо суметь уехать». Он нашел надежного человека, который взялся переправить письмо, адресованное советскому консулу в Кашгаре.

«Уважаемый господин консул! — писал Николай Константинович. — Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. <...> Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву...»²

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 116.

² Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 175.

Это письмо в Кашгар не было единственным. Другое было доставлено английскому консулу майору Гиллану. Оно останется без последствий. Советский же консул принял свои меры. Синьцзянский генерал-губернатор дал распоряжение об освобождении экспедиции. «Друзья мои, если хотите испытать свое хладнокровие и терпение, поезжайте в город Хотан»¹. Это слова из экспедиционного дневника. Последнее, что сделали хотанские власти, — запретили идти на Кашгар горным путем и послали экспедицию вновь по дороге через пустыню. В конце января 1926 г. экспедиционный караван покинул Хотан и взял направление на Яркенд. «С утра ветер. Пустыня вся побелела. Началась зима, и весь длинный переход шли как по дальнему северу»².

И только у Яркенда зазеленели плодовые деревья, и ветер погнал песок из пустыни. «Яркенд показался нам более деловым и процветающим городом, чем Хотан. Это главный центр индийской и афганской торговли, и его крытые базары и чайханы, или рестораны, посещают люди разных национальностей. Яркенд — самый большой оазис в стране. Он прекрасно орошается с помощью системы каналов, и здесь широко возделывают рис, экспортируемый в Хотан и Кашгар»³.

От Яркенда двинулись на Кашгар. К западу на горизонте стояли снежные хребты. В середине февраля перед ними возникли стены Кашгара. Высокий берег реки обрывался песчаными утесами. Они вновь ощутили биение азиатской караванной артерии. В Кашгаре майор Гиллан проявил к экспедиции настойчивый интерес. Но что-то было в этом интересе назойливое и опять двусмысленное. Они забыли о майоре, когда покинули город.

Их привлекала красота весенней пустыни, древние поселки, встречавшиеся в пути. Все плохое оставалось где-то там, за песками Великой пустыни. Мерный ход каравана убаюкивал, навевал свободные, широкие мысли. И Николай Константинович, не опасаясь, мог вести свой экспедиционный дневник. «...Мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры <...> На песке — пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам»⁴.

Теперь путь шел на север, где через пустыни и горы протянулась заповедная граница. Граница России. Рерих все время думал о предстоящей встрече с Родиной. После стольких лет разлуки и многих бурь он не представлял себе, какой теперь эта Родина стала. Ночлеги были спокойные. Все как будто благоприятствовало им. И он снова находил точные и образные слова тому, что видел. «Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оста-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 115.

² Там же. С. 142.

³ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // Дальневосточные путешествия и приключения (ДПП). Вып. 5. 1974. С. 459.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 137.

Н.К.Рерих. Каракиргизы. Без даты

вив мягкий огневый столб. За этими горами — русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине — наши палатки. Сверху глядит Орион»¹.

До Урумчи предстояло пройти Аксу, Кучу, Карашар и немало мелких поселков и деревень.

Пустыня все время меняла свой облик. То шли пески, игравшие всеми оттенками жемчужного цвета, то дорога становилась каменистой. Дули сильные ветры, налетали бураны. Они проходили мимо разрушенных буддийских монастырей, осматривали буддийские храмы, спрятанные в песчаниковых пещерах. Искали фрески, следы древних и прекрасных статуй. И снова видели разрушение и руины. Но древняя Азия еще жила в самих людях.

Стремительно неслись похожие на скифов калмыки-наездники. Неожиданно появлялись торгоуты в синих халатах и черных платках. По каменистой сухой тропе скакал охотник. На его руках сидел ручной сокол с колпачком на глазах. Мерно гремел барабан в руках странствующего сказителя-бакши. Бакши пел о прекрасном Шабистане, о злых и добрых волшебниках. «Звенят бубенчики на конях амба-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 163.

ня. Тяжелая красная кисть колыхнется под шеей статного карашарского коня, серого с полосами, точно зебра. И другая кисть развевается на груди лошади. Под седлом продет китайский меч. Закинуты кверху носки черных бархатных сапог. На стременах золоченые львы. Сложно украшение седла. И несколько ковров умягчают долгий путь. От Яркенда в Тунханг два месяца пути по древнекитайской дороге, где нефрит, и шелк, и серебро, и золото перевозились точно такими же всадниками, с теми же самыми песнями, с теми же самыми бубенцами и с теми же мечами»¹.

В Карашаре вновь возникли осложнения. Им не разрешили выбрать стоянку за городом и заставили расположиться в пыльном городе. Им не позволили идти дорогой через близкие горы, где они хотели осмотреть пещерные буддийские монастыри, а заставили преодолевать жаркую Турфанскую впадину, лежавшую на пути. Они шли по раскаленной каменистой дороге. Ночью было морозно, днем задыхались от жары. Особенно страдала Елена Ивановна. Тучи mosкитов сопровождали караван. Над каменистой почвой вставали миражи. Дороге, казалось, не было конца. Раскаленные струи налетавших буранов поднимали в воздух камни, гнали тучи песка. А на западе совсем рядом синели манящие и недоступные для них горы.

Но ни произвол китайских властей, ни трудности утомительного пути не могли отвратить художника Рериха от созерцания и восприятия той красоты, которую дарила ему прекрасная и жестокая пустыня. «Колокола на верблюдах разного размера и звучат, как целая симфония. Это забываемая мелодия пустыни. Вот жар среди дня умертвляет все. Все делается безжизненным, мертвым. Все заползает в прохладу тени. <...> Даже сам Тарим замедляет свое течение. Как когти в судороге, простерты горячие камни. <...> Темнота не смеет сразу вернуться. Только голубоватый туман дрожит в безбрежных далах. Эту глубокую симфонию какая мелодия может сопровождать? Только симфония колоколов, нежная, как древняя бронза, и мерная, как движение кораблей пустыни»².

При подходе к Урумчи дорога стала оживленнее. Скакали всадники. Степенно и гордо вышагивали верблюды. Маршировали солдаты, поднимая клубы желтой пыли. Солдаты были вооружены разнокалиберным оружием. Началась война между двумя китайскими провинциями — Синьцзян и Ганьсу. С границ Синьцзяна ползли тревожные слухи. Атмосфера в городе была напряженной. Шел апрель 1926 года. По узким улицам под бой барабанов ходили толпы оборванцев. Над ними развевались яркие знамена. Это были войска синьцзянского правителя Янь Ду-ту. Проехала арба, на колышки которой были надеты фуражки. Правитель вел счет своего войска по шапкам. Опять экспедицию

¹ Рерих Николай. Держава Света. Southbury: Alatas, 1931. С. 256—257.

² Там же. С. 255.

задержали, обыскивали, мучили долгими расспросами, похожими на допрос. Но китайские чиновники вели себя здесь осторожнее, чем в Хотане. Рерихи с трудом нашли себе пристанище и сразу связались с советским консулом Быстровым. В мае Николай Константинович записал в дневнике: «Сведения от Быстрова. Получена телеграмма от Чичерина о проездной визе. Значит, около 15 мая можно будет тронуться»¹.

Он оставил консулу на хранение свой путевой дневник и написал завещание, ибо не был уверен, что экспедиция благополучно дойдет до советской границы. Слишком беспокойным было время. Согласно завещанию, в случае гибели экспедиции все ее имущество и картины переходили советскому правительству. Экспедицию провожали советский консул и сотрудники консульства. «...Сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке в пяти верстах за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними, и разъехались»².

День был яркий, солнечный. Пахло мятой и полынью. Время от времени в степи возникали всадники, похожие на древних скифов. Лица, словно высеченные из бронзы. Стремительные, быстроногие лошади. На одной из стоянок появились какие-то странные китайцы с десятью солдатами. Они сказали, что у них есть распоряжение генерал-губернатора, но какое — умолчали. Солдаты смотрели хмуро и вели себя развязно. Надо было немедленно уходить.

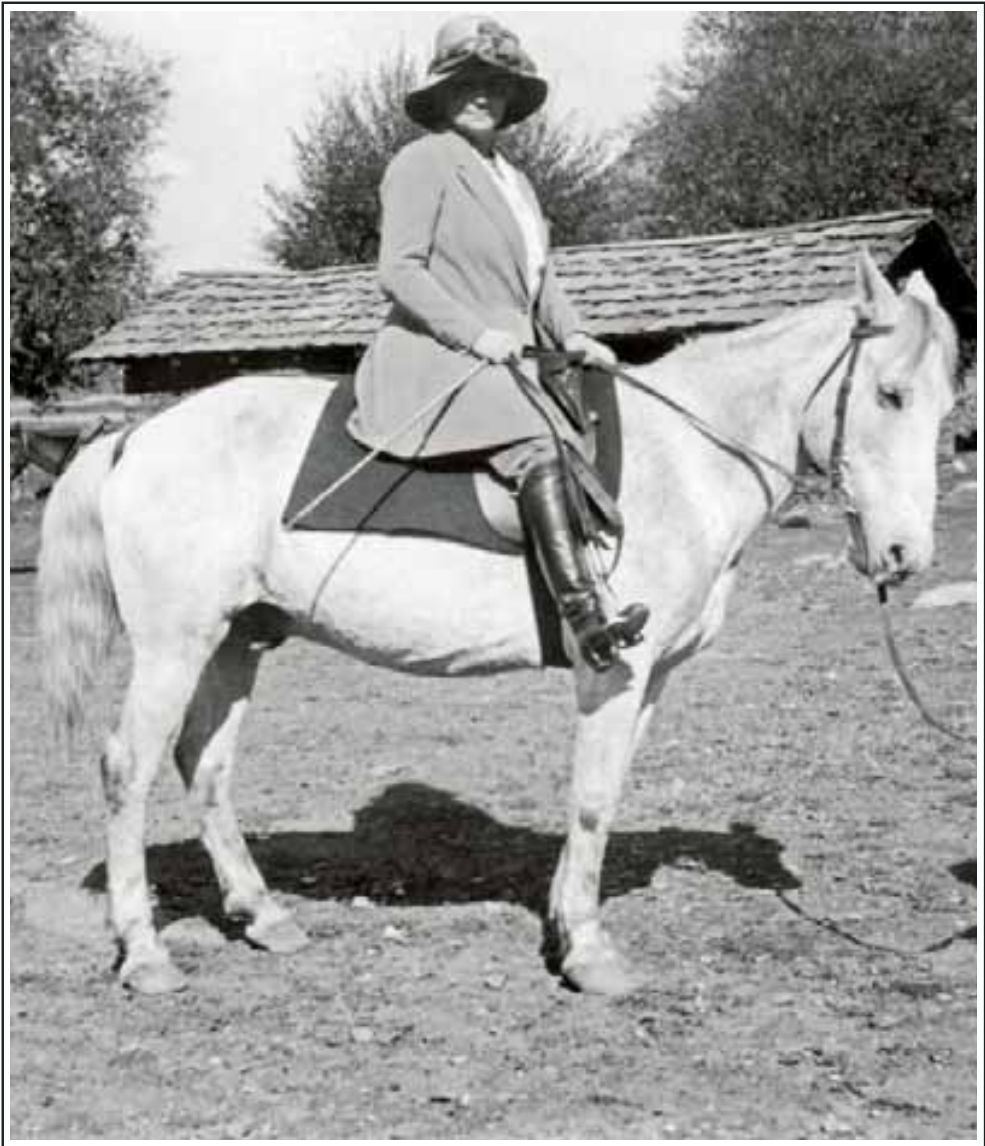
Они снялись со стоянки ветреной и дождливой ночью. Лошади в темноте шли по глубокому песку. Люди старались не разговаривать. Оружие держали наготове. У Нефритовых гор стало еще тревожнее. Ползли слухи о разбойничьих нападениях в ущельях, об убийствах караванщиков. На гребнях гор время от времени появлялись всадники. Они что-то высматривали, но к каравану не приближались. Пошли осторожнее, высылая вперед разведчиков. Зорко следили за неизвестными всадниками. Держали заряженными винтовки и револьверы. Нефритовые горы миновали благополучно. За ними встал Тарбогатай.

На последнем пограничном китайском посту их особенно придирчиво осматривали. Проверка шла весь день, и пришлось там заночевать. Взошла полная луна и залила голубым светом окрестные горы. За ними совсем близко лежала граница СССР. Николай Константинович не спал. Слишком велико было напряжение, слишком много было пережито. Он поднялся на каменистый холм. «Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощанье она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами взгорий, но и пышной травой и давно не виданными цветами. Красно-пунцовые дикie пионы, желтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И воздух, полный весенних дуновений»³.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 212.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 228.

Е.И.Рерих. Алтай. 1926

А на следующий день: «Здравствуй, земля русская, в твоём новом уборе!»¹ Там, за чертой, осталась киргизская стража, сопровождавшая их до границы. В остроконечных шапках, кожаных штанах они опять напомнили ему скифов. Навстречу им вышел вежливый и подтянутый начальник советской погранзаставы и взял под козырек. Красные звезды горели на фуражках пограничников.

Экспедиция пересекла советскую границу 29 мая в районе озера Зайсан. Первая встреча с людьми новой России ошеломила и обра-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 228.

довала. «Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?!»¹

По Иртышу на пароходе они доехали до Омска, оттуда направились в Москву, куда прибыли 13 июня. Там Николай Константинович встретился с двумя наркомаами: Г.В.Чичериным и А.В.Луначарским. Оба проявили большой интерес к экспедиции, детально расспрашивали о пройденном пути, поддержали его дальнейшие планы. В Москве к Рерихам присоединились два сотрудника Нью-Йоркского музея — Зинаида Григорьевна и Морис Лихтман.

Летом 1926 года экспедиция прибыла на Алтай. Алтай заливали дожди. Они казались бесконечными. Серая сетка дождя съедала очертания предгорий. Дороги были размыты, жирная, черная грязь превратила их в ползущие предательские болота. Мутная вода заполняла до краев дорожные ухабы. Четыре подводы, натужно скрипя колеса-

Экспедиция на Алтай. 1925—1928

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 229.

ми, двигались в направлении села Алтайского. Время от времени подводы попадали в ухабы, и тогда лошади, напрягаясь, с трудом выволакивали их. Сидевший на первой подводе главный возница по фамилии Эдоков, немолодой и грузный алтаец, лениво покрикивал на лошадей и временами затягивал только одному ему понятную песню без слов. А дождь все лил и лил. В сгущавшихся сумерках плохо различались придорожные деревья. А потом и дорога утонула в темноте. Наступила ночь. Дождливая и промозглая, как поздней осенью. Уставшие лошади все чаще спотыкались.

До села Алтайского были уже Новосибирск, Барнаул, Бийск. Отсюда экспедиция двинулась по той же размытой дороге на юг, туда, где за Катунским хребтом белела снежная двуглавая вершина самой высокой горы Алтая — Белухи. Снова натужно скрипели колеса подвод, снова лили дожди, снова из тумана появлялись бревенчатые избы деревень и сел. Возница Эдоков оказался плохим проводником, не знал точной дороги и не сумел достать хороших лошадей. Поэтому пришлось сделать немало лишних километров по жидкой грязи, под порывами холодного ветра и дождя. Ночевать приходилось в самых неожиданных местах. Около села Марьинского сломалась одна из подвод, и путь пришлось продолжать на трех телегах. После переправы через реку Эдигол дождь поутих, и с перевала открылась панорама Алтая. Рерих записал в своем дневнике: «А когда переломили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Встала трава и цветы в рост вершников. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали»¹.

Красота Алтая заставила Рериха позабыть и о ненастье, и о непредвиденных трудностях пути. Позже он запишет: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?»²

Рерих зорко вглядывался в лица встречных алтайцев и отмечал их сходство с североамериканскими индейцами. Он живо интересовался пещерами на Черном Ануе, где нашли какие-то кости и надписи. Отыскивал зримые приметы далекого прошлого: древние курганы, менгиры, каменные изваяния, чьи загадочные лица были повернуты на восток. Он жадно ловил обрывки легенд, стараясь увязать их с передвижениями народов, проходившими здесь тысячелетия назад, и пытался найти их отголоски за пределами Алтая. Сказание о странных «курумчинских кузнецах» вызвало у него воспоминание о сказочных Нибелунгах Европы, легенда о «чуди, ушедшей под землю» связывалась с индийским сказанием о подземном народе агарти. И он снова записывал в своем дневнике:

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 239—240.

² Там же. С. 247.

«В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах»¹.

Но не только прошлое привлекает Николая Константиновича.

Он пишет о кооперативах, о новых машинах, о восстановительной работе. Прекрасно понимая хозяйственное значение Алтая, он справедливо отмечает: «Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все это придает Алтаю незабываемое значение!»²

Жизнь потом полностью подтвердит эти слова. Так же как она подтвердила многое из сказанного этим удивительным человеком.

Через Алтай и Кырлык экспедиция двигалась к Усть-Коксе. Где-то по дороге с большим облегчением расстались с возницей Эдоковым. Дождливой ночью совершили опасную переправу через Синий Яр и Громатуху. Развалилась еще одна подвода, в которой ехал лама Геген. Лошади, запряженные в нее, испугавшись чего-то, понесли, лама успел выпрыгнуть, но подвода разбилась. Четыре дня подряд шел проливной дождь. Казалось, начинается Всемирный потоп. Вещи, лежавшие на подводах, были мокрыми, чемоданы разбухли, а самих путников не спасали ни плащи, ни зонты. Из Усть-Коксы на пароме переправились на противоположный берег Катуни. Паромщика на месте не оказалось, и Юрий Николаевич вместе с Лихтманом и Гегеном толкали паром.

Село Верхний Уймон, куда прибыли после переправы, было добротным и крепким. Обнесенное со всех сторон массивными изгородями, напоминавшими деревянные укрепления древнерусских поселений, оно привольно раскинулось в речной долине. В селе жили староверы, или, как их называли еще, кержаки. Народ крепкий, замкнутый и фанатичный. Предки верхнеуймонцев, спасая свою старую веру от новшества царя Петра, пришли сюда из России еще в XVIII веке. Здесь, в этих глухих благодатных местах, они зажили своей особой жизнью, сохраняя все, что привезли с собой оттуда, с далекой Родины.

Появление чужих подвод с незнакомыми и не совсем обычно одетыми людьми вызвало острое любопытство уймонцев. Однако подойти и расспросить никто не решался. Старая вера не позволяла так просто заговорить с чужим. Проплутав по грязным улицам, путешественники остановились у рубленого двухэтажного дома. Дом принадлежал зажиточному хозяину Вахрамею Атаманову. Николай Константинович поднялся по ступенькам и постучал в дверь. Сначала никто не отзывался, затем на пороге показался сам хозяин. Из-под нависших бровей на Рериха мрачно уставились настороженные глаза.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 43.

² Там же.

Н.К.Рерих. Богдо-Ула (Вход в Ургу). 1927

— Что надо? — не очень приветливо спросил хозяин.

— Мы бы хотели снять у вас помещение, — ответил художник.

— Кто указал?

Рерих что-то ответил, но его спутники не расслышали, что именно.

— Входите, — сказал Атаманов и повел прибывших на второй этаж.

С этого дня дом Атаманова стал штаб-квартирой Центрально-Азиатской экспедиции, а село Верхний Уймон — тем местом, откуда начались ее радиальные конные маршруты. Катунский хребет, Теректинский хребет, по Катуни до Катанды и Тюнгура, долина Кучерлы, устье белой реки Ак-Кем и, наконец, сама снежная красавица Белуха. Сотни километров по горным каменистым тропам верхом на лошадях, переправы через бурные горные реки, крутые подъемы, на которые приходилось втягивать лошадей на поводу, обрывистые ущелья, где любой неверный шаг грозил бедой, предательский снег, покрывавший неожиданные провалы и каменные ловушки...

Елена Ивановна и Зинаида Григорьевна вместе с мужчинами преодолевали трудности этих горных маршрутов. Постоянным проводником Рерихов стал Вахрамей Атаманов, личность незаурядная и необычная. Николай Константинович сравнивал его с Пантелеем Целителем. Тем Пантелеем, чья высокая худощавая фигура изображена на одной из рериховских картин. Вахрамей любил природу и хорошо

Н.К.Рерих. Богдо-Ула (Подступы к Урге). 1927

ее понимал. «Он, по завету мудрых, ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветики»¹.

Около месяца провели Рерихи на Алтае. Они собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы, любовались наскальными рисунками. Внимание самого Николая Константиновича неизменно приковывала белоснежная гора Белуха и легенды, связанные с нею. Легенды эти были таинственны и загадочны. В них сквозило что-то недосказанное и запретное. Отзвуки необычных событий, намеки на великих странников, неожиданно являвшихся людям, слухи о тайных местах в горах и, наконец, рассказы о чудесной стране Беловодье — все это сплеталось в причудливые узоры народной фантазии и полузабытой реальности. И Рерих ищет следы этой реальности, которая дает о себе знать самым неожиданным образом. «В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта»².

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 242.

² Там же. С. 246—247.

Кажется, что эти сведения носят отрывочный характер и не связаны друг с другом. Но художник знает больше того, о чем ему рассказывают. И это знание позволяет ему связывать воедино разрозненные факты. Староверческое Беловодье и буддийская Шамбала — источник один. Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду. Может быть, он когда-то проходил по Алтаю? Ведь Алтай и Гималаи — единая горная система. Бесконечные ходы неизведанных пещер. «От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; “длинное ухо” знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в жар-цвет»¹.

А несколько позже он скажет: «О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев». Так возникал замысел книги о Центрально-Азиатской экспедиции «Алтай — Гималаи».

В дни короткого отдыха жили в Верхнем Уймоне. Жители исполняли старинные обряды, блюли исчезнувшие в России традиции, ходили в старинной одежде. Стены жилья расписывали диковинными цветами, удивительными листьями и невиданными зверями.

В середине августа наступили ясные дни, а в горах уже выпал снег. Воздух стал прозрачным, и хорошо просматривались дали. Что-то неуловимо осеннее появилось и в пейзаже, и в той тишине, которая стояла над горами. 19 августа 1926 года экспедиция двинулась в обратный путь, через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию.

Из Улан-Удэ они выехали на двух «доджах», переправились на пароме через Селенгу и доехали до последнего пограничного русского пункта Троицкосавска. Россия осталась позади. Но Рерих не прощался с нею. Он был уверен, что, когда закончится экспедиция, вернется на Родину. Об этом он договорился в Москве.

Дорога пошла сосновыми лесами. Был сентябрь. По небу плыли низкие тучи, моросил дождь. Холодными порывами налетал ветер. У Маймачена горы стали безлесными, небо расчистилось. Воздух опять стал прозрачным. Таким он бывает в это время на Центрально-Азиатском плоскогорье. Экспедиция достигла великого географического раздела. Позади осталась огромная территория сибирских лесов, впереди вставало необозримое пространство центральноазиатских степей.

На холмах, покрытых еще не увядшей травой, стояли субурганы. При закатах небо полыхало ало-оранжевыми пожарами. На много верст вокруг не было ни людей, ни селений. Изредка возникала фигура всадника в ярком кафтане, в высокой монгольской шапке. Казалось, что эти одиночные всадники отбились от орд, которые катятся там, за холмами, и сейчас покажутся вновь на этом древнем пути. Но всадники исчезали, никто больше не появлялся. Великие завоеватели остались где-то там, за степной дымкой Времени.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 240.

Н.К.Рерих. Великий всадник (Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы). 1927

Участники экспедиции. Монголия. 1926

Дорога стала портиться. Колеса машин увязали в песке и грязи. Через Баин-гол переправились с помощью всадников. К седлам скачущих лошадей привязали буксирные тросы. Перед Ургой появились пастбища. На синегорье вырисовывались застывшие очертания верблюдов. Неподалеку от них паслись табуны лошадей. Потом показалась Урга. Над нею сверкали золоченые крыши буддийских монастырей. Казалось, что здесь осталось все по-прежнему, как много лет назад. Но это впечатление было обманчивым. По площади города скакали всадники в форме воинов революционной армии. Марширующие отряды проходили по узким улицам. Бронзовые лица, упрямо сжатые губы. Солдаты пели:

*Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.*

Николай Константинович узнал, что песню сочинил вождь монгольской революции Сухэ-Батор. Восток пробуждался, освобождался от векового угнетения, не отказываясь от того лучшего, что хранили

его народные традиции. Рерих зорко всматривался в то, что происходило в стране. Он видел, как под внешней, традиционной оболочкой происходят важные и бурные процессы. Он наблюдал великолепные храмовые процессии в честь Майтрейи, грядущего Будды. Трубили длинные медные трубы, гремели тарелки, глухо ухали барабаны. Под зонтами, в паланкинах несли изображения буддийских святых. Стройными рядами шли бритоголовые ламы в пурпурных и желтых одеждах. Горели на солнце шитые золотом алые тиары настоятелей монастырей. Процессию сопровождали густые толпы празднично одетого народа и монгольские кавалеристы в форме защитного цвета. Все смешивалось в этой процессии. Старое и новое. Восток оставался Востоком, но где-то в его глубинах уже складывалось и формировалось новое. И Рериха интересовало в первую очередь это новое, которое несло в себе будущее этой древней и своеобразной страны.

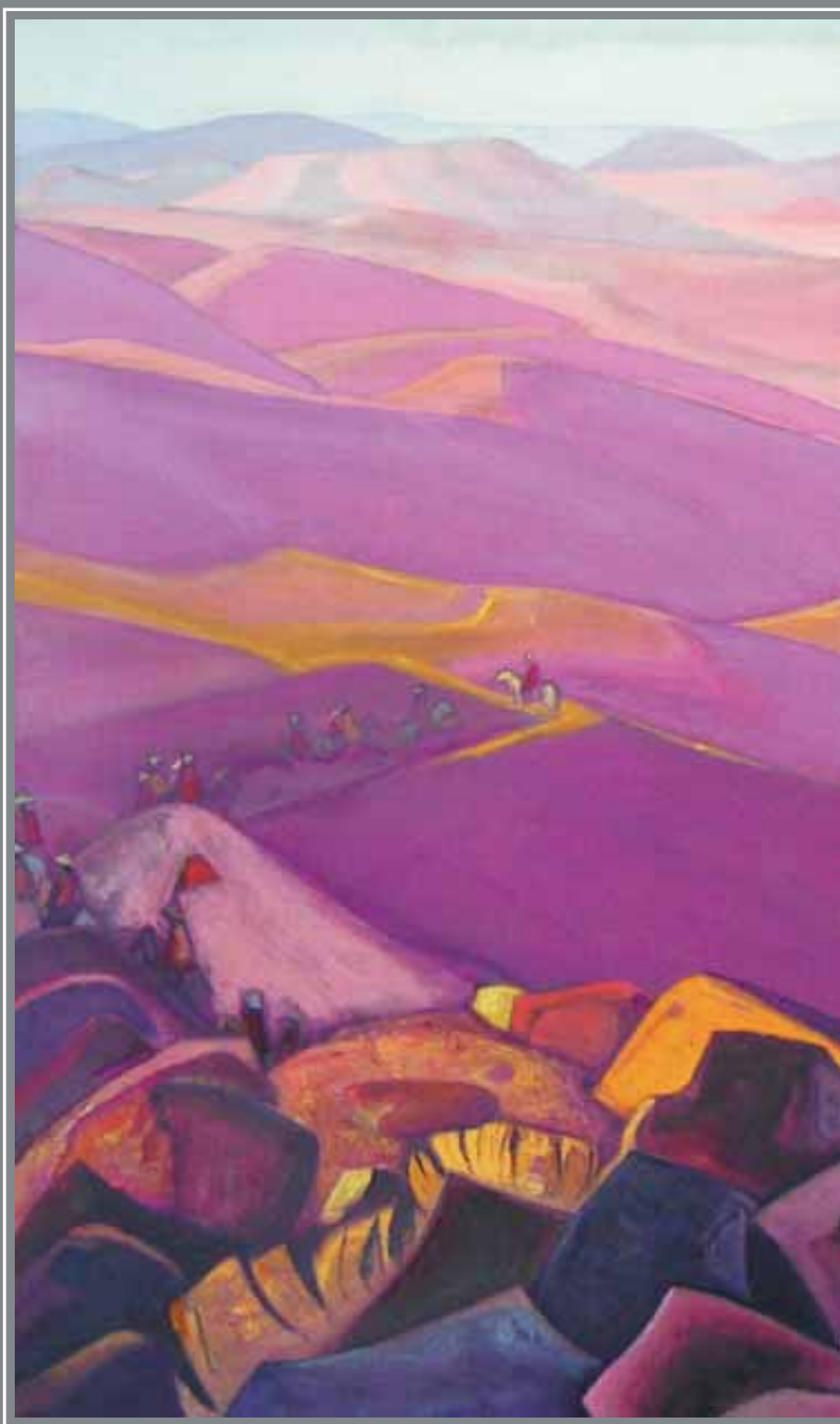
Он подарил правительству новой Монголии свою картину. Она называлась «Великий Всадник», или «Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы». Картина была как жизнь. В ней слились воедино традиционное и новое. В алых облаках по небу мчался всадник на красном коне. Всадник громко трубил в раковину, и лицо его было похоже на храмовую маску. Впереди него, как вестники грядущего, летели по синему небу красные птицы. Внизу сине-зеленые горы Монголии, и на свежей зелени степи идет собрание Великого хурала. Картина была похожа на старинную танку. Но события, на ней отраженные, имели отношение к настоящему и будущему. Картина была символична и в то же время несла в себе приметы современности. Николай Константинович сам объяснил смысл картины, когда вручал ее Церендоржу, председателю правительства Монголии:

«Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии... И Великий хуралдан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громко звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во время расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии...»¹

Когда он дарил эту картину, он еще не знал, что она осложнит его жизнь и будет использована в качестве улики против него.

Урга тех лет была своеобразна и колоритна. Ее центр был застроен деревянными домами. На окраинных улицах стояли юрты. На базаре распродавались храмовые реликвии. По улицам курсировали золоченые, ярко раскрашенные кареты бывшего феодального правителя страны. За каменными стенами еще жили своей отдельной жизнью тибетские и китайские кварталы. Гостиницы и постоялые дворы города были заполнены разношерстной публикой, заброшенной сюда с

¹ Беликов П., Князева В. Рерих. С. 184.

*Н.К.Рерих. Монголия
(Поход Чингис-хана)
1937—1938*

Н.К.Перих. Монголия. 1938

разных концов света. Здесь можно было встретить немцев и русских, французов и монголов, китайцев и киргизов, тибетцев и татар. Среди них были бывшие военные, торговцы, охотники, контрабандисты и сбежавшие от кары преступники. Они слонялись по городу в поисках какой-нибудь работы и охотно нанимались в проходящие караваны. Но были ненадежны и опасны, как и дорога, по которой шли караваны из Монголии в Тибет. В вольных степях и горах пограничных районов на караваны нападали воинственные тибетские племена и шайки бродячих разбойников, которые пополнялись бывшими сомнительными обитателями гостиниц и харчевен Урги. В течение всего предыдущего года только два каравана более или менее благополучно смогли прийти из Тибета в Ургу. Оживленная торговая дорога пустовала, приходила в упадок. Менялись времена, неся с собой и хорошее, и плохое.

Предстояло решить, каким путем идти на Тибет. Пржевальский и Козлов шли из Урги на Тибет через горы Гурбун, Сайхан, Алашань. Теперь этот путь был закрыт. Оставалась караванная дорога на Юмбейсе — Аньси. Дорога была малоизвестна, и расспросы о ней не принесли нужной информации. Но выбирать не приходилось.

Н.К.Рерих. Монголия. Фрагмент

Экспедиции отдали часть оружия и снаряжения, которые были оставлены в Урге экспедицией Козлова.

«Вскоре наш экспедиционный штаб, — пишет Юрий Николаевич Рерих, — с его двумя дворами заполнили новые люди. Мы поставили несколько юрт, в которых расположилась наша охрана и где лежали продовольствие и снаряжение. В соседнем дворе стояли лошади, предназначенные для экспедиционной охраны. Наши караульные ежедневно обучались пользованию оружием, поскольку не исключалась возможность вооруженного столкновения. Кроме того, их надо было обучить сигнализации и ведению разведки. Большинство мужчин оказались бывшими охотниками и поэтому меткими стрелками. К тому же они были хорошими наездниками, что очень важно в экспедиции, так как опытные всадники не доводят до ран на спинах животных. Мы научили их также быстро ставить и сворачивать палатки»¹.

Окрестные жители каждый день наблюдали эти учения. Среди любопытствующих были и те, которые умели составлять шифрованные донесения...

Пока шла подготовка, Николай Константинович налаживал связи с Лхасой. Загадочный и далекий город стоял где-то там, за монгольскими степями, пустыней Гоби, гималайскими хребтами. Рерих надеялся в него попасть. Он беседовал с представителем правительства Далай-ламы Лобзанг Чолденом. Представитель уверял его, что все будет в порядке. Очередной караван повез письма из Урги в Лхасу. Дни ожидания тянулись медленно. Ответ пришел через три месяца. Рерихам разрешили войти в Тибет, разрешили посетить Лхасу. Это было неслыханной удачей. Перед этим в Лхасу не пропустили русского путешественника Козлова, хотя тот имел личное приглашение Далай-ламы. Николай Константинович знал, что в Лхасе себя ведут не всегда логично. В последнее время в этом поведении все чаще и чаще возникали странные противоречия, предпринимались какие-то сомнительные шаги, так и оставшиеся без объяснений. Но он надеялся опять на лучшее.

Наконец тибетский консул принес долгожданный паспорт и личное письмо Далай-ламе. За это время пополнился основной состав экспедиции. Из Харбина приехал Портнягин, получивший должность заведующего транспортом. Врачом в экспедиции стал Рябинин, которого Рерихи знали давно. Две русские девушки — Людмила и Ираида Богдановы — стали помогать Елене Ивановне. Можно было двигаться вновь в далекий и трудный путь.

Стоял апрель 1927 года. По тибетскому календарю — год Огненного зайца. Тяжело груженные машины вышли из Урги и направились к реке Тола. На трех грузовиках, следующих за «доджами», сидели монголы, буряты. Пестрели желтые, синие и красные халаты. Степной ветер рвал с голов остроконечные шапки. Зрелище каравана было

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 133.

впечатляющим и незабываемым. По руслу реки Тола еще лежал снег, но ветер уже был напоен дыханием весны. Потянулись бескрайние просторы Монголии.

«Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты, или неожиданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красноворхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?»¹

По пути стояли древние менгиры. Каменные бабы отрешенно смотрели на синие горы. За Онгин-голом пошли отроги Хангайского хребта.

Дорога становилась все труднее. Колеса буксовали в песке, ход каравана замедлился. Юрий Николаевич и Портнягин попытались найти удобный путь. Они взобрались на какой-то хребет, но ничего утешительного не увидели. Перед ними до горизонта простиралась пустынная гористая местность. Ее перерезали высохшие русла древних рек. Русла были забиты валунами. Кое-где желтели песчаные отмели. Повсюду были разбросаны обломки выветрившихся скал. Пришлось ехать по самому краю каньона. Машины, натужно ревя, ползли вверх. Из-под колес летели песок и камни. Одна из машин загорелась. В ней находились канистры с бензином. Все бросились тушить огонь. Но это удалось не сразу.

Через двенадцать дней караван прибыл в Юмбейсе. Они увидели белые здания монастыря, который стоял во впадине, защищенный со всех сторон горами. Из ворот монастыря выбежали в красных одеждах ламы. Они окружили машины, рассматривали грузовики, щупали колеса «доджей», качали головами и удивлялись. Отсюда уже была видна пустыня Гоби. Машины пришлось оставить.

От Юмбейсе пошли на верблюдах. Потянулась великая пустыня Гоби. Они шли по неизведанному пути на Аньси, по которому еще не ходили русские путешественники. Днем пустыня дышала жаром раскаленных камней, ночью на этих камнях оседал иней. Но Гоби не была похожа на Такла-Макан. В ней не было ее давящей беспощадности.

«Бесконечна Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-черная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадитесь в этот каменный вихрь»².

Над пустыней плыли миражи. Раскачивались пальмы, возникали причудливые дома с белыми колоннами, синели берега неизвест-

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 135.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 251.

ных морей. Огнем и пурпуром полыхали восходы и закаты. Ночами на черном бархатистом небе ярко горели мириады звезд. Лунный голубой свет ложился на мертвые черные камни. И казалось, что камни начинают сами светиться. Здесь, в Великой пустыне, сердце Азии было мертво. Временами над ней ревели ураганы и бушевали бураны, замешанные на камнях и песке.

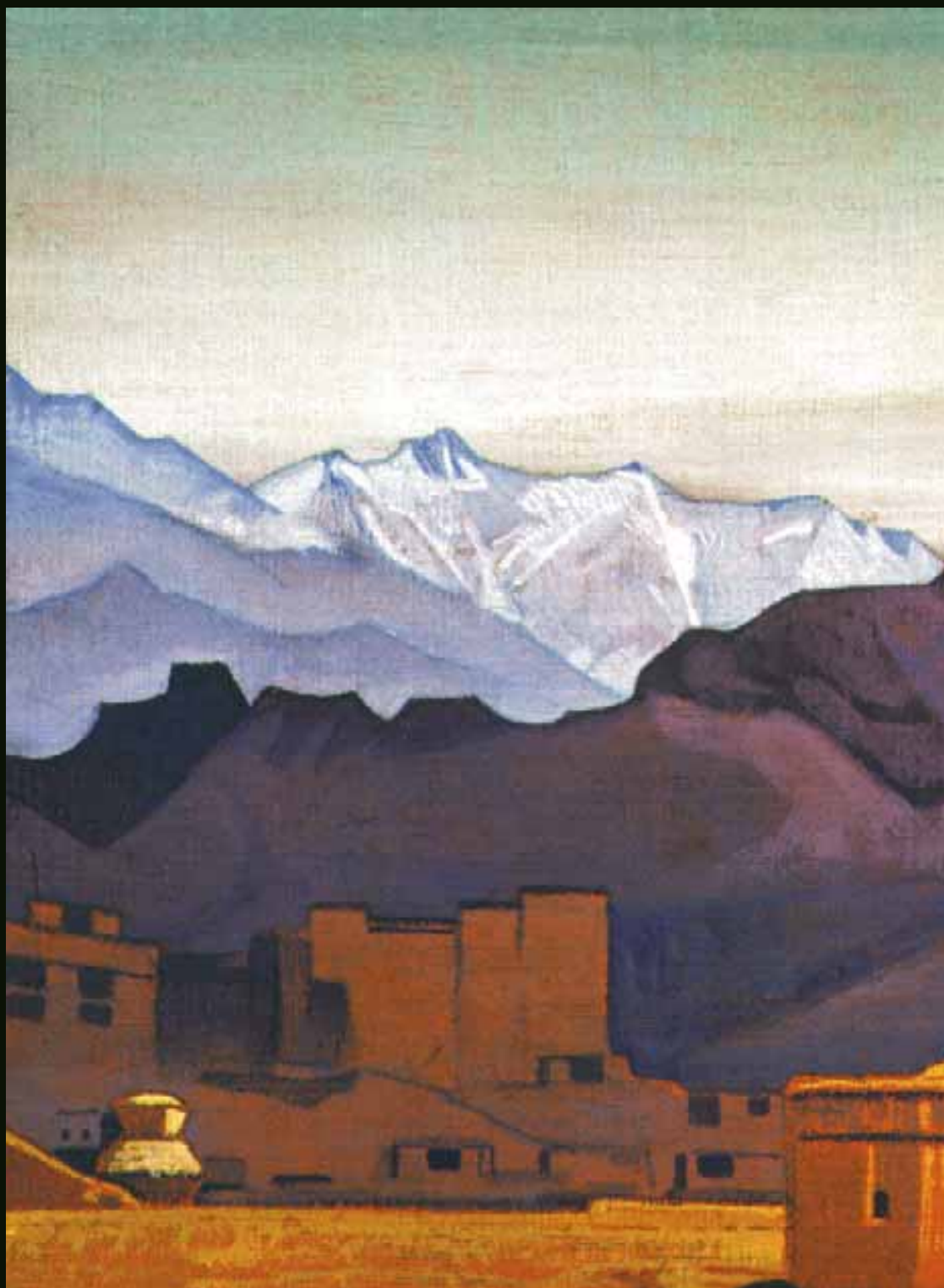
Шел день за днем, и на пустынной дороге никто не появлялся. Они встретили только несколько подозрительных всадников и китайский караван. Китайцы поначалу их приняли за разбойников Джелама. О Джеламе они слышали еще в Урге. В течение многих лет тот держал в страхе всю Внутреннюю Монголию. Появлялся то в Индии, то в Китае, то в Тибете, то вновь возвращался в Монголию. Ламы говорили, что когда-то Джелама окончил Петербургский университет и знал разные языки. Он носил шапку с золотой ваджрой и раздавал деньги беднякам. Говорили также, что он обладал огромной гипнотической силой и пользовался уважением среди местных кочевников. Его видели путешествующим на двух белых верблюдах. Джелама менял свои имена и в разных местах именовал себя по-разному. После монгольской революции он организовал несколько хорошо вооруженных банд, ставка которых находилась в Гоби. Они грабили караваны, нападали на путников, не оставляли в покое целые поселки. Джелама захватывал

Н.К.Перих. Цайдам. Монголия. 1928—1930

Ю.Н.Рерих во время Центрально-Азиатской экспедиции. 1925—1928

Н.К.Рерих. Путь на Тибет. [1927]

людей в плен и заставлял их работать как рабов на постройке своей крепости в Гоби. Вместе с бароном Унгерном он действовал против отрядов революционной Монголии. К моменту появления экспедиции Рериха в Монголии части революционной армии уже разгромили банды Джеламы, а сам он был убит. Но остатки их еще продолжали разбойничать на дорогах. Поэтому все члены экспедиции были одеты в монгольские костюмы, а охрана держала оружие наготове.

И снова покачивались верблюды на черной каменистой поверхности пустыни. За каменистыми равнинами вырастали скалы, и снова возникали дюны... В такой местности грабителям легко можно было подойти к каравану незамеченными. По ночам выставляли караулы. Днем высылали разведчиков вперед. Подвязывали колокольчики на верблюдах, чтобы они не гремели. Старались обходить стороной подозрительные ущелья. В середине мая они наткнулись на полуразрушенный замок Джеламы.

«Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не соглашаются идти исследовать город. Юрий с П. (Портнягиным. — Л.Ш.) с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джеламы, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джеламы. О нем поют много песен»¹.

Наконец появились отроги Наньшаня. Великая пустыня была пройдена. За Аньси пополнили запасы продовольствия и двинулись к Цайдаму. Местность меняла свой вид. Стояли юрты кукунорских монголов. Паслись стада. У Шарагола лагерь смыло селевым потоком.

«Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра. Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым»².

Погибла часть экспедиционного имущества и некоторые коллекции. Когда поток схлынул, с трудом восстановили лагерь.

А на дороге становилось все тревожнее. Опять говорили о нападениях на караваны, о вооруженных стычках между племенами на тибетской границе. В один из дней под вечер в лагере появился всадник.

«Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам,

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 49—50.

² Там же. С. 54.

что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени»¹.

Переход через Цайдам начался 19 августа. Вся местность была покрыта соляными болотами. Шли по ненадежной соляной корке. Тропа петляла между острыми соляными нагромождениями. Шли и ночью. Остановиться было нельзя, да и негде. В воздухе стояла мельчайшая соляная пыль. Когда наступила темнота, появились синие болотные огни. По краям тропинки чернели бездонные ямы. И только на следующее утро соляные болота кончились, начались вновь пески. Вдали показались синие горы Нейджи, за которыми был Тибет.

Экспедиция вошла на территорию племени голоков, которые не подчинялись ни китайскому губернатору, ни Лхасе. В одном месте на песке заметили следы сражения. Чуть в стороне лежали три убитых монгола. Воинственные голоки зорко следили за любыми передвижениями по их территории. Они появились на пути экспедиции в первом же ущелье. Возникли, как призраки, в утреннем тумане. Николай Константинович вспомнил монгола в золототканом кафтане. Монгол сказал правду. В ущелье экспедицию поджидала засада. Караван остановился, дожидаясь, когда подтянутся идущие сзади. Они поднялись на вершину холма и оказались в более выгодном положении, чем нападающие. К противнику были направлены парламентеры. Вид вооруженного каравана несколько охладил пыл нападающих. С криками и гиканьем они вновь исчезли в тумане. Юрий Николаевич раздал охране дополнительные патроны. Дозоры теперь выставляли днем и ночью. Старались зря не разжигать костров.

На перевале Нейджи их застал снежный буран. Дорога покрылась толстым слоем снега. Метался и выл ветер. Сквозь рваные синие тучи сурово и грозно поднимались снежные вершины хребта Марко Поло. Караван преодолел перевал и к концу дня остановился на ночлег на Тибетском нагорье. «Ночь. Костры. Дозорные. В этом ущелье недавно был ограблен караван. И вдруг тишина нарушается крепким винтовочным выстрелом. Затоптаны огни. Залегла цепь с карабинами. Кто стрелял по лагерю? Где-то лают собаки...»²

Теперь караван двигался по направлению к Нагчу. На лазоревом небе чертили свои рисунки снежные пики хребтов Тангла и Цаган-Хада. «Не знаем, как встретит нас Тибет, — писал Николай Константинович. — Если прекрасен Ладакх, называемый Малым Тибетом, то Великий Тибет должен быть необыкновенно величественен. Впрочем, часто человечество ошибается названиями: “малое” оказывается “великим”. Без предрассудков и суеверий увидим действительность»³.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 57—58.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 251.

³ Там же. С. 249.

Тибетские солдаты на Чантанге

Тибет их встретил буранами и мокрым снегом. «На севере виднелись снежные вершины, и порывы холодного ветра возвещали о приближении к ледникам Тангла. В 1904 году во время своего бегства в Монголию здесь проезжал Далай-лама, и на месте, где он останавливался, воздвигнут в его честь каменный трон. К вечеру ледяной северо-западный ветер с градом и снегом перешел в сильный буран, и снег покрыл наш лагерь и окружающие горы»¹.

Но на перевале Тангла ветер утих, появилось солнце. Около сложенного пирамидкой обо монголы и тибетцы курили благовония и читали молитвы. Солнечная погода на перевале была хорошей приметой. С перевала открывался вид на Тибетское нагорье. От горизонта до горизонта тянулись снежные хребты, похожие на волны застывшего моря. Воздух был разреженным, и пейзаж напоминал арктический. Они находились теперь на высоте 4—4,5 тысячи метров.

В долине Шенди их остановил отряд тибетских солдат. Солдаты были одеты неряшливо, оружие у них отсутствовало. Экспедиция подчинилась и разбила лагерь. Около лагеря появилась белая юрта, где поселились четыре тибетских охранника. На следующий день прибыл сержант. Поверх мундира на нем был надет черный бархатный халат и наброшена овечья шкура. Он пересчитал животных и велел открыть некоторые ящики. Вскоре появился представитель губернатора Нагчу,

¹ *Рерих Ю.Н.* Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 340.

Лагерь экспедиции на Чантанге. [1927]

находившегося в трех днях хода от стоянки экспедиции. Губернаторский чиновник расспросил обо всем Николая Константиновича и, важно отдуваясь, сел писать донесение. Донесение было кратким и выразительным. Оно свидетельствовало о том, что чиновник все схватил на лету и усвоил самое важное. «Такого-то числа, — писал чиновник, от усердия высунув язык, — восьмого тибетского месяца, года Огненного зайца, в Шенди прибыл король Амери, который будет изучать буддизм и приобретать священные изображения святых»¹.

К вечеру в лагере появились два аксакала в красных халатах. Их сабли были украшены самоцветами. Они принесли хорошую весть. Губернатор Нагчу и верховный комиссар Хора предлагали экспедиции через Чунаке двигаться в Нагчу. Лагерь перенесли в Чунаке. Сюда явились вежливые чиновники с приглашением от комиссара Хора. «Лагерь комиссара представлял собой скопище черных палаток кочевников. В центре его стояла белая палатка генерала, окруженная высокой стеной из дерна и мешков с арагалом, защищавшей ее от ветров Тибетского нагорья. Перед палаткой был воткнут флагшток с тибетским военным флагом, почетный караул, выстроившийся перед входом, отдал нам честь. На солдатах была европейская военная форма, привезенная несколько лет назад из Индии, но команды отдавались по-китайски... Интерьер палатки украшали разноцветные китайские

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. 6. 1975. С. 340.

Гибнущий караван. Чантанг. [1927]

шелка и парча, стянутые над сиденьем генерала в виде балдахина. На стене висели раскрашенные знамена, в правом углу стоял алтарь работы непальских мастеров»¹.

Комиссар был молод. Халат из желтого китайского шелка прикрывал его широкие плечи. На меховой шапке сверкали драгоценные камни. Волосы были стянуты золотым обручем с крупным изумрудом. Слуги в пурпурных халатах, неслышно ступая по мягкому ковру, ставили на низкие резные столики чай, урюк, изюм и печенье.

«Мы обязаны хорошо принять вашу экспедицию, — важно сказал комиссар. — Я сам поеду в ваш лагерь и посмотрю, все ли у вас есть, что необходимо». И почему-то отвел в сторону узкие глаза.

Пели фанфары, гремели выстрелы салютов, на длинном древке развевался яркий штандарт комиссара, волынщики усердно дули в меха. Комиссар восседал на лошади, покрытой дорогим ковром. Горделиво качался золотой дордже на его меховой шапке. Всадники с прямыми тибетскими мечами замыкали шествие. Здесь как будто воскресала старинная сказка, однако что-то в ней все-таки было не настоящее, двусмысленное. Но они привыкли на своем долгом пути по Азии ко всякого рода церемониям, задержкам, промедлениям. Им

¹ *Рерих Ю.Н.* Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 351.

*Е.И. и Ю.Н. Рерихи во время
Центрально-Азиатской экспедиции. Чантанг. 1927—1928*

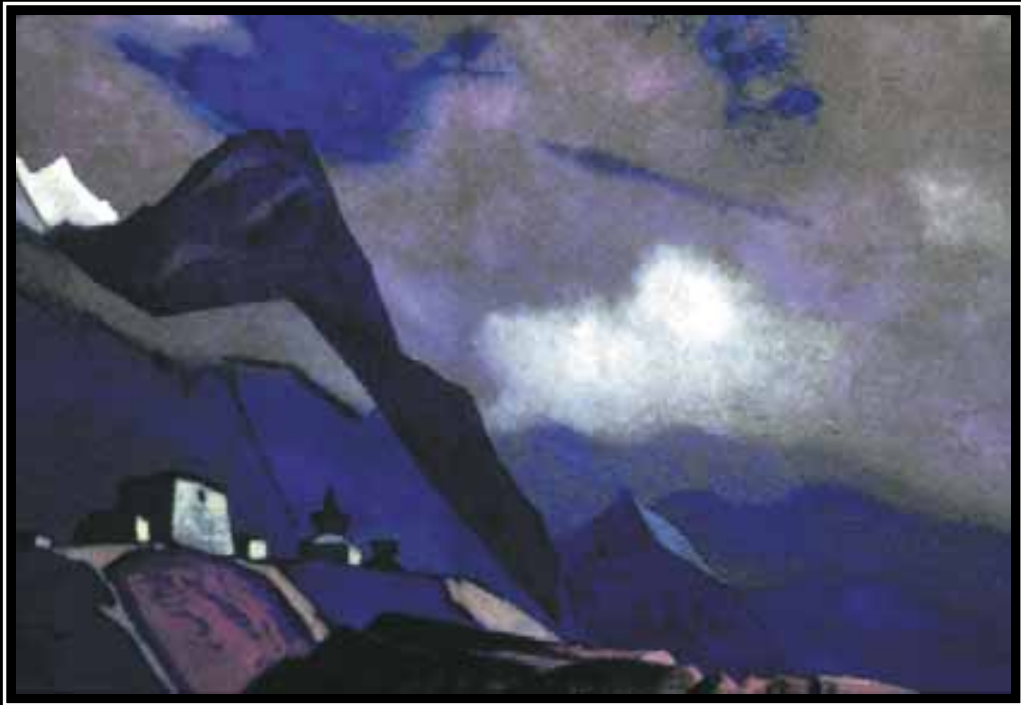

Н.К.Рерих. Тибетский стан. Без даты

не показались странными маневры комиссара Хора. Каждый день в лагере экспедиции играл оркестр. Пели волынки, глухо стучали барабаны. Наконец прогремели выстрелы салютов, и пышная процессия комиссара Хора отбыла. Оркестр уехал с комиссаром.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось похожее на арктическую тундру нагорье. Пологие осыпающиеся горы окаймляли его по краям. Наступала зима. Пошли снега, и метели потянули за собой белые, похожие на траурные, шлейфы. В своей палатке беспробудно пьянствовал офицер-тибетец, оставленный с несколькими солдатами в лагере экспедиции. Связь с миром прервалась. Все произошло так неожиданно и просто, что не верилось, что это случилось с ними. Офицер следил за тем, чтобы экспедиция не тронулась в путь. Они поняли, что арестованы более жестоким образом, чем тогда в Китае. Их обрекли на что-то худшее.

В первый месяц еще была надежда, что кто-то придет и недоразумение разрешится. Потом надежда исчезла. Они пытались отсылать письма Далай-ламе. Но обрывки этих писем находили на дороге. Пытались посылать надежных людей в Лхасу с сообщениями. Но посланцы уходили и больше не появлялись. Белые снега укрывали их путь. Морозы доходили до 60 градусов. В аптечке замерзал коньяк. Дули ураганные ветры. Офицер-тибетец зорко следил за тем, чтобы не было никаких контактов с проходящими редкими караванами. Он запретил

Н.К.Перих. Жилища Тибета

им покупать продовольствие у местных кочевников. Отказался отправить телеграммы в Сикким полковнику Бейли и в Нью-Йорк. Из Нагчу им передали, что телеграфной связи между Лхасой и Индией нет. Офицер утверждал, что у него самого нет никаких связей с внешним миром, что он ничем не может помочь экспедиции. Но время от времени в снежной мгле звенели колокольчики, и всадники в меховых малахаях спешили около палатки офицера. Происходило какое-то движение, которое пытались скрыть от их глаз. Присылались и отсылались какие-то важные вести. По ночам вокруг лагеря выли волки и бродячие собаки. Они подбирались все ближе и ближе к людям. Верблюды и лошади напрасно долбили ледяную корку, стараясь через нее пробиться к чахлой траве. Другого корма у них не было. Над лагерем, распластав темные крылья, кружили грифы. Они ждали добычи.

Кончалось топливо, а новое доставалось с трудом. За мешок аргала кочевники требовали большие деньги. Кто-то снабдил караванщиков опиумом. Одурманенные люди слонялись по лагерю и затевали драки. «Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми»¹.

¹ Перих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 261.

За все пять месяцев только три каравана прошли через белое безмолвие плато Чантанг. Они наблюдали их издали. Шли дни, но они не приносили ничего нового. Перед людьми стояла только одна задача — выжить. Начался поединок с холодом, голодом и всем тем, что обычно возникает в таких условиях. Поединок, который длился в течение пяти месяцев Великого стояния или, скорее, Великого противостояния. Строки экспедиционных дневников свидетельствуют об условиях, в которых происходило это беспрецедентное противостояние. Дневники вели Николай Константинович и Юрий Николаевич...

«Среди всепроникающего жестокого холода костры кажутся жалкими и негреющими. Короткое время, от одиннадцати до часу, солнце несколько греет. Но после полудня к морозу прибавляется режущий вихрь, и самая тяжелая шуба греет не больше легкого шелка»¹.

Николай Константинович называл костры, которые зажигали на плато Чантанг, «кострами холода».

«Ночью был сильный снегопад, и утром лагерь оказался на несколько футов погребенным под снегом. Палатки пришлось откапывать; их так завалило, что они напоминали снежные холмы. Наши несчастные верблюды лежат около лагеря. Те из них, у которых еще оставались силы, поднимались, стараясь стряхнуть с себя снег, но многие так и замерзли, лежа распростертыми на земле»².

«Снег продолжал идти всю ночь и сегодня, так что пришлось отсиживаться в палатках. Все мы страшно устали от сильного мороза и теряли силы. На такой высоте согреться в палатках было практически невозможно. Бесперывно жечь костры мы тоже не могли, так как аргала, имевшегося у нас, едва хватало для нужд кухни. Приходилось согреваться, прогуливаясь по лагерю по протоптанной дорожке. После получасового пребывания в палатке надо было выходить на мороз, чтобы согреться, и так каждый день»³.

«У некоторых монголов распухли лица и конечности, и они едва передвигались. Ламы бессвязно бормотали молитвы и жгли благовония»⁴.

«Днем сильнейший снегопад совершенно завалил наш лагерь, и пало много животных. Лагерь окружали трупы лошадей, мулов и верблюдов, на которых пировали вороны и своры собак. Каждое утро караванчики оттаскивали подальше очередные жертвы ночи»⁵.

Стаи голодных собак стали нападать на людей и воровать продовольствие. Вновь пришлось держать оружие наготове. По ночам раздавался непрерывный вой и лай. Люди, вымотавшиеся днем, не могли заснуть ночью.

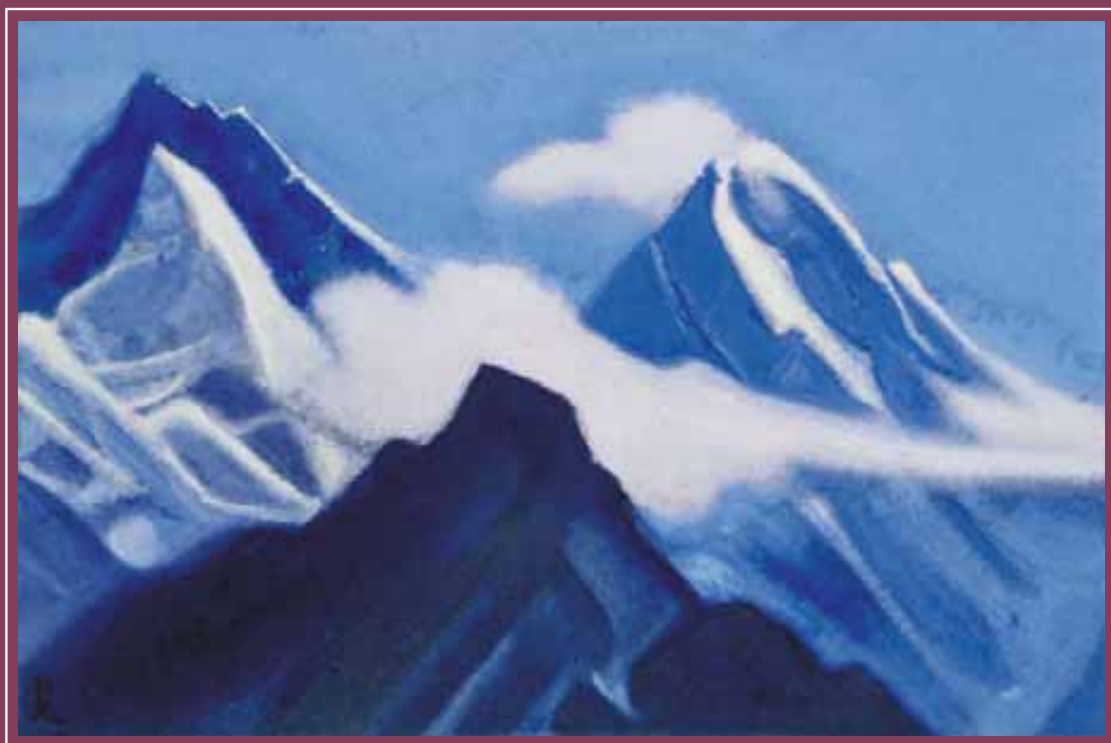
¹ Рерих Николай. Держава Света. С. 250.

² Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 361.

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ Там же. С. 366.

*Вверху: Н.К.Рерих. Тибетский стан (Чантанг, Тибет). 1943
Внизу: Н.К.Рерих. Гималаи (Зовущая песнь вершин). 1941*

*На следующем развороте:
Н.К.Рерих. Голпа. 1932*

«Очень холодный день. Температура воздуха упала до минус 55 градусов, а утром мы нашли во флягах замерзший коньяк... Руки и ноги онемели и отказывались подчиняться. Каждое утро наши люди ходили вокруг палаток в напрасной попытке согреться... Тяжело было смотреть на эти бредущие фигуры. Лица монголов были изнурены, черты заострились, а глаза приобрели тот особенный блеск, какой бывает у людей, находящихся на грани смерти»¹.

«Деньги наши кончались... Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван... Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, не приготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровой частью Азии»².

Было ясно, что экспедицию обрекли на гибель. Непонятной была причина. Молчала Лхаса. Молчал Далай-лама, знавший о существовании экспедиции. Редкие, неопределенные вести приходили из Нагчу, где в своем дворце сидел губернатор. Горели костры, гибли люди и животные. Были над Чантангом снежные бураны. Там, за белыми хребтами, кто-то ждал развязки...

Они должны были погибнуть. Должны были замерзнуть. Но не случилось ни того, ни другого. Сила духа оказалась сильнее стихии и зла. Она опрокинула чьи-то расчеты.

Наступил 1928 год. Дальше на нагорье оставаться было нельзя. И они двинулись в Нагчу, к теплу, к людям. Они уже не беспокоились о том, чем это может кончиться для них. Термометр показывал минус 50 градусов, налетали резкие порывы ветра. Ноги утопали в крошечке мелких режущих льдинок. Когда они подошли к Нагчу, перед ними в фиолетовой дымке зимнего утра возникла темная масса монастыря Шабден, вокруг которого было разбросано несколько десятков домов. Вофициальных документах поселок выпренно именовался «Величественный снежный дворец Нагчу». Здесь проходили караванные пути в Монголию, Китай, Ладакх. Рерихам отвели полуразрушенное здание. Стены сырых комнат были обиты красной тканью, потолки вымазаны дегтем. Из окон, затянутых бумагой, дул ледяной ветер, крупные капли дегтя срывались с потолка. Отопления не было. На улицах Нагчу лежали груды отбросов и трупы павших животных. Стаи бродячих собак шныряли по узким улочкам.

Переговоры с властями продвигались туго. То, что говорилось сегодня, забывалось или отменялось завтра. За все надо было платить.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 369.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 61.

Шел официальный грабеж. Запасы серебра, взятые в качестве валюты, катастрофически таяли. Им продавали продовольствие по ценам, которых не существовало в Тибете. А нужно еще было закупить яков и лошадей для каравана. Над Нагчу про шумел праздничными трубами и огнями тибетский Новый год. Был уже февраль. Визит к губернатору следовал за визитом. И каждый раз личная казна правителя Нагчу пополнялась экспедиционным серебром,

Прошел февраль, наступил март, а экспедицию все не выпускали из Нагчу. Письма и телеграммы Рериха не оказывали никакого действия. Он понимал, что в Лхасу экспедицию не впустят. Об этом недвусмысленно сказал ему губернатор Нагчу. Но надо было вырваться из этих губительных мест. Кончились деньги, и пришлось продать часть оружия. Губернатору стало известно об этой операции. Дальнейшее пребывание экспедиции в Нагчу потеряло для него смысл. В марте 1928 года экспедиция двинулась на Сикким маршрутом, предписанным тибетскими властями. Это был окружной путь на Намру-Дзонг, Шенза-Дзонг через Трансгималаи, через область Великих озер, на Брамапутру и далее через перевал Сепола на Сикким. Таким маршрутом еще никто не ходил. Это был трудный неизведанный путь, где поднимались до шести тысяч метров неизвестные перевалы, еще не нанесенные на карты. Обессиленные, уставшие люди двинулись по последнему этапу своего маршрута. Лхаса так и осталась недосыгаемой. «Была еще ночь, когда все поднялись и упаковали свои постельные принадлежности. Рассвет мягко окрасил небо, в темно-голубой дымке вдали вырисовывались снежные вершины хребта Шаншун. Столбики дыма стояли над домами Нагчу, но улицы все еще были пустыни. Погонщики яков, или по-тибетски “лакто” пили чай с дзамбой, сидя на корточках у больших костров, разложенных у ворот нашего дома»¹, — записал 4 марта 1928 года в своем дневнике Юрий Николаевич.

Караван экспедиции сопровождали два тибетских чиновника. Они следили за тем, чтобы точно соблюдался маршрут. Никаких отклонений. Все должно было соответствовать списку пунктов, выданному властями. Зима в горах еще не кончилась, и на перевалах их встречали снежные бураны и метели. Теперь они шли по глубинным районам Тибета и могли наблюдать его вблизи. На скалистых склонах стояли каменные массивы монастырей, крепостей, замков. Но все это уже обветшало. В замках и крепостях не жили. У подножия гор ютились хрупкие глинобитные хижины и стояли черные палатки кочевников. Когда-то возделываемые поля были запущены. На всем лежала печать упадка и умирания. Правители Тибета были заняты своими делами. Их мало интересовало то, что происходило в стране. Поселки были грязны, повсюду лежали кучи отбросов. Ветер трепал обрывки молитвенных флагов. Николай Константинович вспоминал Ладакх, или Малый Тибет.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 396.

«После живописных городов и монастырей Ладака мы тщетно ждали увидеть в “великом” Тибете нечто еще более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчились бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брамапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли»¹.

В Тибете было беспокойно. Голоки враждебно относились к хорам, из которых были набраны проводники каравана. Опять приходилось быть все время настороже и пресекать попытки нападений. Кто-то с кем-то воевал, и «стрела войны», завернутая в красный шелк, несколько дней путешествовала вместе с экспедиционным караваном. Ее передали по назначению. Селения, через которые они шли, относились к каравану недружественно. Их кто-то настраивал против экспедиции. Но кто — было неясно. В монастырях экспедицию не хотели принимать, ссылаясь на то, что не получали распоряжения властей. Власти утверждали обратное. В селениях отказывались давать яков и лошадей на смену выбывшим из строя. Приходилось применять силу. Одного упрямого старшину связали. Тогда пришли его родственники и согласились помочь. Продовольствие добывали с трудом. Проводники все время менялись, каждый из них знал местность только в пределах одного перехода. Но красота Гималаев, поднимавшихся вокруг, затмевала все. Николай Константинович много рисовал. Иногда делал зарисовки на ходу, не покидая седла. Они миновали район Великих озер, огромный бессточный бассейн на севере Трансгималаев. Одолели перевалы Тамар и Награ-ла, откуда в утреннем солнце открылись цветные скалы: красные, фиолетовые, оранжевые, желтые. В долине реки Джун-Друнг-цангло они увидели фантастическое зрелище. «Могучие хребты, дремавшие под пологом густой фиолетовой дымки, внезапно осветились восходящим солнцем, и скалы заиграли красными, малиновыми и фиолетовыми красками, а пески пустыни у их подножия вспыхнули ярко-красными и золотистыми кострами. Это приветствовали нас Трансгималаи, к северным подступам которых подошел караван»².

Ущелья сменялись горными долинами, долины — перевалами. Наступил апрель, но на высотах еще бушевали снегопады и снежные бураны. Однако в долинах уже ощутимо пригревало солнце. На горных склонах появились цветы. За долиной Чокчу начался целый лабиринт горных долин, которые тянулись до Брамапутры.

Они перешли перевал Мари-Танг-ла и спустились к соленому озеру Тингринамцо. Над ним летали стаи диких уток и гусей. После озера тропа пошла по песчаной долине и через каньон вышла в долину

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 64—65.

² Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 411.

Брамапутры. «Наконец, мы у великой Брамапутры! Трудно передать чувства всех членов экспедиции. Расположившись на берегу великой реки, мы могли напоить измученных лошадей»¹.

Мимо, позванивая колокольчиками, шли караваны на Лхасу и Ладакх. С перевала Дзегонг-ла открылась панорама Трансгималаев, идущих к Непалу. Снежные пики сверкали на солнце. В складках гор, меняясь, струился голубой цвет. Казалось, ничего прекраснее уже быть не могло. Но с перевала Уран-ла возникло еще более грандиозное зрелище. «Сияя в лучах утреннего солнца, высоко над горной страной возносились зубчатые стены Гималаев. Все мы застыли, потрясенные этим образом космического величия. Ни одно облачко не обволакивало высочайшие вершины, и снежные гиганты четко вырисовывались в разреженной атмосфере Тибета. За этими пиками и снежными полями лежали знойные равнины Индии»².

Гималаи полностью вознаградили их за все перенесенное.

Экспедиция двинулась по левому берегу Брамапутры. Через некоторое время поднялась снежная громада Эвереста. Они прошли старинные поселения Тангри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг. Был уже май, но иногда шел мокрый снег, оседая дождем в долинах. На отвесных скалах стояли монастыри и крепости. Зубчатые стены карабкались по кручам. Башни сторожили входы в ущелья. Но и здесь многое уже было разрушено, пришло в упадок.

18 мая экспедиция подошла к последнему перевалу перед Сиккимом — Сепо-ла. На перевале стояла каменная пирамида, обозначившая границу между Индией и Тибетом. От снегов и ледников они начали спускаться в узкую долину реки Лапчен. «Неожиданно удивительный аромат наполнил воздух, как будто мы приближались к сосновым лесам. Однако нигде не было деревьев»³.

Внизу цвели рододендроны, и скалы были как будто залиты розовой и белой пеной. Они вошли в Сикким. Становилось все теплее. Начались субтропические леса. Толстые лианы, похожие на канаты, свешивались с деревьев. Обезьяны прыгали с ветки на ветку. Порхали синие бабочки. Стояла удивительная тишина. И только пение птиц и шум водопадов нарушали ее время от времени. Караван подходил к столице Сиккима — Гангтоку. Впереди гордо вышагивали два монгольских верблюда, чудом уцелевшие во время Великого стояния.

Шли последние километры долгого и трудного пути. 24 мая 1928 года экспедиционный караван вошел в Гангток. Вежливая улыбка британского резидента полковника Бейли, светский разговор. Широкий жест — приглашение остановиться в его доме. Горячая ванна, мягкие постели, накрахмаленные салфетки за торжественным обедом.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 433.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 450—451.

«Гостеприимный дом британского резидента Ф.Бейли. Рассказываем о нашем пути. Полковник знает тибетцев и потому ничему не удивляется. Одно обстоятельство его изумляет: зачем было держать нас всю зиму на высотах?»¹

Действительно, зачем? Удивление полковника казалось искренним. Через два дня Рерихи были уже в Дарджилинге. Мысли о случившемся в Тибете долго не покидали Николая Константиновича. «Народ найдет применение своим способностям, — записал он, — ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты»².

Но Рерих знал также, что путь народа к знанию и красоте будет тяжелым, трагическим и растянется на долгие годы. Он скажет о правителях Тибета суровые и провидческие слова: «Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться под произвол дикого правительства. Невежество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя — ушел из Тибета Таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться. Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетыми; кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо»³.

Он повторит на страницах экспедиционного дневника старинное пророчество: «Далай-лама XIII будет последним правящим Далай-ламой».

В мае 1928 года закончилась одна из величайших экспедиций нашего века. Долгий трудный ее путь был растянут на годы. Экспедиция потребовала от ее участников высокого мужества и небывалого терпения. Рерихи дали пример того и другого. В экспедиции участвовала женщина, которая вместе с мужчинами прошла весь тяжелый путь.

«На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устроении каравана, и в улаживании всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому было немало поводов самого различного характера»⁴.

Рерихи прошли по огромным просторам Азии. Пересекли две самые большие ее пустыни. Преодолели 35 перевалов. Многие из них они впервые нанесли на карту.

«Несмотря на огромные трудности, — писал Юрий Николаевич, — и неблагоприятные времена года для путешествия, экспеди-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 271.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 74.

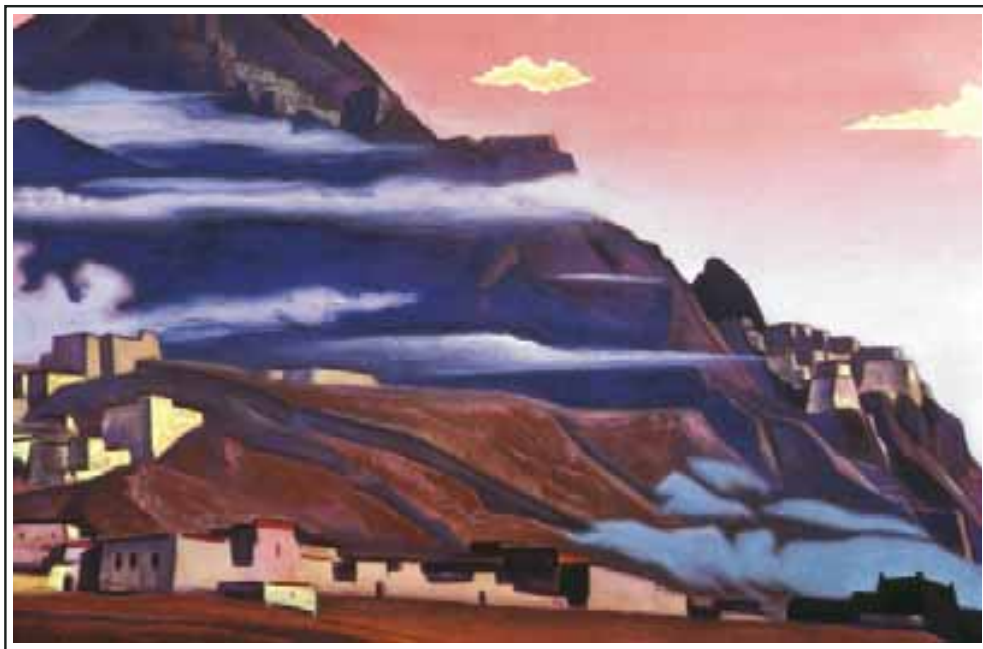
³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 263.

⁴ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 133.

3. БОЛЬШИЕ РЕШЕНИЯ

ция завершилась очень успешно и собрала уникальный материал о районах Центральной Азии»¹.

Если бы речь шла о какой-либо другой экспедиции, на этом можно было бы и кончить. Но Центрально-Азиатская экспедиция Рериха имела ряд таких важных аспектов, которые превращали ее из обычной экспедиции в целое явление своего времени.

Н.К.Рерих. Шекар-Дзонг. 1933

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 452.

Глава четвертая

БЕЗОБРАЗНЫЕ НАСЛОЕНИЯ

Путь Центрально-Азиатской экспедиции был прослежен не только в дневниках ее участников. Он был отражен в ряде документов, которые носили государственно-политический характер и в которых гибельное тибетское стояние обрело свой смысл и получило свое специфическое объяснение. Эти документы писали и составляли люди, не имевшие отношения ни к науке, ни к искусству, ни к путешествиям. Вот один из них, носящий как бы обзорный характер.

«В июне 1920 года Рериху была дана виза в Индию, но он не приезжал до 1923 года. Формальной целью его визита было писание ряда картин. В мае 1925 года чиновник из нью-йоркского бюро паспортного контроля сообщил, что Николай Рерих и его сын Юрий находятся в Кашмире и хотят отправиться в Тибет. Он также добавил, что, находясь в Соединенных Штатах, Рерих был заподозрен в коммунистических симпатиях. Последующие отчеты, полученные с 1925 года, укрепляли сомнения в отношении действительных целей приезда Рериха в Индию, писали, что его деятельность исследователя, археолога, художника и теософа являлась только камуфляжем и что он вполне мог являться коммунистическим эмиссаром. В 1925 году Музей Рериха в Нью-Йорке запросил для американской научной экспедиции под руководством Рериха разрешение проследовать в Ле в Ладаке в целях годичной художественной работы. Правительство Индии дало разрешение и предоставило экспедиции всяческую помощь. Позднее, в этом же году, резидент в Кашмире сообщил правительству Индии, что Рерих, очевидно, внезапно изменил свое решение и объявил о намерении возвратиться в Соединенные Штаты через Китай и Японию и хочет проследовать в Китайский Туркестан из Ле, получив уже к этому времени от китайского правительства необходимые визы. Правительство Индии ответило, что не имеет против этого возражений.

В начале ноября 1925 года генеральный консул его британского величества в Кашгаре сообщил правительству Индии, что Рерих находится в Хотане с женой и сыном и снял дом, в котором он намерен прожить несколько месяцев перед отъездом в Пекин. В 1926 году у Рериха возникли трудности с китайскими властями, которые разоружили и насильственно задержали группу. Он путешествовал с паспортом 1917 года, выданным русским Временным правительством, и заявлял, что он является американским подданным. Как явствует, трудности с властями Хотана возникли из-за того, что они подозревали Рериха в съемке района Хотана. С помощью генерального консула его британского величества в Кашгаре ему, однако, удалось уйти из Хотана и направиться в Кашгар. Несмотря на беспокойные обстоятельства в Китае, Рерих настаивал на продолжении путешествия через страну. В феврале 1926 года Рерих и его группа покинули Кашгар, их ружья и револьверы им были возвращены. Они прибыли в Урумчи. Согласно их плану, следующий этап маршрута проходил по собственно Китаю и кончался в Пекине, но вместо этого они отправились в Москву. Это, естественно, возбудило подозрение генерального консула его британского величества в Кашгаре... Было также выяснено у одного из слуг Рериха, который сопровождал его в Москву, что он «явно был в хороших отношениях с Советами». Узнав об изменении плана Рериха, МИД в Лондоне запросил британского поверенного в делах в Москве, который сообщил, что он ничего не слышал о группе (Рериха. — Л.Ш.), но что «Рерих, являясь владельцем паспорта, выданного Временным правительством (1917), почти точно будет арестован, если он вступит на советскую территорию». В подтверждение факта, что группа проследовала в Москву, министерство по делам Индии попросило бюро паспортного контроля внести группу в список лиц, которым визы не выдаются без разрешения самого правительства. В группу входили: Николай Рерих, его два сына, Юрий и Святослав, и Владимир Шибяев... В апреле 1927 года Британская миссия в Москве сообщила, что Рерих прибыл в Москву в конце 1926 года и затем отправился в Ленинград на два или три месяца, где с ним обращались в научных кругах как с важным лицом. Миссия также доложила, что она не располагает сведениями, каким образом Рерихи преодолели трудности, связанные с гражданством, но установила, что Н.К.Рерих добился благосклонности Советов и, возможно, стал советским гражданином. Было сообщено, что он уехал из Ленинграда в Монголию, а затем в Ургу; его въезд в Тибет под видом экспедиции ожидался в течение полутора-двух лет. Согласно телеграмме из Москвы от 4 апреля 1927 года, Николай Рерих покинул Ургу во главе экспедиции, финансируемой Ленинградской Академией наук, с целью совершить двухгодичное путешествие по Тибету, в который он вошел, вероятно, со стороны Китайского Туркестана... Согласно депеше из Вашингтона от 16 июля 1927 года, Морис Лихтман, вице-президент Музея Рериха, и его жена, только что вернувшиеся из пятимесячного путешествия по Монголии, уверяли, что с профессором Рерихом все обстоит благополучно. Согласно их собственному заявлению, они пересекли Монголию на самолете и нашли профессора в добром здравии и бодром. Они сообщили, что высшие круги Монголии с великим почтением обращались с профессором Рерихом... Установлено, что экспедиция искала развалины неисследованного древнего города, расположенного, по сообщениям местных жителей, в пустыне Гоби. Рерих подарил лично монгольскому правительству в Урге картину «Великий Всадник» и получил благодарности президента Монгольской республики. Основываясь на свидетельствах пребывания их (Рерихов. — Л.Ш.) в России, правительство Индии предписало всем своим пограничным пунктам не впускать группу назад в Индию. Тибетское правительство было также предупреждено политическим агентом в Сиккиме, и оно отказало ему (Рериху. — Л.Ш.) во въезде. Но в конце 1927 года группа приблизилась к Тибету и Индии, и, так как она не могла находиться вечно в Центральной Азии, к тому же точка зрения Америки имела тоже свое значение,

в апреле 1928 года указание, запрещающее им (Рерихам. — Л.Ш.) въезд в Индию, было отменено. Когда в мае 1928 года Рерих приблизился к сиккимской границе со стороны Тибета, было решено впустить группу на особых условиях с тем, чтобы они проследовали к месту своего назначения морем»¹.

И еще один отчет.

«В 1924 году семья Рериха сняла дом, называемый “Горный склон” (Hill side), в Дарджилинге (этот дом занимал Далай-лама, когда он бежал из Тибета в 1910 году). Это большой дом, и рента за него очень высокая. Дом был занят более года. В течение долгого времени проживания семьи в Дарджилинге они нанимали в качестве слуг только тибетцев и сиккимцев, чтобы овладеть языком. Их сын Юрий Рерих изучал тибетский язык и для этого нанял ламу Лобзана Мингюра, главного ламу Дарджилингской средней школы. Юрий вскоре овладел языком и стал хорошим собеседником. В течение проживания в Дарджилинге они нанимали тибетских художников и живописцев, которые рисовали всякого рода божества, богов и богинь в соответствии с буддийской религией. Каждому из них (художников. — Л.Ш.) много платили, и у местных жителей Дарджилинга сложилось благоприятное впечатление о семье... Во время проживания семьи в Дарджилинге сын Юрий Рерих посетил Гангток, монастыри Пема, Янгтзе и Ташидинг в Сиккиме. После они уехали из Дарджилинга в Китай; в течение их проживания местные люди думали, что семья Рериха была американской.

Спустя долгое время полковник Бейли, тогдашний политический агент в Сиккиме, и я узнали из официальных источников, что Рерихи не были американцами, а являлись красными русскими. Полковник Бейли сообщил тибетскому правительству, что Николай Рерих, художник и красный русский, приезжает из Монголии. Тибетское правительство получило письмо и сообщило, что человек по имени Рел-таг Ригден и его группа уже прибыли в Нагчу (десять дней ходу от Лхасы) и являются, как утверждают, американцами и буддистами. Группа обратилась за разрешением посетить Лхасу, но тибетское правительство отказало в разрешении и отдало приказ правителю Нагчу отослать группу через Намру, Шекар-Дзонг, Тинки, Кампа-Дзонг и Сикким. Получив эту информацию, полковник Бейли неоднократно настоятельно просил тибетское правительство по телеграфу помешать группе двигаться к Сиккиму или Индии, но все его усилия были напрасны. 23 мая 1928 года семья Рериха благополучно прибыла в Гангток. Их сопровождали следующие лица:

Один доктор К.Рябинин.

Один полковник Н.Кордашевский, прежде служивший в индийской армии в Персии и Месопотамии. Он работал личным секретарем профессора Р.

Две девушки-эмигрантки, по имени Мила и Рая Богдановы; одной, говорят, было 20 лет и другой — 13, сироты и личные служанки мадам Рерих.

Трое слуг-монголов, но они были отправлены из Гангтока через Ятанг и Гьянтзе.

Рерихи подарили его высочеству махарадже Сиккима двух верблюдов, которых привезли с собой, и уехали 26 мая 1928 года из Гангтока в Дарджилинг, где они намеревались прожить около двух месяцев»².

Оба этих крайне своеобразных отчета были датированы 1932 годом и хранились в одном и том же учреждении. Они свидетельствовали о том, что в отношениях между экспедицией Рериха и правительствами стран, через которые экспедиция проходила, участвовала и третья сто-

¹ File N 331(2)—Хах 1925. Notes (далее: Материалы английской разведки).

² Там же.

рона, которая имела свою точку зрения на Центрально-Азиатскую экспедицию. С этой таинственной стороной теснейшим образом были связаны два лица: британский генеральный консул в Кашгаре майор Гиллан и британский резидент, или, как его называют в документах, политический агент в Сиккиме, полковник Ф.Бейли. Они являлись главными действующими лицами, осуществлявшими цели третьей стороны, которая действовала секретно и скрытно. На горные тропы и караванные пути ложилась только ее тень, в которой таилась опасность, а возможно, и гибель. Из этой тени, как на карнавале, возникали маски. Маска генерального консула и политического агента, маска торговца и ламы, маска засевшего в засаде разбойника и предавшего проводника. Целый хоровод масок. Он кружился в неуловимом, странном танце. Маски то исчезали, то вновь появлялись. И так на всем пути экспедиции.

Много лет спустя, в 1969 году, один из журналистов в Национальном архиве Индии наткнется на папку, на которой будет написано: «Дело Рериха». Папка принадлежала Разведывательному бюро Британской Индии. И тогда многое станет ясным. Поддадутся расшифровке и те таинственные «зарубки», которые Рерих делал в своих экспедиционных дневниках.

«И здесь догоняет нас странное сведение о Хотане. Керкем-бай, он же Молдаван, так поразительно похожий на англичанина, выдавал себя за персидского подданного, но оказался беглым директором Оттоманского банка и католиком. Вот уж подлинно безобразное наслоение, и становится понятнее, почему он три недели задерживал наши телеграммы. В его мастерской по изданиям Британского музея подделывают ковры. С какой фирмой в Лондоне или Париже он в связи и в каких антикварных магазинах встречаются его подделки?»¹

Николай Константинович знал эти «фирмы». Он хорошо представлял себе их «антикварные магазины». На Гиллане он поставил следующую «зарубку»: «Такая назойливая любезность — лучший и простейший полицейский досмотр»².

О Бейли написал только самое лучшее. Помните? «Полковник знает тибетцев и потому ничему не удивляется. Одно обстоятельство его изумляет: зачем было держать нас всю зиму на высотах?» Действительно, зачем? Как обличающе звучат теперь эти слова, когда мы знаем, что именно полковник Бейли сделал все возможное, чтобы экспедицию не пропустили в Лхасу, чуть не погубили на плато Чантанг и затруднили возвращение в Индию. Единоборство Рериха с разведкой продолжалось все четыре года. Оно продолжалось и после завершения экспедиции. Шла беспрецедентная упорная борьба. Рерих против опытной и искушенной разведки мира. Не профессионал. Человек, занимающийся делами, очень далекими от дел разведки...

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 141.

² Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // Международная жизнь. 1965. № 1.

В Кашмире за экспедицией следили, а потом на нее напали. Среди нападавших был шофер английского резидента. После Сринагара слежка почему-то дала сбой. Майор Гиллан послал в Разведывательное бюро рассерженное письмо. Он пенял своим коллегам, что те вовремя не сообщили о передвижении экспедиции по Китайскому Туркестану. Ошибка была исправлена, и английский консул в Кашгаре принялся за дело. Результаты этой деятельности сразу же дали себя знать в Хотане. Там возникали какие-то неожиданные препятствия, появлялись сомнительные люди. Кто-то действовал за спиной экспедиции. «Мы так и не смогли установить, кто же был этой тенью, постоянно омрачавшей все дни пребывания экспедиции в Хотане»¹.

По городу распространялись странные слухи об экспедиции, но никто не знал, кто это делает. Потом экспедицию и вовсе арестовали. Им предложили возвращаться обратно. Николай Константинович предложения не принял. Он отправил письмо Гиллану в Кашгар, но тот молчал, спокойно следя за результатами собственных действий. Майор не предполагал, что Рерих обратится к советскому консулу, и последний примет решительные меры, чтобы добиться освобождения экспедиции. Но когда это произошло, именно Гиллан первым узнал о решении губернатора Урумчи. «20 января мы получили дружеское письмо от майора Гиллана, в котором он сообщал, что генерал-губернатор распорядился немедленно выпустить нас из Хотана»².

Официальное письмо от губернатора с разрешением пришло вечером того же дня. Гиллан опередил губернатора на полдня.

Когда экспедиция вошла в Кашгар, навстречу ей выехали два всадника, одетые в красные ливреи. Они передали приглашение майора Гиллана на завтрак. Английский консул не сомневался, что Рерихи, уверенные в его «помощи», проникнутся к нему доверием. Однако этого не случилось.

Все усилия Гиллана выяснить дальнейшие планы экспедиции ни к чему не привели. Рерих давал сведения, сбивающие того с толку. Он шел в Россию и отчетливо представлял себе все последствия этого шага. После Урумчи Гиллан потерял экспедицию из вида.

«Ситуация в восточных провинциях, — писал майор в отчете от 1 сентября 1926 г., — может создать трудности и опасности для продолжения их (Рерихов. — Л.Ш.) путешествия через Китай, но даже если это так, значительным является то обстоятельство, что антиреволюционно настроенному бывшему русскому подданному будет разрешено вернуться в Советскую Россию или он будет просить об этом»³.

Из этого документа следует, что Гиллан в сентябре еще ни о чем точно не знал. Нам же известно, что экспедиция пересекла советскую

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 5. 1974. С. 447.

² Там же. С. 452.

³ Материалы английской разведки.

границу 19 мая 1926 года, в июне этого же года Рерихи были в Москве, в августе — уже на Алтае. Английская агентура, действовавшая в Советском Союзе, не предупрежденная вовремя Гилланом, была застигнута врасплох. В депеше из Москвы за № 230 от 8 апреля 1927 года писалось:

«Я сообщил, что (профессор Рерих) прибыл в Москву осенью прошлого года, вскоре после отъезда из Урумчи. Он вошел в контакт с единомышленниками в Москве, а затем проследовал в Ленинград на два или три месяца, где в научных кругах с ним обращались как с лицом явно важным. Я не имею информации о том, встретил ли он какие-либо трудности, связанные с его гражданством, но мне сообщают, что он проявляет симпатии к Советам, и не исключено, что он стал советским гражданином»¹.

Запоздавшая почти на год депеша содержала неточную, а подчас и просто вымышленную информацию. Английская разведка проиграла Рериху еще один ход. Чиновники Разведывательного бюро утешали себя тем, что им стал известен факт посещения Рерихами Советской России.

«То, что этот антиреволюционный бывший русский подданный, — гласил один из документов, — смог свободно въехать в Россию и смог опять уехать из нее, оставаясь в очень хороших отношениях с Советским правительством, является само по себе обстоятельством таким необычным и таким значительным, что может дать основания правительству Индии выслать Рериха с ее территории, даже если бы не было больше ни единого подозрительного факта»².

С запозданием почти на полгода пришло и сообщение из Москвы, что экспедиция прибыла в Улан-Батор. Отсюда экспедицию уже «повел» полковник Бейли, английский резидент Сиккима. Он подозревал, что информация запаздывает и не является точной. Гиллану полковник почему-то не доверял и решил кое-что перепроверить.

Для выяснения всех обстоятельств в Монголию был послан английский агент, но экспедицию он там уже не застал. Сбор информации «по следам» утешительных результатов не принес. «Информанты» оказались ненадежными. Удалось узнать только то, что Рерих подарил монгольскому правительству картину «Великий Всадник». За неимением других фактов использовали картину. «Великий Всадник» был явно красным. Лицо его было красным, лошадь под ним — красная. Вывод был таков: художник тоже красный. Итак, к факту посещения России прибавилось еще одно обвинение — картина «Великий Всадник».

Экспедиция подходила к Тибету. Там начиналась зона английско-го влияния, и Разведывательное бюро Британской Индии уже не сомневалось в своей победе над «красным» русским. Ф.Бейли взял на себя руководство операцией. Ему была дана строгая инструкция не допускать экспедицию в Тибет и «обезвредить большевистских агентов».

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

Завязалась бурная переписка между Лондоном и Дели. В ней участвовали: Разведывательное бюро, Министерство внутренних дел, Министерство по делам Индии, английские власти британских провинций и княжеств. Казалось, вся официальная Индия была поднята на ноги по тревоге: экспедиция входит в Тибет, она приближается к Индии. Письма были официальные и полуофициальные, совершенно секретные и просто секретные. Приводить их здесь целиком не имеет смысла. Но некоторые выдержки из них весьма знаменательны.

Из Лондона, от 28 июля 1927 года:

«Мы не знаем, конечно, о предполагаемом маршруте Рериха, но государственный секретарь заверил, что ему (Рериху. — Л.Ш.) не будет позволено ни в коем случае войти в Индию»¹.

Министерство внутренних дел, от 25 августа 1927 года:

«Едва ли необходимо предупреждать правительство Тибета до тех пор, пока мы определенно не узнаем, что Рерих движется к Тибету»².

Оттуда же, от 10 августа 1927 года:

«Я высылаю экземпляр бумаги, упомянутой ниже, относительно предполагаемого визита профессора Рериха в Тибет и прошу предпринять шаги, чтобы предотвратить въезд этого русского через любые порты в Мадрасском, Бомбейском и Бенгальском президентствах, если он предпримет таковую попытку»³.

Правительство Индии — полковнику Ф.М.Бейли, октябрь 1927 года:

«Вы должны немедленно проинформировать правительство Индии, как только получите известия о движении Рериха в Тибет»⁴.

Из Министерства внутренних дел, от 9 сентября 1927 года:

«Если слухи подтвердятся, мы будем обязаны следить за этими большевистскими монголами, в случае их появления в Индии, очень тщательно и сразу предпринять меры согласно закону об иностранцах»⁵.

Из приведенных выше фрагментов явствует, что ни Разведывательное бюро, ни правительство Британской Индии, ни лондонские власти, ни сам полковник Бейли по-прежнему ничего определенного о движении Центрально-Азиатской экспедиции не знали. Разветвленная агентурная сеть британской разведки странным образом оказалась беспомощной. Как будто по Центральной Азии двигалась не экспедиция, состоявшая из живых людей, а призрак, то исчезающий, то появляющийся вновь, но всегда странно неуловимый.

До октября 1927 года руководитель операции полковник Бейли не имел никаких сведений о Рерихах. Разведывательное бюро и соответствующие департаменты индийского правительства нервничали и теряли уверенность в успехе. Они понимали, что действуют вслепую. «Большевистский монгол» становился пугалом для английских чи-

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

новников различных департаментов. Правительство Британской Индии разослало строгие предупреждения. Не впускать! Извещен об этом британский посол в Непале, извещены британский резидент в Кашмире, главный секретарь правительства Пенджаба, главный секретарь правительства Соединенных провинций, главный секретарь правительства Ассама, главный секретарь правительства Бирмы. Извещены дурбары княжества Кашмир, Башахр, Техри. Всем им в октябре 1927 года было предписано предпринять шаги, «пресекающие вход профессора Рериха в Индию»¹.

Частная операция Разведывательного бюро превратилась в нечто уже напоминавшее военные действия. Индия перекрыла свои границы, выставила патрули на перевалах, взяла под строгий контроль все караванные пути и тропы, ведущие на ее территорию. Английские власти приготовились. Нельзя было предпринять большего, даже если бы сама русская армия подступала к границам Британской Индии. Судьба «большевистского монгола» была решена. В Индию он больше не войдет. Никаких компромиссов, никаких уступок.

Обезопасив свои границы от вторжения Центрально-Азиатской экспедиции, Разведывательное бюро теперь вплотную занялось операцией по существу. Надо было помешать входу Рериха в Тибет. Но экспедиция уже шла по Тибету. Полковник Бейли нервничал. Его карьера была под угрозой. Тогда он связался с тибетским правительством и проинструктировал его соответствующим образом. 31 октября 1927 года тибетские власти сообщили полковнику, что экспедиция прибыла в Нагчу и задержана там.

В письмах, которые шли из Лхасы, правительственные чиновники называли полковника «большим человеком» и каждый раз напоминали, как хорошо они выполняют его указания и что экспедиция задержана и до сих пор находится на открытом морозном плато. Читая эти донесения, Бейли морщился, он не любил оставлять следы. Но в конце концов тревога уходила. Он знал, что письма эти лягут в секретные сейфы Разведывательного бюро, куда не проникнет чужой глаз... И только в апреле 1928 года, когда он поймет, что снова проиграл, он напишет одному из высоких британских чиновников письмо:

«Конечно, тибетское правительство не право, предполагая, что я когда-либо просил его не позволять иностранцам входить в Лхасу»².

Сейчас же, читая письма-донесения, он чувствовал законное удовлетворение, считая, что враг повержен. И чтобы еще раз ощутить это пьянящее чувство победы, он написал письмо самому Рериху и намеренно не поставил даты. Дату он поставит позже, когда наступит сладкий миг окончательной расплаты и он отправит специальной почтой это письмо-приговор.

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

«Дорогой профессор Рерих, — писал полковник, — я слышал, что Вы прибыли в Нагчу и что намерены проследовать оттуда в Сикким, чтобы войти в Индию. Я пишу, чтобы сообщить Вам, что ни Вам, ни членам Вашей группы не будет позволено войти в Сикким или Индию»¹.

Звучало прекрасно: «ни Вам, ни членам Вашей группы». Вот из-за таких окончательных приговоров стоило работать и бороться, не спать ночами, кричать на агентов, терпеть поражения, чтобы в конце концов одержать победу. Мы не знаем, дошло ли это письмо до Николая Константиновича. Он никогда о нем не упоминал. В папке, где оно хранилось, находились и письма Рерихов, отосланные ими полковнику, но оставшиеся без ответа.

«Мы ожидаем, — писал в ноябре 1927 года Юрий Николаевич, — письма из Лхасы вот уже 32 дня. Нас вынудили жить в летних палатках с минимальными запасами продовольствия и фуража. У нас не осталось топлива, в то время как температура здесь около 30 градусов ниже нуля. Местное население не может удовлетворить наши нужды. Половина животных из нашего каравана погибла, в то время как другая — на краю гибели. Лошади и мулы получают только полфунта зерна в день, в то время как у верблюдов вообще нет никакого корма. Насильственное задержание сказывается на здоровье всех членов экспедиции. Госпожа Рерих была плоха во время всего путешествия, и наш доктор опасается за ее сердце. Пульс у нее — 125. Я сам был на волосок от смерти из-за острого приступа горной болезни на вершине перевала к северу от Чунарчена»².

Подробности стояния экспедиции на плато Чантанг хорошо известны. Основной состав Центрально-Азиатской экспедиции выжил. 4 марта 1928 года из Лхасы пришло разрешение на продолжение маршрута. Как ни странно, им позволили пересечь Тибет и выйти к границе Индии в районе Сиккима. Инструкция Бейли не была выполнена.

Трудно сейчас сказать, что заставило правительство поступить так, а не иначе. Какие обстоятельства оказали решающее влияние на такое решение? Что заставило власти фактически не подчиниться требованию британского Разведывательного бюро и правительственных чиновников? На шахматной доске Тибета передвигались фигуры. Фигуры скрытые и проявленные. К марту 1928 года был объявлен шах черным. Преимущество перешло на сторону белых. И это тогда, когда полковник был уже уверен в мате. О шахе черным сообщило само тибетское правительство:

«Письмо от министра Тибета полковнику Ф.М.Бейли, политическому агенту в Сиккиме, от 24-го дня 1-го месяца года Земляного дракона (соответствующего 15 марта 1928 г.).

¹ Материалы английской разведки.

² Soviet Land. 1928. N 7. P. 25.

Причина посылки этого письма вызвана необходимостью проинформировать Вас о том, что в 1 месяц года Земляного дракона (27 февраля 1928 г.) мы получили Ваше письмо от 15-го дня 12-го месяца Огненного зайца (5 февраля 1928 г.). Американцы, именуемые Рел-таг Ригден (Рерих. — Л.Ш.), прибыли на границу Шангти. Хотя эти люди добивались от нас разрешения войти в Лхасу, в согласии с Вашим первым письмом и последующими частными письмами, мы не разрешили иностранцам войти в Лхасу. В Вашем прошлогоднем письме Вы просили вернуть этих людей. Они попросили у нас разрешения идти назад из Нагчу (1) через Намру (2), Нагзанг (3), Сага (4), Шекар (5), Тингу (6), Кампа (7) и через Сикким, а не по внутреннему Тибету. Мы разрешили им вернуться через места, упомянутые выше. Мы отрядили нашего человека сопровождать их»¹.

Письмо произвело на Бейли впечатление удара по голове. Перед глазами полковника появились огненные зайцы и земляные драконы. И еще все тибетские министры. Министры перемешались с зайцами и драконами и устроили огненный хоровод перед ним. Не в состоянии более выносить это зрелище, Бейли опустил в изнеможении в кресло. Он долго не мог понять, что же, собственно, произошло. Почему экспедиция, которую он считал почти погибшей, вновь движется к границе Индии? Почему поверженный окончательно им, Бейли, «большевистский монгол» восстал из небытия и, как красный всадник на картине, подаренной им настоящим монголом, рвется к священным границам Британской империи? Он снова перечел письмо и снова ничего не понял. Тогда он взял себя в руки и как-то успокоился. Ослушание? Исключено. Он стал вспоминать. Вспоминать все, что писал тибетцам. У него была отличная память профессионального разведчика. И вспомнил. Он писал министрам отослать этих красных «назад, туда, откуда пришли». Он еще раз произнес эту фразу: «Назад, туда, откуда пришли». И вдруг как озарение. Он и министры понимали это «назад» по-разному. Он имел в виду Монголию и Советскую Россию, министры — Индию. Для них это и было «назад».

Но у Бейли оставался еще один шанс в борьбе против «большевистского монгола». Он не войдет в Индию. Все предупреждены, дороги перекрыты. Пусть тибетцы сами теперь занимаются Рерихами. Хотят — оставляют у себя, хотят — выгоняют. В любом направлении. Но пусть знают, что Индия из этих направлений исключена. Он отправил письмо министрам через месяц. «Большой человек» был в большом гневе и обошелся с министрами довольно непочтительно. Об этом свидетельствует крайне невежливый стиль его письма.

«От полковника Ф.М.Бейли, политического агента в Сиккиме, министрам Тибета, Лхасы, Тибет, от 13 апреля 1928 г., Ганток.

Это письмо посылается полковником Ф.М.Бейли, политическим агентом в Сиккиме. Я получил ваше письмо от 24-го дня 1-го месяца (15 марта 1928 года). В вашем письме ко мне от 23 декабря вы сообщили мне, что приказали правителю Нагчу отослать этих людей (Рел-таг или Ригден) “назад”, но теперь я узнал,

¹ Материалы английской разведки.

что вы посылаете их в Индию. Мы не хотим иметь этих людей в Индии, поэтому я протелеграфировал вам указание отослать этих людей назад тем путем, которым они пришли. Я надеюсь, что вы сделали это»¹.

Все. Ни обращения, ни выражений вежливости, свойственных английскому эпистолярному стилю. Раздраженный окрик, за которым скрывалось еще не унявшееся бешенство, — «мы не хотим иметь этих людей в Индии». И наконец, разъяснение слова «назад», в понятие которого не входит Индия. Министры, возможно оскорбленные высокомерным тоном полковника, на его окрик не среагировали. Экспедицию никто не задержал и не выслал «назад».

Вице-король Индии связался с Лондоном. Пошли бесконечные консультации. А экспедиция неуклонно приближалась к границам Сиккима. Было ясно, что Бейли провалил операцию и на этот раз. После консультаций вице-король пришел к выводу, что экспедицию придется впустить в Индию. Одно дело, когда с путешественниками британские власти расправлялись чужими руками, другое — когда они это делали сами.

Вице-король вспомнил, что экспедиция шла под американским флагом. Он понимал, что Рерих — крупнейший художник, известный во многих странах мира. Не впустить его — значит пойти на скандал. И тогда не исключено, что вскроется причастность британских властей к трагедии на плато Чантанг. Нет, вице-король не хотел всего этого. Он дал указание впустить экспедицию, но затем немедленно отправить ее морем из Индии на все четыре стороны.

В мае 1928 года экспедиция пересекла границу и вошла в Сикким. Полковник нервничал и кричал на подчиненных. Он сделал последнее жалкое усилие. 22 мая 1928 года он отправил телеграмму в Разведывательное бюро. Телеграмму под номером 415:

«Получено сообщение, что группа Рериха прибыла сегодня утром в Сингхик в двух переходах или в 24 милях отсюда (от Гангтока. — Л.Ш.). Делаются усилия, чтобы задержать их, но они могут прибыть завтра и, уверен, будут пытаться послать телеграммы. Могу ли я проинструктировать телеграфное ведомство не отправлять их послания?»²

Официального разрешения на это не дали. Но 16 мая 1928 года в руках Бейли оказалось первое телеграфное сообщение Николая Константиновича.

«Важная экспедиция в Центральную Азию завершена, — писал Рерих. — Много научных наблюдений и художественных трудов... Экспедиция началась в Сиккиме в 1924 г., прошла через Пенджаб, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Кашгар, Карашахр, Урумчи, реку Иртыш, горы Алтая, Ойротский район, Монголию, Центральную Гоби, Кансу, Цайдам и Тибет. Мы были везде тепло приняты,

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

за исключением Хотана и Лхасского правительства... Несмотря на наши тибетские паспорта, экспедиция была остановлена тибетской администрацией 6 октября, в двух днях пути к северу от Нагчу. С бесчеловечной бессердечностью ее держали 5 месяцев на высоте 15 тыс. футов над уровнем моря. Члены экспедиции должны были жить в летних палатках при температуре минус 40 градусов. Они страдали от недостатка продовольствия и топлива. 5 человек, бурято-монголов и тибетцев, умерли на Тибете и погибло 90 животных. По приказу властей все письма и телеграммы, посланные Лхасскому правительству, американскому консулу в Калькутте и британской администрации, были перехвачены. Членам экспедиции запретили покупать продовольствие у местного населения. У нас кончились деньги и медикаменты. Факт присутствия в составе экспедиции трех женщин, у которых были медицинские свидетельства, удостоверяющие сердечную болезнь, не был принят во внимание. С огромными трудностями экспедиции было, наконец, позволено 4 марта двинуться на юг. Четырехлетнее путешествие имеет очень интересные научные результаты. Передайте это в газеты»¹.

Бейли внимательно вчитывался в строчки перехваченного послания. Он хотел понять, знает ли Рерих о причастности его, Бейли, к трагедии на плато Чантанг или нет? Остальную корреспонденцию Рериха он будет изучать тоже только с этой точки зрения. Знает или не знает? Из головы не выходила фраза: «Сообщите это в газеты». А если Рерих сообщит туда и о нем, Бейли? И тайное станет явным? На лбу выступал холодный, липкий пот. Он ни на минуту не сомневался, что, как только все всплывет, от него отрекутся. Отречется Разведывательное бюро, отрекутся британские власти в Индии, отречется вице-король. Он превратится в преступника. В уголовника, затеявшего по своей воле все дело против экспедиции. Никто не станет его спасать. Они все откажутся, сумеют доказать свое алиби. Но ему, Бейли, этой возможности не дадут. Его принесут в жертву общественному мнению. Ему не хотелось быть жертвой. И без этого достаточно неприятностей. Провал операции в Тибете, косые взгляды начальства, еле сдерживаемое раздражение правительственных чиновников. Знает или не знает? Но из сообщений Рериха он так ничего и не смог выяснить. Ни одна фраза в них не подтвердила его подозрений. Но ни одна и не опровергала их. Оставался только один выход — выяснить все у самого Рериха. Но допрашивать его он не имел права. Непринужденная беседа? Да, это возможно. Решение пришло само собой. Принять Рерихов в своем доме. Таким образом он сможет многое выведать и, самое важное, рассеять подозрения в отношении себя. Он сообщил об этом жене, миссис Бейли. Та удивилась, но возражать не стала. Она хорошо знала мужа. Каждый шаг его был рассчитан, ибо был связан

¹ Soviet Land. 1972. N 8.

с его нележкой и почетной службой. Он выехал навстречу приближающейся к Гангтоку экспедиции. Победенный встречал победителей. Шах превратился в мат.

Он так ничего и не смог узнать у этих «большевистских монголов». Они были общительны. За обеденным столом не умолкали рассказы о путешествии. Наконец выяснились даты и маршрут экспедиции. Но информация пришла слишком поздно. Он не мог отобрать у них того, что они прошли. Это принадлежало только им.

Дни, пока Рерихи жили в его доме, показались ему бесконечными и тягостными. Через несколько месяцев после отъезда экспедиции из Гангтока пришло письмо. «Я пользуюсь еще раз, — писал победитель, — возможностью послать Вам наилучшие пожелания и выразить нашу благодарность за Вашу постоянную и дружескую помощь. Миссис Рерих и все мы передаем наилучшие пожелания миссис Бейли и Вам»¹.

Ему показалось, что в письме прозвучала издевка. Но с точки зрения английского эпистолярного стиля там было все в порядке... Однако тревога осталась. И не только у него одного. Тревога эта звучала еще долго в секретной и полусекретной переписке британских властей. Британский посол в США, куда на некоторое время приехал Рерих, напоминал:

«Власти его британского величества в Индии просили тибетское правительство не разрешать его (Рериха. — Л.Ш.) экспедиции пройти через Тибет, в результате ее члены прошли через трудности и страдания зимы 1927—1928 гг. ... Я боюсь, — продолжал посол, — что он (Рерих. — Л.Ш.) и его друзья, возможно, продолжат свое расследование, и было бы крайне нежелательным, если они обнаружат и опубликуют факты о том, что их (Рерихов. — Л.Ш.) неудачи и страдания в течение зимы 1927—1928 гг. произошли в результате действий британских властей»².

Британские власти понимали, что в случае разоблачения общественное мнение сложится не в их пользу, и лихорадочно искали возможных союзников. Это было нелегко. И поэтому они не побрезговали белоэмигрантскими организациями. Самой подходящей из них оказался Русский монархический союз, приютившийся в одном из пригородов Парижа, на улице Марбо, 11-бис. Вот оттуда в Разведывательное бюро Британской Индии и пришел отчет, который так бережно хранился многие годы в секретных сейфах.

«Русская монархическая организация не сомневается в том, что Николай Рерих является агентом Советов... Надежный русский, который жил в Китае, дал о Рерихе следующую информацию. Весной 1927 г. в радиограмме, посланной из Москвы на радиостанцию в Нинся на Желтой реке в Кансю, Советское правительство просило генерала Фен-ю-шеня оказать всю возможную помощь экспедиции Рериха, которая шла на верблюдах из Урги через Гоби в Сучоу (север Кансю) и далее на Тибет. В 1924 и 1925 гг. иностранные газеты жестоко критиковали отчет, опубли-

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

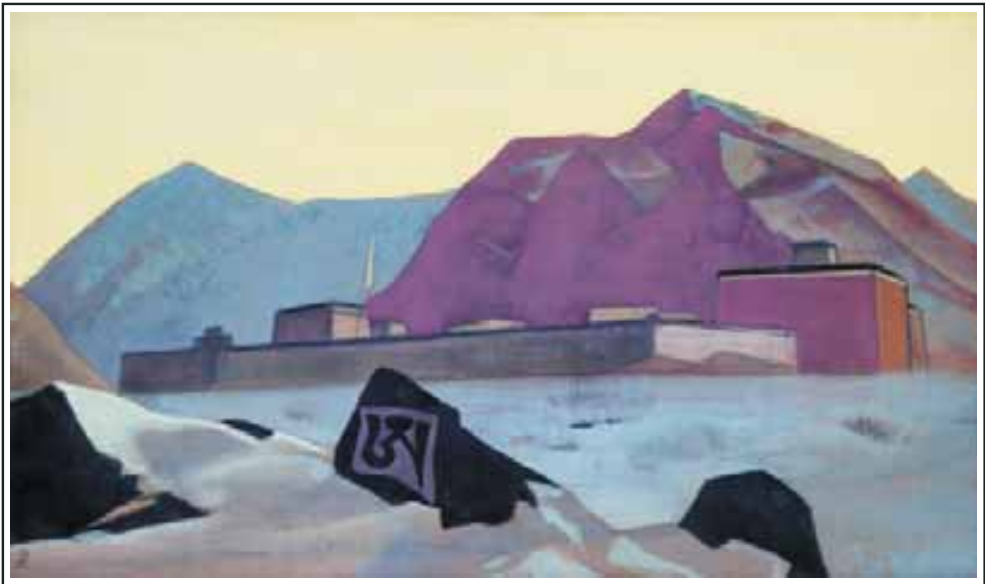
кованный Рерихом о его якобы путешествии на юг Тибета, во время которого он, по его заявлению, нашел в одном из монастырей доказательства того, что Христос был ordinary философом и прожил в Тибете от 15 до 32 лет. Автор обозрения (в одной из газет. — Л.Ш.), который сам посетил Тибет, выражает уверенность, что Рерих никогда не был в Тибете и что его отчет был полностью выдуман с целью дискредитации христианской веры. Почти в это время была получена информация, что какой-то полковник Карташевский с русским бывшим солдатом Голубиным приехали в Баоту (на Желтой реке). Они наняли шесть верблюдов и начали пересекать Алашань в направлении к Сучоу, явно для того, чтобы встретиться там рериховский караван, согласно договоренности. Карташевский имел латвийский паспорт с американской визой и рекомендации от китайского министра в Вашингтоне. Его (Рериха. — Л.Ш.) экспедиция была финансирована из Америки, и американская дипломатическая миссия в Пекине, кажется, была весьма заинтересована этим. Американская миссия также внимательно наблюдала за действиями двух англичан, которые жили выше года в отеле «Вэгонс Лит» (в Пекине). Имя одного из них было Клитер, и его мать являлась другом миссис Энни Безант и мадам Блаватской. Карташевский был офицером русской гвардии и во время войны благодаря хорошему знанию английского был направлен как офицер связи в британскую армию в Месопотамию. Он был уже однажды в Пекине в качестве эмигранта в 1921 или 1922 гг. и жил здесь в Русской православной миссии. Он стал мистиком и считался своего рода чудачком. Летом 1928 г. бывший солдат Голубин прибыл в Пекин из Калькутты, и следующее было узнано у него об экспедиции Рериха — Карташевского. После своего первого визита в Пекин Карташевский отправился в Латвию, откуда он был вызван в Нью-Йорк и через русскую еврейку Лихтман был введен в Теософское общество. Что касается Рериха, то он покинул Россию во времена правительства Керенского и отправился с женой и взрослым сыном в Нью-Йорк, где он и его жена вскоре добились высокого положения среди теософов¹.

В 1926 году Теософское общество Нью-Йорка послало Рериха в Москву на собрание теософов и для того, чтобы обсудить с Советами какие-то десять пунктов, восемь из которых были утверждены и два из которых были изменены согласно желанию Советского правительства. После этого Советы организовали путешествие Рериха и его семьи в Ургу, а также их дальнейшую экспедицию через Гоби с доктором Рябининым и каким-то Портнягиным. Карташевский и Голубин прошли через Алашань и Сучоу и встретили караван Рериха в Аньси. Потом экспедиция отправилась в *Tung-Hwan*, пересекла Наньшань, Цайдамские болота и хребет Танг-ла и была остановлена в восьми днях ходу к северу от Лхасы в Нагчу, где монголы имели свой пост. Здесь экспедиция была задержана на пять месяцев... Пока рериховская экспедиция находилась в Нагчу, от лам узнали, что Советы отправили в Лхасу посольство под руководством паломников. Эти так называемые паломники, прибывшие в Лхасу, заявили о своем желании быть принятыми Далай-ламой как советское посольство. Глава лхасского гарнизона арестовал их всех и выслал под конвоем из Тибета. Далай-лама запретил после этого инцидента все последующие паломничества из Северной Монголии и Забайкалья на все время советского правления. В конце концов монголы разрешили экспедиции Рериха проследовать в Сикким. Перейдя Гималаи, экспедиция отправилась из Сиккима вдоль непальской границы в Дарджилинг. В Дарджилинге Рерих был несколько раз принят вице-королем и несколько ужинов были даны в его честь. Его дальнейшие планы состояли в том, что он сам и его сын должны были ехать в Нью-Йорк, а его жена должна была отправиться в теософский монастырь в восемнадцати днях ходу на северо-запад от Дарджилинга и там получить высокую степень в теософской иерархии. В этом монастыре находятся несколько русских.

¹ Подобный домысел был повторен А.Гангнусом в статье «Сенсации паранауки» // Литературная газета. 1986. 5 февр.

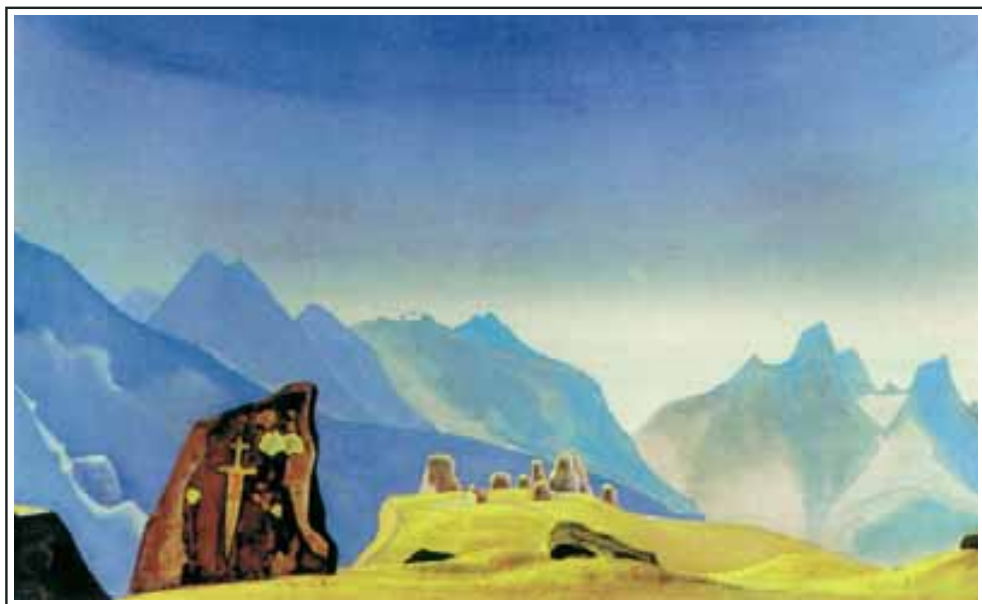
В течение своих ночных караулов бывший солдат Голубин слышал несколько раз разговоры между Рерихом и его женой, из которых он заключил, что хотя Рерих явный эмигрант, но связан в действительности с Советским правительством»¹.

Подписей под этим документом не было. Авторы проявили осторожность, на которую имели основания. Вся история рериховской экспедиции отражена в этом документе, как в кривом зеркале. В нем мы находим все: невежество, озлобленность, клевету и элементарные географические ошибки. Все это для реакционной монархической организации неудивительно. Поражает другое. Русские монархисты следили за экспедицией, собирали о ней сведения. Опрашивали ее бывших участников, шпионили за людьми, связанными с Рерихами, перехватывали какие-то радиogramмы. Возможно, они и были теми призраками, о которых писал Николай Константинович.

Н.К.Рерих. Монастырь Шаруген. 1928

¹ Материалы английской разведки.

Глава пятая

ВДОХНОВЕННЫЙ ИЕРОГЛИФ

Все основные участники Центрально-Азиатской экспедиции вели научные изыскания и собирали научный материал. И делали это в рамках философско-исторической концепции Рериха. Этой концепцией пронизаны дневниковые записи и многочисленные очерки Николая Константиновича.

«Конечно, мое главное устремление как художника, — писал Николай Константинович, — было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления — так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, не объяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и от-

метить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне»¹.

Вот эти «истинные впечатления действительности» и составили основу творчества Рериха и как художника, и как ученого. Без этих «истинных впечатлений» он не мыслил себе ни живопись, ни историю. Он не был кабинетным ученым. История народа для него складывалась из легенд, им самим услышанных, древностей, им самим извлеченных из земли, памятников, им самим увиденных и прочувствованных, старинной одежды, им самим найденной, рассказов, им самим записанных.

«Истинные впечатления действительности» не так легко было получать, еще труднее было читать и расшифровывать. Но он не видел для себя иного пути в постижении прошлого. Очевидно, именно поэтому Азия, запечатленная художником и ученым в картинах, дневниках, своеобразных очерках-размышлениях, не была похожа на ту привычную Азию, которая сложилась в представлениях европейского читателя и зрителя.

Европа знала «европейскую» Азию, но не знала Азии действительной. Рерих принес нам Азию действительную. В ней он расставил свои вехи, важность которых определялась традиционной культурой Азии, а не традицией европейского восприятия азиатской культуры. Это было ново и непонятно. Критики писали об экспедиционных публикациях и картинах. Они с удивлением отмечали, что Рерих вводит зрителя и читателя «в странный мир редко встречаемых сведений об Индии, Тибете, Ладаке, Малом Тибете, Монголии, Синьцзяне и Алтае»².

Метод «истинных впечатлений действительности» требовал и особой позиции в подходе к ним.

Рерих всегда пытался вырваться из узких рамок традиций и устоявшихся взглядов. В этом отношении Азия его многому научила и многое дала. «Главная наша задача, — писал он, — изучать факты честно. Мы должны почитать науку, как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством»³.

О мужестве он упомянул не зря. Мужество требовалось, чтобы посмотреть фактам в глаза. Мужество требовалось для того, чтобы отринуть старую традицию и пойти новым путем. Оно требовалось, чтобы преодолеть в себе самом сложившиеся ранее представления.

Иногда именно мужества не хватало многим, чтобы отойти от устоявшегося предрассудка и открыть новые возможности в исследовании. У него этого мужества хватило. Хватило, когда он находил следы народов там, где их не должно было быть. Хватило, когда он

¹ Рерих Н.К. Избранное. С. 100.

² Бурлюк Д. Рерих: Черты его жизни и творчества (1918—1930). Нью-Йорк, [1930]. С. 26.

³ Рерих Николай. Держава Света. С. 36.

обратил внимание на странные, неясные легенды, мимо которых другие обычно проходили. «Во время азиатских экспедиций пришлось открывать многие ветви странных сказаний. Пусть это лишь ветви, ибо до корней не докопаться, а все-таки велика радость выпрямить согнутое и переплетенное веками. И нигде столько не захоронено, как в Азии»¹.

Он копал эти легенды, как копают древний курган. Осторожно снимал пласт за пластом, бережно очищал находку от наслоений времени, менявших ее форму и суть. Он никогда не отрицал открытого, каким бы неожиданным оно ни казалось. Отрицание он справедливо считал признаком невежества. Того «научного» невежества, которое нередко преграждало путь открытию или целой области науки.

«... Все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания»².

Он был убежден в том, что бережное отношение к историческому материалу, в какой бы форме он ни предстал, откроет новые возможности в исследованиях. И многое старое, обветшавшее в наших представлениях о конкретной истории народов, будет научно пересмотрено. Он сам бережно собирал эти осколки ушедшего, стараясь воссоздать, представить себе то время и тех людей. Ему это нередко удавалось. Интуиция и провидение художника играли в этом процессе немалую роль. «...Опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности»³.

Но в этом «многом забытом» он принимал далеко не все. Не на каждом вновь открытом факте или явлении он ставил свою «веху» или делал «зарубку». Он отбирал материал для своих дневников, исследований и картин строго в соответствии с той исторической концепцией, которая сформировалась у него в период Центрально-Азиатской экспедиции и которой он придерживался всю оставшуюся жизнь.

Основу концепции составлял диалектический метод подхода к истории человечества. Подвижность, быстрая изменчивость и противоречивость исторического процесса — все это нашло свое отражение в его концепции. В бурном океане культурной истории человечества ориентиром ему служили так называемые «непреходящие» элементы культурной традиции тех народов, через чьи земли и страны шел маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. В основе этого «непреходящего», или, как мы иногда говорим, «вечного», лежало коллективное творчество народов, древних и современных, их куль-

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 212.

² Рерих Николай. Нерушимое. Рига, 1936. С. 8.

³ Там же.

турный и нравственный опыт, их духовные ценности и многовековые накопления их труда. Словом, все то, что привлекало Рериха как ученого, художника и гуманиста. «Непреходящие» элементы формировали механизм культурной преемственности, скрытые нити которой усиленно искал Рерих на маршруте своей экспедиции. Корни этого «непреходящего» уходили в глубокую древность, ствол шел через настоящее, ветви уже уходили в будущее. Человеческая культура держалась на «непреходящем». Поэтому в исторической концепции Рериха важнейшее значение имело соотношение категорий прошлого, настоящего и будущего. Эти категории, действуя в рамках «непреходящего» и «преходящего» в культурно-историческом поле человечества, служили Рериху как бы путеводной звездой в его длительном плавании по бурному океану человеческой истории. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего»¹, — писал он в одной из своих работ. И еще: «Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина»².

В своем экспедиционном дневнике он отметил: «И вчерашнее “случайное” становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее “важное” оказывается часто просто случайным пережитком»³.

Все эти высказывания подтверждают важное значение для Рериха «непреходящего», или долгодействующего, в развитии человеческой культуры, а также свидетельствуют и об уровне исторического обзора самого ученого. Среди прочих уровней, с которых можно рассматривать и исследовать историю человечества, Рерих выбрал культурно-историческую эволюцию.

Каждый уровень «обзора» имеет свое преимущество. «Снижение» его сужает обзор, но позволяет видеть конкретные детали и ограниченные во времени процессы. С борта космического корабля космонавт не замечает отдельных домов и деревьев на земной поверхности, но может наблюдать зарождение разрушительного тайфуна, невидимого с Земли. Такой космический обзор доступен не каждому. Нужна особая одаренность самого ученого. У Рериха она была.

Высокий уровень «обзора» Николаю Константиновичу удавалось сохранить даже тогда, когда он спускался в область конкретной истории сегодняшнего дня. Эта особенность позволяла ему без каких-либо видимых затруднений отличать «непреходящее», долговременное от «преходящего» и кратковременного. Он остро ощущал историчес-

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 269.

² Там же.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 211.

*Вверху: Н.К.Рерих. Гималаи
Внизу: Н.К.Рерих. Гималаи*

Н.К.Рерих. Нагарджуна — победитель Змея. 1925

кое время, видел закономерности, связывающие воедино прошлое, настоящее и будущее, и умел найти в этом потоке времени то, что было способно к дальнейшему развитию, то, что составляло «чудесные камни» человеческой культуры. Устремленный в будущее, стараясь представить себе основные направления восхождения человечества в процессе эволюции, Рерих закономерно мерил прошлое и настоящее будущим.

Эта мера носила для Рериха концептуальный характер. «Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее»¹, — писал он. И еще: «... когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего»².

Именно на этом будущем сверкал тот «вдохновенный иероглиф», которым он метил камни древних культур и культурных достижений, расставляя свои вехи.

«Вдохновенный иероглиф» будущего определил и маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. Индия, Китай, советская Сибирь, Монголия, Тибет. Страны, которые находились на разных ступенях развития, существовали в разных социально-экономических условиях, имели разный культурно-исторический комплекс. Но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции объединил их в одно целое. «Вдохновенный иероглиф» пометил своеобразным знаком качества камни их древних культур и подтвердил их пригодность для «ступеней грядущего».

Экспедиция провела широкие научные исследования, собрала огромный материал, затронула многие исторические и культурные проблемы. Миграции древних народов, древние археологические памятники, религия древняя и современная, сбор письменных источников, общее и частное в культурах стран Азии, легенды и сказания, языки, этнография и антропология народов азиатских стран. И все это было подчинено поиску «вдохновенного иероглифа», который светился и на экспедиционных полотнах Рериха.

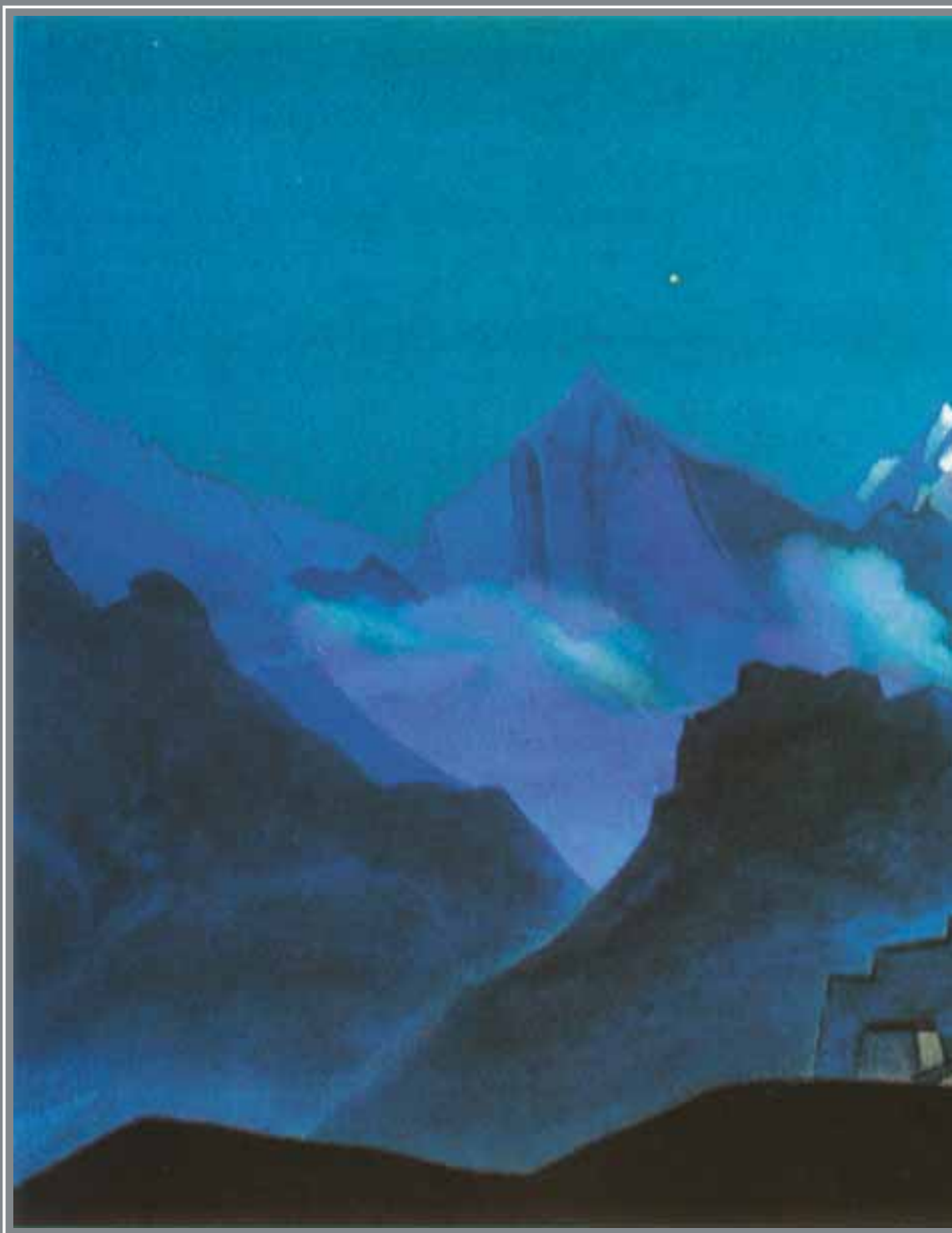
Научная значимость экспедиции не только в том, что был собран огромный материал. Ее уникальность состояла и в том, что этот материал был рассмотрен и отобран с широкой философской точки зрения, где прошлое было увязано гармонично с будущим. И это будущее определяло не только направления дальнейшего поиска, но и моменты, связанные с путями развития народов, с путями их культурных процессов. Поэтому проблемы, выделенные Рерихом во время экспедиции, не были только научными, они оказались практическими и несли заряд действенности, рассчитанной на многие годы.

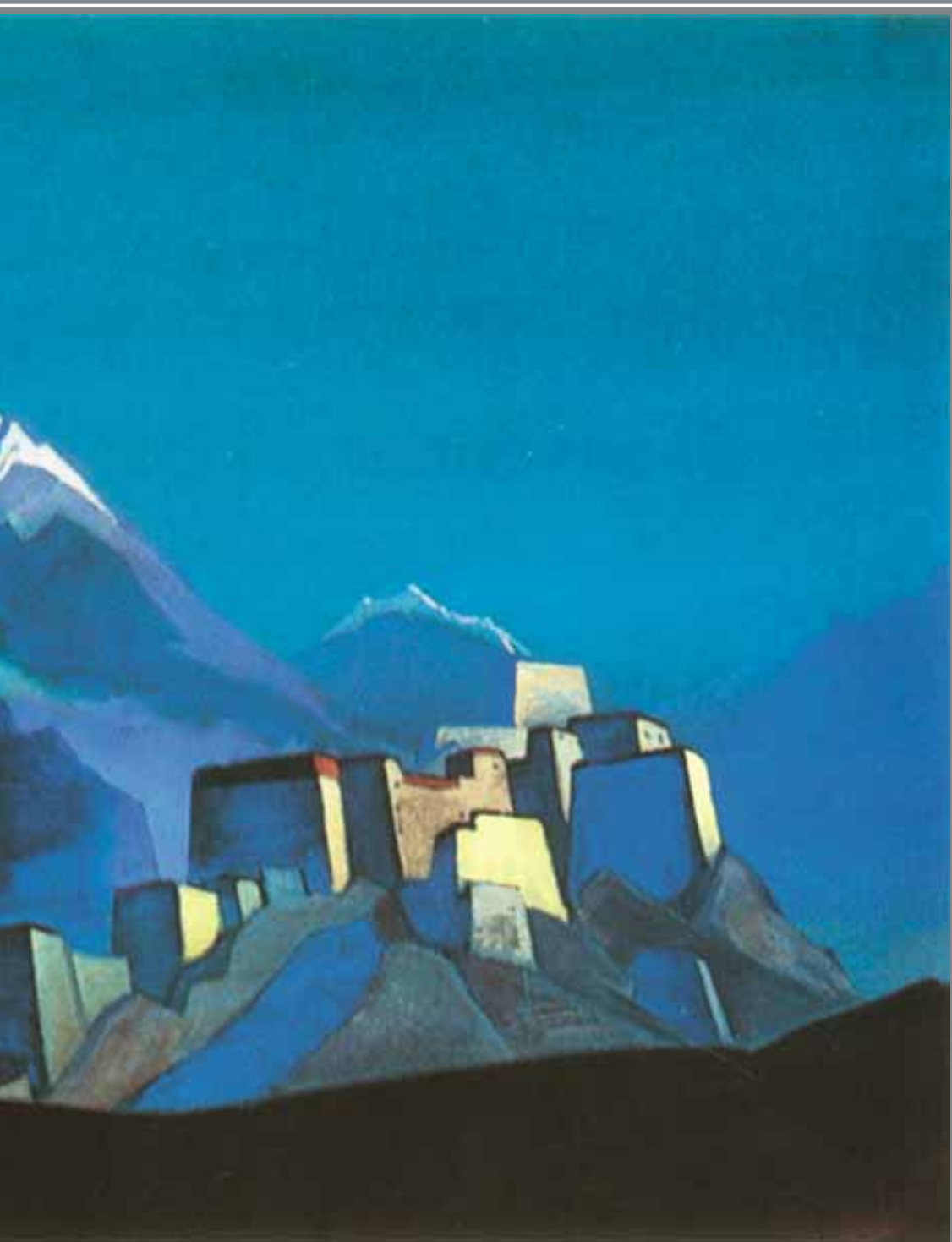
¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 168.

² Рерих Н.К. Листы дневника // Прометей. 1971. № 8. С. 238.

*Вверху: Н.К.Рерих. Тибет. Горящая вершина. [1933]
Внизу: Н.К.Рерих. Снежные пики*

Н.К.Певух. Звезда утра. 1932

Экспедиция шла через многие страны. Перед глазами Николая Константиновича разворачивалась грандиозная картина самобытных культур. Огромный материк Азии был похож на гигантский театр, на сцене которого действовали, жили и проходили самые разные персонажи. Сначала он наблюдал и сравнивал. От духовного уровня наблюдающего зависят глубина и точность его сравнений. Он искал то, что объединяет разные народы и культуры, а не разъединяет их. Единство древнее, пройдя через разъединение, должно было завершиться более высоким единством в будущем. Каждая культура принесет в это единство свои неповторимые дары. Многообразие красок, форм, свой образ мышления и восприятие окружающего мира. Богатство своего духа. Он не определял время этого будущего. Но в прошлом и настоящем, которые наблюдал, вел поиск этого будущего. Он стремился доказать, что у разных народов в культуре больше сходства, чем различий. Это сходство было, и оно есть. Его нужно было увидеть. На нем лежал знак «вдохновенного иероглифа».

В свое время его поразили различные пласты в русской культуре. Некоторые из них вывели его на Восток. Такой поворот был удивительным, но он ощутил в нем еще тогда определенную закономерность. Теперь он искал эти закономерности в других странах, но не спешил с выводами. На каждый новый факт в поиске распространялось правило, сформулированное им самим: «Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную вежу»¹. И он расставлял эти вехи, бережно счищая с них пыль веков, освобождая их от забвения, метил «вдохновенным иероглифом».

Он всегда был осторожен в выводах. Сходство в культурах Индии и России для него было давней проблемой. Он был убежден, что обе культуры напитал единый источник. Но когда он существовал и каким был? Со временем это выяснится. А пока — вехи. Русский язык и санскрит Индии. Общие корни, общие слова. Он сравнивал индийского Кришну со славянским Лелем и понимал, что оба образа имеют много общего.

«Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день — обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, [1933]. С. 262.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы»¹.

Он вступал под своды дворца махараджи Кашмира и неожиданно обнаруживал для себя его сходство с Ростовским кремлем и суздальскими монастырями. Те же «пузатые белые колонки. Мелкая роспись орнаментов. Крутые каменные лесенки. Золоченая крыша храма. Скрипучие расписные ставни окон. Заржавленные замки <...> Покосившиеся плиты каменных полов. Запах старого лака. Мелкие стекла оконцев»².

Там же, в Кашмире, он видел вознесенные к безоблачному небу журавли деревянных колодцев, соломенные крыши домов. И ему казалось, что он не в далеком горном княжестве, а в Шуге или Коломне. Песни кашмирских лодочников своей протяжной грустью напоминали ему песни русских бурлаков, бредущих берегом русской Волги. «От дальнего севера до юга одно и то же строение жизни. Удивительно!»³ — не мог он удержаться от восклицания. Он вслушивался в речь кашмирцев и узнавал знакомые с детства слова: сундук, караул, самовар, чай, чепрак, сюды-сюды, кавардак, колпак. Он понимал, что эти слова появились здесь недавно, когда Средняя Азия связала Кашмир с Русью. Да и для Руси многие из этих слов не были исконными. Их принесла ей все та же Азия. Все переплеталось. Одно проникало в другое. Нужное оставалось, удерживалось в памяти народа. Он ходил по кашмирским валам, таящим в себе остатки старины, и они напоминали ему городища около Новгорода и Пскова. На кладбищах Кашмира камни были уложены как в русских северных жальниках. Он знал русские погребения и погребения тех стран, где ему удалось побывать. И все они чем-то напоминали ему друг друга. Даже как будто особняком стоящие буддийские ступы, которые он впервые увидел в Сиккиме, а потом в Ладакхе, в чем-то принципиальном были похожи на те, другие погребения. Их отличало друг от друга только время, а не пространство.

«Гигантские ступы буддизма — погребальные памятники, обнесенные оградой, — те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан»⁴. В развалинах древних индуистских храмов Кашмира он увидел отчетливые следы романского стиля, связанного с поздними кочевниками — аланами. Женские костюмы Ладакха привлекли его своей красочностью и необычностью. Они

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 240.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 57.

³ Там же. С. 60.

⁴ Рерих Николай. Пути Благословения. С. 100—101.

Н.К.Рерих. Меч Гесэр-хана. [1932]

заинтересовали его, и он обнаружил, что расшитая шелковая накидка женщин напоминает византийскую, а высокие шапки похожи на шапки русских бояр. Пряжки же на правом плече были похожи на скандинавские фибулы. Около Хотана он обнаружил удивительную резьбу на колоннах и вспомнил, что такие сюжеты существуют в старинных церквах Южной России. Юрий Николаевич, занимавшийся проблемами кочевого мира, потом определит их как «звериный стиль» скифских племен. И сделает свое первое предположение — «этот особый стиль, должно быть, когда-то был широко распространен на гигантском пути, раскинувшемся от Карпат до Великой Китайской стены»¹.

На базарах Кашгара Николай Константинович увидит сундуки раннего Ренессанса, а в степях Джунгарии вновь вспомнит русскую старину. Его поразил костюм киргизских всадников. «Киргизы скачут на белых лошадаках. На головах — стеганные цветные шишаки — точь-в-точь как древние куаки русских воинов. На макушке — пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, подходящая и в XII и в XV века»².

Русское средневековье смешивалось в степях Джунгарии со скифской древностью, как будто сошедшей с вазы из Куль-Оба. Все это укрепляло его мысль о том, что сходства в культурах разных народов больше, чем различий. Об этом он писал настойчиво и со знанием дела. «И наш оптимизм не является результатом далеких снов, но есть результат изучения дюжин стран и широкого контакта с различными народами с совершенно различной психологией. И в конце концов, не смотря на эти различия, они едины»³.

Но он хорошо понимал, что убежденность еще не доказательство. В конечном счете аналогии, лежавшие на поверхности, были лишь проявлением чего-то такого, что уходило своими корнями в глубь бесконечных веков. Он исследовал этот мир далекого прошлого мыслью ученого и провидческим воображением художника.

За время экспедиции Рерих создал более 500 картин, этюдов, рисунков. Условия далеко не благоприятствовали такой работе. Трудные, изнуряющие переходы, морозы высокогорья, ураганы и снегопады и, наконец, препятствия, которые возникали в Индии, Китае, Тибете. Но это его не останавливало. Он рисовал, когда коченели руки, рисовал, когда ехал в седле, рисовал, когда ему запрещали это делать. Его никто не мог остановить: ни стихия, ни люди. Ни одна экспедиция не была так отражена в первоклассных полотнах, как Центрально-Азиатская. В этом ее несомненная уникальность. Но уникальны были и сами полотна. Их писал не только ве-

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 458.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 204—205.

³ Roerich N. Shambhala. N.Y., 1930. P. 290.

ликий художник, но и не менее великий ученый. И поэтому на его полотнах наука достигала высот искусства, а искусство становилось убедительным, как наука. Когда-то русский художник П.И. Чистяков написал мудрые слова: «Наука в высшем ее проявлении становится искусством». Полотна Рериха были творениями ученого, а его научное восприятие мира было художественным. Много лет спустя крупнейший советский археолог академик А.П. Окладников напишет о картине «Меч Гесэра»: «Что касается бронзового и раннего железного веков, то картина Н.К. Рериха “Меч Гесэра” <...> археологически точно воспроизводит наскальный рисунок, послуживший прототипом для нее, и позволяет провести определенную датировку. Это характерный меч или кинжал эпохи плиточных могил; такие кинжалы нередко встречаются за Байкалом и в Монголии на тех же оленных камнях, как важнейшее оружие древнего воина II и первой половины I тыс. до н.э.»¹.

Иногда на его полотнах возникал мир, скорее похожий на сказку и легенду, нежели на реальность. Этот сказочный, легендарный характер присутствовал в тех картинах, которые несли гипотезы, предвидения и прозрения. Но тем не менее изображение не теряло своей научности.

Он писал горы и монастыри, озера и святилища. На картинах возрождался древний мир петроглифов и мегалитов солнцепоклонников. Забытые историей погребения неизвестных народов обрели новую жизнь. Старинные башни и массивные дома, похожие на крепости, возносились на крутые скалы. Зловеще искрились в лунном свете волны, заливавшие здания Атлантиды, так напоминавшие те, что стояли полуразрушенные на скалах Гималаев. Мудрый наг поднимался над озером, чтобы еще раз повторить людям забытые истины. Тайнственно мерцали входы пещер, высеченные в каменных отвесных стенах. Древние боги с лицами, похожими на ритуальные тибетские маски, сражались с мудрецами и танцевали у скал, с которых смотрели давно ушедшие. Прорицатели и колдуньи заклинали желтые огоньки на горных озерах. Каменные статуи вырастали из скал и гор, сливались с ними, повествовали о чем-то забытом, но значительном. Иногда казалось, что он воскрешал на своих полотнах какой-то уже не существующий теперь, сказочный, фантастический мир.

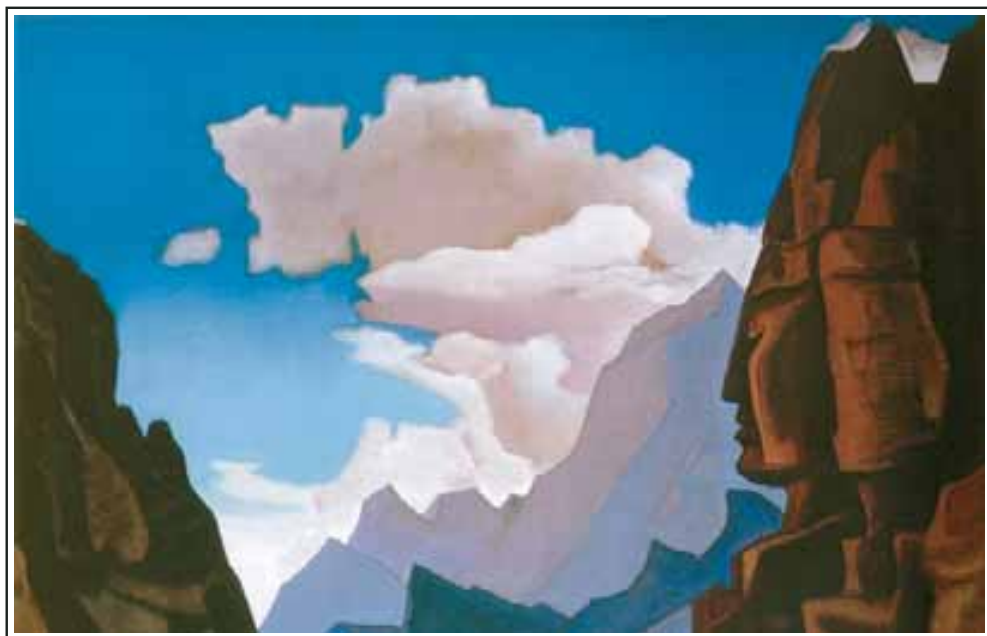
Но в этих сказках и легендах таилась глубочайшая философская мысль о великом единстве человека, планеты и космоса. Она появится в работах современных философов много позже. Человек, планета, космос — три основных уровня эволюции мироздания — были тесно между собой связаны. Занимаясь проблемами

¹ Рериховские чтения. Новосибирск, 1976. С. 10.

культурно-исторической эволюции человечества, Николай Константинович Рерих рассматривал их только во взаимодействии с двумя другими уровнями. Этот подход открывал новые и интересные аспекты в исследовании научного материала Центрально-Азиатской экспедиции.

Н.К.Рерих. Гималаи. Розовые горы. 1933

Глава шестая

УСТРЕМЛЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

Они подходили к Тибету через соляные болота Цайдама. От тех времен в экспедиционном дневнике Николая Константиновича сохранилась запись: «И еще огни светятся вдаль, но не костры это. Они желтые и насыщенно красные. Из этих таинственных искр создаются сложные построения. Смотри, вон там города в красных песках, вот будто поднимаются дворцы и стены. Не священный ли огромный бык мерцает в красных огнях? Не окна ли светятся вдаль и призывают путников?»¹

Что это? Воображение художника или та таинственная, необъяснимая его способность проникать в далекое прошлое и видеть его в четких образах, которую он проявлял не раз до этого? Но что бы это ни было, интересно другое. Тот разговор, который состоялся между отцом и сыном Рерихами, когда появились эти странные желто-красные огни. Они говорили об Атлантиде. Для всех Атлантида была всегда связана с Атлантическим океаном. Почему же у Рериха возникла мысль об Атлантиде в самом не подходящем для этого месте? На соляных болотах Цайдама, расположенных между пустыней Гоби и снежными хребтами Тибета. Именно здесь он поставил веху Погибшего мира. Он шел через азиатские горы и пустыни, и у него возникали

¹ Рерих Николай. Держава Света. С. 266—267.

Н.К.Рерих. Гибель Атлантиды. 1928—1930

странные ассоциации и образы. «Иногда, — писал он, — строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана»¹.

На планете нет ничего неизменного. Несокрушимые горы могут стать водой, океаном. Океан может застыть мертвыми волнами песка. Он остро ощущал не только подвижность народов, населяющих планету, но и динамизм, казалось бы, неизменной коры этой планеты. Он не отрывал одно от другого. Для него все это, вместе взятое, представляло единство, подчиняющееся законам Космоса.

«Одни острова исчезают, другие пики поднимаются, кажущаяся нам незыблемая почва движется немного менее океанской волны в своей относительности. Казалось бы, к движению этому человечество за свою долгую жизнь должно было уже привыкнуть. Именно этот принцип относительности и движений должен был бы наконец обратить людское внимание и на свою собственную эволюцию»².

Он внимательно следил за развитием странной науки, которая называлась атлантологией. Она возникла на стыке разных областей знания. Поэтому, возможно, ее и не считали наукой.

«Голоса древних сказаний, — писал он в книге о Центрально-Азиатской экспедиции, — и позднейшие записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды.

Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспридрассудочном изучении оказываются родственными»³.

Для многих атлантологов Атлантида была только островом, о котором писал Платон. Для Рериха же слово «Атлантида» было неким символом, означающим изменения поверхности планеты, которые сопровождалась неизбежными кратковременными или долговременными катаклизмами. Они изменяли лик планеты. Многие территории ушли под воду, новые земли поднялись на поверхность Мирового океана. Азия и Америка были единым континентом.

«Мы слышали, — писал он, — что Азия и Америка когда-то составляли один континент; в красивой сказке люди Азии расскажут вам о катаклизме, разделившем эти континенты, и вы почувствуете, что образ Азии не менее прекрасен, нежели образ Атлантиды»⁴.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 193.

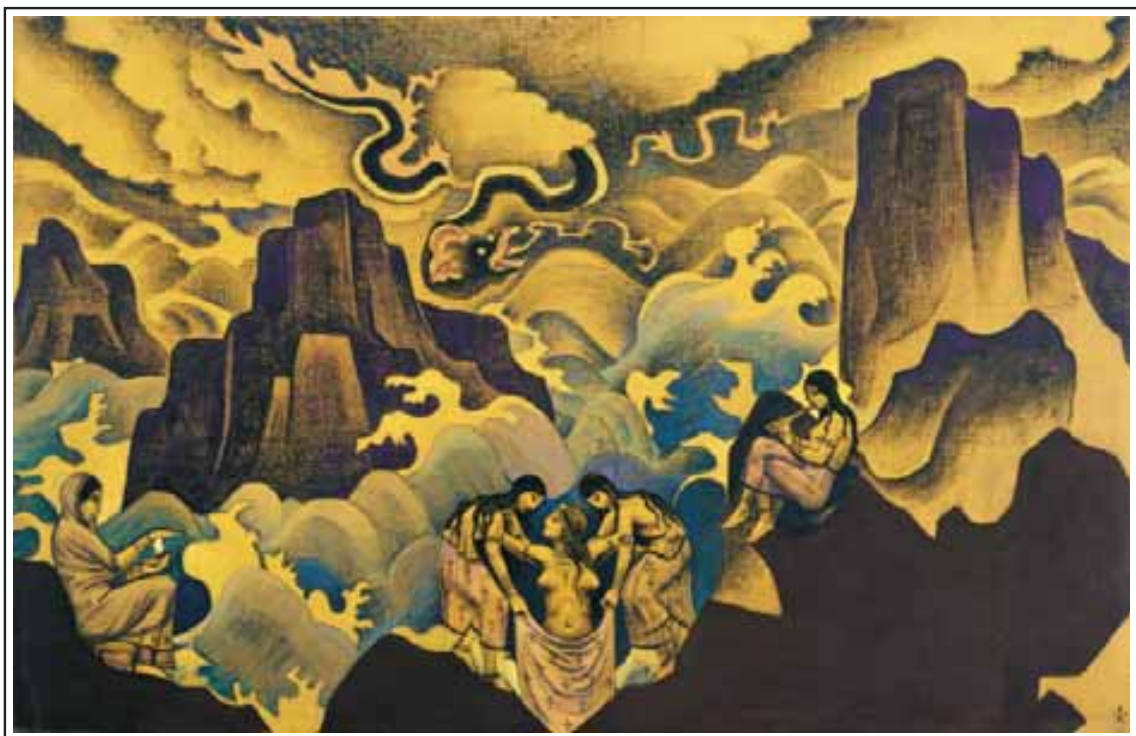
² Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 227.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 92.

⁴ Рерих Николай. Держава Света. С. 40.

Это была новая постановка старой проблемы. В ней древняя Азия ассоциировалась с Атлантидой. На это атлантологи не обратили внимания. Почти сразу после Центрально-Азиатской экспедиции он написал два полотна: «Атлант» и «Гибель Атлантиды». В той и другой картине присутствовали «азиатские мотивы». «Атлант» своей одеждой напоминал восточного вельможу. А в «Гибели Атлантиды» под волнами разбушевавшейся стихии умирал город, очень похожий на ладакхский Ле.

«Гибель Атлантиды» оказалась связанной еще с одним полотном. Картина называлась «Рождение мистерий», или «Змей», и была написана в 1924 году в серии «Знамена Востока». Обе картины, очень похожие по композиции, соотносились между собой как конец и начало или как два последовательных этапа в едином процессе. В «Гибели Атлантиды» был конец, освещенный гибельным сине-зеленым светом ночной луны. В «Змее» было начало, над которым стоял красно-желтый свет разгоравшегося утра. Бушующие сине-зеленые волны сменились затихающими оранжево-красными. На вершинах гор поднимались массивные здания, и они были чем-то похожи и в то же время не похожи на те, которые гибли под напором водной стихии. Четыре женщины на переднем плане совершали какое-то таинство. На них были древние одежды. Темные волосы, как змеи, вились по плечам и

Н.К.Рерих. Змей Древний (Рождение мистерий). 1924

Н.К.Рерих. Гималаи (Горные знаки). 1939

спинам. Женщины помогали пятой, которая выходила из волн и гор, как будто рождалась заново из этого странного союза. Она отличалась от остальных. У нее были светлые глаза и каштановые волосы, ниспадавшие на грудь. А в небе над всем происходящим огненно пылал древний Змий. Он был похож и на китайского дракона, и на пернатого Кецалькоатля американских ацтеков. Легенда о космической эволюции человечества писалась кистью великого художника. В ней было много таинственных, скрытых до времени моментов.

Азия и Америка, казалось бы, такие разные и далекие, но азиатские горы и пустыни нередко напоминали ему американские. «По правую руку голубеют взгорья Куньлуня, напоминают Санта-Фе. По левую руку розовеют пески Такла-Макана — вспоминаю пустыню Аризоны»¹.

В 1921 году в Америке Николай Константинович познакомился с индейцами пуэбло. Они были похожи на монголов. «По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен — все относил к моему воображению за берега океана»².

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 110.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 53.

Н.К.Рерих. Гималаи

Он вернулся «за берега океана», и здесь, на Алтае, в Монголии и Тибете он вспомнил своих давних знакомых. «Поравнялся алтаец. Пугливо заглянул. Что за новые чужаки в его сторону пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синее, золотое, пурпуровое. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами»¹.

Он обратил внимание на рисунки и орнаменты индейцев. «Эти рисунки полны замечательного значения и напоминают о необыкновенной древности своей, ведя ко временам единого языка»².

Тот же единый язык орнамента, рисунка и символа возник перед его взором и в Азии. Петроглифы на скалах Сибири, Ладакха, Кавказа изображали тех же горных козлов и оленей, такие же он встречал на камнях Северной Америки. «Через эти изображения, — писал он, — Америка и Азия протягивают руку друг другу»³. Он сравнивал древние культуры Америки с культурами Азии. И снова обнаруживал в них странную общность. «Когда мы изучали древние здания Индии, Китая и Тибета, наше первое сравнение было с остатками культуры майя»⁴.

¹ *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 240.

² *Рерих Николай.* Держава Света. С. 165.

³ *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 76.

⁴ *Roerich N.* Shambhala. P. 293.

Культуру майя тогда только начинали изучать. Он как будто предвидел в ней открытия, которые если и не подтвердят полностью его сопоставления, то дадут некоторые основания все-таки обратить на них внимание...

Если сохранились элементы культурной общности таких отдаленных континентов, как Азия и Америка, то, вне всякого сомнения, на огромном и едином теперь Евразийском континенте следы прошлого единства культур разных народов и общий источник их формирования должны были присутствовать. Такова была его главная идея, вытекавшая из его общей историко-философской концепции. И он посвятил большую часть времени и своих усилий поискам этих следов. Он искал их на огромном пространстве и в глубинах Большого времени, прошумевшего над планетой.

История планеты была подвижна, как и ее кора. Одни народы исчезали, другие приходили им на смену. Одни устремлялись с Востока на Запад, другие — с Запада на Восток. По найденным путям планеты с самой глубокой древности катились волны переселенцев.

Ее история походила на кипящий котел, где формировалась и кристаллизовалась многовековая культура. В этом движении и кипении были свои закономерности, связанные с законами Космоса, по которым жила сама планета. Он был убежден, что в основе этих закономерностей лежало Великое единство, а не разъединение. Его интересовали механизмы формирования этого культурного единства, которое станет потом фундаментом будущего планеты. И поэтому на огромных просторах Азии, в ее горах, пустынях и степях, он искал, прежде всего, самый динамичный элемент этого механизма, который способствовал взаимодействию культур и переплел судьбы двух огромных миров — Востока и Запада.

Он полагал, что этот элемент начал оформляться где-то на рубеже I и II тысячелетий до нашей эры. Он находил его следы в Гималаях, пустыне Гоби, Джунгарских степях, на Алтае. Ему были знакомы результаты раскопок в южнорусских степях, в Сибири и в Монголии. Это был мир ранних кочевников, чьи племена носили условные названия скифов, сарматов, аланов и т.д. Проблемой кочевников он занимался вместе с Юрием Николаевичем. Они мыслили и работали как один человек. И Николай Константинович, и Юрий Николаевич высказали взгляды, которые не соответствовали тем, которых тогда придерживались европейские ученые. Уже в Джунгарских степях Юрий Николаевич записал в своем экспедиционном дневнике:

«Джунгарский бассейн с окружающими его горными районами всегда был ареной великих кочевых миграций. На протяжении почти двух тысячелетий неукротимые кочевые племена, идя как бы волнами, топтали копытами своих лошадей могучие цивилизации и поглощали целые народы. Столетиями один из древнейших в Азии кочевых путей, проходящий к северу от Небесных гор, или Тянь-Шаня, и свя-

зывающий плоскогорья Монголии со степями к северу от Каспийского и Черного морей, оглашался воплями движущихся орд.

До сих пор мы не в состоянии обнаружить источник этого могучего течения народов, которые, будучи привлечены центрами древней культуры, вступили на путь завоеваний и распатали границы Китая и Римской империи. Ни железные легионы древних римлян, ни тонкая дипломатия китайских государственных деятелей не смогли сдержать этот грозный натиск.

Смещение одного камня часто увлекает за собой лавину из тысячи камней. Так было и с кочевыми племенами: в истории Азии мы видим, как племя переживает расцвет и затем вторгается на пастбища своих соседей; как путем завоевания и набегов оно собирает вокруг себя соседние племена, которые, будучи побеждены или вступив с ними в союз, присоединяются к своему могущественному соседу, как к верховному владыке. Снова и снова видела Азия подъем кочевых племен, чей импульс катил могучие волны миграций.

Эти великие сдвиги в сердце Азии, принесшие разрушение и голод во многие страны Европы и Ближнего Востока, сдвиги, которые очевидцы-современники называли Божьим наказанием, не только означали гибель классического мира, но также возвестили о начале средневековья. Сильный шок от монгольского нашествия в XIII столетии, которое привело в ужас всю Европу, наложил отпечаток на умонастроения эпохи и проложил дорогу позднему Ренессансу...

Могучие кочевые империи появились и канули в вечность, не оставив после себя ни величавых памятников, ни письменных документов. Все, что мы знаем о них, — это тот незабываемый след, который они оставили в соседних странах, совершая свои переходы. До последнего времени эти кочевые культуры были для нас закрытой книгой. А их метеоритный блеск только раздражал любопытство ученых. Но теперь мы научились ценить их историческое значение и то колоссальное влияние, которое они оказали на соседние с ними народы.

Археология Центральной Азии все еще находится в зачаточном состоянии, и сотни тумули, или древних могильников, усеивающих просторы азиатских степей, еще ждут лопат археологов. Возникает новая отрасль исторической науки, целью которой станет установление законов, обусловивших возникновение кочевых государств, и изучение реликвий великого прошлого»¹.

Рерихи отметили ту огромную роль, которую кочевники сыграли в мировом историческом процессе. Именно они составили основу первых больших нароодообразований, таких, как индоевропейцы, тюрко-монгольские племена, семиты, и влияли самым решительным образом на этногенез различных народов. Они создали свою неповторимую культуру, являющуюся частью мировой культуры. Кочевники влили

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 5. 1974. С. 486—487.

свежую кровь в умиравшие и приходившие в упадок земледельческие древние цивилизации. Они оживили их, дали им иную основу, вновь возродили в них веру в поступательное развитие. На просторах Центральной Азии сложилось неповторимое искусство кочевого мира, которое свободно взаимодействовало с культурой различных стран. И это взаимодействие, нередко протекавшее в весьма противоречивых формах, тем не менее оказалось мощным творческим импульсом, создавшим новые качества культур, новые необычные формы в искусстве. Искусство это получило название «звериный стиль». Название неудачное, не отображающее сути самого стиля.

*Н.К.Рерих
Страж пустыни. 1941*

«Многие названия, — писал Николай Константинович, — несоответственны или незаслуженны. Так и само наименование звериного стиля внешне односторонне. Он звучит для вас не одними звериными формами, но именно своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Какое-то другое, более существенное по глубине определение заслуживает этот стиль, выросший из жизни, как чудесная сказка импровизации хожалого баяна. <...> Его художественное благородство и богатство просят какое-то более выразительное определение»¹.

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 24.

Кочевой мир оставил свои культурные вехи. Погребения, мегалиты, следы «звериного стиля».

«Одной из задач нашей экспедиции, — писал Юрий Николаевич, — было исследование и регистрация могильных курганов и других следов кочевой культуры, о которых еще не сообщалось в научной литературе и которые можно обнаружить вдоль северного края Тянь-Шаня, Нефритовых гор и Алтая. Исторические места, расположенные на великих торговых путях к югу от Небесных гор, неоднократно исследовались рядом археологических экспедиций, и шансов сделать сенсационные открытия на этих проторенных тропах почти не было. Оставалась великая Центрально-Азиатская кочевая культура, область распространения которой простиралась когда-то от степей Украины до границ Китая.

На всем протяжении северной оконечности внутреннего бассейна Восточного Туркестана рассеяны курганы, скрывающие сокровища кочевых правителей. Многочисленные захоронения найдены повсюду вдоль границ Монголии и Джунгарии, однако неустойчивая погода в этих районах и разбой до сих пор препятствовали проведению интенсивных раскопок»¹.

За Урумчи, у Тарбогатайских гор, потянулись курганы, выложенные камнями. Над древними погребениями стояли каменные фигуры, и их темные лица смотрели куда-то в сторону восходящего солнца. Николай Константинович знал, что Алтай и Монголия, лежавшие на путях, отделявших центрально-азиатскую равнину от Гималаев, очень богаты историческими памятниками.

По Чуйскому тракту прошли многие народы-странники и оставили свои знаки и свои погребения. Но экспедиция не пошла по этому основному пути, а повернула в глубь гор, где над синими бесконечными хребтами возвышалась снежная громада Белухи. Но и там, в спрятанных в горах узких долинах, встречались древние курганы, аккуратно выложенные камнями. На камнях оседала патина тысячелетий, и цветной мох покрывал их потемневшую от времени поверхность. На горных трактах стояли менгиры, и каменные бабы бесстрастно и отрешенно смотрели на снежные вершины.

В курганах Алтая русские археологи нашли реликвии «звериного стиля», поражавшие художественным вкусом, совершенством и законченностью линий. В народе древние курганы называли «чудскими могилами». Алтайские староверы рассказывали легенды о древнем народе чуди, который ушел под землю и заложил подземные ходы камнями. Николай Константинович хорошо понимал, что эти легенды имеют какое-то отношение к древним передвижениям народов, как и сами курганы, менгиры и каменные бабы.

«Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, ала-

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 5. 1974. С. 488.

нов, готов разбиваются на множество необъясненных подразделений <...> Оленьи камни, керексуры, каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности»¹.

В Монголии Рерих снова изучал и описывал эти таинственные мегалиты и погребения. Он находил их в горах, в степи и в великой пустыне Гоби. Он понимал, как обширна та проблема, которая занимала его мысли, и отчетливо себе представлял, какой огромный археологический материал еще не вскрыт. Этого материала с избытком хватило бы на несколько поколений и на много экспедиций.

«Район Монголии и Центральной Гоби, — отмечал он, — ожидает исследователей и археологов <...> область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгиобразных гранитных и песчаниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни.

Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области»².

Но самые интересные находки принес Тибет. Там, на пустынных холодных нагорьях, на трудных горных тропах Трансгималаев были совершены открытия, которые заставили пересмотреть некоторые традиционные представления о движении древних народов. Это были доселе неизвестные в Тибете менгиры, кромлехи и так называемые каменные могилы. Длинные аллеи менгиров тянулись с востока на запад и завершались кромлехом — кругом камней. В круге стояли три вертикальных камня. Встречались также группы менгиров, окруженные камнями, но без рядов-аллей. Особое впечатление производили аллеи менгиров в Доринге, расположенном к югу от большого соленого озера Пангок. Кромлех с рядами вертикальных камней завершался на восточной стороне стрелой, выложенной камнями. Стрела показывала строго на запад. Местное население ничего о назначении мегалитов не знало, а некоторые утверждали, что в менгирах живут лха — местные божества. Мегалитическая традиция была чужда современным ти-

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 244.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 50.

бетцам. Символ же стрелы присутствовал в добуддийском бон-по. Эта система верований была связана с культом солнца и небесного огня. Стрела также символизировала и легендарного героя Гесэр-хана, сказания о котором уходили в глубокую древность Центральной Азии. Его культ был так же древен, как и верования бон-по. Возможно, менгиры имели к этому прямое отношение. Но сколь древни они сами?

«В настоящее время, — писал Юрий Николаевич, — еще невозможно определить древность тибетских мегалитов. Относятся ли они к позднему неолиту или к бронзовому веку — вопрос этот будет разрешен только после детальных обследований Тибетского нагорья. Находки бронзовых предметов в области распространения мегалитических памятников как будто указывают на возможность отнесения их к началу бронзового века»¹.

Но бронзовый век был разновременен, его хронологические границы растянулись между III и I тысячелетиями до нашей эры. Когда же бронза пришла в Трансгималаи? На этот вопрос никто не мог ответить. Мегалиты Трансгималаев напоминали Николаю Константиновичу аналогичные сооружения в Европе. Вернее, между ними и мегалитами Бретани и Карнака существовало типологическое сходство. Рерих связывал те и другие с друидическими культурами. Это привело его к смелому, идущему против установившейся традиции предположению. Эти культуры он находил и в добуддийской религии Тибета бон-по.

«И в отношении бон-по, — писал Николай Константинович, — и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее бон-по может быть как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае это открытие завершило наши искания следов движения народов»².

Рерих не без основания считал, что основное движение народов в глубокой древности шло с Востока на Запад. «Доисторические друиды вспоминали свою далекую родину».

«Глядя на эти безжалостные ледники, — писал он, — на эту стерильную почву, на крутые скалы, где даже животных мало, вы можете представить себе, как люди двигались вперед и как от высоких гор они достигали пространства будущих пустынь»³.

Открытие древних менгиров в Тибете вело его в Европу. «Когда меня спросили: “Почему вы так радуетесь этим менгирам?” — я от-

¹ Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. Прага, 1930. С. 17.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 71.

³ Roerich N. Shambhala. P. 220.

ветил: “Потому что моя карта сказок была подтверждена. Когда вы держите в руке нить, на одном конце которой Карнак, разве это не радость найти ее начало в Трансгималаях?”¹ «Картой сказок» он называл предполагаемый им маршрут движений народов.

Кроме менгиров экспедиция обнаружила так называемые каменные, или плиточные могилы. Погребения прямоугольной формы были выложены вертикально стоящими плитами из необработанного камня. Они встречались параллельно с менгирами и подобно последним были ориентированы с востока на запад. Сходство этих погребений с алтайскими, монгольскими, бурятскими и северокавказскими было типологическим. Найденные погребения, по всей вероятности, не принадлежали тибетцам. Они были, так же как и менгиры, древнее и, возможно, относились к эпохе неолита. Николай Константинович заметил очень интересную закономерность в размещении тибетских мегалитов. Большинство из них находилось на пути паломников к священной горе Кайлас, на которой, по преданиям, обитали боги. Этот путь совпадал с дорогой древнейших миграций.

«Подходим к Брамапутре, — записал он в дневнике. — Та самая, которая берет исток из священного Манасаровара — озера великих нагов. Где родилась мудрая Ригведа, где близок священный Кайлас, куда ходят пилигримы, предчувствуя, на каком великом пути лежат эти места. Уже попадаются вереницы пилигримов. С копьями, мрачные и всклокоченные.

Нет, эти ничего не знают. Просто ползают в безделии по лицу земли. Не грабят ли при случае? <...>

Брамапутра (сын Браммы) овеяна богатым узором преданий. Она связует священное русло Ганга с Гималаями, а Манасаровар близок к Сатледжу, к началу великого Инда. Там же зародилась и Ариаварта»².

Здесь каждая фраза — загадка, опровергающая устоявшиеся представления об исторических путях народов. «В будущей работе о религии бон, — писал в связи с этим Юрий Николаевич, — я хочу показать, что путь паломников в прошлом был путем миграций и как таковой приобрел религиозное значение, которое и сохраняется до сих пор»³.

Петроглифы Рерих считал путеводной нитью на древних путях народов. Они встречались по всему маршруту Центрально-Азиатской экспедиции. Рерих видел их между Кашмиром и Ладакхом, в самом Ладакхе, в Китайском Туркестане, на Алтае, в Бурятии, Монголии, Тибете. Круторогие горные козлы, лучники, какие-то ритуальные хороводы. Как художник и ученый, он определил, что древнейший слой этих петроглифов относится к неолиту. С ним многие не согласились. Ученые считали, что самые ранние петроглифы принадлежат бронзовому веку. Время показало правоту Рериха. Он смело проводил парал-

¹ Roerich N. Shambhala. P. 221.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1975. С. 266—267.

³ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 408.

лели между петроглифами, найденными в Центральной Азии, и теми, что существовали в других районах мира — в Скандинавии, Персии, Америке. Он не спешил с выводами, а изучал и складывал.

«На скалах Дардистана, — писал он, — мы видели древние рисунки. Мы также видели такие же рисунки на скалах около Брамапутры, так же как и на скалах Орхона в Монголии и на тумули Минусинска и Сибири. И наконец, мы обнаружили ту же творческую психологию на халхистинингах Швеции и Норвегии»¹. Эти петроглифы свидетельствовали о забытых древних культах, которые были широко распространены и в Азии, и в Европе. Культ огня, культ солнца, культ плодородия...

Рерих как никто другой понимал сложность процесса движения древних народов, его растянутость во Времени, его неожиданные поступательные и возвратные потоки. Он представлял себе всю необозримую проблем, связанных с их забытыми путями. Ни открытия, ни смелые гипотезы и предположения пока были не в состоянии внести желаемую ясность в картину, которая складывалась на Большом пространстве и в Большом времени. История и культура народов, населяющих планету, несли в себе лишь ее осколки, а иногда только следы.

«Нет никаких возможностей, — писал Николай Константинович, — проследить историю всех этих необычайных путей и наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании — в самых, казалось бы, неожиданных местностях»². Он видел, как в Тибете смешивались и складывались в причудливые живые узоры элементы различных культур, вынесенные из многослойного времени. Чеканный «звериный стиль» племен и народов евразийских просторов Рерихи обнаружили в украшениях и предметах, которыми пользовались кочевники Хора.

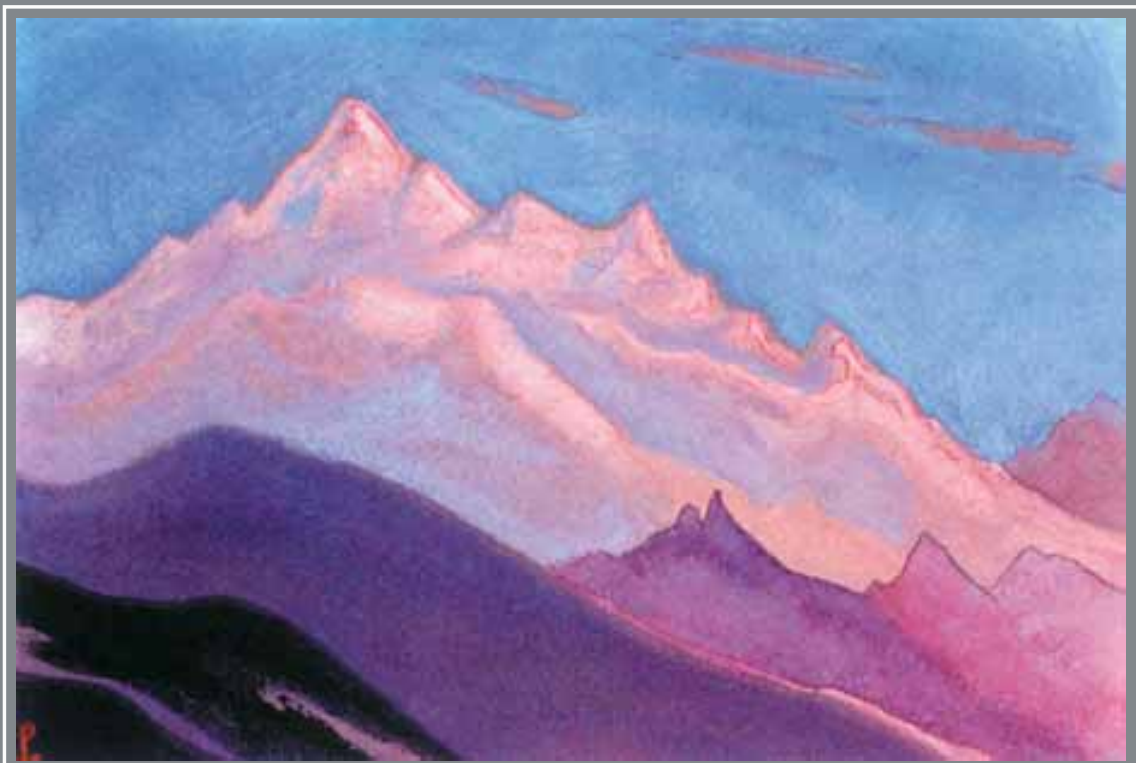
«Футляры огнив, пояса, фибулы, нагрудные бляхи, ножны мечей и ладанки оказались покрытыми орнаментом, повторяющим давно известные мотивы скифо-сибирского искусства. Тут были и бегущие олени, и антилопы, лежащие лоси, птицы, фигуры фантастических животных, переходящие в чистый орнамент. Все эти находки ясно говорили о древней связи кочевого Тибета с великим искусством Средней Азии.

В далеких горных урочищах Тибета сохранились эти следы прошлого. Ни влияние Лхасы, ни мощное культурное давление Китая не сумели уничтожить пережитки древнего кочевого искусства тибетских племен. Тибетец-кочевник еще и поныне вдохновляется окружающей природой и следует заветам “звериной” орнаментики»³.

¹ Roerich N. Shambhala. P. 210—211.

² Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 10.

³ Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. С. 19.

*Вверху: Н.К.Рерих. Розовая вершина
Внизу: Н.К.Рерих. Утренние снега. Без даты*

Н.К.Рерих. Ковка меча (Нибелунги), 1941

Николай Константинович изучал прямые мечи Тибета и находил в них сходство с акинаками скифов, с мечами кельтов. Мечи-кинжалы, изображенные на скалах Гималаев, напоминали ему оружие, найденное в Минусинске и в раскопках Западной Европы.

«Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки и сравним их с такими же из аланских и готских погребений южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла — ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге. Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения»¹.

Находки шли за находками. Там же, в Трансгималаях, он обнаружил славянский кокошник. Кокошник был красного цвета, украшенный бирюзой, монетами, унизанный бусами. «Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени»², — записывал он. Рерих вглядывался в лица кочевников хор-па и иногда просто не верил своим глазам. Рушились традиционные представления о населении Тибета. Среди монголоидного большинства он видел иные лица, иных людей и сравнивал их с французами, басками, итальянцами. У них были орлиные носы, прямой разрез больших глаз, тонкие сжатые губы. Длинные пряди черных волос лежали по плечам. Рерих был уверен, что здесь, в Тибете, в горной и труднодоступной стране, сохранились действительные следы проходивших здесь когда-то народов.

«Откуда, куда и как двигались гонимые ледниками и суровыми моренами прародители готов? — задавал он себе вопрос. — Нет ли в застывшем обиходе северян-тибетцев древних черт их ушедших братьев? Удивительно: один хор-па напоминает Мольера, другой годился бы для типа д'Артаньяна, третий похож на итальянского корсара, четвертый с длинными прядями волос близок портрету Хальса или Паламедеса, а тот, черный и мрачный, с орлиным носом, разве он не палач Филиппа Второго? Не будем бояться сопоставлять то, что ярко бросается в глаза»³. И еще он сравнивал их с легендарными нибелунгами древних германских сказаний. «Весь народ, эти черные хоры, толкуются, как нибелунги. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, черными от копоти костров меховыми кафтанами»⁴.

Рерихи в шутку прозвали Тибет страной Нибелунгов. Николай Константинович вспомнил об этом, когда завершил предварительное

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 264.

⁴ Там же. С. 260.

исследование тибетского материала: «...мы были ближе к истине, чем предполагали»¹. Аналогия с легендарными нибелунгами возникла у него и на Алтае, когда он услышал легенду о курумчинских кузнецах. «Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направлялось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад»². И как будто из далекого прошлого встает картина. Пещера, озаренная мерцающим пламенем кузнечного горна. Раскаленное жало прямого меча на наковальне. Массивный молот в напряженных руках странного кузнеца. На кузнеце меховая одежда, сильные мускулистые руки обнажены, пряди темных волос рассыпались по плечам. Рядом полусогнутая фигура подручного в остроконечной шапке и длиннополом кафтане. Картина называется «Ковка меча» или «Нибелунги». Он напишет ее позже и совсем по другому поводу. Но в ней найдет отражение его поэтическое и научное видение одной из вех в движении древних народов.

У тибетских «нибелунгов» были четкие антропологические признаки. Они были доликоцефалы, или длинноголовые. Современные же тибетцы принадлежали к брахицефалам, или короткоголовым. Этнографическая и историческая картина Тибета оказалась сложной. Центрально-Азиатская экспедиция Рериха внесла весомый вклад в объяснение этих сложностей и в установление истины.

Николай Константинович немало размышлял здесь, на просторах и в горах Азии, о «зверином стиле» ранних кочевников. Эти размышления вывели его еще на один стиль — романский, который возник в Европе в X—XII веках, но в основе которого лежало художественное творчество таких ранних европейских племен, как готы, кельты и др. Он неожиданно увидел элементы этого стиля в древних разрушенных храмах Кашмира. И в его экспедиционном дневнике появилась странная фраза: «Древние готы не сравнивали ли Тироль с Кашмиром? Или с Рейном?»³ Он вспоминал химеры и диковинных зверей романских соборов и не мог отделаться от ощущения, что все это напоминает не только Сибирь, но и Тибет, и Монголию. Тех же диковинных зверей и львов он видел на стенах русских соборов во Владимире и Юрьеве-Польском и записал в экспедиционном дневнике фразу, которая стояла целой научной статьи: «Из одного колодца почерпнуты романская химера, звериный орнамент Алтая и зверьки Китайского Туркестана и Китая. Сибирские пути народов далеко вынесли одинаковый смысл украшений»⁴.

¹ Рерих Николай. Шамбала. М.: МЦР, 2000. С. 69.

² Рерих Н.К. Избранное. С. 124.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 73.

⁴ Там же. С. 57—58.

Здесь шла речь о едином культурном источнике, напитавшем фундаментальные художественные стили и связанном с индоевропейскими народами. Эти народы в течение тысячелетий распространились по необозримым территориям Азии и Европы, неся свою культуру и свои языки в разные углы обширных пространств, от Британских островов до Урала и Сибири, от Скандинавии до нагорий Ирана и Индии. В эту группу народностей входили славяне и скифы, индийские арийцы и часть жителей Кавказа, племена древних германцев, готы и кельты и многие другие, чьи названия затерялись во мгле ушедших веков. Их всех связывал именно тот единый корень, который и предстояло отыскать. Николаю Константиновичу удалось проследить движение этих народов там, где их следы еще не поглотило Время. Сибирь он считал частью главного движения. Поэтому и писал о сибирских путях, которые «вынесли одинаковый смысл украшений». К Сибири тесно примыкали русские равнины, связанные с нею единой исторической судьбой.

«Вы знаете, — отмечал он, — что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники этих переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений. Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И, пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России.

И снова принесли ей обновленные формы своей жизни. Если в России можете сейчас насчитать до 300 различных наречий, то сколько же языков уже вымерших оживляли ее безбрежные “степи”. После общечеловеческого иероглифа каменного века мы в последующие эпохи встречаем в недрах русской земли наслоения самые неожиданные...»¹

На равнинах России и Сибири кипел тот гигантский исторический котел, где формировались синтетические элементы мировой культуры, которые потом станут «общечеловеческим иероглифом». В этом котле Восток насыщал Запад, а Запад отдавал вновь творческую энергию Востоку. И исчезали, переплавлялись преграды, отделявшие один от другого. В своем экспедиционном дневнике Рерих дал основные направления движения народов.

«Проведите линию от южнорусских степей, — писал он, — и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов»².

К западу от южнорусских степей и Северного Кавказа лежала Европа. Там, на берегу Атлантического океана, стояли загадочные мегалиты, так похожие на тибетские. Здесь древний путь обрывался. Но

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 320.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 51.

Н.К.Рерих. Чудь подземная. 1928—1930

начинался где-то, по-видимому, в Трансгималаях. На этом Великом пути Николай Константинович и Юрий Николаевич выделяли Алтай, считая его важнейшим центром движения народов в древности. «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах — все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу.

И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища»¹.

Рерих довел линию главной артерии движения народов до хребта Канченджанги в Гималаях. «Из-за Канченджанги началось великое переселение, несение вечной “Священной Весны”!»²

Под «Священной Весной» он имел в виду то движение предков индоевропейских народов, которое несло культурное обновление старому, исчерпавшему себя миру. «...Именно нагорья Гималаев и Трансгималаев были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о Романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах»³.

Значит, тот искомый таинственный колодец находился где-то за Канченджангой, куда уже долетал шум волн Индийского океана. И именно отсюда, с нагорий Трансгималаев, сошли те потоки, которые потом забурлили по Евразийской равнине, а затем ворвались в древнюю Европу, не успевшую еще сбросить щит последнего оледенения. Николай Константинович связал прародину индоевропейцев с горами. В научной традиции того времени горы в большинстве случаев исключались из общего мирового культурного процесса. Главная роль в этом отводилась равнинам и в первую очередь долинам крупных рек. Но у него была совсем иная точка зрения. Он считал, что горы — не преграждающие великаны, а зовущие путевые вехи.

Не потому ли он после Центрально-Азиатской экспедиции всю оставшуюся жизнь рисовал горы, стараясь показать красоту и привлекательность этого древнего мира планеты? На его картинах горы были особенными, не похожими на изображения других художников. Они были историчны, ибо тесно соприкасались с жизнью людей и их культурой и были одухотворены этой культурой, оживлены ею. Суровые, часто неприступные, они возникли в далеком прошлом, но «вдохновенный иероглиф» будущего освещал их снежные вершины и причудливые скалы. Горы хранили сокровища. Сокровища в пещерах, в под-

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 44.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 164.

³ Там же. С. 137.

земных ходах, катакомбах. Там оставались следы Ушедших. В горах нибелунги ковали мечи. Таинственно мерцали сталактиты, и куда-то вниз по ступеням, высеченным в камне, уходила в остроконечных шапках и длинных плащах «Чудь подземная». «Дух Гималаев» сливал свои чеканные таинственные черты со скалами. Формы гор отражались в древних украшениях, предметах, оружии. Как художник, он остро ощущал это соответствие.

«Смотрим на неисчерпаемо богатые формы скал. Замечаем, где и как рождались образцы изображений символов. Природа безвыходно диктовала эпос и все его богатые атрибуты. Нужно показать, как вливаются формы изображений в горную обстановку. Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуаньинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо, то лик Махакала может выдвинуться из массива утеса.

И сколько очарованных каменных витязей ожидают освобождения. Сколько заповедных шлемов и мечей притаилось в ущельях. Это не неправдоподобный Дюрандаль из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И Бругума Гесэр-хана сродни Брунхильде Зигфрида»¹.

Здесь, в горах, он впервые увидел те неолитические рисунки, на которых были запечатлены круторогие козлы, лучники и солнечные символы. Для него они были предвестниками переселения народов. У Николая Константиновича было яркое и тонкое воображение художника, которое временами озарялось светом его глубинного знания. Он представлял себе эти переселения, видел их своим внутренним оком.

Внешний мир, окружавший его во время Центрально-Азиатского путешествия, помогал ему в этом. «Изображая великое переселение, — писал он, — не изображайте ноги, обувь, копыта — все до пояса тонет в густом пыльном облаке»².

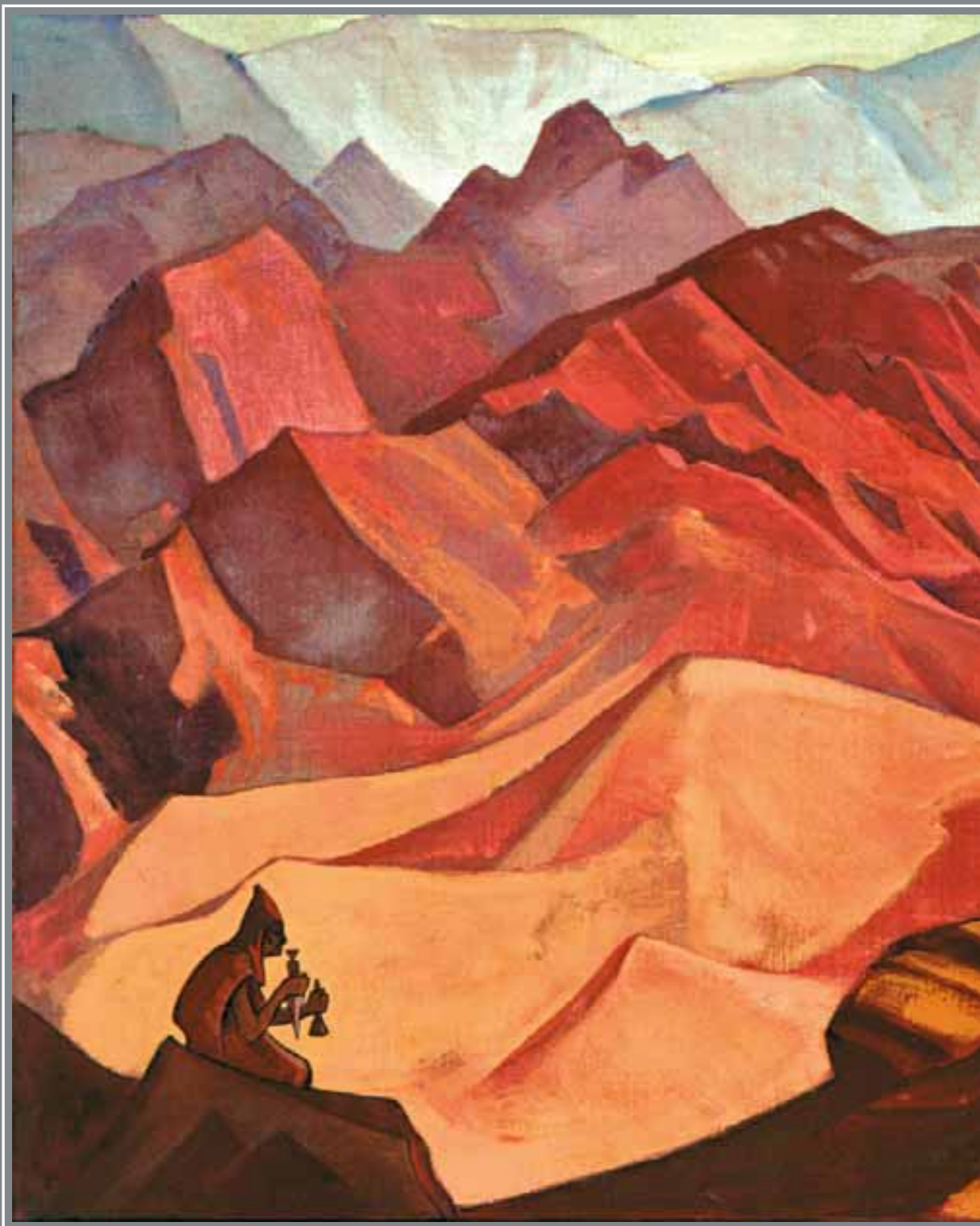
На Великом шелковом пути около Хотана он опять вспоминает о переселениях. «В островах пустыни, в оазисах, крепились последние толпы перед переселением в неизвестные края. На горизонте стоят тучи, но это не обычные облака, это сплетения песчаных вихрей»³.

Для него прошлое и настоящее сливались как бы в едином художественном восприятии. Но одной только интуиции ему было недостаточно. Он понимал, что надо вести раскопки в пустынях и особенно в горах. Рерих был одним из первых, кто начал раскопки в Гималаях. Но его интересовали не только материальные следы великих переселений. Он хотел знать, почему целые народы снимались с мест и двигались в неизвестные земли. Что служило импульсом этих могучих передвижений? Существовавшие в науке объяснения его не удовлетворяли.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 77.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 108.

Н.К.Рерих. Дордже Дерзнувший. 1924

«Великие путники древности верили в свои переселения. Они не только были гонимы какими-то тяжкими условиями; они двигались в каких-то больших творческих решениях. Конечно, они любили эти передвижения, а лучшие из этих путников с величайшим вниманием впитывали в себя встреченные особенности и красоты»¹.

За этими «творческими решениями» стояла какая-то таинственная сила, которую нельзя было ни обмерить, ни взвесить, но которая тем не менее была заложена в самом духе великих передвижений и в тех, кто в них участвовал. Эту же таинственную силу он видел и в постоянных хождениях в поисках каких-то сказочных земель, Беловодья или потерянных царств, в поисках легендарного Грааля. В ней заложена какая-то сознательная целеустремленность, а не слепая стихийность.

С материалами Центрально-Азиатской экспедиции была связана целая группа странных картин. На них в причудливых нагромождениях скал проступали лики и загадочные фигуры. Древние забытые боги исполняли таинственные танцы. Как призраки, из камней гор и туманов возникали размытые черты устрашающих божеств Тибета. «Лхамо», «Палден Лхамо», «Дордже Дерзнувший». Грозно сверкали человеческие черепа на узком обруче короны. Этот нездешний мир был связан с древней добуддийской религией Тибета бон. На своих картинах Рерих сумел передать дух древних представлений человека о силах природы и те образы, в которые эти представления воплощались. Бон, или, как его еще называют, шаманизм, был той ниточкой, которая вводила в далекое прошлое, туда, где оставили свои следы Великие странники — переселяющиеся народы.

«Вся атмосфера в храме, — писал Юрий Николаевич, — с музыкой, напоминающей о далеком прошлом, восходящем к шаманистической древности, имеет свое особое очарование и всегда производит на посетителя особое впечатление»².

Много почитателей бона Рерихи обнаружили среди кочевников северного, северо-восточного и западного Тибета. Немало их было и среди хор-па, чей европеоидный тип поразил путешественников. По горам и долинам Тибета ходили странствующие жрецы, облаченные в черные мантии. Они совершали таинственные ритуалы, пророчествовали, исполняли магические обряды. Они обладали особым знанием сил природы, и некоторые из них могли пользоваться этими знаниями. Они заклинали дожди, насылали порчу, владея всем набором древней черной магии. Они были причастны к знаменитым тибетским «чудесам». Их боялись, но уважали.

В каждой местности были свои боги — лха. Они жили в рощах, горах и потоках. Многие из них облюбовали горные тропы и перевалы. Лха были грозны и своенравны: угоняли лошадей, мешали идущим

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 36.

² Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 115.

караванам. Их надо было ублажать жертвами. Лха называли также «богами свастики» — юндрум лха рнам. Знак свастики был закручен влево. Николай Константинович сразу сумел ухватить самое главное в сложнейших переплетениях бона.

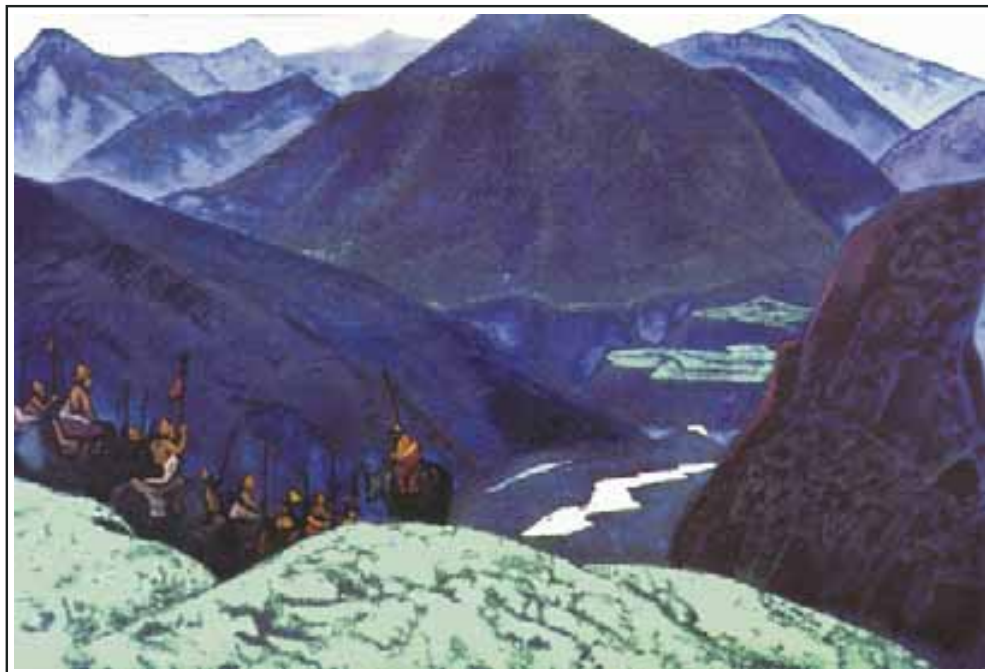
«...Бон-по, так называемая черная вера, — писал он, — древнейшего добуддийского происхождения. Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но, с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература бон-по еще не переведена и не истолкована и во всяком случае заслуживает вдумчивого внимания»¹. Он упорно указывал на самый древний пласт в боне, стремился его выявить и очистить от поздних примесей. «Эти люди не только изобрели себе Будду, но и имеют мистических богов свастики. Это напоминает доисторические времена, примитивные религии огнепоклонников-друидов, боги которых здесь превратились в непостижимо странных богов свастики. <...> Интересно бы исследовать происхождение бон, что-нибудь нашлось бы общего с друидами и огнепоклонниками»².

Эти мысли Николая Константиновича позволили Юрию Николаевичу выделить два основных слоя в боне. Древнейший, где господствовал ранний культ поклонения силам природы и имели место шаманистические ритуалы и некромантия. Этот культ сопровождался кровавыми жертвоприношениями. Второй слой, более поздний, представлял собой уже реформированный бон, развивавшийся под большим влиянием буддизма. Это влияние шло в очень противоречивой форме. Бон, ведя борьбу с буддизмом, в то же время приспособливался к нему и подражал ему. Это давало ему возможность выстоять в борьбе. Боги первой и второй формы бона отличались друг от друга. Среди богов свастики были боги неба, земли, солнца, луны, а также известные в ламаизме хранители четырех сторон света. Бонские странствующие жрецы в черных мантиях были связаны с первой древнейшей формой бона и выполняли свои таинственные магические ритуалы среди кочевников. Они не имели отношения к монастырям и храмам реформированного бона и молились у грубых каменных алтарей, многие из которых имели форму менгиров и кромлехов. Эти святилища стояли на вершинах гор или были спрятаны в глубинах пещер.

«Я убежден, — писал Юрий Николаевич в экспедиционном дневнике, — что мегалитические памятники, обнаруженные нами повсюду на пути паломников к горе Кайлас, являются именно этими святилищами обожествления природы... Такие мегалитические памятники, как менгиры и кромлехи, впервые найденные нашей экспедицией, не-

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 24.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 263.

Н.К.Рерих. Дружина Гесэр-хана. 1931

сомненно, принадлежат к добуддийскому периоду тибетской истории, когда первобытный бон был принятой религией страны»¹. Первую форму бона представляли и петроглифы на скалах Ладакха, Монголии, Тибета, на которых горный козел воплощал древний символ огня. Рерих отнес ранний слой этих петроглифов к неолитическому периоду. «Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским бон-по и прочими культурами огня еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений»².

Вехи бона охватывали огромную территорию. Они начинались от Кашмира и уходили к Трансгималаям. «Где зарево шаманского бон-по — религии демонов?» — спрашивал Николай Константинович, когда экспедиция шла по Кашмиру. И отвечал: «Все прошло по Кашмиру»³. «Бон — это сложное учение, — писал Юрий Николаевич, — в котором древние формы шаманистских идей горной Азии переплетались с поверьями и обычаями первобытного населения Северо-Западной Индии. Восходит ли этот культ к индоевропейской древности или, как мне кажется, к доарийскому пласту населения, еще трудно решить определенно»⁴.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 115.

² Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 261.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 56.

⁴ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 292.

Это было только предположение. Предположение о том, что Великие странники, переселяющиеся индоевропейские народы, были связаны ниточкой бона с тем древним миром, из недр которого они вышли. С миром доиндоевропейским, над которым еще витал призрак Великого нага, отражаясь в небе Шотландии и звуча заклинаниями кельтских жрецов-друидов.

Литература бона в виде старинных рукописей была рассеяна по монастырям и тайникам. «Жаль, что литература черной веры, — писал Николай Константинович, — очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы, несомненно, находились в основе бон-по, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно»¹.

Сами же рукописи бона возникли сравнительно недавно. Они стали появляться после IX века нашей эры, когда служители бона заводили библиотеки в своих только что возникающих монастырях. Рукописи были недавние, но устная традиция, зафиксированная в них, говорила языком глубокой древности. Этот язык был сложен. Он отличался от тибетского «языка людей» и представлял собой смесь языка «шан-шун» с языком «богов свастики». Поиск рукописей бон был труден, а подчас и рискован. Но Рерихам повезло. Настоятель монастыря Шаруген благосклонно отнесся к Юрию Николаевичу и допустил его к библиотеке. Там оказалось полное собрание священных книг, бонский Канджур и Танджур. Открытие этих старинных рукописей позволило Юрию Николаевичу сделать предварительную классификацию литературы бон. Он выделил в ней священные тексты, обнаруженные в бонском монастыре Шаруген, а также национальный эпос, героические песни и легенды. Он включил в круг этой литературы народные песни и, наконец, книги заклинаний и руководства по магическим ритуалам.

Объем литературы и фольклора оказался огромным. Для них нужна была целая армия исследователей. Она начнет формироваться десятилетия спустя, когда события, потрясшие Тибет, сделают доступной для других часть этой литературы.

В фольклорных источниках бон внимание обоих Рерихов привлекли эпические сказания о Гесэре. Сам эпос, как и язык рукописей, был сложен и загадочен. В нем, как в едином сплаве, слились легенды и реальность, Гесэр исторический и Гесэр мифический. Эпос был связан с древнейшими верованиями, в которых прослеживались элементы поклонения силам природы, солнцу, луне, звездам, временам года. Сам же Гесэр то наделялся качествами древнего божества, то превращался в фигуру воина-защитника. Иногда его связывали с

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 70—71.

конкретными кочевыми племенами, а иногда с легендарной страной Шамбалой. Древние прямые мечи, изображенные на менгирах, назывались мечами Гесэра. Горные огненные козлы на скалах именовались знаками Гесэра. Правители тибетского княжества Линг считали себя потомками Гесэра. Королевская семья Ладакха тоже вела свое происхождение от Гесэра. Каждую весну в Ладакхе отмечали праздник в честь Гесэра. На празднике пели баллады о легендарном герое и устраивали состязания по стрельбе из лука. Но баллады о Гесэре пели не только по праздникам. Их пели в домах, у кочевых костров, на ночных стоянках в горах. Юрий Николаевич слышал их в Шаругене холодной зимой 1928 года. «Вечером, — пишет Юрий Николаевич, — когда над скалами взошла луна, часовые запели балладу о Гесэре, сопровождая песню каким-то странным танцем. “Сегодня пришла лошадь Гесэра, сегодня взойдет солнце и на леднике будет бродить лев”, — пели хор-па, и их пронзительные голоса врываются в ночную тишину»¹.

По горным трактам Тибета бродили сказители. Они как будто вышли из клубящегося тумана прошлого Времени. На них были белые кафтаны, а остроконечные высокие шапки украшали изображения Солнца и Луны. Они пели о подвигах Гесэра, о его волшебном, не знающем поражений мече, о его сражениях с царем демонов, о странствиях его в трех мирах; о чудесной кристаллической вазе, подарке нагини, живущей в озере, о призрачном караване и невидимом лагере, который разбил Гесэр на подступах к крепости царя Хора.

Они рассказывали о четырех Великих королях мира и считали Гесэра одним из них. Они называли его Господином Лошадей, чье царство лежит на севере под созвездием Большой Медведицы.

«Как замечательно влиты символы, — писал Николай Константинович, — в эти неясные и как бы лишённые значения слова, связывающие Гесэр-хана с семизначным созвездием Севера. Монгольская “габала” и особенные чаши бутанских храмов напоминают о тех же устремлениях и надеждах»².

Имя Гесэра соотносили со многими историческими личностями. Его отождествляли с китайским полководцем Хуан-ди, который жил в III веке. Ему приписывали женитьбу на китайской принцессе Вэнь-Чень, которая в действительности была женой тибетского короля Срон-цзан-гампо, правившего в VII веке. В сказаниях о Гесэре содержались описания реальных войн, которые вели кочевники Тибета и Центральной Азии много веков назад. Юрий Николаевич обнаружил, что самый древний слой «Гесэриады», который был связан с боном, уходившим своими корнями в домонгольское и дотибетское население, «содержит много параллелей с европейским

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 6. 1975. С. 378.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 215.

фольклором»¹. Все это вновь подтверждало предположение Николая Константиновича о направлении древнего миграционного пути народов с Востока на Запад. На полотнах Рериха возникают «Замки Гесэра», «Меч Гесэра», «Знаки Гесэра» и, наконец, сам Гесэр. Всадник, изогнувшийся в седле только что остановленной лошади. Лошадь еще раздувает бока от быстрого бега. Над всадником во все полотно полыхает багрово-красное небо. Он натянул тетиву лука, чтобы послать стрелу. И она устремится туда, где разгорается рассветной зарей Будущее. Стрела понесет в это Будущее «вдохновенный иероглиф», начертанный веками и тысячелетиями. Иероглиф культурной преемственности и бесконечности пути духовных накоплений.

Но в Будущее вело не только созидание, но и разрушение, ибо это Будущее, как и все остальное, держалось на противоположениях. Войны, набеги, слепой религиозный фанатизм, равнодушие потомков к тому, что было создано предыдущими поколениями, — все это отзывалось в Рерихе тревогой и горечью. Больше всего разрушений было на китайском маршруте.

«Разрушились, пустынные сейчас, храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?»²

Он всегда пытался найти в прошлом ту ступень, на которую могло бы опереться будущее. Но многие ступени были уже разрушены. В развалинах лежал домусульманский Кашмир. Руины храмов Мартанда и Авантипура свидетельствовали о блестящей эпохе исчезнувшей самобытной культуры.

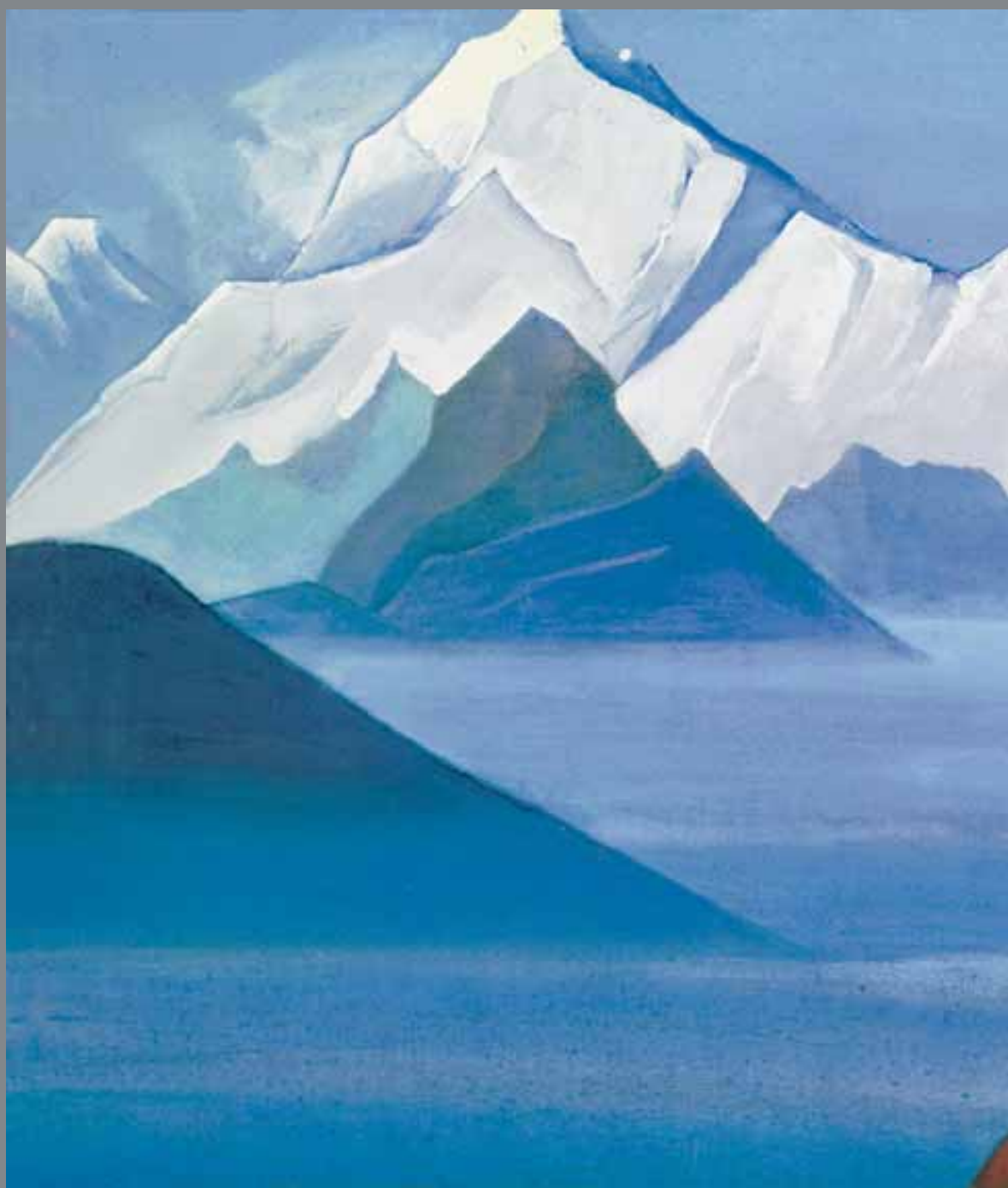
«После “мелкого рисунка” современного Кашмира отдыхаете на развалинах Мартанда и Авантипура. И здесь девятый и десятый века дали расцвет. Здесь фантастика азиатской колыбели романеска торжественно слилась с радостным культом Вишну. Чувствуете, что и здесь, на фоне сапфировых предгорий Гималаев, стояли величественные сооружения. Вскрыты они лишь частично. Пологие наносные бугры скрывают целые дворцы и города. Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках. Любящие руки соберут чашу прекрасного сознания»³.

Когда он писал эти пророческие строки, никто и не подозревал, что десятилетия спустя «картина мощи Азии» предстанет в раскопках кашмирских археологов. В Ладакхе древняя культура еще окончательно не погибла. И хотя там тоже было немало руин, но культурная традиция еще жила и держалась сильными побегами в настоящем.

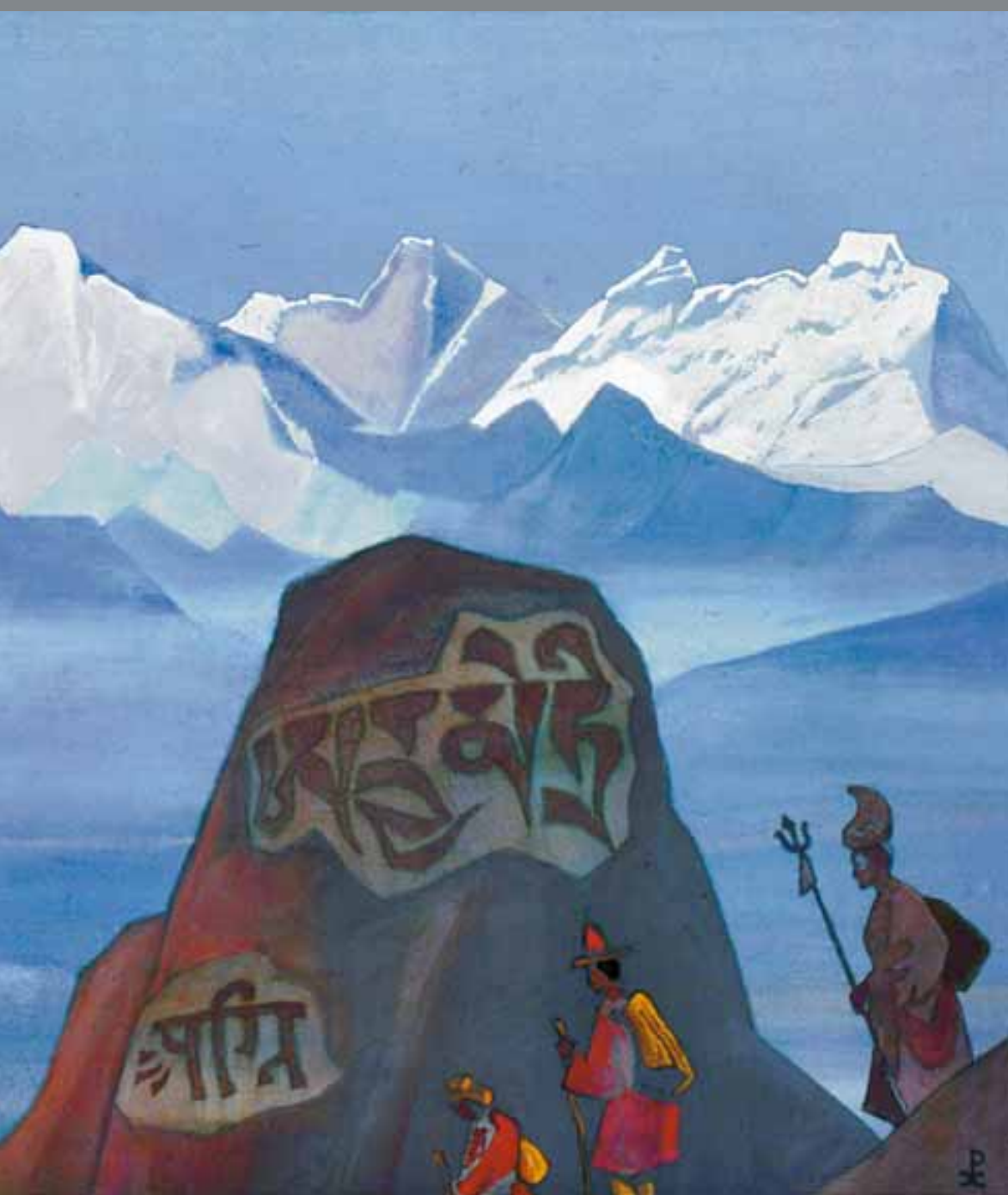
¹ Рерих Ю.Н. Избранные труды. М., 1967. С. 188.

² Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 265.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 59.

Н.К.Рерих. Путь на Кайлас. 1932

На горных склонах и скалах стояли многоэтажные каменные дворцы и монастыри. От перевала к перевалу шагали старинные ступы. Со скал смотрели изображения буддийских божеств, святых и учителей. Ладакх походил на огромный музей, и этот музей увлек Николая Константиновича. Он изучал его «экспонаты». И художественные, и исторические. Каждый день приносил что-то новое.

«Красная тяжелая дверь медленно открывается, мерцая золотом узоров. В сумраке дукханга величественно уходит ввысь гигантское изображение Майтрейи. В бархатных наслоениях времени начинаете различать на стенах мягкие силуэты обликов. Целый ряд строгих Бодхисаттв, Держателей, Хранителей... Четко стоят они. Запечатлены твердой рукой. Время придало краскам богатство и смягчило искры золота»¹.

Он побывал во многих монастырях: Алчи, Ламаюру, Маульбеке, Хемисе, Ше, Тиксе. На его полотнах возникала своеобразная древняя культура Заповедной горной страны.

«Те, кто строил Ламаюру и Маульбек, — писал он, — знали, что такое истинная красота и бесстрашие. Перед таким размахом, перед такой декоративностью тускнеют итальянские города. И эти торжественные ряды ступ, как радостные светильники на турмалиновых песках. Где вы найдете такую декорацию, как замок “Тигровая вышка” или бесчисленные развалины замков около тибетской Карну, увенчавшие все утесы? Где же страна, равная этим забытым местам?»² В этих «забытых местах» его интересовали и древние погребения, и загадочные «мальтийские» кресты на камнях, и каменные стелы около Драса. Его привлекала символика, следы которой он обнаруживал в различных временных слоях.

Символика — удивительный элемент человеческой истории — обладала таинственной силой длительного существования. В ней он видел присутствие загадочного элемента — «связи времен» и поэтому так дорожил этими знаками-символами. Они по-своему писали человеческую историю на камнях, дереве, тканях, стенах. За каждым из них стояли мысль, время и способ постижения окружающего мира. Символ поддавался изучению и расшифровке.

«Всюду знаки креста, — писал он. — И старые монгольские монеты несторианских ханов с крестом. И над древним буддийским монастырем под Пекином — крест. И на чепраке седла — крест. И налобник уздечки снабжен крестом. И на камнях Ладакха и Синьцзяна — кресты. Несториане и манихеи широко прошли по Азии. На фресках монастырей — кресты. На узоре кафтана, на четках, на шее, на ладанках — тот же крест. Не свастика со струями огня, но равноконечный вечный символ жизни. На китайских шапках тибетских генералов

¹ Рерих Николай. Шамбала. С. 66.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 75.

горит рубиновое крестообразное дордже. Конь счастья несет знак его. Старые бронзовые фибулы, может быть, из могил, — крест в круге»¹.

После Ладакха тибетские монастыри вызвали чувство острого разочарования. Упадок, царивший в стране, наложил на них свою печать. Монастырские здания только внешне производили впечатление основательности и массивности. Внутри они обветшали, ветер гулял по сырým залам храмов. Старинные фрески разрушались. Новые были грубы и неинтересны. Ламы, невежественные и грязные, торговали на базарах священными реликвиями. Тем же самым занималось и само лхасское правительство. «Принципы жизни разрушены. Не мы, но сами тибетцы отмечают это. Они понимают, что без связей с другими странами, при отсутствии собственного сильного духа Тибет будет исключен из современной эволюции»².

В монастырях, которые когда-то были центрами просвещения, господствовали предрассудки, суеверие, корысть. Многие ламы забыли о духовной практике и заменили ее ритуалами примитивной магии и несостоятельных пророчеств.

Старинные грозные крепости стояли в развалинах, а новые укрепления напоминали их мало. Они были непрочны и жалки. «Хороши одни лишь развалины старого Тибета, — писал Николай Константинович. — Эти древние башни и стены складывали какие-то иные люди. Строители их знали и о Гесэр-хане, и о Владыке Шамбалы. Здесь были и ашрамы великих Махатм. Но ведь теперь ничего этого нет...»³

Картина буддизма в Тибете была достаточно противоречивой. Николай Константинович понимал, что многое в ламаистском толке буддизма устарело, обветшало и уже не имеет будущего. Но вместе с тем в недрах этого сложного явления возникло нечто такое, что в 1920-е годы получило свое неожиданное развитие. Этим явлением был культ будущего Будды — Майтрейи. Изображения Майтрейи высекались при дорогах. В честь него в Ладакхе, Монголии и Тибете сооружались храмы. «Горные проходы. Уже близки снега. На древнем пути огромное изображение Майтрейи, изваянное на скале, посылает странствующим свое благословение. Не обычной рукою превращена поверхность скалы в монументальный, Великий Облик. Мощь руки и неутомимость труда подвигли человеческие силы к такому созданию на пустынном теперь пути. Ведь все это велико и многозначительно замыслом, и убедительно формами, и увлекательно мастерским убором»⁴.

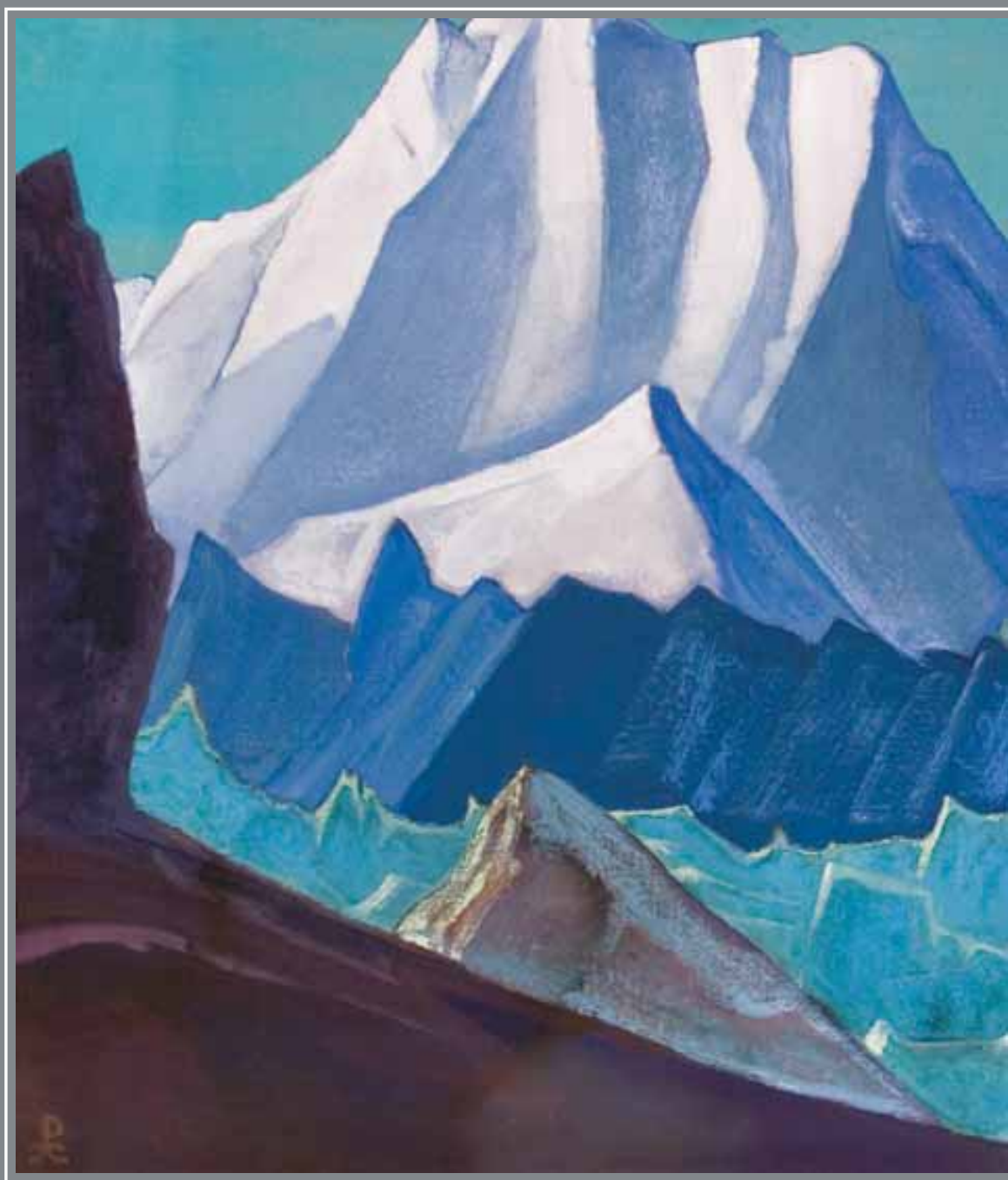
По странам, где двигалась экспедиция, ходили пророчества о Майтрейе, грядущем Будде. Рерих собирал и записывал эти пророчества. В них было нечто такое, что заставляло задуматься и соотнести с тем, что происходило в Азии в те годы.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 262.

² Roerich N. Shambhala. P. 57—58.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 264.

⁴ Рерих Николай. Шамбала. С. 67.

Н.К.Рерих. Майтрейя. 1932

«Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли Нового Мира для затемненных и, как красное солнце, для понявших!»¹ Красный Всадник мчался по просторам Азии и призывно трубил в раковину. Его ждали веками угнетенные народы. Они надеялись на приход Спасителя и Защитника.

Культ Майтрейи был сложен, как и сама жизнь. Жизнь вливала новую суть в старую форму. Азия пробуждалась. Мечта народа о лучшем будущем, его готовность к борьбе за него вылились в страстное ожидание прихода Майтрейи-освободителя.

Экспедиция шла по Азии. Древние страны Востока одна за другой возникали перед глазами ее участников.

Вопрос, что такое Восток в культурном и историческом отношении, давно волновал Николая Константиновича. Ученые того времени, большинство из которых были связаны с колониальными державами, усиленно проповедовали идею «европоцентризма». Европоцентристы считали Европу, или Запад, передовой и динамичной, играющей главную роль в истории планеты, а Азию, или Восток, — отсталой, утратившей потенциал к дальнейшему развитию. Дикие орды, были уверены они, выносимые волной истории из глубин Азии в Европу, несли лишь разрушение, насилие и кровь. Они не были способны к созиданию, к творчеству и были обречены самой историей на исчезновение и забвение. Запад был христианским, Восток — языческим. Оттуда, с Востока, время от времени просачивались странные идеи, тревожившие христианскую церковь. Испокон веков человечество было разделено на Запад и Восток. На два враждебных друг другу мира. Все лучшее было на Западе, все худшее — на Востоке. Два мира, которые никогда не поймут друг друга.

*Запад есть Запад.
Восток есть Восток.
И вместе им не сойтись, —*

писал известный английский поэт Киплинг. Рерих был одним из тех, кто всю жизнь боролся против утверждения: «Запад есть Запад, Восток есть Восток», не принимал «европоцентризма», отстаивал идеи культурной общности различных народов и неизбежности культурного синтеза в будущем. Его исследования в период Центрально-Азиатской экспедиции, непосредственно затрагивающие проблему Запад — Восток, носили не только научный характер, но и философский. В отличие от «европоцентристов» он понимал, что там, где происходило историческое соединение культур Востока и Запада, возникала богатая, самобытная культура, лишенная в своей основе идеи превосходства над другими.

¹ Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. Париж, 1929. С. 132.

Россия, где он родился, находилась на стыке двух культур. «В блеске монгольских мечей Русь внимала увлекательной сказке Востока. На щитах варяжских перенеслись руны романеска, вошедшие благороднейшими знаками на стены русских палат и храмов»¹.

Ему представлялось неправомерным деление мира на Восток и Запад, а культуры — на восточную и западную. Он стремился доказать всеми своими экспедиционными исследованиями, что культура обоих миров имела общий древнейший источник и что этот источник находился именно на Востоке. Рерих был убежден, что первые древнейшие миграции народов, в частности индоевропейских, имели свое четкое направление с Востока на Запад. Эти восточные миграционные потоки питали культуру Запада и формировали ее изначальный фундамент. Не признавать этого — значило отрицать собственные истоки, обеднять собственную культуру. Между Востоком и Западом не существовало той четкой границы, того отталкивания, которое стремились обосновать приверженцы концепции «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Оба мира с самого начала взаимопроникали, оба мира имели единый общечеловеческий источник.

«Где Восток и где Запад? После Азии вы приезжаете в Грецию и чувствуете мудрость Востока; вы прибываете в Италию — и та же мудрая романтика проникает в вас; Корсика, Испания — в этих местах сохранилось до сих пор что-то от великого Востока. И знамена Фердинанда и Изабеллы близки к марокканским орнаментам. Вы прибываете в Нью-Мехико, и на просторах этой прекрасной страны опять звучит гимн Востоку; и вы знаете, что в Мексике, на Юкатане, во всех замках Южной Америки — та же самая нота великой поэмы, великого видения, великой мудрости звучит повсюду»².

Действительно, где Запад, где Восток? Разве можно разделить воду одного источника, питающего разные поля? В истории планеты все время возникали явления, которые соединяли Восток и Запад, случались события, которые толкали их навстречу друг другу. Кочевые империи, складывавшиеся на средостении Востока и Запада, поздние миграции, или так называемое великое переселение народов, монголо-татарские набеги, крестовые походы. «Широкоохватно, как и все, проникновение Востока на Запад под знаком крестовых походов и по следам великих путников»³, — писал Николай Константинович.

Влияние Востока, бурно проникавшее в средневековую Европу вместе с крестовыми походами, меняло культурную и духовную жизнь Запада. Крестоносцы принесли в Европу дамасские клинки,

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 131.

² Roerich N. Shambhala. P. 295.

³ Рерих Н.К. Восток — Запад. М.: МЦР, 1994. С. 97.

а на щитах — фантастических зверей Востока в символике рыцарских гербов. И «звериный стиль» заговорил новым языком. Восточная утонченность и изысканность проникли в сумрак европейских замков, наполнив их ароматом неведомых благовоний, острою неизвестных специй, мягким шуршанием струящихся шелков.

Возникали странные рыцарские ордена, в чьих библиотеках хранились таинственные рукописи, привезенные из далеких стран. Толстые стены их замков оберегали тайну неведомых ритуалов и мистерий. Древняя философия Востока, просачиваясь сквозь брешь, прорубленную мечами крестоносцев, меняла представления, создавала новые направления в европейской мысли. Мерцали и светились цветные стекла витражей, и распускалась каменная роза, не по-европейски утонченная и изысканная. В прошлое уходил церковный «романеск», унося с собой древнее и горячее дыхание азиатских степей и пустынь. На смену ему пришла готика, ставшая призрачным отражением изощренности городской культуры того же Востока.

«Соприкасание с народами Востока, — утверждал Рерих, — явилось одним из важнейших импульсов средневековья. Оно вызвало во всех областях неожиданное пробуждение. Это был первый расцвет, первый ренессанс»¹. Восток спасал Европу от тупика Средневековья, вливал древнюю кровь в ее культуру и придавал этой культуре новое звучание.

«Запад действительно многое самое ценное воспринял от Востока. И религии, и философии, и многие другие ценнейшие находения по справедливости должны быть отнесены именно к Востоку, к Азии»².

Он указывал на приоритетную роль Востока в его бесконечном диалоге с Западом. Его мысли и слова подтвердятся в середине XX века, когда Европа в который уже раз вновь начнет открывать для себя культурный Восток и будет многому поражаться и удивляться.

«То, что для Запада — сенсация, то для Востока — давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы»³.

От розового рассветного неба, от снеговых вершин гор, распластав в небе сильные крылья, летит крупная белая птица. Есть какая-то загадочная устремленность в этом полете. Картина называлась «От Востока белый орел». Она утверждала неизбежность Белого Орла, неминуемость мысли, летящей с Востока.

«Идея Востока и Запада, — писал Николай Константинович, — идея близнецов, которые никогда не встретятся, — является для нас уже устаревшей... Запад может легко понять и оценить вечную мудрость, которая проливается из этой части мира. Откуда, и это факт,

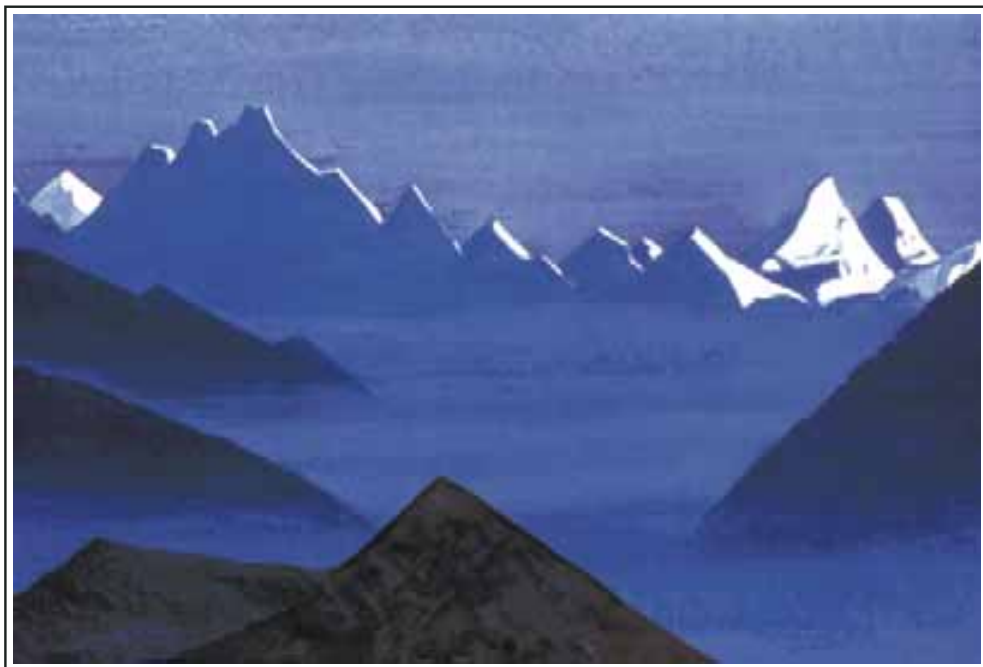
¹ Рерих Н.К. Восток — Запад. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 236.

пошли все религии и учения. И великий Восток следит за открытиями Запада и ценит достижения их творческого ума»¹.

Не разъединение, а объединение. Не противостояние, а гармоничное слияние во имя дальнейшего продвижения человеческой культуры. И Рерих, ученый и художник, в своем творчестве показал Восток не как обломок прошлого, а как целый живой организм, функционирующий и действующий в качестве неотъемлемой части мировой культуры и мировой истории. За Востоком стояло будущее, и над ним сиял «вдохновенный иероглиф» наступающей Новой Эры.

Н.К.Рерих. Гималаи

¹ Roerich N. Shambhala. P. 288—289.

Глава седьмая

«ПОМИМО ИСТОРИКОВ»

Признаюсь, к любому
другому рассказчику,
поведавшему мне
о подобном, я отнесся бы
с величайшим недоверием.

Г.Гессе

Однако, даже если
доказательства и
утверждения не в нашей
власти, мы все-таки можем
еще оперировать гипотезами.

Г.Мелвилл

...Вечерняя служба в монастыре закончилась, и ламы, приняв свой скудный ужин, удалились на покой. На степь и невысокие горы спустилась ночь. Стены монастыря, украшенные субурганями, четко выделялись на звездном небе. Свет ущербной луны призрачными бликами лежал на изогнутых крышах храмов Эрдени-Дзу, и под ним, переливаясь и дрожа, поблескивала сине-зеленая глазурь черепицы. Один за другим гасли огоньки в окнах жилищ лам, и вскоре все погрузилось в ночь. И только слабое красноватое сияние исходило от входа в главный храм, где монастырский служка затеплил несколько светильников у огромной золоченой статуи Будды.

Служка стоял у открытой двери, прислушиваясь к тишине, окружавшей монастырь и развалины древнего города, которые лежали у его стен. Он уже хотел отправиться на покой, когда до его слуха долетел слабый звук. По степи скакали кони. Топот их копыт становился все отчетливее. «Кто бы это мог быть? — подумал служка. — Ведь уже полночь». Он быстрыми шагами пересек двор монастыря и направил-

ся к воротам. Но всадники уже проскочили ворота и неслись теперь к главному храму. Служка успел заметить их шитые золотом кафтаны и меховые шапки, низко надвинутые на лица.

Впереди скакал высокий человек, явно отличавшийся от других. Служка бегом вернулся к главному храму и увидел, что всадники спешили у его входа. Высокий прошел в храм, и вдруг там все осветилось. Зажглись масляные лампы. Служка мог дать голову на отсечение, что они зажглись сами собой. Еще не осознавая происшедшего, он вбежал в храм и увидел высокого. «Позови лам», — приказал тот.

Служка бросился выполнять приказание. Ламы собрались быстро. Высокий прошел к месту, отведенному Богдогегену, снял шапку, и ламы увидели его лицо. Перед ними стоял Великий Держатель, Ригден-Джапо. Ламы повалились ему в ноги. Но он нетерпеливым жестом поднял их и сел на трон Богдогегена. Никто из лам потом точно не помнил, сколько времени все продолжалось. С трона Великий Держатель произнес несколько пророчеств, которые вскоре сбылись. Потом гибким движением поднялся с места и вышел из храма. Лампы погасли, как будто по его приказанию. Он вскочил ловко в седло, окружавшие его всадники, так и не открывшие лиц, молча последовали его примеру. Вся необычная кавалькада вынеслась из ворот монастыря так же стремительно, как и появилась. И только еще какое-то время был слышен замирающий звук копыт их лошадей.

Ламы зажгли лампы в храме и начали благодарственный молебен в честь Великого Ригден-Джапо, Владыки Шамбалы. Потом узнали, что Великий Держатель посетил в эту ночь и монастырь Нарабанчи. Говорят, это случилось в XVI веке. Легенду о посещении Ригден-Джапо, Владыкой Шамбалы, двух монастырей — Эрдени-Дзу и Нарабанчи — рассказывали в Монголии, когда Центрально-Азиатская экспедиция готовилась к походу на Тибет. Легенда была записана Рерихом в экспедиционный дневник, ибо она, как ни странно, была тесно связана с деятельностью самих Рерихов.

В этой деятельности было много неясного и на первый взгляд неопределенного, недосказанного, а подчас и невероятного. Но, как бы там ни было, сюжеты, о которых пойдет речь, достаточно четко отразились в материалах экспедиции и являли собой, может быть, самый важный ее аспект. «...Помимо историков пишется другая история мира»¹, — записал Николай Константинович в своем дневнике. Эта история писалась народной памятью, красками легенд, звенела серебряными колокольцами сказок. Он бережно собирал эту память и исследовал ее как ценнейший исторический источник.

«Встречаясь со скучною рутинною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 244.

Н.К.Рерих. Приказ Ригден-Джапо. 1927

постучаться кто-то с самую великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда»¹.

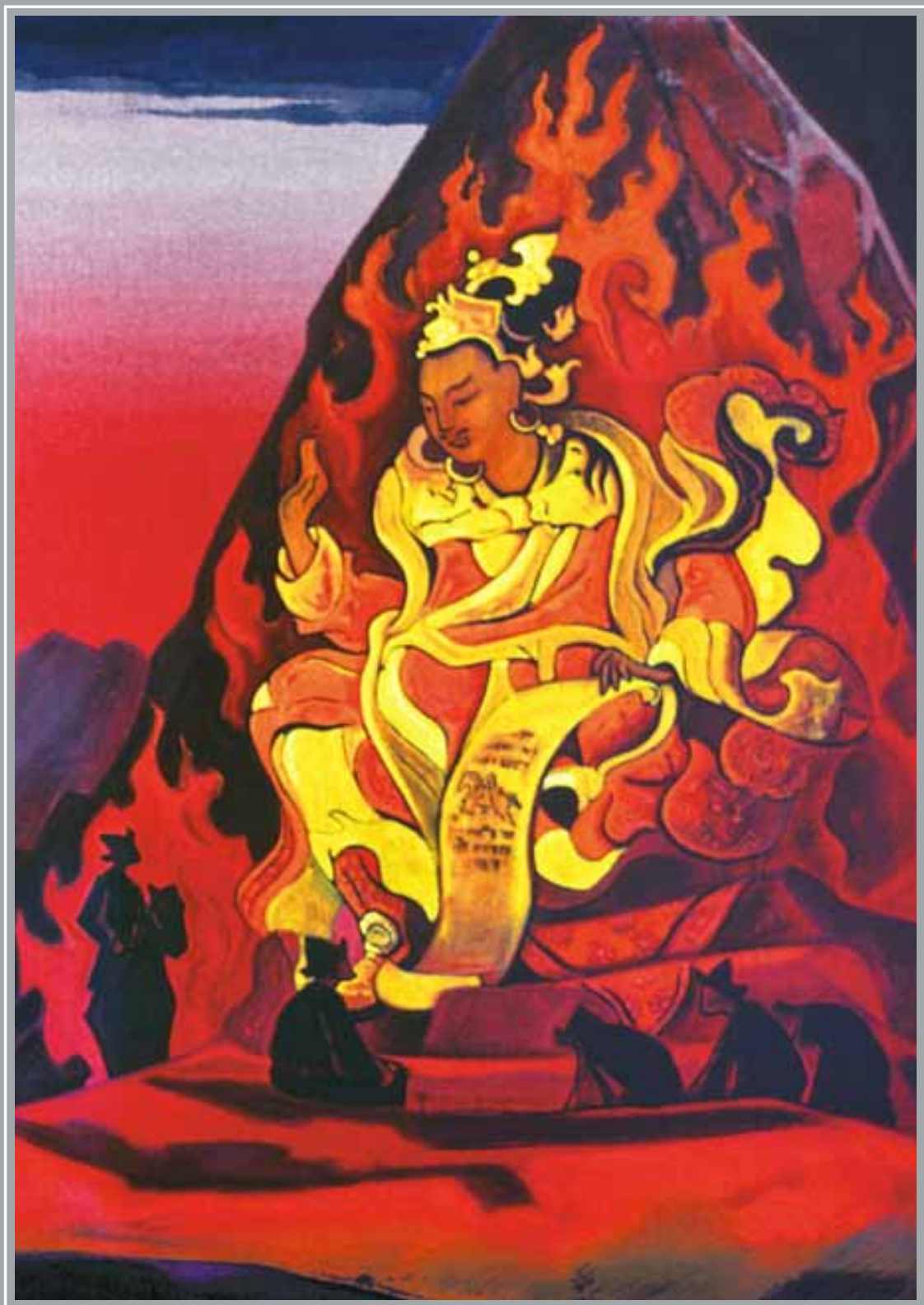
«Великая правда» находилась в том же потоке, где жили легенды и сказки и который проходил где-то опять же «помимо историков». Николай Константинович собирал легенды и предания о кладах, о затонувших и ушедших под землю городах, об исчезнувших неожиданно народах и племенах, о таинственных подземных ходах.

«О, эти скрытые сокровища! Скольких они вдохновляли! Это было не просто желание овладеть богатством. Это был извечный голод по тайне земли»². Легенды повествовали о сокровищах умерших императоров и правителей. Назывались имена этих императоров и города, где могли быть сокровища.

«Первый император Минской династии в Нанкине Мин Тай-су выбрал самые ценные из своих богатств и приказал схоронить их вместе с его телом. Он боялся, что его потомки потеряют свою мощь и сокровища будут разграблены армиями врагов. С торжественной церемонией тело императора было перенесено в склеп. Тысячи слуг несли

¹ *Рерих Николай. Сердце Азии. С. 118.*

² *Roerich N. Shambhala. P. 109.*

Н.В.Рерих. Приказ Ригден-Джапо. Фрагмент

за ним его отборные сокровища. Через несколько дней по окончании тризны все слуги были умерщвлены, и тайна погребенных сокровищ ушла вместе с их жизнью. Умерли один за другим и прочие свидетели тайны, и, когда пришли армии врагов, разрушили храмы и дворцы, разграбили Нанкин — богатства династии Минов остались нетронутыми, охраняемые душами тысяч погребенных там же слуг. Никто не рискнет разыскивать места спрятанных сокровищ...»¹

Легенды о заколдованных сокровищах Николай Константинович слышал на Великом шелковом пути между Кашгаром и Урумчи.

«...Недалеко от Анджалыка старый дом. Кто войдет в него — дивится богатому убранству и грудам золота. Наберет золота кучу, а дверь уже и заперта, и никуда не выйдешь. И покуда не отдашь обратно все золото до последнего зернышка, до тех пор и двери не отпрутятся. Такое же место есть около Учтурфана. Стоит строение, словно город, даже дымы видать, а войти можно только по пятницам. Но золота тоже не вынести из этого городища»².

Сказания повествовали о сокровищах, как сказали бы сейчас, внеземного происхождения. «Много сокровищ упало со звезд. Ангелы стерегут много сокровищ и кладов»³. Легенды связывали все эти сокровища и клады с какими-то неведомыми сроками. Сокровища прятали в прошлом, сроки же намечались на будущее. «Движущиеся пески. Как жадные стражи, они сторожат сокровища, которые только изредка выходят на поверхность. Но никто не осмелится тронуть их, ибо они охранены тайными силами и могут быть выданы людям лишь в сужденное время. Над землей там ползут ядовитые испарения. Не принимайте к земле, не пытайтесь поднять что-нибудь, не принадлежащее вам, иначе вы падете мертвым, как погибает грабитель»⁴.

Спрятанные клады легко никому не давались. Они требовали усилий, труда, сообразительности, подвижности. Тайные указания на них содержались и в старинных рукописях, хранящихся в монастырях. Экспедиция на своем пути не раз встречала на скалах загадочные отметки, знаки, сложенные из камней. Сколько веков назад их поставили? А может быть, сложили совсем недавно? «Именно в середине Азии, — писал Николай Константинович, — сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь»⁵.

Легенды повествовали о скрытых от постороннего глаза подземных ходах, которые вели к таинственным городам под землей и под водой. «Каждый вход в пещеру предполагает, что кто-то уже вошел туда. Каждый ручей — особенно подземные ручьи — побуждает к фан-

¹ Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 49—50.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 161.

³ Roerich N. Shambhala. P. 113.

⁴ Рерих Николай. Держава Света. С. 257—258.

⁵ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 173—174.

тазии о подземных ходах. Во многих местах Центральной Азии говорят об агарти, подземном народе. В бесчисленных прекрасных легендах повествуется сходные истории о том, как лучшие люди, отягощенные предательской землей, ищут спасения в запрятанных странах, где они получают новые силы и мощные энергии»¹.

Когда экспедиция подходила к Хотану, звук копыт лошадей был странным и непривычным. Возникло ощущение, что под дорогой лежала пустота. Караванщики сказали, что там внизу находятся ходы, ведущие в подземное царство.

В Кучаре, на Великом шелковом пути, Николай Константинович услышал сказание о По-чене, правителе тохаров. Когда враги осадили его город, он ушел оттуда тайными ходами, забрав с собой все сокровища королевства. Когда враги ворвались в осажденный город, они нашли там только руины и песок. На Алтае староверы рассказывали о таинственной чуди, которая скрылась от притеснений в подземные ходы. Староверы связывали с этими ходами древние погребения — кромлехи, окруженные кругом камней. Один из них вызвался показать Николаю Константиновичу то место, куда ушла чудь, утверждая, что в этом месте начинается подземный путь в великое подземное царство.

«Мы стояли, — записал Николай Константинович, — перед огромным погребением, окруженным большими камнями, таким типичным для периода миграций. Такие погребения с прекрасными остатками готских реликвий мы видели в южнорусских степях, в предгорьях Северного Кавказа. Изучая этот курган, я вспомнил, как во время нашего перехода через Каракорумский перевал мой проводник-ладакец спросил меня: “Знаете ли вы, почему здесь такое странное возвышение? Знаете ли вы, что в подземных пещерах спрятано много кладов и что в них живет чудесное племя, которое испытывает отвращение к грехам земли?”»²

Каждый этап экспедиционного пути приносил все новый материал. «Вы обнаруживаете те же самые связи, — писал он, — в фольклоре Тибета, Монголии, Китая, Туркестана, Кашмира, Персии, Алтая, Сибири, Урала, Кавказа, русских степей, Литвы, Польши, Венгрии, Германии, Франции; от высочайших гор до глубочайших океанов. Вы услышите чудесно сложенные предания в области Турфана. Они рассказывают вам, как священное племя преследовалось тираном и как люди, не желая подчиниться жестокости, замуrowали себя в подземельях гор»³.

Он прислушивался к легендам о городах, засыпанных песками пустынь. По ним он пытался найти какие-то древние, скрытые песками дороги, занесенные знаки каких-то исчезнувших путей. «Трепещет

¹ Roerich N. Shambhala. P. 213.

² Ibid. P. 215.

³ Ibid. P. 212.

Н.К.Рерих. Святые пещеры. 1932

щит песков. Текучие смываемые знаки. Расспрашиваем о древностях. Из пустыни уже многое вывезено, но еще большее скрыто песками, и найти это можно лишь ощупью. И сейчас, после сильного бурана, из недр обнаруживаются новые ступы, храмы и стены неведомых селений. По малым признакам скажете ли, где захоронено самое главное?»¹

Великие пустыни Гоби и Такла-Макан. Под их песками лежали таинственные, еще не открытые города. Города хранили сокровища. «Встала вся нежность и вся беспощадность пустыни. И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток — там великая Такла-Макан! Там захороненные города»². Города, засыпанные песками, города, лежащие в глубинах морей и океанов. Для него существовала какая-то определенная связь между теми и другими. «В каждой искре фольклора, — писал Рерих, — есть капля Истины, приукрашенной или искаженной»³. Предания о затонувших городах свидетельствовали о катастрофах, о которых писали древние. Он обратил внимание на особый аспект легенд о затонувших и исчезнувших городах — на гибель

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 108.

² Там же.

³ Roerich N. Shambhala. P. 216.

Н.К.Рерих. Путь в Шамбалу. 1933

священных городов. Почему эти города были священными — никто не знал. Но легенды упорно называли их так.

«Иногда, — писал он, — священный город тонет, как в фольклоре Голландии или Швейцарии. И этот фольклор совпадает с действительными открытиями в озерах и на морских берегах... Среди историй о затонувших городах история о городе Керженце под Нижним Новгородом обладает особым очарованием»¹. Это особое очарование состояло в редком празднике, который когда-то ежегодно отмечался на берегах озера, в волны которого погрузился Керженец, чтобы избежать татарского ига. В этот день по берегам озера зажигали костры, и процессия с факелами двигалась вокруг него. Люди пели песни о затонувшем, но еще существующем, по их представлению, священном городе. Потом они в молчании собирались у костров и слушали. Они хотели услышать звон колоколов, которые звонят в невидимых подводных церквах. Подобную церемонию Николай Константинович наблюдал в далеких от русских равнин Трансгималаях, около священного озера Манасаровар. Сравнивая обе традиции, он пришел к выводу,

¹ Roerich N. Shambhala. P. 216.

что легенда о Керженце, подводном граде Китеже, имеет древнейший слой, который, как ни странно, связан с далекими Гималаями. Легенда вела все в тот же тайник.

«Вся земля, — писал он, — толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду. И русский, и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же, как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков пустынь и снова — до времени — уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. <...> Зачем сочинять, когда истинного так много, когда в Ла-Манше и сейчас виден город, ушедший под воду»¹.

С этим циклом легенд был связан другой, не менее, а может быть, и более обширный. Это были легенды и сказания о Заповедной Стране. Приведенная в начале главы легенда — одна из них. Эти легенды и сказания звучали везде: у костров караванных стоянок, на горных перевалах, под иссушающим солнцем пустынь, на пастбищах горных долин, у стен монастырей и святилищ. Их рассказывали караванщики, проводники, ламы, случайные попутчики, бродячие сказители. Они по-разному называли Заповедную Страну: Ба-Юль, Шамбала, Агартти, Беловодье, Белый остров, Шабистан, гора Меру.

В Заповедной Стране царила справедливость, там жили мудрые люди, обладающие могуществом богов. Лишь немногие знают, где находится эта Страна. Ее границы тщательно охраняются. Через горы в нее ведут подземные ходы. На Каракорумском перевале проводник Гурбан рассказал Николаю Константиновичу легенду о том, что под перевалом есть подземные своды.

«Там, — сказал Гурбан, — собраны сокровища с самого начала мира. Сокровища сторожат стражи. Иногда путешественники и караванщики видят, как из подземных входов появляются высокие белые люди и снова там исчезают. Иногда они появляются с факелами, и многие караванщики знают эти огни»².

Те, кто обитают под сводами перевала, никому не причиняют зла, а иногда даже помогают людям. Однажды человек в снежную бурю отстал от своего каравана и заблудился. Ему показалось, что кто-то появился рядом, он огляделся, но никого не увидел. Через некоторое время он нашел в своем кармане несколько кусков золота. В Синьцзяне между Марал Баши и Кучарами конюх Сулейман показал на высокую гору на юго-востоке и сообщил, что там живут святые. «Многие ходили в их страну, — продолжал конюх, — но мало кто дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу»³.

¹ *Перих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 36.

² *Roerich N.* Himalayas. Abode of Light. P. 61.

³ *Перих Николай.* Сердце Азии. С. 104.

На Алтае уймонский старовер, раскачиваясь, пел, как старинную былинку, странную песнь:

*Возьму посох кедра, окручусь белою одеждою,
подымусь на Белую Гору, у нее спрошу —
откуда пошла белая вода?
От Горы, от самой вершины показались
сороков вершин.
За ними светится Гора Белая!
Камень ли горит? Тайна обозначилась.
Пойдем, братие, на тот Свет сияющий!
Невиданное увидено. Неслыханное услышано.
На Белой Горе стоит град. Звон слышен.
Петух в срок закричал.
Удалимся в город и послушаем Книгу Великую¹.*

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» — спросил Николай Константинович. «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию»².

¹ Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. С. 95.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 241.

Н.К.Рерих. Танг-ла

Н.К.Рерих. Песнь о Шамбале. Танг-ла. 1943

Это случилось в середине XIX века. «В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье»¹.

Легенды связывали Заповедную Страну с высокими вершинами гор. Когда рассказывали о Беловодье, показывали на Белуху. Лама около озера Зайсан указал на юго-восток и рассказал о священной горе Саур. В ясные дни с ее вершины, утверждал лама, видны горы Заповедной Страны. Лама в Сиккиме рассказал о пятиглавой Канченджанге. «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там»².

Легенды повествовали о том, что время от времени из Заповедной Страны появляются люди. Многие из них не походили на ныне живущих.

Староверы на Алтае рассказывали: «Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу — помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из Святой Страны»³.

Здесь же, на Алтае, Николай Константинович записал в экспедиционном дневнике: «В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы пещер. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Пещеры и тайные ходы. От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; “длинное ухо” знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкою»⁴.

При приближении к Заповедной Стране случаются различные события или явления. Иногда люди слышат голоса, колокольный звон или ощущают необычные ароматы.

Древние снежные люди, утверждали легенды, несут дозор на подступах к Тайне. Ядовитые газы, вырывающиеся из-под земли, губельны, и пройти через них невозможно. Странные вибрации, время от времени возникающие вокруг заповедных мест, заставляют караваны обходить некоторые пути стороной. Границы Шамбалы отмечены особыми знаками, но многие не замечают и не видят этих знаков и проходят в неведении мимо.

Легенды связывали с Заповедной Страной и великого героя Гесэра. Гесэриада была многослойна в культурном, историческом и философском планах. Формируясь в течение многих веков, проходя сквозь

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 110.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 107.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 240.

пространство и время, она соткала многоликий узор героя Азии. Каждая эпоха вложила в этот узор свой рисунок, стремясь сделать его ярче, тоньше и богаче предыдущего.

«Фольклор нуждается в орнаментах, — писал Николай Константинович. — За народными сказками оказывается вышивной узор, полный исторического значения. Народ ищет красоту жизни. Для нее он поет и слагает мелодии, для нее он должен расцветить узором каждый ворот, и подол, и нарукавник. Ради красоты народный творец закончит крышу коньком и зацветит ставни травным богатством»¹. Вот этот «узор, полный исторического значения», и создал тот особый лик Гесэра, который был непосредственно обращен к Заповедной Стране.

Всемогущий и справедливый, всегда готовый прийти на помощь, Гесэр напоминал легендарного Владыку Шамбалы Ригден-Джапо. Скалы метились стрелой — знаком Гесэра. Стрелу складывали из камней около загадочных менгиров Трансгималаев. Стрелы летели из Шамбалы, неся важные вести людям. Мечи Гесэра и мечи воинства Шамбалы были одной и той же формы. Конь Гесэра нес своего хозяина по горным тропам ночных гор. Стук его копыт, идущий из прошлого, отдавался эхом в настоящем.

Часто рядом с мечами и знаками Гесэра были высечены три круга, таинственный знак легендарного Камня, Сокровища Мира. Этот Камень, гласили предания, попал на землю из далекого созвездия. Камень блуждал по земле, появляясь в самых неожиданных местах. О нем рассказывали на Алтае, в Монголии, в Тибете, в Индии. Чудесный Камень приносил своему владельцу способность предсказывать события, видеть далекое будущее. На Алтае староверы пели песни об этом Камне и об Иосафе-царевиче. Николай Константинович заметил, что в этих песнях многое было взято из легенд и преданий о Будде.

*Из пустыни старец
В царский дом приходит,
Он принес с собою,
Он принес с собою
Прекрасный камень драгий.*

*Иосаф-царевич
Просит Варлаама:
Покажи сей камень
Покажи сей камень,
Я увижу и познаю цену его. <...>*

*О, купец премудрый!
Скажи мне всю тайну,
Как на свет явился,
Как на свет явился
И где ныне пребывает камень той?*

¹ Рерих Николай. Листы дневника. Т. II. С. 50.

*Пречистая Дева
Родила сей камень,
Положен во яслях,
Положен во яслях,
И прежде всех явился пастухам.*

*Он ныне пребывает
Выше звезд небесных;
Солнце со звездами,
А земля с морями
Непрестанно славит Бога всегда¹.*

«Теперь сказ идет, — писал Николай Константинович, — о знаменитом Черном Камне. В прекрасных символах старый путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный Камень — Чинтамани индусов или Норбу Римпоче тибетцев и монголов. Ис тех пор часть этого Камня блуждает по земле, возвещая Новую Эру и великие мировые события»².

Существовала какая-то связь между этим Камнем и чудесной чашей Будды. Чаша была главной реликвией буддистов. После смерти Будды, как утверждали некоторые, чаша попала в Пешавар и в IV веке еще находилась там в особом монастыре. Потом время стерло следы чудесной реликвии, и о ней остались лишь предания. Одно из них гласило, что чаша Будды была сделана из четырех сосудов, вставленных друг в друга. «Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее»³.

Символ чаши проходил через многие учения, религии и эпические сказания Востока. Символ был древен и устойчив. В индийской «Махабхарате» Индра отнимает чашу с напитком бессмертия у царя нагов. В персидских сказаниях герои завладевают бирюзовой чашей с эликсиром жизни. Русские монахи Соловецкого монастыря рассказывали о чаше царя Соломона, высеченной из особого драгоценного камня. В знаменитом рыцарском цикле о короле Артуре герои ищут волшебную чашу — святой Грааль и преодолевают к ней путь, борясь с драконами, великанами и волшебниками. Изображение таинственной чаши встречалось на многих исторических реликвиях.

«В культах Зороастра изображается чаша с пламенем, — отмечал Рерих. — Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шекелях времени Соломона и древнее. В индийских раскопках эпохи Чандрагупты Маурьи видим то же самое, мощно стилизованное изображение. Сергей Радонежский, трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских

¹ Рерих Н.К. Древние источники. М.: МЦР, 1993. С. 37.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 258.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 105.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 33—34.

изображениях бодхисаттвы держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов. Горела чаша Грааля»⁴. Символ чаши, за которым стояла, по твердому убеждению Николая Константиновича, легенда о чудесном Камне, приобрел еще в древности общечеловеческое звучание. «Много внимания, — писал Николай Константинович, вспоминая свои беседы с монгольскими учеными, — уделялось чудесному камню, упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями.

Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными, неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным Камнем.

Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис — Блуждающий камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Вольфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами: «И этот камень называется Грааль»¹.

Предания и сказания о Камне связывали последний с историческими лицами: Аполлоном Тианским, Соломоном, Тимуром. Все они жили в разное время и в разных странах. Но история, которая писалась «помимо историков», коснулась и их.

«И опять мне вспомнились, — писал Николай Константинович, — рассказы о тайных магнитах, заложенных учениками Великого Путника Аполлония Тианского. Говорили, что в определенных местах, там, где суждено строиться новым государствам или созидаться городам великим, или там, где должны состояться большие открытия и откровения, — всюду заложены части великого метеора, посла дальних светил»². Странное переплетение реальности с легендой и сказкой было свойственно всему циклу сказаний о Заповедной Стране, Мудрецах и Камне.

Это же было присуще и двум другим литературным произведениям, одно из которых принадлежало перу Николая Константиновича, другое же было опубликовано Еленой Ивановной под псевдонимом Сент-Илер. Работа Николая Константиновича называлась «Шамбала Сияющая» и была написана в форме диалога, которым довольно широко пользовались древние греки, в частности Платон.

В своих диалогах «Тимей» и «Критий» Платон сообщил о затонувшей Атлантиде. Избранная Платоном литературная форма не требовала от него строгих научных доказательств, но в то же время позволяла ему сообщать информацию, в достоверности которой он сам был уверен.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 116.

² Рерих Николай. Нерушимое. С. 142.

Н.К.Рерих. Легенда о Шамбале. 1925—1926

Нечто подобное мы можем сказать и о «Шамбале Сияющей» Рериха. К этому можно добавить, что Николай Константинович широко пользовался и фольклором, который он собрал во время Центрально-Азиатской экспедиции. В работе нашла также отражение и буддийская традиция, которая канонизировала такие понятия, как Шамбала, Сокровище Мира — Чинтамани и Бодхисаттвы — люди, достигшие высокой степени совершенства.

«Лама, расскажи мне о Шамбале!» — так начинается диалог.

«Но вы, люди Запада, ничего не знаете о Шамбале, вы ничего не хотите знать. Вероятно, ты спрашиваешь из одного любопытства и все же произносишь это священное слово».

«Лама, я не бесцельно спрашиваю о Шамбале. Повсеместно люди знают об этом великом символе под различными именами. Наши ученые ловят каждый проблеск, касающийся этой замечательной области».

«Великая Шамбала далеко за океаном. Это могучее небесное владение. Оно не имеет ничего общего с нашей землей. Как и почему вы, земные люди, проявляете интерес к нему? Только в некоторых местах, на дальнем Севере, можно различить блистающие лучи Шамбалы».

«Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем реальность этого неопишуемого царства. Но мы знаем также о реальности земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы ездили в Шамбалу, как на пути они видели обычные физические предметы. Мы знаем рассказы бурятского ламы о том, как его провожали через очень узкий тайный проход. Мы знаем, что другой посетитель видел караваны горцев с солью из озер у самых границ Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб одной из трех застав Шамбалы. Так что не говори мне только о небесной Шамбале, но говори и о земной, потому что тебе столь же хорошо известно, как и мне, что Шамбала на земле связана с небесной Шамбалой. И в этом звене соединяются оба мира»¹.

Многое из того, что рассказали легенды, было повторено Николаем Константиновичем в диалоге, но в несколько иной, уже утверждающей форме.

«Чувствовали ли вы также благовоние храмовых курений в пустыне?» — спрашивал лама.

«Лама, ты совершенно прав — в каменной пустыне, во многих днях от всякого жилья, многие из нас одновременно почуяли тонкое дыхание аромата. Это происходило несколько раз. Никогда мы не слышали такого приятного запаха. Он напомнил мне одно благовоние, которое дал мне однажды в Индии мой друг — не знаю, где он достал его»².

¹ Roerich N. Shambhala. P. 1—3.

² Ibid.

Рерих опять писал о трудных подступах к Заповедной Стране, о тайных долинах и охраняемых границах.

«Лама, как происходит, что Шамбала на земле еще не открыта путешественниками? На картах можно видеть столь много путей экспедиций. Кажется, все высоты уже отмечены и все долины и реки исследованы».

«Воистину, в земле много золота, много алмазов и рубинов в горах, и каждый так жаждет обладать ими! И столько людей старается найти их! Но доселе эти люди не все отыскали — так пусть кто-нибудь попытается достигнуть Шамбалы без зова. Ты слышал о ядовитых потоках, окружающих нагорья. Может быть, ты даже видел людей, умирающих от их испарений, если они подошли близко к ним. Может быть, ты видел, как животные и люди начинают дрожать, подходя к некоторым местам. Много незваных людей пытается проникнуть в Шамбалу. Некоторые из них исчезли навсегда...»

«Лама, ты говоришь о святом месте на земле. Есть ли там богатая растительность? Горы кажутся бесплодными, а ураганы и всеопустошающие морозы там особенно жестоки».

«В сердце высоких гор есть высокие долины, о которых и не подозревают. Много горячих источников питают богатую растительность. Много редких растений и лечебных трав может цвести на той необычной вулканической почве. Может быть, ты заметил горячие гейзеры на нагорьях. Может быть, ты слышал, что всего в двух днях пути от Нагчу, где ты не увидишь ни дерева, ни растения, есть долина с деревьями и травой и теплой водой. Но кто может знать лабиринты этих гор? На каменистой поверхности невозможно различить человеческие следы. Нельзя понять мысли людей, а тот, кто может, — молчит. Возможно, ты встречал в своих странствиях многих путников-чужестранцев в простой одежде, молча идущих через пустыню, в жару и в холод, к своей неведомой цели».

«Подобно алмазу, сияет свет башни Шамбалы. Он там — Ригден-Джапо, неутомимый, всегда бодрствующий над делом человечества. Его глаза никогда не смыкаются. И в своем магическом зеркале он видит все происходящее на Земле. И сила его мысли проникает в дальние страны. Расстояние не существует для него; он может мгновенно подать помощь достойным. Его могучий свет может рассеять всякую тьму. Его неизмеримые богатства готовы помочь всем нуждающимся, которые выражают желание служить делу спасения человеческих существ»¹. Или:

«Лама, в Турфане и Туркестане нам показывали пещеры с длинными неисследованными ходами. Можно ли достичь ашрамы Шамбалы этими путями? Нам говорили, что в некоторых случаях из этих

¹ Roerich N. Shambhala. P. 12—13.

*Н.К.Рерих. Сокровище гор [1933]
Справа: Н.К.Рерих. Сокровище гор. Фрагмент*

пещер выходили чужестранцы и шли в города. Они пытались платить за вещи странными древними монетами, которые теперь не в ходу».

«Истинно, истинно, люди Шамбалы приходят по временам в мир. Они встречают земных сотрудников Шамбалы... Работающие с Шамбалой, посвященные и посланцы Шамбалы, не сидят в затворе — они странствуют повсюду. Очень часто люди не узнают их, а иногда они не узнают даже друг друга. Но они выполняют свои работы не для себя, а для великой Шамбалы, и все они знают великий символ анонимности»¹.

Тех, кто выходил из Заповедной Страны, Николай Константинович называл азарами и кутхумпа, сохраняя за ними названия, бытовавшие в легендах. За ними стояли Мудрецы и Великие Души.

«Лама, встречал ли ты азаров и кутхумпа?»

«...Многие из наших людей в течение своей жизни встречали азаров и кутхумпа и снежных людей, которые служат им. Только недавно перестали видеть азаров в городах. Они все собраны в горах. Очень высокие, длинноволосые и длиннородые, они внешне похожи

¹ Roerich N. Shambhala. P. 11, 30.

на индусов. Однажды, идя вдоль Брамапутры, я видел азара. Я поспешил, чтобы нагнать его, но он быстро повернул за скалы и исчез. Однако я не нашел там ни пещеры, ни грота — все, что я увидел, была маленькая ступа. Вероятно, он не хотел, чтобы его беспокоили».

«Кутхумпа теперь больше не видно. Раньше они появлялись совсем открыто в округе Цанг и у Манасаровара, когда приходили пилигримы к святому Кайласу. Теперь редко видишь даже снежных людей. Обычные люди в своем невежестве принимают их за привидения. Есть глубокие причины, почему именно теперь Великие не являются столь открыто. Мой старый учитель много рассказал мне о мудрости азаров. Мы знаем некоторые места, где жили эти Великие, но теперь эти места покинуты. Есть какая-то глубочайшая причина, великая тайна!»

«Лама, тогда, значит, верно, что ашрамы ушли из окрестностей Шигацзе?»

«Этой тайны не следует упоминать. Я сказал уже, что азаров нельзя больше найти в Цанге»¹.

Легенды об азарах и кутхумпа напоминали рассказ о появлении Великого Держателя в монгольском храме. Та же необычная внешность, те же неожиданные появления и исчезновения, те же тайные убежища, та же мудрость, превосходящая человеческую.

В диалоге присутствовал и сюжет, связанный с таинственным Камнем.

«Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сконцентрированы магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кто обладал этим сокровищем?»

«Лама, у нас столько же легенд о Великом Камне, сколько у вас изображений Чинтамани. От древних времен друидов многие народы помнят эти легенды истины о природных силах, скрытых в этом странном госте нашей планеты. Очень часто в упавших камнях бывают запрятаны алмазы, но они ничто по сравнению с некоторыми другими, неизвестными металлами и энергиями, ежедневно находимыми в камнях и в многочисленных токах и лучах.

“Lapis Exilis” (Блуждающий Камень) — так называется камень, упоминаемый старыми мейстерзингерами. Видно, Запад и Восток работают совместно над многими принципами. Нам не нужно уходить в пустыни, чтобы узнать о Камне. В наших городах, в наших научных лабораториях мы имеем другие легенды и другие доказательства. Кто бы подумал, что волшебные сказки о летающем человеке когда-либо исполнятся? Но теперь ежедневно почта и ежедневные посетители могут являться по воздуху»².

В «Легенде о Камне», опубликованной Еленой Ивановной, присутствовало множество неизвестных нам сведений «помимо историков».

¹ Roerich N. Shambhala. P. 16.

² Ibid. P. 22—23.

Сама легенда была загадочна, неожиданна и притягательна. Она не только повествовала о прошлом, но и содержала кое-какие указания, связанные, как ни странно, с настоящим и даже будущим.

*Иду пустыней. Несу чашу, щитом покрытую.
Сокровище в ней — дар Ориона.
«Пламя Носящий», помни Лоб Нор и раскинь шатры.
Куку-Нор — конь спешит.*

*И в храме Иудеи не остался «Огонь Носящий».
И спас едва Пасседван. Ушел из развалин Китая.
Не тянись, Лун, к Камню. Он сам придет, если дождешься.*

*Но лукавство храма служителей похитило Сокровище
у Повелителя Индии, чтоб вознести чужую страну.
Пусть гора Гордости недолго Камень укрывала.
Пусть величается город Камня, но путь Сокровища намечен.
Пора Камню вернуться домой. <...>*

*На Ланке лежит Камень. Захоронен за измену Раваны.
Отойдет через море.
За ним, как хвост кометы, счастье еще блестит, но не долго.*

*Пусть сто ступеней Китая привет пошлют «Огонь Носящему».
Но Пасседван Камень уносит, и пески передали Огонь
воителю, наезднику Тимуру. Подошел Великий к
Янтарной стене, покрыл знаменами поле.
«Пусть Камень лежит во Храме, пока вернусь».
Но жизнь чудо привела внуку. Путь Камня лег на Запад.*

*Под землю собираются отцы духовные естество Камня испыты-
вать. Почему, когда Камень темен, тогда тучи заходят. Когда
Камень тяжел, кровь проливается. Когда звезда над Камнем,
тогда удача. Когда трещит Камень, тогда враг идет. Когда
снится огонь над Камнем, тогда мир содрогается. Когда Камень
покоится — шагай смело. Но вином Камня не облей, кури над
Камнем лишь кедровую смолу. Носи Камень в костяной коробке.*

*Как к жару и как ко льду привыкнуть надо, так надо привык-
нуть и к излучению Камня. Каждый, Камень носящий, должен
тихо пожить с ним. Дурман лучей невидим, но жар тайный силь-
нее радия. Елей льется невидимый. Явно же Камень покоится на
ткани родины своей. <...>*

*Из книги Тристана, названного Луном. «Когда Сын Солнца сошел
на землю научить народы, с неба упал щит, который носил силу
мира. Посреди щита, между тремя отличными пятнами, вы-
ступали серебряные знаки, предвещавшие события под лучом
Солнца. Явление неожиданной тьмы на Солнце повергло в отчая-
ние Сына Солнца, и он выронил и разбил щит, ибо созвездие было
враждебно. Но сила осталась в обломке середины, там касался
луч Солнца».*

Н.К.Рерих. Дева снегов. 1947

Железная корона Лангобардов тоже воспоминание о Камне. Не долго гостил Камень около горы Гордости. Много послов с Востока. Уносят верблюды Камень в Тибет. По пустыне несут и с ним новую силу. <...>

*Новая Страна пойдет навстречу Семи Звездам под знаком Трех Звезд, пославших Камень миру. Сокровище готово, и враг не возьмет золотом покрытый щит!
Ждите Камень!¹*

Через все переплетения и многосложность легенды проходит таинственное созвездие Орион. «Имя Ориона часто связывается с повествованиями о Гесэр-хане, — писал Рерих. — На Алтае гору Белуху называют Уч-Сюре, Уч-Орион. Сюре — жилище богов, соответствует монгольской Сумер и индийской Сумеру. На гору Уч-Сюре восходят по белому хадаку. Небесная птица на горе Уч-Сюре победила дракона. Цаган-убугун — “белый старик” — всегда близок Большой Медведице»².

¹ Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. С. 117—123.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 79.

Н.К.Перух. Оттуда. 1936

Он обнаружил в далеком прошлом культ обоих созвездий и пытался этот культ по-своему осмыслить.

«Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах старых обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное.

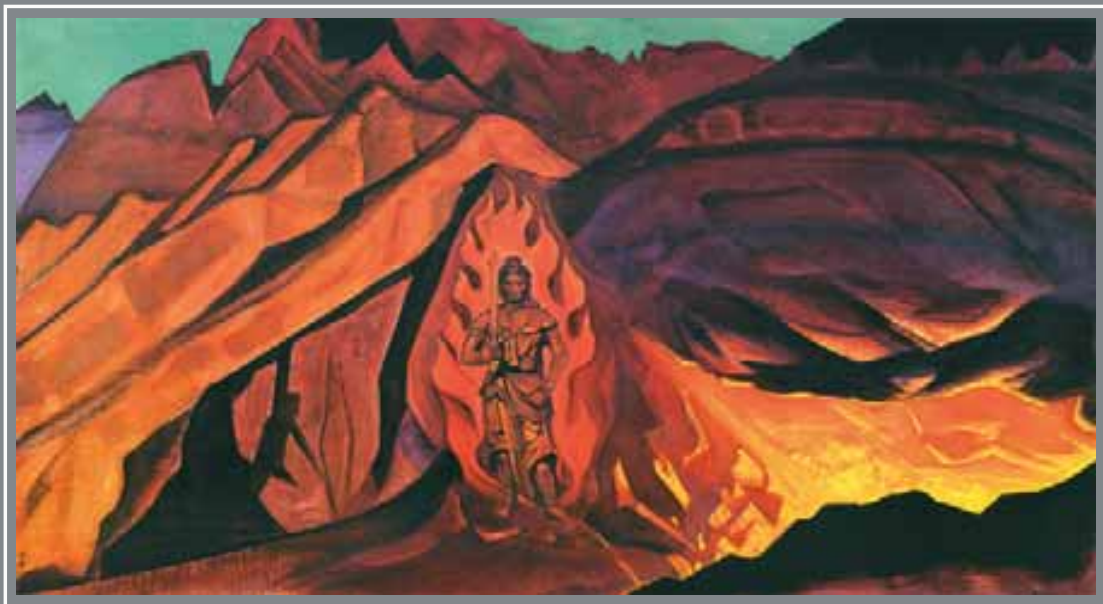
Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона, поражает своей распространенностью. Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского Азиатского общества многозначительна неожиданная заметка: «...в окрестностях Баракоха находится мечеть, называемая Джавца Маджид. Истинное значение этого названия есть “Дом Ориона”. Джавца есть имя Ориона”. С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабуром, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь?

Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ориона включает знаки “Три Мага”.

Н.К.Рерих
Сожжение тьмы. 1924

*Н.К.Рерих. Хранитель входа. 1927
Справа: Н.К.Рерих. Хранитель входа. Фрагмент*

В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока...»¹

Все эти обнаруженные Николаем Константиновичем «помимо историков» легенды и сказания, культы и неведомые церемонии вели опять в Заповедную, таинственную Страну, намекали на странные связи планеты с далекими созвездиями Большой Медведицы и Ориона. Необычный цикл легенд, в центре которого стояла Заповедная Страна, разрастался, усложнялся и временами напоминал могучее дерево, корнями уходившее в глубь земной истории. На этом дереве Время наслаивало кольцо за кольцом, а крона поднималась все выше и выше, устремляясь куда-то к далекому небу. Никто до Рериха не проделал такой уникальной работы. Он сумел собрать воедино легенды, казалось бы не связанные порой друг с другом, выстроить их в единый цикл и создать из него совершенную и прекрасную структуру, замыкающуюся на таинственной Шамбале. Всю сложность сделанного он выразил в небольшом фрагменте своего экспедиционного дневника. Как всегда, выразил нестандартно и образно.

*«Значит, и Азары, и Кутхумпа относятся к Шамбале? Да.
И Великие Махатмы и Риши? Да.
И воинство Ригден-Джапо? Да.
И многое из цикла Гесэриады? Да.
И конечно, Калачакра? Да.»*

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 38.

*И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.
И агарты с подземными городами? Да.
И Минг-сте? И Великий Яркас? И Великие Держатели Монголии?
И жители Кама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина
Лаоцзина? И черный камень? И Грааль, *Lapis Exilis*, блуждающий
камень? И чужь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы
Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Бе-
лая Гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения
Будды? И Агни Йога? И Деджунг? И книга Утаншаня? И Таши-
ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?
Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и наро-
дов около великого понятия Шамбалы»¹.*

На полотнах своих картин он создал целый мир этих легенд и Реальности, которая за ними стояла. Это был мир Тайны и Красоты, мир сказочный и достоверный. Еще ни один цикл легенд, мифов или сказаний не получал такого художественного воплощения, еще никто до него так не сумел проникнуть в их сокровенную суть и поведать о них языком форм и звучащих красок. Этот загадочный мир стал возникать на полотнах Николая Константиновича еще в Сиккиме, рос и развивался во время Центрально-Азиатской экспедиции, становился все одухотвореннее и точнее после экспедиции. Казалось, он совершенствовался вместе с художником, ярче проявлялся с расширением его знаний, достигал высот вместе с его духом. Это был мир гор, древних, как сама планета. Они поднимались над землей снежными гигантами. Облака и жемчужные туманы плыли по их разломам и монолитам скал, меняли их очертания и придавали им странную, непостижимую хрупкость. Солнце клало на них рассветные и закатные краски, и они зажигались то пурпуром, то золотом, сигналили кому-то неведомому зелеными призрачными лучами, вспыхивали целой гаммой нездешних оттенков, блистали холодным огнем сказочных северных сияний.

Горы то становились прозрачными, как кристаллы, то гасли, наливаясь земной неподвижной тяжестью. Близкая синева неба ложилась на снега вершин невесомыми голубыми тенями, и вершины от этого становились неуловимо легкими, похожими на облака, которые плыли внизу под этими снегами, клубясь синими туманами. Над ними вспыхивали яркие колкие звезды, и звездный свет сверкающими пылинками оседал на припушенных ночной темнотой снегах.

Созвездия меняли свои очертания, и на небе возникали странные загадочные узоры. Мир гор был величествен и космичен. Его вершины, устремленные вверх, казалось, выходили за границы планеты и становились частью того, еще неведомого, что определялось словом «КОСМОС».

¹ *Рерих Николай*. Сердце Азии. С. 127.

Мир людей на этих полотнах существовал где-то между этим бесконечным пространством и плоскостью, в которую упирались, вырастая из нее, тяжелые массивы горных подошв. Мир людей напоминал горы, но был более хрупок и менее защищен. Люди возводили монолитные башни, массивные крепости и монастыри. Они врубались в каменные склоны гор, ища у них защиты и покровительства. Они стремились стать частью этих гор, подражали им в чем-то, стараясь не нарушить их гармонию.

Между космосом высоких снежных вершин и людьми существовали какие-то незримые связи. И где-то там, скрытая этими снежными вершинами, лежала таинственная Заповедная Страна, которую называли Шамбалой.

Оттуда спешили всадники в странных древних одеждах. Ламы передавали друг другу вести. Лучники посылали стрелы с указами, написанными на старинном пергаменте. «Весть Шамбалы», «Послание Шамбалы», «Письмо Шамбалы» — так назывались картины. Длинноволосые, одетые в шкуры, напоминающие древних амазонок девы охраняли заповедные границы. У тайного входа в красном холодном пламени стоял страж с обоюдоострым мечом. Женщина в длинных белых одеждах выходила «Оттуда» и осторожно, боясь оступиться, шла по деревянному мостку через поток, отделяющий заповедную границу от мира людей.

В языках трепещущего алого пламени, в шитых золотом одеждах у черной скалы на троне восседал могущественный Владыка Шамбалы Ригден-Джапо, похожий на древнее божество. Небо и горные снега горели пурпуром рассветной зари. Ригден-Джапо повелевал и что-то приказывал. От трона по снегу скакали всадники, несущие кому-то приказы Владыки. В лунном зеленоватом сиянии стыли и искрились оснеженные скалы, похожие на воинов в остроконечных шлемах. Они стояли на подступах к «Тридесятому царству», а над ними полыхали звездные знаки. Синим цветом светились на скалах и камнях таинственные три круга, знаки Заповедной Страны.

В глубине пещеры возникали какие-то фигуры, освещенные таинственным светом огромных сверкающих кристаллов. Пылала золотым огнем чаша. Не отблеск ли этой чаши и этой таинственной пещеры лежал на камне, похожем на метеорит, который держал в узких ладонях человек? Фигура человека, будто возникшая из красных и черных скал, была окружена лилово-синим искрящимся сиянием. Картина называлась «Fiat Rex» («Да здравствует король»). Из какого королевства появился этот король? Наверно, все из того же, Заповедного. По бокам центрального полотна еще две картины. На одной из них рыцарь в длинном красном плаще, на его щите золотом горит все тот же загадочный знак — три круга. Рыцарь опирается на меч. Слева от короля — женская фигура в длинном платье, поверх которого наброшен такой же красный плащ, как и у рыцаря.

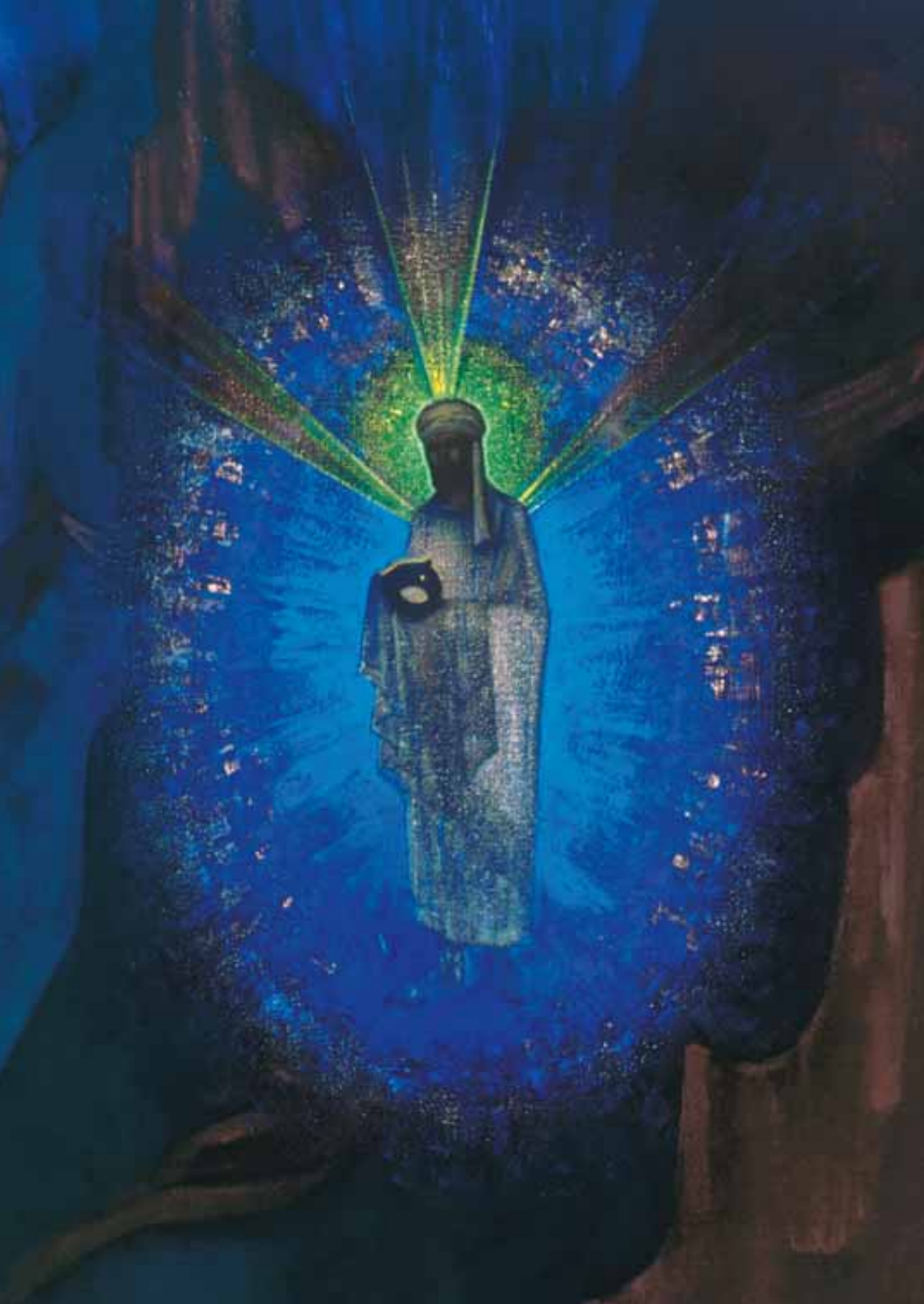

Н.К.Перух. Fiat Rex. Триптих. 1931

Справа: Н.К.Перух. Fiat Rex. Центральная часть триптиха

Этот же красный плащ и у «Держательницы Мира». Она стоит у снежных вершин, и золотой ободок ее княжеской короны сверкает на солнце. В руках у нее ларец. Ларец уже знакомый. Его нес на спине сказочный белый конь в сиккимской серии «Его Страна». Его держал в руках один из таинственных незнакомцев, стоявших у подножия ночного Эвереста в картине «Сожжение тьмы». Одно цеплялось за другое, все было связано в единое целое.

Причудливый изгиб реки, похожий на какой-то знак исчезнувшего неведомого языка. Река уходит к снежным горам, которые стоят странным кругом и напоминают собой края древнего кратера потухшего миллионы лет назад вулкана. Снега розовеют от рассветной зари. Что они скрывают? Какую веку на пути в Заповедную Страну отмечает перевал Танг-ла? Почему в одной из картин Танг-ла названа перевалом Шамбалы? Певец, поющий о Шамбале, не может ответить

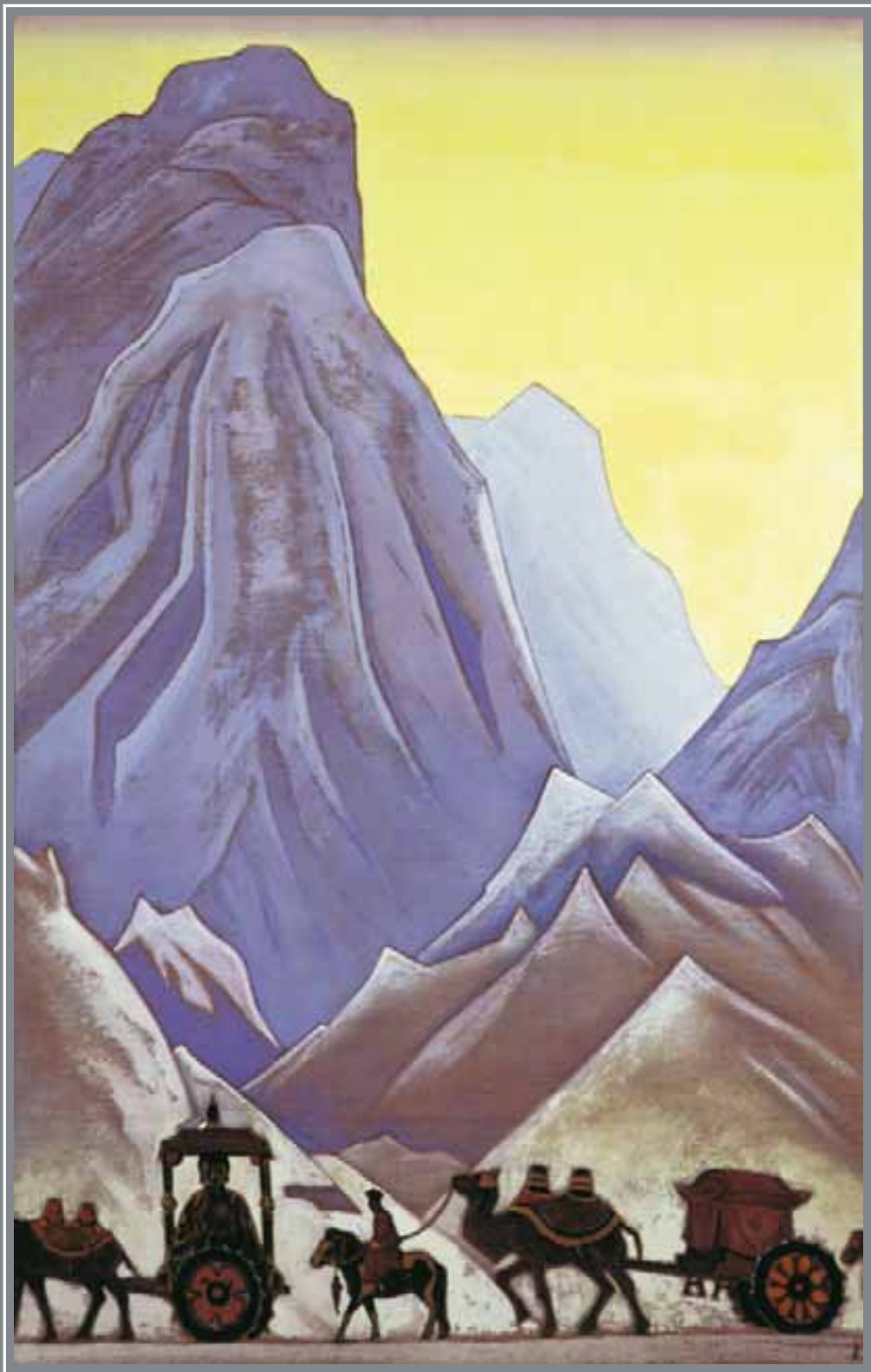
Н.К.Рерих. Держительница Мира. 1933

на этот вопрос. Он только разносит о Шамбале вести. Мир людей наполнен легендами и сказаниями о ней. Они звучат на горных тропах, на перевалах, в узких горных долинах. Они звучат на рассвете и когда на горы спускается ночная тьма.

Огонь костров озаряет палатки и оставляет небольшой круг освещенного пространства. Люди жмутся к огню и палаткам. Они очень разные, эти ночные путники. Китайцы, тибетцы, монголы. Но все они внимательно слушают «Легенду о Шамбале». Уже поздний час, они устали в пути, но то, что рассказывает сказитель, заставляет их забывать о сне.

В этом мире гор и людей происходят странные события, как будто выпадающие из Времени и Пространства, но чем-то существенным, хотя и неуловимым, связанные с тем, о чем поют певцы и рассказывают сказители. На высоких башнях, возведенных на скалах, расцветают огненные «Цветы Тимура». Вблизи от узкого проема башни всадники седлают коней, чтобы отправиться в далекий путь. Может быть, они присоединятся к тем, кто на пурпурных снегах внимает приказам Ригден-Джапо.

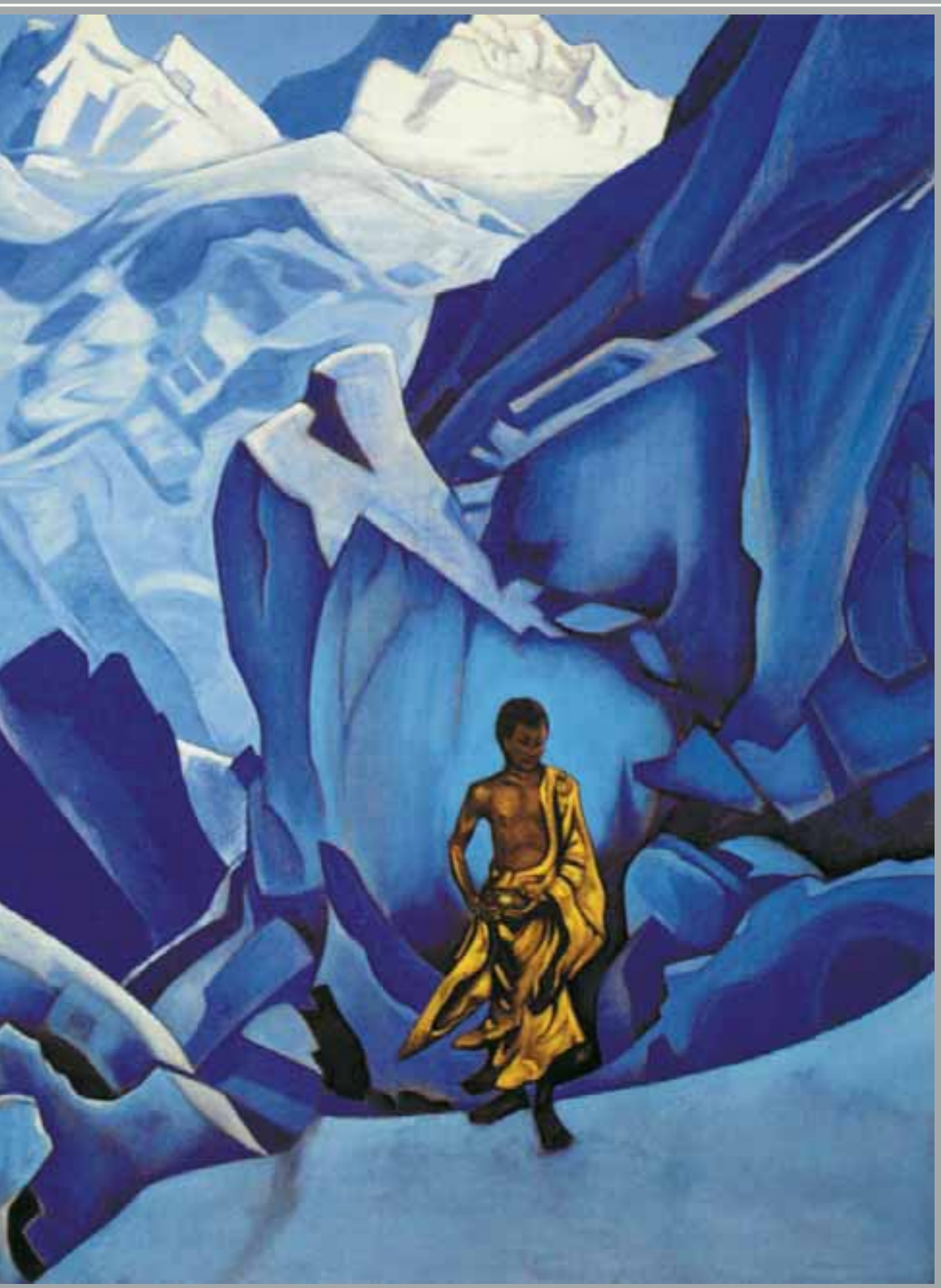
Скрипят разрисованные колеса повозок, запряженных верблюдами. Горная тропа вьется у самых снегов. Китайская принцесса

Н.К.Рерих. Приданое китайской принцессы Вэнь-Чень. 1928—1930

*Н.К.Рерих. Сосуд
пераспелкапный
1927*

Вэнь-Чень везет священные дары своему будущему мужу, тибетскому королю Сронцангампо. Над вершиной желтовато-оранжевым светом разливается утренняя заря, но на светлеющем небе еще горят звезды. И женщина в костюме китайской принцессы с высокой старинной прической протянула руку в широком свободном рукаве. Над открытой ладонью ослепительно горит язык таинственного пламени, так похожий на огонь той пылающей чаши, которую подняли в пещере среди светящихся кристаллов. И красноватый оттенок одежды женщины как будто вобрал в себя цвет плаща дамы, стоящей около короля, и цвет одежды той, которая держала в старинном ларце Камень. Картина называлась «Агни Йога».

«В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии»¹. Эти слова звучали как бы эпиграфом для мира, созданного на полотнах.

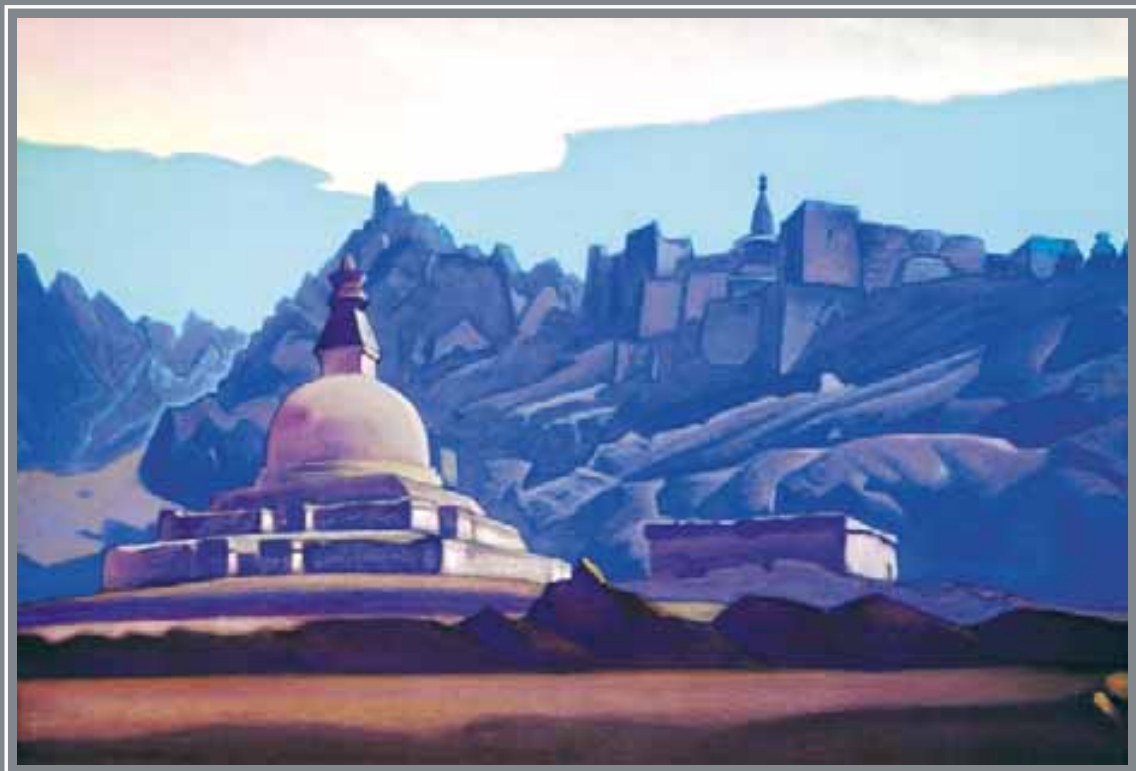
В рериховский таинственный мир «помимо историков» органически входили Будда и Христос. Оба не однажды возникали на его полотнах, и их имена Николай Константинович связывал все с той же Заповедной Страной. В опубликованных сразу же после экспедиции Еленой Ивановной «Криптограммах Востока» содержался ряд апокрифов, подтверждавших закономерность такой связи. Если легенды и сказания о Заповедной Стране хранила народная память, то апокрифы появлялись неожиданно и таинственно. Казалось, они написаны очевидцами и свидетелями событий.

...Царевич Сиддхартха покинул однажды родной город и на коне в сопровождении «посланного слуги» отправился вдоль реки на северо-запад. За горными проходами кончился конный путь, и началась охотничья тропа. Слуга покинул царевича, но оставил ему кусок дерева с тремя знаками и велел найти хижину охотника. Царевич дошел до хижины на восьмой день. Когда охотник увидел кусок дерева со знаками, то велел царевичу приготовиться на завтра в путь. Он разбудил пришельца на рассвете, и они отправились в путь. Когда дошли до густых зарослей кустарника, охотник отыскал там едва приметную тропу, которая привела их на берег горной реки.

«Старик натянул лук и послал стрелу. Молча ждали они. Владыка снял с себя оставшиеся украшения и подал старику. Но тот указал бросить в реку.

Вот появился на другом берегу высокий человек, выдвинул челн и направился к ним. Кафтан его был оторочен мехом, и лицо очень смуглое, широкое. Достигнув берега, незнакомец поклонился Владыке и пригласил в челн.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 80.

*Вверху: Н.К.Рерих. Ступа. Ладак. 1937
Внизу: Н.К.Рерих. Будда Победитель. 1925*

Владыка хотел проститься с охотником, но тот незаметно исчез. Незнакомец также хранил молчание. Достигнув берега, они сели на коней и стали подыматься в гору.

Ночью они достигли предела снегов и на рассвете спустились в Обитель»¹.

В Ладакхе Николай Константинович нарисовал монастырь Ше. Крупные, изломанные очертания скал сливались с массивными зданиями монастыря, остатками крепостных башен и стен. Внизу возвышалась огромная буддийская ступа. Здесь когда-то пересеклись пути двух Великих Учителей. Один прошел раньше, другой позже.

«В Шринагаре, — писал Николай Константинович, — впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях»².

В Ладакхе ламы рассказывали, что Христос, или, как они его называли, Исса, пришел в Ле, где он учил простой народ в монастырях и на базаре. Рериху показали небольшой пруд у подножия горы, на берегу которого часто сидел Исса. Среди ладакхских полотен Николая Константиновича есть картина «Пруд Иссы». Ходили предания о том, что Христос был в Индии, Тибете, прошел Гималаи, где изучал мудрость Востока.

«Послушаем, как говорят в Гималаях о Христе, — записывал Рерих в экспедиционном дневнике. — В рукописях, имеющих древность около 1500 лет, можно прочесть: “Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе с купцами из Иерусалима направился к Инду за усовершенствованием и изучением законов Учителя”»³.

В один из последних дней своего пребывания в Ле он записал в дневнике: «19 сентября. Решительные сообщения приходят в последний час. Так мы узнали о подлинности преданий об Иссе: в Хеми лежит старый тибетский перевод с манускрипта, написанного на пали и находящегося в известном монастыре недалеко от Лхасы. Наконец узнали преемственность очевидцев. [Сказки о подделке разрушены⁴.]

Есть особый смысл в том, чтобы рукопись сохранялась в Хеми. Есть особое значение в том, что ламы так тщательно скрывают ее. Этой рукописи уместно лежать около Леха, где была проповедь Иссы об общине мира еще до проповеди в Палестине. <...> Путь великого общинника проходил из Индии около этого места. Ламы знают значение документа. Но почему миссионеры так яростно восстают и по-

¹ *Сент-Илер Ж.* Криптограммы Востока. С. 10—11.

² *Рерих Николай.* Сердце Азии. С. 22.

³ *Рерих Николай.* Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 82.

⁴ В издании «Алтай — Гималаи» (М., 1974) эта фраза опущена. Цит. по: *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. Рукопись. Архив П.Ф.Беликова.

Н.К.Репин. Христос. 1933

рочат рукопись? Неужели общинный облик Иссы и защита женщины им не нравится? Порочить так называемые апокрифы всякий умеет; для порочения много ума не надо. Но кто же не признает, что очень многие “апокрифы” гораздо более основательны, нежели многие официальные свидетельства»¹.

Легенды и апокрифы утверждали, что Христос, как и Будда, посетил Заповедную Страну, но имени ее не упоминали.

«Мне также указано было проводить Его, куда я сам не мог еще войти.

На белом верблюде выехали мы ночью и ночными переходами дошли до Лагора, где нашли, казалось, ждавшего нас последователя Будды.

Никогда не видел такой решимости, ибо были в пути три года. И три года пробыл Он там, куда я не мог войти.

Мы ждали Его и провели до Иордана. Так же белый холст покрывал Его, и так же одиноко пошел Он под утренним солнцем»².

И хотя апокриф не указывает места, где пробыл Христос, Николай Константинович уточняет это в своем дневнике. «Вообще Ле — место замечательное. Там скрестились пути Будды и Христа. Христос — с Запада на Восток, по пути в Шамбалу. А Будда — с Юга на Север, когда он шел на Алтай»³.

Нетрадиционный, неизвестный христианскому миру Христос возникал не только в апокрифах и дневниковых записях Николая Константиновича, но и на его картинах. Одинокая фигура Христа на фоне светящейся скалы. Над ним в темном небе горит яркая звезда. Христос в пустыне рядом с человеком, чье лицо скрыто бурнусом. Христос, идущий по опасному горному пути среди отвесных скал и утесов. Христос, стоящий перед гигантским черепом великана.

Заповедную Страну посещали не только Великие Учителя, ее искали самые разные люди: европейские путешественники, уральские казаки, староверы Алтая.

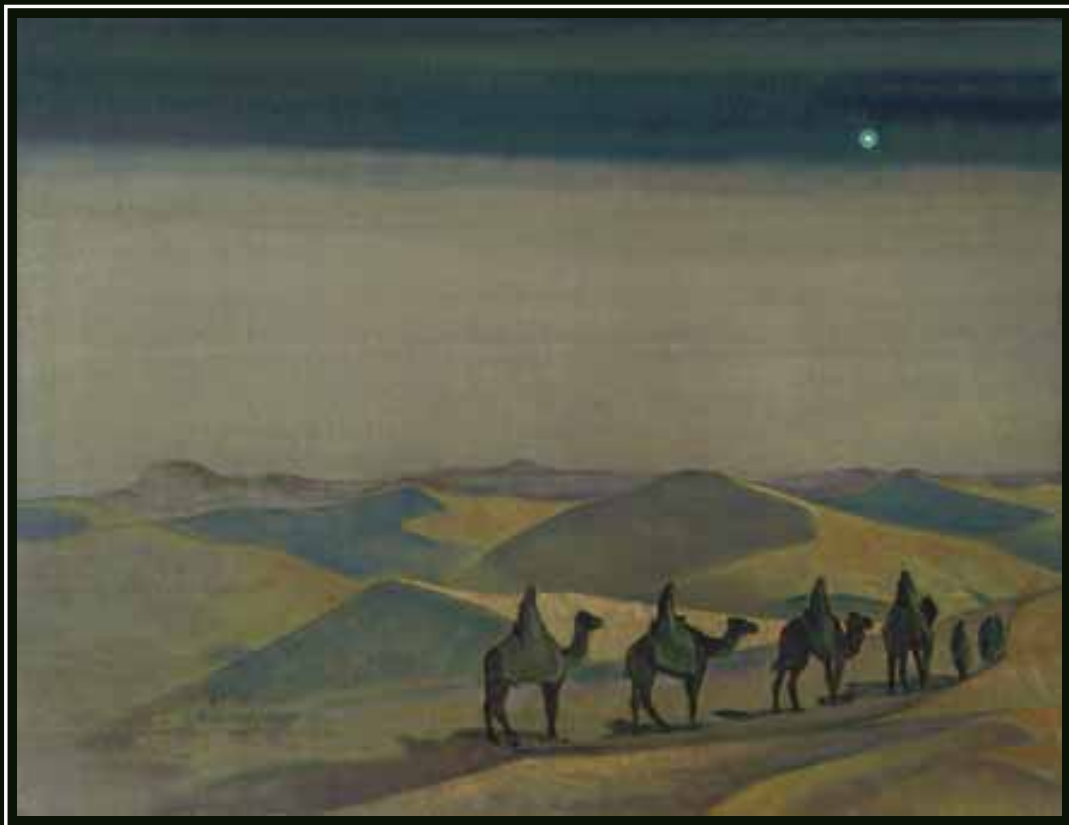
Легенды и предания о Заповедной Стране имели над людьми какую-то странную власть. Они заставляли собираться в далекий неизведанный путь и устремляться к очередному таинственному царству, к земле обетованной. Нет нужды здесь говорить о том, что социальные моменты, связанные с угнетением или религиозными преследованиями, играли в этом стремлении не последнюю роль. Но вместе с тем в самой легенде была та убедительность, которая заставляла «сердце звенеть о были».

На Алтае Николай Константинович собирал рассказы о хождении в Беловодье. Рассказы были реальны, как и люди, ходившие на

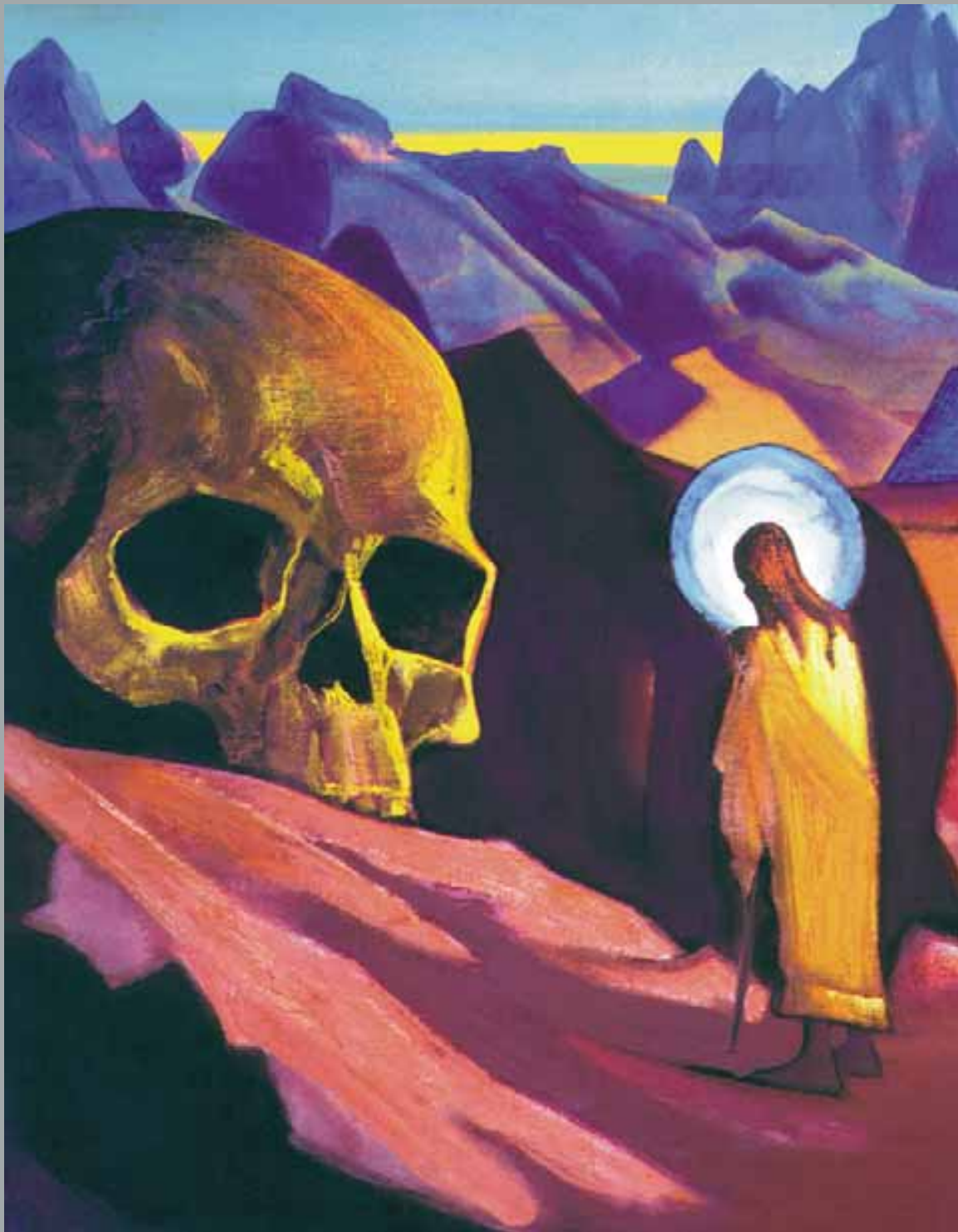
¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 88—89.

² Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. С. 45.

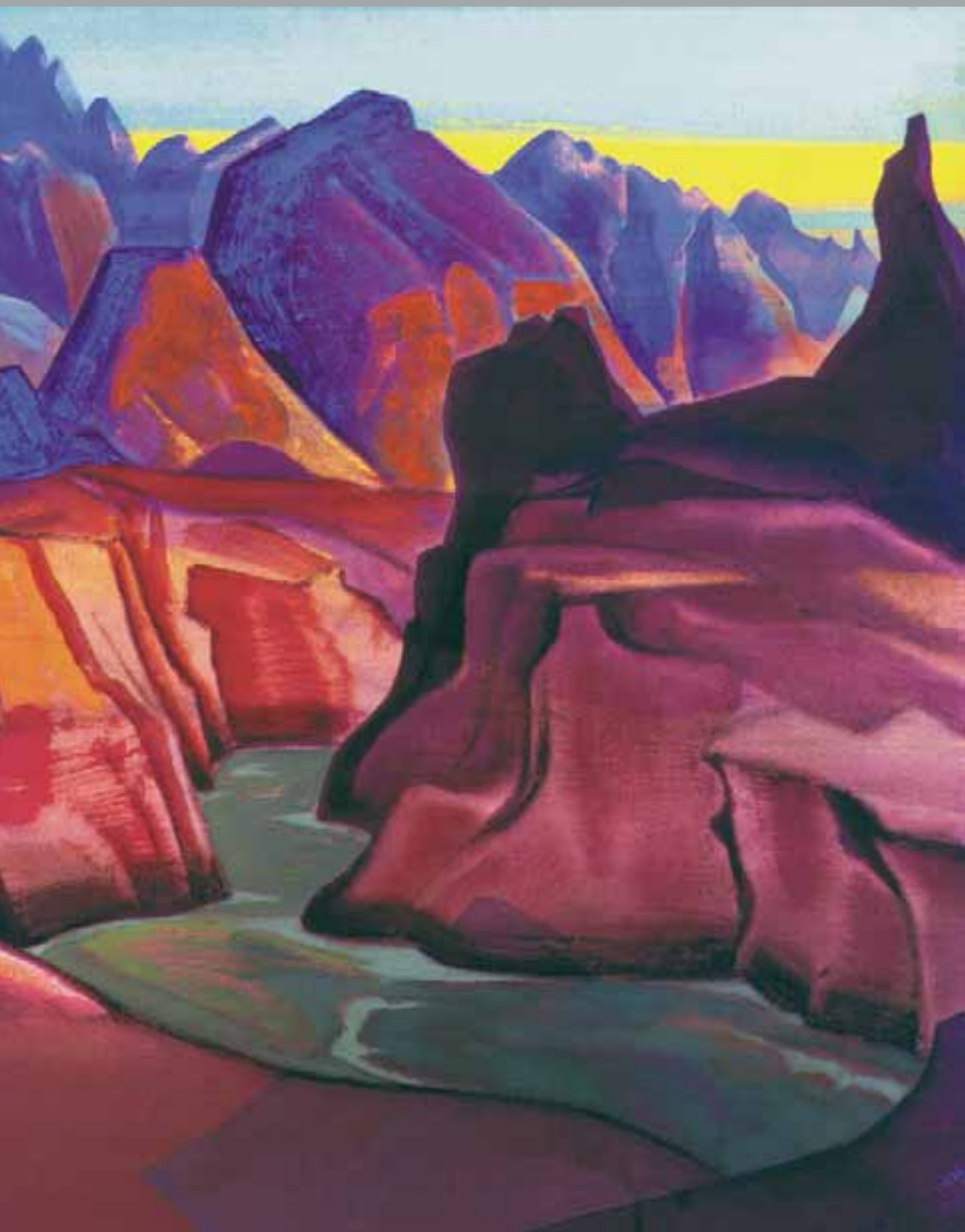
³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. Рукопись. Архив П.Ф.Беликова.

*Вверху: Н.К.Рерих. Звезда Матери Мира. 1924
Внизу: Н.К.Рерих. Знаки Христа. 1924*

Н.К.Рерих. Исса и голова великанова. 1939

его поиски. Некоторые из них к моменту появления Рерихов на Алтае еще не вернулись назад. «Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. “Через Кокуши горы. Через Богогорше. Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи”»¹.

Легенды, предания, апокрифы, трактаты древних авторов, рассказы. И кто-то неведомый тянул золотую нить из прошлого в современность, стараясь не повредить, не порвать. Современность была не менее сложной, чем легенды. В ней существовали свои загадочные вехи. И между ними и самой Центрально-Азиатской экспедицией проглядывалась какая-то таинственная связь. Николай Константинович называл эти вехи путевыми «знаками о Шамбале». Они были разными, иногда, казалось, не связанными друг с другом, трудно поддающимися расшифровке. Они шли через весь экспедиционный дневник Рериха.

«Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей — Спитуг. <...> Мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенного ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. <...> Мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренне огорчены, когда пришло время оставить их»².

«Отчего же так грустно отдаляться от Куньлуня, от хребта древнейшего?»³

«Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород. А за Белухой кажется милый сердцу хребет Куньлуня, а за ним — и “Гора божественной владычицы”, и “Пять сокровищниц снегов”, и сама “Владычица белых снегов”, и все писанное и неписанное, все сказанное и несказанное. “Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Богогорше. По самому Ергору едет всадник...”»⁴.

«В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кёрёш.

На вершинах белков наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

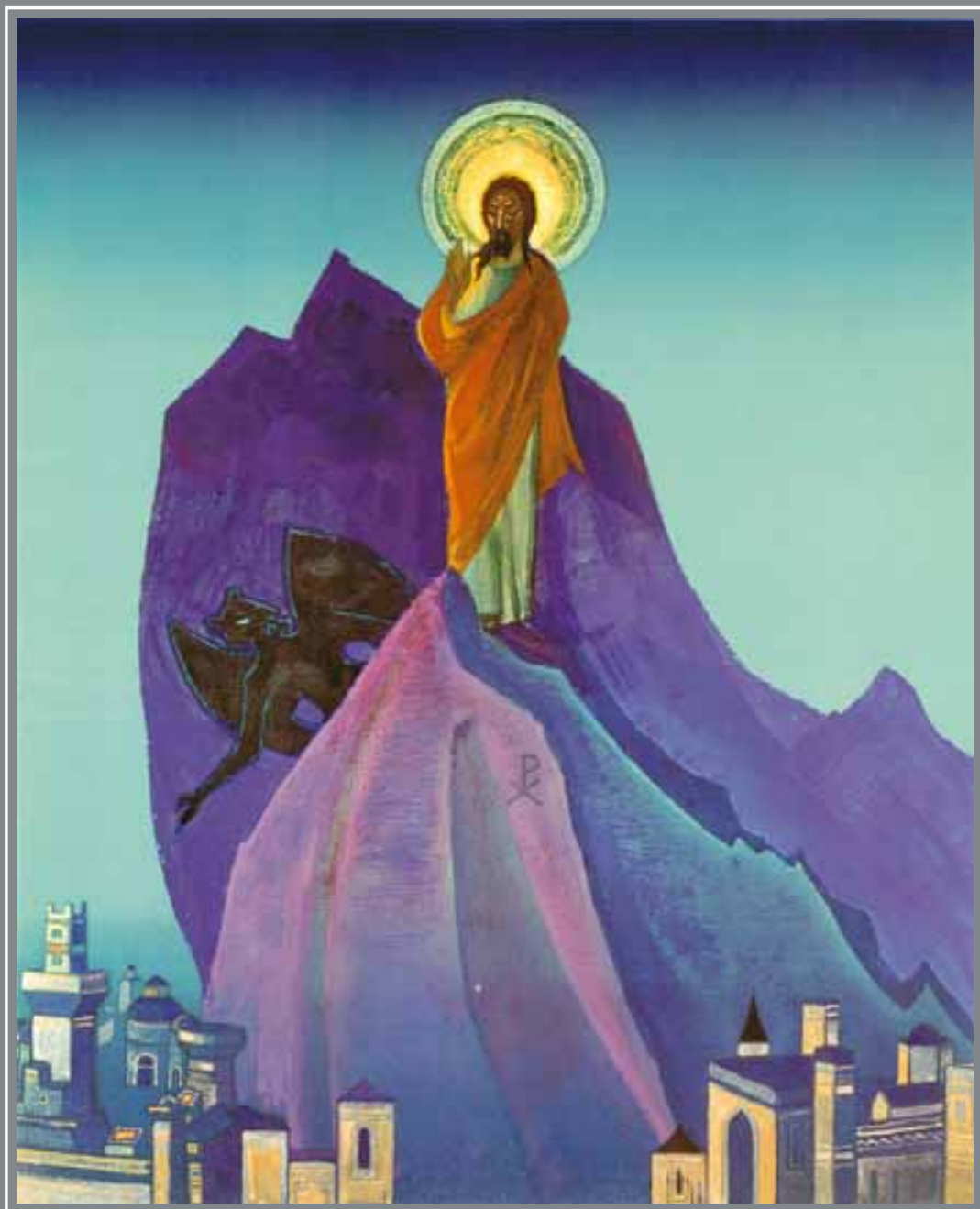
Около двух часов ночи на 2 августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 240—241.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 100.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 104.

⁴ Там же. С. 247.

Н.К.Перух. Испытание Христа. 1933

Уймона в прошлом году на вершине белка выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка»¹.

«Бурятия и Монголия дали наиболее значительный материал для исследований. Мы проверили легенду о посещении Эрдени-Дзу на Орхоне и монастыря Нарабанчи правителем Шамбалы»².

«На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали камнями в машину. Их называли “охранители”. По пути в Маньчжурию из скалы течет в пустыню “минеральное масло”. И такие магнитные места, что даже машина замедляет ход. На перекрестках дорог ткуются сложные ковры — слухи азиатских узоров»³.

«Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных. Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается: “Чувствуете вы ароматы Шамбалы?”»⁴.

«Пятого августа. Нечто очень замечательное. В десять с половиной утра над станом при чистом синем небе пролетел ярко-белый, сверкающий на солнце шаровидный аппарат. Семеро из лагеря наблюдали это необычайное явление. Направление с северо-востока на юг. [Энергия “А”. Брат Д.К. ⁵] Замечательно»⁶.

«Солнечное безоблачное утро — сверкает ясное голубое небо. <...> И мы замечаем — на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольдта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: “Знак Шамбалы”»⁷.

«Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?»⁸

«А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы»⁹.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 247.

² Roerich N. Shambhala. P. 45.

³ Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 285.

⁴ Рерих Н.К. Сердце Азии. С. 120.

⁵ Эта фраза не включена в издание Алтай — Гималаи. М., 1974.

⁶ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 255.

⁷ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 120—121.

⁸ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 135.

⁹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 125.

Субурган, построенный участниками экспедиции в Шараголе. 1927

«На высотах Шарагольчи, перед Улан-Даваном, на месте, где останавливался Махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы»¹.

«Ламы освящают его. Перед изображением Ригден-Джапо на магическое зеркало они льют воду. Вода сбегает по зеркальной поверхности. Отражение дрожит, делается необыкновенным и напоминает древний смысл магических зеркал. Шествие проходит вокруг субургана с возжженными курениями в руках. Великий лама Цайдама держит в руках нить, соединяющую его с вершиной субургана, где сложены предметы особого значения. Там вложено изображение Будды, там лежит серебряное кольцо с многозначительным начертанием, там же покоятся пророчества о будущем и скрыты ценные предметы: “Норбу Римпоче”»².

«За Ангар-Дакчином — Кокушили, те самые Кокуши, о которых знают староверы на Алтае, искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы. Счастливо минуем реки. Ни весной, ни летом их

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 119.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 253—254.

не перейти верхом. Но сейчас, осенью, вода не выше стремян, и только две лошади завязли. Даже Голубая река (Янцзы) с ее быстрым течением не легла препятствием.

Ждем тибетские посты. Почему их нет? Что-то забелело вдали... Снег? Но нигде кругом снега нет... Шатер? Но это нечто слишком большое. Оказалось, гигантский гейзер глауберовой соли. Белоснежная, сверкающая на солнце глыба — уже заповедная граница»¹.

«Белые знаки. Белые колонны гейзеров. Белые камни. Известны эти границы»².

«Приближаемся. Подходя, белая масса оказывается еще большего размера, чем казалось. Это огромная белая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера — целое состояние для дрогиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет: “Это знак третьей границы Шамбалы”»³.

«Великая пустыня звучит.

Несется звук раковины. Слышите? Долгий звенящий зов несется и тонет в ущельях.

Что это? Монастырь или отшельник?

Но мы находимся в самом пустынном месте. За многие дни отсюда нет жилья. Откуда в этих горах может быть лама с его зовущим заклинанием?

Но это не лама. Разве вы не знаете, что мы находимся в горах Дунбуре (Северный Тибет)? С незапамятных времен это значит “Зов Раковины”.

Далеко в горах звучит этот зов. Может быть, эхо скал? Что хочет сказать этот Мемнон Азии? Звучит ли ветер в узких ущельях? Или звенит где-то горный поток? Но ведь родился где-то этот протяжный зов. И тот, кто назвал эти горы нежным словом “Зов Раковины”, тот слышал тайны священной пустыни»⁴.

«Звенят колокола верблюдов. Долгие пустынные переходы. Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас»⁵.

«Правда, в горах бывают удивительные явления, но они не имеют отношения к ламству. Вспоминаем этот поразительный огонь в палатке, опять бывший на Чантанге. Вспоминаем волны тепла среди жестких морозов. Вспоминаем многие проявления тонких энергий, но ведь Лхаса-то тут ни при чем! Поразительно проходить местами, где еще недавно были ашрамы»⁶.

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 257.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 242.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 121.

⁴ Рерих Николай. Держава Света. С. 242.

⁵ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 118.

⁶ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 274.

«Тибетцы толкуют, что во время бегства Далай-ламы в 1904 году при переходе через Чантанг и люди и кони почувствовали сильное потрясение. Далай-лама пояснил, что они находятся в заповедной черте Шамбалы. Много ли знает Далай-лама о Шамбале? Таши-лама знает больше»¹.

«К Таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как встретилась эта китайская группа? Собрали ли их скитания Лао-Дзина? Или более старые писания? Или книга утайшаньского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя “выдумка” и “магия” переданы в лабораторию исследования. И скептики негодуют, но благодаря их полной необразованности и непросвещенности. Прислушаемся к шагам нового мира. Видим движение великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают, что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным»².

«...Проходя Трансгималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, но целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине могут остаться совершенно не потревоженными. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого случая. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с ледянистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно, напитанной горячими источниками. В пустынном нагорье Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Трансгималаях»³.

«С тех пор мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны — и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много выдавший путник. С караваном когда-то он пересекал Гоби и Цайдамы и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванчики предупреждали: “Дальше не ходи!” Разве не о тридесятном, заповедном царстве они предупреждали?»⁴

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 253.

² Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 288—289.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 122.

⁴ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1978. С. 191.

«Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем»¹.

Все эти сведения говорили о какой-то «правде наиреальнейшей».

Сведенные воедино, они давали необычную картину чьих-то действий, от которых нередко зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и свершались эти действия. И если сам этот маршрут был достоянием историков, то тайная тропа пересекала область «помимо историков». На тропе возникали странные, неизвестные люди, которые вели себя не совсем обычно, сообщали загадочные вести, совершали неясные поступки. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что было связано с этой тайной тропой.

Ладакх:

«Лама каждый день удивляет и радует. Столько он видел, столько он знает и так определенно разбирается в людях. Только что принес сведение, что одно очень близкое нам имя упоминается в старых пророчествах»².

Синьцзян:

«На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко взгляделся и соскочил с коня, расстилая что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга»³.

Хотан:

«И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи»⁴.

«Там опять пришел человек. Хочет говорить. “Откуда?” — “Не сказал”. — “Кто такой?” — “Видимо, лама”. — “О чем говорить?” — “О свободе, о приходе Шамбалы”. — “Ну, веди сюда. Скажи тибетского чаю дать”. И опять неожиданный друг несет новую пряжу радости...»⁵

Джунгария:

«Пришел [также] хошутский лама. Просит вылечить глаза. Принес ценные рассказы. Не сказки, но факты. [Нужны факты. Лама из Улясутая написал книгу о наступлении времени Шамбалы⁶.]»⁷.

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 192.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 84.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 31.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 132.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ В издании «Алтай — Гималаи» (М., 1974) эти фразы отсутствуют. Цит. по: Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 214.

⁷ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 181.

Н.К.Рерих с танкой Шамбалы. Монголия. 1927

«Утром мы перенесли лагерь в Хотон-Сумбул, зимнюю резиденцию торгоутского правителя на северо-западе Карашара... Мы увидели Таин-ламу, как его называют жители Восточного Туркестана и Джунгарии, в комнате дворца, обставленной в европейском стиле, с большим столом посередине. На камине стояли две банки консервов, по-видимому, для украшения. Таин-лама является довольно интересной политической фигурой Центральной Азии, несколько лет назад его называли “сильным человеком торгоутов”»¹.

«Последователи Таин-ламы считают его воплощением известного ламы Сенчена Дорджечана, одного из просвещенных иерархов Шигатзе... Говорят, что лама, бывший когда-то наставником Панчен-ламы, предсказал свою судьбу по росписям, выполненным по его указаниям на стенах покоев... Его воплощение появилось в далеком Туркестане, в княжеской семье карашарских торгоутов. Сенчен Дорджечан предсказал перед смертью, что родится снова в стране войлочных юрт и стад рогатого скота. Мальчик, появившийся на свет, имел такую же легкую деформацию колена, как у покойного ламы»².

«...В далекий Чарклык для наблюдения за тайной торгоутской дорогой в Лхасу»³.

«Мы вспоминаем чаяния калмыков. Вспоминаем, как наш Чунда первый сказал нам о Таин-ламе. Уже потом пришли сведения о том, что может сделать этот торгоутский предводитель, если он сможет принять то, что ему посылается. А если не примет, тогда прощай надолго, Джунгария. О чем говорить, если чья-то пригоршня дырява...»⁴

«Узнали, кто такой Цаган-хутухта. Оказывается, он олет. Сейчас находится в Лабране. Как поучительно сверять сведения из-за Гималаев со сведениями с севера. Только так складывается истинный облик лиц, событий, верований. Каждая страна, не удаляясь от истины, вкладывает свои особенности в свою наблюдательность. Тибет преувеличил Таин-ламу, сведения о Цаган-хутухте совпадают»⁵.

«Скоро наш Геше уйдет в свои горы. Сегодня он рассказал, что настоятель медицинской школы в Лхасе говорил ему об “азарах”, как они называют Махатм, живущих в горах и применяющих свое глубокое знание на пользу человечества. Слово “азара” нам еще не встречалось. Это не санскрит. Не сензар ли? Но как трудно заставить Геше рассказать такие подробности! Скоро уйдет он. Скажет Таин-ламе все им упущенное. Страх — плохой советчик»⁶.

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии // ДПП. Вып. 5. 1974. С. 473—474.

² Там же. С. 475.

³ Там же.

⁴ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 178—179.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 214.

«Тихий теплый вечер. Молочное весеннее небо. Если бы удалось, не заходя в Карашар, пройти на ставку калмыцкого хана и оттуда монастырями и горами на Урумчи. Ждем калмыков. Имеет значение»¹.

Урумчи:

«Обсуждаем вести из Синина. Как это замечательно, что нужные ламы приходят без опоздания. “Длинное ухо” Азии работает лучше радио»².

«Так все сложно. Так много вопросов. И необыкновенных условий. Надо ускорять отъезд»³.

«Вдруг все повернулось так, что необходимо ехать как можно скорее»⁴.

«Утром приходит монгольский лама. Вот радость! То, что мы знаем с юга, то самое он знает с севера»⁵.

«Интересны вулканические показания в районе Чугучака, Кульджи, Верного (Алма-Аты) и Ташкента. Земля точно дышит. Как бы гигантская динамомашинка работает в продолжение месяцев»⁶.

Алтай:

«Именно тогда, когда мы не просили, именно тогда, когда не ожидали, он сам сказал и показал свое знание особых мест Тибета. Наши простецы сочли бы это за сказку или за необычайное откровение, а он улыбнулся, запахнул желтый халат и показал знание, кто и где живет. “А с тем местом уже пятнадцать лет не было сношений”»⁷.

Монголия:

«Неожиданные гости прилетают из пустыни. Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотошитом монгольском наряде. Кто он? Спешно прошел в шатер. Не называя себя, сказал, что он друг наш и должен предупредить о готовящемся на нас нападении на тибетской границе»⁸.

Тибет:

«Поразительно проходить местами, где еще недавно были ашрамы. Но самая необычайная встреча не будет иметь ничего общего с правительством Далай-ламы. Смещение двух совершенно различных понятий следует расчленить. И Тибет не имеет более права укрываться за не принадлежащей ему таинственностью. Рад, что мы шли открыто, что мы спрашивали открыто тибетское правительство и

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 178.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 214.

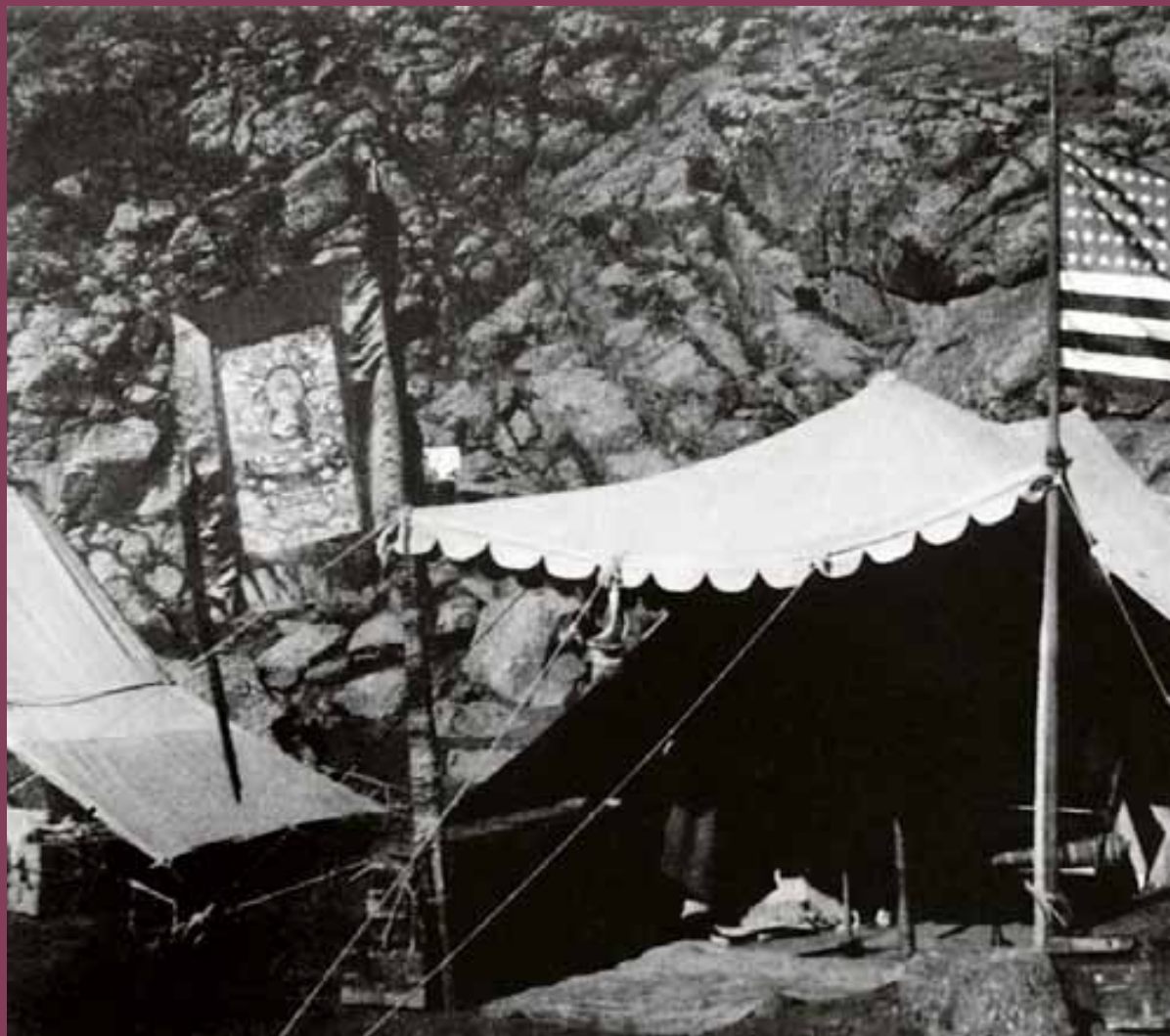
⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Там же. С. 218.

⁷ Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 288.

⁸ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 255.

Экспедиционная палатка Рерихов. На заднем плане — танка Шамбалы. Тибет. 1927

говорили с тибетцами открыто. Старая тропа переодеваний слишком импозантна для Тибета»¹.

Вокруг экспедиции дышала какая-то скрытая жизнь, очень похожая на ту, которая существовала на полотнах самого Николая Константиновича. Шли и скакали вестники, спешили ламы. Вести шли с севера, юга, востока. Они настигали экспедиционный караван, и караван чутко реагировал на них. Его ход то замедлялся, то

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 274.

ускорялся. Но «тайная тропа» несла не только вестников. На ней происходили события, которые можно лишь зафиксировать, но отнюдь не объяснить. За ними стояли те, кто посылал вестников. На их определенную связь с Реальностью, стоявшей за легендой о Заповедной Стране, Николай Константинович неоднократно обращал внимание в своих экспедиционных дневниках и очерках.

Из письма к Шибаеву (из Кашмира):

«Забота совершенно необыкновенная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее, Лэ)»¹.

«Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные»².

Кашгар-Куча:

«Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение»³.

Монголия. Урга:

«Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притолоки и говорит: “Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает”. А тут и телеграмма!»⁴

Монголия:

«Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя (Махатмы) сорок лет тому назад. <...>

Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе.

¹ Письмо Н.К.Рериха В.А.Шибаеву от 27.07.1925 // ОР МЦР. Ф. 1, вр. № 2531. Л. 10 об.

² Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 204.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 169.

⁴ Там же. С. 249.

На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. <...>

Конец июля. “Иду радостно в бой”. *Lapis exilis* — блуждающий камень. Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: “Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел”. Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважимся пересечь Цайдам по новому пути.

К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (Н.В.Кардашевский. — *Л.Ш.*) с мечом и кольцом»¹.

Тибет:

«И в другом месте экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»².

Именно эти записи выводили на очень важный момент в истории Центрально-Азиатской экспедиции. Они напоминали о тех, с кем произошла памятная встреча Рерихов в 1923 году в Сиккиме в небольшом придорожном храме. Узорный, цветной занавес легенд и преданий спадал, и возникала ясно видимая Реальность — мудрецы, Учителя, Великие Души, те, которые «вели» экспедицию и придали ей уникальный характер.

«Вы, может быть, спросите меня, — писал Николай Константинович, — почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия за недостатком осведомления оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопоучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности»³.

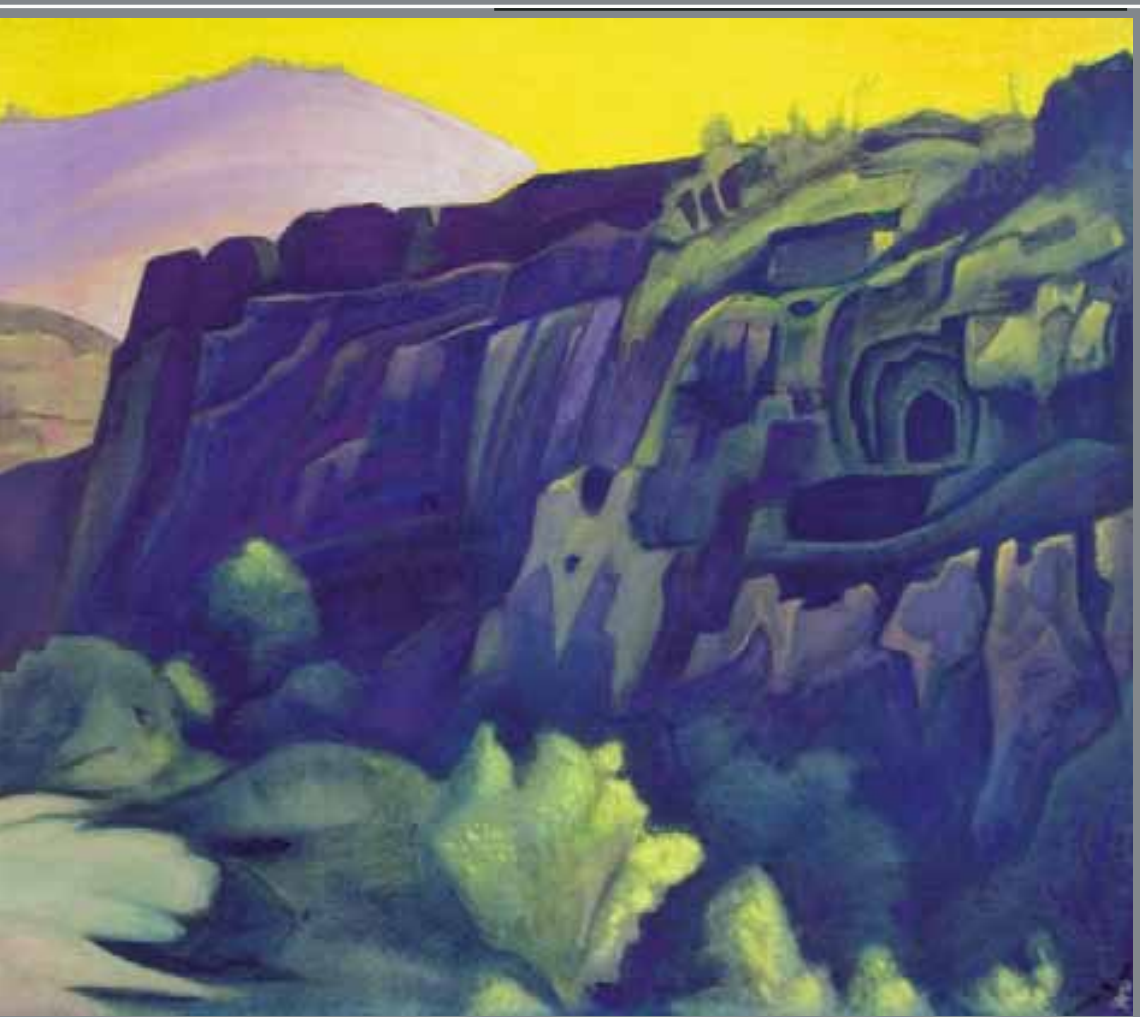
Связь подлинных Великих Душ с Заповедной Страной не оставляла у Рериха никаких сомнений.

¹ *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 254.

² *Рерих Николай.* Листы дневника. М.: МЦР, 2000. Т. III. С. 92.

³ *Рерих Николай.* Сердце Азии. С. 90.

Н.К.Перих. Аджанта. 1938

«Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сакадзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брамапутры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но знают многие реальные случаи Их дел и появлений.

Всегда жданные, неожиданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они появлялись. Если нужно,

Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном разговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве бы оно изменило бы их жизнь? Оно вошло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению? Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется не знающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм. <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник.

Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверия и предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»¹.

И еще: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем — вы знаете о Махатмах»².

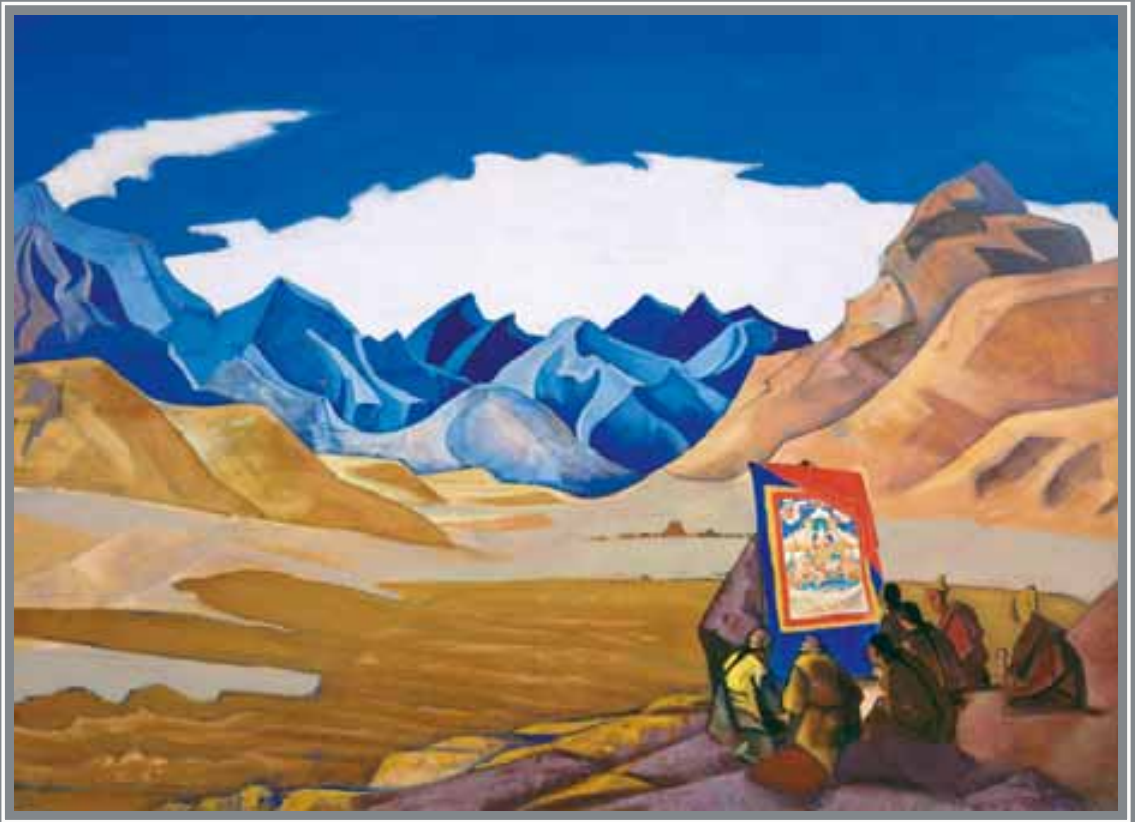
Заповедная Страна, по утверждению Николая Константиновича, имела точное географическое положение.

«Некоторые указания, — писал он, — затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памире, в Туркестане и Гоби»³. Все эти места назывались потому, что было известно, что около Шамбалы люди живут в юртах и занимаются скотоводством.

¹ Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 317—318.

² Рерих Николай. Сердце Азии. С. 122.

³ Там же. С. 128.

Н.К.Рерих. Знамя Грядущего. 1925—1926

«...Но не забудем, — отмечал Николай Константинович, — что горные киргизы в местностях Куныльуня также живут в юртах и занимаются скотоводством»¹. Куныльунь упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной Стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказе алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья.

«Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью, — рассказывали алтайские староверы. — Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдешь еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши.

А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 129.

А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается»¹.

Видимо, в описании пути в Беловодье содержались какие-то реальные приметы, поэтому Николай Константинович счел необходимым расшифровать те географические названия, которые были искажены в передаче рассказчиков.

«Иртыш и Аргунь произнесены правильно, — писал он. — Соленые озера, конечно, это озера Цайдама с их опасными переходами. Боготорше, или Боготорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда. Кокуши — каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т.е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов»². Путь в Беловодье, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

«...Географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»³.

Но Гималаи — огромный горный район, похожий на лабиринт. И Николай Константинович расставлял по этому району особые ориентиры, которые также совпадали иногда с маршрутом Центрально-Азиатской экспедиции. Это путь от Сиккима на северо-восток через Брамапутру и хребет Танг-ла к Трансгималаям.

В своих сиккимских дневниках Николай Константинович записал:

«И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но бело-снежный пояс раскинулся по вершинам стены. Пояс Земли. Поставим стрелу на север. Там должны быть основания горы Меру»⁴.

Хребет Танг-ла. «Величайшая и святейшая Танг-ла», «Священная Танг-ла», «Святейшая Танг-ла»... Затейливое русло реки, похожее на древний иероглиф, снежные горы, расположенные замкнутым кругом. Сюжет, напоминающий буддийские танки, посвященные Шамбале. Он так и назвал одну из своих картин, где была изображена Танг-ла, — «Песнь о Шамбале». Он сделал много зарисовок Танг-ла, возможно, не меньше, чем этюдов Эвереста и Канченджанги...

В своих экспедиционных дневниках Николай Константинович не раз упоминал слово «Калачакра». Это странное, как будто пришедшее из глубины веков слово было таинственно и неуловимо связано с двумя другими — «Агни Йога». Но, будучи связанными между собой, эти два понятия не были тождественны. «Калачакра», или «Колесо Вре-

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 110.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 110.

⁴ Рерих Николай. Пути Благословения. С. 133.

мени», появилась как буддийская философская доктрина в X веке. Помимо философского объяснения мироздания она давала целый комплекс знаний по астрономии, медицине, психологии. Буддийская традиция утверждала, что цари Заповедной Страны не раз комментировали Колесо Времени. Калачакра раскрывала в человеке дремавшие в нем силы и учила сознательно управлять этими силами. В отличие от других философских доктрин и учений Калачакра была подвижной, гибкой, в ней были заложены творческие возможности, которые продолжали действовать на протяжении многих веков.

«Учение Шамбалы, — писал Юрий Николаевич, — это скрытое учение Монголии и Тибета, и его святейшество Таши-лама является главным проповедником этой доктрины. После его смерти в 1923 году учение получило новый могучий толчок, и во Внутренней Монголии, а также в буддийском Китае возникло много школ Калачакры. Они стали появляться даже в далекой Бурятии. В большинстве монастырей создаются специальные школы по изучению Калачакры с особым составом лам»¹.

Из уст в уста передавались пророчества. Они шли откуда-то из глубины гор, и в них был отзвук древних письмен. «Из Священного Царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания. Знаками Семи Звезд откроются Врата.

«Огнем явлю Моих посланных, соберите предуказания счастья вашего!»²

«Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли Нового Мира для затемненных и, как красное солнце, для понявших!»³

«Северная Шамбала идет! Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния. Дуккар многоокая и многорукая посылает нам чистые мысли. Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями!»⁴

Пророчества были похожи на заклинания. Но они были понятны многим. В юртах и глинобитных хижинах ждали наступления времени Шамбалы, счастливого для людей времени, связанного с Новой Эрой, над которой поднималась гигантская фигура Майтрейи, грядущего Будды. «Колесо Времени» продолжало вращаться, и заложенная в нем творческая сила складывала узор, созвучный нашему веку. И хотя сам этот узор был несколько архаичен, однако суть его отвечала устремлениям века.

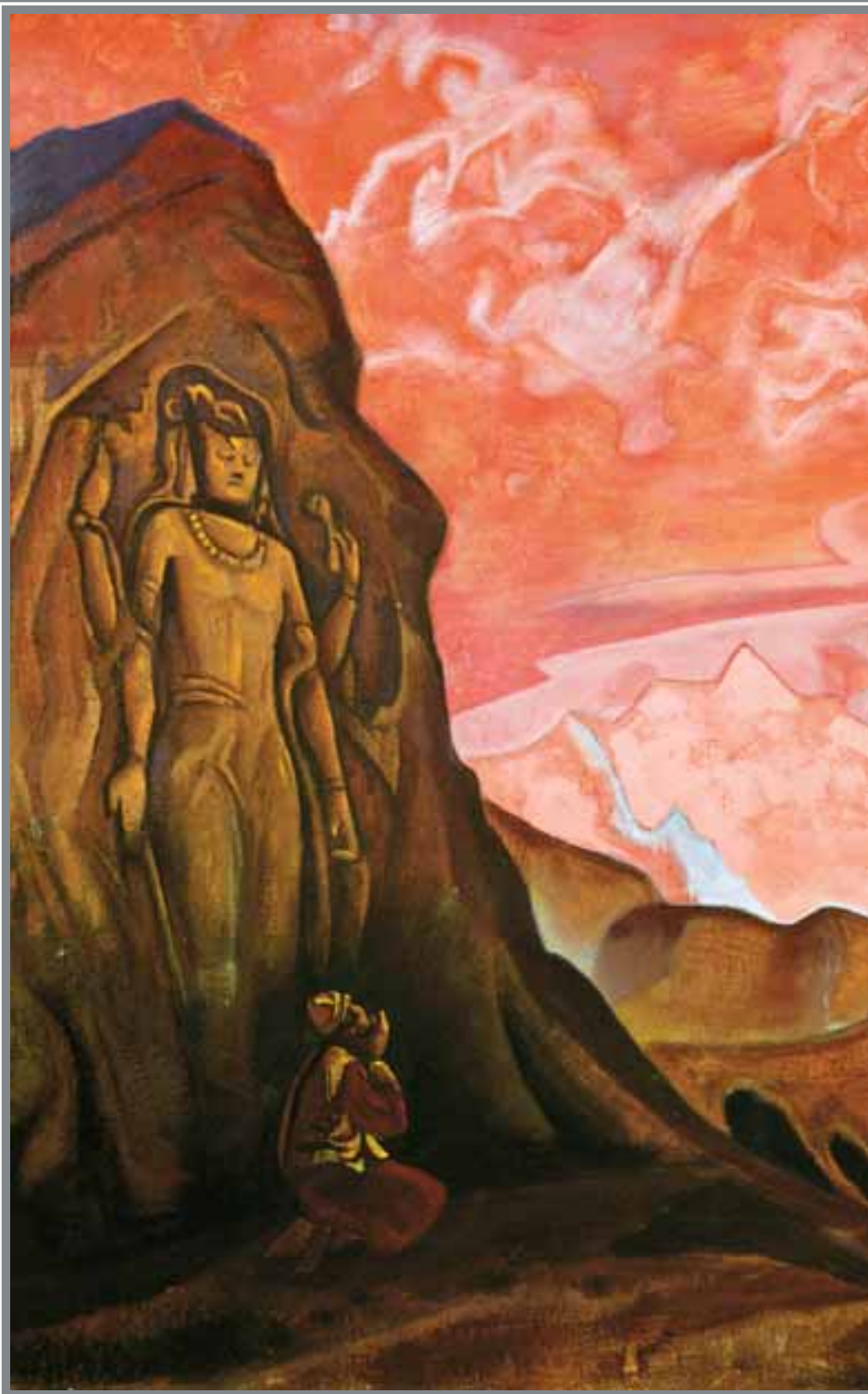
«Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее, — писал в своем экспедиционном дневнике Николай Константинович. — Нужно заглянуть в глаза этих проходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы. И сроки событий для них не любопытная

¹ Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 117.

² Сент-Илер Ж. Криптограммы Востока. С. 127.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 130.

Н.К.Рерих
Майтрейя Победитель
1925—1926

странность, но связаны с построением будущего. Если даже иногда эти построения запылены и извращены, но сущность их свежа и движет умы. Следя за развитием мысли, вы познаете мечты и надежды»¹.

Ему вторил Юрий Николаевич: «Не следует преуменьшать значение этой разбуженной силы, таящейся в юртах кочевников и во многих монастырях ламаистской Центральной Азии»². Эта «разбуженная сила» возникла на полотне «Явление срока». Под остроконечным шлемом лицо с пристальными глазами. Явленный срок подтверждал неизбежность Нового Мира, нового витка в эволюции человечества. Путь экспедиции пролегал по сложнейшим переплетениям Времени и Пространства. И это превращало ее из частного явления в явление планетарного масштаба.

Если в юртах, глинобитных хижинах и монастырях прислушивались еще к зову древней Калачакры и пророчествам, то для грядущего Нового Мира Калачакра уже вспыхнула пламенем Агни Йоги, которое держала на вершине горы женщина в розово-голубых китайских одеждах. Агни Йога говорила с миром на том языке, который могли понять люди, принадлежащие к разным нациям, к разным вероисповеданиям, к разным мировоззрениям. Агни Йога — «Йога Огня». Слова эти впервые появились в экспедиционных дневниках Рерихов, а потом стали известны многим.

«Вооруженная древнейшим опытом Агни Йога, — писал Николай Константинович, — в свободном движении распространения истинного знания говорит о научном исследовании и обосновании сущего»³.

«Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждают Агни Йогой»⁴.

«Агни Йога <...> восстает против “чудес”, вводя феномены в кругозор позитивного знания. “Нужно учиться организации психической энергии”, — утверждает Агни Йога»⁵.

«Йога смело утверждает: будем искренни и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать.

Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего <...>»⁶

«Иногда вы можете даже подозревать какие-то общемессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 83.

² Рерих Ю.Н. Пути к сердцу Азии. Рукопись. С. 118.

³ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 135.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ Там же.

Н.К.Рерих. Агни Йога. 1928—1930

между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее мессианизма, и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о Новой Эре, вооруженной мощными силами космических энергий»¹.

«Оно (Учение. — Л.Ш.) включает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями»².

«Все наши последние открытия рассматриваются на Востоке как знаки эры Шамбалы. Космические лучи Миликена, теория относительности Эйнштейна, звучащий эфир Термена рассматриваются в Азии как знаки эволюции человеческого сознания, подтвержденные ведическими и буддийскими традициями и Учениями Шамбалы»³.

«Учение Шамбалы — это целое Учение о жизни. Так же, как в индийских йогах, это Учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе»⁴.

«Великая концепция Шамбалы обязывает к непрестанному накоплению знаний, обязывает к вдохновенному труду и широкому пониманию»⁵.

«Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь, на земле, без всякого замедления»⁶.

«Зов нашей эволюции» — за этими словами стояло мироощущение Рериха как художника и его концепция как историка. Возможно, этот зов опережал Время, поскольку многое из того, что в нем звучало в те далекие двадцатые и тридцатые годы, было непонятным, казалось фантастическими измышлениями.

«С юга и с севера, с востока и запада мыслят о том же. И тот же эволюционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание Нового Мира — существует. Время схода событий — улажено, соблазн собственности — преоборен, неравенство людей — превзойдено, ценность труда — возведена. Не вернется ли чужд подземная? Не седлает ли коней агарти, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах — на Дальнем и на Студеном — пылают вершины»⁷.

Николай Константинович щедро открывал тайные страницы Центрально-Азиатской экспедиции, но ему не верили, считая все выдумкой или ловкой фальсификацией. Он шел сквозь это неверие, сохраняя

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 91.

² Там же. С. 84.

³ Roerich N. Shambhala. P. 297.

⁴ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 127.

⁵ Roerich N. Shambhala. P. 60.

⁶ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 130.

⁷ Рерих Николай. Алтай — Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 281.

мужество и делая то, что ему было поручено. В 1926 году, несмотря на все опасности, экспедиция вошла в Россию, страну, которая, по утверждениям Учителей, становилась оплотом будущей эволюции человечества. Он привез туда письмо, необычность и уникальность которого долго еще не будут оценены.

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами, — писали Махатмы. — Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войска рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии. Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет Вам, ищущим Общего Блага!»¹

Вместе с письмом Рерих привез в дар русскому народу серию картин «Майтрейя». «Серия “Майтрейя”, — писал он, — сложилась из семи частей: 1) Шамбала идет. 2) Конь счастья. 3) Твердыни стен. 4) Знамя грядущего. 5) Мощь пещер. 6) Шепоты пустыни. 7) Майтрейя Победитель»². В багровых бликах на Красном коне по небу мчится воин, трубящий в раковину. Темные силы зла и несправедливости гибнут под копытами коня. «Шамбала идет».

На каменной ступе высечен «Конь счастья». Ярко горит на его седле Сокровище Мира, таинственный, волшебный камень Чинтамани. На горных утесах вздымаются стены и башни монастыря. Таинственно темнеют входы в «Мощи пещер», хранящие сокровища для будущего. Над вершинами гор мчится алый облачный всадник — Майтрейя. Будущий Освободитель и Победитель. На фоне лилово-синих гор группа людей сидит у картины.

«Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и

¹ Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // Международная жизнь. 1965. № 1. С. 105.

² Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 119.

в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах Владыки Шамбалы, о Его чудесном перстне, обладающем великими силами»¹. Картина называлась «Знамя грядущего».

Ближний снежный хребет тонет в синеватой мгле ночи. Пламя костра освещает походные палатки и людей около них. Рядом стоят мирно жующие жвачку караванные яки. Отсветы оранжево-желтого пламени ложатся на лица людей, увлеченных каким-то необычным рассказом. Рассказчик поднял обе руки, пальцы рук растопырил, как будто он что-то считает. «Опять валит снег. Высокие острые скалы окружают стан. Гигантские тени отбрасывались на их гладкие поверхности. Вокруг огней сидят закутанные фигуры. Издалека вы можете видеть, как они поднимают руки, и в красных струях огня блестят все десять пальцев. <...> Считается необозримая армия Шамбалы»².

В картинах было все то, что происходило на тайной тропе, идущей рядом с экспедиционным маршрутом. События «помимо историков», прикрытые тонкой цветной вуалью легенд и поэтического вымысла, давали представление о самых важных сторонах Центрально-Азиатской экспедиции. Заповедная Страна, Камень, Великие Души, Йога Огня стояли указующими вехами на ее пути. И казалось, что в этих вехах слились и прошлое, и настоящее, и будущее. И поэтому огромное пространство, по которому шла экспедиция, было много меньше того Времени, которое стояло за ней.

Пространство принадлежало одному веку, Время — целому витку человеческой эволюции. Понимали ли это современники? Вряд ли. Понимают ли это потомки? Еще нет. «Уходите не в спокойный час, но в зареве Нового Мира»³ — так было сказано в книге, которую Рерихи привезли в Москву. Вернее, в рукописи, которую они хотели опубликовать в России, ибо она повествовала об этом Новом Мире. Книга называлась «Община». Но на нее тогда не обратили внимания.

Он шел по этому трудному пути пять лет, а потом еще всю жизнь. И рядом с ним была всегда его жена и другиня, которую он называл Ведущей. Когда они пришли к своему конечному пункту в далеком Сиккиме, Николай Константинович отправил телеграмму в Нью-Йоркский музей: «Экспедиция Н.К.Рериха после огромных трудностей достигла Гималаев. Таким образом, завершилась крупная экспедиция в Центральную Азию. Собрано много научных материалов и написано много картин... Очень много материала по буддизму»⁴.

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 103.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 248.

³ Община 1927 (Урга). Кн. 3. Ч. III, III, 22.

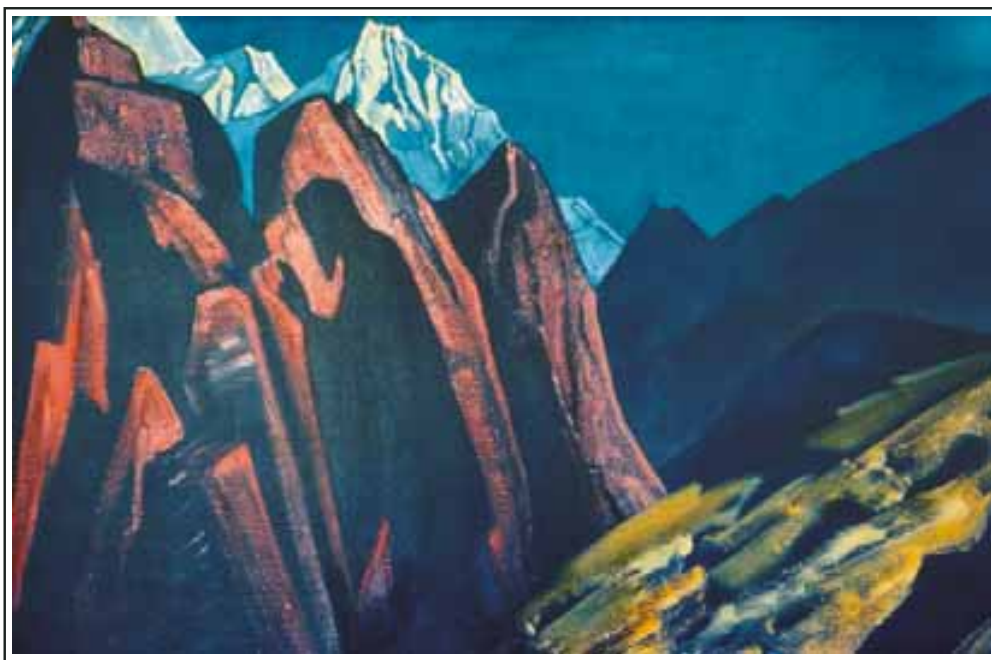
⁴ Сибирские огни. 1974. № 10. С. 169.

Такую телеграмму мог послать после завершения экспедиции любой ее руководитель. Но за телеграммой Рериха стояло совсем другое.

Как ни странно звучит это утверждение, но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был проложен по коридору космической эволюции человечества. Земное и космическое как бы соприкоснулись на нем и создали тот культурно-исторический сплав, без которого или не состоялся бы следующий виток эволюции, или оказался бы не таким, как планировал одухотворенный Космос.

Пройдя по Индии, Китаю, России и Монголии, экспедиция создала энергетическое поле для формирования будущих центров культуры на охваченном ею пространстве. Она заложила энергетические магниты будущего Нового Мира.

Наш XX век, переломный и бурный, несет в своих недрах сужденный срок космической эволюции человечества. Стоит ли говорить о том, что большая часть этого человечества, занятая обычными рутинными делами и заботами, до сих пор так еще и не осознала случившегося...

Н.К.Рерих. Тень Учителя. [1932]

Часть третья ДОЗОР

Много вышек в жизни. Многие нужнейшие держатся дозоры. Приносится неотложная польза. Только при всем том бывает на вышках одиноко. Слышите ли? Отзоветесь ли?

Н.К.Рерих

С.Н.Рерих. Портрет Н.К.Рериха. 1928

Глава первая

КУЛУТА

Берега Беаса связаны и с Риши Виасой, собирателем «Махабхараты», и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходили и Будда, и Падма Самбхава, здесь жил Арджуна и другие Пандавы. Недалеко Манали — от Ману. Горячие ключи Басишту и долина Маникаран-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг — уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!

Н.К.Перих

У железнодорожной станции в Патанкоте их уже ждали заранее нанятые машины и низкорослые местные лошади, которых здешние жители называли пони. Погонщики-горцы скупно цедили слова, отвечая на вопросы любопытных, окруживших караван. Станционные грузчики в красных тюрбанах перетаскивали багаж из вагона к каравану. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич наблюдали за укладкой багажа. К полудню караван двинулся в путь. За Патанкотом открылись синие предгорья, через которые шла дорога в указанную долину. Долина называлась Кулу или Кулута. Она лежала в западных отрогах Гималаев, на пути к тибетской границе.

Начался подъем, который становился все круче. Моторы машин нутужно ревели, погонщики покрякивали на лошадей. Становилось заметно прохладнее. Бодрящий, пахнувший снегом воздух стекал сюда с невидимых снежных вершин Великого Гималайского хребта.

Был конец 1928 года. Караван нес груз Центрально-Азиатской экспедиции. Естественнонаучные коллекции, старинные рукописи, потемневшую от времени тибетскую бронзу, танки, написанные художниками несколько столетий назад, полотна Николая Константиновича. Сам он сидел в машине с откинутым верхом и пристально всматривался в поросшие лесом склоны, в темные скалы, прислушивался к шуму узких горных речушек. И хотя впереди была неизвестность, ему казалось, что все будет хорошо.

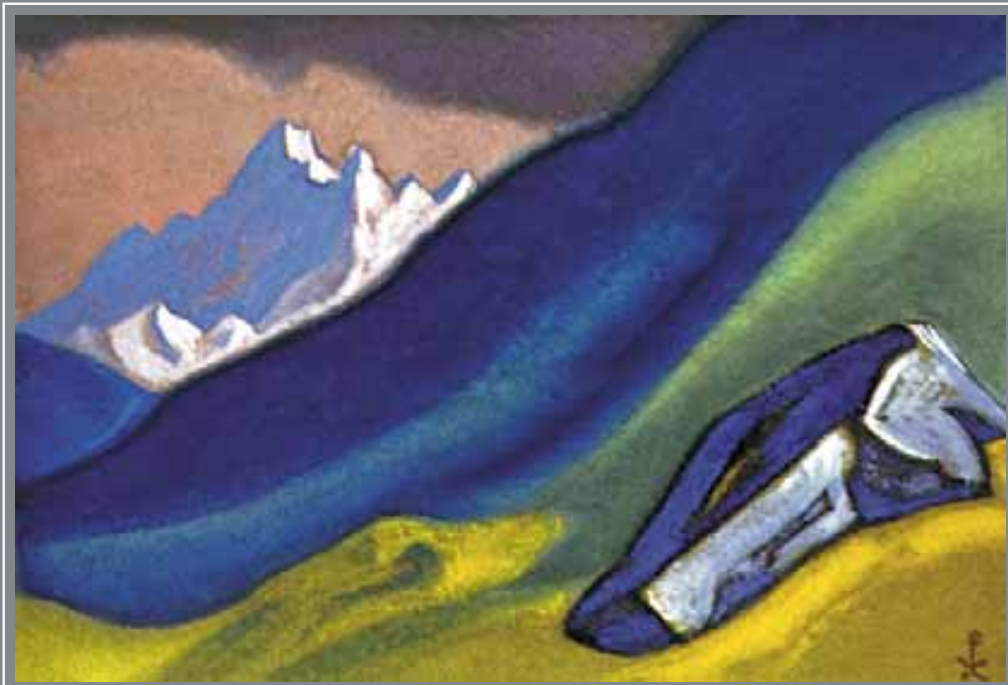
Повезло с самого начала. В Симле, в отеле, он познакомился с раджей Манди. Указанная долина входила в его княжество. Темнолицый и горбоносый раджа внимательно слушал рассказ Николая Константиновича о приключениях в Центральной Азии. Он удивлялся и качал головой. На высоком тюрбане вспыхивал и гаснул большой изумруд. Потом раджа расхваливал свои владения и рассказывал легенды о покровителе долины Гуга Чохане. Рерих спросил его, где можно поселиться в Кулу. Раджа на минуту задумался, опустив тяжелые веки. Изумруд на тюрбане светился таинственно и притягательно.

— Обратитесь, пожалуйста, — сказал раджа, — к плантатору Дональду, у него несколько домов. — И поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Они заночевали в небольшом местечке Палампуре. Были рождественские праздники, и Шибаев, секретарь Николая Константиновича, поздно вечером принес в бунгало для приезжих небольшую елочку. Они зажгли на ней свечи, и Рериху показалось, что за темными окнами бунгало не Гималаи, а тот, другой, оставшийся в прошлом мир. Мир детства на набережной северной реки в далеком городе, над которым поднял державную руку Медный Всадник. Свечи потрескивали и оплывали. Пахло разогретой хвоей. Это был запах Рождества. Николай Константинович вышел на крыльцо. Над горами раскинулось темное звездное небо. Прямо над головой стояло созвездие Ориона. От скрытых облаками вершин дул холодный зимний ветер.

На следующий день пути они нашли пристанище на просторной вилле раджи Манди. Отсюда дорога пошла по берегу бурного Беаса, пробивавшего себе путь в узком скалистом ложе. Около ущелья Ут караван повернул на север и вошел в долину Кулу. Дорога вилась между прибрежными скалами, внизу шумел и пенился Беас. Местами дорога становилась совсем узкой и была похожа больше на широкую тропу, нежели на дорогу. Она поднималась все выше и выше.

Ревели моторы, заглушая шум реки. Надрывно и протяжно кричали погонщики, погоняя усталых лошадей. Отсюда с дороги были видны лесистые склоны, наступавшие на долину, и дома, крытые сербристым сланцем, разбросанные по берегу реки. По лесистым склонам карабкались горные деревни. Уже в сумерках переправились по старому бревенчатому мосту через Беас. Машины оставили перед ним.

*Вверху: Н.К.Рерих. Гималаи
Внизу: С.Н.Рерих. Наггар. 1936*

Мост мог не выдержать их тяжести. Копыта лошадей гулко стучали по потемневшим от времени бревнам. Лошади чувствовали себя неустойчиво, и их пришлось вести под уздцы.

От моста тропа пошла круто вверх. Всем пришлось сесть на лошадей. Стало совсем темно. Огромные ели и сосны наступали на тропу. Где-то внизу светились редкие огоньки. Впереди ничего не было видно. Наконец где-то за деревьями мелькнуло освещенное окно, близко залаяла собака, и на дорогу вышел слуга с фонарем. Желтые отсветы заплясали по наезженной земле. Слуга поставил фонарь на дорогу и сложил руки в приветственном пранаме. Их ждали. Дональд распорядился приготовить для них комнаты.

Утром все встали очень рано и вышли на воздух. На площадке перед домом лежал снег, мороз слегка пощипывал нос и щеки. Но склон, где стоял дом, и вся долина были залиты ослепительным солнцем. Над Кулу стояло неправдоподобно синее небо. Воздух был чист и прозрачен и, казалось, вот-вот зазвенит от малейшего прикосновения. Беас тек далеко внизу, и сюда его шум не доносился. Совсем близко, там, где угадывались истоки реки, поднималась двуглавая, блистающая снегом вершина Гепанга. Она напоминала гигантскую букву «М».

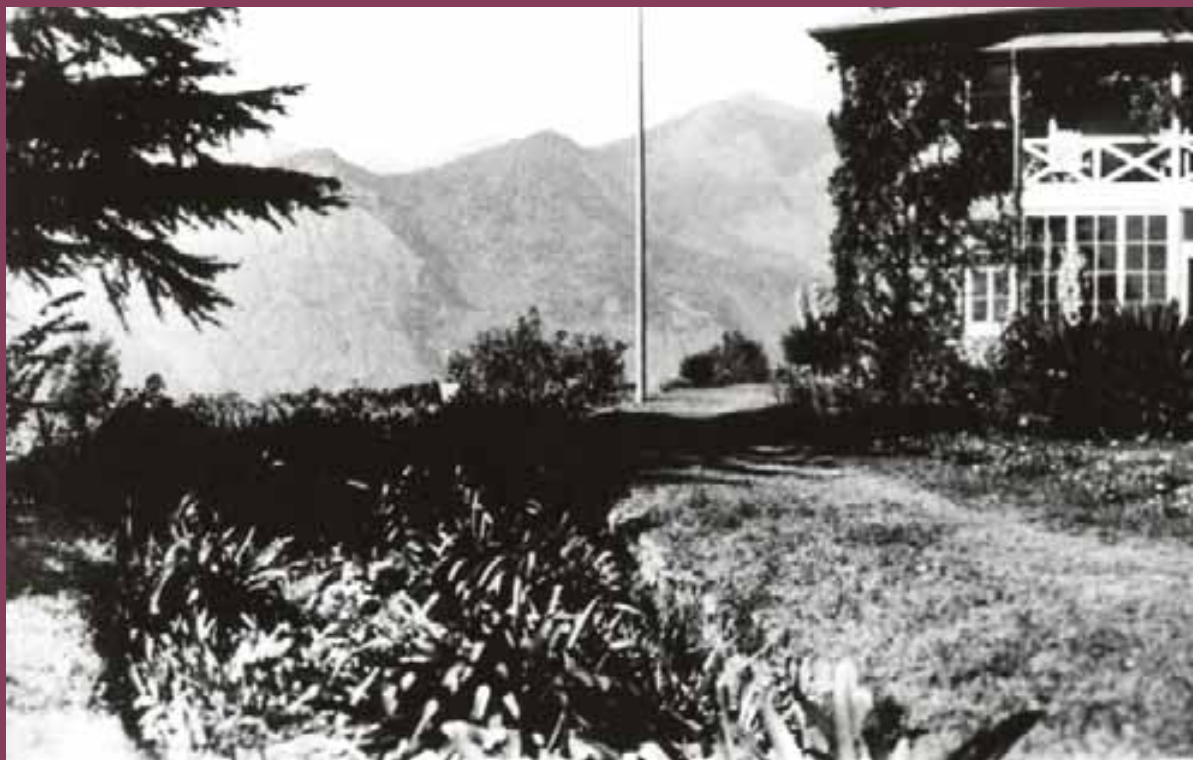
— Гора «М», — сказала Елена Ивановна и засмеялась легко и непринужденно.

Что-то знакомое показалось Николаю Константиновичу в двуглавой вершине. Она явно была похожа на алтайскую Белуху. Он принял это за доброе предзнаменование. Значит, он вернется на Родину и увидит еще Алтай. Здесь только надо завершить начатое. Потом в путь, туда, на север. От силы он проведет здесь еще несколько лет, потом все сделанное передаст России. От этих мыслей стало спокойно и легко. Захотелось осмотреться вокруг. От дома Дональда тропинка вела куда-то вверх. Он предложил остальным пойти по ней.

За поворотом они увидели ограду и каменный дом за ней. Дом напоминал старинное шотландское здание. У него были прочные стены серого камня, черепичная крыша и длинные печные трубы. Они прошли за ограду и отыскивали сторожа. Старый индеец, завернутый в шерстяной плащ, в плоской шапочке с бархатными краями, какие носили жители долины, провел их в сад и показал дом.

В двухэтажном здании никто не жил. Они вошли в столовую. Вокруг длинного дубового стола стояли массивные деревянные стулья с высокими спинками. На спинках были вырезаны инициалы «Н.Р.». У Николая Константиновича возникло ощущение чего-то необычного, сказочного. Пустой дом на горном склоне, сторож в кельтском старинном плаще и эти инициалы, вырезанные на темных спинках стульев. «Н.Р.» — Елена Рерих. Как будто дом предназначался именно ей...

Сторож сказал, что дом принадлежит радже Манди, но раджа сюда совсем не заглядывает. Место это уединенное, далекое от железной

Дом Рерихов в Кулу

дороги, зимой все дороги и тропы к дому заносит снегом. Одинокий дом раджи на склоне им очень понравился. Выяснилось, что он был построен еще в прошлом веке английским полковником Генри Ренником, а потом перешел во владение раджи. «Н.Р.» были инициалами полковника. Но ощущение какого-то таинственного знака, заключенного в этих буквах, осталось. Николай Константинович отыскал министра финансов раджи и предложил ему продать дом. Министр не возражал. Через несколько дней пришло согласие самого раджи.

Рерих внес задаток. Казалось, что все уладилось быстро и удачно. Но только казалось...

Они переехали в купленный дом. Он стоял на высоком склоне над горным поселком Наггар. Отсюда проглядывалась вся долина Кулу с бурным Беасом, рассекавшим ее вдоль. В долине текла своя жизнь, так не похожая на ту, которую он знал. Жизнь эта уходила корнями в глубокую древность, и корни эти были до сих пор живы.

По берегам Беаса возвышались деревянные храмы. Их крыши напоминали китайские пагоды. В храмах поклонялись местным богам, и когда-то в них совершались человеческие жертвоприношения. На праздниках танцевали пророки и гортанными голосами кричали о Будущем. На узких паланкинах от храма к храму несли богов. Их

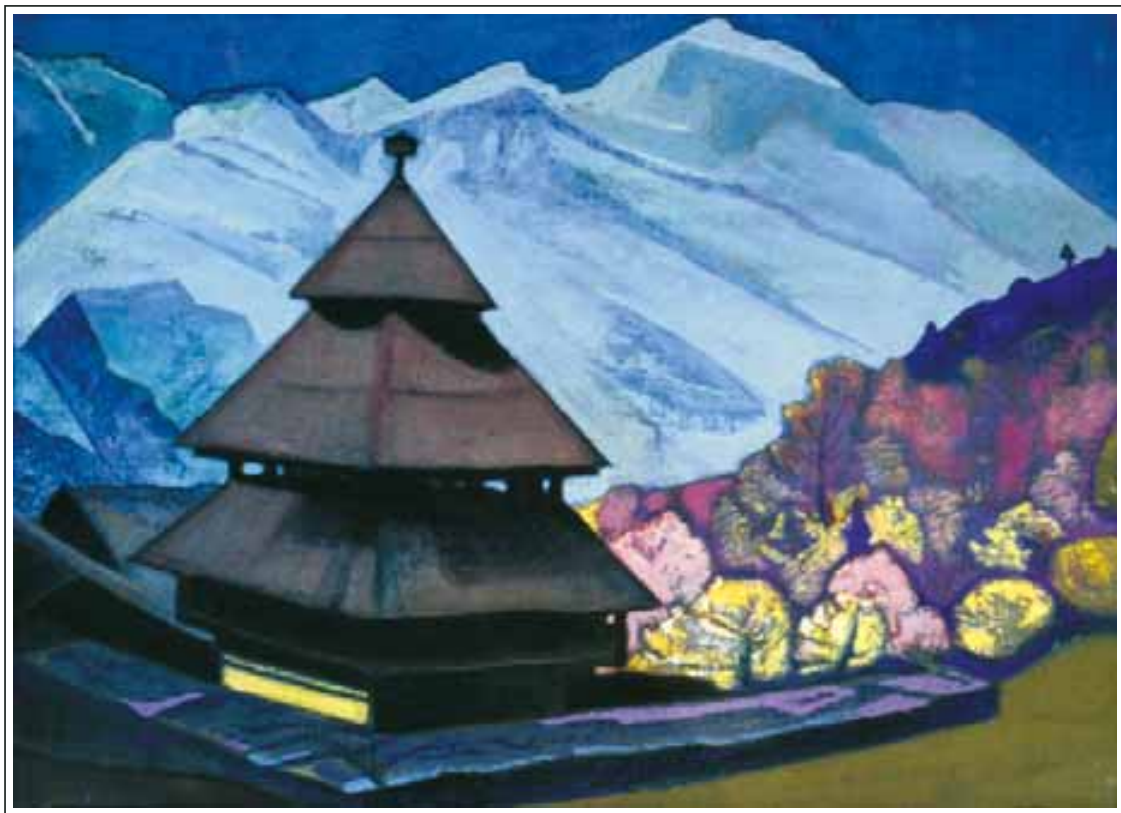
бронзовые и серебряные маски сверкали на солнце. Трубили длинные медные трубы. Мужчины, одетые в узкие штаны и кафтаны, перехваченные широкими поясами, ладно двигались по кругу. Высокие барабаны отбивали ритм. Молниями сверкали в руках танцоров кривые священные мечи.

По праздникам с перевала Чандра Кани спускались маланы в черных конических шапках. Их таинственная, отрезанная от мира долина лежала за перевалом, надежно защищенная снежными хребтами. В главном храме долины стояла статуя императора Акбара. Маланы говорили на своем, непохожем на местный язык. Никто не мог определить, что это за язык и откуда взялись сами маланы. Казалось, они жили здесь вечно, со времен сотворения этих снежных гор. Жрецы рассказывали о священных реликвиях, которые хранились в храмах Кулу. Даже сами они входили туда с завязанными глазами.

Через долину шли древние караванные пути в Тибет, Китай, Индию. Пути эти петляли по высоким перевалам, поднимались к вечным снегам, а затем спускались к синим хребтам, которые тянулись до самого горизонта. «На север от нас Манали, Арджун-гуфа, Джагадцуг, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан — через Гоби на Алтай. Древний путь. На

Гостиная в доме Рерихов в Кулу

Н.К.Рерих. Храм Трипурасундарам. 1932

восток — Чандер Кани перевал — за ним Малана (особый монкхмерский язык) — Спити — Тибет. На запад — Бара Бхагал, а за хребтами — Кашмир, Пир Панджал, а там и Памир. На юг дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии. <...>

Внизу под холмом, на старой дороге, звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?»¹

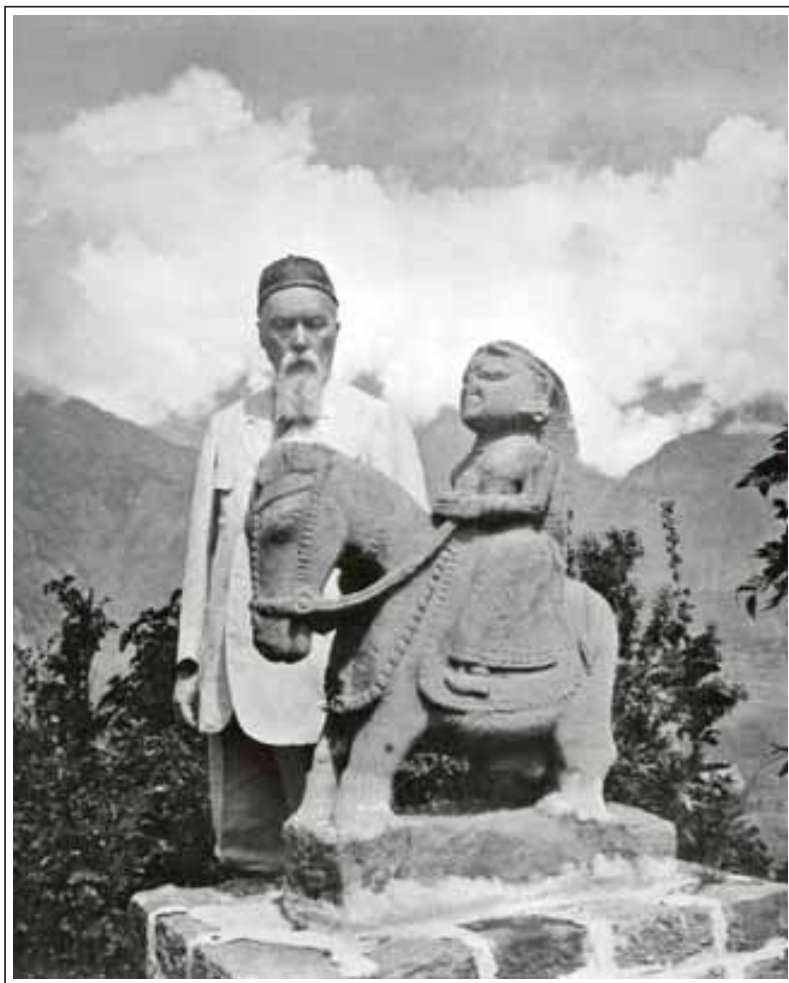
По этим путям когда-то шли волны переселенцев. Они вторгались в долину, оседали на ее плодородных землях. Строили свои храмы, молились своим богам, рассказывали свои сказки. Смешивались с местным населением, даря им свою одежду, свои украшения. Долина удерживала и хранила культуру пришельцев. Снежные хребты зорко сторожили древнее наследие.

Однажды на поле Николай Константинович заметил камень. Подошел поближе и увидел, что камень был ногой, обутой в сапог. Когда раскопали, то увидели фигуру всадника на лошади. Всадника поместили под деодаром во дворе дома. «Гуга Чохан, — сказали местные жители, — покровитель долины».

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 123.

К дому приходили жрецы совершать пуджу в честь древнего героя. К новой семье в Наггаре относились почтительно, с уважением. По праздникам к воротам приносили цветы и фрукты. Надевали цветочные гирлянды на Большого Господина и Большую Госпожу. Гуга Чохан, чуть приподняв каменный лик, надменно и прямо восседал на лошади.

Долина продолжала удивлять своими чудесами. В неожиданных местах в склонах гор были кем-то прорублены лестницы. Ступени, сложенные из необработанных камней, вели к перевалу Ротанг. Местные жители говорили, что лестницу соорудил Гесэр-хан. Неизвестные развалины циклопической кладки они называли дворцом Пандавов. Руины древних замков и башен стояли у самых снегов на вершинах. Рядом с одним из них был хорошо выложенный водоем. Каменные алтари в честь богов возвышались около древних храмов.

*Н.К.Рерих
у статуи
Гуга Чохана
[1932—1933]*

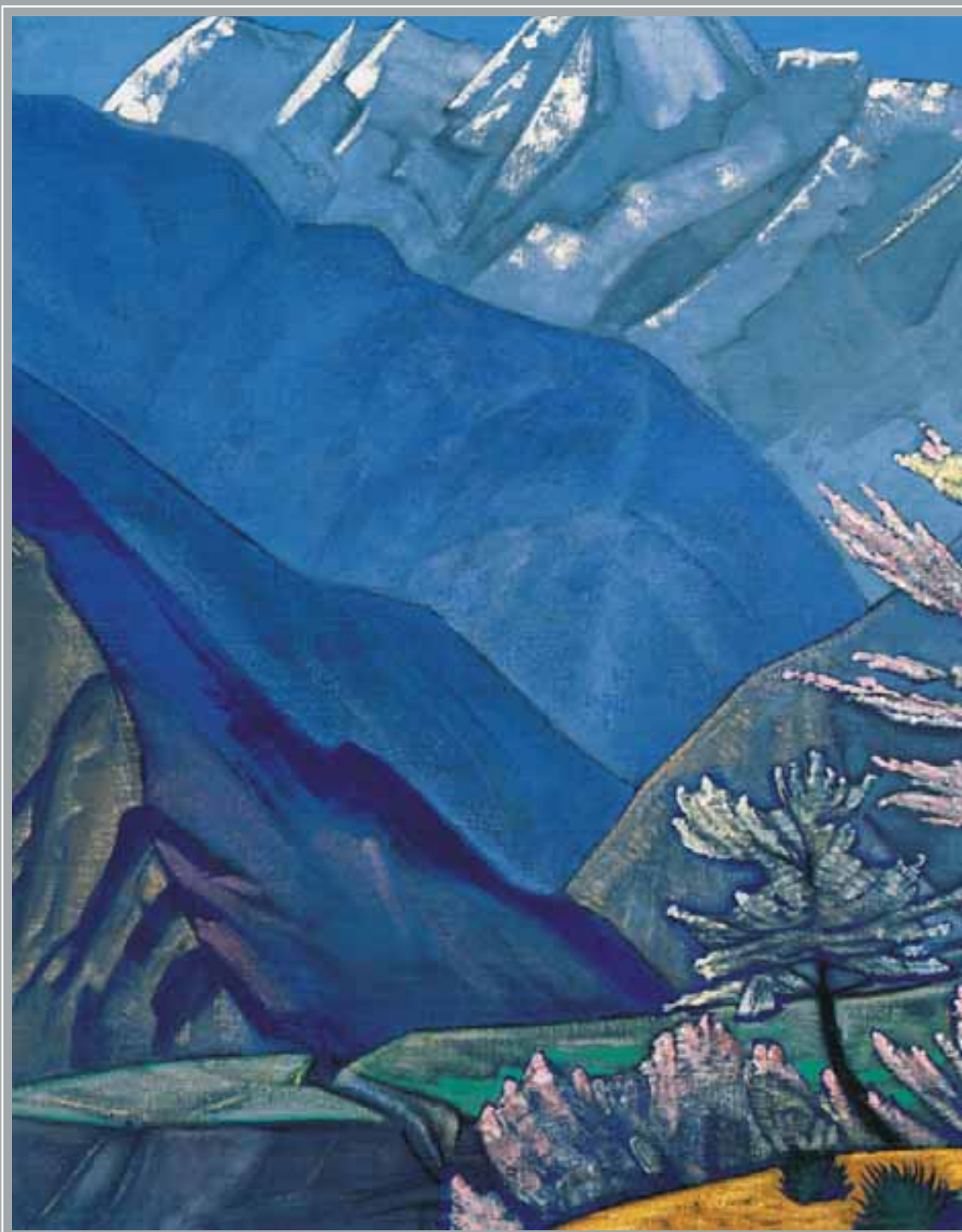

Н.К.Рерих. Гуга Чохан. 1931

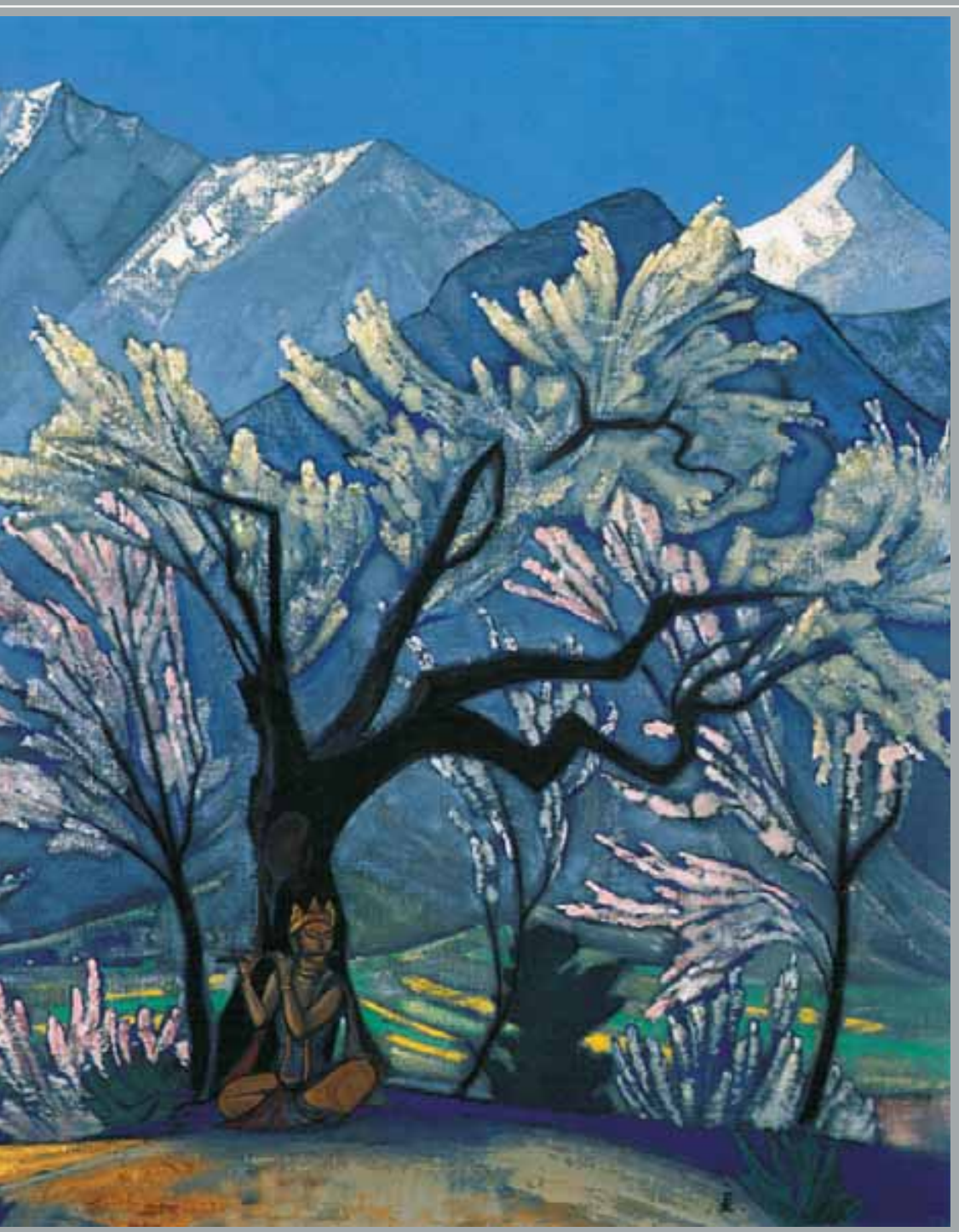
«Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гуга Чохан, и Нар Синг — каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Маникаран. Здесь и Чандра-Бхага, издавна ознаменованная в Пуранах. Здесь и страна Захор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Ландармы»¹.

В горной долине Кулу звучала сама История. Звучала эпическими поэмами, старинными хрониками, легендами. Имена исторических личностей смешивались с именами эпических героев, имена Риши угадывались в именах богов. Эхо Времени доносило звон мечей сражений «Махабхараты», поступь отрядов Александра Македонского, затихающий звук шагов неизвестных народов. А вокруг стояли снежные горы Гималаи, их синие бесконечные хребты закрывали долину. Над хребтами полыхали пурпурно-оранжевые восходы и закаты. По ночам в чистом горном воздухе ярко и неподвижно горели крупные звезды. Днем под солнцем сверкали ближние и дальние снега. Долину называли еще Серебряной долиной. И действительно, в ней было что-то от чистоты серебра, чуть потемневшего от Времени, но от этого

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, [1933]. С. 249—250.

Н.К.Рерих. Кришна. Весна в Кулу. 1930

Н.К.Перик в тибетском костюме. 1929

Семья Рерихов. Кулу. [1932—1933]

С.Н.Перих. Гималаи

ставшего еще более прекрасным. «С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!»¹

Время превращало эти капли в кристаллы, и они росли сказочными сверкающими цветами в темных пещерах и ущельях. В кристаллах тысячелетиями копились прозрачность и чистота. Это же наслаивалось и на скалах, формировалось в людях, концентрировалось в атмосфере. Все здесь было поразительным, необыкновенным. «К северу от Кулу, в вечных снегах сверкают хребты Гималаев, напоминающие своей близкой об особых условиях, окружающих необычные места»².

Здесь, в Кулу, ощущалась странная близость Заповедной Страны. Люди хранили память о Риши, Великих Мудрецах и Великих Душах. Они называли их именами реки, горы и пещеры. Этот скрытый мир Риши и богов существовал в долине рядом с миром людей, был с ними связан и проникал в них. И люди воспринимали его как необходимость, как неотъемлемую часть своей жизни. Они рассказы-

¹ *Перих Николай*. Твердыня Пламенная. С. 249.

² *Roerich N. Shambhala*. N. Y., 1930. P. 180.

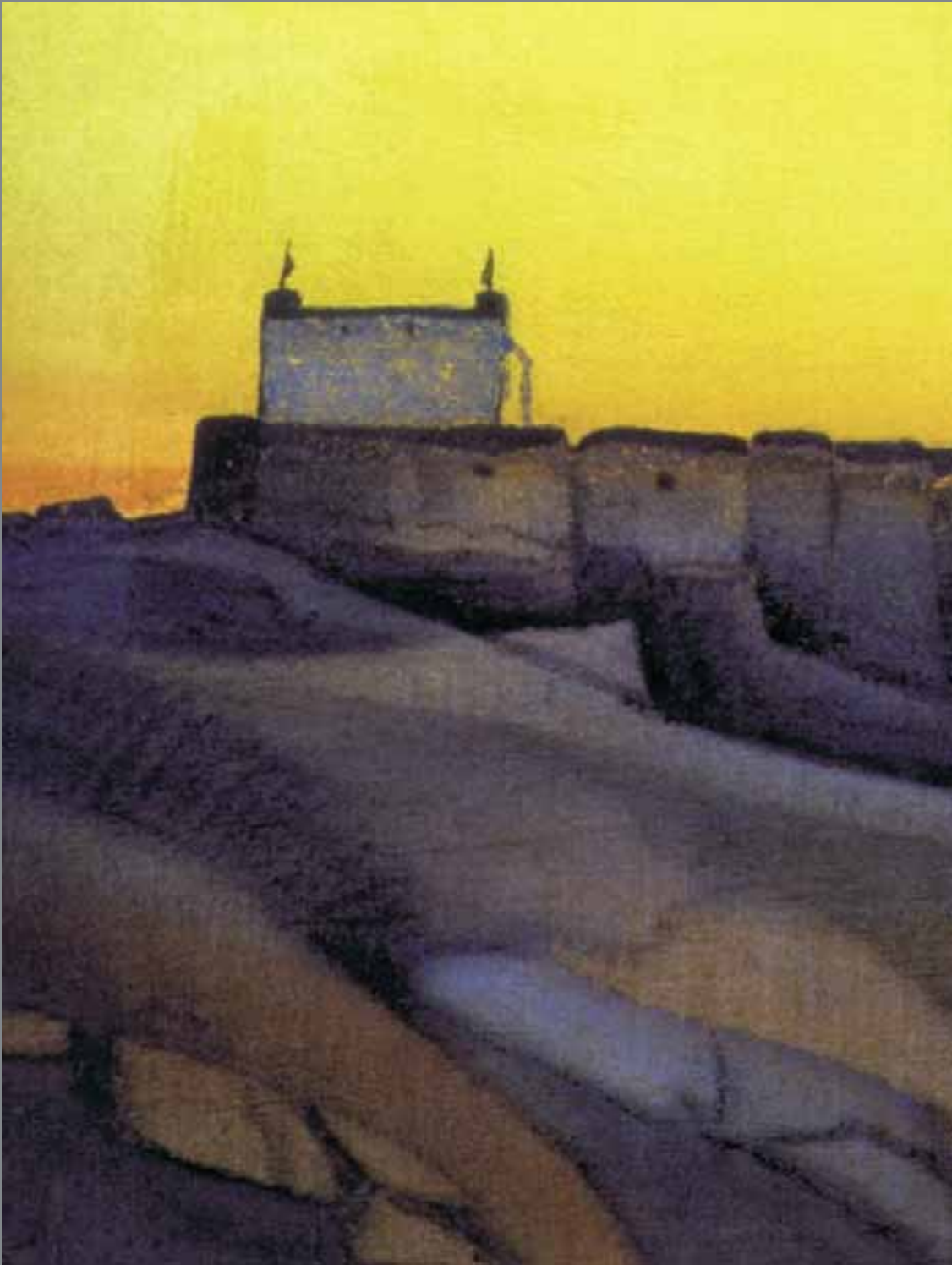
Н.К.Рерих. Девита (Гора богов). 1932

вали легенды о Риши и богах, они утверждали, что время от времени они их видят и что Риши и боги вмешиваются в их жизнь.

«Гур рассказывал нам много о великих местных Риши: боги в долине живут в процветании. У них много собственности и земли. Без их разрешения не позволено срубить даже дерево. Боги ходят друг к другу в гости. Многие видели, как боги путешествуют. Иногда они летают, иногда они передвигаются огромными прыжками, опираясь на палки. Конечно, кроме этого они имеют триумфальные процессии под барабаны и трубы. В кладовых храмов хранятся богатые одежды, жемчуг, золото и серебряные маски — все атрибуты богов»¹.

И вновь сказка переплеталась с действительностью. Маски богов и их одежды, легенды о Риши, гора со снежной вершиной, которую местные жители называли Гуру-гури-дхар, «Путь Учителя», уверенность, что на далеком горном озере можно встретить Великого Мудреца. Триста шестьдесят богов долины Кулу — триста шестьдесят Риши, покровителей Заповедной Страны. Индуистские боги Шива, Кали, Вишну. И было трудно понять, где боги, где мудрецы, где люди. Память неразрывно соединяла их во что-то целое и единое. «Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные

¹ Roerich N. Shambhala. P. 266.

Н.К.Рерих. Сиссу, Лахул. 1932

Ю.Н.Перих, Н.К.Перих и С.Н.Перих. Кулу. 1932—1933

ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накоплений их наслоился на скалах Гималайских»¹.

Жрецы и пророки — гуры — рассказывали о Владыке Заповедной Страны Ригден-Джапо, который гнал своих врагов из Ладакха в Кулу и разгромил их у старинного храма в солнечном селении Баджаура. Храм в Баджаура был каменный, сверху донизу покрытый кружевной резьбой. На гопураме в каменном медальоне улыбались длинными глазами три богини — Трипурасундарам. На них были зубчатые короны. Богини индийских равнин таких корон не носили.

По дорогам долины, туда, к перевалу Ротанг, за которым лежал снежный Лахул, брели паломники. Ярко раскрашенные лица, священные трезубцы, кружки для сбора подаяний. Они шли на Кайлас. Гору, которая как магнит притягивала людей и с Запада, и с Востока. Лахул встречал паломников снежными вершинами. Древняя дорога

¹ *Перих Николай. Твердыня Пламенная. С. 249.*

проходила у самых снегов и ледников. От них она шла на Ладакх и Тибет. Лахул был рядом с Кулу, но совсем не походил на нее.

В Лахуле стояли буддийские храмы с плоскими крышами. По вечерам ламы трубили на них в медные длинные трубы, призывая людей в храм. Там носили длинные тибетские одежды. Тяжелые украшения из бирюзы и кораллов были не похожи на украшения Кулу. Лица лахульцев были широкоскулы. Глаза косога разреза. Все напоминало о Тибете.

«Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахуль. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелой круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Кейлангом раскинулась мощная гора Колокола <...>»¹

У снежных вершин стояли каменные менгиры, на скалах были высечены мечи с прямым лезвием. В узких горных долинах прятались старинные замки правителей-тхакуров, и орлы, парящие в потоках горного воздуха, почти цеплялись крыльями за их плоские крыши.

Здесь тоже звучали баллады о Гесэр-хане, легенды о Падма Самбхаве. Лахульцы показывали пещеру, где жил учитель Миларепа, который на рассвете слышал таинственные голоса. Приводили к узким проходам, где когда-то обитали легендарные наги. В скальных натеках ехала на муле древняя богиня Палден Лхамо, а рядом с ней лучники гнали круторогих горных козлов.

На небольшой территории Кулу и Лахула, казалось, сосредоточилось все, чем были богаты Гималаи, все, что интересовало Николая Константиновича и делало его жизнь наполненной и устремленной. Он снова наблюдал и сравнивал. Его поразили островерхие перекрытия балконов в Лахуле, и он записал: «С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, неперемное наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север»².

Его Великое путешествие продолжалось в этих гималайских долинах. Здесь, в их каменистой почве, никто еще не вел археологических раскопок. Он надеялся, что раскопки подтвердят то, что принесла ему Центрально-Азиатская экспедиция, и был уверен, что здесь, в Гималаях и в Индии, лежат многие разгадки древней культуры человечества. Но он хорошо понимал, какие трудности его ожидают и что работать придется пока на ощупь.

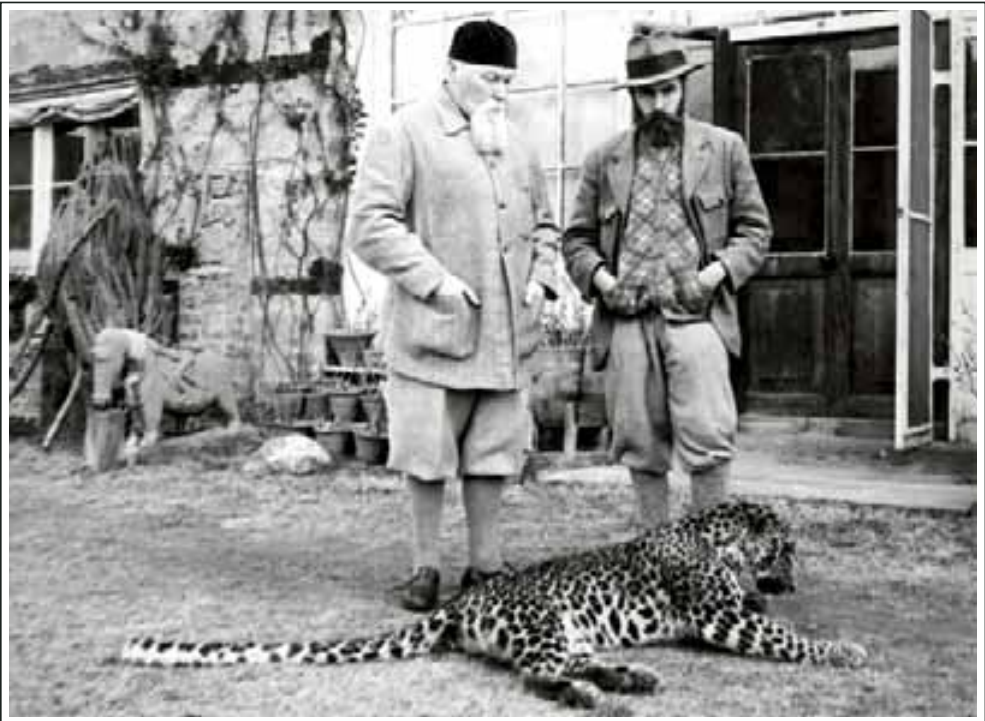
«Индия, — записал он тогда, — еще вся полна нескрытыми древними поселениями. После Харатты, Мохенджодаро постоянно

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 255.

² Там же. С. 256.

наталкиваются на холмы, являющиеся курганами древних городов. В одной нашей долине, судя по записям древних китайских путников, процветало 14 буддийских монастырей. Ни одного сейчас не осталось. Сохранились лишь неясные предания, что недалеко от наших мест скрыты со времен иконоборчества Лангдармы древнейшие буддийские манускрипты»¹.

Работа предстояла огромная. Нужны были помощь и поддержка. Летом 1929 года Николай Константинович вместе с сыновьями выехал в Америку. Он рассчитывал на Музей Рериха в Нью-Йорке и общества, которые действовали в США под его эгидой. В Кулу оставалась только Елена Ивановна. Он уезжал с большой неохотой. Ему не хотелось расставаться с Гималаями, с их снежными вершинами, с их чистым прозрачным воздухом, которым ему так хорошо дышалось. Он тревожился за Елену Ивановну, чье здоровье было в немалой степени подорвано Центрально-Азиатской экспедицией. Николай Константинович утешал себя тем, что эта деловая поездка будет короткой и он вновь вернется сюда, в тишину горной долины. Он не знал, что это произойдет только через полтора года...

Н.К.Рерих и С.Н.Рерих около убитого леопарда. Кулу. 1937

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 161.

Глава вторая

«ЛЮБОПЫТНОЕ ДЕЛО»

Любопытное дело о нас хранится в архиве здешних начальников — лишь бы его не уничтожили — уж очень показательно!

Н.К.Рерих

Хорошо известно, что любое дело состоит из документов. Любопытное же дело состояло из любопытных документов. Начальники, у которых оно хранилось, были разными. Одни занимали ответственные посты в правительстве Британской Индии, другие служили в британской разведке. Полковник Бейли, который позорно проиграл Рериху сражение, был также из этой команды.

Все они пеклись об одном: как выставить подозрительного русского из Индии — и очень обрадовались, когда узнали, что Рерих покинул Индию и отправился в Америку. Их задача упрощалась и сводилась к отказу во въездной визе. В качестве главных аргументов для отказа использовались: посещение Рерихом Советской России в период Центрально-Азиатской экспедиции, его прокоммунистические настроения и его шпионская деятельность в пользу большевистской России.

Из отчета П.К.Бэмфорда от 5 декабря 1929 года:

«Было установлено, что “никогда не было известно определенно, что он (Рерих) является коммунистическим агентом”. Конечно, это никогда не было установлено. Если бы это было установлено, тогда бы все было давно прекращено. Единственное, что против Рериха, состоит в том, что есть основания для опасения... Наиболее подозрительная вещь против Рериха состоит не в том, что он

посетил Россию, а в том, что там его принимали как почетного гостя... И то, что Рерих имел коммунистические симпатии и гостил в Индии у Соумендра Тагора, который впоследствии был принят в России с открытыми объятиями, есть основания отказать ему (Рериху. — Л.Ш.) во въезде в Индию»¹.

Из отчета Д.Петри от 23 декабря 1929 года:

«Наиболее вероятное объяснение факта визита Рериха в Россию, как мне кажется, состоит в том, что он был желательной персоной для ее правительства... То, что этот антиреволюционный бывший русский подданный мог свободно въехать в Россию и смог опять уехать из нее “с очень хорошими отношениями с советским правительством”, является само по себе обстоятельством таким необычным и таким значительным, что может дать основания правительству Индии выслать Рериха с ее территории, даже если бы не было больше ни единого подозрительного факта»².

Записка о профессоре Н.Рерихе и различных членах его группы, 1930 год:

«Профессор Н.Рерих. Хотя профессор и его группа жили очень тихо во время пребывания в Индии, тем не менее нет достаточных оснований снимать подозрение, выдвинутое против профессора. Недоверие к нему базировалось на противоречивых заявлениях, которые он сделал в отношении своей национальности, на его связи с известным индийским коммунистом в Индии в 1925 году и на его странном поступке, заключающемся в поездке в Россию из Урумчи в тот год, когда он сообщил, что едет в Китай. В то же время профессор Рерих сначала поддерживал мнение, что он подданный Соединенных Штатов Америки, но потом сказал генеральному консулу его Британского величества в Кашгаре в 1926 году, что он считает себя русским...»³

Из донесения от 1 июня 1932 года:

«Рерих, находясь в Соединенных Штатах, был подозреваем в симпатиях к коммунистической деятельности. Последующие отчеты, получаемые с 1925 года, укрепили подозрения в отношении действительных целей приезда Рериха в Индию, и возникла уверенность, что его деятельность как исследователя, археолога, художника и теософа является только камуфляжем и что в действительности он может быть коммунистическим эмиссаром»⁴.

Начальники сделали свое дело, и в обратной визе Николаю Константиновичу было отказано и в Дели, и в Лондоне. Казалось, не оставалось никаких надежд на возвращение в Индию.

«Дело о визе нашей так разрослось, — писал Рерих, — что его возили по коридорам министерства в тачке. Наконец я спросил определенно, когда будет выдана виза. Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил: “Это окончательно?” И господин в желтом жилете ответил, низко поклонившись: “Окончательно!”

Тогда я сказал: “По счастью, в мире нет ничего окончательного”»⁵.

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 221.

Из далекой Индии к Рериху шли неутешительные вести. Здоровье Елены Ивановны оставляло желать лучшего. Сдавало сердце, ощущалось недомогание. Беспокойство о близких давало себя знать мучительными головными болями.

Из письма Д.М.Даннета от 2 апреля 1930 года:

«В телеграмме государственного секретаря (№ 194) содержится незначительное сообщение о том, что миссис Рерих очень больна... Мы можем попросить директора Разведывательного бюро как можно скорее выяснить, действительно ли миссис Рерих очень больна»¹.

Из письма С.Н.Роя от 10 апреля 1930 года:

«Информация, полученная директором Разведывательного бюро, не дает возможности выработать определенное мнение... Я склонен не верить сообщению о ее болезни, так как явно миссис Рерих начала наступление на нескольких фронтах»².

Из письма Х.В.Эмерсона от 10 апреля 1930 года:

«Легчайший и быстрейший путь получения информации о здоровье леди — запросить полуофициально Пенджабское правительство»³.

Полуофициальное письмо Х.В.Эмерсона, эсквайра, секретаря при правительстве Индии, отдел министерства внутренних дел, Д.Бойду, эсквайру, главному секретарю правительства Пенджаба, № 1725 от 13 апреля 1930 года:

«Как Вам известно, правительство Индии крайне возражает против пребывания Рериха в Индии... Однако с момента возвращения его в Америку он начал предпринимать активные действия, чтобы снискать симпатии американского правительства, и сейчас мы получили через наше вашингтонское посольство просьбу государственного секретаря (США. — Л.Ш.) объяснить детально причины, послужившие основанием для отказа Рериху во въезде в Индию. После очень тщательного рассмотрения вопрос правительство пришло к решению оказать противодействие возвращению Рериха и сообщило подробно о причинах государственному секретарю»⁴.

Из письма Д.Бойда, главного секретаря правительства Пенджаба, Х.В.Эмерсону, секретарю правительства Индии, от 3 мая 1930 года:

«Я хотел бы сообщить для сведения правительства Индии, что чиновник подотдела Кулу 19-го навестил миссис Рерих, когда ему доложили о ее болезни. Она, однако, не вызвала доктора. Он опять навестил ее 21-го и видел миссис Рерих, которая, по его мнению, была в добром здравии. Можно считать, что леди не так больна, чтобы возникла необходимость в присутствии мужа»⁵.

Из письма М.Ф.Клири от 20 мая 1930 года:

«Я не думаю, что мы должны менять свою позицию в отношении Рериха только потому, что его жена оказалась ипохондриком или даже хроническим инвали-

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

дом. Она была достаточно сильной, чтобы вынести суровость экспедиции 1924—1928 годов в Тибет и другие страны. Я очень сомневаюсь в правдивости заявления, что она не может предпринять морского путешествия. Если мы будем потакать этому, Рерихи будут наступать на нас, и я думаю, что мы должны держаться как можно дольше против этого русско-американского чудака, который пытается сильно “ухватить” правительство и добиться разрешения поселиться в Индии»¹.

Консулу США в Калькутте, который, очевидно, пытался выяснить причины отказа Рериху в визе, 5 июня 1930 года направлено было следующее письмо:

«Упорство профессора Рериха не кончается даже здесь. Его последним усилием была попытка принудить правительство Индии выдать ему визу на въезд в Индию под тем предлогом, что его жена опасно больна и его присутствие около нее важно. Правительство Индии по получении этого сообщения произвело тщательное расследование и обнаружило, что подобные ссылки не имеют под собой никаких оснований»².

Из письма Х.В.Эмерсона, эсквайра, секретаря при правительстве Индии, Д.Бойду, эсквайру, главному секретарю правительства Пенджаба, от 7 июля 1930 года:

«Правительство Индии было бы Вам обязано, если бы Вы смогли выяснить у миссис Рерих, готова ли она быть осмотренной правительственным врачом. Правительство Индии будет радо, если бы Вы смогли организовать посылку опытного врача для осмотра миссис Рерих, а также направить нам отчет как можно скорее о состоянии ее здоровья для вынесения решения о возможности для нее путешествия из Индии в Англию или Соединенные Штаты, чтобы присоединиться к мужу»³.

Из письма С.Н.Роя, эсквайра, заместителя секретаря при правительстве Индии, от 28 августа 1930 года:

«...Мы не можем рассчитывать на то, что государственный секретарь выразит удовлетворение по поводу нашего обещания осмотреть ее (Е.И.Рерих. — Л.Ш.) по возвращении ее в Наггар в начале сентября. Ее возвращение может быть отложено, и, если ее болезнь будет иметь фатальный исход, мы можем оказаться в ужасном положении»⁴.

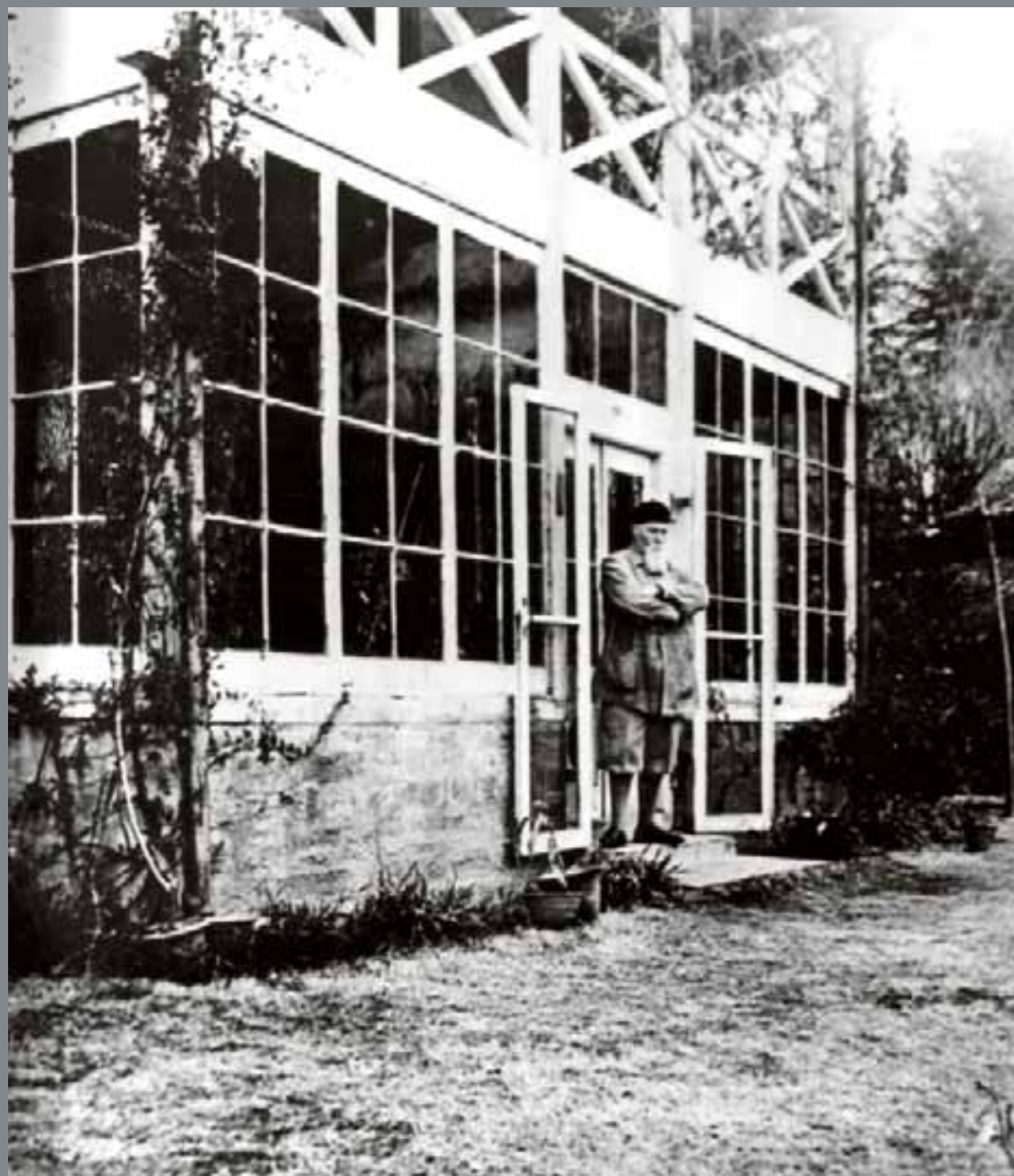
Итак, нервы у одного из эсквайров сдали. «Мы можем оказаться в ужасном положении», — написал он. Эсквайры пытались действовать на этот раз осторожно, стараясь не допускать тибетских ошибок. О «тибетском стоянии» уже знали многие. Могли возникнуть нежелательные подозрения. Эсквайры не верили в болезнь Елены Ивановны, но и не могли ничего определенного на этот счет сказать. Елена Ивановна оказалась вне их досягаемости. Летом 1930 года она покинула Кулу и поселилась в Кейланге, там, где за снежным перевалом Ротанг лежал труднодоступный Лахул. Правительственный врач не пожелал отправиться туда. Он был далек от дел эсквайров и не хотел им помо-

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Н.К.Рерих. Кулу, 1937

гать. Поэтому эсквайры так и не получили врачебного заключения о здоровье миссис Рерих. Оставалось ждать ее возвращения. Но это тоже было не так просто. А вдруг...

«Если болезнь будет иметь фатальный исход, мы окажемся в ужасном положении». О болезни знают разные люди в разных странах. О ней предупреждены Лондон и Дели. Болезнь миссис Рерих — основная причина, почему она не может вернуться сейчас в Америку. Кроме того, болезнь требует присутствия ее супруга. И это вполне естественно. Если что-нибудь случится, эсквайров могут не понять... Они хорошо помнили историю с Бейли. Опытный разведчик, он с огромным трудом «замазал» связь английских властей с тибетской трагедией. Но в отставку уйти ему все-таки пришлось. В Лондоне не любили публичных скандалов. Там оберегали престиж цивилизованной администрации. Все, что угодно, но только не скандал. Можно убивать, но без скандала. Можно обрекать на гибель многих людей, но без скандала. Можно действовать бесчестно, но без скандала.

Из письма Д.Петри, эсквайра, от 3 сентября 1930 года:

«Я думаю, что государственный секретарь совершенно прав, считая, что если Рерих однажды ступит на землю Индии, то придется приложить немало усилий, чтобы заставить его покинуть Индию»¹.

Эсквайр Петри не был лишен проникательности. Ему отвечал эсквайр Эмерсон в письме от 5 сентября 1930 года:

«Мы готовы позволить ему (Рериху. — Л.Ш.) посетить Индию, чтобы забрать жену домой, если состояние ее здоровья потребует его сопровождения. Но до того, как мы вынесем решение, желательно ее (Е.И.Рерих. — Л.Ш.) обследование опытным и квалифицированным врачом»².

Отступая, эсквайры не теряли надежды на благоприятное для них медицинское заключение, которое даст возможность восстановить утраченные ими позиции и уверенность. Но Елена Ивановна продолжала оставаться за пределами досягаемости для английской официальной медицины. Эсквайры нервничали и продолжали писать друг другу письма.

Эсквайр С.Н.Рой писал эсквайру Д.Бойду 17 сентября 1930 года:

«Правительство Индии было бы радо, если миссис Рерих, как только она вернется в Кулу в начале октября, была бы сразу (без времени на подготовку. — Л.Ш.) извещена о том, что местное правительство договорилось с гражданским хирургом Кангры о медицинском обследовании и что, если обследование покажет, что она нуждается в сопровождении мужа для скорейшего возвращения в Европу, виза будет выдана только для этой цели»³.

Эсквайры расставили ловушку. Приманкой в ней была виза. Ловушка была двойная. В нее должны были попасть не только миссис Рерих, но и «гражданский хирург». Эсквайры вынудят его дать нужное

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

заклучение. Потом можно будет сказать, что виноват во всем только он. Однако миссис Рерих почему-то не хотела идти в ловушку и продолжала жить за перевалом Ротанг. Эсквайры впали в уныние. Из этого состояния их вывело неожиданное сообщение — Рерих ступил на землю Индии, высадившись во французской колонии Пондишери.

Боевая труба противника пропела в непосредственной близости от их лагеря, так хорошо укрепленного и неприступного. Боевые порядки эсквайров встрепенулись, демонстрируя полную готовность. Эсквайры не ожидали от французов такого подвоха. Эти легкомысленные люди в Париже выдали визу и французский паспорт тому, с кем эсквайры вели сражение в течение полутора лет.

С французского плацдарма Николай Константинович повел наступление на Британскую Индию и эсквайров. Он обратился напрямую к вице-королю.

«Абсолютно невозможно, — писал Рерих, — везти ее (Е.И.Рерих. — Л.Ш.) вниз, на жаркую равнину. Доктора, которые знают ее состояние, подтверждают, что она может совершить морское путешествие ценой своей жизни. Низкие места и жара в равной степени убийственны для нее. Последние шесть месяцев беспрерывных волнений и справедливое возмущение всеми клеветническими слухами и газетными сообщениями нанесли серьезный ущерб ее здоровью»¹.

Николай Константинович сообщил, что с ним в Пондишери находится лечащий врач Елены Ивановны, который должен навестить свою пациентку. В конце письма он писал:

«Я уверен, что Вы примете в расчет действительно трагическое положение нашей семьи и дадите нам разрешение посетить Кулу, которая является единственной целью нашей поездки»².

Это был прямой резкий выпад, как говорят фехтовальщики, и вице-королю не удалось увернуться. Между ним и Рерихом уже не стоял Лондон.

О результате сообщил один из эсквайров:

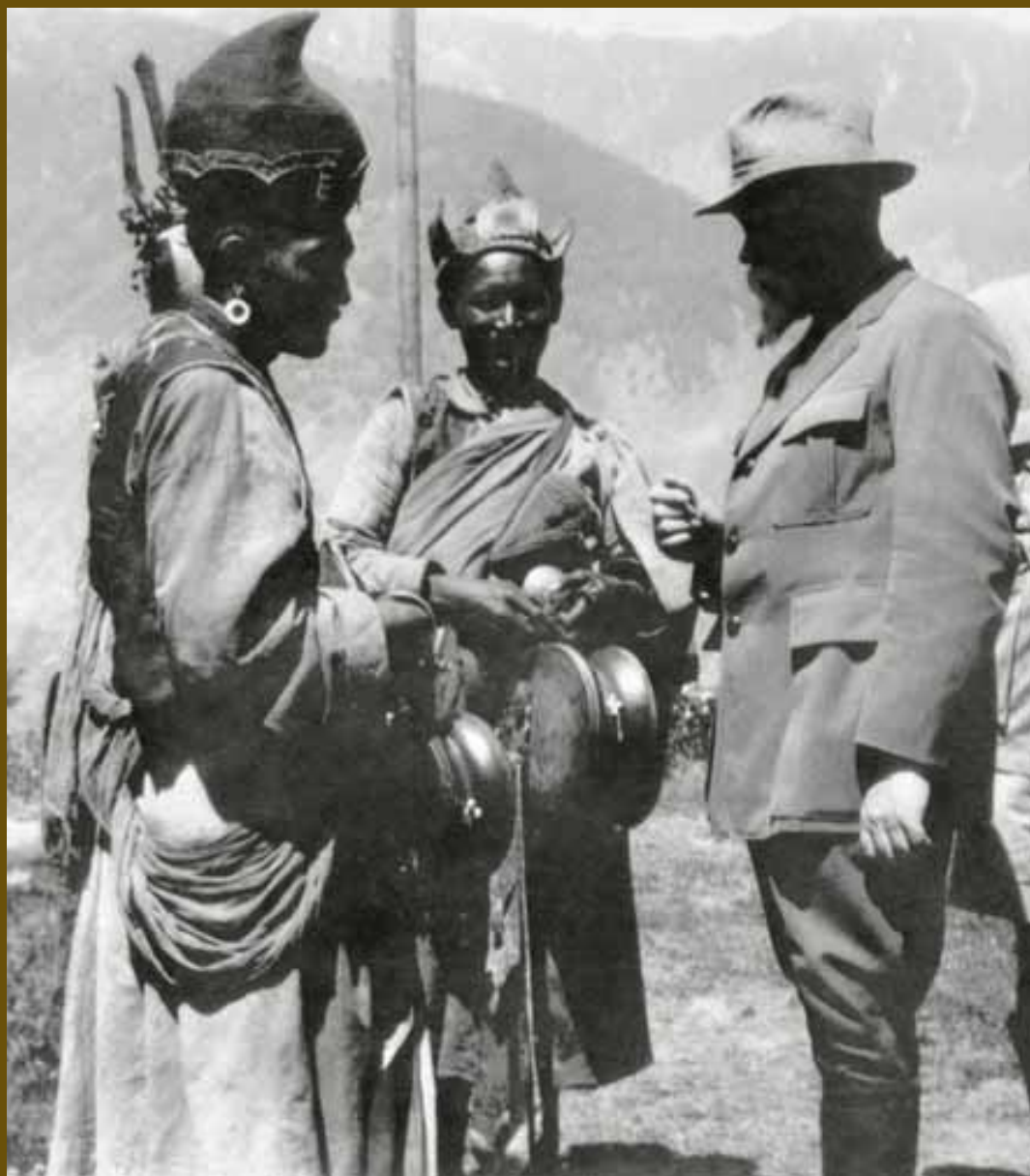
«Профессору Рериху было дано разрешение посетить Британскую Индию на условиях покинуть ее в случае необходимости в течение трех месяцев»³.

Письмо эсквайра было датировано декабрем 1930 года. Эсквайры и Разведывательное бюро в очередной раз потерпели поражение. Но они не теряли надежды. Ступить на землю Индии легче, чем закрепиться на ней. У эсквайров не было сомнения, что они выиграют следующий этап сражения и наконец навсегда избавятся от этого «коммунистического эмиссара». Но «эмиссар» думал по-другому. Он умел смотреть далеко в будущее и правильно его предвидеть. Он понимал, как важно ему, русскому, закрепиться в Индии.

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

Н.К.Рерих с ламами. Кулу. 1928—1929

Операция, которую на этот раз начали разрабатывать эсквайры против Рерихов, может быть названа «Дом и земля в Кулу».

Первое письмо по этому поводу было отправлено уже в декабре 1930 года английскому резиденту при княжествах Пенджаба Д.Фитцпатрику:

«Профессору Рериху было разрешено посетить Кулу на определенных условиях. Я должен просить предпринять все возможные шаги, которые вы сочтете необходимыми, чтобы имение Холл в Кулу ни при каких обстоятельствах не было бы передано профессору Рериху, или любому лицу, или ассоциации, с которыми он может быть связан»¹.

30 января 1931 года от резидента пришло обнадеживающее сообщение:

«Дурбар Манди сообщает, что сумма в 40 000 рупий не была возвращена профессору Рериху, так как его не было в Индии и никто не захотел получить эту сумму за него, когда это было предложено. Так как сейчас ему разрешили посетить Кулу, вопрос будет улажен по его возвращении»².

Из письма полковника А.Е.Махона секретарю правительства Индии Х.В.Эмерсону, эсквайру, от 11 марта 1931 года:

«Насколько я знаю, факт заключается в том, что имение было продано Рерихам раджей Манди. Последний не подчинился распоряжениям правительства и продал имение без разрешения, и хотя это ставит раджу в затруднительное положение, однако не подрывает законности продажи. Раджа Манди теперь пытается наладить свои отношения с правительством Индии, заставляя Рерихов взять свои деньги обратно, считая продажу отмененной. Рерихи же отказываются это сделать, и вопрос зашел в тупик»³.

На самом же деле раджа метался между правительством и Рерихами, обещал, лавировал, но не спешил возвращать Рерихам задаток в сорок тысяч рупий. Временами раджа становился неуправляемым и повергал в отчаяние резидента. Резидент писал генерал-губернатору Пенджаба растерянные и неуверенные письма.

«...Я попросил бы Вас любезно дать мне указания в отношении действий, которые мне надлежит принять в деле, которое связано с упомянутым раджей...»⁴

Грубо нажимать на раджу боялись. В Индии было неспокойно. Национально-освободительное движение набирало силу. По стране шли кампании гражданского неповиновения. Индия требовала независимости. Демонстранты скандировали имя Ганди. На улицах развевались флаги Национального конгресса. Каждый раджа был на счету. Князья являлись основной опорой английского режима в Индии. С ними надо было обращаться осторожно и не раздражать их. Полити-

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ка есть политика. И когда речь шла о судьбе английского господства в Индии, все остальное было подчинено этому. Раджа Манди оказывал английским эсквайрам пассивное сопротивление.

«Наша позиция в отношении запрета продажи имени Холл не очень сильна»¹, — писал С.Н.Рой 4 апреля 1931 года. «Я всегда чувствовал, — отвечал Эмерсон, — что наша позиция в отношении имени Холл была слабой. Наше действительное оружие для высылки Рерихов при необходимости — это закон об иностранцах. Продажа имени не повод для использования закона, и я не думаю, что сейчас мы поступаем справедливо, ставя раджу Манди перед лицом неудобств и потерь. Если иностранный и политический департаменты согласны с этой точкой зрения, то они могут об этом сообщить резиденту генерал-губернатора»².

И наконец, еще одно письмо от Эмерсона полковнику А.Е.Махону от 14 апреля 1931 года:

«Я сожалею, что задержался с ответом на ваше письмо <...> в отношении имени Холл. Правительство Индии не собирается предпринимать какие-либо шаги для предотвращения продажи имени Рерихам раджей Манди, если последний заинтересован в этом»³.

Все. Опять поражение. Рерих не только ступил на землю Индии вопреки желанию английского правительства, но и остался на ней, обретя свое имение, где уже разворачивалась работа Института Гималайских исследований. Теперь война приняла затяжной позиционный характер. Она обрела стабильность, с которой Рерихам пришлось примириться и принять ее как нечто должное. Эсквайры стали вести наблюдение за противником, которое попросту называлось слежкой.

Циркулярный меморандум правительства Индии, Разведывательное бюро, отдел внутренних дел, первому помощнику резидента, Кашмир, № 28 (фор.) 23-III от 9 декабря 1930 года:

«...Правительство Индии желает, чтобы ввиду прошлой деятельности Рериха эти три месяца были использованы для сбора всевозможной информации о нем и его сотрудниках. Поэтому просим держать Бюро в курсе передвижений и деятельности Рериха и его сотрудников, где бы они ни находились, соблюдая при этом все возможные предосторожности, чтобы не возбудить подозрений Рериха и не дать ему повода жаловаться на то, что он находится под полицейским надзором»⁴.

Из письма С.Н.Роя от 6 марта 1931 года:

«...Надо сказать, что цензура их переписки будет продолжаться, однако не следует ничего предпринимать для их высылки, пока они не дадут повода для действий против них, согласно закону об иностранцах»⁵.

Из письма Х.В.Эмерсона, секретаря правительства Индии, от 9 марта 1931 года:

«...Исследование информации о прошлой профессорской деятельности будет продолжаться...»⁶

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Из письма Д.Ф.Каугилла от 22 апреля 1931 года:

«Особенно привлекает внимание заключительная фраза в письме, которая очень значительна и подтверждает, по нашему мнению, все наши подозрения в отношении профессорской благонадежности. Рерих является официальным советским пропагандистом»¹.

Из письма Х.В.Эмерсона, секретаря правительства Индии, от 23 апреля 1931 года:

«Директор Разведывательного бюро, полагаю, должен проверить эту информацию и попытаться выяснить, действительно ли он (Рерих. — Л.Ш.) действует как представитель Советов»².

Из письма полковника А.Е.Махона Х.В.Эмерсону, секретарю правительства Индии, от 18 апреля 1931 года:

«Вам, возможно, будет интересно узнать, что старик (Рерих. — Л.Ш.) занят своими картинками и пишет книгу. Доктор Кельц подстрелил тысячи птиц и собрал интересную коллекцию. Некоторые образцы были посланы в Америку, другие — в Париж. Они начали создавать здесь небольшой музей. <...> Я слежу за их действиями и дам вам знать, если что не так, но в настоящее время, я уверен, они безвредны, хотя и эксцентричны. Мадам Рерих серьезно больна, и ее здоровье ухудшается, так как снег растаял и становится жарче. Старик полностью занят своими делами, и миссис Лихтман обеспечивает ему необходимую атмосферу благоговения. Я предполагаю, что они захотят начать раскопки или обследование. Но я сказал им, что они должны заниматься этим в своем имени и не предпринимать ничего такого, что бы потребовало санкции правительства, ибо я уверен, что Вы не захотите слышать о них больше в течение определенного времени»³.

Полковник Махон в последней фразе своего донесения выразил то, о чем не смели упоминать эсквайры на страницах официальной переписки. Они действительно устали, ведя изнурительную и безнадежную борьбу против Рерихов. Они действительно не хотели о нем слышать хотя бы «в течение определенного времени». Они сникли и каждый раз вздрагивали, когда в письме возникало имя Рерихов. Но долг заставлял их руководить полицейским надзором. Это стало скучным рутинным занятием, не приносящим им ни удовлетворения, ни радости.

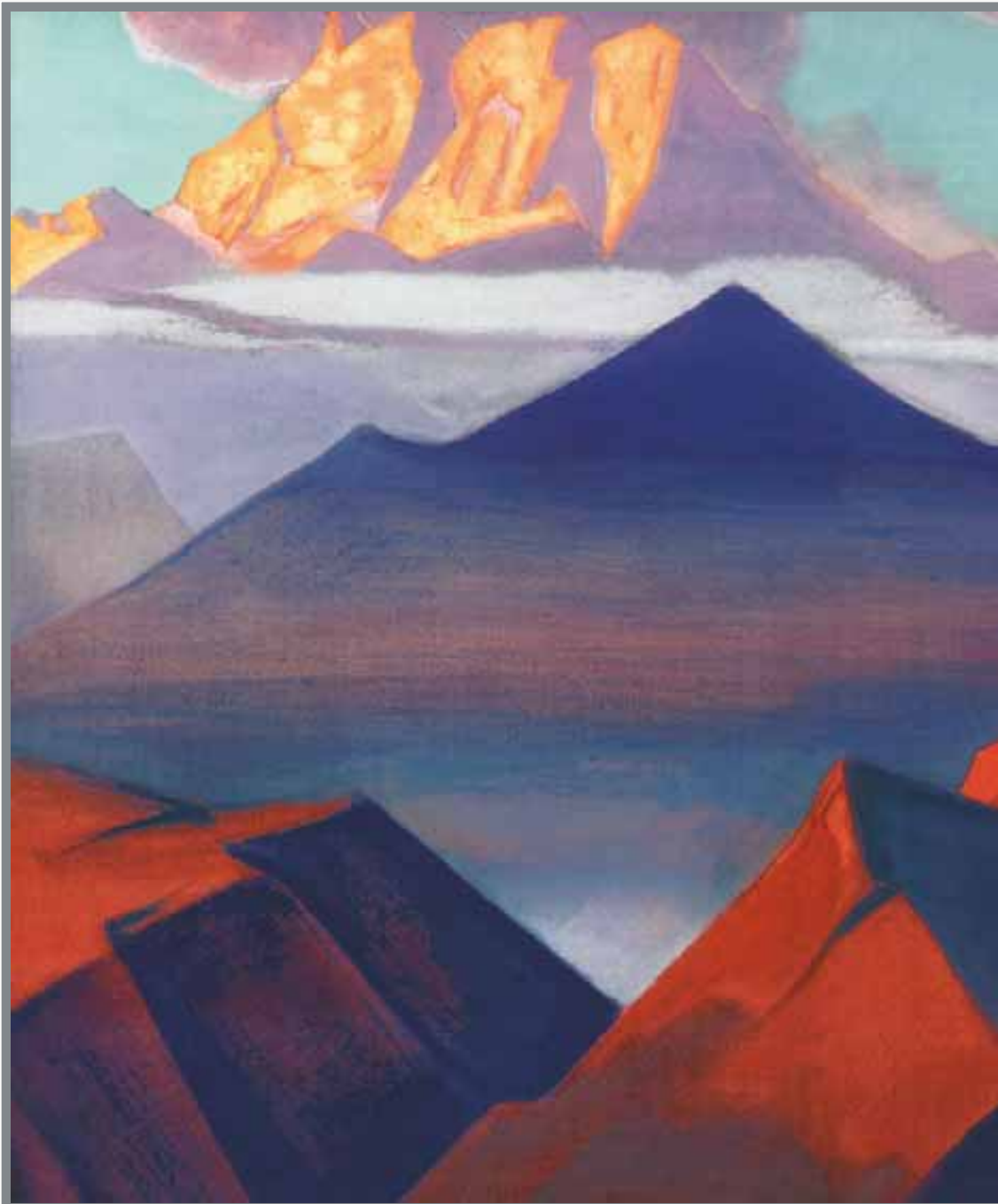
И, наверное, вскоре бы все само собой прекратилось и умерло, если бы не Тира Уэйр, достопочтенная супруга нового резидента в Сиккиме Уэйра. Тира вдохнула в «любопытное дело» свежую и неожиданную струю, которая придала ему новый поворот и взбодрила эсквайров. Тира добавила в пресное блюдо полицейского надзора целый букет специй неповторимых мыслей и раздумий. Она вернула эсквайров к жизни, ибо была из тех женщин, для которых дело мужа — ее дело.

Мистер Уэйр, как известно, был преемником полковника Бейли. Он принял от последнего пост, казенный дом, бумаги и непреходящую

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

Н.К.Рерих. Закат. Шатровая гора. 1938

убежденность предшественника в том, что Рерихи — русские шпионы. Но Рерихи к Сиккиму уже не имели отношения, и мистер Уэйр чувствовал себя в какой-то мере обойденным судьбой. Тогда Тира написала письмо сестре, которая жила в Нью-Йорке, и велела высылать ей, Тире, все, что будет напечатано в газетах о Рерихах. В Гангток из Нью-Йорка пошли письма с вырезками. Полковник Уэйр посылал эти вырезки эсквайрам, причастным к делу Рерихов. Но вырезки на эсквайров не производили впечатления. Полковника за них даже не поблагодарили. Тогда Тира в апреле 1930 года заставила его написать письмо в высокую инстанцию. В письме полковник не мог скрыть своей обиды на эсквайров.

«Вопрос о деятельности профессора Рериха в Кулу, — писал он, — вероятно, вне моей компетенции, но ввиду его прибытия в Сикким, в 1928 году, из России через Тибет я должен сказать вам все, что я о нем думаю. Профессор Рерих — русский подданный, и, хотя он не открыто признанный большевик, я убежден, что он, по крайней, мере, находится в тесной связи с большевистской Россией и его оттуда снабжают деньгами. К этому заключению меня привели расточительные расходы его экспедиции во время пребывания ее в Тибете, Сиккиме и позднее в Дарджилинге, а также очевидно благоприятные условия в путешествии (и шпионаже) в Центральной Азии...»¹

На письмо не ответили. Тира была вне себя. Она кричала на слуг и грозилась их всех уволить. Ее стали мучить острые приступы мигрени. Но постепенно она успокоилась и стала искать выход из неприятного положения. Спасительная мысль посетила ее как озарение и поставила все на свои места. Уточнения требовали лишь некоторые детали. Кто же из них Майтрейя, прихода которого так ждут в Тибете, а кто Далай-лама? Сначала она решила, что Майтрейя — это старший Рерих, Николай. Потом засомневалась и сделала Майтрейей Юрия, а Николая — Далай-ламой. Но окончательного решения так и не приняла. Теперь оставалось об этом потрясающем открытии сообщить эсквайрам. Но через супруга, с которым мало считались, она сделать этого не решилась. И стала действовать сама.

В один из весенних душных вечеров супруги Уэйр отправились в гости к мистеру Хауэллу, эсквайру. Эсквайр не очень жаловал Уэйров. Он считал их скучными и неинтересными, жалел о пропавшем вечере, а через некоторое время даже слегка задремал. Он не подозревал, что Тира ждет только удобного момента. И когда этот момент, по мнению Тиры, наступил, она стала развивать свою мысль. Эсквайр не сразу понял, о чем идет речь. Но когда уяснил, то окончательно проснулся. Постепенно нижняя челюсть эсквайра отвисала и в таком отвисшем состоянии оставалась до конца вечера. Тира оценила это явление как благоприятный знак и не ошиблась. Эсквайр обещал сооб-

¹ Материалы английской разведки.

Н.К.Рерих на фоне триптиха «Fiat Rex!». Кулу. [1934]

щить куда следует и действительно не стал медлить. Он написал письмом 9 марта 1932 года:

«Полковник и миссис Уэйр недавно были у меня в гостях. Миссис Уэйр — высокоинтеллигентная леди, в равной мере обладающая воображением, считает, что загадка Рерихов — загадка первостепенной политической важности. Она думает, что его (Рериха. — Л.Ш.) позиция в Келонге (несмотря на то, что там лежит снег много месяцев в году) есть ключевая позиция, откуда он может наблюдать за Индией и поддерживать связь с русскими на противоположной стороне Тибета... По словам ее подруги из Лхасы, весь буддийский мир ожидает прихода нового Будды, которого они называют Майтрейей. Были найдены или состряпаны старинные пророчества, что не будет Далай-ламы после 13-го, а теперешний Далай-лама — 13-й. Мировой кризис вместе с финансовой политикой Далай-ламы привел к тому, что тибетская шерсть, основной продукт страны, практически не находит сбыта, и недовольство повсюду стало обычным явлением. Короче говоря, все готово для появления блистательной фигуры, которой может быть сам Рерих или его сын. Они могут поставить себя в положение Далай-ламы и установить большевистский контроль вплоть до границ Индии. Все это, возможно, звучит фантастически, но эту мысль не следует отбрасывать без предварительного ее изучения. <...> В преддверии весны, которая сделает возможным доступ в Кейланг, мы должны обсудить, какие дальнейшие шаги следует предпринять, и в случае необходимости с великой предосторожностью выяснить, что делают Рерихи в действительности в этом отдаленном районе»¹.

Хауэлл не ограничился письмом, а попросил «высокоинтеллигентную миссис Уэйр» также изложить свои соображения на бумаге. Ведь Хауэлл был не только эсквайром. Он исполнял обязанности секретаря по делам иностранцев при правительстве Индии. Миссис Уэйр принялась за дело. Она села за письменный стол супруга и аккуратно вывела на листе чистой бумаги: «Неофициальный отчет о Рериховском вопросе». Заглавием осталась довольна. Поощренная эсквайром, Тира затронула в своем отчете множество вопросов, о которых писать ее не просили. Поэтому я позволю себе их опустить и сосредоточиться только на тех, обсуждение которых началось в гостиной Хауэлла.

«Из наблюдений, сделанных мной, — писала Тира, — когда я сопровождала мужа в его тибетской миссии в Лхасу в 1930 г., я поняла, что мысль Тибета, которая находится под влиянием пророчеств и монастырских писаний, направлена на ожидаемый грандиозный сдвиг во всей стране. Действительные сроки этого сдвига различны и неясны, как и описание самого сдвига. Каждый монастырь имеет собственное фантастическое представление об этом, но один факт принимается всем Тибетом. Это приход Майтрейи, и чем скорее, тем лучше. Общая идея сводится к “Майтрейе”, или грядущему Будде, который должен появиться через 100—200 лет. Его статуям уже молятся в большинстве монастырей, и его изображают сидящим на европейский манер. Ему будут предшествовать два завоевателя. Первый придет с Запада. Он будет иностранцем и не буддистом, и он завоюет всю страну. Второй придет из Чанг Шамбала (мистическая область на севере), и он завоюет страну и обратит ее опять в буддизм. После второго завоевания (время неизвестно) Майтрейя появится сам.

Как и остальной мир, Тибет участвует в скрытом советском движении. Несомненно, что различные монастыри уже имеют советских агентов, и револю-

¹ Материалы английской разведки.

Ю.Н.Рерих. Кулу. 1930-е гг.

ционные настроения части монастырей, таких, как, например, Дрепанг, расположенный около Лхасы и имеющий 10 000 лам, вполне очевидны (Дрепанг открыто восстал в 1919—1920 гг.). <...> Суеверный характер людей Тибета создает благоприятную почву для любого хорошего мыслителя, для которого не является затруднением с помощью пророчеств изменить срок ожидаемого сдвига и объявить его при жизни теперешнего поколения. По возвращении из Тибета я получила экземпляр последней публикации Рериха “Алтай — Гималаи”. Изучив эту книгу, я обнаружила, что Рерих прекрасно понимает тибетские пророчества и действительно изучил этот предмет очень глубоко. Известно, что семья Рерихов много лет была связана с Тибетом. Они, очевидно, знают о жизни, верованиях и условиях в Тибете много больше, чем любой другой представитель Запада. Их сын Юрий лучшую часть своей жизни отдал изучению религии и обычаев Тибета. <...> Рерих и его семья под предлогом искусства много лет изучали язык, суеверия, политические и географические условия Тибета. Он — русский, и предположительно ему платят Советы, и как таковой он требует строжайшего наблюдения и расследования. <...> Юрий известен людям, которые знают его как ученого-тиболога высокого класса. Он блестящий человек и достиг глубокого понимания буддийских доктрин и предрассудков.

Как явствует из их (Рерихов. — Л.Ш.) публикаций и из их разговоров с буддийскими властями в Сиккиме, после их возвращения из Тибета Рерихи особенно интересуются приходом Майтрейи. Раджа С.Т.Дордже был гостем в резиденции во время пребывания там Рериха, и он говорил мне, что все их беседы вращались вокруг прихода Майтрейи. Поскольку по большей части Майтрейя не ожидается в ближайшие 100 или 200 лет, почему они этим так сильно интересуются? Кто эти завоеватели, которые в неизвестное нам время должны предшествовать Майтрейе?

Постановка вопроса таким образом может показаться фантастической среднему обывателю, но для имеющего воображение русского ничто не является фантастическим, тем более что ни один изумляющий план с советской поддержкой не может быть невозможным.

Завоеватели придут с Запада и Севера, и почему они не могут быть русскими? Другими словами, почему один из них не может быть Юрием “де Рерихом”, человеком, который изучил мудрость лам, соединив ее с западным образованием и поддержкой Советов? Некоторые говорят, что первый завоеватель будет не буддистом. Буддистом или не буддистом — это мало касается Юрия. Он имеет достаточную квалификацию для того и другого. Умелая постановка спектакля Советами может расчислить путь для того и другого. Персонафикация даже Майтрейи может быть кульминацией политики Рериха. <...> Очевидно, мировые державы никогда не позволят России завоевать Тибет. Но если тибетцы сами примут русского как своего вождя, что помогает России контролировать Тибет с его помощью и установить окончательный контроль над всей Азией?

С такими знаниями Тибета, которые имеет Юрий Рерих, и с такими неограниченными денежными ресурсами для него не составит труда подкупить многих влиятельных лам, с тем чтобы они напророчествовали его приход и объявили о нем с наступлением срока. Ламы из Лхасы и других влиятельных монастырей могут довольно легко посещать Кулу во время своего паломничества. <...> В то же время не будет трудным напрямую связываться с Москвой из центральной базы в Кулу. Она является ключевой позицией для наблюдения как за Тибетом, так и за Индией, а также важна для получения информации, которая нужна ему для реализации своих планов. <...>

Даже если бы Рерихи были высланы из Индии и лишились британской защиты, ничего бы не препятствовало семье вести свою деятельность в России или Китае. В рериховском журнале “Урусвати”, том 1, № 1, только что опубликованном, на странице 67 они пишут: “Изучение Среднего Востока является первейшей целью Института, но мы можем смело добавить, что “границы этого иссле-

дования будут в географических пределах Азии, и в этих пределах исследования будут расширены во всех областях, касающихся деятельности Человека и Природы», — значительные слова, произнесенные сэром Уильямом Джонсом при основании Азиатского общества Бенгала в 1784 году. Под термином “Средний Восток” мы имеем в виду Индию и всю пустынную и гористую часть Азии, протянувшуюся от плато Ирана на западе к границам собственно Китая на востоке, включая китайский и русский Туркестан, Монголию и Тибет. Конечно, значительная часть этой огромной территории сейчас закрыта для научной работы, но можно надеяться, что более светлое время взойдет над Сердцем Азии и принесет новые возможности для научного исследования”.

Изумляющее упорство, способности и амбиции семьи Рериха нельзя отрицать. Этот советский, не извлекающий собственной выгоды из необычных возможностей плана завоевания мира, кажется мне непостижимым. Рожденный русским, Рерих носит прекрасную маску художественного инкогнито. Я твердо убеждена, что они, Рерихи, полностью готовы даже сейчас к любому политическому кризису, который может возникнуть в любой момент в Центральной Азии. Смерть Далай-ламы может легко ускорить события»¹.

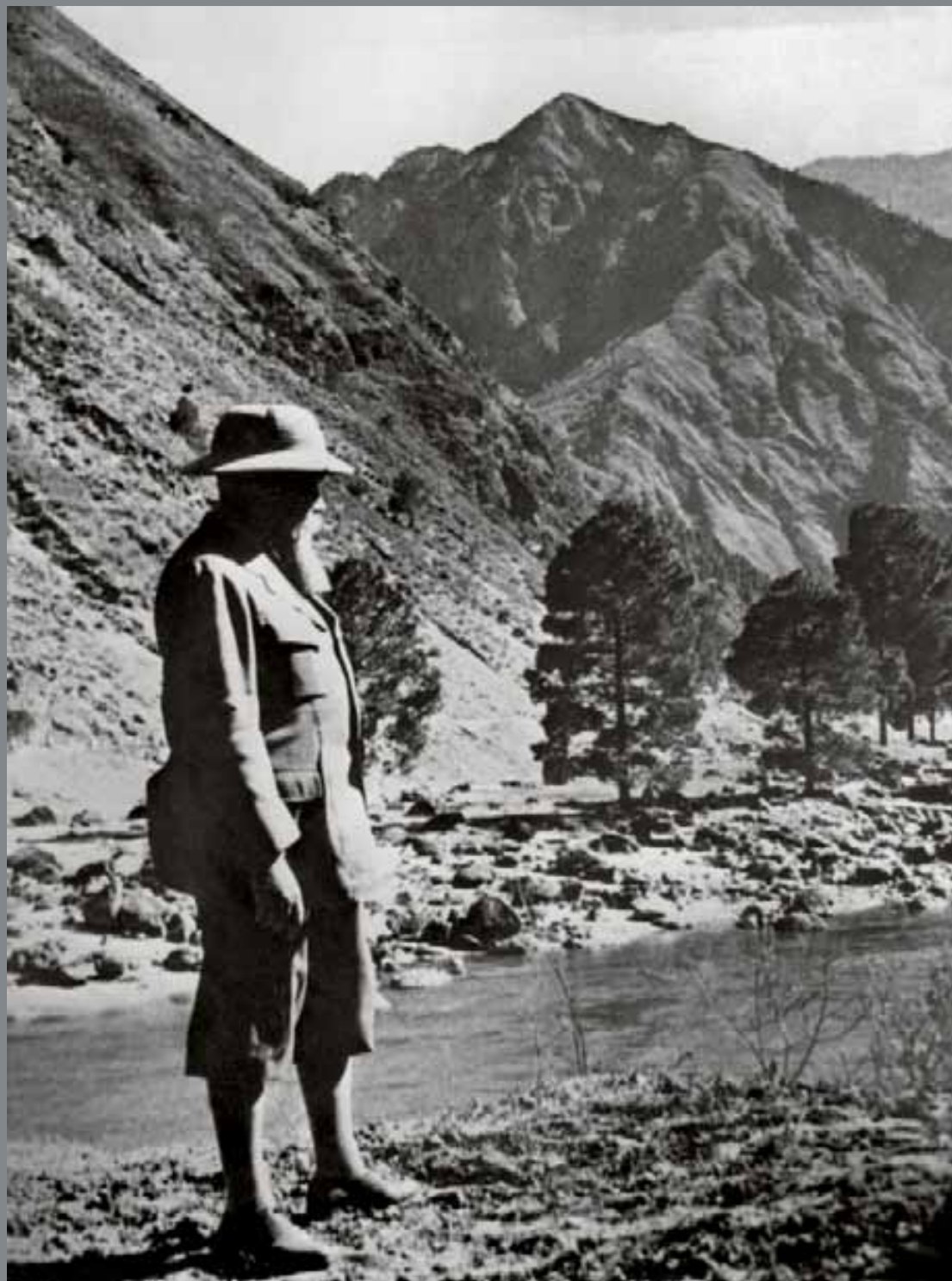
От долгого писания рука у Тиры занемела. Она откинулась на спинку кресла и несколько раз тряхнула рукой. Потом снова взяла ручку и старательно вывела: «Тира Уэйр, Резиденция, Гангток, 31 марта 1932 г.» Она устала. Но эта усталость была приятной. Она выполнила свой долг. До конца разоблачила этих непонятных русских, тонко разобралась в их игре и вывела их на чистую воду. Она, Тира Уэйр, достопочтенная супруга полковника Уэйра, британского резидента в Сиккиме.

Впечатляющая картина, нарисованная «высокоинтеллигентной» Тирой, потрясала. На территории Британской Индии под вывеской Института Гималайских исследований действовала «большевистская база». Главный «коммунистический эмиссар», сняв дом в Келонге за перевалом Ротанг, выходил на его плоскую крышу и, приставив ладонь к глазам, наблюдал то за Индией, то за Тибетом.

День и ночь неутомимо работали передатчики. Они несли шифрованные радиogramмы с «противоположной стороны Тибета». Тайными тропами спешили к «базе» переодетые шпионы, лазутчики и ламы. Неиссякающей рекой текли огромные суммы советских денег. Подкупленные ламы кричали на перекрестках Лхасы о том, что Майтрейя уже не Майтрейя, а Юрий Николаевич Рерих. И что все, кто ждали Майтрейю, должны теперь ждать именно его, сына Николая Рериха. Они срочно связывались с Кулу и просили Юрия Николаевича незамедлительно сообщить срок своего явления. Слуги в Кулу готовили ему белого коня.

Николай Рерих время от времени спускался со своего наблюдательного поста, чтобы окончательно договориться об убийстве Далай-ламы. «База» готовила массированное вторжение в Азию, полное ее завоевание и присоединение к Советской России. Красные флаги готовы были затрепетать над столицами азиатских стран.

¹ Материалы английской разведки. Appendix VII.

Н.К.Рерих на берегу Беаса. Кулу. 1930-е гг.

Вся операция, правда, несколько задерживалась из-за мелких недоразумений. Не хватало кадров. Было два «завоевателя», но не было Майтрейи, или был один завоеватель и один Майтрейя. Не хватало одного человека. Третьим, конечно, мог стать младший сын «эmissара» Святослав Николаевич. Но тот почему-то увлекся сбором ботанических коллекций и забыл, что надо завоевывать Азию и устанавливать в ней «большевистский контроль». Пока не появился третий, эсквайры и Тира Уэйр могли рассчитывать на передышку.

Не требует особых доказательств тот факт, что основными источниками для «полуофициального отчета» Тиры Уэйр послужили публикации Рерихов о Центрально-Азиатской экспедиции. О своих тибетских «наблюдениях» она упомянула для красного словца. У нее их не было. Что же касается «Алтая — Гималаев» и «Сердца Азии», то они были прочтены Тирой с особой точки зрения.

Точка зрения свидетельствовала о том, что острые приступы мигрени не прошли бесследно для ее «высокоинтеллигентной» личности. Но оставим Тиру в покое. Она не была эсквайром и не занимала поста в Разведывательном бюро. Вернемся к эсквайрам. Многие из них были потрясены и считали, что расследование в Кулу надо довести до конца. Другие, более трезвые, думали иначе. Начался обмен мнений.

«Что касается теорий миссис Уэйр, — писал Гербетт, главный секретарь правительства Пенджаба, 4 апреля 1932 года, — действительно буддисты Тибета ожидают прихода нового мирового учителя в ближайшем будущем. Но значение, которое она приписывает этому факту, теряет силу, если вспомнить, что приверженцы разных религий разделяют это ожидание. <...> Предположение секретаря по делам иностранцев (Хауэлла. — Л.Ш.), по моему мнению, фантастическое. Я согласен, что, без сомнения, тайна Рерихов еще не раскрыта»¹.

Мужского благоразумия Гербетта хватило всего на один абзац. Пример Тиры Уэйр был заразителен. Дальше секретарь стал утверждать, что агенты Елены Ивановны, почему-то обойденной вниманием Тиры, «находятся недалеко от афганской границы». От той границы, за которой, по его мнению, «Россия имеет мощных антибританских агентов»².

«Главный вывод, — писал очередной эсквайр, — который вытекает из всего, состоит в том, что семья Рерихов установила, несмотря на все препятствия, базу действий на северной границе Индии. Правительство Индии должно решить вопрос о том, является ли желательным или возможным лишить их этой базы. Решение это зависит в первую очередь от мотивировки причин, представленных Рерихом, обосновывающих его желание остаться. Эти причины могут быть связаны с его художественной деятельностью, или безвредными исследованиями в приятном климате, или с желанием получить романтическую репутацию среди своих американских коллег, или с проведением подрывных интриг в Центральной Азии в пользу их русских, платящих им хозяев»³.

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

Среди эсквайров возрос спрос на «отчет» Тиры Уэйр. Каждый читавший делал свои замечания. Одно из них весьма многозначительно:

«Я прочел эти бумаги с огромным интересом; они хороши, как роман Эдгара Уоллеса»¹.

Итак, в «любопытном деле» оказались Майтрейя, пророчества и, наконец, Заповедная Страна. Последняя фигурировала под кодовым названием «Теософский монастырь». Что это такое, не знали ни сами эсквайры, ни теософы, обосновавшиеся в Адьяре и не имевшие никаких связей с Рерихами. 18 мая 1932 года Д.Ф.Каугилл писал:

«Отчет <...> упоминает, что в 1927 году профессор Рерих имел намерение отправить свою жену в Теософский монастырь в Гималаях, в восемнадцати днях ходу на северо-запад от Дарджилинга. Восемнадцать дней ходу на северо-запад от Дарджилинга приводят в окрестности Катманду, где, насколько мы знаем, такого монастыря не существует. Не был бы Иностраннный и Политический департамент столь любезен, чтобы спросить полковника Докса, знает ли он о подобном монастыре?»²

Иностраннный и Политический департамент оказал любезность. Из Катманду пришло письмо от британского представителя майора Аткинсона от 15 июля 1932 года.

«Такого монастыря, — писал любезный майор, — в Катманду не существует. Конечно, есть буддийские институты тибетского типа, связанные с буддийскими храмами Сваямбунатх и Бодхнатх, но они не могут считаться теософскими»³.

Поиски были прекращены.

Но «большевистскую базу» в Кулу осадили. Искали передатчики на земле и под землей. Пытались отлавливать агентов, пробирающихся к «базе» тайными тропами. Из Афганистана — к Елене Ивановне, из Тибета — к Николаю Константиновичу. Передатчики не нашли, агентов не отловили. Опрос местных жителей также ничего не дал. Они ничего подозрительного не заметили и, более того, все как один хорошо отзывались о Рерихах.

«Я встретил двух людей, — писалось в одном из донесений, — бутанского монаха и бедного человека из Кулу, который является мелким торговцем и приверженцем буддийской религии. <...> Оба этих лица, которых я встретил, отзывались в очень высоких словах о семье Рериха. Они говорят, что они (Рерихи. — Л.Ш.) помогают каждому бедняку в Кулу или деньгами, или продуктами, и каждому эта семья очень нравится»⁴.

Постепенно бум, поднятый Тирой Уэйр в «любопытном деле», стал спадать, и «дело» вновь вошло в русло обычной канцелярской рутины. Надежды эсквайров на потрясающие разоблачения жгучих тайн

¹ Материалы английской разведки.

² Там же.

³ Там же.

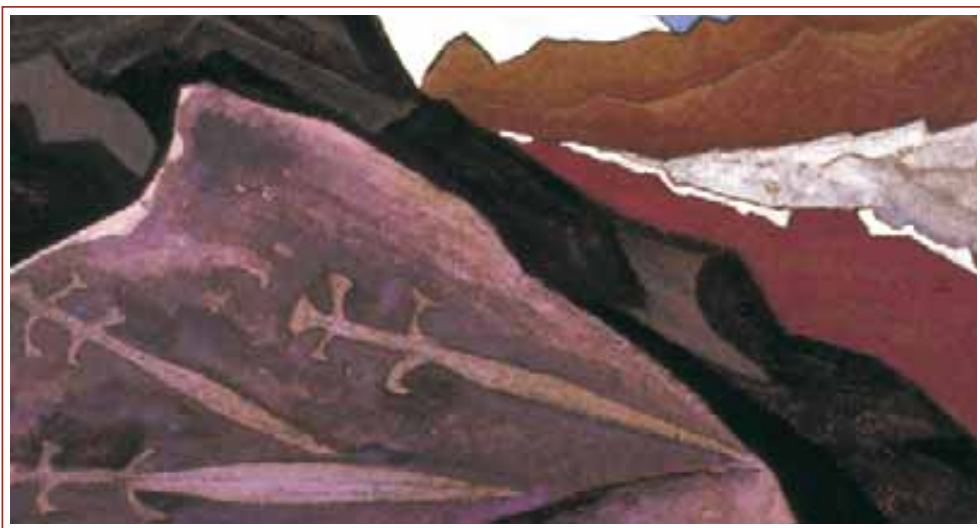
⁴ Там же. Appendix VII.

2. «ЛЮБОПЫТНОЕ ДЕЛО»

семьи Рерихов не оправдались. «Эмиссар» много рисовал, занимался исследованиями, его жена редко выходила из дома, оба сына предпочитали лаборатории института сбору важных агентурных сведений. Но эсквайры, верные своему долгу, полицейский надзор не сняли. Они заменили, правда, обязательный полугодовой отчет о Рерихах нерегулярными сообщениями. Ни одно из подозрений с Рериха не было снято. Но наступали новые времена, и другие, более важные события все чаще и чаще отвлекали внимание эсквайров и разведчиков от «большевистской базы» в Кулу...

*Н.К.Рерих в своем
кабинете в Кулу
1936—1942*

Глава третья

УРУСВАТИ

Тучи кругом, но Звезда Утра восходит.

Листы Сада Мории. Озарение. Ч. I, VI, 5

Пока эсквайры добавляли новые папки в «любопытное дело», на клочке гималайской земли, отвоеванной у правительства колониальной Индии, создавался Институт Гималайских исследований. Его назвали «Урусвати», что значит «Свет Утренней звезды».

Институт был комплексным. В него входили отделения естественных наук и тибетской медицины, археологии, истории культуры народов Азии, филологии. В нем были библиотека и музей, где хранились коллекции, собранные в Центрально-Азиатской экспедиции, и те, которые удалось собрать позже. Для института построили несколько зданий на склоне горы, чуть выше самого рериховского дома. Юрий Николаевич привлек к работе ученых лам, которые сотрудничали с ним в его работе над тибетским словарем.

Институт не походил на другие подобные учреждения. Он как бы опережал свое время. В его структуре и работе нашло отражение предвидение, которым отличался Николай Константинович. Многие потом придут к тем же мыслям и идеям. Эти идеи и мысли будут отвечать основным тенденциям в развитии мировой науки, но немедленного признания не получают. Они будут пробивать себе дорогу с большим трудом. «Свет Утренней звезды», которая загорелась в 1928 году в далеких Гималаях, осветил на короткое время путь тех, кто искал и стремился.

С.Н.Рерих. Портрет Е.И.Рерих. 1937

Институт по содержанию своей деятельности был прямым и непосредственным продолжением работы Центрально-Азиатской экспедиции. Он был продолжением Великого путешествия и являлся его неотъемлемой частью. Динамизм и подвижность, которые несла экспедиция, стали основой его работы. Институт действовал как постоянная база или штаб-квартира бесконечного путешествия.

Таких институтов в мире еще не было. «Урусвати» оказался первым. В нем удивительным образом соединились традиционные методы древней Азии и те, которым еще надлежало сложиться. «Урусвати» был тем настоящим, которое объединило прошлое с будущим на великой дороге поиска Знания и Истины.

«Когда мы основывали институт, — писал Николай Константинович, — то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. <...> Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют “ашрам”. Это — средоточие. Но умственное питание “ашрама” добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники “ашрама” тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы»¹.

За перевалом Ротанг, в Лахуле, институт имел еще одну базу. Ежегодно, когда освобождались гималайские перевалы от снега, сотрудники «Урусвати» уходили в научные экспедиции в Лахул и Ладакх, Спити и Чамбу, Кангру и к тибетской границе. Многие из них приезжали из других стран.

Институт становился международным центром. Иностранцы жили в Кулу, в домах института, и принимали участие в экспедициях. Другие сотрудничали на расстоянии. Но международный характер «Урусвати» от этого не менялся. Сначала в работу института включились крупнейшие ученые Индии. Физик Чандрасекхара Раман, биолог Джагдис Чандра Бос, лингвист Сунити Кумар Чаттерджи, философ Сарвапалли Радхакришнан, писатель Рабиндранат Тагор — вот далеко не полный перечень тех, кто участвовал в работе «Урусвати».

В стенах гималайского института делались первые, вполне реальные шаги в области индийско-русского научного сотрудничества, которое много лет спустя примет государственные масштабы.

Крупные ученые Запада также охотно сотрудничали с институтом. Среди них были А.Эйнштейн, Р.Милликен, Л.Бройль, Р.Магоффин, известный путешественник Свен Гедин.

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. Рига, 1936. С. 76—77.

*Ю.Н.Рерих у здания Института Гималайских исследований «Урусвати».
Кулу. 1930-е гг.*

С огромным трудом и риском Рерихи налаживали контакты с советскими учеными. Первым из них оказался академик Николай Иванович Вавилов. Рерих и Вавилов были единомышленниками в науке. Николай Иванович искал древние очаги культурных растений, Николай Константинович — древние очаги цивилизаций человека. Одно неразрывно было связано с другим. Поиски привели и того и другого к великим горам. Но один в них уже жил, а другой только стремился. Однако Гималаи оказались недостижимыми для Вавилова. С территории Советского Союза вход в них был прочно закрыт. И поэтому помощь «Урусвати» для Вавилова имела очень важное значение. Николай Константинович хорошо это понимал. Он сам следил за тем, чтобы посылки с образцами нужных Вавилову растений отсылались регулярно и вовремя. Посылки шли сложным путем. Через Ригу, через латвийских сотрудников Рериха. Переписка с Вавиловым была поручена Святославу Николаевичу. 8 марта 1937 года Николай Иванович писал в Кулу:

«Уважаемый Святослав Николаевич, приношу Вам большую благодарность за присылку семян лекарственных растений, которые я направил в нашу Секцию Лекарственных растений, возглавляемую Г.К.Крейром. Я читал и слышал о том, что Вы провели интересную экспедицию в самые замечательные районы Земли — в Гималаях, в Тибете; мы можем только мечтать об этих районах, которые исследованы чрезвычайно мало. Насколько они нас интересуют, Вы можете судить по посланной Вам моей брошюре “Ботанико-географические основы селекции растений”. Было бы крайне интересно получить при Вашей помощи семена пшеницы и ячменя, льна и зерновых бобов из этих районов. Если бы представилась возможность получить хотя бы по несколько образцов этих растений, мы были бы Вам чрезвычайно признательны. Если Вам придется опубликовать какие-либо исследования по Гималаям и Тибету, — мы будем очень признательны Вам за присылку таковых. Не знаете ли Вы каких-либо работ, посвященных земледелию Тибета? Всякий материал из этого района очень интересен. В настоящее время мы более всего заинтересованы полевыми, овощными и плодовыми культурами, но также работаем и по лекарственным растениям»¹. Письмо дошло до Кулу только в апреле. Святослав Николаевич не откладывая ответил.

«Посылаю для Вашей библиотеки, — писал он, — три номера журнала нашего Института и благодарю Вас за Ваш труд, в котором так много ценных для нас сведений и выводов. Нам неизвестны специальные труды по агрокультуре Тибета, но у нас есть записи и наблюдения, которые я соберу и перешлю Вам. Наши наблюдения велись главным образом в западных Гималаях и западном Тибете, в местностях, прилегающих к долине Кулу, где находится наш Институт. Сейчас готовится книга о флоре западных Гималаев, основанная на наших гербариях.

¹ Письмо Н.И.Вавилова С.Н.Рериху от 08.03.1937 / ОР МЦР. Ф. 1, д. (вр. №) 772. Л. 1.

Но должен сказать, что новый материал поступает постоянно. Есть и новые виды, что при богатстве здешнего края не удивительно. Если Вы имеете еще какие-либо запросы, будем всегда рады содействовать по мере возможности. Будем очень рады, когда придется встретиться, побеседовать с Вами о Ваших достижениях, о которых нам столько приходилось слышать и читать»¹.

Эта встреча так никогда и не состоялась. В 1938 году от Вавилова перестали поступать письма. Николай Константинович через рижских друзей пытался узнать о нем. Но в Риге тоже ничего не знали. Как погиб Вавилов, стало известно только много лет спустя... И Рерих и Вавилов были единомышленниками в науке и в ее организации практиковали сходные методы. Институт в далеких Гималаях и Всесоюзный институт растениеводства, директором которого был Вавилов, работали методом экспедиций, методом реального соприкосновения с материалом, который они изучали. Оба они, Рерих и Вавилов, не были кабинетными учеными, и поэтому столь широк был диапазон их деятельности, а результаты исследований столь плодотворны. Их сотрудничество оборвалось в самом его начале по причинам, которые не зависели ни от того, ни от другого. Оно могло привести к немалым открытиям, которые подтвердили бы гипотезы одного и неимоверно обогатили бы другого...

«Урусвати» являлся одним из первых институтов, где Гималаи изучались в самих Гималаях. Формировались ботаническая и зоологическая коллекции, собирались лекарственные травы, переводились редкие тибетские источники, велись археологические раскопки в Лахуле и Кулу, изучались местные обычаи и культы, создавалась биохимическая лаборатория, где собирались работать над лечением рака — болезнью тогда сравнительно мало распространенной. Десятки лет спустя она поразит весь мир. В «Урусвати» предвидели это и спешили на помощь.

Из многих научных институтов разных стран поступали в гималайскую долину предложения о сотрудничестве. Нью-Йоркский музей Рериха помог наладить выпуск регулярного журнала института и финансировал многие начинания «Урусвати». Сообщения о работах в институте стали проникать в прессу, как американскую, так и индийскую. Вот два образца таких сообщений, которые дают представление о том, чем занимались на «большевистской базе» в Гималаях.

«Триста восемьдесят ценных образцов лекарственных растений, — сообщила «Нью-Йорк таймс», — были собраны Институтом Гималайских исследований в Наггаре, в долине Кулу... Планы расширения работы этим летом включают экспедицию в Спити, Рупшу и Ладак, в это же время в Лахуле будет действовать археологическая, этнографическая и лингвистическая экспедиция, а если возможно, то и в Спити... Доверие тибетских лам принесло успех ряду экспериментов, так как многие

¹ Рерих. С.Н. Письма. М.: МЦР, 2004. Т. I. С. 202.

из местных медицинских секретов являются достоянием только лам высокого посвящения... Другим событием было основание бесплатной клиники “Урусвати” под руководством доктора Лозина, где лечат местных жителей. Началось сооружение новой биохимической лаборатории, хотя для ее завершения необходимо еще 10 000 долларов»¹.

Индийская газета «Муслим аутлук» писала: «...работа, проделанная научными сотрудниками <...> доказала руководству Общества (Рериха. — Л.Ш.), какие безграничные возможности исследований заложены не только в области медицины, но и в области биологии, археологии, астрофизики и других наук. <...>

Основателем этого Гималайского центра, так же как и Нью-Йоркского музея, является Николай Рерих, фигура международного масштаба в области искусства. <...> Великий художник совершил пятилетнюю экспедицию в Центральную Азию, охватив эту “колыбель человечества”, которая помогла ему понять, какие грандиозные возможности предоставляет Восток для исследований в науке и культуре»².

В Лахуле Николай Константинович и Юрий Николаевич изучали мегалитические погребения и менгиры. Никто опять не знал, кому они принадлежали, кто поклонялся древним святилищам. На скалах Лахула были те же горные козлы и лучники, которых они видели в Ладакхе, в Монголии, на Алтае. Николай Константинович старался, как и прежде, вникнуть в смысл древних рисунков и вновь приходил к выводу, что рисунки на скалах связаны с каким-то уже исчезнувшим солнечным культом. Возможно, этот культ был древен, как и сама Земля, как эти неприступные горы. Ему казалось, что именно здесь, среди скал, покрытых рисунками, среди этих странных менгиров и зарождалось то, что много позднее нашло свое отражение в культах друидов — кельтских жрецов.

«Здесь мы опять прикасаемся к не объясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики»³. «Отдаленные зарождения». Он умел говорить точно и выразительно, счастливо избегая сухости наукообразного языка. Каким временем исчислялась эта отдаленность, он не мог сказать. Поэтому искал и изучал. Каждое лето он снаряжал экспедицию в Лахул.

«Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гесэр-хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за

¹ New York Times, 1931.26.IV.

² Muslim outlook, 1931.06.VI.

³ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 258.

URUSVATI
KULU

*Ю.Н.Рерих с учеными ламами. Институт «Урусвати». Кулу. 1931—1933
На предыдущей странице: Ю.Н.Рерих у входа в Институт «Урусвати».
[1931—1933]*

плечами»¹. В Лахуле уже знали хорошо всю семью и любили ее. Каждый раз Рерихам устраивали торжественную встречу. «После шестидневного пути по узким, выющим над пропастями тропинкам, пройдя Ротанг Пасс (перевал. — *Л.Ш.*) (13 400 футов над уровнем моря) и все снежные аваланши (лавины. — *Л.Ш.*), мы достигли, наконец, Кейланга, столицы Лахуля, называемого Западным Тибетом. Прекрасное утро. Перед нами блистают глетчеры Центральных Гималаев. Снежные вершины поднимаются до 21 000 футов, а в долине гремят воды горных потоков. Здесь же, на высоте 10 000 футов, дышится так легко. Наши лошади чувят приближающийся отдых и начинают идти быстрее. У моста нас встречает школьный учитель в тибетском костюме и

¹ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. С. 254—255.

отделанной мехом шапке. Он приветствует нас гирляндами из душистого желтого шиповника. Не успели мы сделать другой поворот, как нас уже ждет встреча: целый оркестр из труб и барабанов. Здесь нас встречает Вазир, правитель этого края, и приносит нам в дар гирлянды цветов и ладан. Под грохот оркестра мы приближаемся к Кейлангу. Проезжаем мимо местного монастыря, где, приветствуя нас, мощно звучат гигантские трубы, а на плоской крыше, выстроившись в ряд, стоят ламы, включая седобородого главного ламу. Они имеют величественный вид в своих красных одеяниях и прекрасной формы тиа-рах. Крыши города полны людей. Женщины в праздничных одеяниях забрасывают нас дождем цветочных лепестков. <...> Приближается процессия женщин, возглавляемая красавицей туземкой. Ее головной убор сплошь покрыт бирюзой, с каждой стороны его свисают по двадцати тяжелых серебряных серег, в носу большое золотое кольцо; вышитое яркендское покрывало в виде мантильи служит как бы фоном для множества драгоценных украшений, а серебряный молитвенный ящичек висит на ожерелье из кораллов, золотых бус и бирюзы. Она подносит нам священное молоко яка и поливает им наши руки»¹.

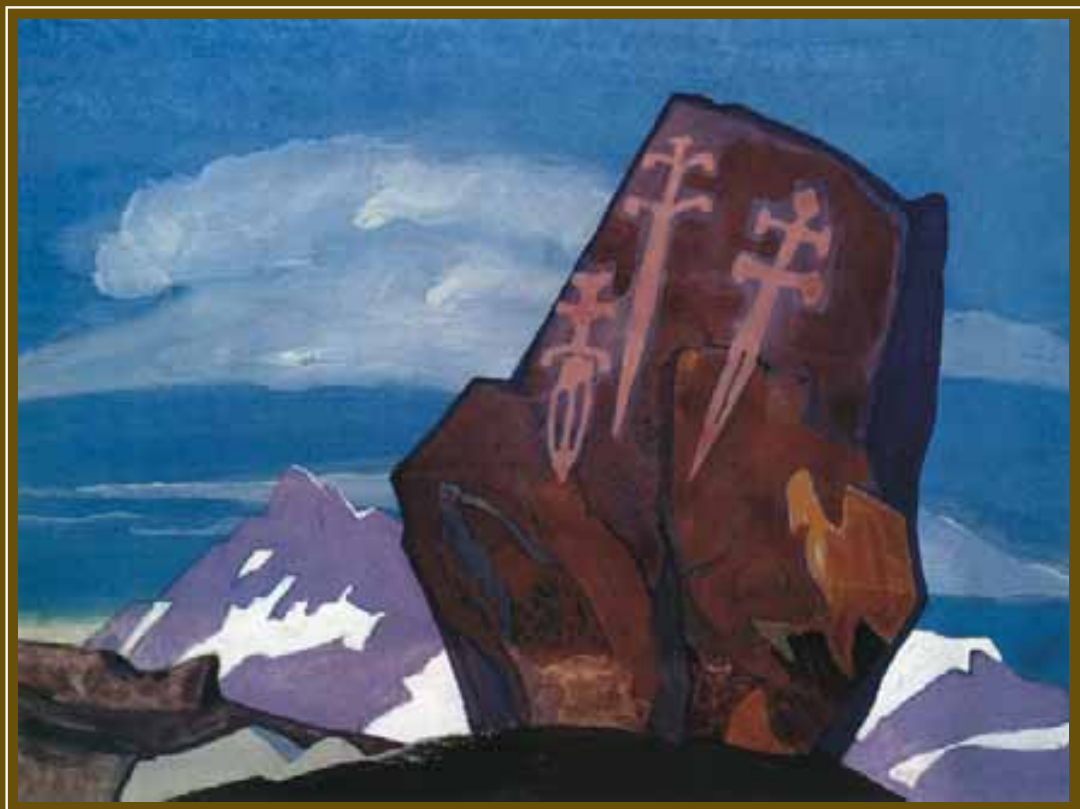
Здесь, в Лахуле, каждый занимался своим делом. Юрий Николаевич раскапывал древние погребения. Они были разные, и он пытался их классифицировать. Самые древние из них представляли собой ямы, выложенные плоскими камнями. Ямы по форме напоминали своеобразные урны. Древние хоронили, соблюдая обычай вторичного погребения. В захоронениях нашли разрозненные кости и керамические черепки. Железные предметы обнаружили в ямах, покрытых плоским камнем. Погребения были ориентированы с севера на юг и выложены по поверхности кругом камней. Самые поздние из них, которые Юрий Николаевич отнес к XVII веку, представляли собой большие круги камней или иногда менгиров. Находки ставили вопросы, но не давали на них ответа.

«В историческом и археологическом отношении край мало исследован, — писал Николай Константинович. — Картина “Менгиры в Гималаях” будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедициею в 1928 г., подобными менгирам Карнака»². И вновь, как во время Центрально-Азиатской экспедиции, возникали сравнения и параллели, уводившие от Гималаев далеко на север и на запад.

«Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, менданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. <...> Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на ска-

¹ Дювернуа Ж. Рерих: Фрагменты биографии. Рига, 1932. С. 42—44.

² Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 261.

Вверху: Н.К.Рерих. Три меча. Рисунки на камне. 1935—1936
Внизу: Н.К.Рерих. Три меча. Вариант. 1930-е гг.

лах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. <...>

Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?»¹

Николай Константинович не только все это изучает, но и опять много рисует. Он пишет полотно «Путь на Кайлас», не довольствуясь одним вариантом, делает их несколько. Он изобразил путь прошедших здесь когда-то народов и оставивших на нем таинственные знаки. Теперь по этой дороге шли только паломники, влекомые к снежному Кайласу странной памятью тысячелетий и неосознанным желанием повторять год от года древний путь, по которому когда-то прошли их предки. Дорога шла через Кулу и Лахул. Вокруг грозно вставали заснеженные вершины гор, опасно и круто вились каменистые тропы, возникали обрывистые мрачные скалы. На перевалах стояли тысячелетние менгиры, похожие на окаменевшие фигуры людей. Но больше всего Николая Константиновича привлекают мечи. «Меч Гесэра», «Граница меча», «Три меча» — все они написаны почти в одно и то же время. Мечи отмечали какие-то границы, в них заключался таинственный, возможно, ритуальный смысл. Казалось, эти изображения обладали неведомой магической силой, хранившей древние заповедные пути и знаки на этих путях.

Горный мир влек Рериха неудержимо. На полотнах других художников этот мир возникал враждебным, тяжелым, трудным для понимания. Николай Константинович воспринимал его по-другому. Он увидел в горах всю красоту земного мира, одухотворенную соприкосновением с большими высотами. И это соприкосновение придавало его горному миру глубину космичности. Казалось, что горы соединяли мир Земли и мир Космоса. Краски, которые полыхали в этих горах, были богаты глубокими оттенками, привлекали яркостью и неожиданным разнообразием. Они были иными, чем на равнине, и становились как бы частью этих гор, и ему порой казалось, что именно горы излучают такие краски.

Горы жили и дышали. В них смешивалось дыхание Земли и Вселенной. В их сверкающих снежных вершинах, в смелых изломах скал, неустойчивой голубизне склонов была своя удивительная утонченность. Как будто на них лежал отблеск иных, нездешних миров. Он пытался проникнуть в суть самого духа гор, и этот дух порой возникал перед ним в образе человека, слитого с этими горами, неотдели-

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 258—259.

мого от них, несущего в себе их черты и характер. Человек был мудр и древен и как бы присутствовал в том, что называлось «Великим Духом Гималаев». У Духа, слитого нераздельно с камнем, были тяжелые веки, прикрывающие глаза. Казалось, что веки вот-вот дрогнут и откроются, и мы увидим на полотне взгляд, в котором забьется душа этих великих гор.

«Даже скудно и убого, — писал Рерих, — было пытаться сопоставить Гималаи с прочими, лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай — все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную нагорную страну Гималайскую. <...> Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могли найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено стремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором рождаются герои»¹.

Для него Гималаи были символом духовного восхождения самого человека, его тысячелетних связей с этим магическим пространством планеты.

«Гималаи в их полной мощи пересекают плато; за ними поднимается Кайлас и далее Каракорум и горное королевство, увенчанное с севера Куньлуном. Здесь пролегает дорога к священному озеру Манасаровар, здесь древнейшие пути святого паломничества. В этом районе также расположено озеро Нагов и озеро Равалсар, убежище Падмы Самбхавы. Здесь также находятся пещеры архатов и великое убежище Шивы, пещеры Амарнатха; здесь горячие источники, здесь 360 местных божеств, число которых доказывает, как существенны эти самые места для накоплений человека в течение многих веков»².

«Великие учения Вед, посвящения Будды, Аполлония Тианского, Томаса Вогана (Vaughan), Рамакришны, бесчисленные зовы веков и всех народов направляют нас к Великим горам Индии, которые охраняют сокровища.

Любите Индию!

Горы Индии стерегут лечебные листья и корни.

Горы Индии собрали мощную энергию и направляют лучшие потоки для укрепления тела и духа.

Любите Индию!

“Lapis Exilis dicitur origo mundi”.

Ладак и Кашмир, Кангра и Лахул, Кулу и Спити особенно значительны с исторической, геологической и научной точки зрения. Здесь прослеживаются пути достижений, по которым шли Махатмы

¹ Рерих Н.К. Гималаи // Альманах «Приключения в горах». Кн. 1. М., 1961. С. 50—51.

² Roerich N. Shambhala. P. 178.

*Вверху: Н.К.Рерих. Гималаи (Закатные краски), 1943
Внизу: Н.К.Рерих. Скалы Лахула (Знаки Гесэра), 1935—1936*

Н.К.Рерих в Японском национальном парке. Токио. 1934

и Риши, короли и герои; здесь упомянуты Нагарджуна, Падма Самбхава и Санта Ракшита.

Здесь были кровопролития. Здесь подымались города и храмы, чьи руины до сих пор украшают горные хребты Гималаев»¹.

Мир гор был прекрасен, но и грозен. Гигантские молнии раскалывали небо, освещая странным синим светом все вокруг. Вспыхивали, переливаясь всеми цветами радуги, гималайские сияния, так похожие на северные. Гремели лавины, сползая со склонов. Выли жестокие метели на горных перевалах.

Мир гор не был безмолвным. Он звучал. То добро, то страшно. То мягко, то жестко. Как ни странно, картины Рериха тоже звучали. Звучали формами, цветом, настроением. По многу раз он писал и переписывал Канченджангу, Эверест, Нанга Парбат, Нанга Деви — гималайские восьмитысячники, которые вознеслись над планетой и выше которых уже ничего на Земле не было. Было только небо, выход в Космос. И эта устремленность гор ввысь гигантским магнитом притягивала к себе человека, порождала в нем мысли высокие и чистые.

«Если бы кто-нибудь, — писал Николай Константинович, — задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами»². Он сам же и вел то «знаменательное исследование», которое до него никто не пытался делать. Он исследовал этот грандиозный горный мир. Но исследовал его особым способом. Он не измерял и не считал. Его искусство проникало в области, недоступные подсчетам и измерениям, и создавало на полотне научную картину Гималаев, которая отличалась удивительной целостностью. Искусство синтезировало отдельные впечатления, обобщало их. Геолог и историк, географ и археолог, биолог и физик — каждый из них мог найти на полотнах Рериха информацию, обращенную лично к нему. Как ученый, он мог говорить со своими коллегами языком, вполне им доступным. «Вся область Гималаев, — писал он, — представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15—16000 футах; глубокие долины с гейзерами

¹ Roerich N. Shambhala. P. 178.

² Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 64.

CONSULAT DE FRANCE
A
KHARBINE

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Kharbine, le

L A I S S E Z - P A S S E R

Nous, Consul de France à Kharbine,

Prions les Autorités Civiles et Militaires de laisser
passer librement Monsieur Nicolas de ROERICH, professeur,
âgé de 59 ans, demeurant à Paris, titulaire du passeport
français N° 04681, délivré à Paris le 6 Mars 1934, qui voyage
en Mandchourie (provinces de Heilongkiang, Kin Ngan et Jeh-
ol) et en Mongolie et de lui donner aide et protection en
cas de besoin.

Le présent laissez-passer est valable pour un an./.

Fait à Kharbine le 10 Juillet 1934.

Le Consul de France,

CONSULAT DE FRANCE

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

A
KHARBINE

Kharbine, le

L A I S S E Z - P A S S E R

Nous, Consul de France à Kharbine,
Prions les Autorités Civiles et Militaires de laisser
passer librement Monsieur Georges de RCHERICH, archéologue,
âgé de 32 ans, demeurant à Paris, titulaire du passeport
français N° 04822, délivré à Paris le 6 Mars 1934, qui voyage
en Mandchourie (provinces de Heilongkiang, Kin Ngan et
Jehol) et en Mongolie et de lui donner aide et protection
en cas de besoin.

Le présent laissez-passer est valable pour un an./.

Fait à Kharbine le 10 Juillet 1934.

Le Consul de France.

Документы на право пребывания в Маньчжурии и Монголии с экспедицией,
выданные Н.К.Рериху и Ю.Н.Рериху французским консульством в Харбине. 1934

и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность — все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи — это место для искреннего ученого»¹.

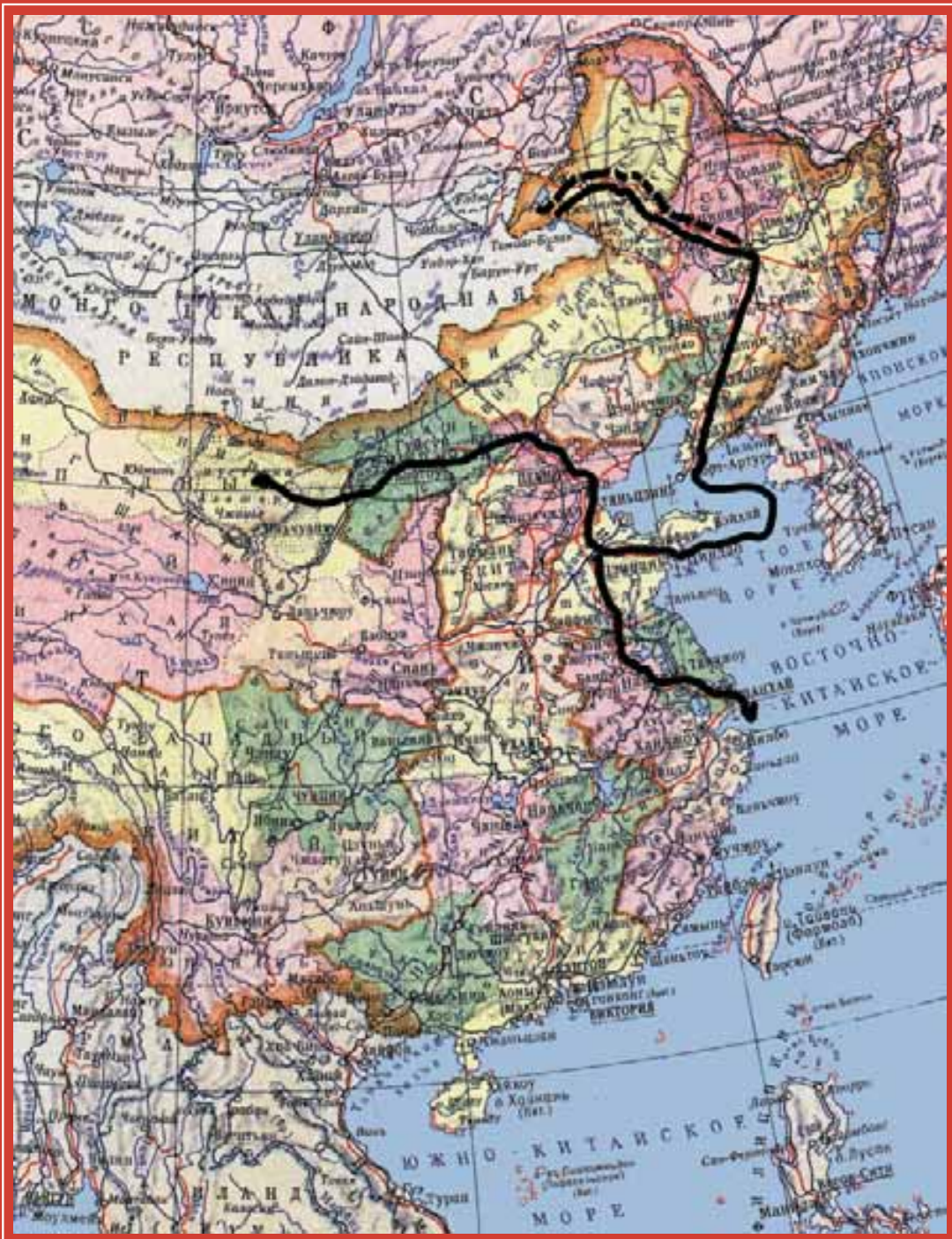
Николай Константинович был убежден, что Гималаи хранят ключ ко многим тайнам истории планеты и человека, который на этой планете обитал. Горный мир, или горная держава, привлекал его не только красотой и неповторимостью, сказочностью и необычностью. Он привлекал его как одна из ранних страниц истории человечества, как предполагаемая прародина первых его сообществ. По этой же причине горы интересовали и Николая Ивановича Вавилова. Но Вавилов не успел дойти до своих Гималаев...

В Кулу Рерих продолжал писать полотна, посвященные Центрально-Азиатской экспедиции, используя этюды и зарисовки, сделанные на ее маршруте. Он продолжал осмысливать этот маршрут. Он вновь как мыслитель и как художник шел по Великому азиатскому пути, по древней дороге неутомимых странников и переселенцев. И вновь просторы Центральной Азии стали его манить. Но обстоятельства складывались не совсем благоприятно. Денег на такую экспедицию у него не было.

Финансовое положение Музея Рериха было неустойчивым. Мир сотрясал острейший экономический кризис. Кризис погубил надежды многих, в том числе и его. Но он не сдался. Рерих неутомимо искал возможности и наконец нашел их в департаменте земледелия США. Департамент интересовали засухоустойчивые сорта растений, которые произрастали на окраинах азиатских пустынь и в безбрежности степей. Засухоустойчивые растения предупреждали эрозию почв. Америка страдала этой болезнью. Департамент согласился финансировать экспедицию Рериха.

Но в беспокойном мире обстановка год от года усложнялась. Япония уже оккупировала Маньчжурию и часть Внутренней Монголии. Разрешение на въезд в них давало только японское правительство. Весной 1934 года Николай Константинович и Юрий Николаевич прибыли в Токио. Там ощущалось дыхание войны. Япония рвалась к новым землям. Газеты были полны воинственными заявлениями. Оживали ушедшие в прошлое самурайские традиции. По улицам ходили фашиствующие молодые люди. Транспаранты пестрели лозунгами, призывавшими к нападению на СССР. Возникли стычки на границах. Японцы мешали нормальной работе КВЖД. Там нападали на советских служащих, разбирали рельсы, угоняли поезда.

¹ *Рерих Николай*. Сердце Азии. Southbury: Alatas, 1929. С. 26—27.

Маршрут экспедиции Н.К.Рериха 1934—1935 годов

Н.К.Рерих на маршруте экспедиции. 1934—1935

Н.К.Рерих с участниками экспедиции. 1934—1935

Н.К. и Ю.Н. Рерихи на маршруте экспедиции. 1934—1935

Разрешение на экспедицию удалось получить, и Николай Константинович спешил. Он понимал, что судьба района, куда направлялась экспедиция, будет решена в течение ближайших месяцев. В июне 1934 года экспедиция через Харбин направилась к Баргинскому плато, расположенному у Хинганского хребта. Район пересекала линия КВЖД. Они старались далеко от нее не уходить. Все время поступали тревожные сообщения о готовящейся японской агрессии. Работать было крайне трудно. Японцы следили за каждым шагом экспедиции. Оба они, Николай Константинович и Юрий Николаевич, старались не обращать на это внимания. Они вели поиск, выясняя, какие сорта засухоустойчивых растений могут быть найдены в этом районе. И чем больше Николай Константинович этим занимался, тем больше ему не давала покоя одна мысль. Мысль о том, что пустыня не только дело рук природы, но и дело рук человека.

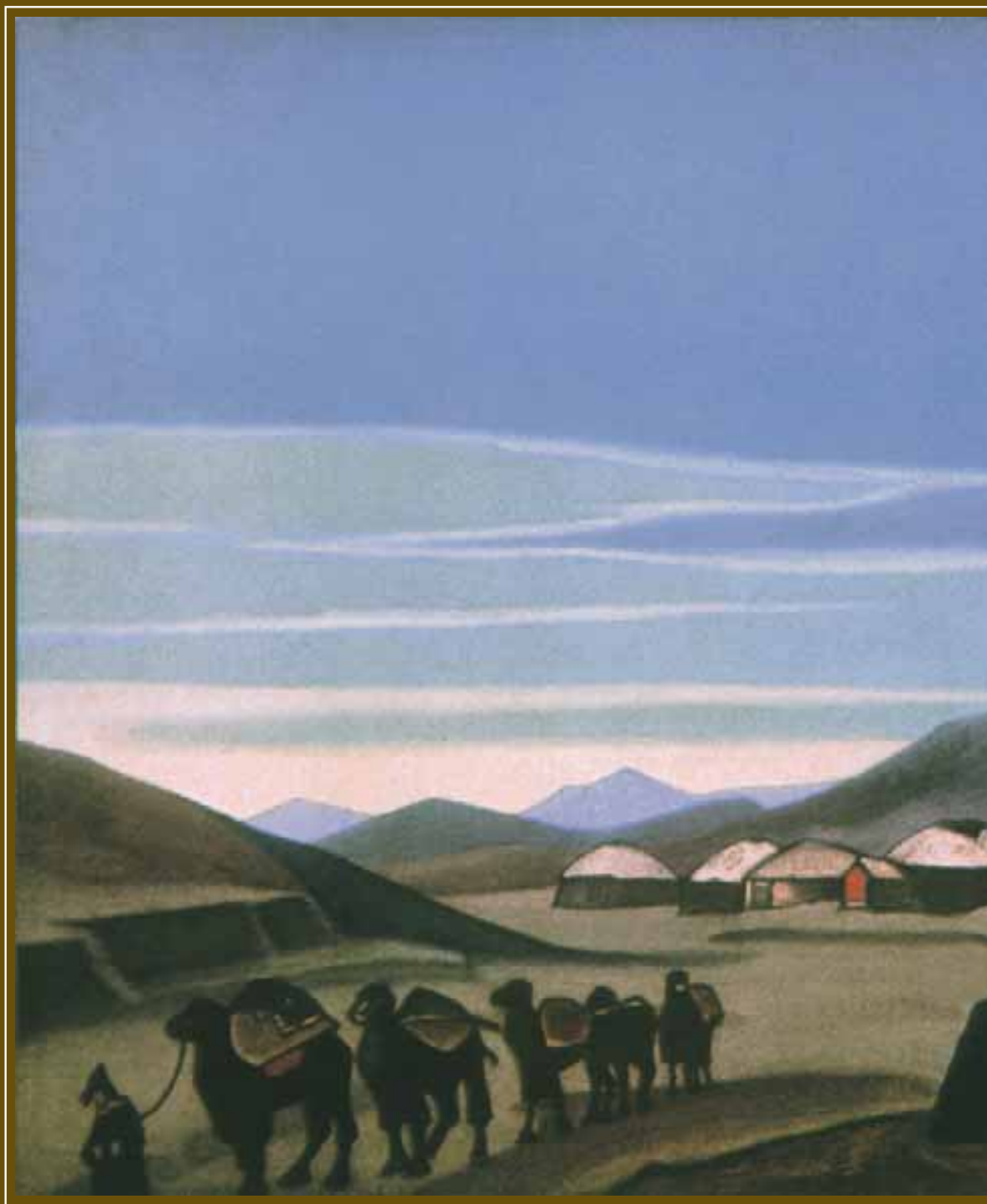
«Поучительно видеть, — записывал он в экспедиционном дневнике, — при раскопках в Азии среди самой, казалось бы, мертвой песчаной пустыни корни когда-то бывшего могучего леса. Странно видеть, что именно в этих местах было прекрасное жилье, и остатки плетений из злаков показывают, что и здесь процветала жизнь. Старые китайские хроники и точные записи китайских путешественников описывают эти иссохшие места как живописные города и селения, процветавшие и обильные. Не будем относить эти перемены всецело к космическим сдвигам, рука человека в них поработала больше всего»¹.

Он исследовал русла высохших рек, стараясь выяснить направления подземных потоков. Он хорошо понимал, как важна вода для восстановления того, что было утрачено. «В умерших пустынях часто вам приходится слышать журчанье подземных потоков, которые иногда дают повод к поверьям о подземной жизни. Нередко эти потоки загнаны под камни и гальку тоже руками человеческими, которые хищнически уничтожали растительность»².

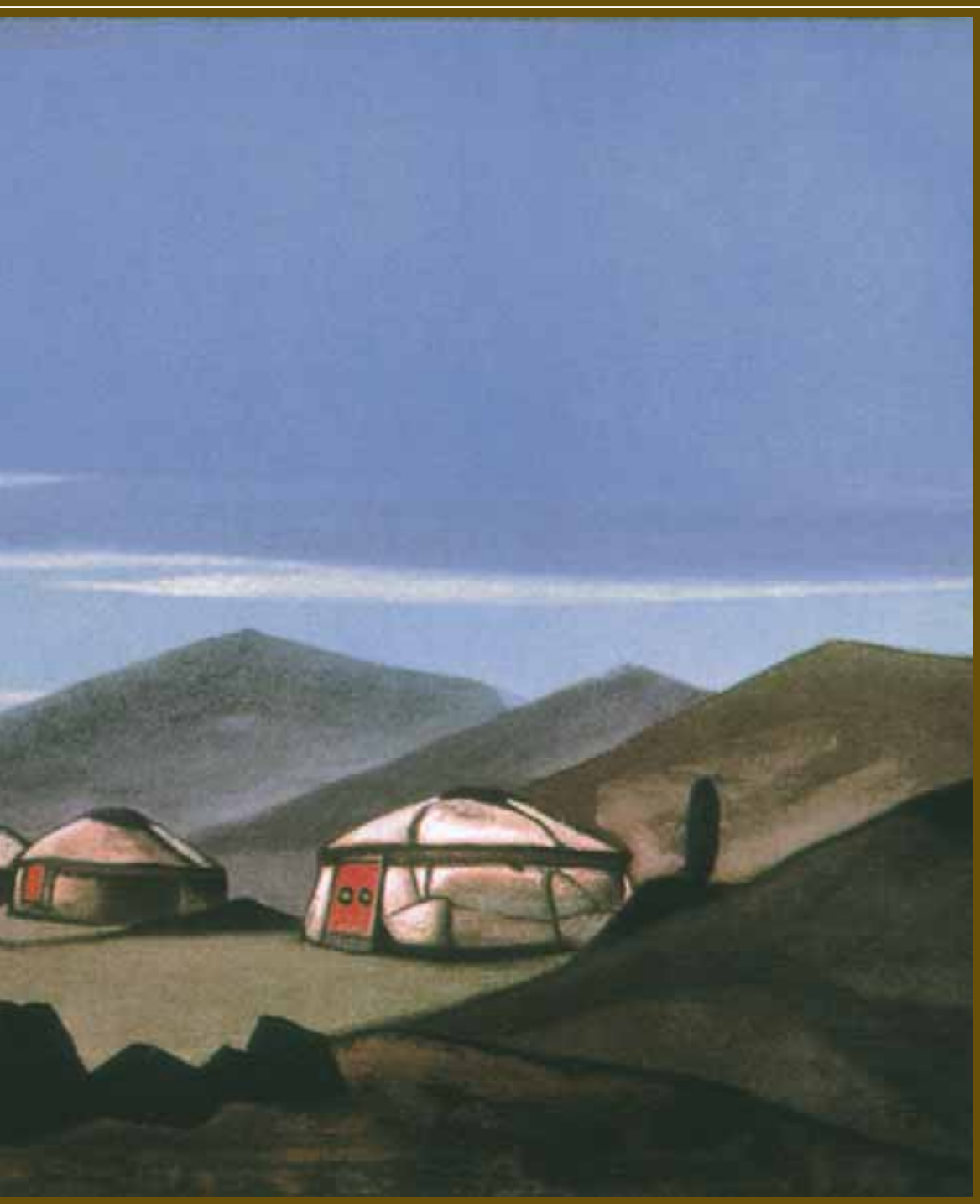
Исследования тревожили. Он понимал, что если это случилось в прошлом, то может произойти и в будущем. К любой проблеме он подходил исторически. Исследуя прошлое, делал выводы для будущего. Земля болела. Плодородные земли превращались в пустыни. Человек был расточителен, неосмотрителен и мало думал о будущих поколениях. Люди уничтожали леса и оставляли землю незащищенной. Незащищенная земля мстила за себя, поглощая очаги культуры, засыпая песком целые города. Культура была тесно связана с землей. Одно не существовало без другого. Разрушение одного вело к гибели другого. Рерих всю жизнь защищал культуру. Теперь надо было

¹ Рерих Николай. Священный Дозор. Харбин, 1934. С. 92—93.

² Там же.

Н.К.Рерих. Монголия. Юрты. [1940]

защищать землю. Он оказался одним из первых, кто поднял тревогу. Тогда она, возможно, казалась смешной, неактуальной.

Человечество волновали иные вопросы. Политические тревоги мира несли неуверенность в завтрашнем дне. Многие тогда не могли предположить, что через несколько десятков лет эта проблема станет для всех едва ли не самой насущной. Ее назовут охраной окружающей среды. Но тогда он был одним из немногих, кто предвидел такой поворот. Он исследовал пустыню как болезнь Земли, поставил диагноз этой болезни и предложил свой способ лечения. Это были засухоустойчивые растения, которые он начал собирать на Баргинском плато Внутренней Монголии в предгорьях Хингана. «В этом смысле, — писал Рерих, — степи и гоби Азии дают прекрасные материалы для изучения. На этих песчаных барханах, на бесчисленных холмах еще держится самобытная, устоявшая против всех невзгод растительность»¹. Свой короткий экспедиционный дневник он назвал: «Да процветут пустыни».

Японские власти выслали экспедицию с Баргинского плато, когда та вошла в район, расположенный между двумя озерами, Далай-нор и Буир-нор. Рядом были границы Народной Монголии и Советского Союза. Здесь, в районе Гоби и Хингана, готовились военные провокации против СССР. Николай Константинович вернулся в Харбин, стараясь как-то еще спасти экспедицию. Но японские власти были непреклонны и недвусмысленно показали, что шутить они не намерены. Русские эмигранты были настроены к Рериху враждебно. Его «просоветская позиция» их не устраивала. Харбинская эмиграция возлагала надежды на японских милитаристов, которые грозились отобрать у СССР Дальний Восток.

Дни пребывания в Харбине были изнурительны и неприятны. На Рериха клеветали и ему угрожали. С ним вели двусмысленные, скользкие разговоры. Что-то сулили, к чему-то склоняли. Но он все же продержался в Харбине три месяца, пока не стало ясно, что разрешения на экспедиционные работы японцы не дадут. Дальше оставаться там было просто опасно. Он уехал оттуда в ноябре 1934 года, пересек Желтое море и оказался в Китае, который еще не был захвачен японцами. Теперь его надежды были связаны с Пекином. Если ему дадут там разрешение, то он сможет поработать в южной части Внутренней Монголии, там, где лежали пустыни Гоби и Алашань.

В Пекине, как и во всем Китае, было тревожно и беспокойно. Отовсюду ползли самые противоречивые слухи. Гоминьдановское правительство чувствовало свою неустойчивость. Угроза японской агрессии становилась все реальнее. Однако разрешение Рериху на экспедицию было выдано. В Пекине надо было сделать многое: обеспечить экспедицию транспортом, найти людей, подыскать шоферов и проводников,

¹ Рерих Николай. Священный Дозор. С. 94.

договориться о продовольствии, наладить сотрудничество с китайскими ботаниками. Все вопросы решались медленно, но в конце концов решились. Пекин в этом отношении не походил на Хотан. Китайские чиновники были вежливы. У них были изысканные манеры и желание немедленно помочь. Здесь была иная страна, иное время. Настороженность, которую когда-то породил в нем Хотан, постепенно гасла. Они провели в Пекине всю зиму. В перерыве между работой Николай Константинович и Юрий Николаевич ходили по городу, осматривали императорские дворцы, любовались фресками на стенах храмов, посещали немногочисленные, но интересные музеи. На многое теперь смотрелось по-иному.

Древняя китайская культура несла в себе самые разнообразные влияния. В искусстве отчетливо проглядывались следы «звериного стиля» кочевников. Того «звериного стиля», элементы которого они обнаружили в Тибете в двадцатые годы.

«От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. С каждым годом все новые области присоединяются к этим открытиям. После Кавказа и Минусинска находки Средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей дают новые и блестящие находки. Только что мы видели и интересную книгу Андерсона, а также блестящее собрание ордосских бронз, находящееся в Пекине у миссис Картер. Некоторые формы из этого разнообразного собрания перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих насельников»¹.

...У Калгана открылась Великая Китайская стена. Она тянулась по синеющим горам, уходя в бесконечную даль. Было начало весны, над стеной и горами стояло прозрачное бледно-голубое небо. На склонах гор сквозь пожухлую прошлогоднюю траву пробивалась свежая зелень. Массивные квадратные башни шагали по вершинам, соединенные каменной лентой неприступной стены. «Когда вы выезжаете за Великую Китайскую стену, то сколько бы раз вы ее ни видели, — всегда подымается особенное ощущение чего-то великого, таинственного в своем размахе. Только подумать, что за три века до нашей эры уже начала созидаться эта великая стена со всеми ее несчетными башнями, зубцами, живописными поворотами — как хребет великого дракона через все горные вершины. Невозможно понять сложную систему этих стен с их ответвлениями и необъясненными поворотами, но величие размаха этой стены поразит каждого путника, поразит каждый раз»².

¹ *Рерих Николай*. Врата в Будущее. С. 21—22.

² Там же. С. 121.

От Калгана железная дорога уходила на запад к Батухалке. На восток открывался путь в Центральную Азию. Калган в переводе означает «ворота». Ворота в Центральную Азию. На рассвете из города уходили караваны. Тонко и хрустально звенели колокольчики. Покрикивали погонщики. Караваны уходили в Центральную Азию. Ветер с гор поднимал над Калганом клубы лессовой желтой пыли. Она пахла зовуще и терпко. К вечеру пыль укладывалась, и воздух становился прохладным и прозрачным. К горизонту тянулись лиловеющие горы, и последние лучи солнца алым пламенем зажигали песчаные холмы.

«Еще вдали убегает последняя ниточка поезда, но ворота уже пройдены»¹, — записал Николай Константинович.

От этих ворот они отправились к степям и пустыням Ордоса и Алашаня. «Уж так широка пустыня монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты или неожиданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красной шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?..

Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран Обо притаил камень чудесный. Везде прошел Эрдени Мори»².

Первая стоянка экспедиции была сделана в Цаган-Куре, около окраинных песков Гоби. Сотрудники экспедиции разместились в заброшенном монастыре, а Николай Константинович и Юрий Николаевич — в юрте, которая была поставлена во дворе монастыря. Снова началась работа трудная и напряженная. Наступало лето. Из пустыни дули раскаленные ветры. Днем жизнь замирала, но экспедиция работала.

Потом лагерь переместили в Тимур-Хада, на окраину Алашаньской пустыни. Среди скал поставили три палатки. Днем скалы раскалялись от зноя, ночами гулко и медленно остывали. На лошадей нападали мошки, машины часто выходили из строя, не выдерживая песчаных дорог пустыни. Время от времени поднимались песчаные

¹ Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 289.

² Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 135.

*Вверху: Н.К.Рерих. Монголия. 1938
Внизу: Знаки на камнях у Шара-Мурена. [1934—1935]*

бури, налетали на палатки, рвали их, стараясь снести. Днем становилось темно, тучи песка заслоняли солнце. Люди страдали от жажды и недосыпания. Ночами температура резко падала и ветер нес снег. Степи и пустыни Внутренней Монголии были суровы, неприветливы и мало приспособлены для жилья.

Поначалу казалось, что пустыни скрыли кучку людей от всех тревог и волнений мира. Но постепенно выяснилось, что край кишит японскими агентами, какими-то подозрительными людьми. Лагерь по ночам приходилось охранять. Опять понадобилось оружие. Экспедиция старалась не иметь дело с японцами, проникавшими сюда. Такая встреча ничего хорошего не сулила.

Вокруг бродили шайки неизвестного происхождения, ползли слухи об убийствах мирных жителей. Приходилось все время держаться настороже. Чтобы лучше себе все это представить, послушаем Н.Грамматчикова, который ведал в экспедиции транспортом:

«Уже затемнело, с большой скоростью въезжаем в Чапсер. Граница Китая и Монголии. Дальше ехать невозможно, темень хоть глаза выколи, дорога опасна. Приходится ночевать здесь, в этом пограничном селении, притулившемся своими серенькими глинобитными фанзами к горам с правой стороны ущелья. Шофер Сарат заезжает на один из постоянных дворов. Посреди ограды пылает солома, освещающая лица греющихся китайцев и монголов. Лица у всех бронзовые, красным отблеском костра поблескивают узкие, раскосые глаза.

Сарат пытливо всматривается в окружающих и вдруг, не говоря ни слова, резко дает задний ход и вылетает со двора.

— В чем дело?

— Мо байна.

Спорить не приходится, он местный житель, опытен, бывал во всяких передрыгах и каким-то шестым чувством стреляного воробья чувствует это “мо байна”.

Заезжаем во второй постоянный двор. Тут еще хуже, к автомобилю бросается какой-то китаец. Сарат делает крутой разворот и дает полный ход, китаец не успевает схватиться за дверцу и со страшными ругательствами остается во дворе. “Мо байна”. <...>

Едем в третий. Удастся занять какой-то сарай, холодный, насквозь продуваемый ветром, но все же есть крыша, а это большой плюс, так как если пойдет снег, то мы спасены от него.

Нашего каравана из двух грузовиков не видно и не слышно, где-то, видимо, отстали. Может быть, заблудились, потеряли дорогу, а может быть, там, около разбитой хунхузами деревни. Лучше об этом не думать. <...> Там наши теплые спальные мешки и пища. Мы не ели целый день, так как торопились. Все, что мне удалось достать, это несколько крутых яиц и чайник кипятку. Достаю две охалки соломы и делаю постель для Николая Константиновича, постилая ее прямо на остаток какого-то кана.

Николай Константинович укладывается на солому. Тушим свечку. Юрий Николаевич и я решаем по очереди дежурить.

— Спокойной ночи, — раздается из темноты.

То же спокойное “спокойной ночи”, как и в фешенебельном отеле, тот же ровный, спокойный, ласковый голос. Никакая обстановка, никакие обстоятельства не имеют значения для Николая Константиновича. Ночь проходит спокойно»¹.

Стилистические погрешности и некоторая сбивчивость в изложении не портят яркости зарисовок, сделанных Грамматчиковым. Они восстанавливают атмосферу экспедиции и те конкретные обстоятельства, в которых она существовала. Я привела только один эпизод. Но Грамматчиков сообщает и о других. Некоторые из них крайне значительны.

«В Тимур-Хада, — пишет он, — где-то в августе мы несколько раз встречались с японцами. Один раз в харчевне, заметив, что один человек, лежавший на кровати, похож на японца, я неожиданно для него сказал по-японски: “Здравствуйте!” Он встрепенулся и вопросительно посмотрел на меня. Но я ничего не сказал и вышел.

В другой раз, возвращаясь в лагерь (я был тогда на лошади), я заметил, как поблизости приземлился самолет с японскими опознавательными знаками. Подъехав поближе, я увидел, что из самолета вышли двое военных, а из люка был отчетливо виден станковый пулемет. Меня заметили, и я поспешно ретировался»².

Особенно боялись встретиться с японцами китайские ботаники, работавшие в экспедиции. Когда они далеко уходили от лагеря, Грамматчиков в паре с другим сотрудником охраняли их, вооруженные винтовками. Но экспедиция соприкасалась и с иной жизнью, той, которая шла своими неведомыми путями, оставляя после себя легенды и сказания. И опять, как тогда в Центрально-Азиатской экспедиции, легенды и жизнь сливались воедино. И легенда творила жизнь, а жизнь — легенду. От местного князя в лагерь пришел посланец и попросил, чтобы сотрудники экспедиции не трогали и не разбивали камень «с медным поясом».

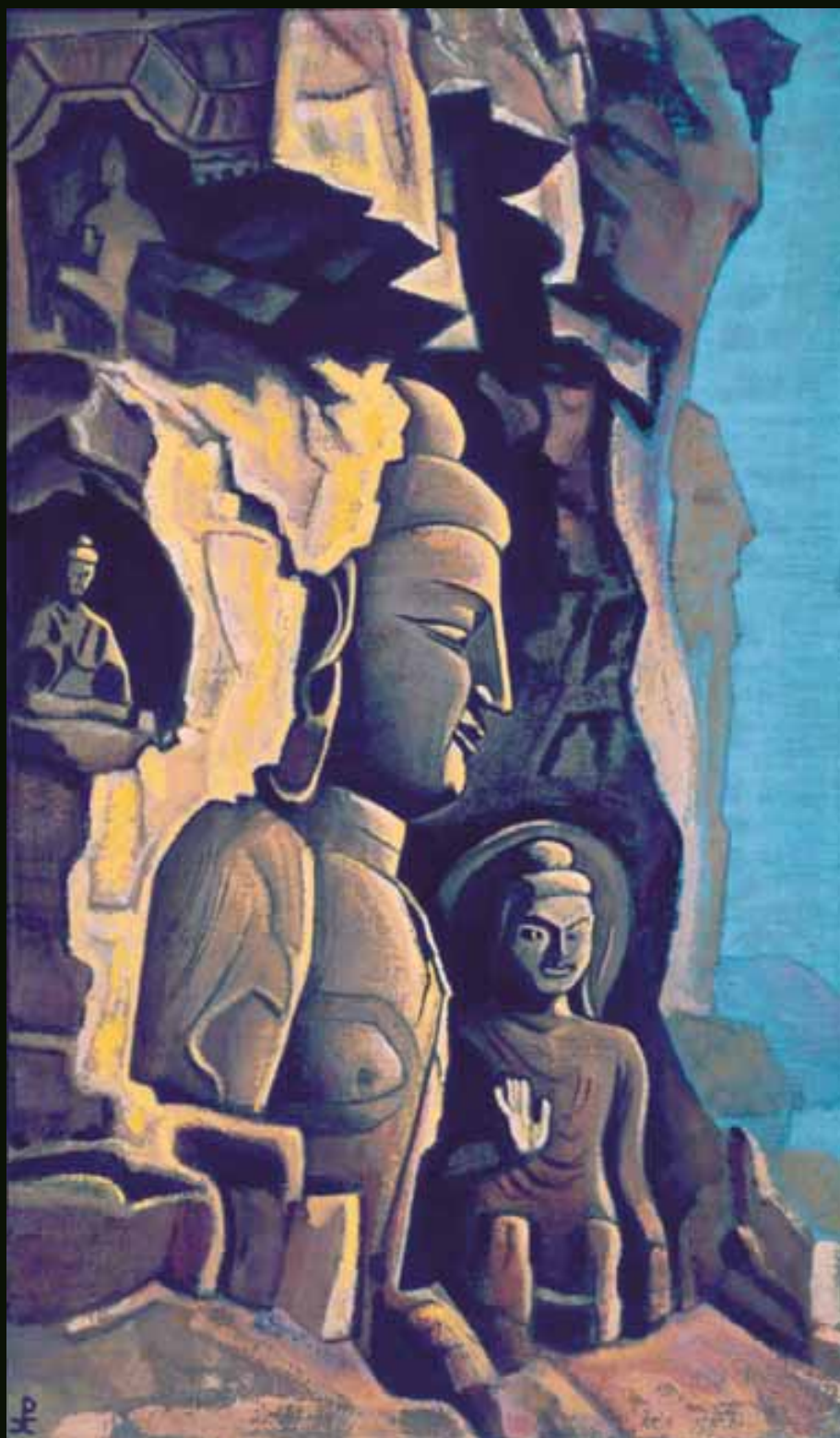
«Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест, — сказал посланец. — Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути»³.

И вновь здесь, в Алашаньской пустыне, своеобразным отзвуком прозвучала легенда, которая так широко была распространена в мире.

¹ Грамматчиков Н. Воспоминания о Н.К.Рерихе. Архив П.Ф.Беликова.

² Там же.

³ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 291.

Н.К.Рерих. Юэн-Канг. 1937

Н.К.Рерих. Великая стена Китая. 1935—1936

Возникало ощущение, что именно здесь легенда была сопряжена с реальностью. «В данном случае, — писал Николай Константинович, — новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно»¹. Такой же реальностью возникла среди раскаленных песков пустыни и Заповедная Страна. Монгольский князь вел с Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем длительные разговоры на эту тему. В его храме висела танка Шамбалы. Здесь рассказывали о Держателях, или Махатмах, со многими подробностями. Подробности были достоверными.

«Мы спросили: “А если они приезжают, то где они останавливаются?”

“Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От айла к айлу скачут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются среди пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие, долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода. <...> Сколько раз конь заржет неведомо от чего — может быть, их коней зачуял? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад; потом пес на них залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидят, что будто едет кто-то, а начнут слушать — ничего не слышать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения”»².

Однажды в пустыне около экспедиционного лагеря запахло фиалками. Запах был устойчивый и определенный. Никто ничего не мог объяснить. В пустыне не было не только фиалок, но и цветов, которые бы могли пахнуть. А через некоторое время около лагеря появился лама. Он разбил палатку неподалеку. К палатке потянулись со всех сторон паломники из окрестных айлов Цаган-Куре. Лама, приветливо улыбаясь, возлагал руки на их склоненные головы. Николай Константинович подолгу оставался в его палатке. Никто не знал, о чем они беседовали. Сам Николай Константинович об этом не написал. Грамматчиков с Чувствиным, одним из шоферов экспедиции, отрегулировали старенький автомобиль, на котором приехал лама. «Диву давались, как только на нем можно было ездить. Благо степь

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 291.

² Там же. С. 147—148.

широка»¹. Но лама ездил. Через несколько дней лама уехал. Больше в пустыне не пахло фиалками.

Палатка ламы на какое-то время отвлекла внимание монголов от юрты Николая Константиновича. Эта юрта пользовалась не меньшим уважением. Монголы называли Рериха «Ихи-Бакша» — «Великий Учитель». Возможно, они были правы. Сам Николай Константинович об этом никогда не упоминал. Великие Учителя о себе никогда не говорят...

Николай Константинович нанес несколько визитов местному князю. Его резиденция стояла в Батухалке. Рериха привлекал не только сам князь, с которым у него установились дружеские отношения, но и развалины древнего города неподалеку от княжеской ставки. Археология брала свое.

«Само Наран Обо, — писал он, — стоит на землях князя Дархан Бейле. К северу обозначаются развалины монголо-несторианского древнего города. Кроме китайских и монгольских наслоений в основании развалин найдутся и уйгурские начертания, да и кто знает первоначальную древность этих пустынных камней? К западу, говорят, находятся тоже развалины стана Чингисхана. Непременно нужно побывать там. Это место, по-видимому, нигде не описано. Да и как же обошлась бы именитая монгольская округа без великого имени Чингисхана? Там, среди каких-то развалин, виднеются и камни со знаками. Может быть, эти знаки-тамги, или надписи, дадут ключ к определению?»²

Он тщательно изучает развалины города в пустыне. Делает обмеры. Юрий Николаевич копирует надписи. Развалины сохранили немного. Осталась целой каменная черепашка, остальное лежало в руинах. Николая Константиновича привлекает больше всего слой XII и XIII веков, который несет на себе следы несторианского времени. Несторианский город связан с более ранним слоем. В какую глубину веков он уходит? И вновь размышления и предположения.

«Видим гробницы-саркофаги с несторианскими крестами, которые по своим орнаментам, по белому камню могли бы быть не только во Владимире и в Юрьеве-Польском, но и в Сан-Марко или в Вероне»³.

Он проводит раскопки в городе. В раннем слое находит неолитическую керамику с характерным веревочным и ямочным орнаментом. Он не спешит. Размышляет, сидя подолгу в развалинах. Мыслей много, и они не очень веселые. Развалины древнего города говорят о многом. О том, что цветущий некогда край превратился в бесплодную пустыню. Теперь у него есть научные доказательства, что пустыни —

¹ *Грамматчиков Н.* Воспоминания о Н.К.Рерихе. Архив П.Ф.Беликова.

² *Рерих Николай.* Врата в Будущее. С. 237.

³ Там же. С. 253.

это действительно болезнь Земли. Археология подтверждает это. Но болезнь можно лечить.

«Мне уже приходилось напоминать, — записывал он, — насколько точно и богато описаны теперешние, кажущиеся пустыни китайскими путешественниками. В то время описанные ими места, истинно, процветали. В раскопках мы убеждаемся, что они действительно могли процветать. Тем легче представить, что и новая эпоха возрождения — еще лучший расцвет — вновь возможен»¹.

Он думал о людской ярости, разрушавшей прекрасные творения рук человеческих. За этой яростью стояла война. Та самая война, дыхание которой он так ясно ощутил тогда в Токио, а позже в Харбине. Война, которая не пощадила белокаменные храмы этого города и тонко звенящий, почти прозрачный фарфор китайских ваз и статуэток. Она не пощадит и современные города. Прошлое возвращало его к настоящему. Так было всегда. Прошлое учило, но не могло научить тех, кто уже был отравлен ядовитым и губительным дыханием войны. Здесь, в развалинах города, в пустыне безвозвратно погибла какая-то частица человеческой культуры. Погибла навсегда. А если новая война? Что погибнет? В нем возникала боль. Временами она казалась непереносимой, и тогда он записывал торопливо, немного сбивчиво.

«Самомнители, о которых выше упомянуто, сидя в своих кабинетах, наверное, никогда не видали старинных развалин во всей их неприкрытости. Отурищенные (от слова “туристы”) башни рейнских и тирольских замков с их биргаллями не дадут того впечатления, как развалины в пустынных просторах, полные обломков и осколков, точно бы вражеская рука еще вчера яростно бушевала среди них. Такие вещественные кладбища являются лучшими свидетельствами о том, какова бывает ярость человеческая. Кто же решится утверждать, что ярость XIII века более сильна, нежели ярость, современная нам? Ярость есть ярость. Предательство есть предательство. Гнев есть гнев — вне веков и народов»².

Дыхание войны уже разъединяло страны. Япония и Германия кричали о своей исключительности, обособленности. Обе страны претендовали на чистоту культуры, на чистоту расы. Он немало повидал развалин на своем долгом пути. И нигде не нашел единой «чистой» культуры, которая бы принадлежала только одному народу.

Развалины, лежавшие сейчас перед ним, были многолики и многослойны. Они принадлежали Монголии, но в них были элементы и иных культур. Прошлое несло на себе печать тесных связей между разными народами, даже удаленными. Он всю жизнь искал то, что объединяло народы, а не разъединяло. Это была Культура. Она объединяла народы в прошлом, объединяет их сейчас и объединит в будущем.

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 240.

² Там же. С. 257—258.

Н.К.Рерих на маршруте экспедиции. 1934—1935

Сейчас, когда горячо задышала война, было очень важным вновь сказать об объединяющем начале, для которого был насущен мир и губительна война. Прошлое было чередованием мира и войны. Культура требовала продления периода мира и сокращения времени войны. Рерих поднялся и пошел по утоптанной тропинке, петлявшей среди развалин. Идти было почему-то тяжело. Годы давали себя знать. Ему было уже шестьдесят два. Ветер трепал седую бороду. Из пустыни несло сухим жаром. Он дошел до последних камней и снова сел. На память пришли строки из Вед, звучавшие как молитва:

«Пусть все сущие силы принесут нам мир. Путь Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир»¹. Затем, тяжело ступая, он двинулся к дороге, где его ждала машина.

Вечером в палатке, сидя на складном стуле, он писал: «Все археологические находки, единообразие многих необходимых типов, наконец, детали орнамента, ритуалов и прочих бытовых подробностей показывают не только общность общечеловеческих чувствований, но и несомненные, далекие сношения»². Поиски истоков культур, многокрасочные шествия народов отходили куда-то на задний план. На передний выдвигалось другое. Доказать историческую закономерность, необходимость связей между странами, между народами. Эти связи уходили в глубокое прошлое и поэтому были убедительны. Он продолжал писать: «Археология как наука, основанная на вещественных памятниках, сейчас является пособником в очень многих научных и общественных соображениях. Также и в вопросе о цене мира археология может принести много ценнейших признаков. Из давно забытых развалин, из заброшенных погребений, останков дворцов и твердынь могут быть принесены вещественные доказательства мирных международных сношений. В полуистертых надписях, в старинном иероглифе донесется сказание о том, как проникал на утлых ладьях и на истомленных конях человек в дальние страны не только в завоевательской ярости, но и в добром желании мирного обмена. Под этими сказаниями будут как бы приложены тоже вещественные печати, скреплявшие мирные человеческие договоры»³.

Археология является пособником... Именно здесь ему стало это ясно. Он взглянул на науку, которой он так долго занимался, по-иному. У нее появилась еще одна грань. Грань, которая так необходима, когда грозно и неотвратимо надвигалась война.

...Он распрямил затекшие ноги и вышел из палатки. Черный полог ночи, проколотый иголками звездных хрусталиков, простирался над беспредельностью степи. Там, где край полога соприкасался с го-

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 268.

² Рерих Николай. Нерушимое. Рига, 1936. С. 287.

³ Там же. С. 290.

ризонтом, невидимый лежал в развалинах древний город. Из пустыни дул холодный, пронизывающий ветер. Несколько снежинок опустилось ему на руку...

Он понимал, что эта Монгольская экспедиция для него будет последней. И, может быть, поэтому он работал неутомимее и напряженнее, чем делал это всегда. «Неутомимо и напряженно» — понятия растяжимые. Чтобы постичь их истинную суть, надо видеть, как это происходило. В Монгольской экспедиции было немало свидетелей его труда. Уже знакомый нам Грамматчиков писал:

«Послеобеденный час; жара — 160 градусов Фаренгейта. Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется. Точно умер, засох от этого раскаленного пекла. Даже монгольские привычные кони сбились под деревом и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкарку. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Николай Константинович, сидя на складном кресле или под деревом, или в юрте, работает...

Воеет страшный ветер, подымает тучи желтого песка, сдвигает, перевертывает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег. Холод проникает в каждую щель. Закутавшись, сидят члены экспедиции, стараясь согреться у печки. Николай Константинович под вой ветра диктует статью о чем-то высоком, прекрасном, добром.

С ревом несется по пустыне машина, пробегая милю за милей, идя к нужной цели. Несется час, два, десять, пятнадцать, семнадцать часов подряд. И шоферы и пассажиры утомлены. Засыпали по нескольку раз, просыпались, сидя старались расправлять затекшие члены, согреться. Все мчались и мчались в туманную даль. Тяжки монгольские дороги — редко, редко попадаетея коротенькая прямая, а потом опять начнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взбирается на горы, летит по долинам. Николай Константинович бросает несколько слов <...> и по его словам видишь, что он и тут работает. В этой гонке по монгольским степям ни на минуту не прерывается его мысль.

Тихо в лагере, на небе мерцают звезды, все спит. Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звезд кажущийся каким-то серым, неясным.

— Ну как, все благополучно?

— Все ладно.

Подошедший кивает головой на юрту Николая Константиновича:

— Спит?

— Нет.

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукам пустыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена.

— Спит?

— Нет.

Только под самое утро слышно ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из юрты — здоровый, свежий, бодрый»¹.

Рерих действительно работал, не теряя ни минуты. Вел экспедиционные исследования, писал очерки, рисовал. Он не был ботаником, но безошибочно находил нужные растения. Наблюдательный Грамматчиков сообщает о следующем эпизоде. «Кругом горы и степи; куда поехать, где найти интересующие нас виды? За день можно исколесить сотни миль и не найти ничего.

— Поезжайте за Олон Суме, на север, поищите там.

Еду на своем “додже” в указанном направлении. Могучая машина по гладкой степи проходит милю за милей, то взлетая на холмы, то спускаясь в распадки. Вот вправо остается Олон Суме. беру направление на север и несусь по прямой насколько возможно. Десять, пятнадцать, двадцать миль; монотонно гудит мотор. Сидящий рядом со мной в кабине китаец-ботаник напряженно всматривается в окно в мелькающие кустики и травинки. Нужно ничего нет, одна каргана да чай. Стараясь перекричать гул машины, ботаник кричит, что ничего мы в этой стороне, вероятно, не найдем. Цифра за цифрой ползет под зеркальным стеклом счетчика. Вдруг ботаник оживился, замахал руками, высунул в окно: “Стоп, стоп”.

Николай Константинович сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный вид агропирума. Сам он туда никогда не ездил»².

То, о чем он писал, всегда было тесно связано с жизнью. Из этой жизни он черпал мысли для своих очерков. Незначительные, с точки зрения других, факты обретали в его глазах иное, неожиданное значение и нередко служили отправной точкой для глубоких обобщений. Забарахла машина. Механик «потерял искру». Об этом сказали Николаю Константиновичу. В конце дня он уже диктовал очерк о том, что происходит с человеком, потерявшим искру духа.

Рисовал Рерих на ходу. Так было в Центрально-Азиатской экспедиции. Так было и в Монгольской. Он не обременял себя громоздкими принадлежностями, которые необходимы художнику. Он был художником походного типа. Техническая сторона его работы была облегчена до минимума. Но результат этой работы был максимальным, далеко превосходившим возможности обычного художника.

«Мне представлялось, — вспоминает Грамматчиков, — что такой великий художник должен иметь при себе целый арсенал художественных приспособлений: мольберты, эскизники и прочее. Оказалось

¹ Грамматчиков Н. Воспоминания о Н.К.Рерихе. Архив П.Ф.Беликова.

² Там же.

совсем по-другому. Едем на машине. Чувствин ведет, я рядом с ним как запасной. Николай Константинович, Юрий Николаевич и Моисеев на заднем сиденье. Николай Константинович во время пути вдруг просит Михаила остановиться. Выходит из машины, выхожу и я. Николай Константинович быстро осматривает местность. Вынимает из кармана небольшой кусочек картона, похожего на крышку от какой-то коробки, небольшой кусочек карандаша. Несколько минут работы. У каждой местности, пейзажа есть что-то свое, неповторимое. Настроение, дух — трудно определить, что это такое. Первый раз, когда я смотрел, как Николай Константинович наносит на картонку линии карандашом, то, к своему удивлению, увидел, что там присутствует и “это”. Несколько линий — контуры гор, всего несколько штрихов! Запечатлено все: конфигурация, настроение. Потом из этого, вероятно, возникнет полотно»¹.

Экспедиция подходила к концу. Из Америки шли тревожные известия. Один из американских дельцов и партнеров Рериха, Луис Хорш, обманным путем завладел пакетом акций, принадлежавших Нью-Йоркскому музею Рериха. Финансовая база Института Гималайских исследований оказалась существенно подорванной. Надо было возвращаться в Индию, в Кулу.

За год экспедиционных работ было сделано немало. Маршрут, по которому прошла экспедиция по Внутренней Монголии, включал Хинганский хребет, пустыни Гоби, Ордос и Алашань. Были проведены археологические исследования, собраны ценные старинные рукописи. Экспедиция обнаружила около 300 видов засухоустойчивых трав. Ее коллекция пополнилась лекарственными растениями и семенами. В сентябре 1935 года все экспедиционное имущество было погружено на пароход, отходивший от Шанхая.

Николай Константинович вновь увидел гималайские пики, бурный Беас и старинный дом, стоявший на склоне. Он начал работу в институте. Однако дела шли все хуже и хуже. Финансовая неустойчивость, созданная аферой Хорша, сказывалась самым отрицательным образом на работе института и его возможностях. С трудом удалось спасти Нью-Йоркский музей.

«...Загрохотали американские финансовые кризисы. Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение,

¹ Грамматчиков Н. Воспоминания о Н.К.Рерихе. Архив П.Ф.Беликова.

и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел доктор Бернард Рид, доказавший, что основы древнейшие весьма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет»¹.

Очерк, откуда была взята эта цитата, был помечен 1938 годом. В 1939 году началась вторая мировая война. Работа в институте совсем замерла. Опустели лаборатории, уехали иностранные сотрудники. Прервалась переписка. Исследования Гималаев были отложены на неопределенное время.

«Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава... Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре... Дальний Восток примолк... Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали. Кто жив, а кто перекочевал в лучший мир?.. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда?»²

Слова эти, сказанные Николаем Константиновичем в 1940 году, были печальны и горьки. Война разрушала все вокруг себя. Она обрекала на гибель и то, что с большим трудом он создавал в Гималаях. Но печаль или горечь, которые временами овладевали им, никогда не были безысходны. И фраза — «Будет что-то новое, но когда?» — оставляла какую-то надежду на будущее. Но в этом будущем уже не будет его. И он это понимал. Не будет его, но будут другие. Выживет Россия, пройдя через огонь и разрушения войны. Ей он оставлял все то, что создал, что накопил.

«Нынче исполнилось четверть века наших странствий, — писал он в 1942 году. — Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам»³.

Пройдет много лет, и из четверых, стоявших на Дозоре в далеких Гималаях, останется только один. Художник Святослав Николаевич Рерих. Помня о желании отца, он в 1974 году предложит советской

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 125.

² Там же. С. 199—200.

³ Там же. С. 245.

3. УРУСВАТИ

Академии наук возродить «Урусвати» и продолжить исследования Гималаев. Об этом много будут писать, говорить и докладывать на научных конференциях. Но пройдут годы, унеся с собой лучшие возможности. Нужное решение все будет откладываться и откладываться. «Будет что-то новое». На это он надеялся. И на вопрос: «...для кого же мы все трудились? Неужели для чужих?» — долго еще не последует ответа...

*Н.К.Перих
с участниками
экспедиции
1934—1935*

Глава четвертая

ЗНАМЯ МИРА

Могут наступить времена ужаса и тяжелейших бедствий. И если среди бедствий еще будет возможно некое счастье, то единственное духовное счастье, обращенное назад, к спасению культуры минувших эпох, и обращенное вперед, к бодрому и деятельному самовыявлению духа среди такой эпохи, которая в противном случае всецело подпала бы под власть вещественного.

Г.Гессе

Тогда, на развалинах древнего монгольского города, Николай Константинович размышлял о Мире и Войне. Размышления эти были не случайные. Просто развалины лишней раз подтверждали то, о чем он задумался сразу после возвращения из Центрально-Азиатской экспедиции. Там он занимался другими вопросами, которые, казалось бы, не имели отношения к тому, что его тревожило сейчас. Но это только казалось. Уже тогда он ощутил, что приближается время испытаний. Приближается быстро и неумолимо. Он помнил бессмысленный ужас первой мировой войны. Он помнил, как под бомбами и артиллерийскими снарядами гибли бесценные памятники культуры и умирали люди. Что можно было тогда сделать?

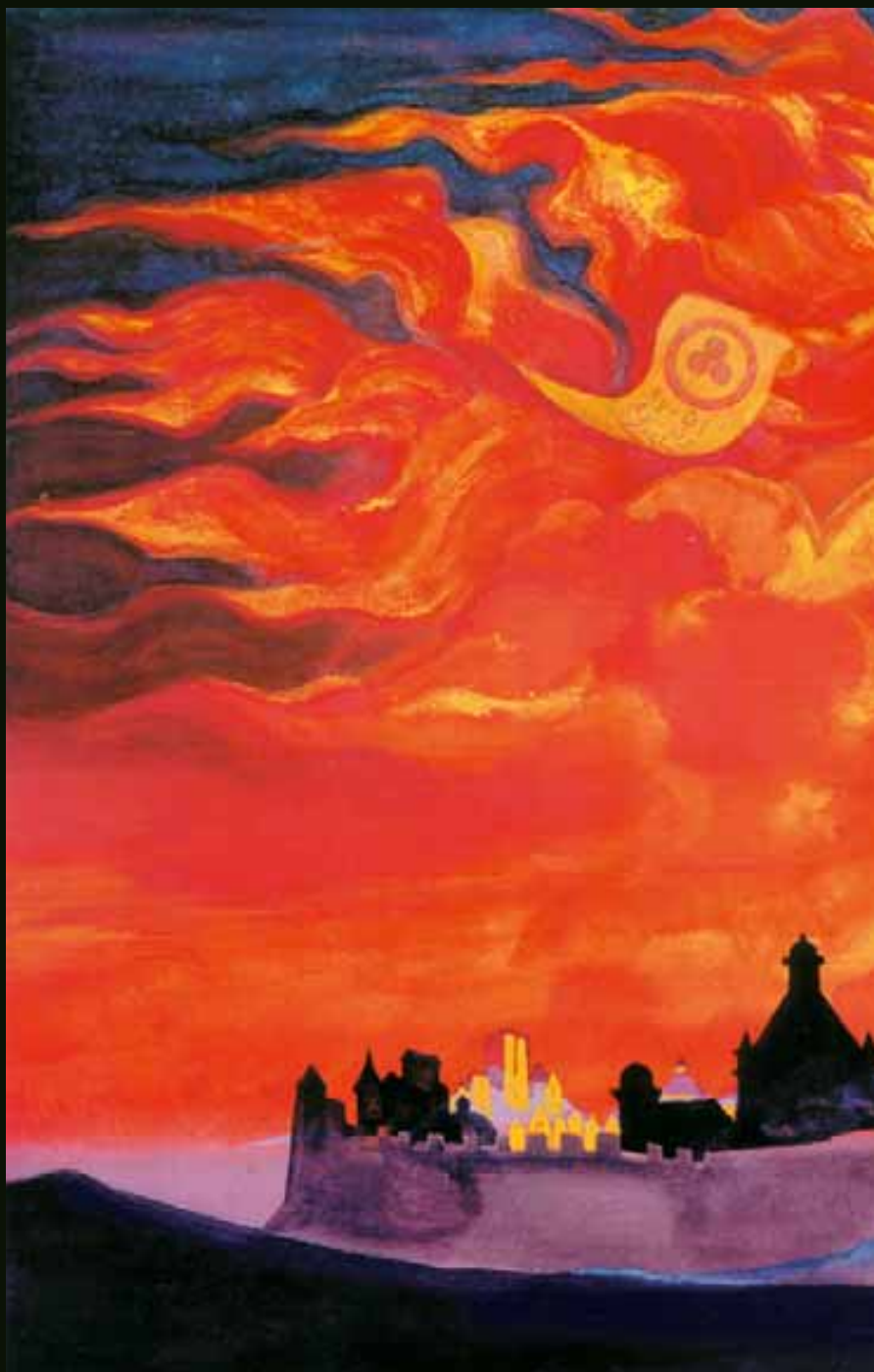
Красный Крест охранял людей, хотя бы тех, кто нуждался во врачебной помощи, кто находился в госпиталях. Охранял, прав-

да, не всегда. Ярость войны не считалась даже с Красным Крестом. Памятники же культуры оказались полностью беззащитными перед этой яростью. Рушились старинные соборы Европы, горели картины, статуи превращались в мраморную пыль. Гибло то, без чего не могли существовать человеческая культура и человеческий дух. Война уничтожала материальную основу этого духа. Она отбрасывала человечество назад, затрудняя его продвижение к будущему. Она грабила это будущее, стараясь ничего не оставить грядущим поколениям. Тогда, в военном, несытом Петрограде 1914 года, городе, наполненном эшелонами с ранеными, ему пришла в голову мысль, поразившая его своей непреложностью и несомненностью. В этой кровавой бойне, в разгуле разрушений надо уберечь памятники культуры, ибо без них нет будущего.

Но в то время его никто не хотел понимать. Его предложения о необходимости для воюющих сторон соглашения о защите исторических и культурных памятников были выслушаны вежливо, но холодно. Высокие правительственные чиновники, с трудом подавляя ироническую усмешку, объясняли ему бессмысленность и ненужность его предложений. При чем здесь памятники? О какой культуре может быть речь, когда нанесен урон национальному престижу России? Престижу царского двора и военного министерства. Русское правительство будет разговаривать с Германией только языком пушек. Никаких переговоров и соглашений. Даже если это касается нетленных культурных сокровищ человечества. Человечество — это абстракция. Есть сокровища Германии, есть сокровища России. Путь каждая страна сама о них и заботится. Если есть в этом необходимость.

Русское правительство для себя такой необходимости не видело. У него были дела поважнее. Тогда попытка Рериха потерпела явную неудачу. Видимо, он допустил какой-то тактический промах. Слишком поздно он предложил свое решение. «Когда говорят пушки, разум молчит» — он хорошо знал это.

Теперь он ставил вопрос намного шире. Миру нужен был мир, а не только соглашение о неприкосновенности памятников культуры. Неприкосновенной должна быть и жизнь человека. Иначе потеряет смысл культура, исчезнет красота. Наступит новое одичание. Бездуховность возьмет верх. Земля болела не только пустынями, песчаными язвами, съедавшими плодородную почву. Пустыня наступала и на человеческий дух, превращала душу человека в раскаленную пустоту и выжигала его сердце. На Землю наступала пустыня, на человека — бездуховность. Земля и человек были больны. Человек, спровоцировавший болезнь планеты, теперь сам начинал болеть. Ибо планета и человек были тесно связаны друг с другом. Они влияли друг на друга, поддерживали или губили друг друга в своем совместном космическом странствии.

Н.К.Рерих
София Премудрость
1932

Болезнь к человеку подкралась незаметно. Она зрела сначала в недрах страшного экономического кризиса, потрясшего, казалось бы, стабильный мир капитализма. Кризис выплеснул наружу болезнь. Она загремела сапогами по камням мостовых сонных и уютных немецких городов. Затрепетала на свастиках нацистских знамен. Забилась в истеричных криках о расовом превосходстве. Поползла током по проволочным заграждениям концлагерей. Германия и Япония задышали войной. Там подняли голову те, кого Рерих называл силами Тьмы. Называл правильно и точно. Тьма несла войну, разрушения, человеческие страдания, гибель культуры. Тьма возникала и клубилась над выжженной пустыней человеческой бездуховности. Она угрожала миру. Ей могли противостоять только силы Света. Этот Свет он видел на севере, там, где лежали огромные просторы России. Но он понимал и другое. Сложный процесс борьбы Тьмы и Света государственными рубежами не ограничивался. Эта борьба не знала границ. Ее линия была извилиста и причудлива. И даже там, откуда, казалось, должен бы идти Свет, становилось темно, и бездуховность душила культуру, и невежество уничтожало лучшее, чем по праву мог гордиться любой просвещенный народ.

Ключая проволока концлагерей черной паутиной легла на Россию. Ночами тьма гремела расстрелами. Горячий опустошающий ветер войны уже дул на улицах Токио и Берлина. Шеренга за шеренгой уходили в неведомую даль одетые в хаки японские солдаты. Грохотали барабаны на улицах Берлина.

Многие не хотели этого видеть. Газеты сообщали о пышных правительственных приемах, о новых танцах, об оргиях, в которых принимали участие высочайшие особы. Кабаки и рестораны распахивали гостеприимно двери перед толпой, жаждущей удовольствий и забвения. Металлически звучали новые ритмы странной музыки. Прогрывались целые состояния на скачках. Вспыхивали краткой славой кинозвезды и скатывались куда-то в неизвестность. Мир начинал сходиться с ума. Манящий запах войны, запах вседозволенности и насилия уже пьянил головы сильных мира сего.

Рерих понимал, что самое важное сейчас не дать разгореться новому пожару. Теперь маршрут его Великого путешествия пролегал по дымящимся полям современной цивилизации. Кое-где уже поднимались языки пламени. Он понимал всю опасность происходящего, но с маршрута не сходил. Как не сошел с маршрута в ледящих просторах Тибета и в Синьцзяне, устояв перед лукавыми и жестокими его правителями. Великое путешествие имело самую важную и самую желанную цель — мир. Много ли может сделать один человек и даже группа людей для этого? Видимо, много, если они поймут, что никто за них этого не сделает. Если осознать, что ответственность за мир — твоя личная ответственность. Если не думать о том, что от тебя не зависит, а реализовывать то, что зависит. Если не раздумывать, а действовать.

Этих «если» много. И за каждым из них — личная ответственность и личный долг. Он принял на себя и то и другое. Те, которые время от времени возникали из глубин Гималаев, настаивали на этом. Они лучше, чем кто-либо, понимали, что происходит в мире и чем все это может завершиться. В деле Мира им нужны были помощники и нужен был Дозор. Он принял на себя эту службу Дозора. Приняли все четверо.

Когда-нибудь станут известны все подробности Дозора, и тогда мы сможем по достоинству оценить сделанное. Теперь же можно сказать только о том, что оставило свой след в публикациях, картинах и официальных действиях. Рерих поднял знамя, на белом полотнище которого алела окружность, объединившая в своем центре три круга: Прошлое, Настоящее и Будущее. Единство времени, единство пространства, единство действия. Точный и выразительный символ, названный Знаменем Мира. Символ не был придуман художником и был древен, как сама Земля. Не всегда объяснимый и загадочный, он возникал в самых неожиданных и удаленных друг от друга местах. На древних камнях Монголии и на тамгах Тамерлана, на плате Сергия Радонежского и в витражах готических соборов, на фронтонах буддийских монастырей и на мечях тамплиеров, на щитах каменных стел Европы и на менгирах Алтая и Гималаев.

Знак этот, пришедший из далекого прошлого, трактовался, видимо, по-разному в разные эпохи. Но он обладал удивительным качеством обновления. В нем была заложена какая-то истина, которая позволяла каждой эпохе видеть в нем свое и принимать его.

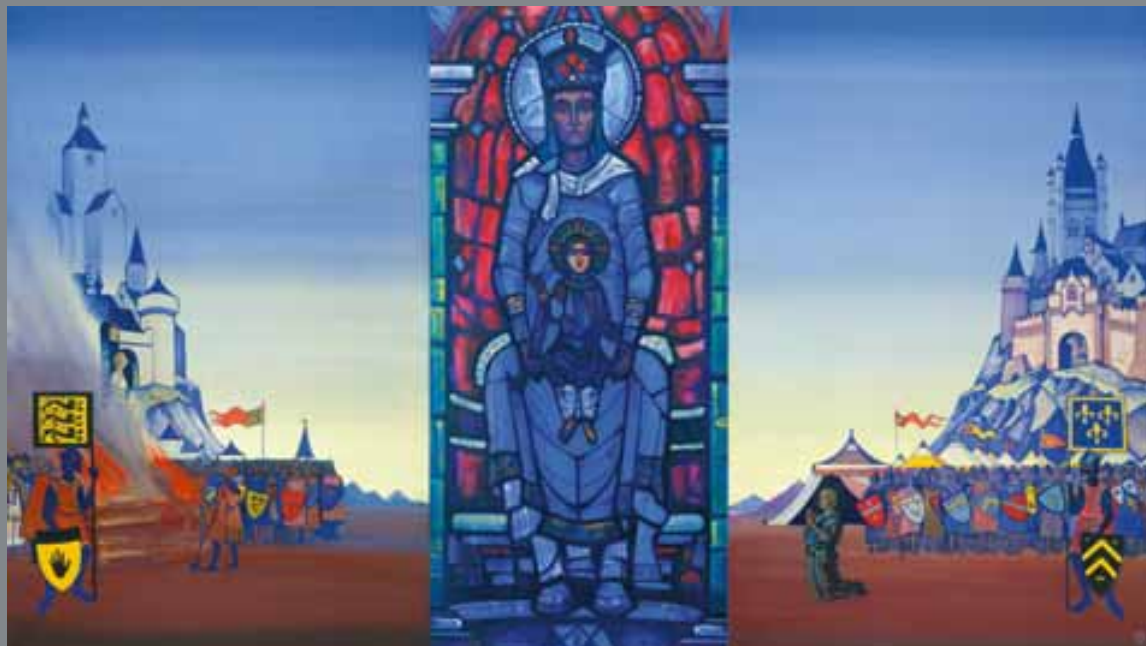
Ни Знамя, ни те, кто стояли за ним, не могли предотвратить войны. Для этого требовались усилия всего человечества. В своих публикациях Николай Константинович призывал к этим усилиям. «Но будем твердо знать, — писал он, — что даже Мир всего мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего самого высокого и самого лучшего именно своевременно и облегчает пути кратчайшие»¹.

Ситуация, которая складывалась в мире, воспринималась им вполне четко и точно. Он понимал, что в этой надвигающейся войне сойдутся два лагеря, два мира. Эти лагеря можно было называть по-разному. Светлый и темный. Старый и новый. Лагерь прогресса и лагерь реакции. Но от названия суть противоположных лагерей не менялась. Не менялась и суть расколотого мира. «Истинно раскололся мир по границе сотрудничества, созидания, с одной стороны, и по злобе, разрушению, разложению по другую сторону»².

С 1931 года Россия вновь появляется на его полотнах. «Земля Славянская», «Святой Сергей», «Сергиева пустынь». С годами коли-

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 20.

² Рерих Николай. Священный Дозор. С. 25.

Н.К.Рерих. Жанна д'Арк. Триптих. 1931

чество таких картин увеличивалось. На полотне «Святой Сергий» был тот же знак — три круга. Они возникали и на других его картинах: «Знамя Мира», «Мадонна Орифламма», «Меч Мира», «Святая защитница». Три круга горели и на короне мадонны с младенцем в центральной части триптиха «Жанна д'Арк». Справа от центральной фигуры — замок. Около замка сдвинутые ряды воинов. Щиты с гербами выставлены вперед, лица неясны, как будто размыты. На переднем плане — молящаяся Жанна. Слева — тот же замок, видимо, те же воины и простоволосая Жанна в пламени и дыму мученического костра. Через несколько лет после создания этого полотна он напишет:

«Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за Мир всего мира. Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк»¹.

«Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк». Что за этим стояло? Предостережение кому и о чем? Но ведь Жанну сожгли. Тогда почему «никто не имеет права...»? Не имел права? С этим можно согласиться. Это было в прошлом. Но «не имеет права» — это в настоящем. Каким же образом Жанна, сгоревшая на костре в мае 1431 года, оказалась связанной с этим настоящим?

¹ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 289.

Н.К.Рерих. Жанна д'Арк. Молитва. Правая часть триптиха

Н.К.Рерих. Жанна д'Арк. На костре. Левая часть триптиха

Кое-что стало ясно, когда поднялся гибельный огонь войны, и Европа горела в костре этого огня так же мученически и страшно, как горела Жанна несколько веков назад. «Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк» — слова упали в пустоту. Их великий смысл тогда не был понят, как не был понят и смысл самого триптиха.

Много лет спустя, в 1979 году, Франция будет отмечать 550 лет со дня освобождения Орлеана от английских захватчиков¹. По улицам города на коне проедет Жанна д'Арк, за нею — рыцари, законные в латы. Будут развеиваться знамена времен Столетней войны. И, осененные ими, пройдут ветераны Второй мировой войны. Жанну д'Арк и ветеранов свяжет одна и та же дата. 8 мая. 8 мая 1429 года и 8 мая 1945 года. 550 лет и еще 34 года. Две годовщины. Одна — освобождение Орлеана, другая — освобождение Франции от немецких оккупантов. Две совпавшие даты. Каждое совпадение имеет свою закономерность. В нем странным образом проявляется взаимодействие Прошлого, Настоящего и Будущего.

Дом, из которого ушла Жанна, чтобы ценой своей жизни спасти Францию, был разрушен бомбой последней войны. Орлеан во время Столетней войны был последним бастионом французов. Демаркационная линия этого бастиона прошла по Луаре. Тогда эту линию определил позорный договор, заключенный с англичанами в Труа французским королевским двором. Двор предал Францию. По той же Луаре пройдет и демаркационная линия, разделяющая германский рейх и петеновскую Францию. Петен не заключал договора в Труа. Он заключил его в другом месте. Петен предал Францию в 1940 году. Опять совпадение.

Жизнь Жанны д'Арк была стремительной, героической и трагической. История не знает другого такого примера. В семнадцать лет она покинула дом, в девятнадцать, преданная своим королем, сгорела на костре. Сгорела за Францию, за два года успев изменить ход Столетней войны в пользу своей страны. Она была как будто запрограммирована кем-то на это свершение. Ее судьба была похожа на судьбу звезды. Она ярко вспыхнула на небосклоне Столетней войны и была разрушена предательством. Но света ее хватило на века.

Из беседы с мсье Шаро, хранителем музея Жанны д'Арк: «...когда французские солдаты проходили мимо этого домика (Жанны д'Арк. — Л.Ш.) в 1870 году, потом в 1914 году, потом в 1940 году... это я уж и сам помню... так они отдавали честь Жанне д'Арк. Они шли защищать Францию, месье. И всегда в одну и ту же сторону: к немецкой границе»².

О Жанне д'Арк написано много. Нет необходимости повторять все подробности этой великой и короткой жизни. Но кое-что стоит напомнить. Она была простой французской крестьянкой. Вместо под-

¹ Сабов А. Жанна д'Арк и Европа // Новый мир. 1980. № 9. С. 186.

² Там же. С. 202.

писи ставила крест, потому что была неграмотной, как и большинство крестьян. В 1428 году ушла из родительского дома в Домреми, чтобы освободить Орлеан. Весь север Франции к тому времени был уже под властью английской короны. Она явилась в замок Шинон, где находился дофин Карл, безвластный и издерганный борьбой за престол, интригами королевы-матери и поражениями в Столетней войне.

Жанна въехала в замок на белом коне, в белом одеянии, на ее стяге красовалась белая лилия. Она походила на посланницу какого-то иного мира. Какого именно — дофин не знал и принял все за маскарад. Жанна сразу узнала дофина, хотя никогда его не видела. Ни знаками, ни одеждой дофин не выделялся из толпы придворных. Вместе с дофином она отправилась в Пуатье, где ее долго допрашивали члены парламента и ученые мужи. Она произвела на них впечатление и своей внешностью, и тем, что хотела снять осаду с Орлеана, короновать дофина и освободить Францию от захватчиков.

У нее требовали знаки, удостоверявшие ее миссию. Наконец Жанна не выдержала: «Именем Бога заклиная вас: я пришла в Пуатье не затем, чтобы представлять вам какие-то знаки; отправьте меня скорее в Орлеан: там я представлю знаки, ради которых я явилась! Дайте мне столько людей, сколько вы посчитаете нужным, и я пойду в Орлеан!»¹ Она спешила, ибо знала, что у нее мало времени. Ей дали небольшое войско. Дали просто так, из интереса. Ей никто не верил.

Девять дней Жанна вела сражение. На десятый день защитники Орлеана увидели поразительную картину: английская армия отходила от стен города. Это было 8 мая 1429 года. События последующие известны. Жанна освободила Реймс, и там, в Реймском соборе, был коронован слабый, слезливый дофин. Он стал королем Франции Карлом VII.

Франция, получив законного короля, обретала себя. Так был устроен мир тогда. В стране стал пробуждаться высокий дух национального сознания. Трудно не согласиться со словами: «...в пробуждении французского национального самосознания Жанна д'Арк сыграла решающую роль»².

Именно это самосознание заставляло французов в 1940 году уходить в маки, чтобы там продолжать борьбу против фашистских оккупантов. Именно это самосознание двигало Де Голлем, когда в далекой Африке он собирал отряды «Свободной Франции» и заключал союз с антифашистской коалицией. «У человечества не так уж много общепризнанных героев, снискавших любовь разных народов; Жанна д'Арк, несомненно, одна из них. Такие имена-символы, будто исторический код, зашифровывают в себе историю, дух, характер нации, легко передаются от народа к народу, помогают им лучше узнавать и ценить друг друга»³.

¹ Сабов А. Жанна д'Арк и Европа. С. 189.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 200.

Да, Жанна д'Арк действительно «зашифровала» в себе историю. И расшифровка эта длится по сей день. «Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк на костре». Но тогда, в 1431 году, ее все-таки сожгли. Сожгли героиню Франции, ее символ. Посаженный Жанной на престол король остался единственным символом страны. Такова была его воля. Но символ был запятнан подлостью, человеческой низостью и предательством. Бывший дофин отдал Жанну в руки английского короля. Полгода она была заточена в башне Руанского замка. И не ее ли изобразил Рерих на картине «Пленница»? Первый раз в 1909 году, второй — в 1937-м. Печально опущенная голова молодой женщины, сидящей на холодном каменном полу. Тяжелая цепь, сковывающая руку. Тусклый свет льется из круглого окошка, похожего на бойницу башни. Каменные ступени, ведущие к выходу. Крепкая, обитая железом дверь.

Если это эпизод из жизни Жанны д'Арк, то в картине, написанной в 1937 году, содержится предупреждение. Предупреждение Франции, через три года преданной своими правителями и ставшей пленницей фашистского рейха. В полотне была зашифрована история. История прошлая, настоящая и будущая.

«Англичане поставили, — пишет А.Сабов, — перед трибуналом задачу: обвинить Жанну д'Арк в ереси, возвести ее на костер и таким образом объявить коронацию Карла VII делом рук дьявола. Иначе сказать, снова лишить Францию короля, независимости, снова простереть над ней английский стяг.

Это был последний бой Жанны д'Арк за Францию. Потомки знают: она его выиграла»¹.

Да, она его выиграла. Выиграла, когда горела в костре на площади перед Руанским замком. Выиграла, сражаясь с фашизмом.

Особенностью таких личностей, как Жанна д'Арк, является то, что их дела и даже смерть продолжают жить не один век и помогают людям осмыслить те общечеловеческие идеалы, за которые эти личности боролись и гибли. Они меняют ход истории, облегчая всегда победу светлого над темным. Они действительно «зашифровывают в себе историю» и обладают пока труднодостижимой способностью управлять этой историей.

Главный вывод автора исследования не вызывает сомнений. Жанна д'Арк сохранила для Европы Францию и помешала возникновению объединенного англо-французского государства под эгидой Англии. Она сохранила ту демократическую Францию, которая в тревожной послевоенной Европе придерживалась политики разрядки, равновесия, сотрудничества и взаимоуважения. «В разные века, — пишет в заключение автор этого удивительного исследования, — она прошла

¹ Сабов А. Жанна д'Арк и Европа. С. 193.

Н.К.Рерих. Матерь Мира. Вариант. Без даты

Н.К.Рерих. Мадонна Орифламма. 1932

через костры, тюрьмы, расстрелы, но палачам ни разу не удалось заставить ее отречься от своей судьбы, своих идеалов. И в этом вся Жанна д'Арк, простая и величественная, ясная и непостижимая. <...> Она была патриотом и потому была интернационалистом»¹.

«Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк». Слова простые и ясные. Но в них заложен великий смысл. Зашифрована сама история. Те, кто жгли Жанну д'Арк на костре, сжигали мир, сжигали человечество. «Никто не имеет права...» — написал Николай Константинович. Три красных круга на Знамени Мира. Три круга на короне скорбящей мадонны с лицом простой крестьянки. Именно Жанна д'Арк встала вместе с ним на Дозор Знамени Мира. Поэтому он и написал это полотно. Рерих понимал «шифр истории», умел предвидеть события и находить им точное место во Времени.

Три красных круга на Знамени Мира. Голубь на знаменах и эмблемах тех, кто будет бороться за мир в послевоенном неустойчивом мире.

Король Франции, который предал Жанну д'Арк и послал ее на костер, не был окончательно лишен чувства благодарности. Он щедро наградил ее. Пожаловал ей, крестьянке и простолюдинке, личный герб. Это был единственный случай в истории средневековой Европы. Герб читался так: «На лазоревом поле золотой меч, сопровождаемый двумя золотыми цветками лилий и поддерживающий золотую корону»². Жанна герб не приняла. Она осталась верна своей старой эмблеме — голубю мира. Этой же эмблемой метился таинственный Камень Грааль, пришедший из Заповедной Страны. Еще одно совпадение?

Размышления, статьи, картины. Но Николай Константинович понимал, что этого недостаточно. Нужны какие-то действия, и в первую очередь в защиту культуры в надвигающейся войне. Идея была не нова, и он надеялся, что на этот раз успеет. Он предложил пакт, который впоследствии стал Пактом Рериха. Трудности и препятствия, естественные в таком деле, его не останавливали. «Вспомним еще раз, — писал он, — с какими незаслуженными трудностями в свое время было сопряжено проведение в жизнь Красного Креста. Потому не убоимся никаких трудностей и соберем все творческие усилия, чтобы и Красный Крест Культуры широко вошел в жизнь, и Знамя — охранитель всех культурных сокровищ — широко развевалось над всеми очагами знания и искусства»³. Проект Пакта был разработан в 1929 году. «Образовательные, художественные и научные учреждения, — говорилось в нем, — художественные и научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейт-

¹ Сабов А. Жанна д'Арк и Европа. С. 204.

² Левандовский А. Из истории геральдики // Наука и жизнь. 1979. № 3. С. 92—96.

³ Рерих Николай. Священный Дозор. С. 116.

ральными и как таковые будут под покровительством и уважаемы воюющими. Покровительство и уважение в отношении вышеназванных учреждений и миссий во всех местах будут подчинены верховной власти Высоких Договар[ивающихся] Сторон без всякого различия от государственной принадлежности какого-либо отдельного учреждения или миссии. <...> Учреждения, коллекции и миссии таким образом могут выставить отличительный Флаг <...> который даст им право на особенное покровительство и уважение со стороны воюющих Государств и народов всех Высоких Договар[ивающихся] Сторон»¹.

Идею Пакта поддержали все те, для кого был дорог мир и ценности человеческой культуры. Рабиндранат Тагор и Сарвапалли Радхакришнан, Ромен Роллан и Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн и Герберт Уэллс. Вот далеко не полный перечень имен деятелей культуры, связавших себя с Пактом. Был создан Постоянный комитет Пакта в Нью-Йорке. Затем возникли комитеты в Париже и Брюгге. О Пакте заговорили в Лиге Наций. Сторонники Пакта несколько раз собирали международные конференции. В 1935 году в Вашингтоне Пакт подписали государства Америки. «В Белом доме сегодня, — записывал Николай Константинович, — с участием президента Рузвельта подписывается Пакт. Над нашим байшином уже водрузилось Знамя. Во многих странах оно будет развеваться сегодня. Во многих концах мира соберутся друзья и сотрудники в торжественном общении и наметят следующие пути охранения культурных ценностей.

Не устанем твердить, что кроме государственного признания нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми»².

Тогда, в те тревожные предвоенные годы, не все правительства считали Пакт Рериха чем-то важным. Не подписало его и правительство СССР. Человечеству планеты понадобилось пройти через огонь и разрушения войны, через уничтожение ценностей культуры, чтобы понять, как важен был Пакт Рериха, какой большой смысл в себе заключал символ Знамени Мира.

В апреле 1954 года в Гааге под эгидой Организации Объединенных Наций собралась международная конференция. Через месяц конференция приняла конвенцию «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». В дальнейшем конвенцию подписали представители пятидесяти шести государств, в том числе и Советский Союз.

«В отношениях между Державами, — говорилось в конвенции, — которые связаны Вашингтонским Пактом от 15 апреля 1935 года о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а так-

¹ Сб.: Знамя Мира. М.: МЦР, 2005. С. 31.

² Рерих Николай. Нерушимое. С. 152.

же исторических памятников (“Пакт Рериха”), и которые являются сторонами в настоящей конвенции, эта последняя дополнит Пакт Рериха»¹.

Знамя Мира получило международное признание. Но того, кто поднял его, уже не было в живых. Однако такие, как он, продолжают жить и после смерти. В этом заключается особенность Духа, стоящего на великом Дозоре.

Н.К.Рерих. Знамя Мира «Pax cultura». 1931

¹ Н.К.Рерих: Жизнь и творчество. М., 1978. С. 186.

Глава пятая

ВЕСТЬ ТИРОНУ

Отец Иаков в придачу к своей солидной учености был не только мудрым созерцателем, но и деятельным созидателем; он использовал место, на которое его поставила судьба, не для того, чтобы услаждаться уютом созерцательного существования, но отворил свою ученую келью всем ветрам мира и открыл свое сердце бедам и чаяниям своей эпохи, он сам был участником событий своего времени, он нес свою долю вины и ответственности за них; он не только трудился над обзорением, упорядочением, обзорением, упорядочением, осмысливанием давно минувшего и имел дело не только с идеями, но и преодолевал строптивное сопротивление материи и людей.

Г.Гессе

Считается, что вторая мировая война началась в 1939 году с нападения Германии на Польшу. Этой дате предшествовало Мюнхенское соглашение, оккупация немцами Австрии и Чехословакии, бои на полях Китая, захват Абиссинии и, наконец, трагедия Испании. Ни одно из перечисленных событий не носило глобального характера, но каждое из них приблизило Большую Войну.

В 1936 году Рерих понял ее неизбежность. Уже возник союз Германии и Японии, обрушились итальянские бомбы на абиссинские деревни, и фашист Франко стал душить Испанскую республику. И Рерих назвал этот год годом Армагеддона. По имени той великой битвы, которую пророчили человечеству древние писания. В 1936 г.

*Н.К.Рерих
Армагеддон
1936*

он написал картину, которая так и называлась — «Армагеддон». Он изобразил объятые пламенем башни и стены старинного города. Красно-оранжевые клубы дыма плыли над людьми, уходящими из этого раскаленного ада. Их фигуры, похожие на черные скорбные тени, резко выделялись на багровом фоне бушующего пожара. Шли старики, опирающиеся на палки, женщины, успевшие унести на плечах какой-то жалкий скарб, спотыкаясь, брели полуослепшие дети. Картина как бы безмолвно кричала. И это был крик страдания и муки. Потом он повторит ее в 1940 году и в 1941-м. А изображение на картине станет реальной жизнью. Из горящих, рушащихся городов будут так же уходить обездоленные люди. Они станут погибать и умирать на жестоких дорогах войны, будут терять детей, терять рассудок. И это произойдет не только в Испании, Китае или Абиссинии. Вся Европа превратится в такой же пылающий, гибнущий город, и люди, похожие на тени, начнут метаться в поисках защиты и крова. И грозное и безжалостное слово «Армагеддон» встанет над ними пророческой неизбежностью.

Пророческие вести шли в Кулу из Заповедной Страны. «Вот приближается замечательный год <...> но замечайте происходящее непредубежденно. <...> Голуби принесут вам не только масличную ветвь, но и лист дуба и лавра. <...> Именно неизменны сроки великого знания. <...> Сроки ткнут ткань мира. <...> Много одежд и покровов, но смысл един. Наступает год предуказанный»¹.

Великие Души говорили образно — «не только масличную ветвь, но и лист дуба и лавра». «Лист дуба и лавра» были военными символами. «Планета тяжело больна. Равновесие мира, — писал Николай Константинович, — держится лишь одной страной, и радостно, что там кипит строительство»².

Но он понимал, что это равновесие неустойчиво. И времени оставалось совсем немного. «Планета тяжело больна». Свастика над Берлином, мерная поступь тяжелых солдатских сапог, костры из книг, ученые и писатели за проволокой концлагерей. Разрушение культуры, унижение человеческого достоинства...

Игра на самом низком в человеке: страхе, угодничестве, мстительности, мелком властолюбии, жестокости, алчности, равнодушии. Поощрение невежества души и интеллекта. Невежество шло в паре с насилием и было неразрывно связано с ним. Насилие рождало кровавые и фантазмагорические сны о человеке без души и сердца, без прошлого, без культуры.

«Планета больна!»³ Он кричал, но его не слышали, как не слышали и других, подобных ему. Не хотели слышать и не хотели видеть, что происходило.

¹ Мир Огненный, III, 488.

² Рерих Н.К. Обитель Света. М.: МЦР, 1992. С. 56.

³ Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 291.

Правительства стран, где еще сохранялась демократия, потворствовали Германии. Они закрывали глаза на ее агрессию, на ее претензии. Они посмеивались над ее фюрером, не принимая его всерьез. «Не самим ли придется ужаснуться рушениям и обвалам, к которым они приложили руку?» — с болью и гневом спрашивал Рерих. Но ответа не было. В репродукторах гремели речи фашистских вождей, немецкий язык, итальянский, японский. Тьма покрывала планету. На лесистой горе Броккен люди, одетые в длинные средневековые мантии, скрывая свои лица под театральными масками, творили зловещие и непонятные ритуалы черной магии. Из каких мрачных погребов Истории они ее извлекли? В каких покрытых плесенью рукописях они вычитали заклинания и проклятия? Тьма Средневековья опускалась на Европу. Она дымилась над его Родиной.

Над планетой встал призрак костров инквизиции, на которых когда-то жгли несогласных и еретиков. Рерих понимал, что в битве против Тьмы побеждает только Свет. Яркий и сильный. Он считал Армагеддон всеохватной битвой Света с Тьмой в преддверии Нового века. Война была лишь одним из ее эпизодов. Она кончится, ибо не может продолжаться бесконечно. Она требует материальных ресурсов. А ресурсы всегда ограничены.

Но Свет с Тьмой могут сражаться долго. Ведь линия фронта проходит не только по границам государств, она идет через души людей. Людей самых разных, несущих в себе и то и другое. Рерих верил: какой бы длительной ни была эта битва, все равно победа будет за Светом. Но как много и дорого придется заплатить за эту победу! Он хотел бы уменьшить цену. Но его не слышат. Не хотят слышать. Он говорил, он писал, он кричал: «Планета больна!»

В 1936 году Рерих пишет очерк «Оборона». У некоторых «реальных» политиков очерк вызвал удивление и недоумение. Политики не знали автора очерка, не знали, что он стоит на Дозоре, тайна которого была им неизвестна. Тогда Николай Константинович в первый раз предупредил Родину.

«Защита Родины есть и оборона культуры, — писал он. — <...> Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях»¹. Эти высокие слова были похожи на клятву. Ему было по-человечески

¹ Рерих Николай. Нерушимое. С. 318.

*Н.К.Рерих
Армагеддон
1940*

трудно и одиноко. Его угнетала практическая оторванность от Родины. Но он стоял на Дозоре и не мог покинуть его. Он служил своей Родине. Служба была тяжелая, под силу только ему и его семье.

Выли метели на гималайских перевалах. Ветер гнал снег в долину. Заметал дорогу перед домом. Но оттуда, от севера, не было ни вестей, ни гонцов. Рерих знал, что Большая Война близка, он знал, что первое, с чем придется встретиться Родине, — оборона. Длительная и упорная. Большая Война... Их на его веку было две — Первая и Вторая. Он предчувствовал Первую и знал о Второй.

Тогда, перед Первой, он написал целую серию пророческих полотен, удививших многих. Теперь вновь писалась такая же. В 1938 году Николай Константинович создал «Тревогу» и «Тьму». В начале 1939 года появились «Затмение», «Печаль», «Башня ужаса». Массивные каменные своды старинной башни. Толстые стены. Два небольших окошка, похожих на бойницы. Из них льется странный оранжевый свет, как бы колеблющийся отсвет пламени. Его отблески лежат на арочных перекрытиях, остальная же часть этой таинственной башни тонет в синем полумраке. В башне — шесть человек. Они стары и согнуты. У них длинные седые бороды; седые волосы прядями падают на плечи. Темные одежды, похожие на монашеские, скрывают ступни их ног. Один из них стоит у окна, пристально всматривается в него, стараясь, возможно, угадать и рассмотреть то, что свершается там, за стенами башни. Остальные сидят на длинных скамьях, их позы выражают глубокую печаль. Ту печаль, которая подрывает человеческие силы, разъедает душу.

Кто они, эти шестеро, застигнутые в башне страшным пожаром? Не напоминают ли они тех девятерых, которые с грустным удивлением взирали на «Дела человеческие»? Тех, на глазах которых под черным дымным небом рушился неведомый город?

Картина «Дела человеческие» была написана в 1914 году, «Башня ужаса» — в 1939-м. Но в «Башне ужаса» только шестеро. Где еще трое? Не остались ли они за стенами башни, чтобы разделить с людьми весь тот ужас, который уже начался? И кто эти трое? Где они? На это картина ответа не дает. Рвутся отсветы пламени в узкие окна башни. Непосильной ношей наступающего ужаса согнуты плечи и спины седобородых мудрецов...

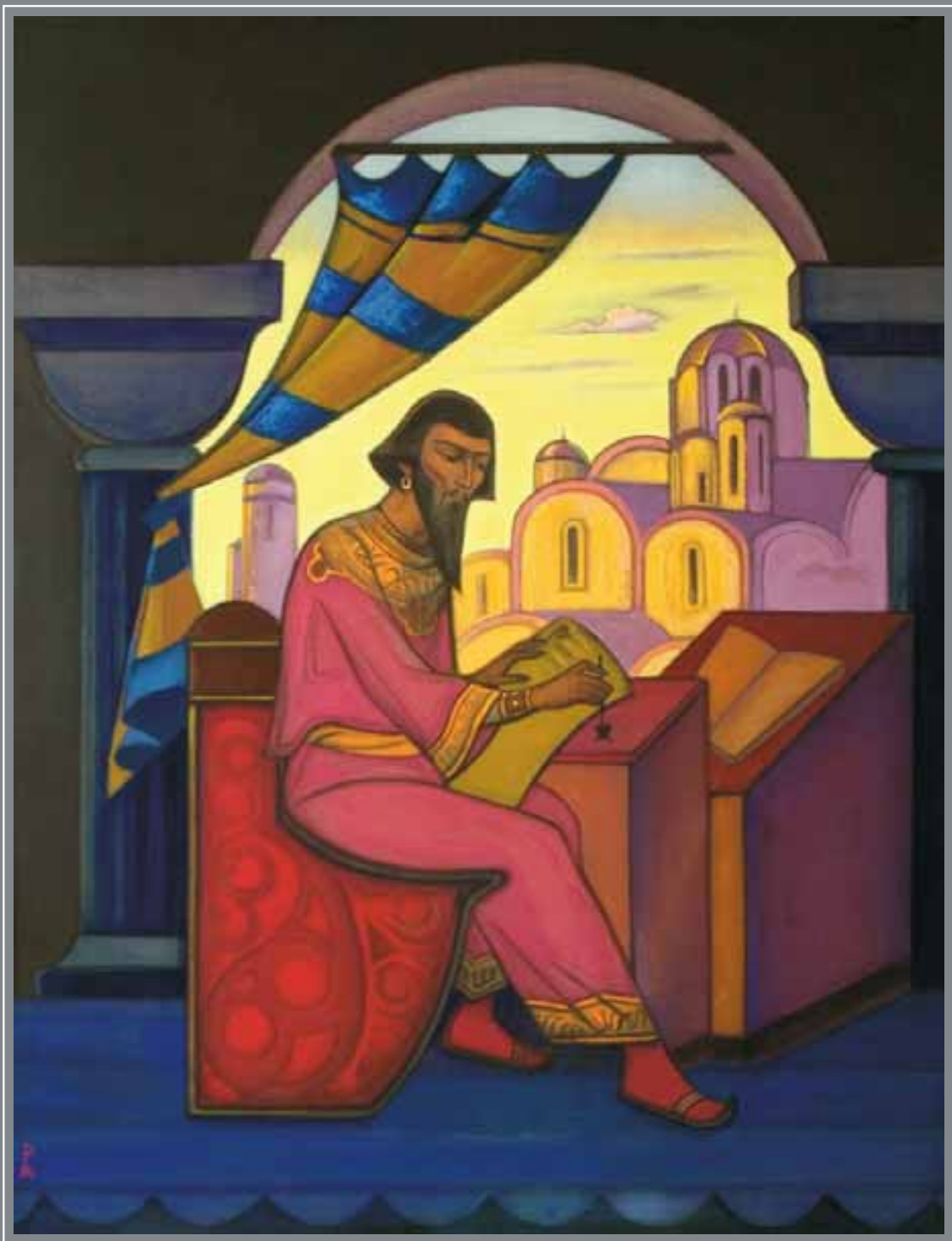
Катастрофа надвигалась на весь мир, но самая жестокая судьба в ней была суждена Родине Рериха. И ее тема, оттесняя Гималаи, начинает набирать силу в его полотнах. Вновь возникают «Древний Новгород» и «Древний Псков». Темнеют рубленые стены «Сергиевой пустыни». Радуетя Ярослав граду Киеву. Вновь держит в крепких руках рукоятки плуга Микула Селянинович. Поднимается над клубящимися облаками, достигая боевым шлемом вершин снежных гор, «Святогор».

Н.К.Рерих. Святогор. 1938

*Вверху: Н.К.Рерих. Вестник от Гималаев. 1940
Внизу: Н.К.Рерих. Вестъ Тирону. 1940*

Н.К.Рерих. Ярослав Мудрый. 1942

Рерих писал эти картины, и им руководила твердая уверенность в том, что Родина выдержит час испытания. Поэтому на его полотнах не было случайных сюжетов. Все, что там было изображено, помогало выстоять — непреходящие ценности культуры России, ее высокий дух, ее сильные рабочие руки, грозные боевые шлемы...

Он пишет картину, которая называется «Тревога». 1938 год — «Тревога», 1939-й — «Тревога». И наконец, 1940 год — тоже «Тревога». Тревога, тревога, тревога! — он, казалось, бил в набат. Он надеялся, что его услышат там, за Гималаями. Но там не слышали. «Тревога, тревога, тревога!» — повторял Рерих. И сам тоже тревожился.

Начавшаяся война отторгла его от Родины. «Сейчас мы как на острове. С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все как вихрем выдуло»¹.

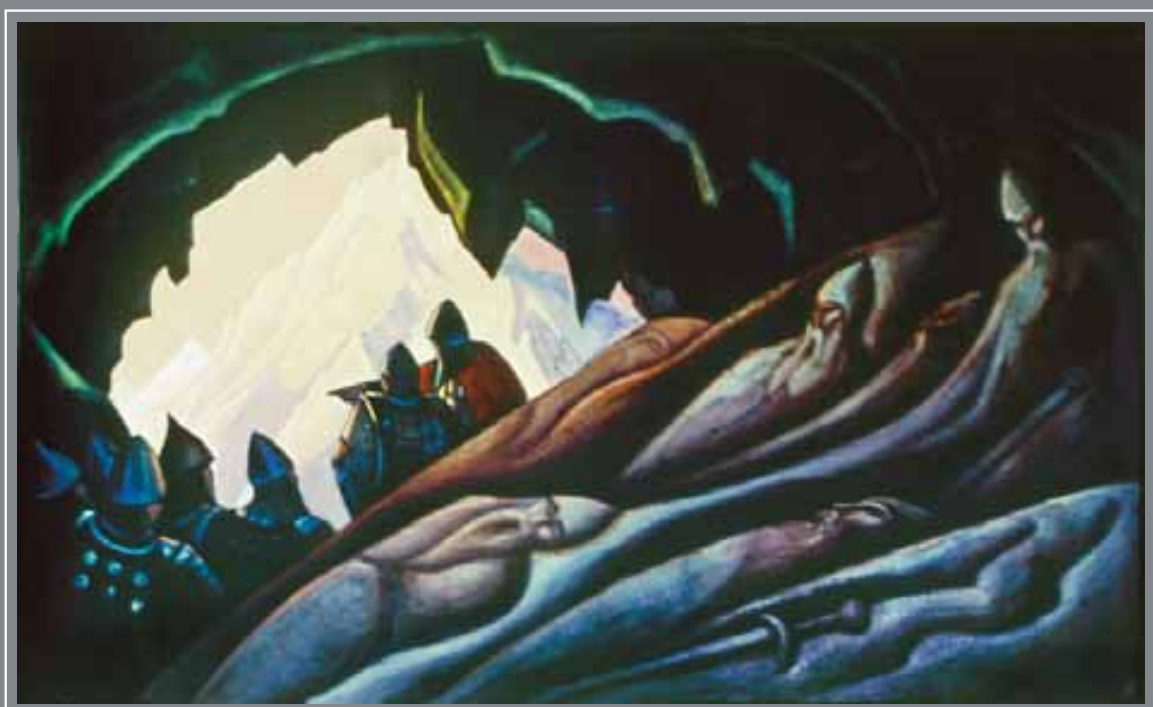
На Дозорной вышке становилось все холоднее. Дули ветры, росло одиночество. «Слышите ли?» — спрашивал он. «Тревога, тревога, тревога!» — звонил колокол. Смены не было, вестей тоже. Он читал и слышал о советско-германском пакте о ненападении. Пакт был заключен за месяц до начала Большой Войны. Пакт не успокоил его, он знал, что этот странный договор был только короткой и лукавой отсрочкой.

От Гималаев спешили Вестники. Они пересекали на утлых лодках горные озера. Их ноги ступали по снегу вьющихся у поднебесья тропинок. Они шли через 40-й год. Шли по его полотнам. Шли в действительности. Они несли ему вести, и он их передавал. Передавал так, как мог: картинами, публикациями, беседами. У него не было радики, связных и шифра для секретных донесений. А если бы и были, это ничего бы не изменило...

Шифрованные донесения о готовящемся нападении поступали от других, но им тоже не верили. Ему казалось, что слово и кисть убедительнее таких донесений. Они предназначались лишь узкому кругу, картины же и очерки — всем. Тревога, тревога, тревога...

Время неумолимо приближало роковой день. Он назвал 1940 год — со-роковым. «Со» распространяло слово «роковой» и на следующий, наступающий год. Им был 1941 год. 1940-й и 1941-й — «со-роковые» годы. Чтобы понять это — не нужно было владеть ключом к шифру. «Пришел со-роковой год», — писал Рерих. В «странной войне» пал Париж. Черная тень перевернутой свастики легла на Европу. Задымили печи крематориев, где сжигали «неполноценных», за колючей проволокой концлагерей армии современных рабов, вчера еще свободных людей, хлебали тюремную баланду, над Лондоном выли сирены воздушной тревоги, тонны раскаленного металла обрушивались на города Англии. Япония начала победный марш по странам Азии.

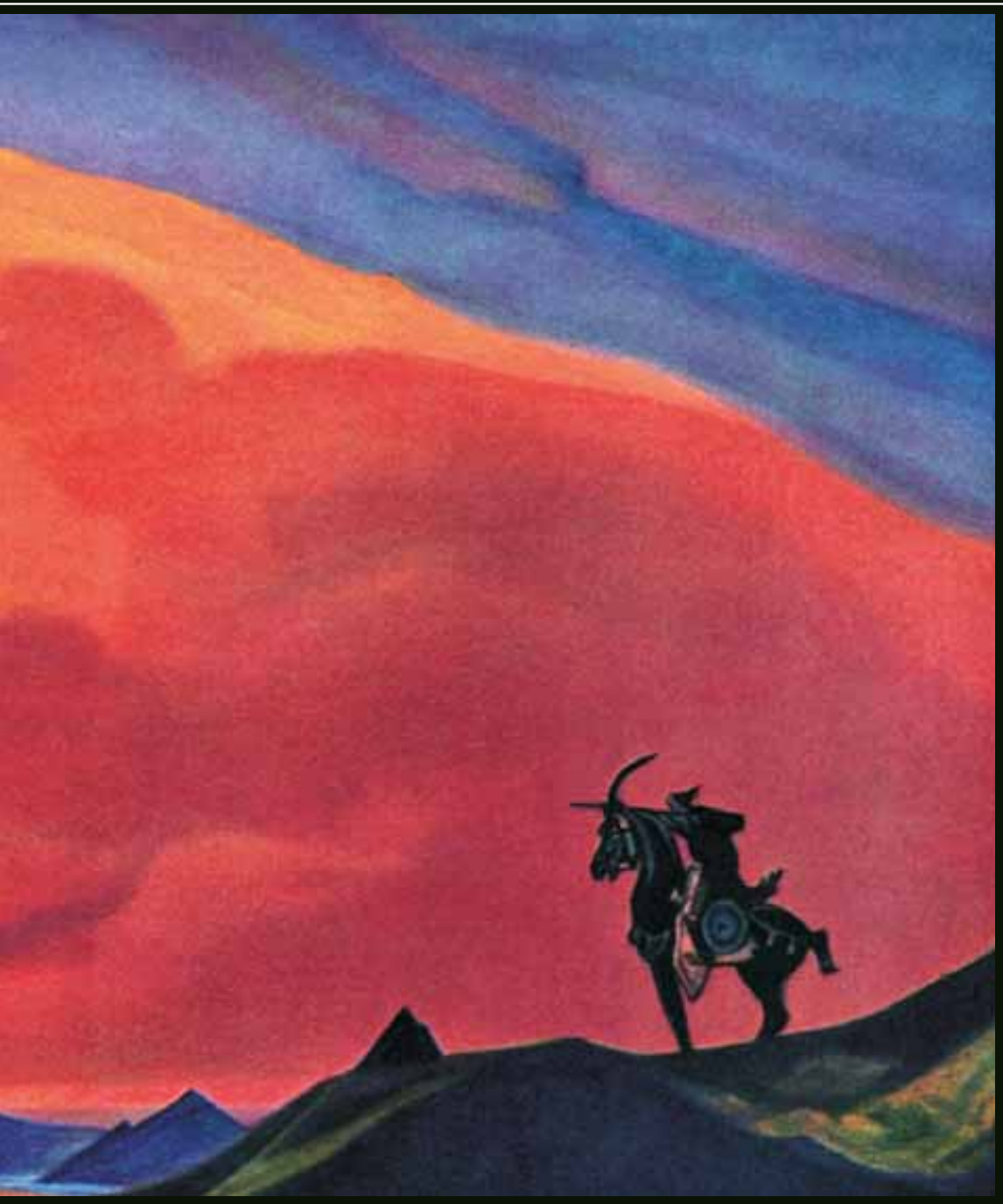
¹ Рерих Н.К. Россия. М.: МЦР, 2004. С. 62.

*Вверху: Н.К.Рерих. Александр Невский. 1942
Внизу: Н.К.Рерих. Богатыри проснулись. 1940*

Н.К.Перух. Гесэр-хан. 1941

*Н.К.Рерих. Цветы Тимура. 1931
Справа: Н.К.Рерих. Цветы Тимура. Фрагмент*

Советский Союз еще оставался в стороне от войны. Тревога, тревога, тревога... «Не замай!» — раздается возглас от Гималаев. Так называется очерк, который пишет Рерих в июне 1940 года.

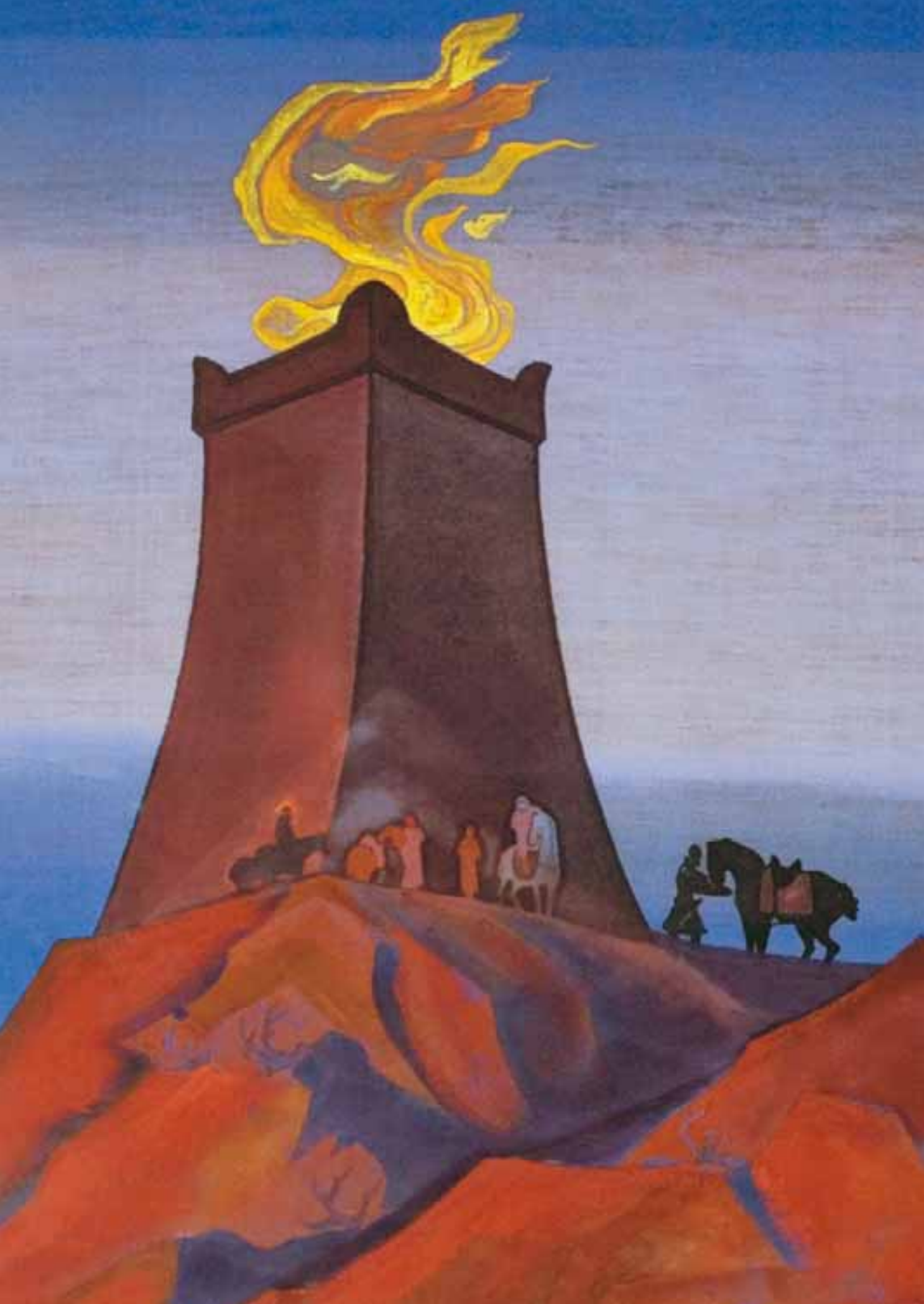
«Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко»¹.

Очерк кончался знаменательными словами, в которых была не только вера в то, что Родина выстоит, но и знание того, что ей предстоит. «...Народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой Родины»².

Думая о будущем Родины, тревожась и боясь за нее, он понимал, что возглас «Не замай!» уже никого не остановит. И Рерих пишет «Весть Тирону». Почему-то именно тогда он вспомнил Федора Тирона, одного из первых христиан, жившего во времена римского императора

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 196.

² Там же. С. 197.

Диоклетиана, известного своими гонениями на христиан. Вместе со своими единомышленниками Тирон был схвачен и замучен римскими легионерами. Говорят, кто-то предостерегал Тирона о грозящей беде, но тот не поверил предупреждению. То, что случилось в IV веке, чем-то напоминало происходившее в XX. Многие были несопоставимым. Общим оставалось одно: неверие, приведшее к беде.

Над невысокими горами встает желтая стылая заря. Синие утренние тени ложатся на снег, покрывающий мощный двор, остроконечные башни и зубчатые стены. Посреди двора — человек. Его фигура выражает неуверенность, какое-то недоумение. На человеке длиннополая шуба и остроконечная шапка с красным верхом. Он чем-то похож на русского стрельца. Длинная черная борода усиливает это сходство. Да и в самом монастыре или крепости есть что-то от русской архитектуры. Человек смотрит на каменную стену, из-за которой только что прилетела стрела. К стреле привязан кусок красного шелка — знак войны и знак беды. Такие же стрелы летели и на других его картинах: «Весть Шамбалы», «Письмо Шамбалы». Но на эти вести по-прежнему не обращали внимания те, кому они предназначались...

Но Рерих продолжал писать. На его полотнах возникали странные образы и события, разгадать потаенный смысл которых было крайне трудно. Но когда война кончилась, стало ясно, что он писал ее историю, слагавшуюся на полях России. Писал тогда, когда еще никто ничего не знал и не подозревал.

Поднимались из глубин пещеры закованные в латы воины. «Богатыри проснулись». «Посвящается великому народу русскому, — писал художник. — Когда-то слагали былинку “Как перевелись богатыри на Руси”, но тогда не верили, что проснутся они в час сужденный. Выйдут из гор, из пещер и приложатся к строительству народному. Вот и пришел час»¹. Пришел час, и по снежному, ледовому полю в красном плаще и на вороном коне поскакал Александр Невский. Зловеще зачернели на голубых снегах темные латы поверженных немецких рыцарей. Но в фигуре князя не было самолюбивой гордости победителя. Князь был серьезен и печален. Он скорбел о тех, кто пал под его знаменами. Потери были велики. Полотно так и называлось — «Александр Невский».

И как отзвук победы в снегах России вспыхнули огни на высоких башнях, стоящих на вершинах гор. «Огни победы». И застучал в вечернем синем лесу топор «Сергия-строителя». Лиловыми становились снега, темнело небо, а он все рубил и рубил...

«Лежит передо мною “Слово о полку Игореве”, — писал Николай Константинович в июне 1940 года, — отлично украшенное палехским

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 199.

мастером. Само “Слово” как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение»¹.

Картины его так точно отразили ход войны, как будто он там, в Гималаях, видел, что происходит и что произойдет. «Конечно, малы земные горизонты, — писал он. — Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет»². Он умел выходить за малые земные горизонты. Умел видеть и ощущать, как сжимаются и ускоряются космические сроки.

Наступало грозное и беспощадное время. Оно ложилось на его плечи горьким и тяжелым бременем Знания.

«Прошел со-роковой год. Труден и наступающий. Пошлем всем друзьям привет на трудных путях»³, — писал он 1 января 1941 года. К весне 1941 года напряжение усилилось. «Вероятно, сгущаются опять события, и люди как заклинание твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня, так завтра услышим тяжкий войсковой шаг. Может быть, он уже гремит. Радио у нас нет»⁴. Это записано в марте.

Весну 1941 года он назвал «особой». Картины этого года были связаны с наступающими событиями. Полубоженный человек вздымает молот над наковальней. «Ковка меча». Время слов прошло. Наступало время мечей. На фоне кроваво-багрового неба защитник Гесэр-хан натягивает тугую тетиву. Сейчас сорвется стрела. Зловещая красная комета, предвестница бед и несчастий, прорезает темный небосвод.

Снова пишется «У Дивьего камня неведомый старик поселился» («Отшельник»). Но Дивий камень теперь лежит не среди лесов и холмов, как было в 1910 году. Он перенесся на вершины и склоны Гималаев. И неведомый старик напоминает теперь Дозорного, неподвижно сидящего на своем посту. Но что он охраняет? В чем смысл его неведомого Дозора?

Из карельского периода «Вечного ожидания» вновь возникла «Ждущая». Тот же озерный пейзаж, та же избушка. Но ждут не четверо, как было тогда, когда они ждали своего трудного и долгого пути. Ждет только женщина. Одна. Она сидит на валуне над озером. Напряженная фигура подалась вперед...

Ожидания, ожидания. Большие и малые. А в это время «Слепой» мечется среди домов, не понимая, что происходит. Над городом стоит зарево пожара. Сейчас огонь перебросится на те дома, около которых оказался слепой. Вокруг никого нет. Человек протягивает руки и встречает пустоту. Уже сыпятся искры на освещенные ближ-

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 199.

² Рерих Н.К. Россия. С. 69.

³ Рерих Николай. Листы дневника. Т. II. С. 372.

⁴ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М.: МЦР, 1994. С. 20—21.

ним пламенем дома. И недоуменно глядит Тирон на стрелу со знаком войны. Тревога, тревога, тревога. Набат гудит совсем близко. Но слепой не хочет открыть глаза. А Тирон не хочет верить. В этом была заключена правда. Горькая, но правда. На Родине не хотели верить в войну и нападение.

«...3 часа 30 минут. Загремели орудия. Господь, благослови наше оружие! За окном на Вильгельмплац все тихо и пусто. Спит Берлин, спит империя. У меня есть полчаса времени, но не могу заснуть. Я хожу беспокойно по комнате. Слышно дыхание истории. Великое, чудесное время рождения новой империи. Преодолевая боли, она увидит свет»¹. Это запись из дневника Геббельса, сделанная им 22 июня 1941 года. Из того, о чем в ней говорится, ничего не сбылось.

Н.К.Перих. Слепой. 1941

¹ Ржевская Е. Была война... М., 1979. С. 478.

Глава шестая

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

Развернулись блистательные крылья Победы!

Н.К.Рерих

Рерих написал эту картину весной 1945 года. Она так и называлась — «Весна Священная». Так назывался и балет, когда-то созданный Стравинским, с декорациями Рериха. Но картина 1945 года, сохранившая кое-какие элементы декоративности, была о другом. И хотя на ней существовала иная, не наша жизнь, все-таки она была связана с тем, что произошло в 1945 году.

Ярко-зеленые весенние холмы стояли на берегу синего озера. Небо было по-весеннему высоким и прозрачным. Желтыми огоньками горели одуванчики. На вершине древнего святилища, выложенного темными замшелыми камнями, девичий хоровод исполнял свободный и самозабвенный танец. Танец радости. Светились венки на головах танцующих, весенний теплый ветер трепал подола длинных белых платьев, расшитых красной каймой. Сидящие тут же, на пригорке, мужчины играли на свирелях. Во всей картине царило настроение приподнятости и радости. Радостными были яркие весенние краски, радостным был танец, радостной была мелодия, лившаяся из тонких свирелей.

Весна 1945 года была тоже радостной. И хотя горечь потерь и утрат омрачала эту радость, но радость не сникала под ее бременем. Весна

Н.К.Рерих. Ангел Последний. 1942

1945 года была весной Победы. Она действительно была Священной весной, как правильно назвал ее Рерих. Большая Война, начатая фашистской Германией и ее фанатичными главарями, закончилась в Берлине, в том самом Берлине, где у одного из окон на рассвете 22 июня 1941 года стоял Геббельс, прислушиваясь к «дыханию истории», которая сулила ему рождение «новой империи». Тогда в Берлине в те предрассветные часы было «тихо и пусто». И империя, и ее столица спали.

Весной же 1945 года Берлин спать уже не мог. Ни днем ни ночью. Та история, которая дышала в затылок Геббельсу, когда он наслаждался у окна предрассветной тишиной, кончилась. Берлин был окружен частями Советской Армии, и на его улицах шли тяжелые и изнурительные бои. «Ночь на 1 мая 1945 года в Берлине. Ночь Апокалипсиса. Пылающие дома, дико, причудливо освещающие погруженный в мрак изувеченный город, грохот каменного обвала и пальба, удушливая гарь сражения и пожаров. Во мраке ночного неба раскачиваются лучи прожекторов: ни единый немецкий самолет не должен пересечь небесное пространство берлинского кольца окружения. Никто и ничто не может ни прибыть сюда, ни спастись отсюда по воздуху»¹, — это свидетельство очевидца.

2 мая столица «новой империи» пала. Вместе со своей историей перестали дышать главные ее виновники — Гитлер и Геббельс, покончившие самоубийством. Их обгоревшие трупы нашли советские солдаты на территории имперской канцелярии.

«Теперь, много лет спустя, — писала все тот же очевидец Елена Ржевская, — меня иногда спрашивают: не страшно ли было смотреть на этих мертвецов? Было другое: чувство содрогания, но страшно не было. И не потому лишь, что много страшного мы видели за четыре года войны, но скорее потому, что эти обгоревшие останки, казалось, не человечьи — сатанинские»².

Мир праздновал Победу. Рерих пришел к ней вместе с Родиной, пришел по-своему, но от этого значимость его участия вовсе не стала меньше. Он стоял на своем Дозоре в Гималаях, но был неотделим от того, что переносила и претерпевала Родина. Был неотделим и в чувствах, и в действиях.

Весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз пришла в гималайскую долину Кулу с опозданием. И хотя он был к ней готов, но не избежал ни боли, ни потрясения при этом известии.

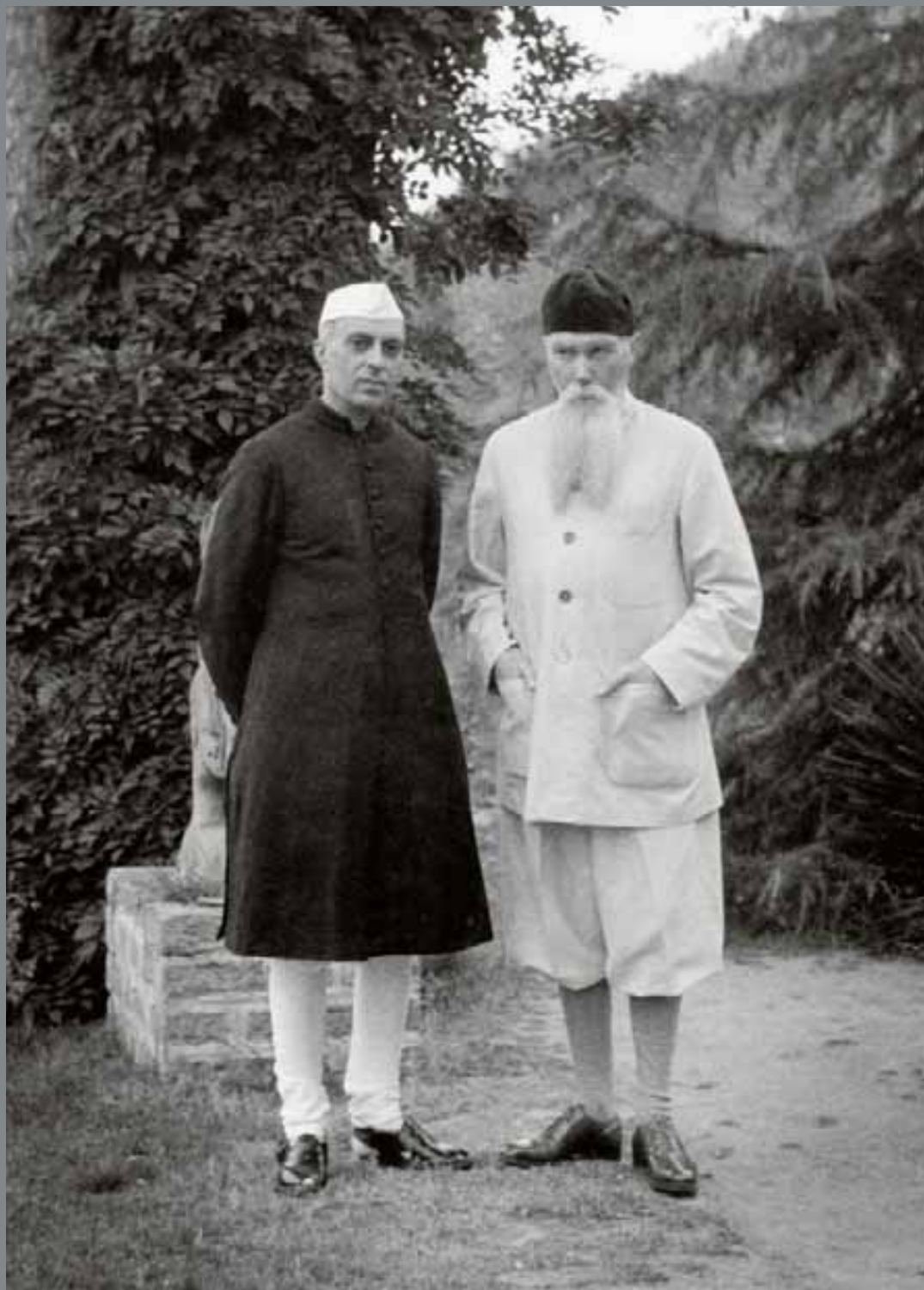
«Война с Германией, — записывал Рерих в дневнике. — Оборона Родины — та самая, о которой писалось пять лет назад. Уже тогда началось то, что вспыхнуло сейчас. <...> Знаем, что гибельная беда не коснется народа русского. Знаем, знаем! Но болит сердце в ожидании волн. <...>

¹ Ржевская Е. Была война... С. 453.

² Там же. С. 488.

*Вверху: Н.К.Рерих. Гималаи (Солнечная вершина). 1941
Внизу: Н.К.Рерих. Гималаи (Снежный замок). 1941*

Н.К.Рерих и Джавахарлал Неру в Купу, 1942

Знаем, знаем! Но все же болит сердце за жизни молодого поколения. Быть бы с ними!

Знаем, что и здесь полезны и делаем полезное. Но, может быть, где-то сделали бы еще более неотложное. Знаем, что на каждой пяди земли можно служить самому драгоценному, самому священному.

Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце. Будь благословен час, когда расцветут все полезные травы. Русскому народу не страшны испытания, претворятся они в достижения»¹.

Это писалось в далеких Гималаях в самый тяжелый для Родины час, в июле 1941 года. В час, когда даже у стойких бойцов возникали сомнения и гасли надежды, а до Священной весны было еще очень далеко. «Знаем, знаем!» — это о Знании. Но никакое знание не могло заглушить боли в его сердце. Пронзительное «Быть бы с ними!» — лучшее тому доказательство. «Быть бы с ними» — он понимал, какие невзгоды и испытания стоят за этим. Но желал этого искренне и горячо. «Быть бы с ними» — для него, как для человека, было бы легче, чем то, что ему предстояло. «Знаем, что и здесь полезны и делаем полезное».

В нем жило неистребимое чувство необходимости им совершаемого. Николай Константинович ни разу не отступил от предназначенного ему. Дозор, на котором он стоял, был труден и безвестен. «Но пока холодно на вышке, — писал он. — Точно забытый, точно покинутый, точно ненужный! <...> Кто знает, не ушли ли вообще. Не переменялось ли вообще настроение. Не забыли ли об одинокой вышке? И знаю, что не забудут, знаю, что вышка эта очень нужна. Но холодно на вышке. Ветер пронзителен»².

Чтобы стоять на такой «вышке», нужны были великое мужество и великая любовь. Он обладал и тем и другим в равной степени.

В своих публикациях Рерих писал о победах Советской Армии. Он считал, что эти победы являются самыми главными во всей Большой Войне. Рерих писал и рисовал. Теперь его полотна отличались от полотен предыдущего периода. На тех он предвидел, прозревал историю Войны. Теперь он отражал ее по вполне реальным вехам, которые она расставляла на просторах России. Над Сталинградской битвой поднимался «Ангел последний». Он стоял над горящим городом, суровый и справедливый, как сама расплата. Его меч был обнажен. Огненные крылья, похожие на смертные лучи, закрывали полнеба. Они уходили куда-то ввысь и свидетельствовали о том, что битва коснулась не только земли. А когда последние колонны немецких солдат выходили из окружения, чтобы сдать оружие, и их командующий фельдмаршал

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 231—232.

² Там же. С. 274.

Н.К.Рерих. Партизаны. 1943

Паулюс нервно и обреченно давал показания советским генералам, Рерих создал полотно, которое называлось «Победа». Русский воин в латах и остроконечном шлеме стоял с обнаженным мечом над поверженным драконом. Голова дракона была отсечена, но черно-зеленое тело, казалось, еще подергивалось, не желая умирать. Цвет тела дракона повторял зеленоватый оттенок мундиров немецких солдат. Над победителем и обезглавленным чудовищем в безоблачном небе поднимались снежные пики Гималайских гор. Гималаи в их высоком философском смысле оказались в непосредственной близости от русских полей сражения.

Затаились в зимнем заснеженном лесу «Партизаны». Они напряженно смотрят туда, где за разлапистыми укутанными снегом елями разгорается огонь. Огонь мщения и беспощадности. Партизаны одеты в белые маскировочные халаты. Рерих никогда не видел, как велась партизанская война в лесах его Родины. Но то, что он изобразил, было настоящим и правдивым. Он как будто прозревал и осторожный шаг народных мстителей, и их напряженную готовность к действию, и то, что их влекло на подвиг.

Под Курском пылало раскаленное небо и горела земля. Казалось, весь мир был наполнен грохотом горячего железа, взрывами и летя-

щами снарядами. Черный дым плыл над полями сражений. Горели танки. И те, на которых были красные звезды, и те, с черными крестами. Ревели низко идущие бомбардировщики, сбрасывая свой смертоносный груз на окопы. Тело дракона еще жило. Его когтистые лапы, сведенные в предсмертной судороге, еще наносили удары. Болотного цвета чешуйчатый хвост еще бил и разил.

«Неужели все бывшие битвы не сломили?» — спрашивал Рерих. И сам отвечал: «Нет, не сломили. Вот же нисколько не сломили. <...> Хочется оставить памятки народу русскому о всех мономах, о великих поединках за славу русской земли. <...> Полетите, светлые чайки, к русскому народу»¹. И чайки летели. Мстислав Удалой сбрасывал на землю Редедю. Пересвет, Сергиев монах, сошелся в смертном поединке с татарским Челубеем на Куликовом поле. «Полетите, светлые чайки...»

«Сегодня солнечное затмение, — записывал Николай Константинович в своем дневнике. — Первого августа кончилась Кали Юга и вступает Сатья Юга. Таковы исчисления браминов»².

Кали Юга — Черный Век, Сатья Юга — Век Правды. Он пометил эту запись 1 августа 1943 года. В это время еще гремела под Курском Великая битва. Она завершилась наступлением Века Правды и победой России.

Видимо, брамины в чем-то были правы. Они вели свой большой и древний счет по-своему. И в конце этого счета произошло соприкосновение Вечности с земными делами. Ее отблеск упал на Великую битву и забронзовел на тех, кто защищал Свет. Растворил и увел в небытие тех, кого послала тьма.

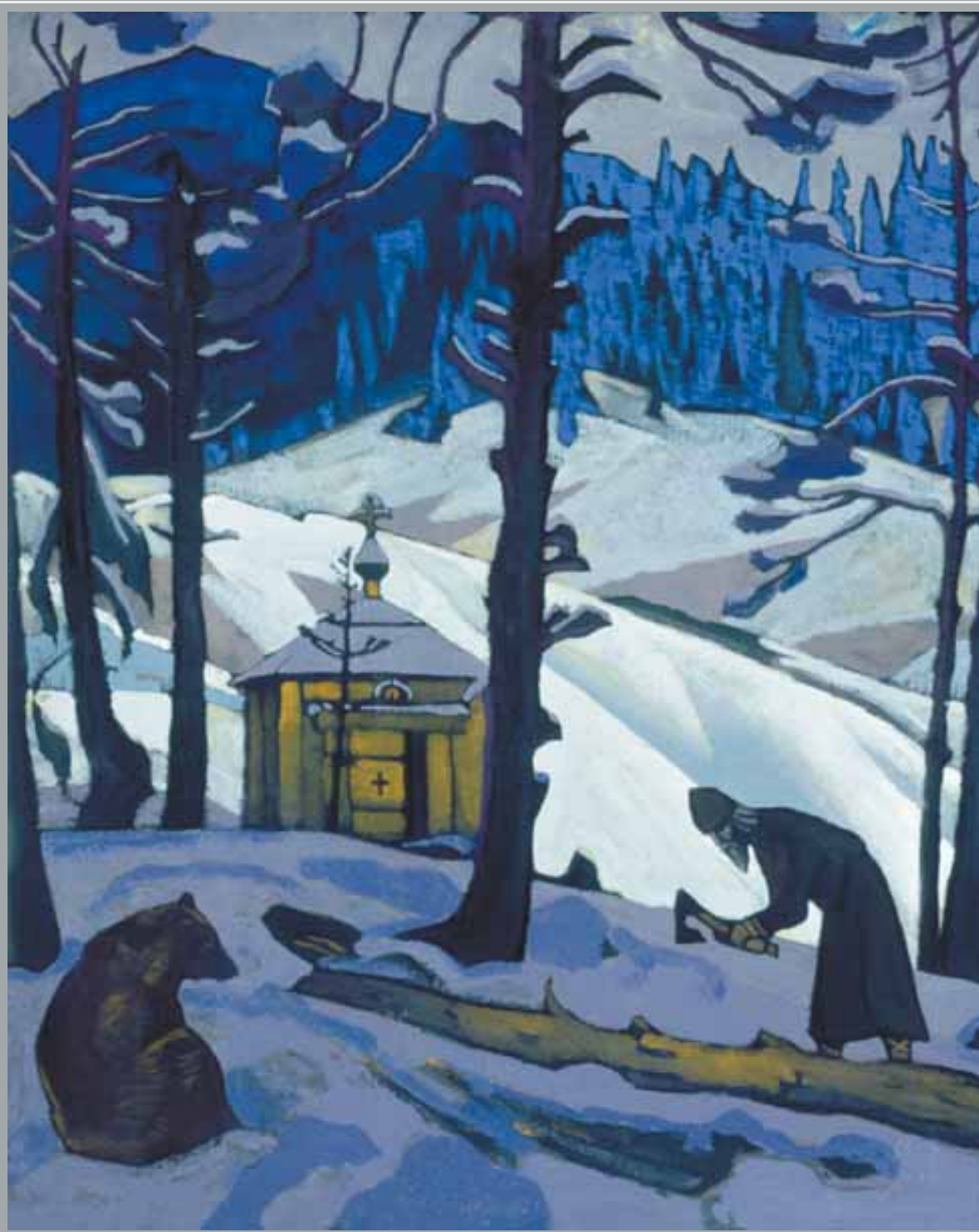
Полмиллиона солдат в болотного цвета мундирах, сражавшихся под знаменем перевернутой свастики, полегли под Курском. Тело дракона билось в смертельной агонии. Началось Великое наступление. «Развернулись блистательные крылья победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа»³. Запись была помечена сентябрем 1943 года. Блистательные крылья Победы больше не сникали. Они парили над полями сражений, над городами, откуда выбивали фашистов, над границами, через которые переступили советские воины. Они грозно зашумят над объатым пламенем Берлином.

Курская битва многое изменила в войне, но не кончила ее. Война продолжалась. Продолжал работать и Николай Константинович.

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 248.

² Рерих Николай. Листы дневника. М.: МЦР, 2002. Т. III. С. 130.

³ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 258.

Н.К.Рерих. Сергей Строитель. 1924

Он не только писал очерки, выступал по радио и создавал картины. Он стремился помочь Родине материально. Он устраивал выставки, распродавал свои картины. Он направлял средства на танки и самолеты.

Его старший сын Юрий Николаевич пытался попасть в Красную Армию. Но сделать это в тех условиях было не так легко. Юрий Николаевич не получил ответа на свой запрос.

Выставки, картины, очерки, выступления. Николай Константинович всегда жил будущим и работал для этого будущего. Неумолимо строил мосты будущей дружбы между двумя великими странами, СССР и Индией. И хотя Индия в то время была еще колониальной, зависимой страной, он понимал, что час ее освобождения близок.

«Дни самые сложные, — писал Рерих в мае 1942 года. — Под Харьковом наступление, русские полки продвигаются. В Бирме плохо. Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. <...> Говорили об Индо-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной»¹.

Эта «кооперация» имела для него глубокий смысл — исторический, культурный, политический. На его долю выпала честь первым обсудить проблемы сотрудничества обеих стран с будущим премьер-министром независимой Индии — Джавахарлалом Неру. На беседе присутствовал еще один будущий премьер-министр — Индира Ганди. «Неру с дочкою». Это она потом скажет: «Мы также ценим его как связующее звено между Советским Союзом и Индией». Скажет тогда, когда обе страны будут торжественно отмечать столетний юбилей Рериха.

В том 1942 году Николай Константинович думал, что хорошо бы организовать в Индии выставки советских художников, поставить на индийской сцене русские оперы. «Каждый росток искреннего сотрудничества, — писал он тогда, — нужно хранить во имя будущего сотрудничества. Хранить, беречь, растить. Санскрит и русский язык, сколько в них общего!»²

Он мечтал о советских археологических и этнографических экспедициях в Индию. «Материал для нее (экспедиции. — Л.Ш.) — неисчерпаемый. Много уже исчезает постепенно, изживается. Но все же поразительны всякие аналогии. А красота, красота-то какая!»³ Он настаивал и спешил. Хотел передать советским археологам и этнографам то, что знал сам, то, что накопил в своих исследованиях. «Не следует откладывать. Что еще возможно сейчас, может быть невозможно завтра»⁴. Он настаивал на организации ИРКА — Индо-русской культурной ассоциации. Но ему не суждено было увидеть плоды своих усилий.

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 247.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же.

Индия вступала в завершающий этап своей борьбы за независимость. Неру находился в тюрьме. Все силы его Родины уходили на войну. В те годы ИРКА так и не была создана. Все это осуществится потом, годы спустя, когда его уже не будет.

Николай Константинович звал русских ученых заняться тем, что его самого волновало и привлекало всю жизнь, — поисками общих истоков индийской и славянской культур.

«Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное»¹. Он стремился поставить на практическую основу возможности индийско-русского сотрудничества, но всегда при этом оставался верен многовещающему слову «поверх».

«Если поискать да и прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думаем, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. <...>

Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно “Алтай — Гималаи” — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских. <...>

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает»².

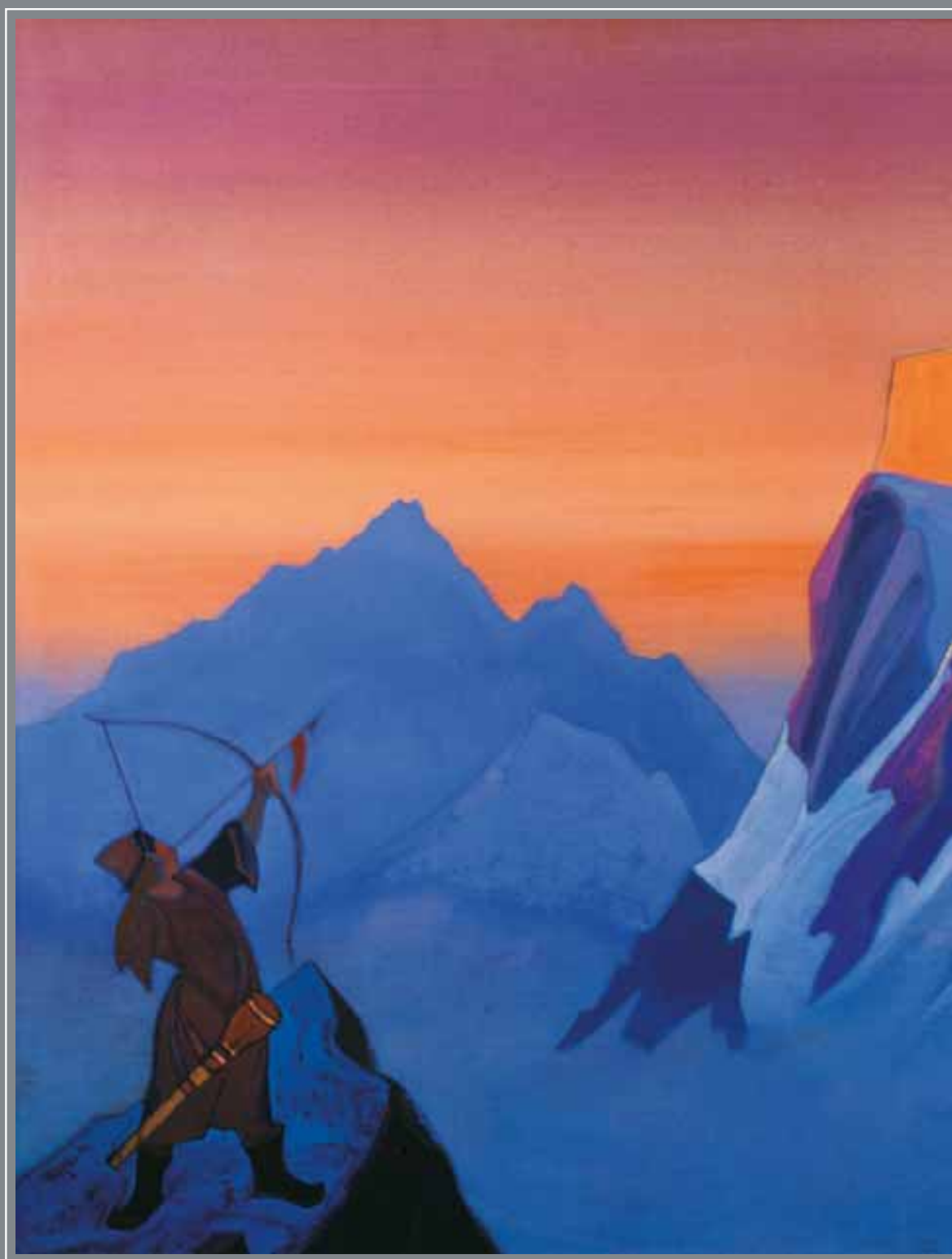
Годы спустя эти слова будут цитироваться во многих изданиях и публикациях. Не обойдут их и в фильмах. Но очень немногие задумаются над тем, каким необычным даром был награжден человек, увидевший в самое, казалось бы, неподходящее время «жизненность в связях индо-русских». Ту жизненность, которая пройдет испытание временем, но от этого только укрепится.

Тогда, во время войны, он повторил еще две картины: «Идолы» и «Заклятие огня». Первая была написана им еще в 1901 году, вторая — в 1910-м. Древнее славянское святилище стоит на крутом берегу реки. В темной пещере полуобнаженный человек, протянув руки над огнем, ворожит исступленно и истоково. Поклонение деревянным идолам, поклонение огню. В этом было что-то изначальное, древнее, уводившее к истокам славянского язычества. К тем истокам, которые он считал общими для Руси и Индии. Он повторил эти картины в Индии, потому что узнанное им в этой стране подтвердило его давнишнее прозрение. И в той и в другой ожило «нечто родственное», что существовало в глубокой древности обоих народов.

«Весна священная» повернула судьбы обоих народов. Одному она принесла победный мир, другому — независимость. Тому, кто начал

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 268.

² Там же. С. 268—269.

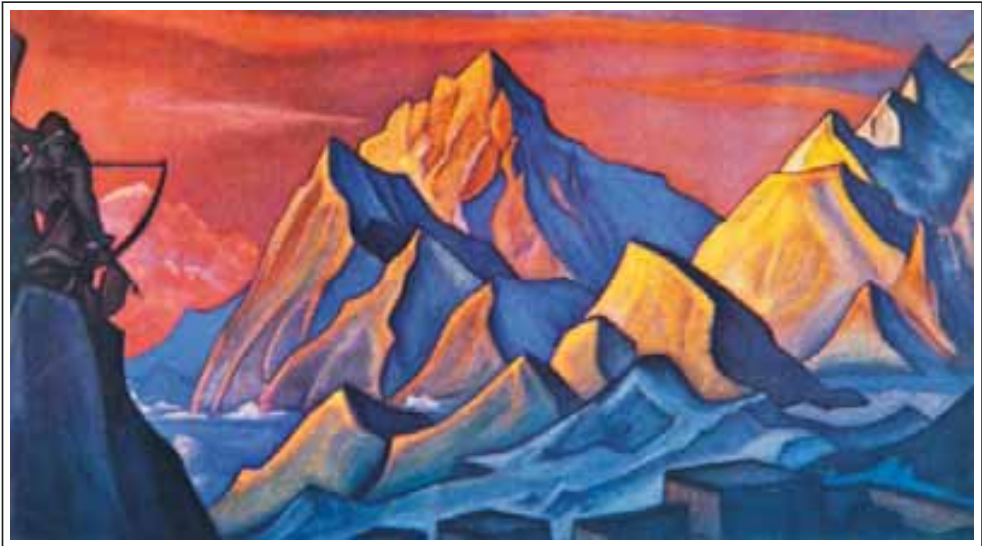

*Н.К.Рерих
Весть Шалбалы
Без даты*

Большую Войну и стоял во главе похода тьмы, она принесла заслуженную погибель: 30 апреля 1945 года Гитлер покончил самоубийством, приняв яд.

В этот день, по немецким преданиям, над Германией летят ведьмы на своих помелах. Они направляются к Гарцу, на знаменитую гору Броккен. Наступает ночь, которая называется Вальпургиевой. Ведьмы справляют свой шабаш, и ими правит их повелитель, Князь тьмы. Странное совпадение, не правда ли? Обгоревшие останки Гитлера исследовал и анатомировал для судебной экспертизы советский врач, имя которого было Фауст. Доктор Фауст Шкаравский...¹

Время и История вновь расставили свои точные знаки. Знаки Великого Предупреждения.

Н.К.Рерих. Весть Шамбалы (Стрела-письмо). 1946

¹ См.: Ржевская Е. Была война...

Глава седьмая

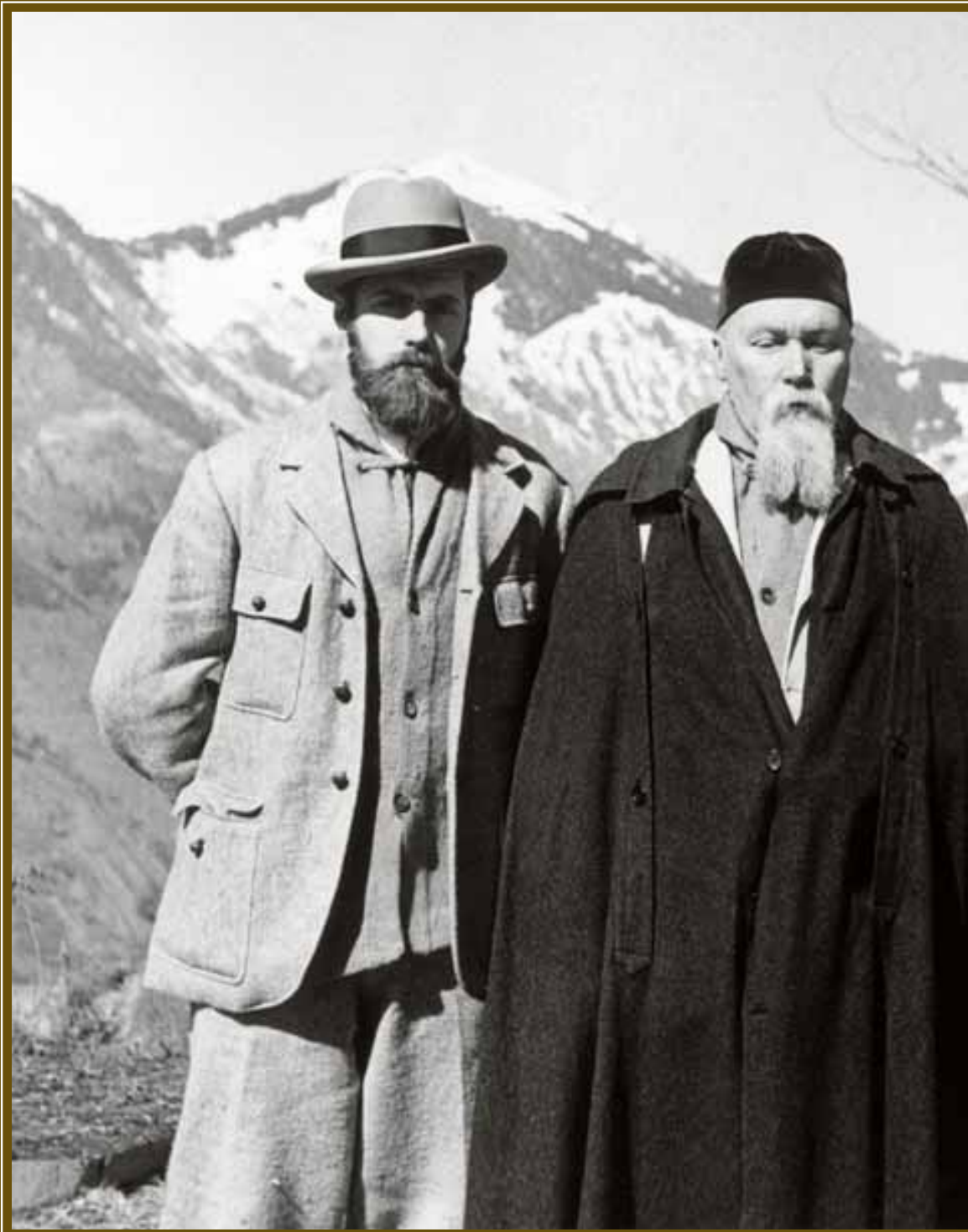
ЗАВЕТ УЧИТЕЛЯ

Мы признаем, что уход этой жизни в легенду кажется нам органичным и закономерным, подобно тому как в нас не вызывает сомнений существование «зашедшего», исчезнувшего из глаз светила.

Г.Гессе

«День его начинался очень рано — он вставал в 5 часов утра и приступал к работе над картинами. Если же были другие задания, он включался в жизнь текущего дня. Надо отметить, что Николай Константинович не торопился, не суетился, всегда работал размеренным темпом. Например, когда он писал, то писал медленно, но мысль его была так сгармонирована со скоростью писания, что он излагал законченную мысль без какой-либо поправки или оговорки. Когда он создавал свои картины, то у него были определенный план и ритм. План был всегда основательно разработан, и он ему строго следовал. Он никогда не торопился, но всегда поспевал все сделать и поспевал сделать гораздо больше, чем другие, которые торопились как можно быстрее что-то написать или что-то сделать.

У него, так же как у Елены Ивановны, не было светской жизни, эта жизнь их совершенно не интересовала, поэтому они не тратили время впустую. С самого утра и до позднего вечера их день был занят полезной работой. Днем были встречи, которые входили в орбиту общественной жизни отца; он делал также свои записи, в перерыве слушал музыку — это его освежало — и затем до позднего вечера

*Н.К.Рерих с сыновьями
Кулу. [1934]*

продолжал свою работу. И так всегда его день был полностью занят кипучей творческой деятельностью. Когда он путешествовал, то был вынужден отрываться от налаженной работы. Путешествия физически были очень трудными, хотя и очень интересными. Когда Николай Константинович прибывал на стоянку, то, пока разбивали лагерь, он немедленно садился записывать свои впечатления. Таким образом, у него день никогда не был потерян, и благодаря этой замечательной дисциплине он смог оставить такое богатое наследие»¹ — это из воспоминаний Святослава Николаевича Рериха об отце.

Богатое наследие сложил подвижнический труд. Подвижнический — от слова «подвиг». Этим подвигом был наполнен каждый его день. А дней этих в жизни Николая Константиновича было очень много. Они проходили перед ним один за другим, складываясь в месяцы, годы, десятилетия, жизнь. В жизнь — особую и удивительную. Она напоминала спираль, каждый виток которой поднимался выше предыдущего. Это была спираль Восхождения, в которой не было ни срывов, ни падений. Каждый виток, начиная с первого, уже содержал нечто целое, принципиально неизменное, содержал изначальную программу его жизни в ее главных направлениях. Следуя этой программе, Рерих тем не менее не скользил по ней плавно, поднимаясь на следующую высоту. Он делал творческое усилие, рывок, чтобы перейти на более высокую орбиту следующего витка, за которым стояло уже иное качество его труда. Каждый виток повторял предыдущий, но отличался от него новой достигнутой высотой. Так уходит вверх космический корабль, меняя орбиты и устремляясь все выше к неведомому.

В конце сороковых его жизнь подошла к последнему витку. Наступал восьмой десяток. С портретов тех дней на нас глядит лицо уже старого, усталого человека. Под глазами — резкие морщины, седая борода прикрывает грудь. Но взгляд всезнающ, мудр и пронизателен. Теперь он был совсем не похож на того гибкого молодого студента, который быстро и энергично шагал по набережной Невы под северным петербургским небом. Его некогда подвижное и сильное тело отяжелело, и он, опираясь на тяжелую трость, часто останавливался, когда поднимался по крутой дороге к дому. Давала себя знать легочная недостаточность. Участвовавшие простуды отрывали его от работы, от необходимых дел. «Не болей», — уговаривал он себя. И даже написал очерк, который так и назывался — «Не болей». Ему всегда становилось легче, когда он писал о том, что его тревожило. Как будто бумага впитывала в себя часть его тревог. «Не болей...» Но ему не всегда удавалось уговорить себя. Сказывалось огромное напряжение военных лет, сказывались те трудности и лишения, которые пришлось ему испытать в своей жизни.

¹ Н.К.Рерих: Жизнь и творчество. С. 27—28.

Медленно и тяжело он прогуливался по Наггару, когда был свободен от работы. Встречные люди останавливались, кланялись, почтительно прижимая к груди руки, сложенные в пранаме. Он ласково отвечал на приветствия и перебрасывался с остановившимися словами. Его тут многие знали. Знали всю его семью. Их уважали и любили. Любили за доброту, отзывчивость, за готовность прийти всегда на помощь. Одни звали его Риши — мудрец, а другие звали Махариши — великий мудрец и приходили смотреть его картины. Он никогда им не отказывал. Когда они стояли перед его картинами, он садился в сторонке и внимательно наблюдал. Ему всегда была интересна их реакция.

Неграмотные, простые горцы, они глубоко и точно чувствовали прекрасное. В них жила врожденная любовь к красоте и тонкое, свойственное только художникам чувство цвета. За свою жизнь эти люди прониклись духом гор, их формами, их сутью. Но выразить это проникновение сами не могли. Поэтому, когда видели эти горы на картинах Риши, они замирали, вновь покоренные открывшейся им красотой, прищелкивали от восторга и удивления языками и подолгу не отходили от полотен. Николай Константинович любил эти моменты, ибо дорожил мнением горцев.

Часто по утрам они приносили Елене Ивановне и ему цветы. В праздники появлялись с трогательными подарками и весело плясали около ворот виллы. Общение с ними ему всегда доставляло радость. Они чутко понимали это и платили ему тем же. Они будут потом помнить о русском Риши еще долгое время после того, как его не станет. Будут помнить, приносить цветы и молиться Гуга Чохану и его каменному коню под большим деодаром во дворе рериховской виллы.

Николай Константинович всю жизнь стремился к совершенству. Такое стремление — действительный вклад каждого в общее дело человеческой эволюции. Так считали Великие Души, те, которые его учили и у которых он учился. Великие Души говорили о Живой Этике, в которой так нуждалось современное человечество, стоящее на пороге Новой Эпохи.

Мог ли он сам определенно сказать, чего достиг на этом пути? Нет, не мог. Самому это определить трудно, а подчас просто невозможно. Рерих знал твердо одно: он действительно стремился к совершенству. Но это стремление беспредельно. На таком пути нет остановки, когда можно было бы сказать: «Все. Я достиг». Такая остановка, такой конечный результат противоречили самому процессу совершенствования, убивали его, отнимая у него самое главное: бесконечность стремления. Он никогда не писал и не говорил о достигнутом, предоставляя это другим.

«Николай Константинович всегда думал, — напишет о нем его сын Святослав Николаевич, — что в конце концов главная задача

жизни — это самоусовершенствование. Искусство или какие-либо другие творческие достижения могут быть очень большими, но в центре внимания всего остается жизнь самого человека, его личность. Он считал, что его творческая жизнь, его искусство — это только пособия самоусовершенствования. Он всегда работал над самим собой прежде всего. Он хотел подняться над тем, кем он был, и закончить свою жизнь более совершенным человеком. И в этом он преуспел. Он стал совершенно исключительным человеком, человеком мудрым, замечательных личных качеств. Я очень много встречал людей во всем мире, но другого такого человека, как Николай Константинович, встретить мне не пришлось»¹.

Обстоятельства его жизни были не совсем обычные. Удивительными были и его достижения. На последнем витке Рерих подводил им итог и говорил об этом картинами. Он повторил те сюжеты, которые сыграли в его жизни главную, а может быть, решающую роль. Этим повторением Николай Константинович дал понять, что последний, завершающий виток был тесно связан с предыдущими и что в нем окончательно выкристаллизовалось то, к чему он стремился и чего сумел достичь. И только одна картина выпадала из ритма этих повторов. Он никогда не писал ее прежде. На ней было то, чего он в этой жизни не смог достичь. И поэтому Лхаса возникла на полотне его последнего витка какая-то призрачная, немного нереальная, похожая на мечту. Или на видение. Дворец Потала, до боли знакомые детали знаменитых храмов. Город, сказочный и таинственный, отражался в водах озера, по берегам которого стояли монастыри и крепостные башни. Все на этой картине было изображено так достоверно и точно, что казалось — художник там был, ходил по тесным улицам священного города, блуждал по запутанным лабиринтам переходов Поталы, резиденции Далай-лам. Его руки еще помнили шероховатую поверхность стен дворца, а мысли еще несли первоначальный замысел постройки. Но сам замысел остался там, в прошлом, реализованный Далай-ламой Пятым.

В самые трудные и мрачные дни соприкосновения с теперешним, уже иным Тибетом Рерих вспоминал того Далай-ламу, которого в далеком XVII веке называли — «Владыка заклинаний, красноречивый, священный, океан бесстрашия». Возможно, в этом титуле были свои, неизбежные для того времени преувеличения. Но его еще называли Великим, и таким он и остался в истории. Тогда, на тибетском маршруте, пройдя через горькие испытания, Рерих записал в своем экспедиционном дневнике: «Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами.

¹ Н.К.Рерих: Жизнь и творчество. С. 28.

*Н.К.Рерих. Лхаса. 1947
Внизу: Далай-лама V (слева) и китайский император. Старинная миниатюра*

Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукурнор. Вспомним, что Далай-лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета»¹.

Да, Далай-лама Пятый был действительно Великим. Ему удалось укрепиться с помощью монгольского правителя Гуши-хана, установить тесные связи с маньчжурскими императорами, преодолеть раздробленность Тибета и на короткое время усилить централизованную власть. Он построил великолепную Поталу — гордость Тибета. «Потала, дворец второго кормчего» — так она называлась полностью.

Дворец вознесся на том холме, где стояли пришедшие в упадок дворцовые здания, воздвигнутые Сронцангампо почти тысячу лет назад. Тем самым королем, который в VII веке ввел буддизм в Тибете и был женат на китайской принцессе Вэнь-Чень. У женщины в короне саксонской маркграфини на картине «Камень несущая» было ее лицо. Закон Великого Времени выносил на поверхность неожиданные сочетания. Великий Далай-лама сам разработал проект нового дворца. Он согнал на строительство десятки тысяч людей — простых тибетцев. Русский тибетолог Г.Ц.Цыбиков, проникший в Лхасу под видом буддийского паломника, видел этот дворец. И его в первую очередь поразил не сам дворец, а то, что он о нем услышал. «Народное предание, — записал он, — вспоминает о том тяжелом времени для тибетских простолюдинов, когда они как рабы строили сей дворец в течение десятков лет. По этому преданию, для воодушевления изнемогших под тяжелым трудом рабочих находчивый Далай-лама составил песню, которую поют чернорабочие и доньне»².

Великого попрекали этим тяжелым трудом. Но тогда все строилось так. По-другому не умели. Правители сгоняли на строительство тысячи людей. Но не каждый из них сочинял песни, чтобы облегчить тяжелый труд...

Кроме этой песни Далай-лама Пятый оставил еще двадцать пять томов своих сочинений. У него был наставник и учитель, о котором история знает мало. Его звали Ловсан-Чойчжичжялцанем. Он посвятил Великого Пятого в духовный сан и передал ему знания, которые были уделом немногих. Некоторые из этих знаний Далай-лама изложил в своих сочинениях. Безусловно, Великий Пятый был личностью исключительной, заслуживающей более пристального внимания историков, чем то, которое они ему уделили.

«Человек для своего времени широко образованный, — напишут много лет спустя советские историки, — знаток санскрита, религиозный поэт и писатель, он добился нового объединения Тибета и утверждения превосходства своей секты Гелугпа. При нем в Тибете были

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 76.

² Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Петроград, 1919. С. 126.

открыты две высшие школы, одна для монахов, а вторая, что особенно важно, для светских чиновников. В этих школах кроме обычных религиозных дисциплин и навыков управления обучали и языкам — санскриту и монгольскому. Учили также искусству стихосложения, стрельбе из лука и навыкам верховой езды. В историю Тибета Пятый Далай-лама вошел под именем Великого Пятого»¹.

Отношения Великого Пятого с маньчжурским императором были сложными и не всегда устойчивыми. Но, так или иначе, могущественный император признавал за Великим право духовного учителя и проявлял заинтересованность в хороших с ним отношениях. Далай-лама был также приглашен в Пекин, где ему были пожалованы золотая печать и диплом. Текст диплома сохранился и представляет собой интереснейший документ, свидетельствующий о том, что общение императора и Далай-ламы носило более философский характер, нежели деловой или политический.

«Я, император, полагаю, что всеобщее благо и личное благо по характеру создания первоосновы не одинаковы, вне мира и в мире пути создания учений также различны. Но ведь проникать в [свой] внутренний мир и познавать [свою] природу, очищать свой век и пробуждать сознание в народе — эти [действия] ведут, [в сущности], к одному и тому же.

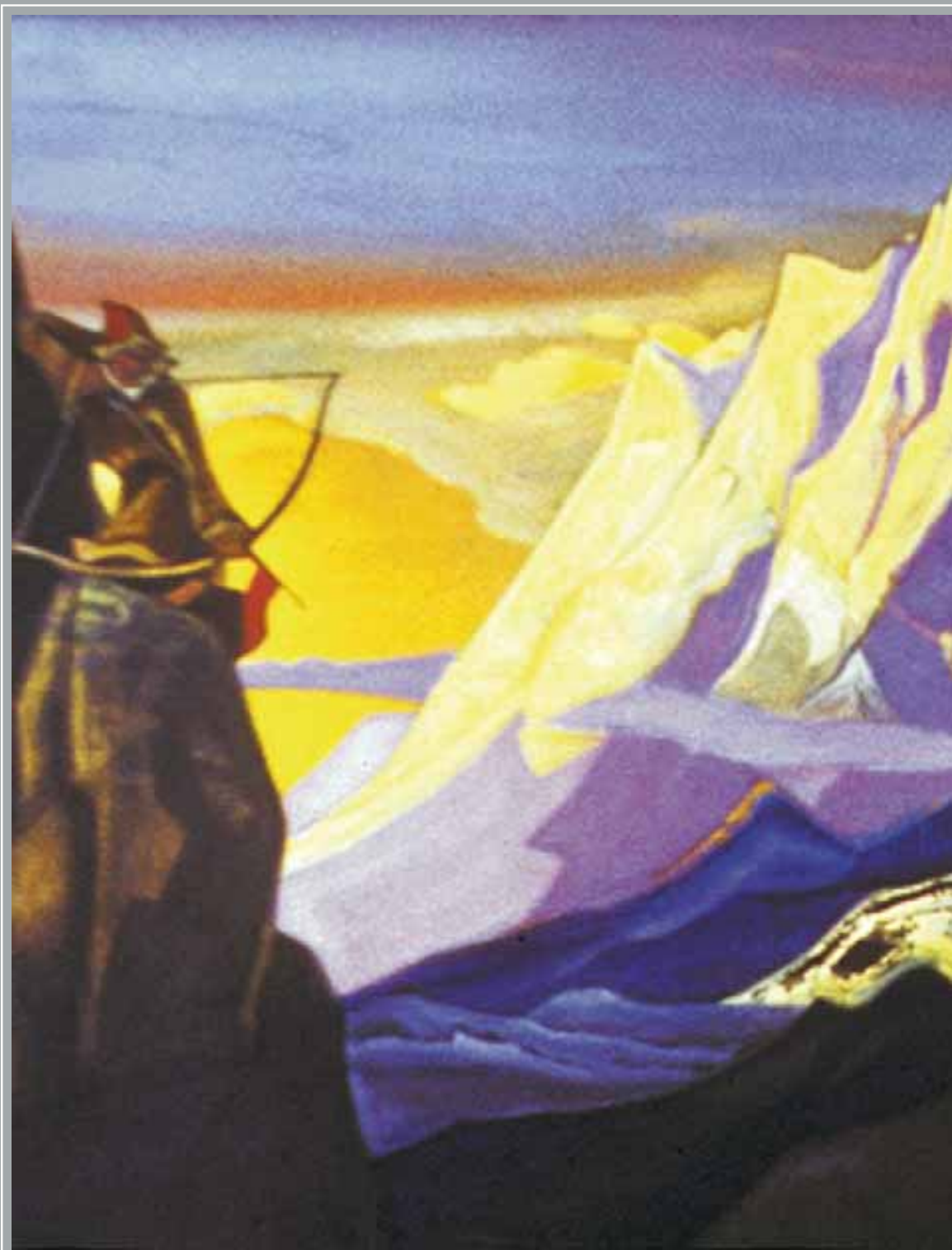
У тебя же, Далай-ламы [Агван] Лобзан Джамцо, думы и мысли чисты и ясны, [твои] благотворные возможности глубоки и обширны, ты [овладел] и созерцанием-сосредоточением и мудростью и практикуешь их, и эмпирический и трансцендентный мир [ты постиг] и преодолел, благодаря этому [ты] можешь распространять буддийское учение, наставлять и поучать непросвещенных, и потому [ты] преобразил [весь] Западный край, а слава [твоя] донеслась до Восточных земель.

Мой покойный батюшка, император Тай-цзун Вэнь-хуан-ди, услышав [о тебе], очень обрадовался и послал специального посла, с тем чтобы пригласить [тебя]. [А так как] ты давно уже постиг небесный промысел, то [это позволило тебе] в году чэнь (1652 г. — *Л.Ш.*) прибыть с визитом.

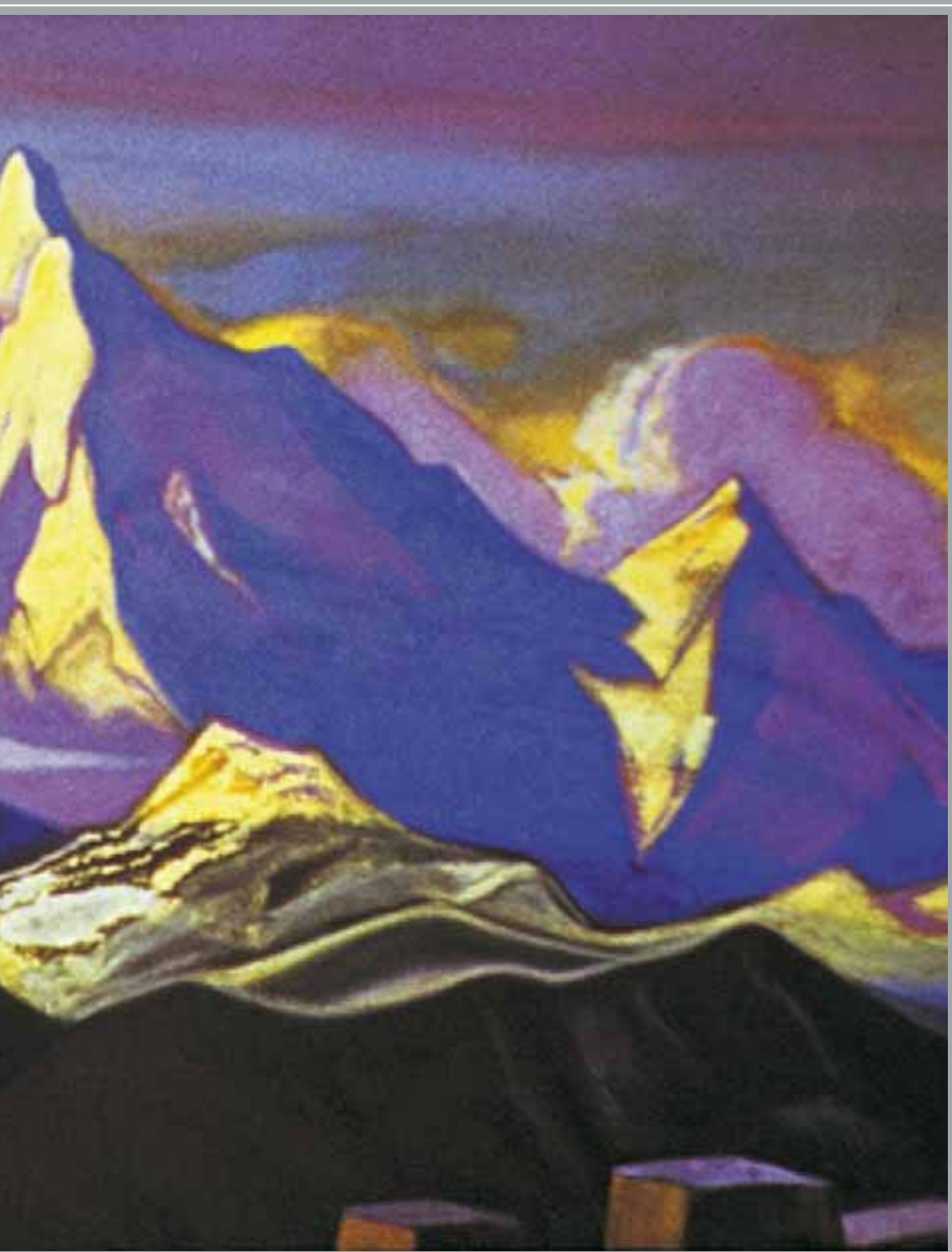
Я, император, получив от божественного Неба мандат и благосклонность, благодетельно управляю [всей] Поднебесной, [и потому ты] действительно вовремя откликнулся на приглашение и приехал. [Ты проявил] знакомство с этикетом и дар спасения речью и молчанием, [ты] достиг сферы полного проникновения в мудрость, раскрыл ворота наделения благосклонностью и состраданием, воистину дороги [твоего] сознания проходят по крутым горам и бурным морям, а дебри созерцания недосыгаемы, как гора [Тайшань] и [созвездие] Ковша.

И я этому очень рад.

¹ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975. С. 89.

Н.К.Рерих. Вестъ Шамбалы. 1933

А потому я жалуя тебе золотой диплом, золотую печать и звание «Наиблагой самосуществующий будда Западного края, управляющий делами буддийского учения во всей Поднебесной, всепроникающий, несущий громовой скипетр, подобный океану лама».

В соответствующую кальпу явиться в мир.

[Чтобы обеспечить] расцвет и процветание

буддийского преображения,

В нужный момент [начать] проповедь учения,

[Чтобы] приносить пользу и помогать всему живому,

Разве это не счастье?»¹²

Император был щедр. Он пожаловал Великому Пятому титул «Будды Западного края». Возможно, он был не так далек от истины. Великий Пятый действительно в своих сочинениях творчески осмыслил и развил доктрину буддизма. Его стихи несли мудрость и знание. «В соответствующую кальпу явиться в мир...» — было чем-то похоже на пророчество, которое подтверждало следующее явление «в соответствующую кальпу», чтобы в «нужный момент начать проповедь учения». Значило ли это, что «нужный момент» возникал не однажды? И еще будет возникать? Император верил в идею перевоплощения. Идея была прочно связана с Далай-ламами.

Великий Пятый во время визита в Китай жил в специальной резиденции около Пекина... В год Маньчжурской экспедиции Николай Константинович посетил это место. По дороге он оказался у небольшой кумирни. Был вечер, горели цветные бумажные фонари. Из дверей кумирни тянуло ароматом благовония. Где-то били барабаны. Стоял февраль, и здесь готовились к встрече Нового года. Холодный ветер дул откуда-то с запада, со стороны Тибетского нагорья. В воздухе кружились редкие снежинки. Когда Рерих вернулся в отель, было уже поздно. Он сел за стол и подвинул к себе чистый лист бумаги. «Много чего вспомнилось, — записывал он. — Вспомнились и давние пути, безнадежно песком занесенные. Вспомнились корни уже не существующих лесов. Вспомнились и потоки подземные, вспомнились многие войска, и походы, и странствия»³.

Великий Пятый умер в 1682 году. Но золотой субурган в Потале в его память был сооружен намного позже. Смерть Великого Пятого скрывали от народа целых пятнадцать лет. На то было немало политических причин. Сама история не оставила нам точных свидетельств о его смерти. «Вспоминается Великий Далай-лама Пятый. Никто не знает о последних годах его жизни. Когда он ушел? Куда он ушел? Как был необычайно скрыт его уход! Тибет — особенный!»⁴

¹ Хроника Великой династии Цин по царствованиям. III, 186—19а.

² Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 118—119.

³ Рерих Николай. Листы дневника. Т. I. С. 185—186.

⁴ Рерих Николай. Врата в Будущее. С. 120.

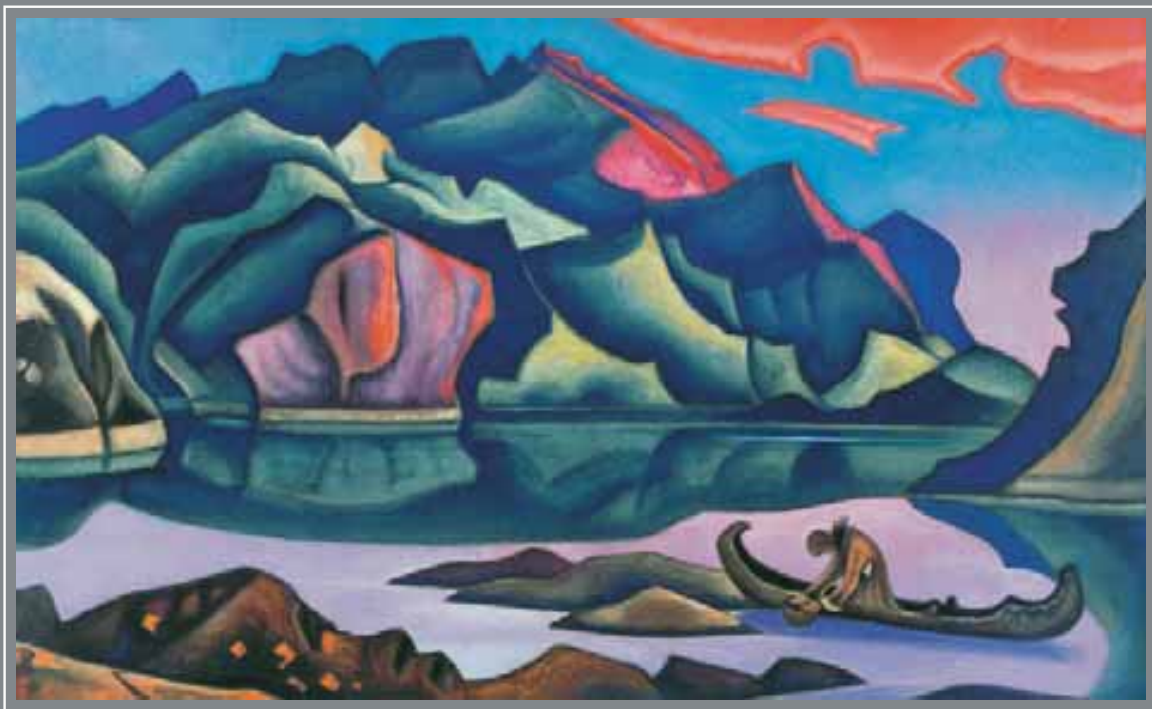
Он упомянул Великого Пятого и в дневнике Центрально-Азиатской экспедиции: «Необычен конец этого Далай-ламы. По одной версии, Далай-лама умер в восьмидесятых годах, и смерть его в течение нескольких лет была скрывается, чтобы дать истечь разным политическим обстоятельствам. По другой версии, Далай-лама добровольно покинул правление и много лет скрывался в уединении в Гималаях»¹.

Уйти незаметно из Поталы было нетрудно. Под дворцом шли тайные подземные ходы, уводившие далеко от Лхасы. Об этих ходах писал Цыбиков, а позже и сам Николай Константинович. «Также указывается, что Потала, дворец Далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности. Конечно, проверить это случайным путешественникам не удалось. По выражению лиц высоких лам ничего не поймете. Иным путем надо искать»². Значит, эти ходы были проложены в далеком прошлом. Имел ли он сам о них точное представление? Он отвечает на этот вопрос в своем знаменитом «Диалоге».

«Лама, есть ли тайные проходы под Поталой? И есть ли подземное озеро под главным храмом?»

¹ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. С. 30.

² Рерих Николай. Пути Благословения. Нью-Йорк, 1994. С. 103.

Н.К.Рерих. Клад захороненный. 1947

Н.К.Рерих. Победители клада. 1938

«Ты знаешь так много, что мне кажется, ты бывал в Лхасе. Я не знаю, когда ты там был. Мало разницы — были ли ты там теперь или в других одеждах. Но если ты видел это подземное озеро, ты должен был быть или очень большим ламой, или слугой, несущим факел. Но в качестве слуги ты не мог бы знать многих вещей, о которых ты мне говорил»¹.

Рерих хотел попасть в Лхасу и вновь вспомнить забытое. Он хотел посетить Поталу и пройти по тем местам, по которым ходил Великий Пятый...

Остальные картины, которые он написал в то время, были вехами, расставленными по летящим вверх виткам его жизни. Вновь откуда-то издалека, из-за снежных гор звучал таинственный «Зов», неодолимый и всесильный, который изменил его жизнь и сделал ее похожей на легенду.

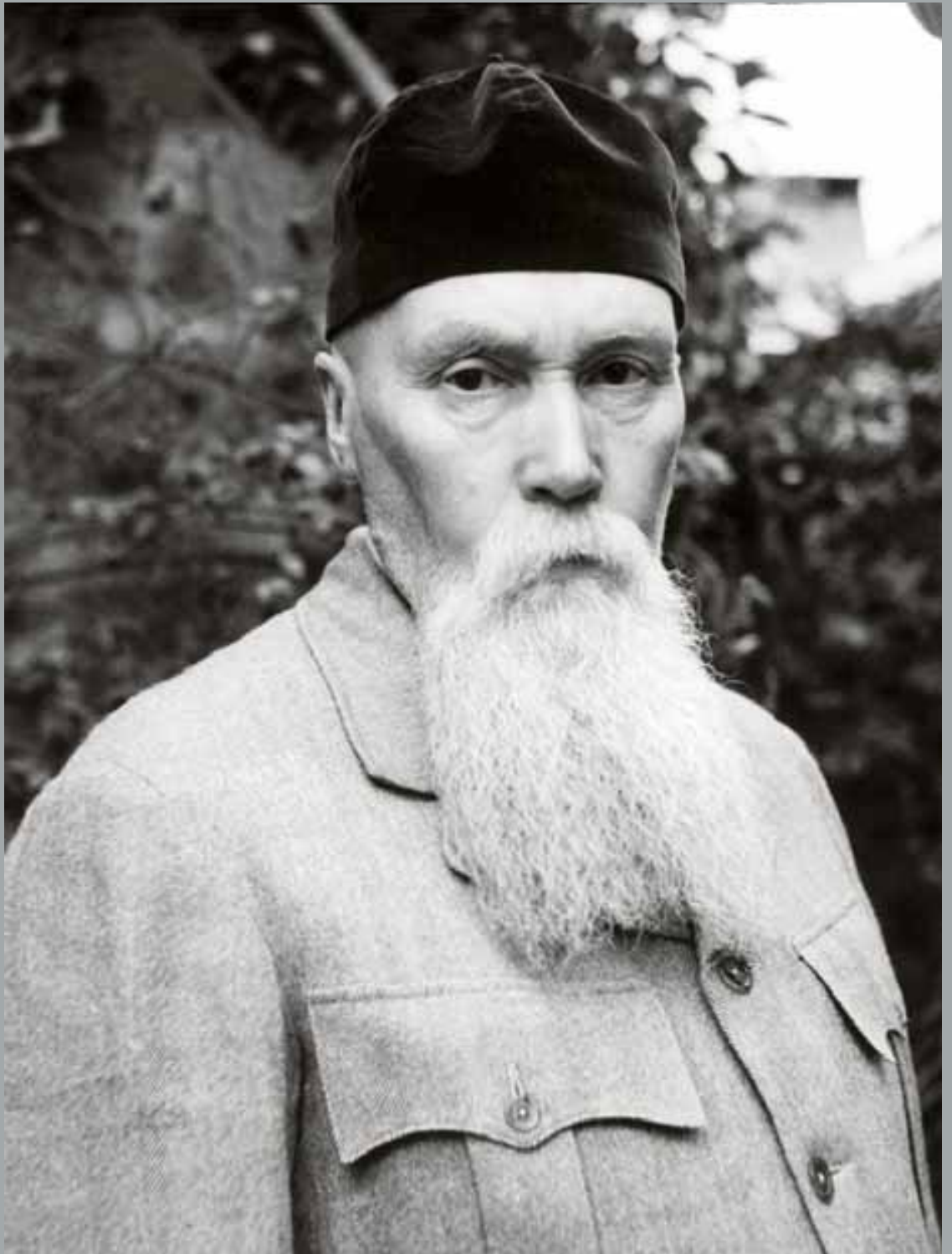
Снова в дверях появился «Вестник». На Вестнике были старинные одежды, свободный конец тюрбана спускался на левое плечо. За ним стояло золотое рассветное небо и синие горы, на которые смотрела женщина, открывшая Вестнику дверь. О чем говорил Вестник? Наверное, о самом важном. О том, что где-то захоронен Клад. Его надо найти и суметь взять. «Кладом захороненным» начиналась когда-то его «Героическая серия», которую он писал еще в Карелии.

¹ Roerich N. Shambhala. P. 20.

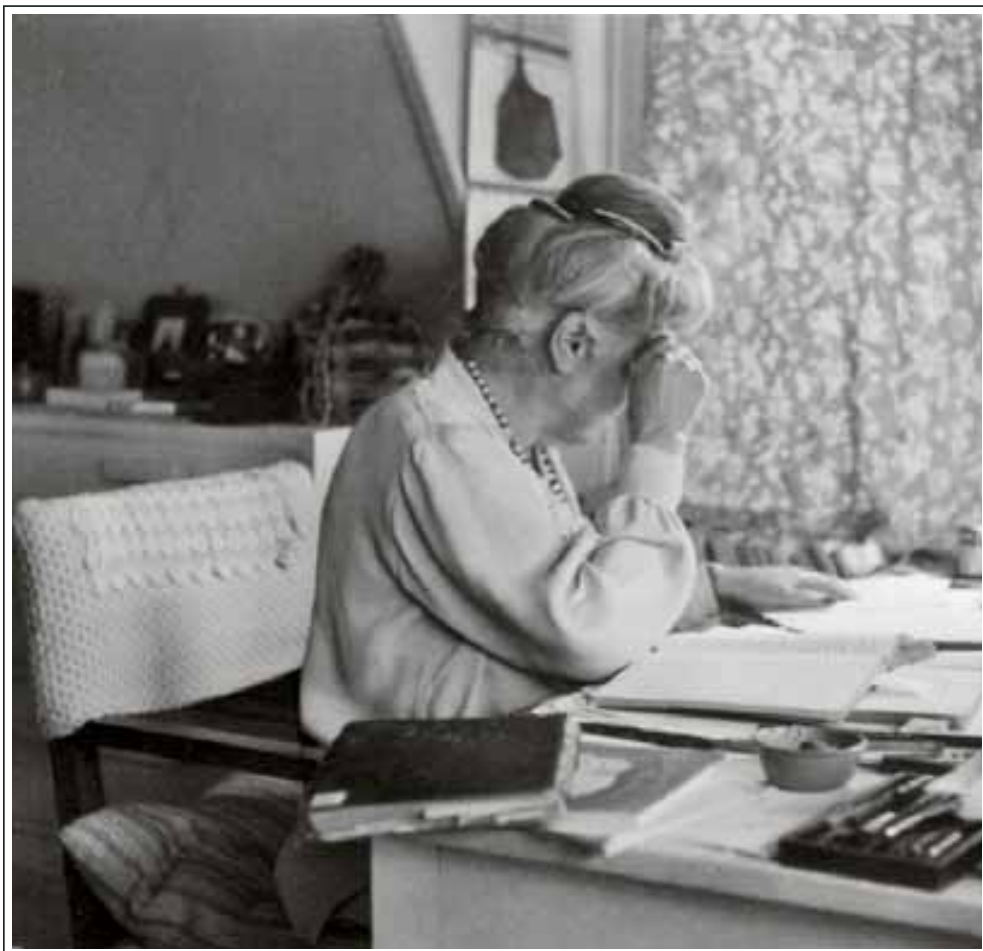

*Н.К.Рерих за работой над картиной «Земля Славянская». [1931]
Слева: Н.К.Рерих. Земля Славянская. 1943*

Николай Константинович Рерих. Куту. 1945

Е.И.Рерих в своем кабинете в Кружети. Калимпонг. 1953—1955

Тогда его кистью водило странное предчувствие этого Клада. Теперь то, что Рерих прозревал тогда, свершилось. По горному озеру на утлой лодке плывет человек. Суровые горы каменными нагромождениями подступают к воде. Сине-зеленые блики играют на отвесных скалах. Над озером горит золотое, пронизанное солнечными лучами облако. Вот сейчас человек опустит в озеро глиняный горшок с сокровищем. И никто не узнает, где захоронен Клад. Никто, кроме тех, для кого этот Клад предназначен. Сколько времени пролежал Клад? Сколько веков протекло до момента, когда четверо вошли в эту странную и таинственную пещеру, освещенную резким ослепительным светом, похожим на отблеск молнии или отсвет полыхающего зарева? «Победители клада» вынесли, сгибаясь под тяжестью ноши, захороненное веками сокровище. Какое сокровище досталось им? Золото или драгоценные камни? Древние бесценные вазы или старинное оружие? Нет. Это было сокровище Духа, спрятанное в пещере теми, кто время

от времени приходил в мир от башен и снежных пиков Заповедной Страны. Подступы к этой стране охраняет «Дева снегов». Стройная и сильная. Готовая в любой момент пустить в ход тугой лук и разящие без промаха стрелы. Он повторяет эту картину опять. И снова «Весть Шамбалы». Лучник, посылающий вниз, в долину, стрелу — Весть от вершин, окрашенных в желто-розовый цвет разгорающейся зари.

Он повторял главные свои картины и собирался на Родину. Клад, добытый с таким трудом, предназначался ей. Рерих сделал все, что задумал. Всю жизнь он стремился на Родину, всю жизнь он думал о ней и тосковал по ней. Теперь, когда все было завершено, он мог вернуться. Он подал прошение о визе и стал собираться в дальний путь. Еще раз повторил картину «Помни!», которую написал первый раз в Сиккиме. Всадник у розовеющих снегов Канченджанги покидал свой дом. «Помни!» — относилось и к тем, кто оставался, и к тому, кто уезжал. «Помни!» — звучали розовые снега Канченджанги. «Помни!» — отзывался в последний раз обернувшийся всадник. «Помни!» — несло эхо в горах. «Помни!» — говорила Индия. «Помни!» — просил всадник, устремляясь вдаль, туда, откуда не возвращаются. «Помни!», «Помни!» — стучали подковы лошади.

«Гималаи, разрешите еще раз послать вам сердечное восхищение. Также, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди»¹. На последнем витке завершался его индийский путь, который начинался прозрением, похожим на сновидение. В 1913 году он писал: «К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепках. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота. Заманчив Великий Индийский путь»².

В 1947 году Рерих создал картину «Огни на Ганге». У темной реки женщина пускала по воде огоньки. В ночном небе горели яркие звезды. Все было так, как он описал тогда, в далеком 1913 году.

Великий индийский путь заканчивался, и начинался путь на Родину. Но виза задерживалась. Ответа не было. Индия входила в завершающий этап своей борьбы за независимость. Он оказался для нее и победным, и трагическим. Англичане после двухсотлетнего господства покидали страну. Но перед тем как предоставить Индии свободу, они разделили ее на два государства по религиозному признаку: на индусское и мусульманское, полагая, что раздел даст им возможность в какой-то степени удерживать контроль над Индостанским полуостровом. Но Британия себя переоценила. Даже раздел не дал ей такой

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 375.

² Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1975. С. 60.

возможности. Она добилась одного: развязала в стране кровавую уособицу между индусами и мусульманами.

Десятки миллионов беженцев, бросая свои дома и земли, устремились из одной части страны в другую. Мусульмане — в Пакистан, индусы — в Индийский союз. Кровавые погромы охватили мирную страну. Мусульмане нападали на индусов. Индусы — на мусульман. Отзвуки индийской трагедии докатились до Гималаев, и в далекой долине Кулу полилась кровь. «Здесь ведь, — писал с болью Николай Константинович, — средневековые религиозные жестокие войны. Почта прервана уже давно. <...> А к довершению нахлынули небывалые ливни. Дороги снесены, и требуются месяцы для починки. Словом, уклад жизни нарушен»¹.

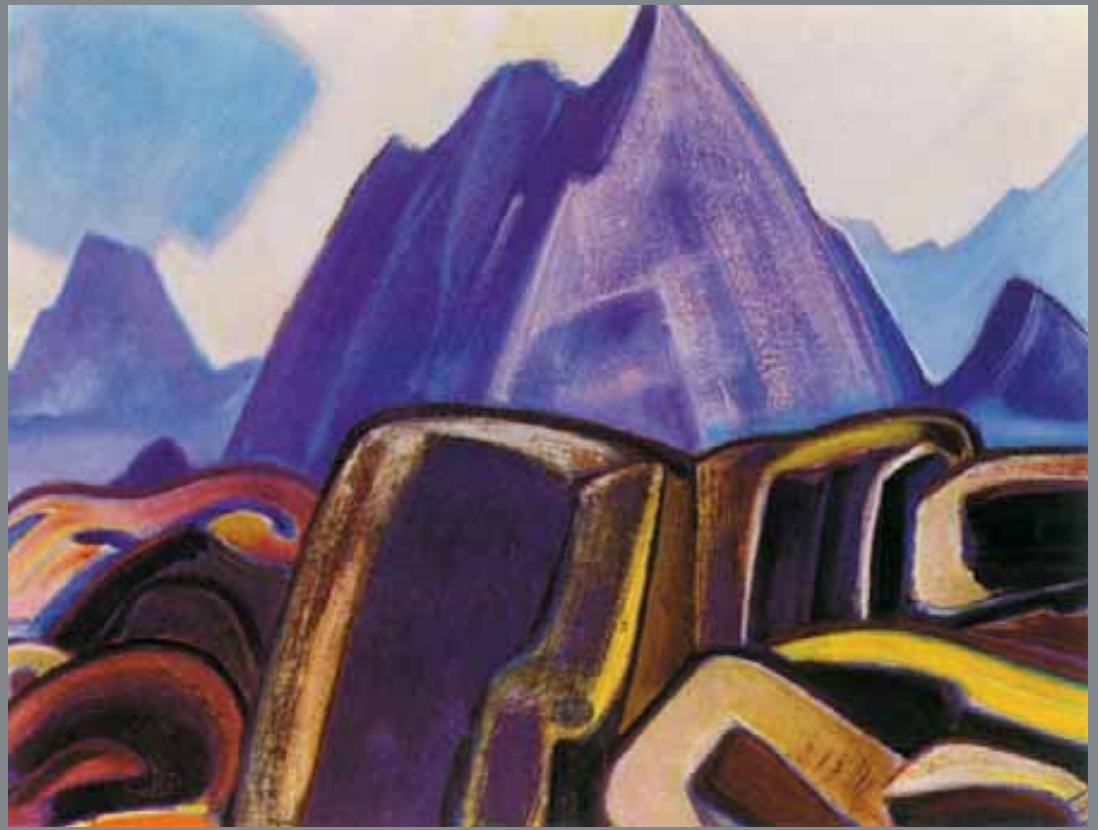
Трупы убитых сбрасывали в Беас. Река вздулась, и вода ее стала красной от крови. Обезумевшие люди метались в поисках безопасного места. Но таких мест не было. Убивали повсюду. Убивали индусов, убивали мусульман. Но ни те ни другие не подняли руку на Рерихов. Их вилла была в то время самым безопасным местом. Однако и туда докатился отзвук кровавых событий. Опьяневший от крови и резни слуга ворвался во двор виллы. Он держал в руках окровавленную голову. По лицу слуги бродила безумная улыбка, глаза были пусты, в них зарождалось слабоумие. Слуга что-то кричал и размахивал отрубленной головой. Его прогнали и засыпали песком пятна крови во дворе. С этого дня на вилле выставляли вооруженный дозор. Юрий Николаевич сам ходил проверять его. Все чаще снизу доносились выстрелы.

Трагедия Индии поразила Рериха в самое сердце. Он слег. Резня продолжалась долго. То стихала, то вновь набирала силу. Наконец процедура раздела была завершена. 15 августа Джавахарлал Неру, первый премьер-министр, поднял над Красным Фортом в Дели флаг независимой Индии. Страна стала свободной, заплатив кровавую цену за эту свободу.

Рерих так и не оправился от всего того, что случилось. Одно время ему показалось, что он вновь обрел силы, чтобы продолжить свое Великое путешествие. Но в то же время понимал, что это ненадолго. 13 декабря 1947 года его не стало. На мольберте осталась незаконченная картина. Она называлась «Завет Учителя» или «Приказ Учителя». Над узким каньоном, стиснутым синими скалами, от снежных сверкающих вершин летел белый орел. Он приближался к человеку, сидящему на уступе темной скалы. Прозвучал «Приказ Учителя», и Великое путешествие завершилось. Не оборвалось, а плавно завершилось.

На склоне горы, чуть пониже виллы, там, где был кремационный костер, поставили камень серого гранита. «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. Ом Рам», — гласила надпись на камне. Камень был повернут на север.

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 144.

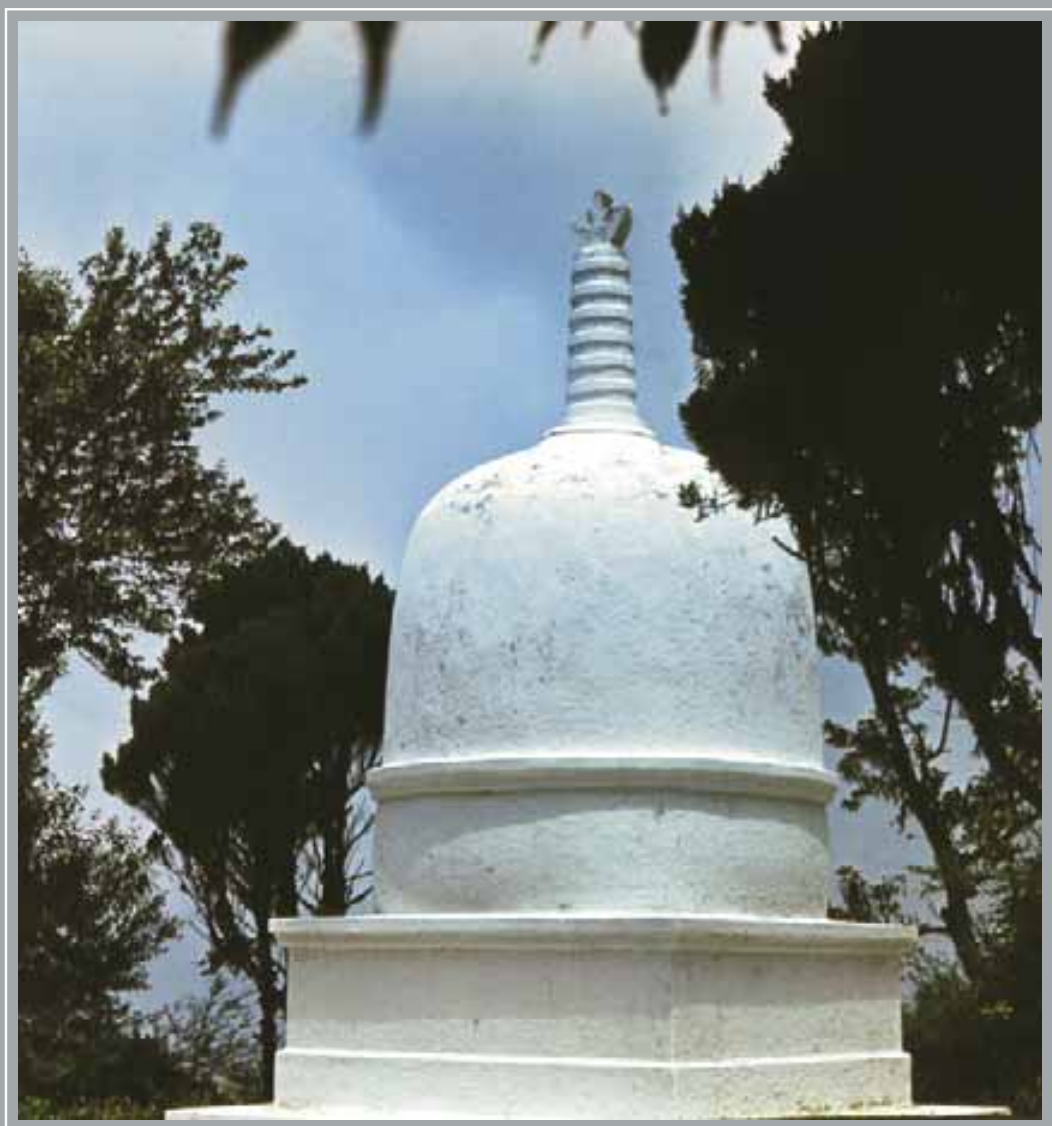

*Вверху: С.Н.Рерих. Кулу, Гималаи
Внизу: С.Н.Рерих. Амарантовое поле. 1938*

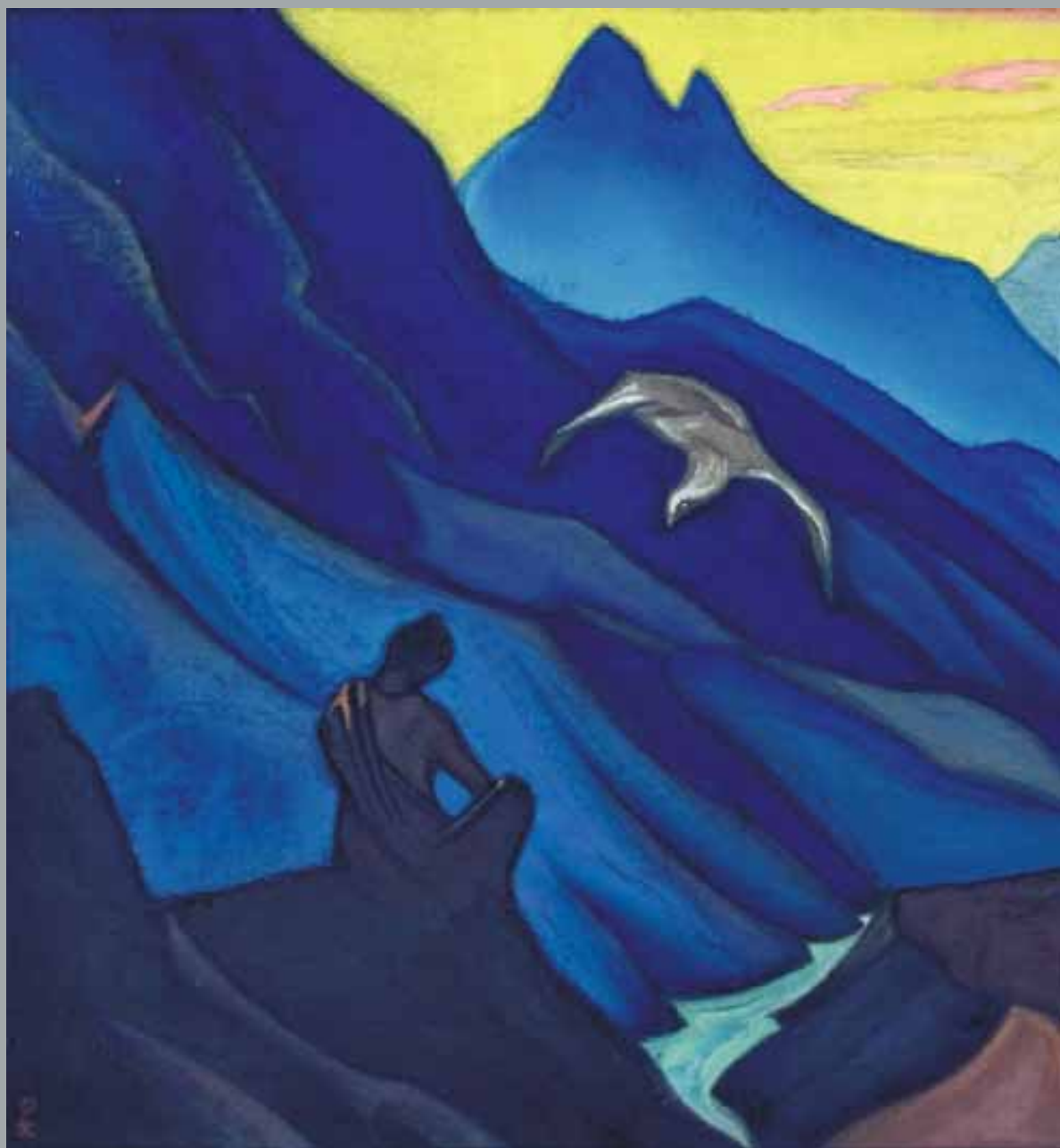

Н.К.Рерих. Замок Тхакура. 1939

*Ступа на месте кремации Е.И.Рерих в Калимпонге
Слева: Камень на месте кремации Н.К.Рериха в Кулу*

Н.К.Рерих. Приказ Учителя. 1947

*Ю.Н. и С.Н. Рерихи на месте кремации Е.И.Рерих. Калимпонг. [1955]
Справа: Н.К.Рерих. Гора М. [1931]*

Туда, где над долиной стояла двуглавая снежная вершина Гепанга. Туда, где за Гималаями начиналась Родина. Он умирал с мыслью о ней. И Завет, который он оставил, был посвящен ей:

«Собственности у меня нет. Картины и авторские права принадлежат Елене Ивановне, Юрию и Святославу. Но вот что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспеяния. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремленность к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придет и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там все идет. Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит. Мы любовью к Родине богаты. Шире дорогу! Идет строитель! Идет народ русский!»¹

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 298.

Елена Ивановна последние свои годы провела в Калимпонге. В 1955 году и ее не стало. «При уходе никто не присутствовал», — писал Святослав Николаевич. Ламы кремировали ее и воздвигли белый субурган. На субургане сделали надпись: «Елена Рерих, жена Николая Рериха, мыслитель и литератор, давний друг Индии».

По склонам холма растут сосны. Когда рассеиваются облака, над холмом встает снежный, сверкающий хребет таинственной Канченджанги. Отсюда, с Восточных Гималаев, тогда, в далекие двадцатые годы, начиналась Центрально-Азиатская экспедиция. Здесь она и закончилась. В апреле 1962 года Святослав Николаевич писал: «После себя Е[лена] И[вановна] оставила столько замечательных манускриптов. Они одни могут напитать целую эпоху»¹.

Юрий Николаевич Рерих осуществил мечту отца. Он вернулся на Родину в 1957 году. Крупный востоковед, он работал в Институте востоковедения Академии наук СССР до своей смерти в 1960 году.

Святослав Николаевич Рерих, один из известных художников Индии, до своего ухода в январе 1993 года постоянно жил в Бангалоре. В летние месяцы он приезжал в долину Кулу, в дом, где осталось все по-прежнему. Та же обстановка, те же картины, тот же Гуга Чохан — покровитель долины, под деодаром, те же французские розы в саду, посаженные когда-то Еленой Ивановной... Только дорога, которая ведет от виллы в центр Наггара, теперь называется Рерих Марг — улицей Рериха.

¹ Рерих С.Н. Письма. М.: МЦР, 2005. Т. II. С. 185.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Теперь, когда мы знаем немало о жизни того, кто вел караван через горы и пустыни Центральной Азии и назывался Мастером, не мешает к этому кое-что добавить. Речь пойдет о мнениях современников. Они очень важны, когда касаются деяний таких великих людей, каким был Николай Константинович Рерих.

В этих высказанных, а иногда и опубликованных мнениях были правда и ложь, восхищение и открытая зависть, искреннее почитание и непримиримая вражда. Казалось, что тропа жизни Мастера, временами хрупкая и ненадежная, как та, что пролегла в год Огненного зайца по далеким болотам Цайдама, шла между стылыми и гибельными скалами, с одной стороны, и теплыми, живительными волнами неведомого моря — с другой. Разница «температур», возможно, и создавала ту удивительную стремительность жизненного продвижения Мастера, а его самого наполняла той спасительной энергией, без которой не может состояться ни одно Великое путешествие.

«...Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения, — писал **Джавахарлал Неру**, первый премьер-министр независимой Индии. — Великий художник, великий учитель и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и, каждая из них — великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном...»

«Его замечательные картины поражают богатством и тонким ощущением цвета и, прежде всего, замечательно передают таинственное величие природы Гималаев. Да и сам он своей внешностью и натурой, казалось, в какой-то степени проникся душой великих гор. Он не был многословен, однако от него исходила сдержанная мощь, которая словно бы заполняла собой все окружающее пространство... Мы также ценим его как связующее звено между Советским Союзом и Индией» (**Индира Ганди**, премьер-министр Индии).

«Ваши картины глубоко взволновали меня. Глядя на них, я понял одну простую вещь, которая как будто бы и совершенно ясна, но которую тем не менее нужно вновь и вновь открывать для себя, а именно то, что Истина — беспредельна... Ваше искусство наделено чертами исключительной самобытности, потому что оно — великое искусство» (**Рабиндранат Тагор**, писатель).

«Никто не может просто поверить, что все это могло случиться в жизни одного человека. Мир обязан принести ему благодарность за его вклад в искусство, археологию, путешествия, философию и науку... Великий Человек, который проникся культурой Гималаев, назывался и почитался как Махариши» (**К.Л.Вайдья**, индийский ученый).

«На фоне мрачного блеска пылающего Запада его могучая фигура поднимается высоко, подобно неподвижному и благожелательному Будде, среди огромного космического катаклизма. Далеко над оглушительным грохотом неистовствующих народов звучит его голос — ясный завет Вечного, голос истины, красоты и культуры... Неутомимый в действии, неукротимый в духе и чистый сердцем, он является новым Галахадом, ищущим священный Грааль!» (**Биресвар Сен**, индийский художник).

«Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава... коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенно красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть и жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география» (**Леонид Андреев**, писатель).

«Обладатель дара прозрения, который дает ему возможность проникать в седую древность, в жизнь наших предков, далеких славянских племен, в древнейшие картины быта народов, населяющих страны Востока» (**Николай Тихонов**, писатель).

«Он поражает нас своей пылкой любовью к Человеку и Человечеству, к его духовному и культурному наследию; он поражает удивительным философским и мудрым содержанием его критериев: разума, любви, мира. Великое бесценно и не имеет прошлого, оно есть сегодня, оно есть всегда, во все времена будущего. И его значимость со временем растет» (**В.Севастьянов**, космонавт).

«Естественно, может возникнуть вопрос: нашел ли он то, что искал? Оправдались ли его ожидания? Да, тысячу раз да! Из своих сокровенных тайников жизнь развернула перед ним трансцендентные

дары, бесконечно обогатив его личную жизнь, расширив кругозор, одарив откровениями и высочайшими соприкосновениями» (С.Н.Рерих, художник).

«Я восхищаюсь искренне Вашим искусством и могу сказать без преувеличения, что никогда еще пейзажи не производили на меня столь глубокого впечатления, как эти картины» (Альберт Эйнштейн).

«Он испытал много опасностей в экспедициях, попадал в сильные морские штормы, неоднократно сталкивался с различными жизненными трудностями, изведаль предательство и злостную клевету. Все это он встречал мужественно и говорил, что любые препятствия при отсутствии страха идут только на пользу, так как обостряют находчивость и открывают перед человеком новые возможности» (В.А.Шибяев, секретарь Н.К.Рериха).

«...Он предстал передо мной с искрящимися синими глазами, благородным челом, излучающим какую-то особую доброжелательную силу; его взгляд был пронизателен, как будто он мог заглянуть глубоко в душу человека и найти ее самую сущность. Он был среднего роста, с клинообразной бородкой. Рядом с ним стояла его жена... настолько красивая, что захватывало дух» (З.Г.Фосдик, сотрудник Музея Николая Рериха в Нью-Йорке).

«Старый профессор был в шерстяном костюме кремового цвета из очень легкой и хорошей материи ручной выделки, в бархатной шапочке гранатового цвета. Он прекрасно выглядел; я никогда не думала, что могу назвать старого господина красавцем. Но в своем мягком шерстяном костюме, в круглой шапочке, с длинной белой бородой он выглядел как какой-то благословенный патриарх. У него было такое ясное и спокойное выражение лица, что его можно было легко посчитать старше своих лет... Если я и не увижу никогда больше Р., то всегда буду чувствовать его влияние» (просто англичанка).

О Мастере в последнее двадцатилетие написано огромное количество статей, книг, выпущены его альбомы и созданы о нем фильмы. В них содержались самые разные его характеристики, часть из них нельзя было отнести к благожелательным. Некоторые представители русской эмиграции, служащие английской разведки и колониальных властей, а также те, кто когда-то предал его, оказались тем источником, которым охотно пользовалась западная пресса. Трудно сказать, чего было больше в таких публикациях — лжи или просто человеческой тупости и зависти.

Он «раздавал знаки отличия своим единомышленникам, как монарх мировой художественной державы, — кресты и звезды разных степеней, с бриллиантовыми знаками включительно... Латыш-колдун и купец-великоросс обернулись в эстет-визионера, тронутого манией величия... Свидетели рассказывали мне о том, как на коленях подползали к нему, восседавшему в облачении тибетского ламы, под благословение» (С.Маковский, критик).

«...Повторяю, что никакой самостоятельной “Центрально-Азиатской экспедиции”... не было: путешествие от Улан-Батора до Тибета и Индии было лишь заключительным этапом большого паломничества, если не по “святым местам”, то по древнему пути первых проповедников буддизма... Если это была “экспедиция археологов и востоковедов”, то, очевидно, должны были бы производиться археологические раскопки или собираться археологический материал, а такого рода работы никак не могли бы ускользнуть от внимания и даже усиленного участия всех членов экспедиции. Ничего подобного во время этой экспедиции не производилось» (П.Портнягин, участник экспедиции).

«Этот человек — тайна. Почти легендарная фигура. Никто не знает, что он богат. Он свободно тратит деньги... Его писания смутны, и из них вытекает его вера в то, что он стоит на пороге знания... К нему, как к царю, трудно приблизиться. Он известен свободным владением грубых диалектов Гималаев» (газета «Стар», США).

«Он способен при первом же разговоре с понравившимся ему человеком вынуть из кармана чудесный рубин или жемчужину и подарить их счастливцу» (газета «Нью-Йорк америкэн», США).

«...Организация не сомневается в том, что (он) является агентом Советов. Оба они, он и его жена, имеют советские паспорта. Он называет себя художником, и большое количество его плохих картин выставлено в какой-то “академии” в Нью-Йорке... Нашел в монастыре, по его заявлению, доказательства того, что Христос был ordinary философом и что он провел в Тибете время от 15 до 32 лет своей жизни. Автор обзора, который сам посетил Тибет, выражал уверенность, что (он) никогда не был в Тибете и что его отчет был полностью выдуман с целью дискредитации христианской веры» (Русская монархическая организация, Париж).

«Был ли его подарок картины красного коня и всадника Монгольскому правительству сделан, чтобы замаскировать свою национальность или доказать Советам, что он является всем сердцем красным?» (Д.Э.Эйч, английский агент, Британская Индия).

«Под предлогом искусства он был в состоянии проникнуть в наиболее недоступные части Азии, и доверие, заслуженное его художественными способностями, обеспечило ему информацию, которую трудно получить... Во время возвращения через Тибет он тратил деньги очень расточительно. Мог ли он везти все эти деньги с собой во время всего путешествия из Индии через Тибет?.. Очевидно, мировые державы никогда не позволят России завоевать Тибет. Но если тибетцы сами примут русского как своего нового вождя, что может помешать России контролировать Тибет через него и окончательно установить контроль над всей Азией?» (миссис Уэйр, жена английского резидента в Сиккиме).

Его «результаты неровны: несколько его картин — великолепны, большинство — хлам. Он, кажется, обретя огромное самомнение, утратил все способности к самокритике» (К.К.Гербетт, главный секретарь правительства Пенджаба, Британская Индия).

«...Доктор... шарлатан первой статьи, чьим главным делом жизни является вытянуть из богатой и легковерной публики Нью-Йорка как можно больше денег» (сэр Эвелин Ховелл, Британская Индия).

Мастер знал об этой «пыли кривотолков и пересудов» и не раз о ней говорил сам. Иногда в его словах была горечь, но чаще скрытая ироническая улыбка. Однако никогда не было ни раздражения, ни озлобления.

«За эти годы мне пришлось побывать, — писал он, — и французским и американским королем, и командиром русского корпуса, и королем всех буддистов. Успел два раза умереть. Успел быть одновременно в Америке, в Москве и Тибете. По словам Бенуа, был закадычным другом Далай-ламы, а по своим запискам — критиком этого правителя. По словам цайдамских монголов, я вел войну с сининским амбанем, а по словам хотанского даотая, привез маленькую пушку, которая в десять минут уничтожит весь Хотан и его сто тысяч жителей».

«В... Лондоне проживает некая В. и архитектор Б., которые одновременно рассказывали, что мы взяли в плен Далай-ламу со всеми его сокровищами. Самого-то Далай-ламу мы в конце концов отпустили, “но все несметные его сокровища оставили при себе”».

«В некой газете я сам читал, что, встречаясь с людьми, мне понравившимися, я пригоршнями вынимаю из кармана бриллианты и рубины и одариваю ими их».

«...В Харбине некая “интеллигентная” особа видела меня ходящим по воде на реке Сунгари — в чем она и клялась».

«...Я будто бы выдаю себя за перевоплощение Преподобного Сергия, состою главой Коминтерна и Фининтерна».

Пожалуй, ни об одном человеке, жившем в нашем веке, не сложилось столько противоречивых мнений, слухов и мифов, как о Мастере. Эти мнения были подчас столь противоположны по своему характеру, что, казалось, речь идет о совершенно разных людях...

Мастер был одной из немногих фигур нашего времени, привлекающих внимание множества людей. Будучи человеком по природе скромным, пытаюсь держаться в тени, он тем не менее не сумел избежать ни пересудов, ни праздного любопытства... Но если учесть то, что было сделано Мастером и кем он был, то можно все это понять. Даже сухое перечисление фактов свидетельствует о нем как о человеке, который среди немногих ему подобных занимал особое место.

За свою жизнь Мастер написал семь тысяч картин. Некоторые утверждают, что больше. Но, видимо, мы никогда не будем знать их точного количества. Двадцать семь томов его сочинений лежат на полках библиотек различных стран мира. Три культурных учреждения

носят имя Мастера, ибо он был их организатором. Его же именем назван и Пакт по охране культурных ценностей во время войны, инициатором которого он являлся. Общества его имени существовали во Франции, США, Латвии, Литве, Китае, Югославии и многих других странах. Он был членом Российской Академии художеств, Югославской Академии наук и искусства, Португальской академии, Реймской академии (Франция), Академии международного института науки и литературы (Италия), Комитета культуры Аргентины, Нагати Прачари Сабха (Индия), Общества по доисторическим исследованиям (Франция), Федерации французских художников, Парижского общества антикваров, Французского этнографического общества, Общества охраны исторических памятников (США), Института Джагадиса Боса (Индия), Бенгальского королевского азиатского общества, Общества восточного искусства (Индия), Русского музея истории и культуры (Чехословакия), Лиги по защите искусства (Франция), Французской ассоциации международных исследований. Думаю, что этот список далеко не полный. Обязанности вице-президента он исполнял в Американском институте археологии, в Обществе Марка Твена, а президента — в Международном буддийском институте (США), в Центре искусства и культуры (Индия), в Лиге культуры (США), в Американорусской культурной ассоциации.

И наконец, Мастер предпринял Центрально-Азиатскую экспедицию, которая являлась главной частью Великого путешествия, продолжавшегося всю его жизнь. Экспедиция была необычной, так же как и сам Мастер, и все то, что он делал. О ней много говорили и немало писали. Мнения подчас расходились. Несомненным остается одно: экспедиция являлась самой крупной в нашем веке. У нее были свои предшественники. У каждого Великого дела есть свои предшественники. Но Мастер превзошел их.

К сожалению, современники не сразу осмыслили то, что он сделал. Они не поняли, что Мастер, нарушив необъяснимым образом временные рамки, сумел пройти из прошлого, через настоящее, в будущее и подарить современникам и их потомкам целый мир, сказочный и в то же время реальный, мир земной красоты и высоких озарений. Мир планетарный и космический прочно связал и Мастера, и его Караван, прошедший через XX столетие, с веками предшествующими и теми, которые еще не наступили. Эта связь оказалась настолько прочной, что было ясно — Караван вместе с экспедиционным грузом нес на себе Великое бремя Космической эволюции человечества. Но об этом сюжете расскажут уже другие книги...

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ИМЕН И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Агарты — легендарный народ, живущий в подземном царстве справедливости Агарты.

Азар см. Махатма.

Аибек — горный козел.

Акинак — скифский кинжал.

Аланы — народность, принадлежащая к поздней ветви евразийских кочевников. Современные осетины являются их потомками.

Амбань (кит.) — уездный начальник или наместник в Западном Китае.

Арагал (аргал) — сухой навоз или кизяк, употребляемый как топливо.

Ариаварта (санскр.) — «Страна Ариев». Древнее название Северной Индии.

Арханг (санскр.) — «достойный», от палийского «арахант» — «заслуживающий». В буддизме — человек, достигший высшей земной ступени совершенства и закончивший путь перевоплощений.

Ашрам (санскр.) — обитель, в которой находится духовный учитель.

Аюрведа (санскр.) — часть священных книг индуистов, содержащая знания по медицине.

Беловодье — легендарная страна счастья и процветания. Сказания о ней были особенно распространены среди староверов Алтая.

Белый Бурхан — в алтайской культурной традиции будущий Будда века мира и справедливости. Соответствует Майтрейе.

Богдогеген — глава ламаистской церкви в Монголии.

Бодхисаттва (санскр.) — «тот, чья сущность знание», потенциальный Будда.

Бон-по (тибет.) — добуддийская система верований в Тибете, так называемая «черная вера». Бон-по во многих своих чертах соответствует широко распространенному в древнем мире шаманизму, включающему поклонение силам и объектам природы.

«Бхагавад Гита» (санскр.) — буквально «Песнь божества», философская поэма, входящая в шестую книгу древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

Габала — ритуальная чаша из человеческих черепов.

Гелугпа (тибет.) — «Желтые шапки», наивысшая буддийская секта в Тибете, основанная философом и мудрецом Цзон-ка-па (XV в.).

Гесэр-хан — герой центрально-азиатского эпоса «Гесэр», «Гесэриада», «Сказание о Гесэре» и т.д. Древнейшее ядро эпоса сложилось в северо-восточном Тибете на основе мифов о культурном герое, ниспосланном небом, чтобы очистить землю от чудовищ.

Гопи (санскр.) — мифические пастушки, подруги бога Кришны, согласно традиции индуизма.

Готы — группа древнегерманских племен, жившая в начале нашей эры.

Грааль — согласно культурно-исторической традиции, Чаша, в которую была собрана кровь Христа из раны, нанесенной копьем легионера. Символ чистой и высокой цели.

Гуан-инь (кит.) — «Матерь Милосердия», высшее женское божество у буддистов Китая.

Гур — прорицатель в долине Кулу и некоторых других районах Западных Гималаев.

Гуру (санскр.) — духовный учитель.

Далай-лама (тибет.) — духовный и светский глава Тибета.

Даотай (кит.) — губернатор.

Дарды — народности индо-иранской языковой группы, живущие в Северной Индии, Пакистане и Афганистане.

Джайны (санскр.) — последователи индийской религии, одним из основных положений которой является непричинение вреда живым существам.

Дзамба (дзампа) (тибет.) — еда, приготовленная из поджаренной ячменной муки, смешанной с подслащенной водой, а иногда и со сливочным маслом. Отличается высокой калорийностью.

Дзонг (тибет.) — укрепленное место, крепость в Тибете.

Дин-и-плахи — философско-этическая система, созданная императором Акбаром и ставшая государственной идеологией во время его правления.

Дордже (тибет.) — «молния», священный ритуальный предмет у буддистов.

Друиды — кельтские жрецы-священные.

Дуккар — женское божество буддийского пантеона, покровительница человечества.

Дурбар (перс.) — совет знати или прием у монарха.

Дюрандаль — меч Роланда, героя западноевропейского эпоса.

Жальник — древнее погребение.

«*Звериный стиль*» — стиль, возникший в искусстве ранних кочевников евразийских пространств, использовавших анималистические сюжеты для декоративных целей.

Зигфрид (Сигурд) — герой германского и скандинавского эпосов, подвиги которого воспеты в Эдде (Старшей и Младшей), а также в «Песне о Нибелунгах».

Зороастрийцы — последователи доисламской религии Ирана, названной по имени пророка Зороастра (Заратустры). Культ огня в этой религии играл основополагающую роль.

Калачакра (санскр.) — «Колесо жизни» — духовное учение, тесно связанное, согласно буддийской традиции, с понятием Шамбалы и добуддийской философией Тибета. Основные идеи учения: единство макрокосма и микрокосма, Вселенной и человека; взаимосвязь энергетики человека с внешним миром и способность человека, совершенствуя себя, улучшать этот мир.

Калки Аватар (санскр.) — «Аватар на Белом Коне», грядущий, десятый Аватар Вишну. По сути своей соответствует понятию мессии или Майтреи у буддистов.

Кальпа (санскр.) — период мирового цикла в 4 320 000 000 лет.

Канджур (Ганджур) — собрание священных текстов буддистов Тибета, состоящее из 108 томов.

Керексуры — мегалитические сооружения, отмечавшие места погребения.

Кецалькоатль (мекс.) — «змей, покрытый зелеными перьями». Одно из главных божеств древних народов Центральной Америки. Выступает как бог-творец, создатель культуры, владыка стихий, бог Утренней звезды (Венера), покровитель жречества и науки, правитель столицы тольтеков — Толлана.

Конунг — у скандинавских народов в средние века — военный вождь, с образованием государств в Швеции, Норвегии, Дании — король.

Кошма — подстилка из овечьей шерсти.

Красношапочная секта (дугпа) — тибетская секта, постепенно выродившаяся после всеобщей реформы буддизма в XIV веке. Последние несколько столетий слово «дугпа» является синонимом колдуна и адепта черной магии.

Кромлехи — мегалитические сооружения эпохи неолита и бронзового века в виде круговой ограды.

Кутхумпа (тибет.) — буквально «люди (ученики) Кут-Хуми». Синоним учеников Махатмы.

Ламаизм — религия, возникшая в Центральной Азии в результате смешения буддизма с местными поверьями.

Лха (тибет.) — божество в Тибете.

Лхамо (тибет.) — добуддийское божество, вошедшее в ламаистский пантеон Тибета и канонизированное как богиня-мать в ее устрашающей ипостаси. Лхамо обычно изображают едущей на муле.

Майтрейя (санскр.) — грядущий Будда.

Маланы — народность, обитающая в горах по соседству с долиной Кулу и говорящая на языке мон-кхерской группы.

Малахай — одежда.

Манихеи — последователи духовного учения Мани, жившего в III в. в Иране. Его учение было связано как с рядом христианских идей, так и с положениями зороастризма. Манихейство было широко распространено на Ближнем Востоке и продержалось там вплоть до средневековья.

Ману (санскр.) — первый индийский законодатель, Божественное Существо, являющееся прародителем человечества.

Махакала (санскр.) — «Великий Черный»: устрашающее божество, относящееся к группе хранителей буддийской веры (дхармапала). Является покровителем и защитником Сиккима.

Махатма (санскр.) — «Великая Душа». Человек, достигший высокого уровня духовного развития и по своим знаниям и способностям находящийся на качественно другой ступени космической эволюции.

Мегалиты — культовые сооружения 3—2 тыс. до н.э. из огромных необработанных или полуобработанных каменных глыб.

Медресе — мусульманские школы, готовящие мулл и государственных служащих.

Мейстерзингеры — немецкие поэты-певцы XIV—XVI вв.

Менгиры — культовые и мемориальные сооружения из вертикальных камней эпохи энеолита и бронзового века.

Миларепа — буддийский поэт и мудрец (1040—1123).

Нагарджуна — крупный буддийский философ и реформатор, основатель буддийской школы Махаяны (II в. н.э.).

Главное его сочинение, в котором содержатся новые подходы к ряду традиционных положений буддизма, называется «Нагарджуна-шастра», или «Сутра Нагарджуны».

Наги (санскр.) — в индуистской и буддийской мифологиях божественные существа, полузмеи-полулюди. Их изображали с капюшонами кобр над головами. Они считались мудрецами и магами, способными менять свой внешний вид.

Несториане — христианская секта, основанная в V в. константинопольским патриархом Несторием. Секта подвергалась гонению в христианских странах, но широко была распространена в Азии, вплоть до Китая.

Нибелунги — в германских и скандинавских мифах — обладатели волшебного золотого клада.

Обо — пирамидки, сложенные из необработанных камней. Функциональное назначение различно, от святилища до дорожной вехи. Обо часто встречаются на горных перевалах.

Пагода — буддийское мемориальное сооружение, имеющее вид павильона или башни (часто многоярусной).

Падма Самбхава — «Возникший из Лотоса», духовный Учитель, распространявший буддизм в Тибете и основавший красношапочную секту. Был великим магом, и мифологическая традиция повествует о борьбе Падма Самбхавы с местными божествами и демонами, которых Учитель превращал в хранителей буддизма.

Паланкин — носилки в форме кресла или лежа, укрепленные на двух длинных шестах.

Панчен-лама (тибет.) — второе лицо после Далай-ламы в ламаистской церкви Тибета.

Перак — головной убор ладакхских женщин, расшитый бирюзой.

Перен — цельнокроеная верхняя одежда мужчин в Кашмире.

Петроглифы — наскальные изображения.

Портшез — легкое переносное кресло.

Потала — дворец Далай-ламы.

Пранам — индусское приветствие со сложенными руками.

Рага — традиционное музыкальное произведение в Индии.

Рака — саркофаг для мощей святого.

Ригден-Джапо (тибет.) — Владыка Шамбалы.

Рикша — повозка, в которую впрягается пеший или велосипедист.

Риши (санскр.) — адепты, мудрецы.

Розенкрейцеры — члены закрытого ордена, основанного Христианом Розенкрейцем в XVI в.

Романеск — романский стиль архитектуры.

Садху — бродячий святой или аскет.

Сарматы — объединение кочевых скотоводческих племен, живших в VI—IV вв. до н.э. на территории от реки Тобол до Волги.

Сензар — древний язык посвященных, используемый в ашрамах Шамбалы.

Субурган (ступа или чортен) — памятник, имеющий погребальное, мемориальное или символическое значение в буддийских районах Индии и Центральной Азии.

Суфии — последователи суфизма — мистического течения в исламе.

Тамга — печать.

Тамплиеры — члены духовно-католического рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме ок. 1118 г.

Танджур (Данчжур) — собрание священных буддийских текстов. 225 томов Танджура содержат сутры, комментарии, грамматики и другие сочинения.

Танка — буддийская икона, писанная по ткани.

Таши-лама (тибет.) см. Панчен-лама.

Теософское общество — организация, основанная в 1875 г. в Нью-Йорке Е.П.Блаватской. Ее основными целями были провозглашены: установление братства человечества без различия рас, вероисповедания и социального положения; изучение эзотерической философии Востока и древних мировых религий; изучение скрытых божественных сил в человеке.

Тонга — повозка, запряженная лошадейю.

Торгоуты — группа западно-монгольских племен, кочевавших в Джунгарии.

Трипурасундарам — трехликая богиня-мать в древних храмах долины Кулу.

Упанишады (санскр.) — религиозно-философская часть Вед, священных книг индуистов.

Фибула — старинная металлическая застежка для одежды.

Хор-па — народность, обитающая в районе Хора (Тибет).

Хурал — собрание народных представителей в Монголии.

Чепрак — суконная, коровая или меховая подстилка под конское седло.

Шамбала — в центрально-азиатской Махаяне имеет двойное значение: символическое, или олицетворение достижения высокого совершенства, века истины и победы над злом, и конкретное: тайная страна, место пребывания общины духовных Учителей, Держателей и Хранителей Мира.

Шива (санскр.) — «благой», «приносящий счастье». Один из триады верховных богов индуистского пантеона, олицетворяющий созидательные и разрушительные силы мироздания.

Ши-цзы (кит.) — мифическое существо в китайской традиции.

Шхеры — небольшие скалистые острова около берегов северных морей и озер.

Эрдени Мори — в буддийской мифологии — белый конь, несущий на своем седле чудесный Камень, называемый «Сокровище Мира».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ОР — Отдел рукописей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва

МЦР — Международный Центр Рерихов, Москва

СПб. — Санкт-Петербург

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

КАРТИНЫ Н.К.РЕРИХА

- Fiат Rех. Триптих 396
- Агни Йога 431
- Аджанта 422—423
- Александр Невский 555
- Ангел Последний 108—109
- Ангел Последний 564—565
- Армагеддон 544—545
- Армагеддон 548—549
- Архангел 117
- Атлант 217
- Афиша выставки Н.К.Рериха
в Нью-Йорке 164
- Баян 49
- Богатыри проснулись 555
- Богдо-Ула (Вход в Ургу) 254
- Богдо-Ула (Подступы к Урге) 255
- Будда и его ученики 238
- Будда Победитель 403
- В монастыре 64
- Великая стена Китая 515
- Великий Всадник 257
- Вестник 107
- Вестник 173
- Вестник от Гималаев 552
- Весть Тирону 552
- Весть Шамбалы 576—577
- Весть Шамбалы 578
- Весть Шамбалы 588—589
- Вечное ожидание 152—153
- Владыки нездешние 119
- Властитель ночи 151
- Воин 65
- Воины с луком 60—61
- Гесэр-хан 556—557
- Гибель Атлантиды 322—323
- Гималаи (Горные знаки) 326
- Гималаи (Закатные краски) 495
- Гималаи (Зовущая песнь
вершин) 279
- Гималаи (Монастырь
на горной вершине) 243
- Гималаи (Снежный замок) 567
- Гималаи (Солнечная вершина) 567
- Гималаи (Творчество света) 242
- Гималаи. Розовые горы 320
- Гималаи 239, 307, 327, 363, 440
- Голубиная книга 114—115
- Гомпа 280—281
- Гонец 42
- Гора М. 607
- Град обреченный 107
- Гуга Чохан 447
- Дева снегов 388
- Девита (Гора богов) 453
- Держательница Мира 398
- Дозор Гималаев 212
- Дордже Дерзнувший 346—347
- Дружина Гесэр-хана 350
- Жанна д'Арк. Триптих 532
- Жемчуг исканий 208—209
- Жилища Тибета 277
- Закат. Шатровая гора 470—471
- Заклинатель 50—51
- Замок Ладака 232
- Замок Тхакура 601
- Заморские гости 44—45
- Зарево 110—111

- Звезда Матери Мира 407
 Звезда утра 312—313
 Звездочет 59
 Земля Славянская 594
 Змий Древний (Рождение мистерий) 325
 Знаки Христа 407
 Знамя грядущего 425
 Знамя Мира «Рах Cultura» 542
 И мы видим 70—71
 Иноземные гости 56
 Испытание Христа 411
 Исса и голова великанова 408—409
 Каракиргизы 247
 Клад захороненный 591
 Книга Голубиная 112
 Ковка меча (Нибелунги) 338
 Колдун 52—53
 Комната Садко 64
 Кончак и девушки 67
 Конь счастья 240—241
 Кришна. Весна в Кулу 448—449
 Ладак 234
 Ладак. Ле. Королевский дворец 237
 Ладак (Монастырь Ламаюра) 229
 Легенда о Шамбале 380—381
 Леденец 62—63
 Лхаса 585
 Мадонна Орифламма 539
 Майтрейя 358—359
 Майтрейя Победитель 428—429
 Матерь Мира 222
 Матерь Мира 538
 Мехески — лунный народ 126
 Меч Гесэр-хана 316—317
 Молодой Лама 236
 Монастырь Ламаюра 228
 Монастырь Шаруген 302
 Монголия (Поход Чингис-хана) 260—261
 Монголия 262
 Монголия 511
 Монголия. Юрты 506—507
 Нагарджуна — победитель Змея 308—309
 Небесный бой 104—105
 Неведомый певец 170—171
 Нижний Новгород. Кремлевская стена 76—77
 Огни на Ганге 129
 Оттуда 389
 Отшельник 54
 Партизаны 570
 Песнь водопада 168
 Песнь о Шамбале. Танг-ла 374—375
 Песнь утра 169
 Пленница 55
 Победители клада 592—593
 Половецкие воины с луком 66
 Половецкий воин с саблей 67
 Пречистый град — врагам озлобление 121
 Приданое китайской принцессы Вэнь-Чень 399
 Приказ Ригден-Джапо 366
 Приказ Учителя 604—605
 Путь в Шамбалу 371
 Путь на Кайлас 354—355
 Путь на Тибет 268—269
 Пылающее сердце 143
 Розовая вершина 337
 Ростов Великий. Церковь Спаса на Сенях 73
 Святогор 551
 Святой Сергей Радонежский 78
 Свято-Сергиева часовня на путях в Гималаи 81
 Святые пещеры 370
 Священный дар 221
 Сергиева пустынь 86—87
 Сергей Строитель 572—573
 Сиссу. Лахул 454—455
 Скалы и утесы 145
 Скалы и утесы 157
 Скалы Ладака 235
 Скалы Лахула (Знаки Гесэра) 495
 Скрытое сокровище 148—149

Слепой 562
Снегурочка 58
Снежные пики 311
Сожжение тьмы 390—391
Сокровище Ангелов 117
Сокровище гор 384
Сосуд нерасплесканный 400—401
София Премудрость 528—529
Спешащий 223
Страж пустыни 330—331
Ступа. Ладак 403
Ступы в Ташидинге 210—211
Суздаль. Стены Спасо-Евфимиева
монастыря 74—75
Танг-ла 373
Тень Учителя 435
Тибет. Горящая вершина 311
Тибетский стан 276
Тибетский стан
(Чантанг. Тибет) 279
Три меча. Рисунки на камне 492
Три меча 492
Утренние снега 337
Храм Трипурасундарам 445
Хранитель входа 392
Христос 405
Цайдам. Монголия 266
Царица небесная 69
Цветы Тимура 558
Чинтамани 218—219
Чудь подземная 342—343
Шекар-Дзонг 287
Юэн-Канг 514
Язык птиц 172
Ярослав Мудрый 553

КАРТИНЫ С.Н.РЕРИХА

Амарантовое поле 600
Гималаи 452
Кулу. Гималаи 600
Наггар 440
Портрет Е.И.Рерих 483
Портрет Н.К.Рериха 437
Портрет Н.К.Рериха 175

ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Д.Г.Левицкий. Екатерина II —
законодательница 19
Ж.М.Натье. Царь Петр I 15
В.А.Серов. Портрет Е.И.Рерих 120
Учитель Мория 199
Аджанта. Стенопись 188
Голова Будды 201
Граф Сен-Жермен. Гравюра 17
Далай-лама V и китайский
император 585
Император Акбар
на ловле слонов 179
Статуя нимфы 189

КАРТЫ

Маршрут Центрально-Азиатской
экспедиции 225
Маршрут экспедиции Н.К.Рериха
1934—1935 гг. 501

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. В ГОД ОГНЕННОГО ЗАЙЦА.....	6
------------------------------------	---

Часть первая. ВЕХИ

Глава первая. ГОРОД.....	12
Глава вторая. НАЧАЛО	28
Глава третья. ПРОШЛОЕ	39
Глава четвертая. СНЫ	90
Глава пятая. ЗОВУЩИЙ.....	122
Глава шестая. ОСТРОВ	130
Глава седьмая. ВЕСТЬ	158

Часть вторая. МЕЧ МУЖЕСТВА

Глава первая. ЭПИЧЕСКИЕ УЗОРЫ.....	176
Глава вторая. СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ	198
Глава третья. БОЛЬШИЕ РЕШЕНИЯ	224
Глава четвертая. БЕЗОБРАЗНЫЕ НАСЛОЕНИЯ.....	288
Глава пятая. ВДОХНОВЕННЫЙ ИЕРОГЛИФ	303
Глава шестая. УСТРЕМЛЕНИЯ И НАДЕЖДЫ	321
Глава седьмая. «ПОМИМО ИСТОРИКОВ»	364

Часть третья. ДОЗОР

Глава первая. КУЛУТА.....	438
Глава вторая. «ЛЮБОПЫТНОЕ ДЕЛО»	459
Глава третья. УРУСВАТИ	482
Глава четвертая. ЗНАМЯ МИРА	526
Глава пятая. ВЕСТЬ ТИРОНУ	543
Глава шестая. ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ	563
Глава седьмая. ЗАВЕТ УЧИТЕЛЯ	579

Вместо эпилога	608
Словарь имен, терминов и мифологических понятий	614
Список иллюстраций.....	619

*Людмила Васильевна
Шапошникова*

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

**Книга первая
МАСТЕР**

Оформление и макет
Л.В.Шапошникова, В.К.Завадовская
Цветные фотографии *Л.В.Шапошниковой*

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*
Главный редактор *Т.О.Книжник*
Редакторы *Н.Н.Снитко, И.С.Жарова*
Корректор *Л.П.Сидоренко*
Фотографы *А.В.Клюев, М.Н.Иванов*
Компьютерная верстка *В.С.Аникина*
Сканирование, ретушь, цветокоррекция *В.С.Аникина, А.В.Титов*

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага мел. 115 г/м²
Гарнитура ScoolBookC. Печ. л. 39. Заказ №
Международный Центр Рерихов
119019, Москва, Малый Знаменский пер., д. 3/5
ООО «Полиграф-Эра»
Типография ОАО «Внешторгиздат»
125576, Москва, Илимская ул., д. 7

ISBN 5-86988-164-1

9 785869 881649

«Николай Константинович всегда ставил искусство жизни выше всякого другого искусства. Он был не только великим художником. Он был прежде всего великим художником жизни. Вся его собственная жизнь свидетельствует о том, каким огромным было то полотно, на котором он писал замечательную картину своей жизни! Ее яркие краски он черпал в самом себе, в изучении и знании всевозможных систем философии и в достижениях Востока. Я бы сказал, что Николай Константинович был олицетворением достижений многих людей, собранных воедино. И трудно иногда представить себе, чтобы один человек сделал столько, сколько он сделал! <...> Он все время работал. Каждое мгновение его жизни было созидательно».

С.Н.Перих